

А. ЛУХТАНОВ В. ЛУХТАНОВ

ОХОТНИКИ ЗА БАБОЧКАМИ

А. Лухтанов В. Лухтанов

ОХОТНИКИ ЗА БАБОЧКАМИ

Алматы • 2012

УДК 821.161.1(574)

ББК 84 Рус 7-44

Л86

Л86

А. Лухтанов. В. Лухтанов

«Охотники за бабочками». Путешествия, приключения. Алматы. 2012, - 180 с.
(фото авторов).

ISBN 978-601-7053-23-9

Бабочки – удивительные создания природы, прекрасные и загадочные существа, подобно цветам и птицам, украшающие наши горы, поля и леса. Они восхищают нас изяществом полета и многообразием форм и расцветок. Доставляя всем радость и эстетическое наслаждение, для ученых они объекты изучения, а для многих любителей предметы коллекционирования. С целью изучения бабочек авторы в течение многих лет совершали экспедиции по разным уголкам бывшего Советского. Здесь рассказано об удивительных приключениях в путешествиях по горам Тянь-Шаня, Памира, Алтая в Казахстане, Киргизии, Таджикистане, Узбекистане, Туркмении и России.

Книга рассчитана на массового читателя и в первую очередь на любителей путешествий и природы.

УДК 821.161.1(574)

ББК 84 Рус 7-44

ISBN 978-601-7053-23-9

© А. Лухтанов В. Лухтанов, 2012

Предисловие с лирическими отступлениями

*...И умру я не в летней беседке
от обжорства
и от жары,
а с небесною бабочкой в сетке
на вершине дикой горы.*

Н.Гумилев

Бабочки... Трудно найти более изящное и нежное создание природы. Какое богатство красок и разнообразие форм, вызывающих изумление и восхищение! Поэт А.Майков назвал бабочек порхающими цветами, и это вполне допустимо, хотя бабочки существа одушевленные и несравненно более изысканны и хрупки. Очарованные красотой разноцветных мотыльков ученые давали им и соответствующие наименования. В их названиях присутствует едва ли не вся греческая мифология с ее богами, героями и фантастическими чудовищами. Бабочками увлекались многие видные деятели истории, науки и культуры, а это дает право называть коллекционирование булавоусых чешуекрылых, как называют ученые дневных бабочек, занятием аристократов.

Страстным любителем бабочек, до 1941 года собравшим богатую коллекцию, был болгарский царь Борис. С увлечением занимались собиранием прелестных насекомых физиолог И.Павлов и генетик С.Четвериков, английский премьер Н.Чемберлен и революционер-марксист Н.Бухарин. Нравнодушным к бабочкам был и наш известный пушкинист Н.Раевский. Однако надо признать, что русская литература не баловала своим вниманием порхающих тезок греческих богов. Уже упомянутый А.Майков, А.Фет, И.Бунин – вот, пожалуй, круг известных классиков-поэтов, отразивших в своем творчестве «цветов летучих рой». Но есть два литератора, любви к бабочкам которых наш поэт – современник Е.Курдаков придал особое значение, написав четверостишие:

*Два русских века выделены знаково
На тусклом фоне времени жестокого.
Один – дневною бабочкой Аксакова,
Другой – полночным бражником Набокова.*

Как не похожи они друг на друга, два этих классика! Впрочем, так же, как и два века – XIX и XX. Аксаков – эмоциональный дилетант-любитель, Набоков – ностальгирующий сноб, эрудированный на профессиональном уровне энтомолог, жестко критиковавший первого. Однако оба одинаково восторженно отзывались о своем увлечении.

*«Быстро, но горячо прошла по душе моей
страсть – иначе я не могу назвать ее – ловить и
собирать бабочек», – на склоне лет с грустью вспоми-
нал С.Аксаков.*

*«И высшее для меня наслаждение ... это наудачу
выбранный пейзаж... словом, любой уголок земли,*

*где я могу быть в обществе бабочек и кормовых их
растений. Вот это блаженство, и за блаженством
этим есть нечто, не совсем поддающееся опреде-
лению. Это вроде какой-то мгновенной физической
пустоты, куда устремляется, чтобы заполнить ее,
все, что я люблю в мире», – читаем ностальгические
излияния души у В.Набокова. Всю жизнь страдая по
утраченному раю, эмигрант В.Набоков, как сладким
сном грезил воспоминаниями детства. И каждый раз
при этом звучит тема бабочек:*

*В канаве скрылся снег со склонов,
И петербургская весна
Волнения и анемонов
И первых бабочек полна.
Но мне не надо прошлогодних,
Увядших за зиму ванесс,
Лимонниц никуда не годных,
Летящих сквозь прозрачный лес.
Зато уж высмотрю четыре
Прелестных газовых крыла
Нежнейшей пяденицы в мире
Средь пятен белого ствола.*

Особую роль в изучении бабочек России и прилегающих стран сыграл Великий князь Николай Михайлович Романов, приходившийся внуком царю Николаю I. Отвергнув традиционную для членов царской семьи военную службу, он стал гражданским гуманитарием, увлекшимся историей и особенно лепидоптерологией – отраслью биологии, занимающейся изучением бабочек. Имея деньги и необходимые условия, Романов создал целую службу со штатом таких же преданных этому делу людей. Мало кто знает, что становление Г.Е.Грумм-Гржимайло как ученого и путешественника произошло благодаря его еще юношескому увлечению насекомыми, и прежде всего бабочками. Свои первые путешествия по Памиру он совершил еще будучи студентом Петербургского университета по предложению Н.М.Романова и на его деньги. Именно его работы послужили началом издаваемых князем роскошных «Лепидоптерологических мемуаров», до сих пор являющихся образцами полиграфического искусства.

У Романова были и другие сотрудники – Г.Христоф, С.Алфераки, Г.Сиверс, внесшие большой вклад в русскую энтомологию.

Неразгаданными легендами у современных любителей бабочек остались коллектор Э.Эверсманна

Павел Романов, по сборам которого описано много азиатских бабочек и профессиональный ловец бабочек из Сарепты (пригород Царицина) Е.Рюкбайль.

Можно сказать, что интерес к бабочкам является как бы мерилем культуры и благосостояния нации. В этом смысле XIX век для России был благоприятным, по крайней мере, была сделана перепись большинства видов чешуекрылых. Затем был длительный застой. В Советском Союзе не уделялось внимания областям науки, не имеющим практического применения. Подготовленная к изданию еще в царское время рукопись с полным описанием дневных чешуекрылых России и прилегающих стран после революции была утеряна, а вернее выброшена за «ненадобностью».

Долгое время энтомологи Союза (и любители тоже) пользовались определителями и атласами бабочек, изданными еще в XIX веке, то есть чуть ли не теми же, что и Аксаков (далеко не полными и дошедших до нашего времени в мизерном числе экземпляров). Если самые обычные европейские бабочки все-таки были известны, то редкие и эндемичные, особенно азиатские виды, были знакомы лишь узкому кругу специалистов.

Следует упомянуть, что в странах Европы интерес к бабочкам всегда был высок. Достаточно сказать, что даже в маленьких городках Германии имеются энтомологические клубы, объединяющие любителей, и издаются свои журналы. У нас в бывшем Союзе с середины 80-х годов прошлого столетия в центральных городах тоже резко возросло число энтомологов, как любителей, так и профессионалов. В последние два десятилетия сделаны новые открытия в этой области, описаны десятки неизвестных ранее видов.

Сейчас дневные бабочки в пределах бывшего СССР изучены довольно хорошо (хотя каждый год открываются новые виды). Появилась и возможность издания книг по чешуекрылым, и первой такой ласточкой явилась вышедшая в 1994 году книга «Дневные бабочки Северо-Западной Азии», куда вошли и все булавоусые чешуекрылые Казахстана, Урала, Западной Сибири и Алтая, с их ареалами. Вначале авторы (В.Лухтанов и А.Лухтанов) предполагали напечатать ее в Советском Союзе, однако отказ из-за отсутствия денег в издательстве вынудил их обратиться в Германию, где книга вышла на немецком и английском языках. (Жаль, что в момент выхода этой книги почти никто из профессионалов и любителей не мог приобрести ее из-за отсутствия в то время у граждан страны валюты, и капитальный труд поныне остается малоизвестным в республиках бывшего Союза). Несколько позже появилось довольно много изданий по бабочкам разных регионов России и других стран СНГ.

Для чего ловят бабочек? Бабочки – часть природы. А знать ее надо, как знать обо всех диких животных нас окружающих и обитающих на земле. Ведь человек и сам вышел из живой природы и принадлежит ей. Познавая жизнь животных, мы разгадываем тайны жизни вообще, а это не может быть безразличным для нас, людей. Ведь в тайнах жизни разгад-

ки болезней, в том числе и человека, продолжительность и качество жизни. Это задачи для ученых. А есть еще и любители коллекционеры, собирающие бабочек, чтобы любоваться их красотой. Собирая коллекции, они же, любители помогают ученым в изучении многообразия бабочек, их образа жизни, поведения и т.д.

Бабочки окружают нас всюду; даже в больших городах можно увидеть порхающих мотыльков в скверах и цветниках. В поле же, на опушке леса или на лугу в летнюю пору их бывает множество, и кто из нас в детстве не бегал, пытаясь поймать стремительно пролетающую бабочку! В моем детстве – это белянки, желтушки, краснушки, тянущиеся по заросшим дикими травами алмаатинским улицам 1940-х годов. Признаюсь, кроме изумления и радости они вызывали во мне страсть охотника, и я гонялся за ними, сшибая восхищавших меня порхающих неженочек пучком карагачевых веток. Желая сохранить, я засушивал их между страницами книги, а о том, как правильно собирать и хранить бабочек, представления вовсе не имел.

Для моего сына Володи в 1970-х годах они уже крапивницы, махаоны, перламутровки пандоры и тополевы ленточники – предмет любования, затем коллекционирования, а в итоге, в 1980-х и позже объект научных изысканий.

Наше с сыном увлечение бабочками началось более сорока лет назад. Регулярно выбираясь на природу, в 1965 -1970-х годах, мы блуждали по дебрям Казахстанского Алтая: по лесам поймы реки Бухтармы, а чаще в долине Хамира – ее притока, чередуя эти прогулки (или экскурсии) с вылазками на степные и каменистые берега Бухтарминского водохранилища или выезжали подальше – на озеро Зайсан с его пустыней и причудливыми эоловыми отложениями разноцветных глин. Для жителей Европы эти места – настоящая экзотика, для нас тогда это были ближайшие окрестности городка Зыряновска, где мы жили. Раз в год на допотопной «Победе» отправлялись в далекую Алма-Ату, где, карабкаясь по скалам или утопая в песках, любовались и созерцали красоты предгорий Тянь-Шаня (горы Чулаки, Алтын-Эмель, Турайгыр, Богуты и т.д.) или пытались подкрадываться к осторожным и чутким диким зверям и птицам. Моей страстью тогда была фотоохота, и Володя помогал мне в этом увлечении.

Переломный момент (для Володи) наступил в 1971 году, когда мы заочно, по почте познакомились с московским коллекционером-любителем бабочек Н.Н.Шилковым (фамилия изменена). Тогда Шилков попросил собирать для него наших местных бабочек. Выполняя его просьбу, Володя и сам заинтересовался миром чешуекрылых (так по-научному называются бабочки), и чем дальше, тем серьезней познавал их мир. Он учился правильно их собирать и хранить, пытался определять виды. Но, увы! В советское время книг о бабочках не издавалось, а имевшийся у нас определитель насекомых содержал не более 50 видов.

В поездке по Южному Алтаю в Восточном Казахстане в 1972 году в пустынной местности перед поселком Курчум близ озера Зайсан нам встретились

множество белых бабочек. Аполлоны! Мы узнали их по характерным рубиновым глазкам, однако определить вид сами не могли.

Назвав пойманных незнакомок парнассиусами Феба, Володя запаковал сборки в коробочку и посылкой отправил Шилкову в Москву. Ответ не заставил нас ждать.

Вот он:

«Дорогой Володя!

Огромное спасибо за посылку! Меня совершенно сразили собранные вами аполлоны – вид аполлона, которого в ваших краях никто еще не ловил. Из-за них я совершенно потерял покой, и теперь у меня только одна мысль: не отправиться ли мне за ними самому».

Кончалось письмо страстным призывом: *«В пампасы, в пампасы, в пампасы!»*

По имевшимся тогда данным ареал (область распространения) этих парнассиусов не заходил так далеко на север. Наше маленькое открытие было бы более значительным, если бы не один малоизвестный факт. В 1920-е годы учитель из Омска, некто Соколов, совершая со школьниками путешествие на пароходе по Иртышу, высадился в Тополевом Мысу на южном берегу Зайсана. И здесь, рядом с причалом, они увидели тех самых белых бабочек, оказавшихся аполлоныусами.

Соколов расширил ареал аполлоныуса с юга на север от Джунгарского Алатау до Тарбагатай (хребет Монрак), мы же продвинули его еще дальше до южных предгорий Алтая.

Сам Шилков был эстет и в душе художник. По профессии архитектор, он неплохо рисовал, имел прекрасную библиотеку редких старинных книг по зоологии. В его квартире сразу бросались в глаза необычно яркие картины, как оказалось, сделанные из... крыльев бабочек. Мозаичные пейзажи, цветастые, яркие, блистающие. Но сколько же для этого нужно крылышек, сколько надо погубить бабочек! Конечно, я сказал об этом хозяину. Николай Николаевич мягко улыбнулся:

- Пожалуй, я с вами согласен, и это у меня был только эксперимент. Конечно, с точки зрения морали это безнравственно, даже кощунственно ради одной картинки убивать столько прелестных мотыльков. Сознаюсь, не удержался, очень уж благородный, изумительный материал для художника. Но ведь подумайте, сколько живет бабочка? Месяц, от силы два. Сразу после рождения пары соединяются, самочка откладывает яйца, и на этом ее миссия заканчивается. Потом она быстро умирает. Вы, наверное, видели крылышки бабочек, валяющиеся на земле? Это все, что от нее остается через пару месяцев после появления на свет.

- Да, бывает, - признался я. - Не только на земле, например, в паутине, где бабочку поймал и высосал паук.

Я не высказал свое несогласие художнику, хотя всегда считал, что творения рук самого искусного человека всегда уступают произведениям природы. И не лучше ли любоваться живой бабочкой на поле

среди цветов, чем мертвой, служащей деталью мозаичного панно. К тому же, как всякое живое существо, бабочка должна прожить отведенный ей срок. Кто знает, может, и она радуется жизни? Во всяком случае, этот осознаешь, когда видишь ее порхающей в солнечных лучах.

Но я немного отвлекся, поэтому продолжу нашу историю. Последствием тех давних наших путешествий было то, что Володя поступил на биологический факультет университета, решив стать энтомологом. Продолжая историю наших увлечений бабочками, скажу, что если для меня (отца) они были лишь предметом любования, то для сына Владимира вскоре они стали объектом изучения и целью всей жизни. После окончания университета он специализировался как ученый-лепидоптеролог (лепидоптерология – раздел энтомологии, изучающий бабочек). Дополнительной школой путешествий и научной работы для него явились поездки на Кавказ. В 1976-1983 годы он пешком прошел сотни километров по горам и долинам Армении, Грузии, Азербайджана, изучая местных бабочек. Потом были Тянь-Шань, Алтай, Памир, Казахстан, Турция и Иран.

По мере своих возможностей с 1980-х годов в сборах сына помогал и я. В 1990 году я вышел на пенсию, и с этого года стали возможны более длительные совместные поездки. На автобусах, пешком, потом на стареньком «Жигуленке», позже на «Ниве» мы объездили практически всю Среднюю Азию, Алтай и большую часть Казахстана. Сыном открыты и описаны десятки новых видов и подвидов дневных бабочек, уточнены и дополнены ареалы. Я же был шофером, поваром и коллектором. Кроме дневных бабочек, по сборам из наших поездок коллегами-энтомологами были описаны многие новые виды ночных бабочек, жуков и других насекомых.

Что касается собранной нами коллекции, то она распределилась по разным музеям мира. Испытывая материальные трудности, Петербургский (тогда еще Ленинградский) университет, где работал сын, не мог финансировать наши длительные и дальние экспедиции, поэтому пришлось прибегать к помощи и спонсированию зарубежных музеев, куда и вошло значительное количество собранного нами материала. Это музей У. Эйчбергера (в настоящее время эта коллекция находится во Флоридском центре по изучению бабочек) и Мюнхенский в Германии, музей Лейденский в Нидерландах и Гарвардский в США. Личная коллекция Владимира используется им в работе, а со временем будет передана в крупнейший зоологический музей России – ЗИН в Санкт-Петербурге.

Конечно, немного жаль, что не все собранное нами осталось в России. С другой стороны наука интернациональна, эти сборки попали в лучшие хранилища Земного шара, где им будет обеспечен хороший уход, и они доступны для изучения специалистам всего мира. И они уже активно изучаются и обрабатываются.

Возможно, кто-то, прочитав эту книгу, возмутится: опять охота, отлов, пропаганда

коллекционирования. Дело в том, что отлов отдельных особей насекомых за редким исключением не влияет на сохранность популяции в целом. Насекомые плодовиты, и природа их такова, что заранее запрограммирована гибель большинства из нового потомства. И даже, напротив, чтобы разработать меры охраны, надо их переписать, узнать ареалы, условия обитания и пр. Совсем другое дело – нарушение среды обитания. Хозяйственная деятельность человека, пожары, сенокосы, выпас скота – все это губительно для бабочек. К слову сказать, в многочисленных издающихся сейчас Красные книги разных регионов бабочки в большинстве своем включены без всякого на то основания и без консультаций со специалистами. В охране нуждаются не те виды, что ярки и бросаются в глаза, а те, что обитают на ограниченной территории, так называемые узкие эндемики. Например, для Казахстана это в первую очередь индерская голубянка, монгольская сенница, александор и, возможно, желтушка Ершова, живущая у нас на границе своего ареала, и другие.

Благодаря работам исследователей-энтузиастов в настоящее время фауна дневных бабочек Центральной Азии изучена довольно детально, разработаны системы многих групп чешуекрылых.

Для меня сын до сих пор остался Володей, хотя он давно Владимир Александрович, доктор биологических наук. Работает в Санкт-Петербургском университете и Зоологическом институте РАН, занимаясь молекулярно-генетическими исследованиями бабочек, сотрудничает с Гарвардским университетом и Флоридским центром изучения бабочек в США.

В своей привязанности и любви к бабочкам сын далеко не одинок. Сотни любителей-энтомологов из России, Украины и Прибалтики ежегодно отправляются в самые отдаленные уголки бывшего Союза, а сейчас, когда поездки в страны СНГ стали дороги и затруднительны, и в любые страны мира. Их никто не обязывает ехать, им не нужно отчитываться (разве что перед женой за истраченные деньги). Они едут по своей воле, терпят невзгоды в пути, подвергают себя опасностям ради добычи драгоценных экземпляров для своей коллекции. Никакого вреда бабочкам от коллекционеров нет, зато польза для науки большая. Ведь любой любитель в какой-то степени и исследователь, и каждый из них вносит свой вклад в перепись видов и в уточнение их ареалов. Достаточно сказать, что за рубежом давно поняли пользу от любителей, и сейчас во всех зарубежных странах инвентаризацией бабочек занимаются в основном любители.

Лет 20 с лишним назад в печати (например, в «Комсомольской правде») поднимался вопрос о так называемых рвачах-бабочниках, якобы гребущих большие деньги за выловленных бабочек. Да, охотники за бабочками, в том числе и продающие их, были и есть. Но большинство их, если и зарабатывают деньги, то вовсе не такие большие, как кажется ленивым завистникам и, как правило, лишь частично компенсирующие затраты на далекие путешествия. Пополнение коллекций музеев и зоологических институтов держится на энтузиазме не только профессионалов, но и любителей, которые с риском для жизни отправляются за желанными порхающими раритетами в любые уголки мира.

Аполлон – бог солнца и красоты

Кто бывал летом в горах, мог видеть крупных белых бабочек, неторопливо порхающих над травянистыми склонами. Если присмотреться, на крылышках можно заметить ярко-красные пятна-глазки. Этим и отличается знаменитый аполлоны (его правильно называть парнассиус аполло, что означает «красавец, живущий на горе богов») от очень похожих на них банальных боярышниц, время от времени (в засушливые годы) размножающихся в очень большом количестве.

Необычно нарядная бабочка, будто девушка в белоснежном платье с красной оборочкой, легким порхающим полетом беззаботного мотылька реет, то огибая кусты и скалы, то спускаясь к самой траве, будто высматривая что-то на земле или приглядываясь, куда бы присесть. Она то трепещет крыльями, ускоряя свой полет, то, сложив их, спускается, планируя как бумажный голубок. Так проходит жизнь почти любой бабочки. Вылупившись из куколки, уже через несколько часов самцы принимаются искать себе подруг, самок, чтобы, соединившись, продолжить свой род. Самки же, сидя на любимых цветах (для аполлона это заячья капуста, молодило, на котором живут их гусеницы), ожидают своих кавалеров, изредка лишь давая о себе знать трепыханием божественных крылышек. Если стоять неподвижно, бабочка может подлететь совсем близко, и тогда слышно, как шуршат ее сухие, полупрозрачные крылья, трущиеся о брюшко, мохнатое, иссохшее, как тельце древнего, обомшелого старичка.

Аполлоны, названные так за свою красоту, едва ли не самые популярные бабочки. За ними гоняются коллекционеры всего мира. Но если говорить о коммерческой ценности, то ошибается тот, кто думает, что на них можно хорошо заработать. Предложение, как правило, превышает спрос, а отсюда и цены таковы, что не оправдывают проезд откуда-нибудь из Европы до горных дебрей на Алтае или в Средней Азии. Правда, в Таджикистане и Киргизии есть очень редкие и дорогие аполлоны, но добраться до них не просто.

Надо иметь в виду, что во всем мире аполлоны (а их есть десятки видов) взяты под охрану и занесены в Красные книги. В ряде мест, а особенно в Европе, это совершенно оправданная мера. Там эти бабочки, за исключением разве что горных районов Альп, – большая редкость, а во многих местах они и вообще исчезли. То же и в Европейской части России. Конечно, в таких условиях запрещен не только их отлов, но и транспортировка. В ряде стран мира (например, в Праге) проводятся ежегодные ярмарки бабочек, однако за провоз «краснокнижника» через границу, кроме штрафа, могут навсегда лишиться права въезда в страну.

Но если где-то аполлоны редки или находятся на грани исчезновения, то можно сказать, что Азия их родной дом. Это замечаешь, когда, проехав Европейскую Россию с запада на восток, в районе Южного

Урал вдруг замечаешь порхающего парнассиуса. А на Алтае, Тянь-Шане, да и во многих других азиатских горных цепях это уже обычная бабочка. В «урожайные» годы в отдельных местах Алтая, особенно в предгорьях, аполлоны размножаются в таком количестве, что порхающие белые мотыльки над склонами гор кажутся снежной метелью. В таких случаях запреты на их лов кажутся абсурдом. Другое дело – пожары, так называемые весенние «палы», специально устраиваемые местными жителями, при которых огонь подчистую уничтожает все вместе с отложенными бабочками яйчками, и лишь островки нестorerшей растительности не дают погибнуть всей популяции. Тогда нужны десятки лет, чтобы восстановилась прежняя численность.

Несколько лет назад мы с сыном возили по Восточно-Казахстанской области знакомого немца из Германии. За перевалом Бурхат по дороге из Катон-Карагая на озеро Маркаколь, летало такое множество аполлонов, что мой Михаэль пришел в экстаз.

– Если я скажу об этом в Германии, никто мне не поверит, – говорил он, – меня сочтут великим лгуном. У нас увидеть одну такую бабочку считается счастьем.

Про аполлониуса я уже упоминал. Сто лет назад он считался редкой бабочкой. Вот что писал С.Алфераки – большой специалист и знаток бабочек, в 1879 году совершивший путешествие в Западный Китай:

«Не успели мы проехать и сотни метров, как заметили летевших по сторонам белых бабочек. Слезть с лошади и поймать одну из них было делом нескольких мгновений. Но какова была моя радость, когда я узнал в этой бабочке самого редкого представителя рода парнассиусов знаменитого аполлониуса, до сих пор найденного лишь в одном экземпляре экспедицией Федченко».

Интересно, что особенностью этого вида, живущего обычно в засушливых, каменистых горах, является то, что изредка (раз в десять – пятнадцать лет) он размножается в большом количестве и тогда разлетается по окружающим горы пустынным равнинам. Это в свое время удивило и Алфераки.

Про аполлонов (а правильнее парнассиусов) следует сказать, что кроме обычного аполло и аполлониуса есть много других видов парнассиусов. Большинство из них встречается в горах Центральной Азии. Алтай и Тянь-Шань для них настоящий рай. Будто заиндевшие от мороза, белоснежные порхающие цветы соревнуются в красоте с живописными пейзажами гор и сверкающими лентами водопадов и рек.

Есть у нас и парнассиусы более скромного облика – без украшений в виде красных пятен. Один из них – аполлон Штуббendorфа бабочка скорее северная, живет в Сибири, другой – мнемозина – на западе и юге, в Европе и в горах Тянь-Шаня. На внешний вид обе бабочки почти не отличаются от простушки боярышницы, зато как летают! Они порхают торжественно и величаво, будто танцуют в воздухе.

Мнемозина и аполлон Штуббendorфа распространены очень широко. Но есть и такие виды, что обитают на ограниченной территории, их называют

эндемиками. На Центральном Тянь-Шане это парнассиус локсиус, на Памире – автократор, а на Алтае – клариус, или ариадна, имеющий два названия из-за того, что его открывали и описывали дважды.

А еще высоко в горах Алтая можно встретить единственного лимонно-желтого аполлона – парусника Эверсманна.

Все аполлоны отличаются большой изменчивостью даже в пределах одного вида: есть крупнее, есть помельче. Но мало кто знает, что самый большой в мире парнассиус живет на Алтае. Это обычный парнассиус аполло, но какой: размах его крыльев достигает 8-9 сантиметров! Недавно его выделили в отдельный подвид, парнассиус аполло региус, что значит аполлон королевский, а я до сих пор жалею, что Володя не назвал его «царь», как я предлагал. Есть еще один аполлон самодержец – автократор. Но история его настолько удивительна, что о нем стоит рассказать отдельно, что и будет сделано чуть дальше.

Подснежные бабочки.

По-сибирски сурова зима в предгорьях Алтая. В марте снег лежит метровыми сугробами, а морозы по ночам достигают 30 градусов. В ночной тиши гулко трещит лед на реке, мрачно ухает филин-пугач, негромкими глухими криками ему вторят мохноногие сычи.

Это время, когда громкими трелями барабанят дятлы, синицы вызывают колокольцами, а у березовых колков слышится нетерпеливое бормотание тетеревов.

Крепкий ночной морозец схватывает подмякший снег ледяными оковами, и тогда по утреннему насту-чарыму хоть ходи, хоть бегай, как по гладкому паркету.

Утром под ярким солнцем снег блестит, как сахаренная вата, но к полудню он размякает, набухая влагой, и вот чудо: над белыми сверкающими полями трепетным огоньком мелькает красное пятнышко. Крапивница!

Осенним желтым лепестком промчалась светлая, совсем выцветшая лимонница. Это значит, что прогрелась кора деревьев, перезимовавшие бабочки проснулись и вылетели из своих потайных убежищ: щелей, дупел, громобоин, из-под застрех крыш и чердаков домов.

Недолг век бабочек, всего месяц-два, но осенним особям повезло: пробыв в зимней спячке шесть месяцев, они имеют возможность насладиться жизнью еще и весной.

В апреле солнечные лучи прожигают в снегу расщелины и лунки, и вот уже на пригревах появились первые проталины. И тут же следом, спеша воспользоваться светом, из-под опавшей листвы острыми шильцами и кривыми крючочками пробиваются ростки первых подснежников. На Алтае самые заметные - изящные кандыки и простенькие желтые леонтьицы.

Еще капризна весна, и то и дело с нахмурившегося неба падают снежинки. Но в погожий денек все

ожило, зашевелилось, на разные лады подало голоса и звуки. В посохшей старой траве забегали красно-черные клопы-солдатики, ожили муравьи, загудели мухи. Пчелы полетели за первым взятком с ивовых сережек, а крапивницы и многоцветницы уже выют над крохотными цветами леонтьиц. Над глинистым оврагом деловито, будто и не было зимы, с цветка на цветок мать-и-мачехи перепархивает прошлогодний, но все еще яркий павлиний глаз, мимо промелькнула углокрыльница, присела на пестрый камень и, сложив крылья, сделалась совершенно невидимой.

У деревьев началось сокодвижение, и у березы столпотворение бабочек, осок и мух - идет пир горой. Это дятел, чтобы напиться, продырявил бересту, и теперь там сочится сок, пьяным запахом привлекая насекомых.

Жужжат мухи и осы, а черная бабочка с муаровой окантовкой тут же припала к ранке, четко рисуясь на бело-бумажном фоне. Это проснувшаяся траурница спешит воспользоваться дармовым угощением, чтобы подкрепить силы для последнего в своей жизни полета.

В середине апреля южные склоны предгорий уже оголились от снега и щетинятся жесткими прутьями карагайника, как называют эти заросли местные жители. Но приглядимся к этим черным кустам сибирского миндаля, татарской жимолости, таволги и шиповника с едва набухшими крохотными почками. Там не только копошатся жучки, клещи, клопы, но над ними уже порхают, нежась в весеннем тепле, крохотные голубянки. На этот раз это вовсе не прошлогодние дряхлые старушки, а новенькие и свежие бабочки. Их совсем немного этих новорожденных первенцев: фиолетово-синяя хвостатка Фривальдского с коричневым исподом, лазерево-серая весенняя голубянка и малинница, «мерцающая» то изумрудно-зелеными, то черными блестящими своими крыльями. Под стать первым весенним цветам, хрупки и нежны эти крохи. Их стихия - кустарниковые кущи, где они вывелись, над которыми они «пляшут» в погожие теплые деньки и под которыми они отсиживаются ночью и в непогоду. В отличие от «домоседок» малинницы и хвостатки, весенняя голубянка странница, отдавшись на волю ветра, она отваживается на любые кочевки. Поэтому ее можно встретить везде: в степи, в горах, на садовом участке или даже на распаханном поле.

Но что за рыжая бабочка стремглав промчалась, рыская из стороны в сторону? Не сразу признаешь в перезимовавшей и пообтрепанной летунье репейницу - пеструю даму, как называют ее англичане.

Репейница только по наряду - дама, по поведению же и образу жизни - это бродяжка, вечно летающая по необъятным просторам. Ей везде хорошо, и она в вечных странствиях улетает иногда за сотни километров. Поблекшая, потерявшая яркие краски, как часто вводит она в заблуждение, когда вдруг неожиданно мелькнет и исчезнет, а ты потом с досадой думаешь-гадаешь, какая же это бабочка пролетела и не был ли это новый для этих мест вид.

А весна все наступает. Вот и белянки замелькали: сначала горошковая, резедовая, потом и степная зорька.

С приходом мая количество видов и особей возрастает уже во много раз. Тут и чернушки и сenniцы, шашечницы и голубянки, среди которых есть и экологические эндемики.

В Монрак и Саур за энзеами и голубянкoй аргали.

В 1984 году, объезжая Алтайские горы с юга, в отрогах Курчумского хребта я поймал бабочек, вызванных у Володи не только интерес, но и удивление. Тут явно прослеживались элементы среднеазиатской фауны. Уникальность этого района в том, что здесь соприкасаются юг и север, Сибирь и Средняя Азия и, мало того, предгорья и целые хребты вклиниваются в пустынную и жаркую область Зайсанской котловины. Естественно, было бы интересно пронаблюдать, как граничат бабочки разных климатических зон, тем более что исследователи прошлого не уделили этим особенностям района должного внимания.

Именно поэтому в 1987 году Володя наметил поездку в южные предгорья Курчумского хребта (горы Долон-Кара, Букомбай), а также в горы Монрак и Саур, относящиеся к системе Тарбагатай.

К нашей экспедиции из Зырянска, шахтерского городка, изъявил желание примкнуть мой друг Владимир Кондратьевич Феценко. Бывший шахтер, теперь пенсионер, заядлый турист, фотограф и просто добрейшей души человек. «Буду у вас кашеваром, - полушутливо заявил он, - а заодно поохочусь за фотокадрами. Я ведь ни разу в тех краях не бывал». Нас это вполне устраивало, в пути всякое бывает, а втроем веселее, чем вдвоем.

Я решил тряхнуть стариной, рискнув ехать на своей «Победе». Машине 32 года, она уже дряхлая, капризничает, заводится вручную и очень прожорлива. В общем, «антилопа гну». Но, так или иначе, но ехать на своем транспорте, пусть даже и на плохом, лучше, чем зависеть от автобуса и таскать рюкзаки пешком.

Выехали мы 27 мая. Маршрут наш большую часть пути проходил степным и гористым берегам Бухтарминского водохранилища. Весна в том году задержалась, и стояла холодная и сырая погода с частыми и злыми ветрами. Уже отцвел розовый сибирский миндаль по склону гор, поникли соцветия мелких тюльпанчиков и голубой сон-травы, зато в самом расцвете желтая карагана, бордовыми огоньками алеют цветы диких пионов марьяных кореньев, кое-где по ложкам еще доцветает черемуха. И бабочки, кроме перезимовавших крапивниц, лимонниц и репейниц, ранневесенние: в кустах зеленые малинницы, хвостатки Фривальдского, а на лугах - горошковые белянки.

За Большенарымом, проехав Лотошную, попадаешь в местность, которую хочется назвать дикой прерией. Слева вздымается крутая стена Нарымского хребта с выбегающими из узких расщелин белопенными горными речушками, справа синий простор Бухтарминского водохранилища (разлив Иртыша), открывающийся отсюда, с высоты во всей своей кра-

се. А между ними холмистая степь, никогда не паханная, заросшая травами и низкорослым кустарником, из которых выглядывают огромные гранитные валуны белого цвета, напоминающие человеческие черепа великанских размеров. При виде их сразу вспоминаются пушкинские строки из «Руслана и Людмилы»: «О, поле, поле, кто тебя усеял мертвыми костями?»

Еще более эффектны и необычны пирамиды, сложенные из каменных «матрацев» и «подушек». Кое-где по ложкам выглядывают березовые и осиновые колки, нередки студёные ключи, бьющие из-под земли. Но особую прелесть этому уединенному уголку придает первозданность и чистота естественного ландшафта. Нигде не видно ни пасущегося скота, ни людей, разве что кроме одинокого рыбака, стоящего на берегу с удочкой в руках.

Едем, а по обочинам гравийной дороги желтые куртины цветущей караганы. Яркие, солнечные цвета, а на макушке куста такой же лимонно-желтый самчик желчной овсянки. Выглянуло солнце, и залетали бабочки. Их пока еще немного, поэтому каждой уделяется внимание. На осыпистом склоне, окруженном зарослями крушины, черемухи и дикого крыжовника, носится ярко-оранжевая мелитера атэна - эндемик Алтай и Саур-Тарбагатай. Полет ее стремительный, она скачет, бросаясь из стороны в сторону, и если бы не привычка то и дело присаживаться на теплые камни осыпи, то поймать ее можно было бы разве что случайно. И бабочка-то так себе, самая непримечательная на вид, ничем особенным не примечательная, но взволновавшая Володю:

– Бабочка очень редкая, мало у кого она есть в коллекциях. Надо подловить!

И мы набросились на летуний. Бегать по осыпи или по кустам цепкой караганы – бесполезное занятие. Но мы рассредоточились вдоль каменного потока, подкарауливая и делая стремительные броски на пролетающих мимо атэн. Наши труды были вознаграждены: вдвоем с Володей мы поймали 5 бабочек. Зато Кондратьич (так я буду называть Феценко), едва выйдя из машины, слету поймал редкостную зорьку зуфему.

– Вот как надо ловить. Учитесь! – видя, как радостно встретил его поимку Володя, произнес он шутливо-назидательно. – В первый раз в жизни взмахнул сачком и сразу такая удача. Не то что вы, носите по косягу, ломаю ноги!

Володя рад неожиданной находке, а я в восторге от изысканной расцветки зорьки: нижнее крыло в узорчатых разводьях салатного цвета, а на ослепительно белом верхнем красным огоньком горит яркий глазок.

Наше традиционное место остановки и сбора бабочек - небольшое, но очень живописное ущелье напротив Славянки. Вход в него почти незаметен; по заросшей, но хорошо знакомой нам дорожке мы въехали в сухое устье и сразу, за первым же поворотом были поражены богатством местной флоры. Не в пример степи, по которой только что проехали, здесь все пышно расцвело и буйно разрослось: гигантские, будто снопы, ферулы, таволга и курчавка едва ли не в рост человека. Перелетая из куста в куст, пели славки, и главное, летало множество бабочек.

Торопливо собирая сачок, Володя взволнованно заметил:

- Я давно понял: проезжаешь Славянку и будто попадаешь на юг. Здесь явно граница зон. Тут настоящее лето.

- Ты как думаешь? - отозвался я. - А мне кажется, что такой границы не может быть, и север плавно переходит в юг.

- Это так, но здесь явно южные формы преобладают, - отвечал Володя и, разглядев только что пойманную бабочку, радостно сказал: - Степная зорька! Это хорошая бабочка.

Степные зорьки, хотя и редко, но попадались среди капустниц и репниц, с которыми летали вместе и в полете были неразличимы. Точно также среди боярышниц летали и местные аполлоны клариусы. Их я сразу узнал по тяжеловатому и величавому полету; их мало, зато сейчас, весной, все они свеженькие, только что вышедшие из куколок.

- Поймал, поймал! - торжествуя кричит Кондратьич, изо всех сил старающийся нам помочь. - Шикарный аполлон, но другой. Идите скорей, это явно новый вид.

Я бегу смотреть, и вижу как толстые, натруженные пальцы моего друга сжимают обыкновенную боярышницу.

Следующий день был ознаменован двумя интересными находками. В невысоких горах Аркаул на берегу Зайсана впервые была поймана изящная зорька микрозегрис, а в горах Долон-Кара на Калгутинском перевале, несмотря на непогоду, почти случайно добыли двух редких голубянок Татьян. Хлынувший ливень заставил нас искать убежище для ночевки в горах Букомбай. С позапрошлого 1985 года, когда мы с Володей путешествовали здесь пешком, у меня остались самые радужные, почти сказочные воспоминания о зеленом ущелье с вереницами летящих аполлонов.

На этот раз мы долго искали въезд в то самое наше ущелье, а встреченный нами казах, у которого мы спросили дорогу, недолго подумав, дал совет: «Зачем вам туда ехать? Там один казах живет, скот пасет, и больше никого нет. Совсем не надо ехать».

В конце концов ущелье мы нашли, но, подъехав к знакомому роднику, я не мог понять, почему все горы перевернуты наооборот.

- Чего же тут гадать, - объяснил Володя, - мыехали с другой стороны, а так как солнца нет, ты и потерял ориентировку.

Лагерь мы разбили у древнего кладбища, где каждая могила была огорожена каменной кладкой очень мрачного вида из угловатых глыб черного сланца.

Ночью шел дождь, и мы наслаждались сладким сном под мерный стук капель по крыше нашей палатки.

К утру небо расчистилось, и день обещал быть ярким и погожим, а потому и настроение у нас самое радужное.

От нашей долинки во все стороны расходятся отщепки. Издалека они кажутся мертвыми; каменистые откосы грязно-бурого цвета мрачны и даже враждеб-

ны, но зайдешь в любой ложок, и все меняет свой облик. Всюду зелень и жизнь бьет ключом. Фиолетово-лиловые потеки осыпей окаймлены ползучей эфедрой, таволгой, хохлаткой. Хохлатка тут двух видов: крупная, полуметрового роста с желтыми цветами и мелкая с узорчатыми резными листочками и изящными сиреневыми цветочками.

- На ней и живет клариус, алтайский аполлон, - заметил Володя. - А аполлониус - на псевдоседуме из семейства толстянковых.

Псевдоседум - растение марсианского вида с мясистым стержнем. С толстыми листочками и розовой розеткой цветка. Он очень похож на другое алтайское растение - радиолу (золотой корень).

Наше праздничное настроение подпортил поднявшийся злой ветерок, разогнавший многих бабочек. Тем удивительней были летающие меж скалок над кустиками таволги крохотные, невзрачного вида голубяночки Татьяны. Похоже, что они не боятся ветра; едва ли не самые маленькие из голубянок, а храбро поднимаются, мельтеша над кустиками, при любой погоде, тогда, когда все остальные бабочки отсиживаются от холода, попрятавшись где придется.

Отчаянно смелую малявочку Татьяну можно называть бабочкой каменных гребней сухих, невысоких гор. Она так мелка, что ее трудно заметить, а издалека и отличить от вьющихся тут же над кустиками крохотных ночных мотыльков темного, почти черного цвета.

Бродя по скалистым вершинным гребням, вдвоем с Володей мы поймали 7 голубянок, но лишь одна оказалась самцом.

Надраенные, как медные однокопеечные монетки, лениво порхали сеницы памфилы. Поймав одну из них, Кондратьич никак не может ухватить ее своими шахтерскими пальчищами-клешнями.

- Совсем махонькая, - удивляется он, - наверное, недавно вывелась. Интересно, какая она будет, когда вырастет до взрослого состояния?

Весь следующий день ушел на переезд. Как в калейдоскопе промелькнули поселки Черняевка, Буран, мост через Черный Иртыш (в 70-е годы через него переправлялись на барже, буксируемой катером). Город Зайсан поразил дремотной стариной, застывшей в тиши захолустья. Он оживил в памяти старую Алма-Ату сороковых годов. Дувала, ветхие домишки, арыки, водоразборные колонки на улицах, старые вербы, тополя. Здесь почти полностью сохранился облик провинциального купеческого городка. Кирпичные особняки со сводчатыми окнами, фигурные украшения печных труб и водостоков - все это вызывает умиления и удивление аккуратностью и добротностью старых построек.

Умылись у водоразборной колонки, послушали пение недавно поселившейся здесь кольчатой горлицы и поехали в горы Монрак. Обогнув Зайсан с севера, теперь мы движемся вдоль его южного побережья. Горы высятся серой громадой по левую сторону от дороги. Десятки дорог, дорожек и троп ведут в его сторону, но по какой ехать? Мы еще ни разу там не были. Свернули на первую попавшуюся дорожку, и она привела нас ко входу в ущелье. Горы раздвину-

лись, удивив неожиданной щедростью здешней природы. До этого я представлял Монрак сухим, даже пустынным плоскогорьем, небольшим отрогом, где все вытоптано скотом, а все оказалось наоборот. Нас окружали поляны, на склонах заросшие цветущими красными пионами, желтыми тюльпанами, синими ирисами. Живописные скалы, ручьи - все радовало глаз. Мы, будто на машине времени переместились на месяц назад, в апрель или начало мая. Жирные черенки ревеня только-только завязали бутоны, цвели белые ветреницы и голубой прострел (сон-трава).

Мы ехали, не зная где остановиться. Глаза разбегались от разнообразия пейзажей, чередующихся один за другим. Наконец встали у зеленого ручья с чудесной водой. Вокруг горы с утесами отвесных скал, над которыми с визгами и свистами кружились стрижи. И над всем этим царил высокая зеленая гора, одна из вершин Монрака.

- Вот на нее я завтра с утра и полезу, - показал Володя рукой. - Гора хоть и не альпика, а все же выше полутора тысяч метров.

Я вызвался сопровождать сына, и спозаранку, часов в шесть следующего дня мы тронулись в путь.

Солнце быстро разогревало воздух, от травы поднимался сизоватый парок. Тут и там, отовсюду из мокрых кустов с пением вспархивали птицы. Сидя на скале и выставив к солнцу оранжевую грудку, выводил звонкие разлады пестрый каменный дрозд. Перелетая с места на место, тревожно чакала каменка-плешанка. Свешиваясь со скал, томно пахли кисти розовых и белых соцветий жимолости.

Чем выше мы поднимались, тем чаще среди таволги и акации встречались жесткие подушки остролодок, мы вступили в высокогорную остепненную зону.

По крутому травянистому склону добрались до светлых скалок. Только-только пригрело солнце, как тут же мелькнула незнакомая красновато-бурая бабочка. Пока гадали, кто бы это мог быть, над скалами промчалась такая же вторая. Но теперь отчетливо был заметен светлый рыже-серый цвет крыльев, наподобие того, какой бывает у прошлогодней, потрепанной и выцветшей репейницы.

- Это же энеис мулла! - догадался Володя. - Редчайший эндемик Тарбагатая. Я его никогда еще не ловил да, кажется, и никто этого не делал после его открытия почти сто лет назад. В общем, легендарный, полуживучий вид. Это целая история...

Светлые, не слишком яркие бабочки, сидя на отвесных скалах, нежились в утренних лучах, а мы, не в силах до них добраться, рассматривали их издали. Они шевелились, ползали по скале, то и дело складывая крылышки и сваливаясь набекрень. Почти сливаясь с камнем, разрисованным розоватым лишайником, возможно, так они маскировались, а может быть, просто набирались тепла.

Опять молнией мимо сигануло что-то рыжеватое, и тут же две сидящие бабочки сорвались с утеса и помчались вдогонку. Кружась спиралью, все трое взвились вверх, а потом враз упали, вновь опустившись к скалам. Они носились без усталости так быстро, что трудно было уследить глазом, тем более, что свет-

лые и блеклые, они будто растворялись в солнечном свете.

Скалы очень круты и опасны, но надо было как-то приспособиваться, глупо было бы упустить эту редкостную неженку. Я подкрадываюсь к скале, тянусь изо всех сил, не доставая, стукаю ободком сачка по камню, а бабочка взвизгивает и уходит, зигзагами огибая скалы.

- Попробую я, - говорит Володя и лезет на шероховатую, без трещин скалу, пытаюсь обогнуть ее сбоку.

Вдруг оттуда выплывает энеис и несется прямо на меня. Я кручу сачок и чувствую, как в сетке энергично бьется сильное крылатое насекомое. Есть, есть, попался, голубчик!

Вот он, энеис мулла, коричневатая, светлая, почти прозрачная бабочка с четким рисунком прожилков. Тусклая, совсем неяркая, можно сказать даже невзрачная, но от этого не менее ценная и чудесная.

Постепенно я распознал манеру поведения бабочек. Чуткие и осторожные, они порывисто вспархивают и в то же мгновение исчезают проблеском искры. И это особенность почти всех энеисов: молниеносный полет и свойство бабочки-невидимки бесследно пропадать, используя светлый окрас полупрозрачных крыльев.

Потом Володя поймал еще одного на лету, а другого подкараулил сидящего, на взлете. Вскоре у нас на матрасике уже лежало четыре этих рекордсменов скоростного полета, после чего наступил перерыв, и бабочки больше не появлялись. Солнце пригревало уже вовсю, и тут я спохватился, что пора бы и перекусить, ведь мы с утра ничего не брали в рот.

Мы уселись на мягкие травяные кочки.

- А что за история связана с этим энеисом? - спросил я, доставая баночку сардин. - Ты что-то хотел рассказать?

- Да, это связано со Штаудингером. Ты же знаешь, это крупнейший немецкий лепидоптеролог конца XIX века. Он и описал ее в 1881 году. В третьей четверти XIX века шло негласное соревнование между русскими и немецкими лепидоптерологами. Немецкие ученые, возглавляемые О.Штаудингером, ревностно следили за успехами русских, где блистали имена С.Алфераки и Г.Грум-Гржимайло. Штаудингер придавал особое значение Центральной Азии, считая ее прародиной многих европейских видов, и для подтверждения этой теории в 1878 году даже послал своих сборщиков отца и сына Габергауэров в Сибирь, которые жили сначала в Зайсане, а потом перебрались в Лепсинск. Вот где-то на склонах Тарбагатая они и поймали энеиса, которого Штаудингер описал под этим самым именем мулла. И вот теперь, спустя более 100 лет, мы его и нашли снова, но теперь с другой стороны хребта.

- И что, кроме этого никто больше не ловил?

- Ловили Четвериков с Сушкиным, знаменитые московские ученые, но очень мало.

- А знаешь, кажется, я догадываюсь, почему Штаудингер послал своих сборщиков именно в Зайсан.

- Да? Ну и почему?

- За несколько лет до этого в Зайсане побывал Брем со своими учеными спутниками. В 1876 году они совершали путешествие по Западной Сибири и именно в Зайсане их встречали особенно тепло. Видно, понравилось.

- Да, я видел их книгу...

- Так вот, недалеко от Монракских горах, совсем рядом с теми местами, где мы сейчас находимся, Брем даже охотился на уларов. Они бродили по скалам, и уллары никак им не давались, а Брему очень хотелось добыть эту замечательную птицу, которую он сразу же назвал королевской индейкой.

- И чем же закончилась охота?

- Улара Брем в конце концов добыл, один из всей компании, и был безмерно счастлив. Ты же знаешь, что даже местные охотники, хорошо знающие этих очень осторожных птиц, редко когда ее добывают. Кстати в Европейских Альпах уларов и в помине нет.

- Да, и в Монраке, насколько я знаю, улара тоже нет. Скорее всего это было в Сауре. Он ведь здесь рядом. Но, как бы там ни было, а нам здесь тоже повезло. Энеис мулла – это настоящая удача.

Слазав на вершину, на обратном пути мы опять с азартом поохотились на редких энеисов. Чем привлекало бабочек именно это место? Конечно, скалами. В этом не было никаких сомнений. Причем, именно крутые утесы.

Уходя, я в последний раз бросил взгляд на гору, подарившую нам чудесную бабочку. Поросший степными травами склон с поясом светло-серых гранитных скал, овальными, выветренными глыбами вздымающимися над зеленым откосом. Значит, это и есть биотоп энеис муллы. Скальные отвесы и травянистый склон.

Спустились в лагерь, а здесь другая очень приятная новость:

Фещенко поймал редчайшую голубянку аргали. Это сразу же обнаружил Володя, просматривая его сборы.

- Ну, Кондратьич, ты гений! - не выдержал я, хлопая друга по плечу. - И как это тебе удалось?

- А я и не сомневался, что сделаю открытие, - скромно признался тот. - Вижу, такая махонькая, вот я ее и прихлопнул.

Бросились на поиски, но бабочки как в воду канули. Облазили все склоны вокруг, травяные заросли ложки, а аргали так и осталась в единственном экземпляре.

Зато наш кашевар порадовал вторично, из старых рыбных консервов, которые уже хотели выбросить, сварив запашистую уху.

- Ставрида по-крымски, - объявил Кондратьич, разливая дымящийся парком суп.

А вечером заходили тучи, и хлынул дождь, да так неожиданно, что мы еле успели заскочить в палатку. Ураганным порывом ветра несло кучи мусора; в Фещенко с такой силой ударился куст колючего шиповника, что мы потом долго и с трудом вытаскивали из его спины десятки заноз.

Весь следующий день шел дождь, и мы, сидя в палатке, пережидали непогоду. Лишь к вечеру разверзшиеся небесные хляби закрылись, и пролетев-

шая над нами пара воронов хриплыми голосами возвестила приход хорошей погоды. Показалось солнце, и мы снова отправились на поиски загадочной аргали. Все разбрелись в разные стороны, а я приглядел себе укромное ущелье с тайной мыслью: нигде нет, а вот в этом отщелке будет. Он оказался очень коротким и закончился скалистым цирком, настоящим каменным мешком, с трех сторон окруженным неприступными скальными стенками. Голоса птиц, отражаясь от стен, звенели громким эхом; задрав голову я встретился взглядом с голубями, сидящими на кромке утесов. Дно цирка густо поросло дикими кустарниками и тростником. В замкнутом пространстве сконцентрировалось солнечное тепло и было невыносимо душно. Бабочки роились здесь стаями, но аргали так и не появилась. Не нашли ее и Володя с Фещенко, хотя искали до темноты.

С этой аргали связана старая и забытая история. Впервые ее нашел в Русском Алтае и описал в 1899 году англичанин Эллуз. С тех пор прошло почти столетие, но никому так больше и не удавалось найти эту бабочку, ставшую почти забытой, пока в 1986 году ее не обнаружил Володя в южных отрогах Курчумского хребта. И вот теперь Монрак. Пусть пока пойман всего один экземпляр, но факт остается фактом, и теперь аргали будет навсегда числиться в этих горах.

3 июня был сильный ветер и мороз. Разложили большую костер, но сильнейший ветер уносил тепло.

Ночью я даже вставал, чтобы проверить, не замерзла ли вода в радиаторе. По очищенному от облаков небу мчались редкие клочья туч. Яркие сверкали звезды, тонкий серпик луны освещал поляну. Ледяной ветер пронизывал до костей.

- Ну, как там, на улице? - поинтересовался Кондратьич (Фещенко) из палатки. - Снег не выпал? У меня что-то бока ноют.

- Наоборот, ясно. Иней мерцает.

- То-то у меня спина примерзла к земле, оторвать не могу.

Мы натянули на себя всю одежду, но все равно холод не давал заснуть. Кое-как прокоротали ночь.

К рассвету замерзли лужи, мокрые рукавицы стали жесткими, как жестяные, а веревка, оставленная на машине, примерзла к крыше.

Собрались и только вылезли из палатки, а у Володи уже сачок в руках. Я удивился:

- Какие сейчас бабочки, холодрыга совсем зимняя. Ветер ледяной.

- Может, зимние виды летают? - подал из палатки голос Фещенко.

- Ничего, залетают да еще как! - спокойно отвечал Володя. - Сегодня хороший денек будет.

Чтобы завести машину, толкнули ее с уклона. Закочневшая колымага никак не хотела оживать, и только прокатившись метров сто, зарычала, заработав двигателем. Пока мы с Кондратьичем, стоя рядом, с удовольствием слушали эту музыку, солнце медленно разогревало воздух. А мы собрались ехать в незнакомые и загадочные горы Саур

Выбеленный свежевывавшим снегом, хребет Саур стоит сразу за городком Зайсан. Но ни пиков, ни выделяющихся макушек гор на нем не видно. Одна

сглаженная, плоская вершина тянется из края в край хребта. Зато темно- синими полосами чернеют хвойные леса на его боках.

Проехав город, мы попали в аул Жанатурмыс. Обычная деревня со скотом, навозом и весенней грязью. Преодолев сырую низину и речку Джеминейку, протекающую через Зайсан, по грунтовому проселку добрались до подножья гор. Из узкого ущелья, поросшего густым пойменным лесом, выбегает буйная горная речка. А прямо перед нами остепненная круглая сопка, усеянная подушками астрагалов и ежами акантолимонов разных цветов: желтых, розовых, белых. По ложкам, тут же рядом буйно цветущие кусты барбариса, осыпанные белыми, розовыми цветами, куртины жимолости и ползучей дикой вишни. Со стороны зарослей поймы несутся трели соловьев, кукушка кукует.

Володя, как вышел из машины, так и ахнул: «Вот где голубянок ловить, столько астрагалов!» И верно, первая попавшаяся бабочка оказалась...голубянской аргали. Той самой, что мы с таким старанием тщетно искали на Монраке.

- Вот не знали, надо было сразу сюда ехать за аргали, - горевал Кондратьич. - Там только одна летала, а здесь десятки, а может и сотни.

Миниатюрные голубые и черненькие (самцы и самки) голубянки вились вблизи цветущего остролодочника белого цвета. Они мельтешили, будто приплясывая, низко над землей и не улетали далеко в сторону. Лишь, напуганные, взвивались вверх и стрелой уносились вдаль.

Теперь мне стала ясна причина наших неудач в Монраке. Аргали надо искать на остепненных склонах, там, где растут астрагалы, и уж вовсе не в скальном цирке, что делал я. А если быть точнее, нужно высматривать заросли остролодочника.

Еще вдоволь не наловились аргали, а у Володи уже другие планы.

- Вот бы приехать сюда через месяц, - помечтал он, - сколько голубянок должно здесь летать! Столько астрагалов сразу в одном месте!

Ночевали мы в соседнем ущелье с мягкими, пологими склонами, заросшими привольными и густыми степными травами. Всюду стояли большущие кусты барбариса, осыпанные желтыми цветами. Настроение у нас праздничное: наловили аргали, погода наладилась, места райские, завтра собираемся штурмовать вершину Саура.

На чудесной лужайке разбили лагерь, принесли гору сухих барбарисовых ветвей.

- Сейчас запалим! - радостно объявил Кондратьич. - Вы еще не оценили мастерство старого морского волка. Я ведь в молодости плавал кочегаром на рыболовном траулере.

Ночью опять был мороз, предвещающий хорошую погоду. На рассвете, когда мы встали, трава серебрилась инеем, цветущие багровые пионы поникли, будто ошпаренные кипятком.

Не завтракая, быстро собрали вещи, закрыли машину и двинулись вверх по логу, заросшему таволгой, караганой, барбарисом. Настоящие тугай.

- Череп! - кричит Кондратьич, вышедший вперед. - Медвежий. Зубы ого-го!

Осматриваю находку. Никакой это не медведь, а кабан с загнутыми, здоровенными клыками. Неподалеку нашлась и кабанья шкура. Видно, где-то здесь же кабана и застрелили.

Тропа кончилась, и мы по крутому косоугору поперли напрямик в лоб. Вылезли на гребень, погрелись в лучах взошедшего солнца и пошли по хребту в юго-восточном направлении. С каждым сделанным вверх шагом все шире разворачивалась перед нами панорама заснеженного Саурского хребта. Вершина его как бы срезана, ни пиков, ни зубцов скал, лишь выгрызенные ледниками горные цирки с обрывистыми, каменистыми откосами, которые называются карами.

По северным склонам появились лиственницы с нежно-зеленой, ажурной хвоей и развесистой кроной.

На очередной вершине по гребню древняя могила из обомшелых, рыжих от старости камней.

- Эх, угораздило же тащить покойника на такую верхотуру, - вырвалось у Кондратьича, - мы-то налегке и то с трудом лезем.

- С чего ты взял, что его тащили снизу, - возразил я. - Может, он выше нас на джайляу скот пас, здесь и дуба дал.

Володя поддержал:

- Здесь уже высокогорье, только вместо альпийских лугов горная степь. Самое то, что нужно для пастьбы скота.

Чем выше мы поднимались, тем реже становились лиственничные рощицы, тем чаще слышались сверху флейтовые голоса уларов. Здесь обитает алтайский, очень редкий улар, занесенный в Красную книгу.

С каменистой горки, куда мы пытаемся взобраться, с криками отчаянья сорвались две крупных хищных птицы и, распластав крылья, унеслись прочь.

Наконец мы на вершине гребня. Здесь на высоте 2000 метров еще ранняя весна. На сырой земле, еще хранящей остатки снежника, цветут подснежники. Холодно, и не видно ни одной бабочки.

А панорама отсюда потрясающая. Прямо перед нами вершинный гребень Саурского хребта, по которому проходит граница с Китаем. Там загадочная Джунгария, каменная пустыня, таинственная для нас неведомая страна. А здесь делать нечего, бабочки еще не вывелись. Посидели, подумали да и решили возвращаться.

Спустились в свой лагерь, а здесь настоящий цветочный рай, и бабочки роями выются. Порхают голубянки Тузова, орион, аргали, мелитеи, барбарисовые белянки и даже крупные парусники клариусы.

Фещенко тоже с упоением машет сачком и подает нам раздавленных, вконец испорченных пальцами бабочек-малявок.

- Кондратьич, не дави так сильно! - ворчу я, стараясь не обидеть друга, но он слишком мягок и добр, чтобы обижаться.

- Я стараюсь, но ничего ни выходит!

- Тогда не лови хотя бы этих малявок.

- А как же наука?
- А что наука?
- Она многое теряет. Я же первым поймал ар-
гали...

Собрались ужинать, а ложек нигде нет.

- Однако, сороки утащили, - решил наш незадач-
ливый кашевар. - Ничего, - успокоил он нас, - в сле-
дующий раз я вам бешбармак приготовлю, там ложки
не нужны.

Эту ночь провели на Черном Иртыше. Река мощ-
ная, а сейчас в половодье разлилась до самого верха
берегов. Лагерь разбили на берегу протоки, на бугор-
ке под древними тополями. Пойма здесь лесистая,
живописная.

Утром всех разбудил Кондратьич. Он встал спо-
заранку, чуть не затемно.

- Полундра, ребята! Вставайте, наводнение. Ир-
тыш поднимается на глазах. Уже дорогу залило.

Вот еще не хватало! Похоже, нас на каждом
шагу ждут неприятности. То мороз, то ветер. А те-
перь наводнение.

- Ничего, не пропадем, - отозвался Володя. -
Кондратьич у нас моряк, выплывем.

- Больше приключений, больше впечатлений, -
в тон ему поддакнул Фещенко. - Люблю нештатные
ситуации.

Покидали вещи, и в путь.

Хорошо, что дно было твердое, каменистое, и
путь просматривался. С замиранием сердца поти-
хоньку выехали; волны от машины расходились в
стороны, как от корабля. Добрались до дороги, а там
уже без проблем - она на высокой насыпи.

Южные предгорья Алтая имеют вид мрачно-
ватых серых, а то и черных холмов. Похоже, будто они
опалены огнем и напоминают то ли могильные кур-
ганы, то ли закопченные казаны, перевернутые вверх
дном. Некоторые увенчаны белыми зубьями кварце-
вых останцов, похожих на крепостные стены рыцар-
ских замков или тибетские монастыри, торчащие по
вершинам.

За Бураном, приблизившись к горам, свернули в
первый же отщелок. Только я открыл дверцу, как по-
рыв ветра выхватил пустой полиэтиленовый мешок,
в котором мы прятали постель от сырости, и понес в
ущелье. Я бросился было за ним, но он умчался, как
перекасти поле, подпрыгивая и взвиваясь в воздух.

Все же Володя с Кондратьичем ушли на развед-
ку, вернувшись часа через два, измотанные и изму-
ченные ветром.

- Зря ноги били, - с досадой подвел итог похода
Володя, - никаких бабочек.

- Как зря, - не согласился Кондратьич, - пропажу
принесли.

И достает улетевший мешок. Его нашли кило-
метра за полтора от стоянки, зацепившимся за куст.

Теперь вся надежда на Букомбай, может там по-
везет.

В знакомое ущелье заехали засветло, и, хотя ве-
тер так и не кончился, успели еще побродить.

- Мужики, а что я видел, - заявил Кондратьич по-
сле возвращения. - Лиса здоровенного сурка тащила,
меня увидела и бросила.

- Свежего? - живо поинтересовался я, вспомнив,
что пару раз пробовал жаркое из этого зверя.

- Свежего, свежего, - подтвердил Фещенко, -
видно, только что задавила.

- Что же ты не взял?

- А вы что, есть будете? - с сомнением удивился
Кондратьевич. - Если хотите, я мигом сбегаю.

Пока Фещенко ходил за сурком, я собрал це-
лую кучу дикого лука сарымсака. Этого добра здесь
сколько угодно, особенно по каменистым осыпям. У
него белая сочная луковица, хотя и не такая толстая,
как у домашнего лука, но вполне съедобная и даже
вкусная. Сбирать его просто, достаточно отвернуть
несколько каменных обломков, в которых он растет.

Сурок и действительно оказался здоровым и
толстым. Выпотрошив, мы оставили его мокнуть в
укусе, который Володя возит с собой для фиксации
хромосом бабочек. Утром долго и горячо обсуждали
рецепт приготовления блюда. Главное, что у нас есть
картошка, морковь и сколько угодно лука.

- Ладно, приготовлю вам люля-кебаб, пальчики
оближите, - пообещал Кондратьич.

Володя и Кондратьич ели жаркое с удовольстви-
ем, я же не мог преодолеть брезгливость и съел всего
несколько кусочков.

Не успели мы позавтракать и собраться на охоту,
как по небу опять потянулись белые полосы, обещаю-
щие непогоду. И действительно, вскоре стало холодно,
тучи снова затянули все небо. Закапало. Капли все
тяжелее, все чаще, и вскоре дождь перешел в град.
Крупные градины колотят, бьют по крыше, по капо-
ту машины, и вот уже целые вороха белых горошин
лежат вдоль автомобиля. Трава сникла, и по лужкам
побежали потоки кофейной гущи.

На следующий день, когда рассвело, взору от-
крылось хмурое в сплошных тучах небо, мокрые
окрестные горы, сырость и слякоть. В общем, холод,
порывы злого ветра и никаких перспектив на пого-
ду в ближайшее время. Правда, и наше путешествие
подходит к концу. В тот же день мы вернулись в Зы-
рянновск.

В девяностые годы энеиса муллу Володя неодно-
кратно ловил в горах Сайкан - северо-восточном от-
роге Саурских гор. И тоже на скалах. Прогуливаясь
по гребню над скалистым обрывом, высматривал, а
затем буквально выхватывал бабочек, изредка взлета-
ющих над утесами. Прошло 15 лет. Летом 2002 года
сын звонит мне из Петербурга:

- Знаешь, читаю вот статью о Красной книге Ка-
захстана. Авторы там пишут, будто известна только
одна популяция энеиса муллы, обитающая в кустар-
никово-степном поясе южного склона Тарбагатай и
что, возможно, вид уже исчез, так как при обследо-
вании не обнаружен.

- Ну, и как ты все это расцениваешь? - отозвался я.

- Плохо искали или, по крайней мере, ошиблись
и не читали нашу книгу (Бабочки Северо-Западной
Азии, 1994 г.), где мы об этой бабочке пишем. Види-
мо, они искали ее в кустарниково-степной зоне гор, а
она держится обязательно у скалистых отвесов. Про-
сто они не знают ее станции. Но включить ее в Крас-
ную книгу действительно стоит.

Бабочка-самодержец.

Есть бабочки, с которыми связаны настоящие детективные истории, не хуже, чем со знаменитыми драгоценными камнями. Одна из увлекательнейших – о паруснике автократоре, родственнике обычного аполлона.

Эта удивительно красивая бабочка в 1911 году была найдена немцем Гольбахом на перевале Гушхон Ванчского хребта на юго-западе Памира. У этого аполлона нет той празднично-светлой окраски, что у аполлона обычного или аполлонисуса. Скорее наоборот, он мрачноват, с большим красным пятном на нижнем крыле в темном обрамлении и с синими глазками.

Поймать удалось всего лишь одну-единственную самку, и этот экземпляр попал в руки лучшего специалиста того времени в России Авинова, который определил ее как подвид чарльтониуса. Есть такой парнассиус, названный в честь английского офицера, впервые поймавшего его. К тому времени все имена греческих богов и прозвищ (Феб, Гелиос, Дельфиец и т.д.) для именованья видов аполлонов были уже использованы, но, желая подчеркнуть исключительность и величие нового красавца, Авинов назвал его автократором, что в переводе с латинского означает самодержец, император, единолично владеющий властью.

Сам Авинов – любитель бабочек до фанатизма – был человек не простой. Происходивший из аристократического рода, чуть ли не от Рюрика, он был образцом высочайшей культуры. Достаточно сказать, что его приглашали воспитывать царских детей, а затем он исполнял обязанности церемониймейстера при царском дворе. Перед революцией Авинов служил дипломатом в Америке, а когда началась гражданская война, уехал за границу навсегда, оставив большую часть своей огромной коллекции в России.

Коллекция была национализирована и передана в Петербургский ЗИН (зоологический институт Академии наук СССР) – одно из самых крупных в мире хранилищ зоологических коллекций. Туда же попал и единственный в мире экземпляр автократора. Однако вскоре он был выкраден и неожиданно всплыл на одном из аукционов за рубежом. Разразился международный скандал, такой же, как бывает при краже крупных произведений искусства. Все коллекционеры мира знали происхождение и историю редчайшей бабочки, поэтому суду ничего не оставалось, как вернуть зоологический раритет его настоящему владельцу, то есть Советской России.

Естественно, что все эта история прибавила бабочке популярности и послужила хорошей рекламой. Ажиотаж вокруг нее был взвинчен до предела, и неудивительно, что богатые коллекционеры, мечтающие увидеть ее у себя, предлагали любые бешеные деньги (вплоть до стоимости целых поместий) за экземпляр желанного автократора. Однако в Российском Туркестане, в Горной Бухаре, как назывался тогда Таджикистан, долгое

время было очень беспокойно, а потом доступ иностранцев туда и вовсе был закрыт. Русским же коллекционерам тогда было не до бабочек, да и почти все они уехали за рубеж. Ничего не прибавила к разгадке тайны уникального парнассиуса и комплексная объединенная Советско-Германская Таджикская экспедиция, работавшая на Памире в 1928–1932 годы. В ее составе не было лепидоптеролога.

Но если нельзя попасть в Советский Памир, то стоит поискать ее в сходных условиях в соседнем Афганистане. Так решил немецкий искатель приключений некто Коч, и не ошибся. Расчет его оказался верным, и в результате к 1936 году было наловлено большое количество не только автократора, но и найден новый, эффектно-яркий парнассиус инопинатус.

Потом был большой перерыв, связанный с войной и послевоенной разрухой. Лишь в 60-е годы в Афганистане снова побывали сборщики бабочек, теперь японцы. Они наловили целые серии автократоров и даже нашли бабочку гермафродита: с одним крылом самки, с другим – самца, что в природе встречается крайне редко. Тем не менее, спрос на бабочку не падал. Но это все «за бугром», за границей, хотя и у нас тоже не дремали.

К этому времени жизнь в Союзе понемногу наладилась, и подросли новые, молодые и энергичные любители, в том числе даже профессионалы, специализирующиеся на парнассиусах. В конце 70-х годов автократор был вторично открыт А.Крейцбергом и Гансоном вблизи высокогорного Сарезского озера в центре Памира. Вторая точка в Таджикистане, где сейчас ловится эта бабочка, находится в окрестностях поселка Ванч (там, где впервые была поймана). В обоих случаях это суровое Памирское высокогорье с отметками от трех до четырех тысяч метров над уровнем моря. Места почти пустынные, с глинистыми откосами среди мрачных скал.

Несмотря на то, что места лова давно известны, это по-прежнему одна из самых редких и дорогих бабочек в пределах бывшего Союза. Цена ее на европейских рынках держится в пределах от 50 до 100 долларов за экземпляр. Как когда-то в былые времена, труден и долог туда путь, особенно сейчас, когда нет единой страны. Там беспокойно, из-за угла могут стрельнуть, а проезд связан с необходимостью получения пропусков и разрешений, с бесконечными проверками на границах, на таможенных и наркопостах.

Но если и доберешься до места, то это еще не значит, что обязательно станешь обладателем желанной бабочки. Ее еще надо поймать...

– Утром, как солнце обогреет склоны, автократоры начинают виться высоко у скал, – рассказывал Володя, ловивший бабочек на побережье Сарезского озера. – Карабкаешься за ними по глинистому откосу, усыпанному мелкой галькой, такой крутизны, что ноги не держат. А ведь за бабочками еще и бегать надо. Того и гляди, сорвешься, покатишься по жесткой щебенке до самого низа.

А там, внизу, озеро, жутковатое Сарезское озеро, бездонное, черное. Но это еще не самое страшное. За тобой все время приглядывает охрана, и от нее приходится скрываться. Ведь бабочка эта валюта, а где деньги, там всегда и мафия. Иногда и под видом экологической службы. Она и регулирует и отлов, и вывоз автократора, хотя и то и другое запрещено, автократор безусловный краснокнижник.

Такова она, знаменитая и несравненная бабочка-самодержец.

Гипоневеле Яссауи.

Ботаники знают, как богата флора гор Каратау на юге Казахстана эндемичными растениями. А раз есть эндемики-растения, значит на них могут жить эндемичные и неизвестные науке бабочки. Так рассуждал Володя, решив как следует обследовать загадочные для него горы. Узкая полоска гор, глубоко вклинившаяся в пустынные пространства, изолированность от других горных систем, слабая изученность фауны чешуекрылых – все это сулило интересные находки. И действительно, ранней весной, а точнее в начале мая 1988 года Володя нашел там новый подвид лучистой голубянки агродиаetus (кентауэнзис), а позже, в июне – новый вид агродиаetуса (каратавикус). Тогда, в 1988 году мы вдвоем пересекли горы Каратау. Обогнули хребет с севера и вззошли на его высшую точку – гору Мынжилги высотой более 2000 метров, откуда потихоньку стали спускаться к городу Кентау. Далеко на юге виднелись знойные степные просторы, а прямо перед нами лежала горная долина с извинаящейся по дну серебристой лентой реки Боялдыр. Отсюда она выглядела небольшим ручейком, прыгающим по ступеням белых отполированных скал. Сама же теснина казалась непроходимой, так угрожающе выглядели утесы, сжимающие реку. Зеленый лес, окаймляющий ее, был по-сказочному дремуч и густ. Как отдаленное эхо, волнами доносился шум горного потока.

Словно жаждущие овцы, почуявшие воду, помчались мы к реке. Разрушенные скалы были круты, но удобны для спуска. Здесь всюду известняки, шершавые, крепкие и надежные. Совсем рядом ревет река, она падает каскадами потоков, а потом кружится, замирая в зеленых омутах. Еще усилие, и мы у воды. Кажется, мы попали в рай: влажная прохлада и свежесть, зеленый полог ясеневоего леса и пение птиц. В тени под кронами деревьев реяли золотисто-зеленые пандоры, гоняясь друг за другом, порхали многоцветницы и махаоны.

Володя пошел на разведку и вскоре вернулся:

– Предлагаю идти на рыбалку. Вот такие бугаи ходят!

И показал рыбешку граммов на триста. Я был рад такому предложению, хотя и очень удивился. Обычно сын не тратит время на подобные занятия.

Стаи рыб, среди которых были и довольно крупные, серыми теньями ходили в прозрачной воде. Подставляй сачок и бери! Однако все оказалось не так просто. Стоило нам залезть в воду, как вся рыба куда-то исчезла. Мы бродили от омота к омоту, но рыба непостижимым образом ускользала, прычась под ко-

рягами и камнями. Несколько раз Володя бросался с сачком, дергая его и вращая, пока не переломился обод.

– Вот черт! – досадовал незадачливый рыбак. – Очень уж напор силен.

Подержал бесполезную вещицу на весу, разглядывая, потом пробормотал успокоительную для себя фразу:

– Ничего, у тебя же запасной сачок есть.

А вокруг над водой реяли ярко-синие стрекозки, едва ли не самые изящные создания на свете, шумела река, человеческим голосом свистела какая-то птица, и мне все время казалось, что это сын подает мне сигналы.

Солнце уже зашло за гору, в ущелье опустилась тень.

В лагерь я пришел первым. Вскоре появился Володя. Вид у него был немного виноватый.

– Вот что значит отвлечься, поддаться азарту, – сказал он. – В результате полдня потеряно.

– Ботинки расползлись, сачок сломали, – поддакнул я.

– Сачок полбеда если есть запасной, – успокоил Володя, – а вот время не вернешь.

Он взял мой сачок в надежде поймать что-либо до конца дня. Я же принялся чистить рыбу. Всего оказалось килограмма полтора. Брюшная полость у рыб оказалась выстланной черной пленкой. Значит, рыба наша была местной маринкой.

В этот вечер я успел еще починить и поломанный сачок. Спать легли под открытым небом, но под утро стало холодно, и я вставал, чтобы натянуть на себя запасную одежду.

Уже рассвело, когда я, открыв глаза, увидел, что небо затягивает хмарь.

– Дождик, – вдруг сказал Володя чуть позже, когда я уже опять спал. – Надо же, почти в пустыне!

Лениво стукнуло несколько капель. Каждый из нас подумал, что придется вставать и ставить палатку, но эти первые капли оказались и последними. Вместо дождя начался ветер, сопровождаемый грохотом листопада, да таким, что не уступил бы шуму камнепада. Тысячи пересохших, прожаренных на солнце лопухов катрана, каждый размером с хороший зонтик, как пережаты-поле, катились по склонам с гор, падали со скалы на скалу, гремя не хуже жестяных листов. Время шло, но ветер и не собирался утихать. О ловле бабочек в такую погоду нечего было и думать.

Потом ветер все же улегся, и мы продолжили путь. Володя посетовал, вспоминая вчерашний день, что рыба далась нам дорогой ценой: сломался сачок, сели брюки и, самое главное, впустую прошел день. Возможно, остались не пойманными какие-то бабочки, а ведь мы именно из-за них сюда и приехали. С полюбившегося местечка уходили по тропе, вьющейся над рекой.

– Как на овринге, – заметил я, глядя, как под нами ревет Боялдыр, зажатый циклопическими обломками упавших скал.

Ясеневый лес остался внизу, между скал курчавились кустики эфедры, миндаля и древовидной полыни. Подушки цветущих акантолимона и зизифоры

привлекали не только голубянок, но и других бабочек. На кустике пахучей зизифоры сидело сразу несколько голубянок и сатиров гипоневеле. Володя почти машинально завел сбоку сачок и взмахнул им, стараясь изловить побольше.

– И ничего не поймал, – съязвил я, глядя, как разлетелись бабочки.

– Нет, что-то есть, – спокойно ответил сын, – две голубянки и одна гипоневеле.

Потом добавил, рассматривая добычу:

– Не пойму, странная какая-то гипоневеле.

Я насторожился. Ожидание открытия не покидало меня.

– Знаешь, какая это бабочка? – наконец произнес Володя, держа пинцетом раскрытую бабочку темного, почти черного цвета.

– Какая?

– Гипоневеле каратавика.

– Ну и что?

– А то, что это новый вид или, по крайней мере, подвид.

– Ты уверен в этом?

– Да, почти, – ответил Володя. – Дело в том, что я перед отъездом как раз занимался этим родом. А эту гипоневеле нужно поймать еще. Здесь их должно быть много.

Он взмахнул сачком, поймав еще одну такую же темноватую бабочку.

– Давай я тоже подключусь, – с живостью подхватил я.

Мы снова спустились к речке, сбросили рюкзаки и разошлись по косогору. Но гипоневеле вдруг как-то сразу исчезли. Несколько раз видели похожих, но они тут же унеслись, будто поддразнивая. Как назло исчезла и цветущая зизифора. Ее здесь оказалось совсем немного.

Через полчаса бесплодных поисков мой энтомолог изрек с довольно унылым видом:

– Боюсь, что про этот вид будут писать: «Известен всего по двум экземплярам»

Потом, помолчав, добавил:

– Хорошо, что есть два экземпляра, а не один. Может спорный вопрос получится, вдруг это гибриды. Такое тоже бывает, хотя и редко.

– Не может такого быть, чтобы больше не поймаешь, – засомневался я. – Обязательно найдем еще.

Но незнакомка так больше и не попала. Мы прочесали весь склон вдоль и поперек, и все безрезультатно. Гипоневеле разлетелись или где-то попрятались. Поиски вширь, по сторонам, тоже ни к чему не привели. Окружающий пейзаж быстро менялся, скалы расступились, уступая место щебеночным и травянистым склонам. Ущелье становилось шире, превращаясь в долину. Здесь уже был совсем другой биотоп. Скрепя сердце, мы отказались от поисков, продолжив свой путь вниз вдоль реки.

Близился вечер. Вдруг как-то неожиданно мы заметили, что шум реки, сопровождавший нас вот уже два дня, умолк. Боялдыр, чудесный Боялдыр – прозрачные водяные струи, скачущие по скалам и камням, дающие прохладу и свежесть, – исчез, спрятавшись под сухие камни русла. О том, что еще недавно

здесь бежала река, напоминали сухой ил и тина, облепившие гальку русла.

Через два дня мы пришли в Кентау, и здесь нам предстояло разъехаться: Володе – на запад по железной дороге, в Ленинград, мне на автобусе – в Алматы. Но еще нужно где-то переночевать. Можно пойти за город и в последний раз разбить лагерь, но у нас уже нет сил, да и время позднее.

– А почему бы вам не переночевать здесь в гостинице? – подсказал случайно подвернувшийся мужичок, видимо, проезжий шофер. – Гостиница вполне сносная.

С недоверием поднимаемся на второй этаж. Жарко, но есть душ, номер двухместный и можно вскипятить чай.

Пока Володя с блаженством плескался под душем, я открыл огромное, в полстены окно на улицу. Стало легче дышать, но на свет тучей полетели бабочки и жуки. Они громко стучались, падая на стол, подоконник и пол. Освежившись, мой охотник достал коробки с наловленными за время путешествия бабочками и стал просматривать их на ярком свете. Вдруг он с досадой чертыхнулся:

– Вот он, голубчик! Уже успел-таки забраться!

Он вытащил пинцетом жучка с матрасика и с ожесточением раздавил его.

– Кожед проклятый. Наверное, уже успел и яички отложить. Выведутся личинки, пожрут всех бабочек.

После этого Володя подробно рассказал, как сделать дезинфекцию по приезде домой (сборы я забрал с собой).

Приехав через неделю в Зыряновск, я проверил матрасики и действительно обнаружил там личинок, о которых предупреждал сын. Они уже успели натворить бед, словав брюшки у некоторых бабочек, в том числе попортили и один из двух экземпляров драгоценных гипоневеле. Все тщательно вычистив, я думал, что на этом все и кончилось, но через две недели опять обнаружил испорченных бабочек и трупики вредоносных личинок. Все остальное удалось сохранить.

Новую гипоневеле Володя назвал Яссауи в честь святого, похороненного в туркестанском мавзолее.

Двенадцать лет гипоневеле Яссауи в нашей коллекции существовала в двух экземплярах, и лишь в 2000 году после путешествия по северным отрогам Каратау нам удалось наловить ее в достаточном количестве.

Горы Могол-Тау и Окбель.

Весной 1990 года мы путешествовали по западному Таджикистану. В пустынных предгорьях у Калининабада искали недавно открытых здесь белянок-глауконом, но напали на скопление гипермнестр гелиос, что для этой бабочки необычно. В горах под Дангарой ловили прелестных голубянок томарес Федченко, откуда перебрались в Варзобское ущелье под Душанбе. Там, у санатория Оби-Гарм я попал в неприятную переделку. На одном из участков, желая сэкономить путь, не пошел по тропе, а решил

подняться напрямик по крутому глинистому откосу оврага. Глина сухая, твердая, как бетон и сверху присыпанная мелкой галькой. Совсем не для гладкой подошвы моих изношенных ботинок. И только я вступил на эту катушку, как сразу понял, что попал впросак. Откос высокий, лезть далеко, а внизу обрыв. Все-таки здесь грандиозные горы и масштабы колоссальные. И мне стало страшновато. Опустился я на четвереньки и пополз, цепляясь за все неровности и кустики, что попадались на пути. Где уж там разглядывать, за что ухватился, все мысли только о том, как бы поскорее отсюда выбраться. Запомнил лишь, что цеплялся за вонючую ферулу. В общем, вылез я наверх, натерпевшись страху, весь измызганный, грязный, с дрожью в ногах. Правда, я тут же и забыл о неприятном приключении, но через день понял, что даром все это не прошло. Руки стали зудиться, а это признак того, что «обросился». Так у нас, на Алтае называется травяной ожог, вещь довольно неприятная. Но там совсем другие травы, и я понадеялся, что, авось, пронесет, перетерплю, и не принял никаких мер для лечения.

Из Душанбе мы перелетели самолетом в Ленинабад (Ходжент). И опять я махнул рукой, даже не удосужившись отыскать аптеку, а ведь знал простое средство, которое могло легко спасти меня от неприятности. Не хотелось затрачивать время на такие, как мне казалось, пустяки.

- Здесь есть горы, называются Могол-Тау, - поделился Володя своими планами. - Я давно собирался их осмотреть.

Степь, даже пустыня начинается сразу же за конечной остановкой троллейбуса. Голый пустырь, а за ним такие же серые горы, каменные, прокаленные солнцем, по всем признакам совершенно безводные.

- Без запаса воды сюда соваться не стоит, - решил сын, оглядывая всю эту унылую картину, - меня уже сейчас жажда мучает.

Воду мы раздобыли в одной из квартир многоэтажного дома. Хозяин, оказавшийся бывшим геологом, не только приветливо встретил, но и дал дельные советы. Родники, оказывается, там есть. Тем не менее, тяжелую канистру мы все же с собой взяли.

Жара и солнце подгоняли нас, и вскоре мы были у входа в ущелье. Оно довольно угрюмо и, несмотря на весну, успело выгореть, но Володя радуется: наконец-то кончился лесс, наконец, гранитные горы. И верно, чем дальше, тем все свежее зелень. Запахло полынью, появились кусты цветущей ферулы, ползучая эфедра на скалах. Черный, обросший львиной шевелюрой пастих рассказал, где найти родники. Это совсем близко. А мы-то горбатились, по жаре перли аж 10 литров.

До родника мы не дошли, так как по пути для bivуака нашелся удобный, уединенный, а главное, спрятанный от посторонних глаз боковой отщелок. Вполне уютно, даже комфортно, тем более, что и зной стал спадать. Сбоку нависали белые утесы, ноздреватые, будто изъеденные оспенными язвами. А вокруг стоял настоящий лес из прошлогодних, в рост человека ферул, с сухими остовами желтых стволов, толщиной в человеческую руку. И тут же рядом росли молодые цветущие кусты с сидящими на них черными усаты-

ми жуками. Усачи шевелили длиннющими усачами и угрожающе двигали челюстями-жвалами. Яркие и пестрые осы размером с шершня вились над цветами. Лопухами рос катран - родич нашей капусты, похожий на ревеня, с листьями размером со слоновьи уши.

Странное какое-то название этих гор. Интересно, имеет ли оно отношение к монголам?

Володя сидит на камне и занят просмотром вчерашних сборов, поэтому не спешит с ответом.

- Думаю, что имеет. Когда-то в средние века едва ли не большую часть Средней Азии в Европе называли Моголистаном. А название это могло произойти от монгольских наместников, оставшихся после походов Чингиз-Хана.

Начало смеркаться. Вдали заурчал козодой, нежным колокольчиком ему откликнулась жаба, зацыкали геккончики. Голоса их негромкие, механические, похожие на стук молоточков часов. Я ожидал услышать голос филина - самое его место, - а закуковала кукушка. Кажется, вечером жизнь здесь только и началась...

Костер мы жгли из ферульных бодыльев. Они горят жарко, как порох, других дров и не надо. Я держал над огнем кисти обожженных и зудящихся рук. Это приятно и как будто бы помогает, но следов заживления пока не было видно и даже наоборот, волдыри и зуд еще увеличились. По опыту я знал, что потом волдыри лопнут, и начнется загноивание ран. Со мной там, где я живу в предгорьях Алтая, это уже бывало много раз. Все это неприятно, а главное, долго.

За ужином, держа ложку с картофельным супом, Володя сказал, показывая на цветущие розовым цветом зеленые стебли:

- Видишь, это псевдоседум. Завтра здесь будут летать аполлониусы.

Признаться, я не поверил.

Утро 5 мая встало мглистое, затянутое белесой пеленой. Долго не показывалось солнце.

Наше присутствие вовсе не нравится нашим соседям - воронам, чье гнездо на отвесной скале под самой вершиной горы, не в восторге и скалистые поползни, прилепившие свой глиняный кувшинчик под нависающим скальным карнизом. И те, и другие тревожно - повелительно кричали, и звуки их голосов эхом разносились в каменном коридоре.

С кружкой горячего чая Володя сделал шагов 20, повернулся ко мне и кричит, а что, я никак не слышу. Наконец понял: «Аполлониусы!» А потом: «Много!»

Через завалы крупной осыпи, заросшей травяной чащей, я поспешно пробрался к нему.

Снежными хлопьями вальяжно и как-то даже лениво порхали большие бабочки. Их было много и все бумажно-белые, но даже в полете были заметны рубиновые глазки, придававшие бабочкам праздничный вид.

- Это все самцы, - пояснил Володя, - с ними у нас проблем не будет. Их всегда с избытком в отличие от самок, которые либо не показываются, либо их очень мало. А как ты понимаешь, без самок коллекция не может быть полноценной.

Но и самцы только на вид казались ленивыми. Стоило лишь мне замахнуть сачком, как они разом шарахнулись в стороны. Я бросился было за ними, но разве побегаешь, прыгая через огромные обломки скал и густые кусты, переплетенные травой! Впрочем, мы скоро приспособились, заняв удобные позиции и дав бабочкам успокоиться. Они налетали сами, но лишь пару раз попались самки – заметно более крупные бабочки с полупрозрачными, а потому темноватыми крыльями, казавшимися сероватого цвета.

В первый день я поймал двух бабочек женского пола, а Володя - шесть. Итого восемь.

Кроме аполлониусов здесь же ловились похожие на репниц белянки Крюпера – обитательницы сухих южных гор.

Вечером, только мы собрались ужинать, как налетела гроза. Уже стемнело, и яркие вспышки молнии слепили глаза. Один разряд так трахнул в ближайшую вершину, что она затрещала, а с макушки посыпались камни. Дробный стук крупных капель заставил нас срочно ретироваться в палатку. В тесном нашем жилище от горячей еды и чая вскоре стало жарко, и, разморенный горячей пищей и уставший за день, Володя тут же упал спать. Кастрюльку с недоеденной кашей выставили за полог палатки прямо под водяные струи. Я забеспокоился:

- Надо бы укрыть от дождя!

- К чему, - резонно возразил засыпающий сын, - завтра будем разогревать и все равно добавлять воды.

Вот она черта настоящего путешественника - неприхотливость.

На следующий день Володя решил подняться повыше в горы, я же, оставшись у лагеря, караулил красавиц - великанш, самок аполлониуса. В конце концов, я разгадал их загадку и даже обнаружил их девичник или своего рода родильный дом. Так это или нет, но я нашел место, где их было довольно много. Это был клочок земли на южном склоне, заросшем густым кустарником. Не обращая внимания на белоснежных кавалеров, я внимательно следил за склоном, пока какой-нибудь из самцов не вспугивал самку. Тогда не зевай: беги за ней или смотри, где она присядет. Полет бабочек-дам тяжел и медлителен, хотя и быстр, но, как правило, прямолинеен. Обычно они быстро устают и стремительно присаживаются, будто уткнувшись в траву.

На этот раз мне одному удалось поймать целых восемь самок, что явилось своего рода рекордом.

После обеда с вершины хребта вернулся Володя и почти пустой, хотя и добрался до северных склонов гор. Бабочек нет, но принес жуков-кравчиков, букет роскошных красных тюльпанов для гербария и пучок дикого лука, почти не отличающегося по вкусу от домашнего.

Лук тут же зажарили в масле, а потом заправили им суп. Приправа получилась вкуснейшая, как из грибов.

Утро 7 мая было опять хмурым и прохладным.

У меня прямо-таки катастрофа с руками. От травяного ожога вздулись жуткие волдыри, кисти опухли, будто надеты боксерские перчатки. Осмотрев их, Володя трагически изрек: «Как из фильма ужасов!

Если так и дальше пойдет, ты получишь заражение крови». И вынес вердикт: «Надо срочно спускаться в город и добывать лекарство». Конечно, я виноват сам, тем более что знал, как и чем лечиться. Не надо было запускать и заняться этим сразу, как прилетели в Ленинабад.

Аптеку в городе мы нашли быстро. Молодая узбечка-санитарка изумлена. Побежала за доктором. Пришел пожилой узбек, издали равнодушно взглянул, с полным недоверием выслушал мои объяснения и ничего не сказав, ушел. Слава Богу, что не задержал, ведь судя по его виду, он наверняка решил, что я вру, и у меня что-то вроде проказы. Как я понял, здесь никто ничего не знает о травяных ожогах, не то, что у нас, на Алтае, где, пожалуй, нет человека, который бы не «оброшался», собирая в поле или лесу ягоды.

Я же взял по тюбику лориндена и гидрокартизона, спрятал руки, опустив рукава рубашки, и мы поехали в городок Кайраккум на берегу водохранилища того же названия.

У берега здесь всюду сады и поселки. Выбрали уединенное местечко, без людей (поселки здесь почти не кончаются), выпили по бутылке кефира, купленного в городе, и принялись за мои руки. Да, упустил я время! Мазать нужно до появления волдырей, тогда все было бы хорошо, а сейчас сплошная рана. Но делать нечего, я выдавил на руки весь тюбик гидрокартизона, а перевязывать не стал, чтобы мазь лучше впиталась в пораженную кожу.

Сады вскоре кончились, начались песчаные барханы, а за ними возвышались голубовато-серые, необычные горы с не менее странным названием Окбель. Вид у них какой-то неземной, почти космический. Растительности никакой, голые глины, как оспой испещренные редкими кустиками чахлах солянок. Такие горы не такая уж большая редкость в Средней Азии, но все равно они всегда удивляют, а здесь еще и поражали своими размерами. Глядя на острые, как ножи, гребни, едва ли не отвесно вздымающиеся на почти километровую высоту, чувствуешь себя маленькой песчинкой, и даже ощущаешь страх перед их грандиозностью.

День, проведенный в этих лунных горах, показал, что они бедны бабочками. Лимит времени у нас вышел, и решено было ехать в Ферганскую долину. Она совсем недалеко, но надо возвращаться назад в Кайраккум.

- А что если махнуть напрямик через горы? - подумав, предложил Володя. - И короче, и бабочек по пути подловим. Вдруг да что попадет дельное.

Сын как будто угадал и мои мысли. Меня самого занимал вопрос: что там таится в глубине застывших глиняных волн?

В устье лога зашли как в глиняный коридор. По дну торчат кусты саксаула, по сторонам белые стены. Даже непосвященному человеку видно, что это отложения ила. Когда-то здесь было озеро, потом оно ушло, а илы огромным слоем остались. Их размывала вода, избородив оврагами, трещинами, промоинами. Получились причудливо изрезанные горы с острыми гребнями и гребнями и кое-где с выходами прослоев

плотного песчаника. Это почти скалы, хотя и слабые, испещренные дырами и щелями.

Чем дальше, тем все уже ущелье. Это уже ка- ньон-промоина с затайливыми изгибами, с застряв- шими на дне каменными глыбами, кустами погибше- го саксаула. Очень душно, как в духовке.

Зверинные следы впечатались в засохшую гли- ну. Крупный хищник парит, показавшись в просвете неба. Запахи земли и тлена.

Чтобы перевалить через горы, нам надо выби- раться на гребень. Но откос очень крут, сложен рых- лой, а кое-где и пухлой породой, тем не менее, Воло- дя упрямо и уверенно ведет вперед. Выбивая ступени ботинками, вместе с тучей пыли мы поднимаемся на почти отвесную стену. С сухим шорохом земля стру- ится по склону, пыль забивает глаза, оседает на одеж- де и теле. Вот сын вышел на гребень, а теперь и я, ста- раясь не глядеть вниз, карабкаюсь на вершину утеса. Тут, если сорвешься, будешь катиться до самого дна. Убиться не убьешься, но обдерешься до крови, да и ноги поломать ничего не стоит. К тому же мне нужно беречь свои обожженные руки. У Володи другая про- блема - он тащит десятилитровую канистру с водой, которая здесь кажется вдвое тяжелей.

Обсыпанные белой пылью, выбрались на пред- вершинный гребень и прошли по нему, достигнув платообразной макушки. Это еще не основной гре- бень, главный хребет впереди перед нами. Справа он вздымается страшной почти отвесной, совершенно непроходимой кручей с острыми, косо торчащими зубьями по гребню, но левее хребет приобретает бо- лее плавные формы. И хотя весь он сверху до низу изборозжен полосами промоин, путь через него ясен. Единственное препятствие - это полоса ноздреватых скал, протянувшаяся поперек склона. Даже издали видно, что это выход известнякового сланца, про- резавшего глиняные отложения. Но беспокоит путь дальше, ведь за вершиной его совершенно не видно, и я рвусь вперед. Во-первых, потому что не люблю ночевать на вершине из-за возможных гроз, что опас- но, а во-вторых, мне не терпится узнать, что там впе- реди, что ожидает нас за перевалом.

- Нет, уже поздно, - не соглашается Володя, - се- годня перевалить мы все равно не успеем, а места лучше этого для ночевки нам не найти.

Местечко и действительно неплохое. Плоское перевальное седло, сухо, мягкая почва, на которой будет удобно спать. Даже здесь, на голой земляной вершине есть жизнь. Растут кусты парнолистника со стволиками, похожими на саксауловые, какие-то космические, незнакомые мне бордово-розовые цве- ты.

Проворно бегают длинноногие клещи. Ползут мокрицы, причудливые членистоногие с черными по- перечными полосками на спине. Крупные чернотел- ки, подняв кверху брюшко, суетливо спешат по сво- им делам. И много муравьев. Они торопятся, бегут по протоптанным дорожкам; пустые в одну сторону, нагруженные семенами каких-то злаков, - в другую. Карабкаются по почти отвесным стенам, таща на себе совершенно непомерный груз, срываются и упрямо лезут снова.

Сегодня я, как «инвалид», отдыхаю, а Володя, соорудив из обломков песчаника очаг, варит молоч- ный суп. Саксауловые дрова мы принесли с собой. Палатка создает уют, и все бы хорошо, но меня про- должают удручать мои руки. Зуд, правда, прошел, но сегодня я их подверг дополнительному испытанию, и из-за пыли возможно попадание инфекции. Промыл руки спиртом, слегка забинтовал, но, чему я вовсе не рад, Володя обсуждает вопрос моей срочной эвакуа- ции в Алма-Ату.

Стемнело. Перед нами фантастическая, но и жутковатая картина, усугубленная сумерками. Со всех сторон кручи, острые как лезвия ножей, гребни и грани откосов, ведущие в пропасти.

Тихо. Но вот «постучал» геккончик, взвизгнул, замурлыкал козодой и пролетел мимо, как две капли воды похожий на кукушку. А совсем рядом, откуда-то из земляной трещины подала голосок... жаба. Дама с такой неприятной наружностью, но с удивительно нежным колоратурным сопрано.

Опять все примолкло и вдруг басовито:

- У-гу!

Филин объявился.

Мы легли спать, подготовившись слушать ноч- ного пугача, а если сильно повезет, и волчий вой, а вместо этого загудел ветер. Все сильнее и сильнее, он рвал палатку, надувая ее шаром. Она хлопала боками и рвалась, стараясь выдержать крепления. Нам уже не до сна, и забота была одна - выдержит ли наша пер- калевая палатка. Мы прислушивались к реву урагана, а он бесновался все громче и сильнее. Я берусь за крышу, притягиваю борта к себе, стараясь уменьшить парусность. Это немного помогает, но палатка дерга- ется, толкает под бока и кажется, что сейчас сорвется и полетит, как ковер-самолет, унося нас в пропасть. Было тревожно, и мы с нетерпением ожидали утра.

Взошла луна, осветив совершенно дикую карти- ну, но ураган продолжал метаться и бушевать, стих- нув лишь с рассветом. Я заснул под утро, и мне при- снился мой друг, заболевший накануне Фещенко. Он стоял страшно худой и молча, и укоризненно глядел на меня. Уже потом, после возвращения домой я уз- нал, что он умер именно в это утро.

Мы поднялись, едва только солнце выкатилось из-за кромки розовых гор. Было облачно и прохлад- но. Порывами продолжал дуть злобный и холодный ветер.

Напились горячего чаю, рюкзаки на плечи и - в дорогу. Немного спускаемся и тут же преодолеваем крутой взлобок. Ноги вязнут в рыхлой почве, и Во- лодя советует идти по обломкам марганцовой корки. Это немного помогает. И вот она главная преграда: каменная стенка примерно десятиметровой высоты, сланцевый барьер, протянувшийся поперек горы. Во- лодя решает брать правее, где стенка пониже, хотя под нею пугающий обрыв. Приостановившись, я смотрю, как сын по-козлиному легко и быстро вска- рабкался, почти взбежал наверх. Теперь моя очередь. Страшновато взбираться, а тут еще и рюкзак цепля- ется за скалу. Смотрю, за что бы ухватиться, а Володя уже подает руку и вытягивает меня наверх. Даль- ше все просто, хотя и не видно, что впереди, а наш

гребень становится узким, как лезвие пилы. По обе стороны опять пропасть и провалы, за ними острые грани острых вершин.

Взвизгивая и свистя, под нами носятся стрижи. Хищник парит на одной высоте с нами.

Гребешок расширился, превратившись в широкую седловину пологого хребта. Замечаем, что уже некоторое время мы идем по еле выраженной тропе. Но чья она: волчья, овечья? Волчий (или собачий) помет встречается здесь везде, так же, как и старые, выгоревшие на солнце кости.

Наконец, перевалили на северную сторону гор. Здесь зеленее, склоны положе, короче и нет никаких пропастей и каньонов. Но не успели мы свободно вздохнуть, как неожиданно пошел дождь. Сначала слабый, а потом все сильнее и сильнее. Пришлось остановиться, укрывшись полиэтиленовыми накидками. А дождь разошелся не на шутку, и вот уже хлещет настоящий ливень! Пленки прилипли к телу и холодят, и вдруг стало казаться, что вода наступают не сверху, а снизу.

- Быстро ставим палатку! - не выдержал Володя, сбрасывая с себя рюкзак. - Иначе промокнем.

Но глинистая почва уже успела так напитаться водой, что превратилась в мокрую жижу. Бр-р-р, какие ледяные сверху льют струи! Скользя и утопая в грязи, расстилаем чистенькую палатку и ставим ее почти в лужу. Почва так раскисла, что стойки и штыри проваливаются, не находя опоры. Все, наш дом готов! Промокшие и озябшие, съжившись, мы втискиваемся внутрь. Надо бы переодеться в сухое, зарыться в спальный мешок, согреться, но тут я замечаю, что бок палатки просел, и ткань уже не держит влагу. На полу потихоньку собирается лужа. А дождь все сыплет и сыплет и кажется, что нет ему конца. Мы уже замерзли, постель отсырела, дров нет, да и костер все равно не разжечь. Если погода не исправиться, как промокшим ночевать? Перспектива не из приятных!

Высоко в небе послышался далекий гул самолета. «Эх, хорошо бы сейчас оказаться там, в тепле, на мягком кресле!»

И тут дождь стал стихать, а вскоре и вовсе кончился. Мы вылезли из палатки. Вся пустыня окончательно раскисла, всюду лывы воды. Палатка заляпана в глине, одежда измазана, на ботинках по пуду грязи. И все же некстати пришла бродячая собака и уставилась на нас голодными глазами.

Кое-как запахали мокрые вещи в рюкзаки и побрели в сторону виднеющегося вдаль поселка. Ноги скользят, разъезжаются, того и гляди, хлопнешься в лужу. Зато погода явно пошла на улучшение. Даже залетали бабочки.

Наконец-то подсохли, согрелись. Жить можно!

Доплелись до кишлака, называется Саган. Это типично восточный поселок с глиняными заборами-дувалами и домами из сырцового кирпича. Каждая усадьба - настоящая крепость, а в двориках виноградники, сады.

Идем, глазеем по сторонам и вдруг, о чудо! Подошел рейсовый автобус «Ташкент – Чуст». Как раз то, что нам нужно.

- До Пунгана доедем?

- Давай, садись.

Едем по дороге вдоль глиняных гор, через которые только что перешли. Отсюда они казались вовсе невысокими и не имели никакого вида. Но мы-то теперь знали, что собой представляют эти неказистые «лунные» холмы со странным названием Окбель.

В шикарном «Икарусе» тепло, комфортно, а ведь только что мы тряслись от холода, и казалось, что и выхода нет.

- Вот такая она, Средняя Азия и есть, - глядя в окно, как бы про себя, сказал Володя, - непогода напугает, и тут же снова теплынь. Еще от жары будем изнывать.

А руки мои зажили через два дня. Все-таки трава - это не огонь.

В одиночку через Каратау

Поход 1988 года, когда мы вдвоем с сыном путешествовали в горах Каратау, стал разведкой ранне-летней фауны, июньской, а вот что летает там в июле оставалось для нас неизвестным, и, конечно, это хотелось бы узнать. Тогда эти горы на юге Казахстана, тугайные чащи среди каменистых утесов, ласковые ручьи и реки, скачущие в каньонах, вершина Мынжилга, овеваемая семью ветрами - все это оставило в памяти яркий след. Манила и та самая новая бабочка, таинственный сатир, названный гипонемофоли Яссауи. Ведь тогда было поймано всего два экземпляра, а это явно недостаточно, чтобы разобраться с таксоном. Володю же интересовали агродиэтусы, особенно многочисленные у вершины Каратау. Все это и заставило меня в 1990 году решиться на вторую поездку, на этот раз в одиночку.

1 июля я приехал в Алма-Ату, и в тот же день сел на автобус до Сызгана, начального пункта моего пешего маршрута. Через сутки дорожных мытарств с поломками «Икаруса», жарой, духотой и давкой, иду по длинной улице знакомого мне поселка Кызмолдак. Немного неутно быть в одиночестве и даже беспокойно в чужом краю. В жаркий полдень на улице безлюдно и лишь чумазые ребятишки бегут следом и назойливо кричат: «Турист, турист!» Других русских слов они не знают.

А вот и первое препятствие на пути: на дороге стоят два здоровенных верблюда и рассматривают меня бесцеремонным, презрительным взглядом. С опаской прохожу между ними; черт их знает, что у них в пустой башке! Отвесив нижнюю губу, они поворачивают головы вслед за мной, к счастью, не решившись меня заплевать.

Дорогу я хорошо помню. Сразу же, выйдя за поселок, глазами ищу ручей. Нашел, но русло сухое! Однако, как путеводная нить, он все же годится, и я иду вдоль него. Время уже 10 вечера, но еще светло. Над горизонтом висит багровое солнце, и все еще взлетают одиночные сатиры бризеиды. Они тут же садятся, серой расцветкой сливаясь с камнями пустыни.

Отошел километра четыре от поселка и решил ночевать, хотя задумка была дойти до родника уже в горах. Устал, да и есть захотелось.

Палатку поставил на речном песочке. Горячую еду сегодня не готовлю, так как есть сыр, который от жары стал горьким и мокрым. Отварное мясо, что дала мне в дорогу сестра, есть боюсь. День был очень жарким и потому решил выбросить, чтобы не отравиться. Есть у меня с собой и вода, три литра в полиэтиленовом бидоне, так что я полностью автономен.

Стемнело. Поднялся легкий ветерок. Палатка шелестит, будто ее кто ее дергает и трясет. В окошко видны огоньки в деревне. Ночь прошла незаметно быстро, хотя вскоре похолодало и пришлось вставать, чтобы надеть куртку.

С вечера задумал встать пораньше, но проспал и поднялся лишь в шесть часов. Пока собирался, за пологом палатки что-то зашуршало. Оглянулся, а там бежит вода. Это, ни с того, ни с сего возродился ручей.

3 июля. Вышел в 7 часов. Рюкзак у меня тяжелый, наверное, килограммов 17, но лишнего ничего нет. Разве что несколько пакетов супа, всящих совсем пустяки.

Немного прошел и вдруг вдалеке увидел фигуры трех человек. Они были наполовину скрыты логом, и мне показалось, что они едут в грузовике. На самом деле это были всадники. Мне не хотелось нарушать свое одиночество, и я спрятался, присев в канаву. Всадники проехали. Скорее всего, это были чабаны, а значит, они пасли скот где-нибудь в ущелье, в которое я шел. Действительно, вскоре заблеяли козы и овцы. Решил обойти этот участок, расспросы, праздное любопытство мне вовсе ни к чему.

За поворотом тропы, из-под скалы у зеленого лужка бьет чудесный родник. Он так силен, что изливается целым ручьем. И вода вкусная, пьешь и не можешь напиться. Так здесь хорошо, что век бы отсюда не уходил.

Нынче все гораздо суше, чем было в 1988 году. Среди скалок и посохшей травы, всюду видны подушки дикой вишни со спелыми плодами.

Подувает легкий ветерок, не давая мелким бабочкам взлетать. Сатир энервата вспархивает и тут же норовит укрыться, присев где-нибудь на скалке. Манерой полета он удивительно напоминает птицу козодоя. Тот так же стремительно и бесшумно взлетает и, сделав косой пируэт, садится, своей серой окраской маскируясь среди каменистой пустыни.

Голубяночка ариция агестис (Бабочек уже позже определял Володя), сверху темная, с оранжевой зубчатой каемкой, сидит на цветке, сучит крылышками. Она трет их друг о дружку, то раскрывая, то закрывая, а кажется, будто мигает фонариком: я тут, я тут.

Выводки скалистых поползней оглушительно орут. Еще не умея летать, они прыгают по утесам как кеклики. А на речке вьется множество стрекозок: синих, зеленых, голубовато-серых и более обычных - желтовато-зеленых. Их так много, что они мешают искать бабочек. А тут еще мухи, огромные, пестро-черные, длинные хищные ктыри, разноцветные осы, шмели. Но цветов уже маловато, на юге все быстро выгорает под жарким солнцем. Кое-где доцветает белый шиповник, тысячелистник, есть белые и розовые вьюнки, по берегам заросли душицы, мяты, а среди

посохшей желтой травы на склонах свечками торчат кусты белой мальвы. По косогорам катятся, гремят высохшие лопухи, багровые, ржаво-красные, скрюченные от жары, съежившиеся в комки. Падая, они прыгают со скалы на скалу и производят оглушительный шум.

Здоровенные лягушки пасутся в траве вдоль ручья и ловят нелетающих кобылок. Когда такая толстуха плюхается в воду, то кажется, что бросили увесистый булыжник. Поневолу вздрогнешь!

Деревья и кусты всюду облеплены объединенными вишневыми косточками. Я все не мог понять, чья это работа, пока не увидел тысячные стаи розовых скворцов. Они сидят на кустах, образуя птичьи базары, непрерывно галдят и объедают перезревшие, сладкие плоды. И ведь надо же, какие привереды: косточки не глотают, а выплевывают.

Рядом с тропой роскошнейший отщелок с ручьем и дикими, почти непроходимыми зарослями. Хоть он и не по пути, но как туда не заглянуть, тем более, что день на исходе, а лучшего места для ночевки не сыскать. Комфортно, уютно, а главное уединенно, в стороне от тропы, а значит, исключена встреча с человеком. Хотя чабаны люди, как правило, совершенно безобидные, я настроился на одиночество и не хочу, чтобы мне мешали.

Если существует йети, аламаст, он же снежный человек, то он должен жить именно здесь. Теплый климат, надежные убежища в гротах среди скал, вода, дикое фруктовое деревья. Есть и мясо: сайгаки пасутся круглый год вблизи, в лесу козули, в горах архары, козлы, куропатки.

Вот и я выбрал укромное местечко - полянку среди дебрей, и решил заночевать. Сварил вкуснейший суп из двух пакетов куриного супа и банки свиного сосисочного паштета. Наелся до отвала!

Заварил индийский чай и залпом выпил сразу целый литр. Мне хорошо понятна жизнь кочевника-скотовода: нет ничего лучше хоть в мороз, хоть в жару, чем выпить ароматного, горячего чая.

Время еще не позднее, сижу, кипячу воду (сырую пить боюсь) на завтрашний день. Заготовил целых четыре литра, благо дров навалом. Ясеньевые сучья ломки, горят чудесно и даже с ароматом.

Сумерничает. Энергично застрекотали кузнечики на деревьях. Путаясь в траве, загудели коричневые мохнатые майские жучки. А с горных склонов донеслось негромкое, мелодичное урчание сверчков.

А где же козодой, сплюшка? Впрочем, уже июль, птицы молчат. Сегодня весь день видел кукушку. Я шел, а она сопровождала меня, перелетая с дерева на дерево, и молчала. Странная какая-то кукушка!

Сегодняшний мой улов невелик: всего два матрасика собранных бабочек, но я надеюсь, что поднимусь в горы выше, там будет посвежее, и чешуекрылых больше.

До темноты успел еще сшить из детского пухового одеяльца спальный мешок. Правда, он получился коротковат, всего до пояса. Зато просторный.

4 июля. Безбожно проспал почти до 9 часов. Такое со мной бывает очень редко. Вот что значит спокойный сон на свежем воздухе в горах! Ночью

мне стало холодно, так как спальник оказался коротким, чуть ниже пояса, а куртка, которую я надеваю на ночь, чуть выше пояса. Вот поясница и замерзла. Тогда я намотал на поясницу полотняный вкладыш от спальника. Стало тепло, и я сладко проспал, покуда не разбудило жаркое солнце.

Погода - полный штиль и совершенно безоблачное небо. Впрочем, дня без солнца здесь практически не бывает. Природа и впрямь посвежела. Всюду гигантские свечи белой мальвы и желтого коровяка. Пестренки буро-оранжевые голубянки исчезли, зато пошли светло-кремовые со стрелкой. Это агродиаетусы, их особенно ценит Володя. А сатиры тьма! Держатся у цветов, а особенно любят душицу и все ароматные растения. Есть палевые самки сатиридов бризеид просто гигантских размеров.

Впереди по ходу пасется стадо с быком. Это мне вовсе не нравится, и я обхожу его стороной. Сворачиваю с тропы и лезу на короточках в коровий проход через чингилевые заросли. Ох, колюч чингил, к тому же густ - не продерешься! Не только одежду, собственную кожу можно оставить на колочках.

Стало много разных голубянок. Но шустры! Летают быстро и сверкают, как искорки, моментально исчезающая на солнце.

Черные сланцевые скалы сменились рыжевато-красными в лишайниках. Ущелье сузилось, склоны все зеленее. Как бы в раздумье, где-то в кустах запел дрозд. Опять кони. Места райские, но все истоптано и загажено скотом. Тем не менее, я решаю здесь остановиться на ночлег, с тем, чтобы половить как следует еще и завтра. Выбрал сухое место рядом с ручьем и могильными курганами на поляне. Не одному мне она приглянулась! Чиркнул спичкой, чтобы разжечь костер, и вдруг, как взрыв, вспыхнула трава. Языки пламени рванулись во все стороны, кругом затрещала горящая сушь. Я кинулся затаптывать огонь, потом схватил бидон полный воды. Кое-как успел потушить, а то бы беда. Хорошо, что палатка была в стороне, в 5-6 метрах. Но все же кое-что успело подгореть и даже рюкзак прихватило.

Пишу, а уже 11 часов вечера! Темнеет. Подошли кони, целый табун. Уши торчком, смотрят настороженно, но и с любопытством. Нигде ни одного человека, одни лошади и у них такой осмысленный взгляд, что мне кажется, будто я в стране-гуингмгов. В стране лошадей, наделенных разумом.

Сегодня я собрал очень много бабочек, наверное, не меньше шести матрасиков. А ведь это с маленькими голубяночками!

5 июля. Среди ночи проснулся от фырканья и топота лошадей, причем такого близкого, что я стал опасаться, не растопчут ли она меня вместе с палаткой. Приподнялся и в капроновое окошечко вижу вокруг темные силуэты. «Гуингмгы» столпились вокруг меня, ржут и бьют копытами, явно недовольные, что я расположился посреди их табора. Спать в таких условиях было неуютно. Я взял приготовленную с вечера и положенную у входа дубину и, выскочив наружу, стал орать и колотить о камни. Совсем как дикий человек. Несколько мгновений «гуингмгы» недоуменно взирали на меня и не двигались, а потом вдруг бросились

врассыпную прочь. Тяжелый топот, а потом грохот осыпающихся камней и целых скал подсказали мне, что напуганные лошади взбираются на крутую скалистую гору. Камнепад долго не прекращался, и я искренне сожалел о своем поступке, ведь лошади могли переломать ноги, покалечиться или даже убиты.

Было очень тепло. Мешок свой я еще вечером перешил, теперь сделал его в длину. Немного тесновато, зато теперь он выше пояса и согревает поясницу. Прежде чем юркнуть в теплую постель, взглянул на небо: звезды еле проглядывали, и как раз над головой висела полярная звезда.

Я посмотрел на часы: без пятнадцати три. Долго не мог заснуть. Короткими трелями пел черный дрозд, потом свистел поползень. Утро встало пасмурное, с белесым небом и легким ветерком. Но вот сквозь облачность пробилось солнце и сразу опалило жаром. Выскочил из палатки, как угорелый.

Часы у меня встали, вчера забыл завести. Подумал и перевел их на один час вперед. Чай не кипятил, а перекусил с ручьевой водой сухариками и какао.

Голубянки заманили меня вглубь «моего» ущелья. Оно чем дальше, тем все более живописное и дикое. Здесь настоящий рай для чешуекрылых. Под сенью ясеней носятся пандоры и гигантские многоцветницы, над цветами роятся голубянки нескольких видов: икары, икадиусы, агродиаетусы филлидесы и каратавики, атамантии александры. Какие они все разные, но все цветные, красивые и все свеженькие! Я не могу остановиться, от жадности хапаю и хапаю их и пригоршнями кидаю в матрасики.

Местами ущелье почти непроходимо, но выручает тропа моих гуингмгов. Хотя, признаться, эти уединенные дебри больше подходят для обитания йети, нежели лошадей.

Ущелье все больше дичает. Я давно понял, что иду не своей дорогой, но не могу оторваться из любопытства, и упрямо лезу вперед. Во многих местах видны свежие покопы земли с разбросанными вокруг камнями. Какой-то зверь выкапывал луковицы и корешки. Но какой? Барсук, дикобраз, кабан? Вот и кучи помета, но старого, и я не знаю, кому он может принадлежать. Следы и целые тропы теряются в непроходимой чаще.

Среди огромных валунов и зарослей тростника струится ручей. Он то исчезает, то появляется вновь. Не верится, что еще вчера я шел пустынным, выгоревшим от жары и солнца ущельем. Зеленая так свежа, что я решаю, будто ручей здесь будет всегда, и выливаю из бидона почти всю воду, оставив на доньшке примерно один литр.

Дебри становятся почти непроходимы, а расщелина сужается, превращаясь в скальный каньон. Обомшелые стометровые отвесы, местами обросшие кустарником и травой. Далее заросли смородины, какие-то дудки, зонтичные, акация. Я понимаю, что карабкаться по скалам не только бессмысленно, но и опасно, но утесы заманивают околдовывающей красотой, и я продолжаю лезть, цепляясь за камни и корешки. Нет, стоп! Жалко терять высоту, но терять разум еще хуже. Я спускаюсь назад и стороной обхожу расщелину, в которой давно скрылся ручей.

Заходящее солнце и жажда (остатки воды я давно выпил) гонят меня вперед. Осознаю, что эту ночь мне, скорее всего, придется провести без варева и чая. Вершина хребта близка, а там в это время вряд ли найдешь воду.

Выбираюсь на верх крутого косогора и вижу удивительную картину. Передо мной огромный зеленый цирк, обрамленный по верху выходами серых скал. Для ночевки хорошо, но сейчас меня донимает жажда и интересуется вода. Я обвожу глазами травяные склоны, вижу на дне зелень кустарников, но нигде никаких признаков ручья или даже источника. В изнеможении присаживаюсь на камень, чтобы перевести дух, и вдруг, о чудо: со стороны утесов, где-то в глубине скал слышу глухое бульканье и бухтение воды.

Уже темнеет, но я без раздумий спускаюсь в основание цирка. Это как раз то место, куда снизу подходит каменный каньон. Свешиваясь со скалы, заглядываю вниз. Так и есть: внизу, на дне расщелины, сжатой утесами, блестит вода. Я спасен! По движущейся осыпи крутого кулуара скатываюсь на дно. В травяных зарослях не только родник, но и целый ручей убегает в каньон. Есть и площадка, чтобы разбить лагерь. Почти в темноте ставлю палатку и развожу костер. Пламя отражается в скалах, стискивающих каменный мешок. Над головой узенький клочок небосвода. Вижу ручку Большой Медведицы, а ковшик ушел за скалу. Дикое, мрачноватое место, зато уединенное и скрытое от посторонних глаз. Я как в засаде, правда, обзора никакого нет. Здесь, наверняка, звериный водопой. Интересно, кто придет сюда ночью? Я перечисляю в уме возможные варианты: архары, теки, волк, елик, кабан. Медведей здесь, вроде бы, нет. Опять-таки, самое подходящее место для йети, но, к сожалению, это только заманчивая сказка.

Варю вкусный суп, ложусь спать и с наслаждением тут же засыпаю.

6 июля. Никто так и не пришел в мой каменный мешок. А может быть, я ничего не видел, так как крепко спал. Сюда не добирается даже ветер. Полная тишина и штиль. Это глухое местечко мне так понравилось, что я решил устроить здесь базу. Оставил палатку и вещи и налегке пошел на разведку и на охоту.

Здесь уже другая растительность, близкая к высокогорной. Цветет розовый шиповник, всюду подушки чабреца, хлопущки, то ли цветы, то ли плоды розового цвета. Много таких, которые я совсем не знаю. Из новых бабочек появились яркие, оранжево-красные, будто атласные, червонцы Сольского, гипонифеле Габергауэра, оранжевые толстоголовки.

Набегался и наловился в своем «парке» вдоволь и по шикарней тропе стал подниматься наверх. Тропе, наверное, не одна тысяча лет. Широкая, будто прорезанная бульдозером. Сколько архаров, теков по ней прошло! Вот и в прошлый раз, видимо, по ней шли те архары, которых мы наблюдали в 1988 году.

Вышел на гребень. Да, это почти вершина. В логу лежит огромный пласт снега. Дотаивает с зимы. От его вида, от мрачноватого глиняного оврага стало как-то немного не по себе. Но рядом есть зеленые луга. Яркие, синие, розовые шары лука, и на них го-

лубые агродиаetusы, названные позже каратавиками. Свеженькие, яркие, глаз не оторвать! Стал, было ловить, но тут налетел порыв ветра, вырвал коробку из рук, матрасики разлетелись, как сухие листья. Весь утренний улов унесло! Кое-что удалось собрать, но ветер так и не дал поохотиться. Начинаясь где-то на вершине Мынжилги, он с гулом несется вниз, и приближение его порывов видно по волнам, бегущим по траве. Он налетает, рвет и треплет одежду и так же быстро уносится вдаль.

Мынжилга - тысяча каменных коней - главная вершина Каратау. С юга это пологое каменное плато, на север и восток обрывающееся почти отвесными пропастями с расщелинами, забитыми снегом. На плато стоят каменные бастионы башен, отвесные с севера, пологие с юга, и трудно сказать, какая из башен главная, какая выше. У подножья башен на каменисто-глинистом склоне покопы слепушонки. Чем привлекает этого зверька суровая, неуютная вершина? Впрочем, так же, как и махаонов, шашечниц, сатиров-гипонифеле. Здесь сохраняется влага, здесь есть свежая растительность.

Полдня я сидел, ждал, когда кончится ветер. Не дождался, стал спускаться в лагерь и тут обнаружил, что все агродиаetusы сидят, вцепившись в травинки или цветы, и чем сильнее порывы ветра, тем крепче они сидят. Вспомнил способ, применяемый Володей, сбор пинцетом. Осторожно берешь бабочку миниатюрными щипчиками, слегка сжимаешь грудку и складываешь в матрасик. Очень просто, легко и бабочки в лучшей сохранности. Охота эта называется щипцеванием.

Уже солнце ушло за гору, а я не могу оторваться. Опомнился: мне ведь еще спускаться метров 200 по вертикали, да еще и переваливать через два гребня! И побежал. Пришел в темноте. В лагере все на месте. Разжег костер. Мне нужно сварить еду, чай, разложить, то есть привести в порядок собранных бабочек. И так каждый вечер. Скучать некогда!

Решил: завтра ухожу продолжать свой маршрут.

7 июля. Вчера вечером, когда улегся в палатке, все думал, что мне может здесь угрожать? Зверей я не боюсь, землетрясение и сель, так же как и наводнения, слишком маловероятны. Можно считать, что опасностей никаких нет, а значит можно спокойно спать, что я и делаю. Хорошо мне здесь спалось две ночи подряд!

Проснулся с рассветом и вышел в 7 часов (по своим часам). За час дошел до гребня, пересек несколько оврагов и вышел на путь, по которому шел с сыном два года назад. Вот широкий луг-болото с ручьем, пасущиеся кони, чуть дальше кочевье с юртой. Обогнул и, забирая вправо, стал подниматься на гору. Прошел с километр и вдруг понял, что иду не туда. Местность вокруг незнакома. Заблудился! Мной овладел испуг не испуг, но легкая тревога. Впрочем, чего опасаться? Самое худшее из всего, это попасть в соседнее ущелье. Карты у меня нет, и неизвестно куда оно приведет, а моя задача побывать на том месте, где в прошлый раз поймали гипонифеле Яссауи. Нет, я должен попасть на Боялдыр. Чудесная речка в ясеневом лесу! Она даже снилась мне во сне. Надо

вспомнить правильную дорогу. Я сел, стараясь на-прячь память. Да, конечно, я слишком рано свернул в сторону. Надо вернуться! Снова иду мимо кочевья. Хозяева юрты пожилые казах и казашка издали молча глядят на меня. Не часто здесь бывают посторонние люди. Вот и я для них: турист, не турист, геолог, не геолог, какой-то непонятный бродяга.

Дорогу я узнал, но теперь мое внимание привлекли пуховые перья какого-то крупного пернатого у меня под ногами. «Идиоты, застрелили хищника, - с горьким сожалением думаю я. - А может, гусей разводят?» Глупости, конечно. Вот уже и очень крупные бурого цвета перья попадают. Я поднимаю огромное маховое перо, видимо, грифа. Хороший сувенир на память о Мынжилге. И вдруг понимаю, откуда эти перья. Лежит павшая лошадь, вернее то, что от нее осталось: обглоданный скелет и шкура, а рядом останки некогда величественной птицы в виде кучи пуха и перьев. Еще вчера я любовался по-царски величавым полетом сипов и грифов, кружащих над вершиной Мынжилги, а теперь одна из этих гордых птиц валяется в виде падали. Кто это сделал? Я оглядываюсь и в отдалении вижу пастуха на лошади. Он стоял, как изваяние, и его силуэт четко рисовался на фоне неба.

Вышел на перевал. Передо мной болотце с ручьем и табун лошадей. «Гуингмы» остановились, как вкопанные, смотрят на меня, а их вожак, гнедой конь во весь опор мчится на меня. Грива развевается, ноздри раздуты, глаза искры мечут. «Бешеный, - думаю я, - что у него на уме? Такой ведь и растоптать может, а спрятаться негде». Но конь, не доскакав, остановился и поворачивает назад.

Из-под ног выпорхнула серая птичка. Это жаворонок. Смотрю на землю и в маленькой лунке вижу гнездышко, а в нем рыжеватых пуховых малышек. Шерстка на них торчит, как у ежа иглы, они трясутся от холода, и я поскорей ухожу, чтобы могла вернуться их мать.

Обогнул гору и вышел на место, откуда видна вся долина с лежащим у подножья гор городом Кентау. Но какой сильный здесь ветер! Бьет, сечет лицо, будто ударами хлыста. Настоящая порка. Белые, снежные облака стремительно несутся мимо, да так низко, что кажется, ледяным прикосновением задевают лицо. Эх, была, не была, оденусь-ка я потеплее! Надел теплую куртку - продувает. Натянул поверх энцефалитку с капшоном, затянул до подбородка молнию - вот теперь хорошо! Сейчас сам черт не страшен, даже если пойдет снег. А снегом и действительно пахнет. Но мне так тепло, что я присел передохнуть, подложил под голову рюкзак, да и прикорнул подремать.

Ветер гудит, своим мерным воем напоминая шум примуса или работу каких-то механических машин. Плоская, каменная вершина, плоские плитки под ногами звякают сухо, как черепица.

Ого, какое огромное обо сложено у края хребта! Я дошел до него, и у меня все похолодело внутри: дальше пути нет! С трех сторон плоская вершина обрывается отвесами вниз. Опять заблудился, опять пошел не той дорогой. Возвращаюсь назад. Походил

вдоль обрывчика. Вспомнил! Здесь мы ловили незнакомую гипоневеле, здесь и спустились. А вот и пирамида. Вернее, один бетонный тур. А от деревянной вышки ничего не осталось. Видно, чабаны разобрали на дрова. Теперь, считай, я уже дома. То есть заблудиться никак невозможно, до реки путь предельно ясен, хотя и не прост.

Спускаюсь по крутому косогору. В этом месте мы вспугнули архара. Киргизы называют такого матерого старого самца кочкаром. Здоровенный был кочкар! Как трещали сучья, когда он напролом помчался через завалы камней и кустарниковые дебри!

И вот он Боялдыр, чудесная, ласковая река! Чистая, как слеза, она, то мечется, зажата каменными щеками облизанных известняковых скал, то кружится, извиваясь спиралью и замирая в глубоких каменных ваннах. Правда, на этот раз Боялдыр немного разочаровал. Сухо, берега затоптаны скотом. А я устал так, что подкашиваются ноги. Все же заставил себя найти приличное местечко, поставил палатку и сию, варю на костре суп.

Прямо у берега большая заводь, а в нем ходит косяк рыбы! Завтра обязательно порыбачу.

Сию, с устатку уплетаю суп, и тут прилетела страшно разгневанная птица, свесилась с ветки и ну, орать на меня трескучим, почти истеричным криком. Голова темно-синяя, почти черная, с взъерошенным длинным хохлом, спина и крылья коричнево-рыжие. Большинство птиц я неплохо знаю, но эту вижу впервые. Ага, так это же райская мухоловка! Вот так встреча! Никто из орнитологов здесь ее не встречал, она живет гораздо южнее. Значит, я сделал, пусть небольшое, но орнитологическое открытие. Но не ожидал я, что эта почти тропическая райская птица Советского Союза так громогласна и криклива как сорока.

8 июля. Спал неплохо, но оказалось, что ночи здесь довольно прохладны (река под боком), поэтому пришлось натянуть на себя всю свою амуницию не хуже, чем под горой Мынжилги.

Стал вылезать из палатки, а прямо у входа, в каких-то пяти метрах на жиденьком кусте ивы чудесное гнездышко с желторотыми птенцами. Это славка - известная певунья садов и перелесков. И как я его вчера не заметил! Теперь придется переносить лагерь, чтобы не тревожить грудных малышей.

А день чудесный! Белые потоки воды низвергаются каскадами уступов, сквозь кружево ясеновой листвы пробиваются солнечные стрелы. С чего начать? Черт меня попутал, не выдержал, достал заготовленные крючки, сделал удочку, насадил кузнечика и тут же у берега и закинул. Сразу взяла крупная. Вторая сорвалась на мелководье. Кинулся ее ловить, но куда там! Выскользнула из рук, ударила хвостом и была такова. Невелика неудача! Попробую в другом месте. Только теперь я заметил, что не все благополучно на берегах благословенного Боялдыра. Валяется обрывок детонирующего шнура (когда-то его называли бикфордовым). А это означает, что кто-то глушил рыбу. Нет более варварского способа браконьерства, чем убивать все живое в воде взрывом. Да оно и заметно, что рыбы в реке стало меньше.

По пути ем спелую ежевику, лакомясь сладкой вишней, а над самой головой, слышу, пищит птаха. Не поднимая глаз, я уже знаю: это ремез. Крохотная птичка, вьющая самое удивительное гнездышко, похожее на вязаную рукавицу. Так и есть, шикарное гнездышко из тополевого пуха висит в полуметре у самого лица. Осторожно просовываю палец во входное отверстие и чувствую, как птенцы хватают его своими клювиками.

Но это все баловство, а нужно заниматься делом. Я взял сачок и полез на заросший кустами склон. Где-то здесь мы поймали загадочную гипонэфеле. Сатиры этого рода есть и сейчас, но очень мало. Ловить их трудно, так как они прячутся в густых ветвях, а на открытое пространство не вылетают. Попробуй-ка сачком помахать в сплошных колючках! Растительность здесь уже вполне южная: с крючковатыми ветвями и шипами.

Вот миндаль с шерстистыми пожелтевшими плодами, по вкусу напоминающими ядрышки урюка. Кряжистые яблони-дички, старые ясени с изборожденными морщинами стволами.

Тут же я впервые увидел дикую айву. Деревца развесистые, похожие на боярку, с резными мелкими листьями. Плоды - круглые зеленые шарики терпкие и вяжущие на вкус.

Цинькают синицы-лазоровки, черный дрозд пробует голос. А вот на тропе лежат, нежатся сразу две змеи с новехонькими серыми шкурами. Одна с рисунком ромбиками, другая - в шахматную клеточку. Это молодые гадюки.

В травяных дебрях звенит, булькает ручей. Раздвигаю нависшие зеленые пряди и вдруг вижу: в «яме» плавают хорошенькие маринки. Загородил вход и выход и сачком выудил двух. А рядом, в яме побольше плавают крупные. Не раздумывая, разделся и полез в воду. Рыбе деваться некуда, тычется носом в ноги, щекочет. Сачком вытащил еще двух. На уху хватит. Грязная, взмутненная вода с меня льет ручьями. Зато освежился, и вчерашнюю усталость как рукой сняло.

После свежей ухи и полуденного отдыха вышел опять на охоту. Да, разгар лета был месяц назад, в середине июня, когда вовсю цвели цветы, а в зелени была разлита свежесть. Сейчас все по-другому, все потускнело, и бабочек мало. Все же я нашел уединенный зеленый ложок с хорошими кустами и деревьями. Кажется, все гипонэфеле собралось сюда, и есть даже Яссауи. Впрочем, я могу и ошибиться. Я ходил по логу и выпугивал бабочек из кустов. Вылетали роями штук по 5-6. Но хитры! Летают зигзагами и даже скачками. Вертишь, машешь сачком, а толку мало. Если какую и зацепишь, то больше случайно. Хотя и сачок я изодрал, а поймал всего-то штук семь. Были и темные брнетки, по моим расчетам, явно Яссауи.

К вечеру стало мрачно и как-то даже жутко. На всякий случай рядом с палаткой положил дубину. Откуда этот мистический, животный страх перед темнотой? Наверное, это заложено в нас генетически и дошло с тех далеких времен, когда древний человек жил в пещерах и мог стать добычей хищных зверей. Понимаю всю абсурдность своего страха и мне

даже стыдно самому себе признаться в нем, ведь не боится же мой сын неделями ходить в одиночку по самым жутким горам. Впрочем, эта слабость овладевает мной на самое короткое время и лучший способ избавиться от нее - заниматься делами, а их всегда хватает. Тогда и думать некогда бывает о чем-то постороннем. К тому же удивительным свойством обладает палатка, она - как дом, и стоит только укрыться под ее пологом, и все страхи снимает как рукой. Тогда все мне ничем, и я засыпаю быстро и крепко.

9 июля. Меня разбудил свист. Черный дрозд пел где-то в ветвях и присвистывал точно, как человек.

Сегодня пасмурно и душно, несмотря на легкий ветерок. Рядом шумела река, и мне временами казалось, что по камням катится, гремит телега, бухает колесами по рытвинам, а конь идет неторопливо и гулко стучит копытами.

Ловлю гипонэфеле в кустах, стараюсь побольше захватить, а одна, сложив крылья, вдруг уносится в сторону. Пригляделся, а это из засады выскочил большущий хищный ктырь - поджарая и худая, как волк, муха и, сцапав добычу, умчалась в кусты.

Что за норы роет какой-то незнакомый мне зверь? Даже и не норы, а ходы-траншеи под густыми кустами жимолости. Еще я видел лежанку - пыльную лунку на земле. Если это дикобраз, то почему ни разу не попалась хотя бы одна игла?

Вчера я видел трех змей, одна из которых оказалась шикарным щитомордником, толстым, крупным, розовато-ржавого цвета. Он медленно и величаво полз на ночную охоту. После этой встречи змеи мне стали мерещиться всюду, и я даже подумал, что и ягоды здесь собирать опасно. Я здесь такой счастливый, и мне все время так везет, что я стал суеверно ждать какой-нибудь неприятности или беды. Тем более, что я здесь один, и никто не придет на помощь. Например, если сломаю или вывихну ногу. И неприятность действительно пришла, правда, небольшая и совсем не такая, какую я мог ожидать. Получилось так, что я в спешке отламывал мешавший мне ясеновый сучок, а он возьми, да и стрельни мне в лицо. Чуть-чуть не попал в глаз, зато воткнулся в щеку, и ее слегка разодрало. Теперь, пока не заживет, буду ходить с фингалом. Впрочем, никто здесь меня не видит, и пока дойду до людных мест, заживет.

Вечером заглянул в ложок, и здесь меня ожидала удача. Гипонэфеле собралось сюда ночевать целыми стаями. Что было, когда я вломился в их «спальню»! Черным роем они заплясали вокруг меня, а я бешено вращал в это время сачком. Поймал сразу пару десятков. Ловил до 10 вечера, а потом бегом помчался по щелбнистому откосу. Прибежал в сумерках, вскипятил банку чая и с удовольствием напился. Сегодняшний день, как и вчерашний, я прожил на рыбе, пойманной в первый день. Холодильником служит река.

Как приятно после целого дня хождений, беганья и лазанья лечь и растянуться во весь рост в палатке! В голове мелькает все виденное за день, думаешь о том, чем заняться завтра и засыпаешь.

10 июля. В мой лагерь солнце приходит из-за высокой скалы поздно, так что есть время выспаться. Встаю чуть ли не в 9 часов!

Сегодня ночью заставлял просыпаться и вздрагивать грохот катящихся по скалам огромных высоких лопухов катранов.

Эти растения отцвели еще весной, засохли, отвалившись от корня, и теперь кочуют по горам, подгоняемые ветерком. Погода стоит ветренная, неустойчивая, с тянущимися через все небо облаками.

Прошел мимо засохшей дудки, что-то вроде гигантского борщевика, и ощутил приятный, сильный аромат супа. Понюхал янтарный натек смолы на дудке. Да, несомненно, именно от смолы идут вкусные запахи укропа, моркови и еще чего-то из специй. Пожалуй, напоминает запах свежего рассола для огурцов. Не это ли растение собирают весной таджики для приправы к супу?

Забрался в крохотный зеленый оазис среди раскаленных жарой каменных скал. Чуть слышно журчит крохотный ручеек. Под ажурной сенью ясеней играют две пандоры - роскошные перламутровки. Они так великолепны, что их так и хочется назвать царицами бабочек. Они то взмывают вверх под самые кроны деревьев, то парят, наслаждаясь приятной полутьмой, и что делает одна, то повторяет другая. У самой воды под ручейком пляшут светлые голубянки. Воркует горлинка, где-то далеко в скалах пищит пустельга.

Пока нежилась под сенью ясеней, вдруг испортилась погода. Я это почувствовал по холодному ветру из-за Мынжилги. По небу поползли тучи, а одна такая черная, что я сразу подумал: «Ну, держись», сейчас пойдет град. Надо скорее ставить палатку». Прибежал - уже падали первые капли. Палатку каждое утро я прячу в кустах. Только успел наспех натянуть, как грянул ливень, а потом град. А я сижу в сухости, тепле и радуюсь. Но кто бы подумал, что в Каратау, горах в пустыне, бывает так холодно и сыро. Я еще Володе когда-то говорил: «На Каратау не нужен ни спальный мешок, ни палатка. Это лишний, бесполезный груз». А все оказалось не так, все оказалось нужным. Правда, вместо спальника я обхожусь легоньким детским одеяльцем.

Дождь шел два с половиной часа. За это время я заштопал сачок, починил брюки и поспал. Так приятно спалось под мерный шум капель!

Но вот, наконец, дождь кончился, туча ушла. Выглянуло солнце, и сразу стало жарко. Какой резкий переход!

А на макушке ясеня так хорошо пела какая-то птичка! Кажется, это был щегол. А вообще, птицы здесь, исключая райскую мухоловку, довольно обычные: оляпки, трясогузки, горлицы, зяблики. Есть ворон, а вот ворон нет.

11 июля. Вот так жаркая и пустынная страна Туркестан! Почти всю ночь лил дождь, да такой, что под утро пришлось вставать, чтобы не затопило. Дело в том, что поверх палатки я кладу полиэтиленовый тент, но его частично сдуло, и в палатке образовались целые резервуары с водой. Все отсырело, и утром я сидел, ждал солнца, чтобы обсушиться. А гром гремел так, что, казалось, раскалываются скалы, нависшие над моим лагерем.

Живописную картину представлял мой лагерь, когда взойшло солнце. Всюду на кустах и больших

камнях развешаны для просушки вещи: штаны, рубаха, спальник.

Сегодня я покидаю ясеневую рощу и ухожу дальше, вниз по реке. Напоследок просмотрел свои сборы и удивился: среди сатиров, которых я принимал за один вид, оказалось много разных. Это воодушевило, значит нужно ловить всегда, даже если кажется, что такую бабочку уже ловил много раз.

Только вышел, прошел метров 200, как черная туча снова затянула небо. Иду, хотя всюю громыкает и капает дождь. И лишь когда забарабанило совсем по-настоящему, бросился под ближайшее укрытие. Им оказался гигантский камень, свалившийся с горы. Притулился под его холодный бок, прикрылся чуть тентом и пережидая. От нечего делать разглядываю рисунок лишайника на камне; дожди идут всего второй день, а как эти узоры расцвели и похорошели! Розовые, желтые, зеленые пятна выступили рельефно и картинно.

Еще не заглох последний раскат грома, а уже запели птицы. Можно отправляться в путь.

Скальная теснина вскоре расступилась, долина расширилась, сразу потеряв свою дикую красоту. Зато открылись новые дали, зубчатые цепи синеватых, далеких гор, обрывистые гряды каньонов, углубляющихся по волнистому рисунку известняков.

На заросшем кустиками полыни солончаке я увлекся ловлей сатиров энерват и Кауфмана, да так, что не заметил вплотную подбегавших трех всадников (про людей за последнее время я как-то забыл). Остановившись на тропе, они с любопытством наблюдали за моим занятием. На вопрос «Что ловишь?», я честно ответил: «Бабочек», и на этом разговор к моему искреннему удовлетворению был закончен. Всадники молча и так же быстро исчезли.

Кажется, я прошел четыре юрты, стоявшие в стороне от дороги, прежде чем услышал первое кваканье лягух. Река стала все уменьшаться и мелеть, и я заблаговременно набрал воды для ночевки. Да и время было уже позднее: 9 часов.

12 июля. На удивление это была самая холодная ночевка из всех. Получается очень странно: чем ниже я спускаюсь в долину, тем все прохладнее ночи. Но это, конечно, явление временное.

До 12 часов дня гонялся за бабочками, лазая по скалам. Здесь всюду чистейший известняк, тяжелый как чугун, монолитный и крепчайший, я думаю, крепче гранита. Лазать по таким скалам одно удовольствие. Они не поддаются выветриванию, не крошатся, не ломаются, а из-за своей шероховатости прекрасно держат подошвы ботинок. Яркое солнце, белесые скалы, ослепительно блестящие в полдень, поднявшаяся жара, все это заставило меня присесть, спрятавшись в тени нависающего карниза. Тут же прятались истомившиеся от духоты и жажды сатиры. Они забиваются в трещины и ниши, и лишь напуганные, выскакивают оттуда, как угорелье.

К вечеру я дошел до родников, бьющих холодным, прозрачным ручьем. Огромные лягушки прыгали, ныряя в ледяную воду, и даже присутствие здорового водяного ужа их не смущало. Пролетел черный аист, как видно, бывший здесь на кормежке.

Неожиданно из-за бугра показалась юрта и обходить стороной ее было уже поздно. Свора здоровенных, хотя и очень тощих собак, обладающих громким голосом, бросилась на меня. Впрочем, собаки были вовсе не злые, и появившийся в дверях юрты полуголый, загорелый казах тут же их отогнал. Криком он стал звать меня, чтобы отдохнуть и попить чаю, а когда я отказался, вышел, чтобы поговорить. Это был упитанный, если не сказать толстый, молодой мужик весь в татуировке с лоснящейся и загорелой до черноты кожей. Он быстрым взглядом оглядел меня с головы до ног и спросил удивленно:

- А ружье где? Без ружья ходить нельзя!

- А зачем оно мне? Мне некого бояться, - храбро ответил я с не меньшим удивлением, чем он спросил.

- Ну раз так, заходи, гостем будешь! Хорошо время проведем.

В голосе хозяина юрты звучала умоляющие нотки. Как видно, его одолевала тоска одиночества.

- Поедем на конях в соседнее ущелье. Я знаю такие места! Кабана стрелять будем. Там такая чаща! Он причмокнул губами.

- Нет, не могу. Я тороплюсь в город.

- Архар есть, охотиться на архара поедем!

Признаться, на мгновение я заколебался, и у меня чуть было не мелькнула мысль согласиться и остаться. Шутка ли, увидать кабанов и архаров! Но я тут же отогнал от себя эту идею. Цена этого «остаться» означала задержку на день-два. Это значит, будет жуткая пьянка, а там еще неизвестно, чем все это кончится. Тем более, мужик незнакомый, да еще и татуированный. Я потряс его добрую, жирную лапу, извинился, и, не оглядываясь, быстро зашагал к выходу из ущелья. По правде говоря, я боялся сам себя, что раздумаю и останусь и, лишь, отойдя с сотню метров, оглянулся. Дорога была пуста. Завернул за поворот ущелья и увидел деревню. Очень богатую деревню, а точнее аул Боялдыр, утопающий в уроковых садах. Только теперь я почувствовал, как устал. Подошвы ног давило и резало, будто обожженные огнем.

На остановке толпились аульные девчонки, все красивые и нарядно одетые, спешившие в город на танцы. В десять вечера пришел «Икарус». Чувствуя, что делаю глупость, я сел в него. Зачем? Лучше было остаться за городом и переночевать в горах, чем ехать на автовокзал, который уже, наверняка, закрыт. «Авось, что-нибудь придумаю, - было у меня в голове, - а вдруг да есть вечерний автобус в Алма-Ату или хотя бы в Чимкент!»

Автобус с изрезанными ножами сиденьями, за 5 копеек объехав вокруг всего города, остановился у автовокзала. Уже из окна было видно, что он пуст и погружен во тьму. Я вылез, понимая почти абсурдность своего положения - куда идти, где коротать ночь? Потрогал ручку двери - да, действительно, на замке. Надо куда-то идти, ночевать здесь на скамейке опасно. По прошлой поездке я помнил вид из окна вокзала: рядом степь, а за ней горы. И я побрел. Ноги саднило, ведь в этот день я прошел очень много. Я чувствовал, как на подошвах и пятках горят мозоли.

Проходя мимо стрелочника на железнодорожном переезде, спросил у него, который час. Оказа-

лось, что поставив часы «на глаз», по солнцу, я ошибся всего на 15 минут.

- Скорее проходите, поезд идет! - торопливо до- бавил стрелочник.

Ослепляя фарой, на меня двигался тепловоз.

Я брел по грязному тротуару вдоль длинного забора, которому, казалось, не будет конца. Время уже далеко за полночь. На освещенном перекрестке дорог запоздавшие пассажиры, крича, останавливали автомашины, движущиеся во всех направлениях, и разъезжались во все концы. Напротив какие-то лесопосадки, то ли сад, то ли парк. Стараясь быть незамеченным, я перешел дорогу и торопливо шмыгнул туда.

Это действительно оказался молодой, но уже заброшенный парк. Как кстати он подвернулся на моем пути! Я шел, ступая по мягкому песку, но никак не мог уйти в темноту. Казалось, свет дорожных фонарей просвечивал парк насквозь. Хотелось спать, но мысль поставить палатку я сразу же отверг - опасно. Пригородный парк обязательно должна посещать шпана. Без палатки я еще имею шанс попробовать ускользнуть, уйти. Но для этого нужно бодрствовать, слушать и смотреть, и уж никак не спать. В голове вертелись слова, сказанные молодым казахом из юрты: «В городе ночевать нельзя, там шпана, обязательно зарежут».

Я сидел под деревцем, всматриваясь в полутьне парка, подсвеченную огнями города. Мне мерещились шаги и голоса пьяных компаний. Впервые за все время похода мне было жутковато. Страшно не в горах, а в городе среди людей. Я считал время, оно тянулось невыносимо медленно. Машины все гудели, все шли и шли. Они стихли где-то около 2 часов.

Где-то в час ночи вышла луна. Какая-то желтая, зловещая. Низко-низко покатила над деревьями. Где-то с полчаса, с час я все же подремал, а в 4 уже встал и побрел к вокзалу. Молодежь все еще развозила своих дам на мотоциклах.

13 июля. Автотранспорт на юге пока еще работает хорошо. На Чимкент автобусы идут каждый час. Но я взял билет на 12 на Алма-Ату. Мне досталось место под номером 1, а я не догадался его сменить. Как и ожидал, с места меня сразу же согнали пассажиры с детьми. Сел, на какое придется, а ведь ехать более суток.

В Джамбуле пересадка. Пока сдавал багаж, мое место, конечно же, заняли севшие здесь узбеки. Стою, расстроенный и обиженный (русских в автобусе вообще нет). Меня посадила рядом древняя старушка-курдка. Узнав, что я ходил в горы один, она сказала:

- Сынок, это хорошо, что ты ходил один в горы, но больше не ходи.

Помолчала, а потом еще несколько раз повторила то же самое тихим, теплым, ласковым голосом.

Как я был благодарен старушке! Сразу же прошла обида на всех пассажиров.

В шесть тридцать утра я был в Алма-Ате.

Послесловие. А гипонифеле Яссауи я так и не поймал. Просмотрев мои сборы, Володя не нашел ни одного экземпляра. Какая-то неуловимая эта бабочка, по крайней мере, для нас.

Паганель из Усть-Бухтарминска

Весной 1852 года в крепости Усть-Бухтарминской, что на Иртыше, (сейчас этого поселка нет. Он затоплен Бухтарминским водохранилищем), появился незнакомый, странного вида человек. Явно иностранец, плохо говорящий по-русски, чудно одетый, с багажом, где главной вещью была марлевая сетка, напоминающая рыболовную вершу. Звали иностранца Альберт Киндерманн.

Бухтарминск, лежащий у подножья Алтайских гор, видел немало путешественников, большинство их было важными лицами (например, К.Ледебур, А.Гумбольдт), их сопровождали целые свиты, их опекали власти, оказывая всевозможные почести. Киндерманн приехал один, без рекомендательных писем, имея в кармане лишь разрешение на въезд.

Россия всегда была военизированной страной, полицейским государством. Чтобы передвигаться по Сибири, нужно было испрашивать разрешение властей на уровне губернатора в Омске. Местные власти определили Киндерманну место жительства у рядового казака, для чего тот отвел отдельную комнату в своей и без того тесной избе. Но иностранец был на удивление неприхотлив. Владелец редкостной профессии энтомолога, он был похож на того смешного и увлеченного Паганеля, которого гораздо позже изобразил Жюль Верн в романе «Дети капитана Гранта» (строго говоря, Паганель Жюль Верна был географом, но почему-то в России все убеждены, что он был энтомологом, путая его с кузеном Бенедиктом из «Пятнадцатилетнего капитана»). Приехал он из Австрии, из самой Вены, специально, чтобы собирать бабочек в новом, малоизвестном науке далеком крае. Точнее говоря, Киндерманн был не ученым, а сборщиком, то есть как бы лаборантом. Собранный материал он отправлял в Вену известному ученому энтомологу Ледереру, который определял насекомых (в основном бабочек), описывал их и давал названия. Своим занятием Киндерманн зарабатывал себе на жизнь. Но деньги не были его единственной целью; страстный любитель, он сам хорошо разбирался и знал бабочек. Опытный путешественник, до своей поездки на Алтай Киндерманн уже побывал во многих странах Малой Азии и Закавказья, а также в южном Поволжье и Западном Казахстане.

В то время Усть-Бухтарминск, основанный в 1780 году как российский военный форпост на границе с Китаем при впадении Бухтармы в Иртыш, был небольшим поселком, включающим в себя не более сотни деревянных домов, госпиталь и склад. Большинство жителей были казаками и крестьянами.

Целыми днями чудаковатый иностранец не брал дома, пропадая в поле или в горах, частенько даже не приходя ночевать, и отсиживался в избе лишь во время сильной непогоды. Его не брала ни мошкара, заедающая местных ребятишек, ни перемежающаяся лихорадка, которой страдали многие местные жители. Вооружившись большим марлевым сачком, он бродил по окрестностям, ловя дневных бабочек, а вечером, устроившись где-нибудь на поляне, разжигал костер и собирал насекомых, летящих на свет.

Один из европейских зоологических журналов того времени поместил о нем такие строки:

«Всю ночь бродит неотомимый Киндерманн среди буераков и лесных дебрей со своим керосиновым фонарем, отыскивая местечко получше для ночного лова. Когда же тьма спадет и наступит рассвет, прикорнет где-нибудь на лужайке на час-другой, а с восходом солнца достает свой сачок и, размахивая им, как белым флагом, гонится за какой-нибудь пролетающей желтушкой».

Местным жителям вовсе не нравилось занятие чужестранца. Откуда им было знать о какой-то энтомологии, и о том, что собирание насекомых может иметь практический смысл. Ходит странный человек, размахивает нелепым белым предметом, достает что-то из сумки, записывает. Все очень подозрительно: то ли колдун, то ли шпион. Было однажды, когда местные мужики отобрали, разломав снасти, а самого чуть не исколотили. Киндерманн ходил жаловаться начальству, но и это не помогло. Исправник и сам мало чем отличался от безграмотных мужиков и посоветовал лишь пореже попадаться на глаза местным жителям.

Начало описанию бабочек Алтая положили еще Паллас, Эверсманн и Карелин. Первое, что удивило исследователей - это большое сходство фауны чешуекрылых Сибири с бабочками Европы. Ведь и Ледерер и Киндерманн ожидали увидеть здесь совсем другой мир, чего, однако, не случилось, и это объяснимо сходством в климате и растительном мире всей северной части Евразии.

Из новых, впервые пойманных Киндерманном и описанных Ледерером бабочек, можно отметить четыре: голубянку Фривальдского, сатира Гейденрейха и двух ленточников - Сиды и Гельмана.

Голубянка Фривальдского - одна из самых ранних, весенних бабочек. В апреле, чуть оголились склоны гор от снега, в нераспустившихся кустах караганы, жимолости, миндаля мельтешит крохотная, под цвет древесной коры бабочка. Но только издали она кажется чешуйкой коры, отпавшей от дерева, изнутри ее крылышки окрашены в темно-синий, томно-индиговый цвет.

Сатир Гейденрейха - крупная бабочка с черным глазком - всей своей серой окраской напоминает о том, что она обитательница сухих мест, глинистых берегов и каменистых склонов гор.

Ленточников Гельмана и Сиды, ярких, черных изнутри и золотистых снаружи, бабочек можно наблюдать в начале и середине лета, прячущимися в тени кустарников и древесной листвы или льнущими к сырým местам и лужицам воды на лесных дорожках.

Удивительно, но Киндерманн не обнаружил голубянку мирис, обитающую в сухих предгорьях и бывающую обычной близ Бухтарминска. Неувязка вышла и с местным эндемичным аполлоном, которого назвали ариадной. Под этим именем в 1853 году его описал Ледерер, но позже выяснилось, что этот аполлон за десять лет до этого был описан русским ученым Эверсманном под именем клариуса.

Зима, которую Киндерманн провел, раскладывая и упаковывая свои сборы, показалась ему мучительно

долгой и трудной. Он понимал, что здесь на берегах Иртыша он лишь прикоснулся к самому краю Алтайских гор. Он надеялся получить разрешение на проезд дальше, вглубь Алтая и Саян, однако, пропуск ему не дали, и следующим летом Киндерманн ограничился лишь восхождением в горы Ульбинского хребта, где на высоте 2000 м им была поймана необычайно изящная чернушка. Однако, ни он сам, ни Ледерер не распознали в ней новый вид, и лишь позже другой, очень известный лепидоптеролог Штаудингер назвал ее чернушкой Киндерманна. Эта чернушка до сих пор считается едва ли не самой редкой из этого рода бабочек и имеется лишь в самых богатых музеях мира. Причина этого заключается в том, что эта чернушка живет только на Алтае и к тому же очень локально.

В июле 1998 года мы стояли на перевале Бурхат, на старой «австрийской» дороге, которую построили пленные чехи и немцы в 1916 году, соединив напрямик через хребет Сарым-Сакты поселок Катон-Карагай с озером Маркаколь. Дорога узкая, рассчитана на фаэтоны и таратайки и кое-где еще сохранились «антикварные» мосты того времени, сделанные из лиственницы. Тут, на высоте 1900 метров, предельной для леса, кряжистые кедры растут вперемешку с лиственницей, и оба этих дерева соревнуются в красоте крон и причудливости кривых стволов. Всего 100 м высоты отделяют зону леса от альпийских лугов на самой макушке перевала, где по болотистым низинам целыми полянами тянутся заросли карликовой березки и ивы вперемешку с сине-фиолетовыми аквилегими, желтыми маками и оранжевыми купальницами.

Шли дожди, и приходилось ловить окна погоды, чтобы выйти на охоту. Тогда выглядывала заснеженная двуглавая Белуха. На рассвете, освещенная утренним солнцем, она сверкала особенно ярко, и на этот счет у Володи было свое особое мнение: «После ночи она искрится от свежей изморози», - уверял он. Да, конечно, там на вершинах круглый год царит зима, и по ночам стоит мороз. А здесь на перевале днем ласково греет высокогорное солнце, летит пыльца с цветущих кедров, отчего кажется, что в лесу дымят костры.

Бабочек было много, и большинство необычные, высокогорные. Над луговинами меж скал парили парнассиусы аполло и Феба. Летали чернушки сразу трех видов: эребия пандрозе, енисейская чернушка и чернушка Киндерманна. Под пологом леса, в прогалинах меж кедрами, на солнечных полянках, усеянных солнечными пятнами, пляшущим полетом трепетали они над верхушками кипрея и пахнущего медом дягиля. Бархатисто-черные, с крылышками, похожими на темные лепестки анютиных глазок, они чем-то напоминали маленьких девчушек, сигающих в скакалку. Самыми ценными из них были эребии (чернушки) Киндерманна. Очень нежные и вовсе не пугливые, приплясывая, они стелились низко-низко над землей, при каждом взмахе сачка шарахаясь в стороны или падая в траву, но некоторые становились нашей добычей.

Бродя по лесным полянам и складывая очередную летунью в матрасик, Володя не переставал удивляться тому, что эти чернушки так редки в коллекциях и музеях.

- Очень странно, - в который раз размышлял он в раздумьи. - В 1878 году в Зайсане жили очень опытные сборщики, агенты Штаудингера - отец и сын Габерауэры, а чуть позже Рюкбайли, прожившие три года в Катон-Карагае. Но ни те, ни другие почему-то не наловили ее в достаточном количестве. Тут что-то не так. Возможно, не были в этом заинтересованы или сборы где-то сгинули...

Калгутинский перевал

Автотрасса из Курчума на восток идет по северной окраине пустынной Зайсанской котловины и лишь в одном месте пересекает небольшой горный отрог. Мы его называем Калгутинским перевалом, хотя настоящее название, сохранившееся на старых картах, Долон-Кара. Слово это джунгарского происхождения и никто сейчас его уже не помнит. Путешественник К.Мейер, побывавший здесь в 1826 году, переводит его как «Жилище ламы», но трудно представить эти сухие предгорья Курчумского хребта обителью богов. Гораздо больше к ним подходит другой перевод: «Черные холмы». Впрочем, весной они бываю очень живописны.

Мы знаем эти горы уже более 30 лет и, бывая там много раз, хорошо изучили состав чешуекрылых, среди которых есть очень интересные виды. В обычный летний день, если год влажный, бабочек очень много: мелитеи, голубянки, сатиры. Хотя большинство из них самые обычные, те, что летают повсюду и даже в Европе, но есть редкие и эндемичные, открытые совсем недавно.

Утром 18 июня 1985 года мы проснулись от испуганных криков удонов. Будто соревнуясь друг с другом, чубатые птицы торопливо отбивали поклоны, а каменистые склоны гор разносили эхо их глуховатых, монотонных криков. Голосами маленьких котят где-то в скалах перекликались пустынные снегири. Тут и там в воздухе столбиками вились стайки комариков-толкунцов. В косых лучах утреннего солнца они казались облачками пара. Молча прыгал по скалам пестрый каменный дрозд.

Глаза рябило от желтых флажков цветущей ферулы, пламенеющей всюду по склонам. Именно с этим растением в сознании более всего связана желчная овсянка. Как они дополняют друг друга: жгучее солнце, жара и ярко-желтый, до рези в глазах, цвет растения и такое же лимонно-оранжевое оперение маленькой птички!

По дну ущелья вьется едва заметная, давно заросшая тропинка. Раздвигая кусты таволги, дикого миндаля и ферулы, я вспугивал целые полчища комаров, которые прятались здесь от солнечных лучей. Вспархивали сатиры-гипоневеле и боярышницы. Но не они интересовали меня сейчас. Щуря глаза от ослепительного солнца, я внимательно осматривал склон за склоном. По левую сторону тянулись лилово-грязные осыпи вперемешку с вы-

горевшими, уже рыжими пучками трав и редких кустов. Они казались безжизненными и пугали жарой раскаленного камня. Зато другая сторона ущелья, зеленая, по ложкам заросшая непроходимой чащей низкорослых и колючих кустарников, все еще таила в себе прохладу утра. Издалека виднелись головки розовых и белых цветов, над кустами взлетали какие-то мелкие птички, а над вершиной хребта парила крупная хищная птица. Глазами я искал белых бабочек. Да, так и есть, далеко под самой вершиной я различил белое пятнышко, и не одно, а несколько. Конечно, это могла быть боярышница, меланаргия или капустница. Они лениво мельтешили, словно плавающие в воздухе клочки бумаги. Что-то неуловимое, изящество ли полета, медлительность или неторопливость взмаха крылышек подсказали мне, что это парнассиусы, а если точнее - аполлониусы. Дело в том, что в прошлом году я нашел здесь именно тех аполлониусов, что мы ловили с Володей в 1971 году вблизи Курчума. Тогда находка была явным исключением из правил: тот год выпал необычайно урожайным на эту бабочку, и они разлетелись даже по степи. Здесь же наверняка было «коренное месторождение», место, где они разводились. С каким азартом тогда я погнался за ними! Самый легкий способ поймать аполлониуса – выждать, когда он присядет на землю. Вот летает туда-сюда, присматривается, будто что-то разыскивает или раздумывает. Улетел уже далеко, и вдруг упал среди камней или кустов. Запоминаешь место и мчишься туда, сломя голову. Если не потерял ориентир, увидел бабочку первым, то тут ничего не стоит накрыть ее сачком. Аполлониусы с одинаковым удовольствием садятся на теплые камни и на цветы. Как-то я «снял» бабочку с цветка, а у нее к «лицу» пристал кусочек синего лепестка. Ловится аполлониус и на лету, но тут важно не напугать его и ловить с первого взмаха, иначе потом не угонишься! Крупная бабочка и летает почти как птица.

Чем-то привлекают белоснежных красавцев перевалы и седловины гор. А может быть, их заносит сюда ветерком? Так или иначе, но я приспособился ловить их именно здесь. Стоишь, выжидаешь, а как приметил – коршуном бросаешься с расчетом, что бабочка не успеет напугаться и набрать скорость.

Так я поймал уже с десятков и вошел в азарт. Обут я был в резиновые кеды на мягкой подошве, а там всюду, как ножи, торчат острые ребра сланца. Рванулся за очередным кавалером, один, другой, третий прыжок вниз по склону, и вдруг острая боль резанула ногу. О бабочке сразу забыл. Ни жив, ни мертв, сел, разулся: весь носок пропитался кровью, кед и подошва ноги пропороты насквозь.

Хорошо, что со мной была машина, а при ней, слава богу, всегда есть аптечка. Вылил я на ногу целый флакон йода и скорее домой. А это 300 километров пути. Однако зажило все хорошо, хотя кожа слезла, но через пять дней я уже мог бегать.

Через семь лет 18 мая 1992 г. ущелье встретило нас еще большей свежестью и запахами молодой весенней зелени. Зелеными флажками по склонам пестрила ферула, а дно ущелья и северные борта

гор заполонила цветущая таволга. Пустельга трясется в воздухе, каменки делают реверансы. Все бы хорошо, но комары выбрались из кустов и с жадностью набросились на нас. И такое здесь бывает всегда, какое бы лето ни выдалось: засушливое или дождливое.

Для парнассиусов еще рано, но по дну лога и в кустарниках на северных склонах мельтешат медно-желтые сenniцы памфилы и амариллисы, простенькие репные белянки и весенние голубянки. Я продираюсь в густейших зарослях таволги, крыжовника, шиповника, выпугивая изумрудных малинниц. Они не очень-то любят покидать прохладную полутьму карагайника, своеобразные колючие джунгли, но нет-нет, да и вылетают погреться в нежарких еще лучах весеннего солнца. Сверху черного, снизу зеленого цвета маленькие голубяночки пляшут, едва поднимаясь над макушками кустарников. Вот мелькнула, бросишься за ней, а ее уже нет. Пропала, блеснув крылышком и упав в зеленые дебри.

Бабочек довольно много, но Володя провожает их равнодушным взглядом и молча взбирается на каменистую кручу горы. Под ногами его шуршат звонкие плиточки осыпи, и я вижу его вдалеке на вершине гребня, ходящего взад-вперед между глыбами выступающих скал. Странно, чего он там ловит на почти голых камнях?

Запахавшись, я поднимаюсь к нему. Ого, да здесь ветерок! Стылый холодок заставил меня натянуть свитер.

- Что-то нашел?

- Да вот... голубянка Татьяна.

- Где?

- Да вон же она летает!

И тут я заметил трепещущую над кустиком таволги крохотную темную голубяночку. Бойкая, она не боится постоянно тянущего ветерка, прячась от него в затишье над скалой. Вот дунул резкий порыв, и голубянку бросило в сторону. Миг, и она исчезла в траве.

Да, до лета еще далеко. Мы оба с Володей ежимся от холода, поглядывая на небо, где тянутся сизые, явно снежные тучи.

- Теперь надо подождать пока не стихнет ветер, - сказал Володя, держа сачок наготове. - Вообще-то она, хотя и кроха, ни холода, ни ветерка не боится. Как, между прочим, и все весенние бабочки. Они же, как первые цветы-подснежники.

Словно подтверждая эти слова, голубянка вынырнула из куста и тут же стала нашей добычей.

- Это десятая, - сказал Володя. - Если бы не ветер, возможно, летели бы лучше.

Это та самая голубянка, которую проглядели в XIX веке натуралисты, и в 80-е годы 20 века ее почти одновременно обнаружили А.Жданко у Отара близ Алма-Аты и Володя в отрогах Курчумского хребта. Пока сын, не торопясь, обдумывал новый вид, Жданко описал ее, назвав отария Татьяна.

После одиннадцатой голубянки мы стали спускаться, и я несколько раз гонялся за поднимающимися из травы черными мотыльками, принимая их

за Татьян. Володя же не шелохнулся, проводив их равнодушным взглядом.

- Это все ночные, - пояснил он, - видишь, усики метелкой. Хотя в полете очень похожи. Татьяна любит каменистые гребешки и вершинки гор со скалками, обязательно заросшими мелким кустарником, в котором она прячется. Похоже, она обитательница сухих полупустынных гор и предгорий.

Мы спустились в лог напротив светлого шлейфа осыпей из плиточек серого сланца. Заросший со всех сторон густым карагайником, он неширокой полосой тянулся чуть ли не с самой вершины, почти до лога. Здесь, на южном склоне было заметно теплее и суше, тем более что и солнце окончательно победило облачность и сверкало, отражаясь в плоских гранях слагающих осыпь камней.

- Вон, гляди, шашечница атэна! - восторженно воскликнул сын. - Чешет, как сумасшедшая.

Сверху вниз, делая зигзаги и резкие повороты, будто кувыряясь в воздухе, быстро летела бабочка, показавшаяся мне красной. Володя кошкой кинулся на нее, но та, увильнув в сторону, в одно мгновение оторвалась от преследования и, делая гигантские скачки, продолжала облет осыпи уже гораздо ниже нас.

- Нет, так не пойдет, - признал свое поражение охотник. - Видно, хорошо разогрелась, вон как чешет! Это явно чемпионка на скорость.

Бегать по осыпи бесполезно. Мы распределились по шлейфу щебенки, встав один выше другого. Бабочек было довольно много, и все они курсировали по одному маршруту, хотя и лавируя и кидаясь из стороны в сторону, но не уклонялись далеко. Как видно, осыпь притягивала их теплом нагретого камня, заряжая энергией и силой. Долетев до низа каменного шлейфа, они возвращались назад, и это движение шло как бы по бесконечному кругу.

Встретившись друг с другом, атэны радостно спиралью взвивались в воздух, а, наплясавшись в вышине, разлетались в стороны, а затем уже более спокойно продолжали прерванный облет своих территорий.

Напуганные, бабочки поступали двояко: сделав рывок в сторону или же увильнув, делали попытку присесть где-нибудь за кустом или даже заползали под камень. Впрочем, на камни они садились и просто так: то ли отдохнуть, то ли погреться, где лежали, распластав свои оранжевые крылышки.

Хотя и с трудом, набегавшись по жестким камням, за полдня мы добыли полтора десятка атэн.

- Ну вот, две самые интересные бабочки Калгутинского перевала у нас есть, - сказал Володя, укладывая последнюю бабочку на вату.

- А как же аполлониус, - ревностно воспротивился я.

- Да, пожалуй, и аполлониус, - поправился сын. - Особенно если учесть, что здесь его самая северная граница. И зорька микрозегрис тоже, хотя мы и ловили его не здесь, а чуть в стороне - в горах Аркааул, а это южная оконечность Курчумского хребта на берегу Зайсана.

За транскаспикой в Туркмению

- Весной, в марте-апреле все бабочколовы едут в Туркмению, - сообщил мне в письме сын. - Там в это время летает транскаспика...

Эта изящная беляночка, как ранний весенний цветок появляется, стоит только земле оголиться от снега. Она и сама такая же хрупкая и нежная, как первый подснежник, едва пробившийся сквозь только что оттаявшую землю.

Ранним утром 3 апреля 1991 года мы встретились в ашхабадском аэропорту и, не задерживаясь, тут же сели в автобус и поехали на свой первый объект.

- Это совсем недалеко, - пояснял Володя, бывавший здесь и раньше, - на окраине городского кладбища.

Кладбище так кладбище, были бы бабочки.

Ашхабад производит впечатление небольшого южного провинциального городка с одно и двухэтажными домами. Это чистенький и очень светлый, почти белый город с полупустыми улицами и экзотическими деревьями, из которых чаще всего встречается пирамидальная туя.

Православное кладбище начинается в конце главной городской улицы. Здесь, в пустынной и жаркой, а главное в чужой земле лежат русские, погибшие в землетрясение 47 года, но хоронят и сейчас.

Горы - это прилавки и зеленоющие свежей травкой овраги. Оградки, кресты. Мужики копают могилу, выбрасывая желтую глину. Где-то играет похоронная музыка, а вот строят надгробие. А мы идем дальше. Вдали виднеется довольно внушительный хребет Копетдаг с пятнами снега. Помойки. Неприятно - пригорный запах дохлятины.

- Не думай, что это припахивают покойники, - «успокоил» сын. - Это падаль вывозят на помойки. А мы дальше пройдем, там будет почище.

Вдруг он остановился, заметив человека с белым сачком.

- Кажется, это Петя из Москвы, - Володя назвал фамилию. - Сейчас все любители бабочек приезжают именно сюда, ведь так рано нигде больше в Советском Союзе бабочки не летают. Но я бы не хотел сейчас встречаться, - продолжал он, - начнутся распросы, предложения объединиться, а нам некогда, нужно искать место ночлега. Он-то наверняка в гостинице остановился. Да и вообще, лучше ни от кого не зависеть. Тем более и ему не будем мешать.

Меня это вполне устраивало. Мы спрятались в низинке, а потом быстро стали забирая в сторону. Неожиданно из кустов выскочила рыжая, в светлых подштанниках лиса. Но нам уже было не до нее, так как увидели порхающих белых мотыльков.

- Есть, есть беляночки! - обрадовался Володя. - Значит, не зря приехали. Теперь главное, чтобы завтра была погода.

Жарко. Кладбище, наконец, кончилось, но зеленые лога стали больше и глубже. Тут и там кучами валялся выброшенный домашний хлам. По совместительству здесь была и городская свалка. Неожиданно где-то за бугром яростно залаяли собаки. Не прошло

и нескольких мгновений, как целая свора злобных псов накинута на нас. Не добежав метров пяти, они остановились, захлебываясь даже не от лая, а от какого-то бешеного воя.

- Одичавшие, - спокойно пояснил мой спутник, - стоит подобрать хорошие дубины, а главное надо показать, что мы их не боимся.

Действительно, собаки отстали и кинулись бежать дальше. И тут произошло что-то невероятное. Из земляной норы (непонятными нишами-ямами был испещрен весь склон) выскочила здоровенная собака - большеголовая, с взлохмаченной грязно-бурой шерстью. Не оглядываясь, она неторопливо поскакала, но как-то вприпрыжку, словно прихрамывающий баран. Могущая грудь, почти львиная грива - догадка пришла почти мгновенно: гиена!

Собаки кинулись за ней; гиена молча и с достоинством остановилась и повернулась навстречу набегающей стае. Темная шерсть клочьями свисала с боков, на затылке и по спине ершилась и дыбом стояла грива. И вдруг лай сразу смолк, и весь воинственный собачий пыл куда-то исчез. Шавки тут же встали, а одна даже жалобно заскулила; поджав хвосты, дворняги попятились назад. Я перевел глаза на диковинного зверя, но его уже и след простыл; непостижимым образом он куда-то исчез. Как видно, собаки, чувствующие себя здесь хозяевами, были хорошо знакомы со своей грозной соседкой и предпочитали соблюдать нейтралитет.

- Вполне подходящее для гиены место: помойки, падаль и глинистые горы с множеством нор и пещер, - делаясь увиденным, вслух рассуждал я.

- Серьезный зверь, она и волка загрызть может, - уважительно отозвался Володя.

- Да, зубы и челюсти у нее такие, что перемалывают любые кости, - поддержал я.

Припомнились рассказы путешественников о гиенах-гробокопателях (кладбище-то рядом) и привычке этих зверей кусать спящих людей в лицо.

Для лагеря мы выбрали укромный ложок, скрытый от глаз праздношатающихся. Рядом ни деревьев, ни кустов, но топливо есть и очень специфическое: выброшенная мебель и деревянная домашняя утварь.

Только что рядом стояла гиена, а тут с ревом над головой понеслись военные самолеты. Они грохотали до позднего вечера, прекратив полеты лишь в темноте.

Спалось бы хорошо, если бы не наши соседи-собаки. Они как будто держали нас в осаде. Гавкая, они несколько раз обегали вокруг палатки, сидя поблизости, завывали и опять злобно тявкали, и было непонятно, что им надо: поживиться за наш счет или нас прогнать. С досадой я прислушивался к лаю и жалел, что сжег подобранную вчера мотыгу.

К утру все стихло, и стало слышно дыхание большого города, лежащего совсем рядом, в каких-то 4-5 километрах. Сначала хмарило, но к обеду погода стала настраиваться, и бабочки залетали всюю. Южные, незнакомые, среди которых были и эндемичные белянки томирис. Они поднялись в воздух, как только солнце осветило землю, и трусили низко, пляшущим неторопливым полетом. Близоручко осматривая цветы

и присаживаясь на любое белое пятнышко, самцы, несомненно, разыскивали себе подружек. Самочек было мало, и летали они плохо, будто тяготясь полетом и стараясь быстрее присесть. И сидели так упорно, что их буквально можно было брать руками.

Растительность всюду еще ранневесенняя: гусиный лук, желтая куриная слепота, тюльпанчики, ярко-желтые лютики, мелкая ферула. Это все обычная флора, похожая на нашу северную. Но была и экзотика: сизоватая многолетняя полынь с толстым стволом, еще не расцветшая юнона - толстенный росток, похожий на цветную капусту.

Посвистывали песчанки - смешные зверьки, похожие на сусликов. Каменки перекликаются, свистят. Здоровенная агама выглядывает из норки. А над головой с визгами и свистом сновали стрижи. Поистине, они рождены для полета. Оказывается, даже спариваются на лету. Вот столкнулись, сцепились и тут же разлетелись, выделявая немыслимые пируэты.

Здесь было великое множество жуков. Чернотелки, навозники. Все бегут, торопятся по своим неотложным делам.

Я ходил по зеленой травке и во все это не мог поверить, ведь всего неделю назад я огребал гараж от завалов снега, а сейчас нежилась под жарким солнцем.

Бродил вокруг лагеря, подлавливал зорек, ничего не подозревая, и тут выскочил на меня верблюд. Здоровенный одногорбый самец, грязный, облезлый и очень неприятный. Встал напротив, злобно сопит и напряженно рассматривает меня воспаленными красными глазами. У него явно гон, а в это время самцы бывают чрезвычайно злобны и агрессивны. Я попытался, было прогнать его, но он только переступил с ноги на ногу, повернулся и, зайдя с другой стороны, уставился с тем же упрямством. Зачем я ему сдался, и что у него там, в дурацкой верблюжьей башке? Чего доброго, еще заплюет или затопчет своими противными мозолистыми ногами. Я же перед ним беззащитен, и бежать от него некуда; ни скалы, ни деревца вокруг.

В конце концов, верблюду надоело стоять, и он удалился с надменно поднятой головой. Я же отправился осмотреть логово гиены. Это никакая не пещера, а просто яма, лунка для лежки, выцарапанная лапами в песчаном грунте. Почва на дне была утрамбована телом и даже сохранила форму вмятин и отставшие частицы шерсти. В таких же ямках днюют и собаки, очевидно и вырывшие их, а гиена просто-напросто воспользовалась одной из чужих лежек.

После обеда мы переменили дислокацию, встав подальше от города и помоек. Здесь были глинистые обрывчики и небольшие выходы скал. Главное же, тут летало гораздо больше чешуекрылых и особенно белянок томирис.

За день наловили много, и Володя весь вечер приводил сборы в порядок, аккуратно укладывая каждый экземпляр на ватные матрасики, сделанные из листов ученических тетрадей. Такие матрасики немцы называют «русскими», сами же они предпочитают пользоваться конвертиками, отдельными для каждого экземпляра.

Результаты, вроде бы, и неплохие: много редких и эндемичных белянок томирис, есть пустынные

зорьки Фауста и пустынные белые зорьки пульвераты. Но мой взыскательный энтомолог не очень доволен: мало транскаспик. Тем не менее, надо и честь знать, мы наметили переезд в другое место.

Утром погода испортилась, и укладывались мы под накрапывающим дождиком. На кладбище нам встретился сторож - обыкновенный русский старикашка, общительный и любитель «погутарить». Я спросил, давно ли он живет в Ашхабаде. Он ответил, что с 47 года.

- А-а, так, значит, вы свидетель землетрясения! Сколько же здесь на самом деле было жертв, а то ведь нам так ничего и не сказали?

- Э-э, милоч, сколько погибло, не помню, а знаю, что осталось не более 10 процентов, - ответил он и добавил:

- Но слава тебе, Господи, власти помогли оставшимся в живых. Несколько месяцев кормили бесплатно, и даже масло давали. Здесь у меня лежат все родные: мать, сестра, брат...

Мы пошли дальше; мысленно пытаюсь представить весь кошмар того страшного землетрясения, а Володя заметил:

- Самым большим впечатлением, оставшимся у советского человека от великого землетрясения, было то, что «кормили бесплатно».

Два дня после этого мы провели в горах, в окрестности Фирюзы. Погода - хуже некуда. То моросил холодный дождь с пронизывающим насквозь ветром, то мрачные тучи ползли по небу, заволакивая окружающие нас горы. Ни о каких бабочках не могло быть и речи, и мы к вечеру приехали на железнодорожный вокзал. По пути в Красноводск, откуда мы должны улететь домой, у Володи запланировано несколько остановок, а первая на станции Казанджик.

На вокзале холодно. Прямо на полу свалена гора рюкзаков, сидят туристы-москвичи, небритые, помятые (мы тоже не лучше), делают на бумаге расчеты своих затрат. Передают из рук в руки. Жизнь все доживает.

- Сейчас все туристы едут в Туркмению, - глядя на эту сценку, в который уже раз повторил Володя. - В других местах еще холодно.

Каменный пол блестит от чистоты, а по нему, задрав верху брюшко, бежит здоровенный жука-чернотелка - медляк Фауста.

- Хорошо, что не скорпион, и не сколопендра, - прокомментировал эту сценку наш сосед, худощавый чернявый мужчина. - Знаете, здесь бывают многоножки, такие мохнатые червяки в палец толщиной. Зловредная тварь.

В Казанджик приехали ночью, в четыре часа. Вышли из вагона, а на улице какая-то жуть. Полный мрак. Холод и сырость. Лужи на перроне, дует пронизывающий ветер. Зашли в вокзал, он холодный и грязный, еле-еле освещенный маленькой лампочкой. Человек 20 туристов, отгородившись скамейками, спят на полу, с головой спрятавшись в спальные мешки.

- Забаррикадировались, - с некоторой иронией прокомментировал Володя, - наверняка прибалты. Их здесь бывает больше всех.

Чуть задремали, а Володя уже трясет: «Пора выходить, рассвело». Да куда же идти, в промозглую сырость и холод! Надо бы с полчаса подождать, все-таки под крышей.

Но мой суровый начальник непреклонен, и мы бредем по лужам, по мертвой улице, где нет ни души, лишь одни голодные собаки. Погода - мерзость, и такой же и поселок: серый, бесцветный. Даже деревья здесь еще не распустились, будто снова попали на север, хотя ехали от Ашхабада всего каких-то часов шесть.

Впереди маячит серая глыба каменных, совершенно без признаков растительности, гор. Это самая западная оконечность хребта Копетдаг.

Тропа круто поднимается вверх. Моросит дождь, тело пронизывает стылый ветер. Под ногами мокрая раскисшая земля, острые обломки камней, а из трав - лишь пучки древовидной полыни. Давно я не встречал такого унылого места, а потому сердито ворчу: «Погоды не предвидится, не говоря уже о лове бабочек. Палатку ставить придется в грязь, дров нигде не видно». Даже воду и ту приходится нести с собой. Десятилитровую канистру Володя умудрился затолкнуть в рюкзак, и его почти не видно под огромной ношей. Но он сосредоточенно молчит, стараясь не замечать мое недовольство. Да и что нам остается делать, другого выхода просто нет.

Вышли на гребень. Воеет северный, злобный ветер, разметывая по небу белые лохмотья туч. Перед нами вид на плоскогорье со стоящей на заднем плане вершиной, такой же неприветливой и голой, как и все горы вокруг.

Пока я, стоя, пытаюсь отдышаться, Володя сбегал на разведку:

- Нашел чудесное местечко, ветра нет, отдохнем с комфортом, а главное, есть дрова.

«Хорошее место» оказалось чем-то вроде небольшого земляного оврага. Лежит скелет давным-давно сдохшей коровы, торчат редкие тюльпанчики, от холода сжавшие бутоны в кулачки. Прошлогодние кусты древовидной полыни. Они-то и есть те самые «дрова», о которых говорил сын. Но надо довольствоваться тем, что есть, и чем быстрее все устроим, тем лучше будет для нас же самих. Я ставлю палатку, а Володя, забравшись на склон, ногами пихает вниз земляные комья, чтобы сделать из них стенку от ветра для костра.

Полынь горит вполне хорошо. Стебель ее, как витой жгутовый канат, легко ломается, свободно вырываясь из рыхлого грунта. Надергали целую кучу, топи - не хочу! Сварили гречневую кашу (полуфабрикат без масла), напились горячего какао и легли спать, проспав с 11 аж до 3 часов.

Около 5 часов начало пробиваться солнце, и сразу стало тепло. Палатка собирает солнечные лучи как увеличительное стекло, а солнце здесь южное, жаркое.

Володя бродил вдалеке, а я отдыхал в палатке, когда вдруг рядом объявились двое парней лет по 15-16. Станный визит, особенно если учесть, что подошли они подозрительно тихо, так, что я слышал лишь легкое шуршание гальки, приняв это за шум

ветра. Увидев их, Володя бегом стал спускаться к палатке, после чего гости поспешно ретировались вместе со стоявшими в стороне еще двумя не вызывающими доверия типами. Нет, вовсе не случайно у многих местных такой разбойничий вид, ведь хорошо известно, что туркмены издавна отличались своей воинственностью.

В полной темноте, когда мы уже улеглись спать, вдруг совсем рядом взвыли шакалы: - Ой-ой-ой-о-о! Так похоже на человеческие голоса, что я даже подумал: «Не те ли парни вздумали над нами подшутить?»

Ночью мы были на грани замерзания. Никакого улучшения погоды. Тучи шли так низко, цепляясь за вершину, что казалось, горы заволакивает дымом.

Утром позавтракали горячим какао и грелись у костра, ожидая погоду.

К 12 часам солнышко начало все-таки пробиваться, и сразу поднялись бабочки. Первая, которую я поймал на скалах, была желанная транскаспика. И тут же начался лет термитов, очень похожих на личинок муравьиных львов со стрекозиными крылышками и с тельцем крупного муравья.

В стороне от палатки я ловил на скалах бабочек, когда рядом вдруг нарисовались те самые воинственные подростки, но теперь уже вооруженные. У одного винтовка, у другого обрез.

Вид самый разбойничий, кажется, они недалеко ушли от времен басмачества. Поинтересовались, сколько нас и где все остальные. Интуитивно чувствую, что это дикари, а обладание оружием придает им не только уверенность в силе, но и желание его применить. Отвечаю как можно спокойней. Конечно, вру, говоря, что нас две партии и даже показываю на далекую палатку под вершиной горы. Мы ее заметили еще вчера, и Володя даже сказал: «Наверняка прибалты, возможно, бабочники».

Парни обошли вокруг, осмотрев лагерь. С видом превосходства похихатывали, узнав, чем мы занимаемся. «Это ж надо, ловят бабочек! Здоровые мужики занимаются такой чепухой. Другое дело - разбой!» Я прочитал это по их лицам. Однако надо с ними держать ухо востро, и лучше всего притвориться таким простачком-дурачком. Мои смиренные ответы, а главное жалкий вид палатки и моей одежды, кажется, убедили их, что здесь пожить нечем, и они, явно разочарованные, нехотя удалились. Да, туркмены всегда были воинственны, как и афганцы.

Всю эту ночь нещадно грохотал ветер. Он так трепал и рвал наше уютное жилище, дергая из стороны в сторону борта палатки, что не давал уснуть. Палатка так громко хлопала пологом, что казалось, будто кто-то колотил по нему палками. Но к утру, стихия как-то сразу угомонилась, будто отрезало. Тем не менее, надежды на солнечную погоду не оправдались, все небо опять в тучах.

Вскипятили последнюю оставшуюся воду, написались какао и стали укладывать вещи. На двое суток нам хватило 10 литров воды, а за это время мы - двое здоровых мужиков поймали не более двух десятков бабочек. Не слишком много, но что поделаешь, если относительно благоприятная погода за все это время продолжалась не более 3-4 часов. Но представление

о том, какие чешуекрылые здесь летают в это время, мы получили вполне, и следующая наша задача обследовать уголок пустыни, для чего мы хотим проехать дальше по железной дороге.

На вокзале в ожидании поезда мы сидели рядом с разговорчивой русской бабкой. Она рассказала: «Брат пьяница спал на берегу речки. Шакалы объели у него подошвы ботинок, но самого не тронули».

Утром мы вышли на станцию Ахча-Куйма. Слева виднелись невысокие горы Малого Балхана, справа - барханы. Солнца так и нет, хмуру. Прошли вдоль железной дороги километра полтора и в сторону. Барханы так и манят свежей зеленью саксаула и песчаной акации. А зашли в пески, а там и того лучше. Чисто, все подметено ветерком, всюду цветы. Мелкий мачок необычного фиолетово-бордового цвета, ревень с листьями-лопухами размером с газетный лист, нежные бело-розовые крокусы, а сколько еще других, незнакомых нам растений! Кусты саксаула, джугзгуна, эфедры - все больших размеров. А красивее всех развесистая песчаная акация с ажурной, полупрозрачной кисеей-кроной.

Вот радость-то, топим лучшим в мире топливом - саксаулом!

Я отошел чуть в сторонку за дровами и вспугнул буланую совку. Она взлетела молча, неслышно взмахнув крыльями. Серая, с пестриной, под цвет саксауловой коряги, с острыми ушками, похожими на рожки.

Недалеке от нас лежит верблюжий скелет. Вот и получается, что вчера у нас был лагерь. «У скелета коровы», а сегодня «У скелета верблюда».

Не прошло и десять минут, как у нас объявились гости: два туркменских подростка с... большущими ножами. Сели у костра, беспрерывно плюясь и соревнуясь во втыкании в землю ножей. По-русски они ничего не понимали, но когда я запретил им ломать растущую вокруг акацию, рассердились и ушли, по пути порубив ножами кусты ревеня, буйно разросшиеся рядом с палаткой.

Погода окончательно испортилась, и за весь день мы даже не доставали сачков, занимаясь приведением в порядок своей амуниции.

Ожидаемый дождь ночью все-таки состоялся. Шурша, стучали капли по палатке, и слышно было, как, шелестя по рельсам и постукивая на стыках, шли ночные поезда.

Утром небо прояснилось, но барханы так промокли, что долго не просыхали, и кусты были усеяны бисером водяных капель. Медленно-медленно поднималось солнце, а вместе с ним над барханами, рассеиваясь, курился туман. Вот загудела первая муха. Большая, пестрая, мохнатая. Тяжело хлопая крыльями, взлетела куропатка. Откуда-то вынырнул чеканчик - птичка с черной головой - и, сев на макушку саксаула, тревожно зачал.

Еще тянул холодный ветерок, но пустыня оживала. Белым флажком меж кустами акации засигналила первая бабочка, и Володя помчался за ней, догнав на вершине бархана степную зорьку. Полетели и транскаспики. Мелькнула зорька с красным пятнышком на белом крыле. Это зегрис Фауста. Соскучившись по

охоте, мы враз набросились на нее, стукнувшись обоими сачков.

Просохнув, наполнялись жизнью песчаные барханы. Выбираясь на поверхность, жук скарабей откупорил свою норку. Толстопузые отшельники-чернотелки побежали в разные стороны, оставляя пунктиры следов. А сколько их давно погибших валялось по склонам барханов в виде отбеленных на солнце хитиновых панцирей-ракушек!

Верткие круглоголовки шмыгают, бросаясь из стороны в сторону. Агама с иссиня-лиловым брюхом взгромоздилась на ветку саксаула и застыла как изваяние маленького дракона.

Хожу по барханам, а нога нет-нет, да и провалится в жилище термитов. Там сидят молодые термиты - бледные, полупрозрачные существа, полумуравьи-полуличинки.

Поймал крохотную антрацитовую голубянку. Она так мала, что трудно уловить глазом. И мой напарник пришел с глиняных гор довольный. Наконец-то наловил вдоволь белянок-транскаспик!

Этой ночью нам уезжать на четырехчасовом утреннем поезде. А это значит, нужно вставать ночью, часа в 3, а то и раньше. Собрали гору сухих кустов, чтобы поджечь ночью для освещения сборов. Фонарика-то у нас нет.

Боясь проспать, ночью Володя несколько раз вставал, зажигал спички, чтобы посмотреть время. И все же выспались неплохо.

Сушняк вспыхнул как порох, ярким светом озарив наш лагерь. Быстренько собрались - и в путь.

Идем в сплошной тьме, даже звезд не видно (опять пасмурно). На ощупь переваливаем через барханы и овраги. Спотыкаемся. Днем-то все ровно, а ночью сплошные буераки.

Пошли вдоль полотна железной дороги, и вдруг Володя ухнул в какую-то канаву с водой. Еще повезло, что хоть ноги не переломал.

Освещая фарами, нас обогнал товарняк. Собака забрехала. Вышли на платформу, а к нам кинулся огромный белый пес. Но вовсе не со злыми намерениями, а наоборот, заискивая и размахивая хвостом. Надо же: настоящий вокзальный пес!

Через окошко заглянули в зал ожидания. В крохотной грязной лачуге весь пол завален телами спящих туристов. Открыв внутренний замок, вышел высокий молодой мужик. Поздоровался. «Латыш, - сразу определил Володя поговору, - значит, признал в нас своего брата туриста, а иначе - бродягу». Однако пора встречать поезд. Он вынырнул из тьмы, сверкая красными глазами дракона.

- Теперь не зевай, - предупредил более опытный сын, - поезд стоит всего две минуты, и двери вагонов могут быть закрыты.

Так и случилось. Опытные латыши колотят палками в закрытую железную дверь, а мы бежим в следующий вагон.

Слава Богу, сели. Утром мы были в Красноводске, и здесь наши пути расходятся: Володе улетать в Ленинград, мне в Алма-Ату.

На улице настоящая стужа, ледяной ветер, пронизывающий до костей. Над аэродромом стоит

туман. Холодно даже на втором этаже аэровокзала.

Володя пошел на посадку, натянув на голову капюшон штормовки. Маленькая фигурка, съжившаяся от холода. Обернулся, машет рукой. У меня сжалось сердце: хорошо нам было вдвоем, и даже непогода не помешала, а еще больше сблизил.

Мне улететь завтра утром, значит надо прокоротать целую ночь. Не долго думая, залез в спальный мешок, закутался с головой и наконец-то согрелся. В зале было холоднее, чем в палатке, но я прекрасно проспал всю ночь. Утром проснулся, вокруг ходят пассажиры. Они вполне могли принять меня за бомжа. Ну и черт с ним!

Наш поход закончен. Жаль, что было маловато времени, Володя торопился на студенческую практику. Конечно, нам здорово не повезло с погодой, но программу мы практически выполнили.

Вечером я был в Алма-Ате.

Поездка на Восточный Памир

Под занавес сезона 1991 года, вернувшись из весенней поездки, я собрался провести лето на даче с внуками и вдруг телеграмма от сына: «Срочно выезжай Алма-Ату, едем Восточный Памир».

Вот тебе и на! Только-только приобрели старенькие, 20-летней давности «Жигули» и уже ехать в такую даль! Ведь шутка сказать, Памир! Крыша мира, край света, незнакомая, а теперь еще и чужая страна. А тут еще неразбериха с развалом Союза, все дефицит, бензина достать почти невозможно. Но и сына понять можно, не тащиться же человеку в очередной раз на перекладных с тяжеленным рюкзаком да еще и в одиночку! А мне, что ни говори, заманчиво там побывать. Так или иначе, в радостном волнении я собрался и помчался в Алма-Ату.

По дороге мой, только что купленный в Германии автомобиль, чуть не рассыпался и пришлось срочно ставить его в Алма-Ате на ремонт. Молодой, интеллигентного вида, но довольно развязный мужичок, как сказал он сам, окончивший геологический факультет института с красным дипломом, спросил:

- За сколько взяли?

- Две тысячи марок.

Я сказал сущую правду.

- Ну, дед, не ври. Ей красная цена восемьсот марок.

- Да, а что?

- А то, что здесь одна ржавчина, все сгнило. Не днище, а бурый железняк. Ткни, и дно провалится.

Эта реплика не придала мне энтузиазма. Однако подоспевший 10 июля из Ленинграда Володя был другого мнения и считал купленный им «Жигуленок» не хуже хорошей иномарки и, подтверждая это, наша «ласточка» лихо мчалась по дороге «Фрунзе-Ош», обгоняя легковушки на затяжных подъемах к перевалу Тюз-Ашу через Киргизский хребет. Пересекли Сусамырский сырт и первую ночь провели под скалистым гребнем на высоком Алабельском перевале. Было яблоко и сыро. Ужинали набором продуктов НАТО, которыми Запад подкармливал голодающих

ленинградцев. Черт возьми, хорошо быть солдатом у капиталистов! Тут и макароны с мясом и кофе, и сахар, и сухое молоко. И все в аккуратной упаковке.

К Алабелю у Володи особый интерес. Тут, под снежными вершинами живет один из самых высокогорных парусников – парнассиус боедромиус Соколова. Однако облака, окутавшие вершины ближайших гор, не дали возможности искать его ни вечером, ни утром следующего дня.

Опять спуск по серпантинам, и через 20 минут мы попадаем в другой мир. Потеплело, пошла арча, ели, буйная зелень. Ревущий рядом Чичкан все набирает силу, и само ущелье, чем ниже, тем привлекательнее: река бушует водопадами, на утесах кудрявится широколиственный лес вперемешку с елями и... пихтами. Здесь, как и в Сибири, растет влаголюбивая пихта.

Наконец ущелье расступилось, и показался огромный водоем - Токтогульское водохранилище, а по его берегу извилистая ленточка нашей дороги. Как-то вдруг сразу мы очутились в пустыне. Неуютные, изрезанные оврагами, серые глиняные горы. Лишь чахлая растительность с торчащими остовами засохших ферул оживляла голые, безжизненные склоны.

Уже темнеет, и надо искать место для ночлега. Сунулись в одно ущельице - кочевье, в другое - турбаза на берегу. Наконец нашли пазуху - ложок среди таких же сухих, заросших колючим карагайником гор. По старой, заброшенной дорожке кое-как съехали вниз. Уже темно, мы устали, а тут еще заморосил дождь.

- Придется ночевать, сидя в машине, - сказал Володя. - Можно сиденья раздвинуть.

- Ну, уж нет, - воспротивился я, - в палатке хоть отдохнем нормально.

Быстро поставили лагерь, перекусили всухомятку и легли спать под мерный шум дождя.

Ночью дождь усилился, я слышал это сквозь сон, от этого и проснулся. Непрерывные раскаты грома, шум ливня - все слилось в невероятно жуткий рев.

- Что-то уж слишком грохочет, - приподнявшись с постели, сказал Володя с легкой интонацией беспокойства. - Мне это не нравится.

- Так это же гроза, - ответил я, еще не слишком очнувшись от сна, - сейчас ливень должен кончиться.

- Нет, тут что-то не так!

С этими словами Володя дернул шнурок молнии, стягивающий полог нашей палатки, и в то же мгновение упругие и холодные водяные волны ворвались внутрь.

- Сель! - крикнул я в ужасе, - бежим!

В реве водяного потока мы почти не слышали звука своих голосов. Теперь отчетливо ощущался скрежет и грохот глинисто-каменного месива, несущегося совсем рядом с нами. Как хорошо, что палатку мы поставили не на дне лога, а чуть в стороне, уже на склоне горы! Мы выскочили в чем были - практически раздетые. Стояла абсолютно непроницаемая тьма, и только во время ослепительных вспышек молнии открывалась жуткая и фантастическая картина с бешено мчащимся грязекаменным потоком.

И почти в самой середине этого адского бурлящего котла одиноко возвышалась наша машина. Все же у нас хватило выдержки, чтобы в ту же секунду не умчаться на гору, а схватить за растяжки палатку, и с трудом (она была полна воды) подтащить поближе к берегу.

- А как же машина? - спохватился Володя.

- Теперь уж будь, что будет, - ответил я почти веселым голосом. - Наверное, унесет. Тут уж ничем не pomoжешь. Радуйся, что сами спаслись!

Гроза не кончалась, дождь лил, как из ведра, а мы сидели абсолютно мокрые и, стуча зубами, тряслись от холода. Все же где-то через час гроза стала стихать, скрежет камней постепенно уменьшаться, а машину к нашей великой радости не унесло. Она стояла на возвышении, почти на островке, это ее и спасло. Между тем наше положение продолжало оставаться отчаянным. Холод окончательно донял нас, а до утра было еще далеко.

- Нет уж, - сказал Володя, - здесь мы наверняка получим воспаление легких и погибнем от болезни.

Через ослабевший водяной поток мы пробрались к машине и забрались с ногами на сиденья. Вода поднималась почти до их уровня, но кое-какие сухие вещи нашлись. Чуть согревшись, я стал думать о дальнейшем. Скорее всего, самим нам теперь отсюда не выбраться. Дорогу наверняка занесло, и придется нанимать бульдозер.

Рассвет застал нас на ногах. Картина погрома была впечатляющей. Дорогу, где срезало, а где завалило песком и камнями. Лужи воды, промоины, грязь. Принесенные потоком, валяется раздавленный здоровенный щитомордник с разинутой пастью, какие-то кусты, обломки ветвей.

Почти полдня мы сушили вещи и строили дорогу. Отделались мы очень дешево: сель унес лишь алюминиевую палку от палатки, несколько колышков и еще что-то по мелочам.

Довольные, что легко отделались, к вечеру мы добрались до Ферганской долины, и тут во всей своей остроте встал вопрос с горячим. Шел 1991 год, разруха во всем и в первую очередь с обеспечением бензином. Бензоколонки стоят брошенные, и если где бензин и есть, то его «дают» по спецталонам. Для нас горячее - вопрос жизни и смерти, и мы уже решили: пока не заправимся под завязку, дальше не поедем - впереди безлюдный Памир.

Уньлые, стояли мы у одной из заправок в Пайтуте, глядя, как заправляют только своих и только в бензобак. И тут подходит шустрый пожилой узбек и спрашивает:

- Все смотрю, что у вас за номера? Вы из Ленинабада или Ленинграда?

- Из Ленинграда.

- О-о! Значит вы гости издалека, а гостям надо помогать. Сейчас подъезжайте вон к той проходной, я вас заправлю на заводской заправке. А здесь вам не дадут!

Все как в счастливой сказке. По государственной цене мы залили полный бак и все запасные канистры.

Есть же хорошие люди! Вчера несчастные, сегодня самые счастливые, мы долго трясли руку

нашего спасителя и на всякий случай еще и адрес его записали. И только теперь я поверил в то, что доедем до Памира. И, мало того, по прикидкам и на обратный путь должно хватить, по крайней мере, до Оша.

Здесь все близко: Андижан, Ош, Гульча, Софи-Курган.

Перед подъемом на Алайский хребет Володя сказал:

- Надо запастись дровами, дальше растет только терескен.

Кучу арчевых веток мы привязали на верхнем багажнике.

Дорога резво побежала вверх. Серпантин, один, другой. Наша «антилопа», скорее «Фиат», чем «Жигули» показывает отличные ходовые качества и резво берет самые крутые подъемы. Обгоняем ползущие грузовики и через несколько поворотов выезжаем на перевал Талдык. Высота 3650 м. Всюду травянистые склоны с выходами скал, над которыми возвышаются несколько осыпистых вершин с пятнами снега. Вид отсюда не особенно эффектен, а главное, не видно Заалайского хребта. Тут и там поднимаются дымки из юрт, россыпи пятен пасущегося скота рассеяны по зеленым холмам.

Где-то надо останавливаться на ночлег, я верчу головой в поисках удобного местечка.

- Нет, не здесь, - говорит Володя, - проедем дальше, перевал тут длинный, километров шесть, не меньше.

Перед нами широкая, волнистая седловина, замыкаемая на горизонте заснеженным скалистым кряжем. Не долго думая, съехали с дороги и встали посреди изумрудного сырого луга. Володя тут же собирался в сторону каменистых круч, а я начал разводить костер. Отсыревшая арча гореть не хотела.

- Солярки надо, - слышу я за спиной голос невесты откуда появившегося старого киргиза. - С соляркой хорошо, без солярки плохо.

Рядом со стариком здоровенный черный пес. Это наши соседи, и их юрта стоит невдалеке. Чабан рассказывает о своем нелегком житье-бытье.

- Карточка (картошка) дорогая, дров нет, зима холодная.

Одет он по-зимнему: меховая шапка, полушубок, стеганые сапоги. А погода здесь как раз под стать такой одежде. Выглянуло из-за туч солнце - летнее тепло, спряталось - и веет зимним холодом.

- Купи-купи! - пронзительно кричат сурки. Здоровенные, с хвостами, которые они держат торчком вверх. Со стороны заснеженных скал все время слышны мелодичные посвисты уларов. Здесь царство эдельвейсов, сурков, уларов и вьюрков.

Мой охотник вернулся довольно поздно. Отвел душу на ловле прекрасных парнассиусов инферналисов и Джекемонта, желтушек эоген и Романова, полицены Тамерлана и разных голубянок - фертиадесов, амор и туранан. Все бабочки - местные аборигены, а некоторые эндемичны на уровне подвидов.

Пока мы рассматривали сборы, опять пришел наш сосед чабан. На этот раз он принес муку, бутылку солярки и кусок вяленого мяса.

Мы отблагодарили его пачкой печенья и несколькими картофелинами. К сожалению, у нас нет ничего лишнего, все рассчитано до грамма.

Когда сосед ушел, Володя усмехнулся, глядя на мясо:

- Вот уж это совсем некстати. Нам хотя бы картошку сварить, какая уж тут баранина!

Дело в том, что на этой высоте вода кипит при температуре гораздо ниже обычной, поэтому уваривается все очень плохо, а главное - долго.

Ночью Володя выходил из палатки, и сквозь сон я слышал его голос:

- Ого! Да тут все бело! Нас завалило снегом. Как бы радиатор не прихватило.

- Если снег влажный, то не страшно, - отвечал я, но потом не выдержал и встал, чтобы укрыть капот машины накидкой.

А вид был совершенно фантастический! Заснеженные горы, кругом белые поля, а на черном небе горят яркие звезды. И в довершении к этому зимнему пейзажу на бугорке сидят два здоровенных кобеля. В общем, зимняя картина с воющими под лунной волками. И вокруг все следами истыкано.

- И мясо утащили! - углядел сын.

- Вот и отлично, - довольный, ответил я, - все равно бы не стали варить и выбросили. А так и забот нет.

Взошедшее солнце приветствовали улары торжественным и радостным хором. Солнечные лучи скользили по белым просторам, и снег на глазах стал исчезать. К обеду от него ничего не осталось.

Остаток дня мы посвятили азартной охоте на парнассиусов под угрюмыми и обомшелыми скалами ближайшей горы. У ее подножья, по болотистому лугу красовались хохлатки, сочный зеленый лук и розовые примулы. Здесь летали чернушки радианс, голубянки персефаты и зумедоны и яркие парнассиусы Джекемонта. По своим повадкам этот парнассиус схож с обычным аполло, и главное, при охоте на него не спугнуть, выждать и бросаться так, чтобы поймать наверняка. Не поймал сразу - гнаться бесполезно.

Набежала тучка, закрыв солнце, и аполлоны стали присаживаться, заползая... под камни. Привычка, обусловленная жизнью в горах.

В этот же день мы спустились с перевала в Алайскую долину. Вряд ли кого оставит равнодушным панорама, открывающаяся отсюда. Гигантский Заалайский хребет протянулся более чем на сотню километров, и редко где он ниже шести тысяч метров. И тем удивительнее, что в этой грозной цепи белых вершин есть «брешь», понижение, будто специально предназначенное, чтобы проложить здесь дорогу. Именно тут и находится знаменитый перевал Кызыл-Арт, один из самых высоких на Памирском тракте (4280 м)

Белая ленточка дороги убегает на перевал. Пылят редкие грузовики. На фоне циклопического хребта они кажутся букашками, ползущими рядом с гигантским галечником реки, сбегаящей с обледенелых гор. Здесь страшит все: масштабы гор, рек, обрывов, оползней, а меня еще и неизвестность, ждущая впереди.

Подъем на Кызыл-Арт идет среди навороченных красных гор, обломков скал, валов из глин. Бежит грязная речка кирпичного цвета, нигде ни одного пятна снега, и трудно поверить, что все это на высоте четырех тысяч метров над уровнем моря. Под самым перевалом стоит поселок ремонтников из нескольких барачков. Бегают ребятишки, молодая киргизка колет дрова для стоящего тут же дымящего самовара. Живут же люди, прямо-таки в поднебесье!

Сам перевал суровый, пустынный. Преобладают серые и красно-ржавые цвета. Бурая почва из разрушенного камня, гигантские потоки такого же цвета осыпей. Цепи зеленоватых холмов тянутся на восток и запад. Где-то кричат невидимые сурки, табуны альпийские галки. Прыгает незнакомая птица серого цвета, но с черными концами крыльев. Ну, конечно же, это знаменитый снежный воробей!

Только вылезли из машины, мимо летит невзрачная светлая бабочка. Володя почти машинально взмахнул сачком, пригляделся и радостно воскликнул:

- Это же парнассиус симониус! Как раз то, что я хотел здесь найти. Надо обязательно искать еще.

Тут же собрался и ушел. Я же остался бродить по перевалу, подлавливая все, что придется. Летали желтушки кокандики, белянки каллидице, высокогорные мелитеи, но симониуса не поймалось ни одного.

Погода здесь как на луне: в машине невыносимая жара, а выскочишь на улицу - дует пронизывающий стылый ветер, от которого хочется спрятаться, а он гудит беспрерывно, толкает и трясет «Жигули».

Володи не было часов пять. Вернулся к вечеру измученный и коротко сказал:

- Полное поражение. Прошел по горам километров 25 и ничего не нашел. Симониуса нигде нет. Прямо какой-то рок, ведь поймалась же одна бабочка, значит, должны быть и другие!

Несколько удрученные, спускаемся вниз, чтобы переночевать где-то поблизости, так как назавтра Володя собирается вернуться сюда снова, чтобы продолжить поиски неуловимой бабочки.

Местность у подножия перевала еще более гнетущая, чем наверху: сплошное царство мертвого камня. Морены гигантскими валами тянутся вверх, закрывая вид на вершины Заалайского хребта. Где-то за ними на западе пик Ленина – третий семитысячник Союза. А внизу под нами широкое галечниковое русло реки, совершенно безжизненное угрюмое поле. Честно говоря, обстановка угнетающая, навевающая безотчетную тревогу. Хотелось поскорее выбраться отсюда, чтобы увидеть зелень травы, услышать пение птиц.

- Ну, это ты зря, - возразил сын, когда я сказал ему о своих впечатлениях. - С Кызыл-Артом у меня связаны вполне приятные воспоминания. Когда я один был здесь в 1990 году, то чувствовал себя вполне комфортно. Ни от кого не зависел, ходил куда хотел и никто мне не мешал. А что до красоты, то это понятие субъективное. Были бы погода и бабочки, а унывать не стоит, тем более из-за пейзажа. У меня тогда был интересный случай с ночевкой. Палатка моя стояла чуть выше перевала. Ночью пошел

дождь, и я проснулся от того, что почувствовал в спальном мешке воду. Оказалось, что дождь через окошко попадал в палатку, а так как дно воду не пропускает, то она поднялась, затопив меня вместе со спальником. Что делать? Холодно, сыро, я промок, а на улице ночь. Я взял котелок и вычерпал со дна воду. Потом зажег примус и, вскипятив эту же воду, напился горячего чая, и заодно обсох и обогрелся. А тут и ночь кончилась, поднялось солнце и стало и вовсе хорошо.

Весь следующий день мы потратили, продолжив поиски симониуса. Опять стояли на перевале, тщетно траверсируя вдоль и поперек горы, спускались вниз на северный склон - все безрезультатно. Времени у нас в обрез, и мы, так ничего и не добившись, покапали дальше.

Короткий спуск, и мы попадаем в поражающее воображение пустыню Маркансу. Как только ее не называли путешественники и случайные путники: «Долина смерти», «Долина смерчей», «Каменная пустыня». Фотографировали всегда с кучей костей на первом плане. Мне же она показалась царством песка и гальки, девственно чистой и, как ни странно, красивой.

Озеро Каракуль поразило ярко синим цветом, какого я не видел даже на Иссык-Куле. Над ним, будто белые облака, парили далекие снежные горы, а на песчаных берегах росли какие-то странные, неземные растения.

Дальше пошла плохая дорога с кочками, рытвинами и красноватой, как пудра, пылью. В общем, как в бытующем среди местных шоферов стишке-перевертыше:

«От Хорога до Оша вся дорога хороша,
а от Оша до Хорога нехорошая дорога».

Это устный фольклор знаменитого Памирского тракта.

Начался подъем на перевал Ак-Байтал. Вокруг голые, земляные горы, за ними кое-где проглядывают снежные пики. Породы серого, бурого цвета с белыми проплешинами соли. Длинный прямой тягун без серпантинных выводит на перевал. Под колесами земляная разноцветная почва. 4660 м, а высоты совершенно не чувствуется. Вокруг красные, осыпистые вершины с полосами снега. Они вовсе не эффектные, а ведь каждая из них выше пяти тысяч метров, гораздо выше высочайшей горы Альп Монблана!

Спуск еще более краток, чем подъем. Со всех сторон кричат сурки. Растительность чрезвычайно бедна, а зверьки жирные!

Слева по ходу долина реки с полосами наледей, оставшихся еще с зимы. Это и есть Музкол - ледяная река.

Вокруг все та же каменная пустыня, но в отличие от Маркансу не серая, а скорее буро-ржавая. Кирпичного цвета холмистые, почти без скал горы. Создается впечатление, что горы выгорели и раскалены на солнце, а между тем вершины их накрыты снежными шапками, кажущимися здесь противоестественными.

Справа под горами приютился поселок Чечекты, в прошлом известная высокогорная селекционная

станция. Невдалеке, на небольшой лужайке на берегу ручья мы и остановились.

Это удивительно, но здесь, на высоте около 4 тысяч метров, где нет ни одного кустика и лишь жидкая травка, растут поселки! Поэтому к нам идут и идут знакомиться гости. Один, представившийся главным агрономом, сказал, что его отец знал Станюкевича и Потапова (известные натуралисты, работавшие на станции в 40-е и 50-е годы, и оба написавшие интересные книги о Памире), другой пришел наниматься к нам в экспедицию на работу.

Сегодня впервые после многих дней непогоды тихий, теплый вечер. Спустившись с 4600 метров до 3900, мы ощущаем себя так, будто попали в благодатный уголок.

Молодой чабан Муса принес нам в подарок две лепешки и помидор. Дорогой подарок, учитывая, что помидоры сюда привозят из Оша за 300 с лишним километров. Он охотник (а вернее, браконьер). Показывая фотографии, предлагал купить шкуру рыси или барса.

- А сколько ты хочешь за шкуру? - на всякий случай из любопытства спросил я его.

- Знаете, я ведь строюсь, нужны материалы для дома - отвечал он, немного замявшись, из чего можно было легко догадаться о цене.

Пока я караулил автомобиль и занимался его профилактикой, Володя бродил весь день в дебрях горы Зорчечекты и вернулся вечером довольный и с богатой добычей. Удалось поймать парнассиусов симо и Кириченко, желтушек эоген и сатиров-караназа.

В тот же день, распрощавшись с новыми знакомыми, поехали в Мургаб, называвшийся раньше Постом Памирским.

«Памирский пост представляет небольшой редут, основанный в 1892 году с целью укрепления русской власти на Памире. Первую зиму пришлось провести в юртах, и лишь впоследствии были возведены постройки. Затерянный среди унылой и неприветливой памирской природы, горсть русских людей, составляющих гарнизон поста, ведет скучную и однообразную жизнь. Доставка газет и писем из Оша даже в летнее время требует 2-3 недель, а на зиму обыкновенно прекращается. Единственное развлечение памирских узников охота на архаров, кишков (козлов) и другую дичь».

(В.И.Масальский «Россия-Туркестан». 1913 г.)

Нынешний Мургаб - райцентр, поселок из одноэтажных глинобитных домиков, приютившихся в долине реки Оксу. В центре поселка на горе крепость, где стоит погранотряд. Удивительно: в низинке у реки растут невысокие ивы, кусты, а выше на 4-5 метров их уже нет. На крышах каждого третьего дома архарьи или козлиные рога.

Народ рослый, с шевелюрами черных волос. Мужики похожи на цыган. Бродят здоровенные псы и... яки. Как обычные, домашние коровы.

А мы катим дальше, но не по основной дороге, что ведет в Хорог, а на юг, откуда бежит река Оксу с голубой, чистой водой в зеленых берегах. Не верится, что это Памир. Но горы, горы! Они толпятся и горбатятся вокруг черными, бурыми, багровыми

хребтами. Голые, без всяких признаков жизни, но невообразимо красивые. Пылим по кочковатой гребенке дороги, а слева тянется Сарыкольский хребет - не очень высокая осыпистая гряда. По нему проходит граница с Китаем, он же - пресловутый хребет Болор, которому знаменитый географ Гумбольдт отводил великую роль. Он считал его осевым хребтом всех горных цепей Центральной Азии. И вот он перед нами развенчанный, земной, вовсе не грандиозный, без вулканов и редко где со снегом.

Два дня мы прожили на левом берегу Оксу напротив кишлака Тохтамыш. Вечером, разглядывая мои скромные сборы, Володя удивился:

- Это же агродиетус пульхра! Очень редкая, эндемичная для Памира голубянка. Завтра же будем искать еще.

Утром мы бродили по ложку в поисках загадочной незнакомки. Здесь, как и всюду вокруг, пустыня, причем, суровая, высокогорная. Редкие растения распластались, прижавшись к скалам, к земле. Почти безлистные, колочие лепешки акантолимонов, подушки астрагалов. Сизые, лиловые полынки, диковинные цветочки, чаще всего мелкие и душистые. Самым удивительным было то, что в каждом ложке росли разные травы.

Уперлись в обрывистый, сложенный галечником, берег ручья. В речных наносах, среди песка и гальки выделялись архарьи рога и растущие из щелей кусты колочей караганы. Были тут и астрагалы и какие-то незнакомые желтые цветы. Вдруг откуда-то из ниши выскочил серого цвета заяц-толай и лениво поскакал от нас.

- Вряд ли тут будут агродиетусы, - заметил Володя. - Совсем не те растения...

И вдруг именно они полетели одна за другой.

Наловились вдоволь и едем дальше вдоль правого берега реки. К вечеру на нашем пути встала шумная речка. Здесь брод и не очень приятный. Пришлось остановиться, отъехав подальше от дороги. Я готовлю ужин, а Володя разбирает дневные сборы, оказавшиеся сегодня довольно богатыми. Завтра он собирается уйти высоко в горы.

Ранним утром следующего дня стоит легкий морозец. Я еще не вылез из спальника, а Володя уже разделся до трусов, чтобы вброд перейти реку.

- Будь осторожней, - напутствую я сына, - речка довольно бурная.

Ушел, но минут через 50 вернулся несколько обескураженный.

- Надо идти сдаваться пограничникам.

- Что случилось?

Я ничего не понял.

- В горы не пройти, там везде ограждение. К тому же меня увидели с заставы. Она тут совсем близко за горой.

- Может, уедем?

- Нет, надо попробовать договориться.

Мы едем на заставу с большим нежеланием и опасением. Я уверен, что сейчас нас задержат, а потом будут долго «разбираться».

Погранзастава всего в полутора километрах, в боковом ущелье. Новое двухэтажное здание, другие

постройки, капитальный забор, и все это на фоне озера и гор.

Володя ушел докладываться и минут через двадцать вернулся с молодым начальником заставы.

- Знакомься, наш земляк. Из Выборга.

- Саша, - представился лейтенант, совсем еще молодой человек лет 27. - Вы к нам надолго?

- Нет, на пару дней.

- Жаль, пожил бы с недельку. У нас баня. Будете жить в комнате, в тепле. Солдата вам приставим.

Вот так штука! Боялись, что заберут в каталашку, а нас принимают как дорогих гостей или высокое начальство.

- Нам бы в зону, за ограждение.

- Это не проблема, но ведь вам надо бы позавтракать!

Кое-как отпустил нас начальник, и мы в сопровождении дежурного поехали открывать ворота. Лязгнули замки, ворота, опутанные колючей проволокой, раскрылись, и вот мы уже в «зоне», и все горы перед нами, причем гораздо ближе, чем были утром.

На лугу, заросшем ворсистой травкой вперемешку с розовыми примулами и одуванчиками, целый день я гонялся за красивыми голубяночками, позже определенными леганами, и ярко-красными желтушками эогенами.

А в это время Володя бродил где-то под вершинами Сарыкольского хребта, и вернулся вечером почерневший и измученный, но счастливый.

Впервые на Восточном Памире я нашел такое скопление бабочек, - сказал он, сбрасывая рюкзак, - настоящее месторождение драгоценных бриллиантов. Парнассиусы сразу трех видов – симо, дельфиус и актиус, множество желтушек Марко Поло, гипонифеле памира и редкие голубянки хунза и хризопис.

По возвращении на заставу наш добрый хозяин Саша устроил настоящий прием. После бани был ужин с деликатесами в виде домашнего варенья, сгущенки и сливочного масла в неограниченном количестве. Была и водка, от которой я отказался.

- Скучаете? - спросил я Сашу, показывая на разрисованные российскими пейзажами стены комнаты.

- Это у нас солдат такой нашелся, - словно оправдываясь, отвечал тот, - все бы ему березки рисовать. Хотя здесь свои картины наяву не хуже. Но, бывает, и тоска берет, - признался он.

Мы вышли на улицу. Было тихо, и мерцали звезды. Переминаясь с ноги на ногу, в сторожке под фонарем стоял часовой в тулупе. По совместительству он охранял и нашу машину.

- Что, холодно? - спросил я его.

- Бывает и мороз, - отвечал тот.

- А в озере у вас рыба есть?

- В речке водится маринка и осман, а в озере Дункельдык только осман.

Солдатик помолчал и добавил с некоторой усмешкой:

- Говорят, еще там чудовище живет.

- Лохнесское чудище? А как насчет снежного человека?

- Про снежного человека не знаю, но шофера с Памирского тракта рассказывают про белого дедуш-

ку. Он зимой иногда на дороге стоит, особенно, если буран. Заиндевший и молчит. Его позовут, а он был и нет его. Как невидимка.

Спали мы в отдельной комнате на кроватях с чистыми простынями. Топят тут круглый год.

- Может еще что нужно? - спросил солдатик, принесший постель. - Мне приказано вам помогать.

- Вот еще не хватало! За постель спасибо, а больше ничего не надо.

Я лежал и думал о том, что вот в такой глуши, на высоте четырех тысяч метров созданы все блага цивилизации. Островок жизни. И так на каждой заставе. Сколько их разбросано в самых диких уголках гор! А еще я подумал о людях. Много на свете плохого, но есть и хорошее. И каждый человек, каким бы он ни был, нуждается в другом человеке. Оказалось, что мы нужны Саше, а он нам. И это хорошо.

Утро следующего дня было пасмурным, но после завтрака мы оба собрались в горы. Выражение «граница на замке» имеет самый прямой смысл, и замок этот обыкновенный амбарный, что вешают на дверях. Открывание его сопровождается целой процедурой. Доклады, разрешения, звонки.

Прямо с машиной заехали в зону. Володя полез на гору, а я подумал да и потянулся следом. Не торопясь, потихоньку.

Поля осыпей среди зеленки спускаются к самому подножью. Всюду по травяным косогорам видны тропы и норы сурков. «Тропы у подножий гор прокладывают сурки, - вспоминал я слова лейтенанта, - они ходят на пастбища и друг к другу в гости. Тропы у вершин, под скалами - архарьи и козлиные», а еще барсовы. Снежный барс «пасет» их, сопровождая стада. Как пастух или хозяин».

Родничок выходит из-под наплыва земли. Прилетела стайка крупных вьюрков на водопой. В полете они почти белые, а кончики крыльев черные. Снежный воробей, едва ли не самая известная птица Восточного Памира.

Склоны почти до вершины заросли подушками астрагалов розового и синего цветов. И тут же желтые манжетки и луковые заросли. Пахнет ромашкой и... луковым супом. На лужайках вытоптаны целые поляны - лежаки уларов - порхалища. И совсем рядом, рукой подать, высокогорье, настоящее, немного пугающее, с морями каменных морен, с висячими ледничками и снежниками, с веющими оттуда ледяным ветерком. А между ними ложки, заросшие травами и с обязательными ручейками.

Летают парнассиусы дельфиусы и желтушки Марко Поло. Тут настоящее Эльдorado для высокогорных бабочек. Но и ловить их трудно. Склоны так круты, что не удержаться. А тут еще острая щебенка. Парнассиусы мельтешат и там, и там, но стоит к ним приблизиться, как они отдаются на волю ветра, и их миглом уносит в сторону. Жду, когда присядет какой-нибудь из них. Белая бабочка порхает все ниже и ниже и вдруг падает, распластавшись на камне. Необычная поза, но характерная для высокогорных аполлонов. Так ее не сносит ветром.

Загромыхало оглушительно и тревожно. От морозящего дождя я запрятался, втиснувшись в

скальную нишу, а бабочки полезли под камни. Одного аполлона мне удалось вытащить, разворошив осыпь. Совсем как какого-нибудь жука или другого землероя.

Вот-вот разойдется дождь, и я быстро спускаюсь, делая большие скачки по мелкой осыпи. Дрожат от напряжения ноги, трясутся колени. Поскользнулся на глине, но каким-то чудом удержался на ногах.

Спустился наполовину и вижу: под горой стоит грузовик. Явно поджидает нас. И с чего бы это? Оказывается, за нами все время следили с наблюдательного пункта. А мы лазали по горе и вдруг исчезли из поля видимости. Вот начальство и встревожилось: как бы чего не случилось, не сбежали бы за границу.

Смешно, и зачем нам Китай? Опять синдром Карачупы, знаменитого пограничника эпохи Сталина, которому всюду мерещились шпионы!

Пока все это выяснялось, с горы «катится» мой Володя. Рюкзак у него большущий и почему-то топорщится в стороны. Пригляделся, а это торчат рога архаров. Здоровенные, да не одни, а еще и рога тека. Вот нам и сувениры с Памира.

Ужинали опять с начальством - начальником заставы и замполитом. На столе стояли хорошие консервы, но военные не притронулись, вспоминая горы котлет из архарьего мяса. Еще недавно зверей было так много, что их стреляли, не отходя от автомобиля. Сейчас не то, - сетовали они, - пришли местные, и не стало былого изобилия. Теперь они здесь настоящие хозяева, и «зона» для них не помеха.

На прощание нас снабдили прекрасным хлебом, выпеченным солдатами прямо на заставе, и консервами.

- Ну, что вам еще на дорогу? - провожая, спросил нас Саша.

- С бензином у нас плоховато, - робко заикнулся я. - Здесь ведь нигде не купишь.

- Это верно, - согласился начальник, - с горючим и у нас туго, но 20 литров дадим. Как не помочь своим землякам! А в следующий раз, - продолжал он, - чуть что - заезжайте. Милости просим, чем можем, тем поможем.

На следующий день мы стояли у горы Мынхаджир (тысяча грифов), в местечке, где недавно был найден новый подвид парнасциуса Чарлтон - Анюта. В любом другом месте Анюты просто не может быть, потому что там будет уже другой подвид. Так изменчивы парусники на Памире.

Не припомню другой такой страшной горы. Черная, в ржавых осыпях и зубастых скалах, она напоминает мне гигантского динозавра с бугристой, бородавчатой спиной. Гора стоит на другом берегу Оксу, но как хорошо, что есть мост! Как видно, геологи долго и упорно ковыряли гору, изрыв ее штольнями и шурфами, а заодно сделали немудреный мост, перебросив с берега на берег несколько больших труб.

Володя, как обычно, оставив меня у машины, полез на вершину. Минут через 10 я посмотрел ему вслед и обомлел: по той же тропинке шагал молодой человек европейского вида с большим сачком в руке! Вот оно «столпотворение» ловцов бабочек.

На краю света, в совершенно гиблом месте, в одной точке встретились два человека, одержимые одним интересом.

Мало того, ловец бабочек был вовсе не один. На берегу реки я разглядел спрятанную в кустах синюю палатку, рядом с которой бродил мальчик-подросток.

Часа через три спустился Володя. Он ничего не поймал, если не считать одну сумасшедшую белянку деоту, которую почти случайно зацепил сачком.

- Я вспомнил, - сказал Володя. - Анюта выводится один раз в два года. В этом году ее нечего и искать, она будет только следующим летом. Ловец бабочек? Нет, не встречал, а лагерь на берегу реки разглядел.

Мы подъехали к синей палатке.

- Вот я их сейчас удивлю, - сказал Володя, и, подойдя к палатке, громко произнес:

- Ай-яй-яй! Анюты летают, а вы спите!

И тут вылезает вовсе не мальчик, а девушка. Вскоре подошел и ее друг, тоже ничего не поймавший. Это москвичи. Между прочим, они посоветовали нам не афишировать свое занятие. Дураков много, а еще больше жадных и завистливых. Думают, что мы грабим природу, зарабатываем деньги. Померзли бы они под дождем, да побегали по горам! А что до бабочек, то никакого вреда для популяции от вылова нескольких особей совершенно нет. Вот приехали в такую даль, можно сказать, на конец света, а поймали ноль. Даже для коллекции ни одного экземпляра.

Оставив москвичей, мы решили тут же уезжать.

Восточный Памир совсем невелик. Уже к вечеру, перевалив через Ак-Байтал, мы достигли его северной окраины. Почти в сумерках вброд переехали страшноватую речку, бурным потоком разлившуюся по галечникам пустыни Маркансу. Хотели, было остановиться на ночевку на своем прежнем месте перед перевалом Кызыл-Арт, но вылезли из машины: ледяные тучи сползают с вершин, зимним холодом веет от них и вот-вот пойдет снег. И решили перевалить грозный Заалайский хребет и ночевать на другой его стороне. Действительно, туман за клубился, окутывая все белым молоком. Зажженные фары еле освещали дорогу, на перевале снежная крупа сухо шуршала по стеклу и крыше. И чем дальше, тем снега становилось все больше. Горы вокруг стояли белые, совершенно зимние. А в Алайской долине было по-прежнему зелено и никакого снега. Наше путешествие по Памиру закончилось.

Джунгария. Луковые горы

Джунгария... Загадочное слово и не менее загадочная страна. Считается, что она занимает северо-западный угол Западного Китая, но на самом деле она продолжается и на востоке Казахстана, о чем свидетельствует и название самых северных отрогов Тянь-Шаня – Джунгарский Алатау.

В 1992 году, пользуясь неразберихой после распада СССР, когда вдруг проезд в так называемые погранзоны оказался открыт, мы смогли проехать вдоль

китайской границы от Иртыша до Или и побывать в том месте (севернее Джунгарского Алатау), где горные хребты расходятся, образуя проход, известный всем географам и историкам под названием Джунгарских ворот.

С нами упростилась поехать дочка Володи Оля, которой не исполнилось и десяти лет. Вначале я боялся, что с ней будет много хлопот, ведь она настоящая горожанка, а часто даже взрослые с трудом переносят дорогу, не говоря уже о простудах, привередливости в еде и прочих капризах. Но, к удивлению, Оля оказалась не только стойкой к невзгодам и на редкость терпеливой, но и любознательной, интересующейся всем, что встречалось на пути, и нисколько нас не обременяла.

Проехав вдоль южных предгорий Тарбагатай, мы стали спускаться в Алакольскую долину, что сразу почувствовалось по духоте и все более жаркому воздуху.

14 июня мы ночевали в кустарниковой чаще, а вокруг простиралась степная равнина, местами переходящая в слегка всхолмленную и засолонцованную пустыню. Здесь же у нас, как на островке, зеленели кусты тамариска, рядами торчали пучки чия и высокой полыньки. Отдельно от других кустов, как африканские баобабы в миниатюре, стояли усыпанные розовыми плодами кусты эфедры.

Известно, что ночные бабочки летят на свет. Трудно объяснить, с чем это связано, но каждый видел, как у ночных фонарей кружатся бабочки. Этим пользуются сборщики насекомых, для такого лова мы привезли портативный генератор, дающий яркий свет. Стоял тихий теплый вечер, поэтому и ночной лет был хорош. Со звуком осыпавшихся камешков у натянутого белого полотнища падали жуки навозники: лунные копры и носороги. На земле сустились здоровенные пауки фаланги с желтым брюхом и мохнатыми длинными лапами. Бледно-желтые совки с легу падали в траву и, трепеща мелкой дрожью, бились в экстазе. Белый экран был облеплен сверчками, мухами и комарами. Прилетело даже несколько кобылок.

Стукаясь баночками-морилками, я с Олей ловил бабочек на простыне, а Володя колдовал, сбрасывая заморенных насекомых в... кастрюльку. Обыкновенную алюминиевую кастрюльку для варки супа. Хвала изобретателям, придумавшим такой простой способ сбора и замаривания насекомых! Накидав слой бабочек, Володя накрывает их бумажной салфеткой, капает очередную порцию эфира, и начинает новый слой и так до наполнения всей кастрюли. К утру бабочки заморятся окончательно, и их можно будет раскладывать на маграсики.

У нас только мелькали руки, и звякала крышка кастрюльки. Торопя Володю с освобождением морилки, я в азарте повторял одно и то же: «Тару, тару!», а Оля радостно подпевала: «Тары-бары, растабары!» Потом валом повалили бражники, среди которых больше всего было винных. Багрово-розовые, они врывались в полосу света, вертелись волчками, а мы, сталкиваясь лбами, гонялись за ними и редко какому из них удавалось улететь.

Разгоряченные охотой, мы не заметили, как поднялся ветерок, но все усиливающиеся порывы в конце концов, заставили нас прекратить ночной лов. «Бражная была ночь», - скаламбурила Оля, забираясь в свой спальник. Мы улеглись в палатке, а ветер, все усиливаясь, шумел, хлопая брошенными на улице вещами, звякал посудой, а мне сквозь сон все казалось, что это птицы доклевывают там наше жаркое из тушенки с картошкой, приготовленное накануне вечером.

Утром встали, а небо все сплошь обложено тучами, и стало понятным поведение ночных мотыльков, беснующихся перед непогодой. Дождь ночные бабочки предсказывают лучше всяких барометров и метеорологов.

Только отъехали от стоянки и неожиданная встреча. Поперек дороги лежит толстая, короткохвостая змея. Я принял было ее за опасного и очень ядовитого щитомордника, но выйдя из машины, увидел, что это прекрасный, сантиметров в 70, экземпляр удавчика. Этакий толстый червяк с тупыми концами с обеих сторон. Два дня назад точно так же повстречали на дороге здоровенного полоза, и Оля метко назвала его поползнем. Здесь же ее удивило другое:

- Ой, а где же у него голова? – сразу углядела она, а затем с радостным удивлением сообщила: - Да, кажется, я вижу глаза. Крохотные бусинки, почти залепленные песком. Вот так Тяни-Толкай – ни переда, ни зада!

А дождь все-таки собрался. Сначала моросил чуть-чуть, а потом разошелся не на шутку. Разбрызгивая лужи, мы ехали, а мимо проплывал ферульный лес. Будто в японском садике, большие кусты с красно-желтыми стволами стояли, усыпанные плодами, а по их ветвям ползали большие черные жуки-усачи.

К обеду немного прояснилось, и сразу в воздух с пением стали подниматься бесчисленные жаворонки, но не это привлекло наше внимание. Над кустиками чингиля затрепетали темные, почти черные голубяночки, в одной из них Володя тут же признал нелицену илиензис, а в другой – тугайную голубянку (купидо пресекуза). Кроме того, летели тут и шашечницы дидимы и белянки - резедовые и репные.

Но не успели мы поймать и пяти бабочек, как с небес снова закапало, а потом будто прорвало и полило вовсю.

Чем больше мы приближались к Алакулю, тем чаще степь сменялась на зеленые луга и тем удивительней смотрелись саксаульники. Острова настоящего саксаулового леса, похожего на заколдованное царство с казавшимися мертвыми деревьями, с изломанными ветвями-корягами, с бахромой зеленой кисеи вместо листьев. Так же необычно смотрелись мокрые песчаные барханы. Опять попрятались птицы, и вдруг, обманутая дождливыми сумерками, неожиданно нежным голосом запела жаба.

Несмотря на непогоду, отсюда, с одного места были видны сразу три горные системы: Тарбагатай, Джунгарский Алатау и хребет Барлык в Китае. Светлой полосой просматривалось озеро Алакуль с гористым островком посередине водной глади. В XIX веке этот островок, похожий на вулкан, был последней надеждой сторонников теории великого А.Гумбольдта

о вулканическом происхождении гор Тянь-Шаня. Путешественникам А.Шренку и Г.Карелину потребовалось сплавать на лодке на этот остров, чтобы окончательно развенчать ошибочную теорию.

Мелькали брошенные здания погранпостов с выбитыми окнами и без дверей. Полное впечатление, что здесь был настоящий погром.

А дождь все лил и лил. Заехали в поселок Жаланашколь. Это предпоследняя железнодорожная станция на пути в Китай. Долгое время здесь все было заброшено, рельсы поржавели, теперь же все отремонтировано и выкрашено. Скоро должны пойти поезда.

У нас уже кончаются продукты, и мы подъехали к магазину. К сожалению, он оказался закрытым на перерыв.

- Подождем где-нибудь за городом, - предложил я. – Обедать пора и не стоять же на улице.

Мы отъехали с полкилометра, облюбовав удобную площадку рядом с дорогой. Съезжать с дороги в сильный дождь да еще в глинистой и засолонцованной пустыне всегда опасно, но меня успокоила галька, усеявшая все вокруг. «Уж по гальке-то всегда выберемся», - успокоил я себя, и черт меня дернул туда заехать!

Только съехали с асфальта, как машину, будто по маслу, понесло в сторону, а там яма – копали глину. Глина раскисла, ну, прямо каша! Понял я это слишком поздно, когда вылез наружу. Ноги вязнут, – не вытянешь назад. А дождь так и продолжает хлестать, кругом лывы воды. Настоящий потоп! Мне стало жутковато: если пытаться выбраться самим, снесет прямо в яму. Поэтому я сразу объявил: «Надо идти за трактором». И тут (надо же, так повезло!) едет тракторишка «Беларусь» с прицепом, груженым саксаулом. Ни слова не говоря и ни о чем нас не спрашивая, остановился и стал задом подвезжать к нам. Из кабины выглядывал пожилой казах. Я зацепил поданный трос, трактор потянул, но вместо того, чтобы выехать, мою машину еще больше стало сносить вбок. Сердце у меня замерло: мы могли перевернуться, а в кабине Оля! Понял это и тракторист. Он стал маневрировать с тем, чтобы встать поперек дороги, и так близко пятился к нам, что стало еще страшнее: его тоже могло снести, и тогда прицеп, груженный саксаулом, сомнет нас вместе с нашим маленьким «Жигуленком».

- Вытаскивай Олю! – закричал я Володе, - выходите оба из машины!

Володя схватил Олю в охапку, оглянулся, и посадил... на макушку развесистого саксаулового куста. Ведь суглинок раскис так, что она могла и утопнуть! И все это под проливным дождем.

Между тем, «Беларусь» легонько тронулся и без всякого труда вытаскил нашу машину на асфальт. Тракторист молча закинул трос на прицеп и так же быстро, как и появился, умчался, а я даже и поблагодарить не успел.

Все мы вымокли и были облеплены грязью, на ботинках по пуде глины, а машина заляпана и снаружи и внутри. Но все это чепуха! Счастливые, под потоками ливня мы помчались, чтобы поско-

рее уехать с места неприятного приключения. О магазине и думать забыли, съезжать с дороги тоже охотку отбило.

По сторонам тянулась пустыня с размокшей и набухшей влагой почвой, но вот сквозь сеево дождя блеснула серая гладь воды озера Жаланашколь. Дорога взбежала на насыпь и пошла вдоль берега. Посветлело, и дождь стал утихать. Над озером с криками закружились чайки и крачки. Поднялось настроение и у нас. Мы переоделись в сухое, и, еще не кончился морос, не выдержали и побежали к воде. Она была теплой и слегка пахла сероводородом. Словно разделяя с нами радость, из-под шапки туч, нависших над озером, робко проглянуло солнце, и вода заиграла серебристыми бликами. Волны ласково накатывались на берег, выбрасывая белую пену, и Оля тут же запротестовала купаться.

- Ты еще не просохла после дождя! – удивился я. – Только что стучала зубами. Простудишься, хлопот с тобой не оберешься.

Купаться Оле запретили и она, нисколько не расстроившись, бегала по песчаному пляжу, прыгала через скакалку и училась делать «блинчики», кидая камни в воду (и, как позже выяснилось, все-таки от нас тайком купалась).

Потянул свежий ветерок, погода явно выправлялась все больше. В китайской стороне хребет Барлык стал очищаться от тяжелых туч, и обнажались вершины с только что выпавшим свежим снегом. Володя с жадностью разглядывал в бинокль чужие и недоступные вершины и склоны гор, громко сожалея о невозможности организовать туда экспедицию. Горный массив с трехтысячметровыми вершинами со всех сторон окружен пустынями, не соединяясь ни с Алтаем, ни с Тянь-Шанем и о том, какие бабочки там летают, представляло для него жгучую тайну.

А с другой стороны стоял Джунгарский Алатау, от вершин до подножья все еще погруженный во мрак. Клубясь, туда уходила непогода в виде скопища тумана и туч.

Сразу за озером появились две дороги. Обе они были совершенно пустынные, нигде ни одной машины. Одна шла на северо-запад в Учарал, другая, у подножья Джунгарских гор, - на юго-восток в сторону станции «Дружба» у самой китайской границы.

- Нужно быть идиотом, чтобы не воспользоваться случаем, и не осмотреть здешние горы, - тут же принял решение Володя. – Когда еще представится возможность здесь побывать!

И мы поехали вдоль гор, высматривая дорожку, чтобы уехать в их глубину. Рядом тянулись порушенные проволочные ограждения. Порванная и смятая в кучи, ржавая колочка лежала безобразными кучами, напоминающими огромных ежей. Разгромленные пограничные будки и искореженные шлагбаумы напоминали о том, что до границы здесь всего каких-то 20 км.

Наконец мелькнула колея в сторону и мы, не раздумывая, нырнули туда. О радость: есть даже ручей! А кругом камни и камни, обросшие густыми кустами, среди которых красовались шатры диких яблонь, усыпанных зелеными плодами.

Дорожка вскоре кончилась, но большего нам и не было нужно. Мы очутились в долинке, со всех сторон окруженной горами. После дождя все хранило следы влаги, холод надвигался вместе с вечером.

Костер, скорее разжечь костер! С энтузиазмом бросились мы собирать сучья и хворост, а Володя уже тащит засохший яблоневый ствол, вывороченный весенним паводком. На горы опускались сумерки, а у нас весело трещал костер, сухие яблоневые дрова горели, пожалуй, не менее горячо, чем саксаул.

На следующее утро Володя отправился в горы, а я решил осмотреть склоны вокруг лагеря. Стоило мне сделать с десяток шагов, как меня окружили завалы из обломков серых и красных скал, обрамленных зарослями шиповника и барбариса. Прикрывая осыпи, колючей проволокой расплзлись длиннющие плети каперсов, унизанные белыми цветами. Белые мальвы торчали свечками, а внизу, по земле всюду красовались желтые и красные маки.

Будоража горную тишину, звонким эхом разносились крики бесчисленных кекликов, задорно и требовательно покрикивали скалистые поползни. А в пазухах меж огромных обломков скал приютились заросли пахучего чабреца и зизифоры. Над ними вились голубяночки: очень темные сверху, светлые в крапинку снизу. Они сидели на цветах то складывая, то раскрывая крылышки, шевелили ими, будто подавая какие-то знаки.

С большим трудом пробираясь через каменные завалы, обросшие колючими кустами жимолости и барбариса, я увидел торчащие среди щебнистой осыпи пучки зеленых перьев дикого лука. Сарымсаком, как называют местные жители этот лук, мы лакомились всю дорогу, нарвав изрядное его количество в горах Монрака, и он служил у нас приправой едва ли не ко всем блюдам. Едят только саму луковницу, да и ту надо тщательно очистить, ободрав верхние слои до обнажения фиолетово-белой сердцевинки. Напитанный влагой от обильных дождей, в начале лета лук бывает очень сочным и не столько едким, сколько сладким. находка была очень кстати, и я не подозревал, сколько его растет выше. Чем дальше я поднимался, тем все более крупные луковницы и целые кусты попадались на глаза, пока, наконец, они не перешли в сплошные заросли. Дикие луковые плантации, набирай хоть мешок! Вот что значит погранзона, куда долгое время был запрещен доступ людей, и природа сохранилась почти в первозданном виде! Эти горы вполне можно было бы назвать луковыми, но такие уже есть – Сарым-Сакты у Катон-Карагая на Алтае.

После обеда небо опять потемнело, набежали тучи, в четыре часа пошел дождь. А между тем Володя все не было, и я уже начал беспокоиться, когда он вдруг появился вымокший, но очень довольный. Как всегда, в руке его был целый букет из каких-то диковинных веточек и пучка трав, которые он собирает, как возможные кормовые растения бабочек.

- А козлы к вам не подходили? – спросил он, присаживаясь на траву.

- Нет, а что?

Они пасутся тут, совсем рядом, вот за той горкой. Я пока поднимался, видел несколько раз. Козлов много, а рога валяются повсюду.

А бабочки были?

- Были, были. Я тут наловил голубянок, возможно, нового подвида или даже вида. Вот, смотри.

Я вижу голубянок темно-шоколадного цвета, очень похожих на тех, что ловил сам, и показываю сыну свои сборы.

- Как будто бы неолицена Тенгстрема, - говорит Володя. Моя очень похожа, но не она.

Наклонившись, мы рассматриваем и сравниваем обеих бабочек. Да, разница есть, хотя и не столь значительная. Это явно близкие родственники.

Понимаешь, - попытался объяснить мне Володя, - если бы это были вариации одного вида, то у каждого экземпляра они должны быть разными, а здесь четко прослеживаются одни и те же различия. Это явно разные виды, и то, что я сегодня поймал, похоже на новый, неизвестный еще науке вид.

Володино предположение подтвердилось позже, зимой, когда Володя изучил внутреннее строение бабочек. Володя назвал новый вид неолицена Эквайлера – в честь Вольфганга Эквайлера - своего немецкого друга-лепидоптеролога, знатока бабочек-голубянок Средней Азии.

Погоня за желтушкой

Сергей Алфераки, известный русский лепидоптеролог происходил из знатной семьи. В доме его отца, самом богатым в Таганроге, проездом в Крым всегда останавливался русский царь (этот дом, больше похожий на дворец, сохранился и поныне). Но думал ли тогда озорной мальчишка, что через десяток лет он так сблизится с внуком царя (Николаем Михайловичем Романовым), что их будут объединять общая страсть и любовь к бабочкам! И не только страсть, но и общее дело. Но это было позже. А пока Алфераки, покачиваясь в седле, ехал во главе каравана экспедиции, направлявшейся на Юлдуз в Китае. (Тогда Кульджинский край был в составе России, входя в Семиреченскую область.) Вокруг расстилалась пустыня, желтая, бесплодная, но по правую сторону стеной стояли горы Восточного Тянь-Шаня со сверкающими снегом вершинами. Там, по рассказам Н.М.Пржевальского, в горных долинах ключом била жизнь, среди буйной зелени бежали бурные реки и водились дикие звери и птицы и, конечно, летали бабочки. Но какие? Это предстояло узнать.

В начале лета 1879 года путешественники достигли благословенного Юлдуза, что в переводе означает «звезда». Здесь, на высоте 1500–2000 метров, расположено обширное плато, окруженное горами. Множество небольших озер, рассыпанных среди волнистых равнин, блестело на солнце, серебристые речки струились среди изумрудных лугов. Роскошная долина, прохлада, удачные находки – все располагало к прекрасному настроению. Молодой Алфераки был переполнен счастьем, радостью и восторгом от увиденного в пути, это хорошо чувствуется при чтении увлекательного рассказа о его путешествии («Кульджа и Тянь-Шань». Записки РГО, 1893).

Экспедиция была на редкость удачной. Было поймано много новых видов бабочек, еще неизвестных

науке, и одной из них стала яркая и крупная желтушка. Вот как об этом пишет он сам:

«...Мы находились, так сказать, в царстве бабочек. Такого разнообразия, такого высокого интереса своей новизной и такого количества чешуекрылых я никак не мог ожидать встретить. Глаза разбегались по всем направлениям – так много летало разнообразных представителей того отряда насекомых, благодаря которым я заехал в этот далекий край. Когда из-за гор поднялось солнце и согрело ущелье, когда подсохла роса и все летучее население поднялось на воздух, картина получилась поистине необыкновенная, и я уверен, что и не энтомолог не мог бы остаться равнодушным при ее созерцании.

Число неделимых было так велико, что, бывало, желаешь поймать какой-нибудь выдающийся экземпляр, а в сетку кроме него попадает 5-6 других.

Мы постепенно поднялись с 900 м высоты, на которой находилось начало ущелья, до высоты 1500 м. Тут меня ожидала радость: были пойманы первые два самца нового вида из рода колиас, названного мною в честь известного лепидоптеролога Н.Г.Ершова – колиас Ершова. Но увы, кроме этих двух самцов мы других не нашли в этот день».

Потом желтушки попадались еще, и в течение лета Алфераки наловили их довольно много. Большая часть пойманных экземпляров попала в коллекцию Великого князя (позже переданы в Зоологический институт в Петербурге), незначительная часть поступила в зарубежные музеи и частные коллекции.

Казалось, что это обычная, почти банальная бабочка, однако шли годы, а других поступлений не было. Кульджу возвратили Китаю, а Китай становился все более закрытым государством, и новых энтомологических экспедиций туда не проводилось. Сейчас там и вовсе запрещен любой отлов чешуекрылых. И вышло так, что спустя 100 лет желтушка Ершова из-за своей недоступности стала самой редкой, почти легендарной бабочкой. Лишь несколько музеев в мире могли похвалиться, что имеют ее в своей коллекции, спрос же у частных коллекционеров на нее все возрастал. Неудивительно, что любители из Советского Союза бросились искать ее у себя, ведь найдена-то она в горах Тянь-Шаня, в каких-то 300 км от границы с Казахстаном и Киргизией. Много лет поиски не давали результата, но в начале 90-х годов прошел слух, будто бы ее нашли в горах Джунгарского Алатау близ Джаркента, поймали в Кунгее и якобы видели даже в Заилийском Алатау. Но нигде никаких публикаций, никаких вещественных доказательств. Их или не было, или их скрывали, держали в секрете.

В 1992 году к гонке за желтушкой подключились и мы с сыном. Первая попытка и неудача. У Джаркента ткнулись в горы и попали в ущелье Сарыбель. Любой желтушке нужны луговые поляны, а там узкое ущелье с крутыми лесистыми склонами.

– Попробуем в Кетмене, – решил Володя. – Там совсем рядом Китай и те же горы, что и на Юлдузе.

И мы едем в Кольжат. Это уйгурский поселок у самой границы с Китаем. По ущелью поднялись до елового леса. Здесь остепненное плато, окруженное

лесистыми горами. Высота 1700 м, самое то, что нам нужно.

– Я думаю, – деловито говорит Володя, – вон на ту горку, что перед нами, поднимемся, а там и летают наши желтушки.

Сказал это и ушел совсем на другую гору. Я же поплелся на указанное сыном место. Откровенно говоря, в успех я не верил. Ну как это: пойти чуть ли не на первую попавшуюся горку в случайном ущелье и найти то, что не могут найти уже более ста лет! Настораживало и то, что совсем недавно в соседнем ущелье целый сезон провел очень опытный украинский энтомолог и любитель бабочек Игорь Плющ и никакой желтушки Ершова не обнаружил. А уж он бы ее не пропустил!

Вот и вершинка. Восточный ее склон порос елями, мне он неинтересен: там водятся обычные лесные бабочки. А вот западный совсем другое дело. Он степной, светлее, травы ниже и суше. Среди каменных выступов подушки астрагалов: желтых, розовых, розово-фиолетовых, белых, тут же пахучая зизифора, дикая вишня и... эдельвейсы. Все чудесные растения!

Появились первые бабочки: горошковая и барбарисовая белянки, махаон. Пролетела обычная степная желтушка. Изловчился и поймал. Желтушек, как правило, ловить трудно. Даже самых обычных. Они очень быстры в полете и пугливы.

И вдруг появилась она! Я ее сразу узнал, хотя раньше никогда не видел. Большая, ярко-желтая, точно расплавленное золото. Она будто выплыла из-за горы и летела не очень быстро, а как-то величественно и грациозно. Было в ней какое-то благородство. Сразу видно, что бабочка не простая! Крадучись, чтобы не напугать, бегу к ней, а желтушка, словно играя, развернулась и направилась ко мне. Взмахнул сачком, и... мимо. Поторопился и не дотянулся. Золотистая красавица взмыла в воздух и умчалась за гору.

Эх, раззява, упустил! Но раз есть одна, значит, должны быть и другие!

А вот и аполлон. Белоснежная бабочка порхает меж скал. Погнался за ней, и вдруг опять появилась она. Желтушка! Как ни в чем не бывало, вывернулась из-за горы, пролетела над склоном и присела на цветок.

С замиранием сердца приближаюсь, стараясь не напугать. Бабочка вспорхнула, но опоздала. Я успел взмахнуть сачком и сразу почувствовал, что поймал. Через полотнище, через ручку сачка, словно импульс тока ощутил биение, трепыхание большой бабочки. Вот она, яркая, золотистая, с малиновой бахромой по контуру крыльев!

Дрожащими руками пожал грудку и, рассмотрев, положил на матрасик. Почин сделан! Главное, теперь будем знать, что желтушка здесь действительно есть.

Погромыживает. Туча напоззла, поглотив солнце, и вот-вот пойдет дождь. Значит, лова сегодня больше не будет. Прежде чем уйти, оглянулся. Да, это горная степь. Сухая степь на высоте 2000 метров. Необычное сочетание высокогорных, почти тундровых альпийцев и растительности сухой степи.

В конце дня пришел усталый Володя. Я решил разыграть его и о своей поимке пока молчал.

– Как я и думал, ничего нет, – с досадой и сожалением сказал он, садясь на траву. – Места, вроде бы, подходящие, а желтушки нет. Поймал кое-каких интересных чернушек, парусников тяньшаникусов, и это все. Будем уезжать.

– Ты же сказал, что на этой горе должна быть, а сам на нее не пошел.

– Так ты же там был, значит, нет.

– А это?

Я, наконец-то, показал свою желтушку. Сын долго разглядывал ее, поворачивая и так и этак.

– Да, это Ершова, – признался он. – Значит, останемся. Ты четвертый человек в мире, ловивший эту желтушку.

– А мне и самому странно, – признался я, – за весь день видел не более полутора десятков бабочек, и одна из них оказалась колиас Ершова. И главное, удалось поймать.

Погода в горах стояла холодная и дождливая, и за 4 последующих дня мы поймали еще одну желтушку, то есть всего две. Но все равно это была большая удача. Значит, живет в наших горах самая редкая в мире желтушка!

На следующий год мы снова были в знакомых горах. Здесь все было так же: зелено, прохладно, а склон «нашей» горы расцвел астрагалами, растениями, на которых живут желтушки сразу четырех видов. Однако бабочек очень мало. «Нигде никаких желтушек», – с унынием подумал я, и тут из-за скалистой вершинки вылетела ярко-желтая красавица. Володя бросился за ней, но промазал. Помчался дальше, и вскоре я услышал его торжествующий крик: «Поймал!» Вот оно, счастье охотника, восторг искателя приключений! Нет, гораздо больше: радость исследователя-ученого.

На этот раз всего мы поймали пять редкостных желтушек. Немного, но главное-то не в этом. Расширен ареал вида, стерто еще одно белое пятно. А то, что мало, так это и говорит о том, что бабочка эта не простая, можно сказать, редкостный экзот. Это подтверждает и тот факт, что нигде более она нам не встретилась. А ведь мы осмотрели многие ущелья, горы и долины разных хребтов и отрогов Тянь-Шаня да и других гор Средней Азии и Казахстана.

За локсиусами на Сары-Джаз

– Локсиус – бабочка легендарная, почти как автотратор, – поучал Володя, глядя в окно, где виднелся Иссык-Куль. Мы миновали Каракол, как теперь называется Пржевальск, и мимо проплывали пейзажи Киргизии с пирамидальными тополями, садами, бесконечными поселками, над которыми нависала зубчатая стена гор. Мы ехали в Ташкару – известное среди всех любителей бабочек место, и сын рассказывал мне историю бабочки, которую нам предстояло увидеть и по возможности поймать.

– А поймал ее впервые еще в самом начале XX века Рюкбайль, – продолжал он. – И с тех пор лет 80, ее никто больше не ловил и, мало того, даже не зна-

ли, где ее искать. Как известно, Рюкбайль был профессиональным сборщиком и работал на европейскую торговую фирму «Гомейер и Танкре», но почему-то почти все пойманные экземпляры локсиуса, а их было довольно много, около сотни штук, минуя Европу, попали в петербургский ЗИН. Рюкбайль не очень-то распространялся о местах поимки бабочек. Он был хорошим конспиратором и этикетки подписывал лаконично. На бирочке локсиуса стояла короткая надпись «Аксу». Аксу – это река в Западном Китае, но начинается она в Киргизии и, вытекает из-под самого Хан-Тенгри под именем Сары-Джаза. Вот А. Крейцберг (известный специалист по аполлонам) и решил искать его у нас в Киргизии на границе с Китаем. Он договорился с пограничниками и вертолетчиками и те, где-то в начале 80 годов высадили его на Сары-Джазе. Там он и нашел нашего парнассиуса, в урочище Ташкары, на реке Каинды, притоке Сары-Джаза. С тех пор Ташкара стала местом паломничества сотен коллекционеров со всего Советского Союза. Вот туда-то мы и едем.

В это время нас остановил гаишник-киргиз и, видя неместный номер машины, стал с любопытством расспрашивать.

– Мы хотим проехать на Иныльчек, а дальше через Акшийрак на Барскаун, – доверительно пояснил Володя. – Как вы думаете, проедем?

У меня чуть волосы не встали дыбом. Мне он ничего не говорил об этом маршруте, а ведь трудно придумать более страшную дорогу, чем эта, впрочем, указанную в Атласе автомобильных дорог. Центральный и Внутренний Тянь-Шань! Там горы под 6000 метров, ужасные реки, каньоны, а едем-то на «Жигулях», на «копейке» двадцатилетней старости.

Однако, гаишник вовсе не лопнул и даже не подскочил от удивления.

– До Энгильчека доедете, – спокойно пояснил он, – а дальше дороги нет. До Акшийрака можно добраться только через перевал Барскаун. Это совсем с другой стороны.

– Все ясно, так и поедем, – сказал Володя и виновато посмотрел на меня.

Ну что тут скажешь! Будем ставить рекорды. Теперь-то я хоть знаю, где мы собираемся сломать себе шею.

Дорога резко свернула вправо и пошла в горы. Ущелье Тургенъ Ак-Су одно из красивейших в Киргизии. Горная река, еловые леса, а вдали сверкающие снежные вершины.

Лес кончился, дорога свернула влево и пошла петлять серпантинами по рыже-зеленым холмам. По сторонам альпийские луга, юрты, пасущиеся стада баранов и лошадей, а над всем этим грозные пики снежно-скалистых гор.

Кончился асфальт, щебеночное шоссе нырнуло в снежное корыто. Бульдозеры разгребают дорогу, прокладывая ее через свалившуюся лавину. Мы на перевале Чон-Ашу высотой 3882 м. Стоят дома, какие-то мастерские, гаражи. А на пик, что замыкает ущелье, ведет тропа, и на макушке стоит антенна. Там станция радиорелейной связи, и там живут люди.

Спускаемся вниз. С одной стороны нависают утесы, с другой – пропасть в глубокое ущелье.

Вывернули из-за поворота скалы и... стоп! Впереди завал. Глыбы скал свалились на дорогу, и старенький бульдозер, натужно тарахтя, пытается свалить их в пропасть. Тракторист машет: «Езжай!» Мы вместе с машиной букашки на склоне исполинских гор, грандиозные утесы готовы раздавить нас в любую минуту.

Навстречу поднимается грузовик с грубо сколоченной из жердей деревянной клеткой.

- Смотри, Володя, барсоловы едут!

- А где же еще им ездить! Самые места для барса.

Ночевали в устье реки Оттук. Спали, закутавшись с головой в спальные мешки, и этим и спаслись от холода. А мороз был нешуточный: на машине толстый слой изморози, вода в котелке замерзла. А утро ослепительное! Картаво перекликаясь, переговариваются красноносые альпийские галки-клушицы, щебечут вьюрки. Решили поискать парнассиусов боедромиусов, для чего поднялись опять под перевал. Аполлонов нет, а над травяными склонами летают чудесные, серебристо-черные да еще и с красным, чернушкой эрбии кальмуки. Огромный сип, распластав крылья, плывет подо мной. Голова большая, белая, крылья широкие, разлохмаченные на концах. Вертит башкой, высматривая падаль, ждет, когда кто свалится со скалы.

Опять катимся вниз. Валяются рога дикого козла. На склонах появились ярко-зеленые метелки какого-то растения. Они, как лисьи хвосты, торчат лохматыми свечками.

- Карагана юбата, - коротко пояснил Володя, - здесь уже другая растительность. Мы в бассейне китайской Аксу.

Неожиданно с левой стороны показалось ущелье с большой рекой. Это знаменитый Сары-Джаз.

Появились и елки. Но их здесь не узнать. Угнетенные сухостью, они чахлы и выглядят жалкими изгоями. Несмотря на высокогорье, тут все как в пустыне: желто-серые склоны, скудная растительность, и даже лес не очень оживляет склоны.

Все набирая силу, в узком каменном ложе ревет Сары-Джаз, и с каждым километром он все страшнее.

Дорога обогнула скалу, и с высокого берега открылся вид на долину Иныльчека.

Лет 25 назад название легендарного ледника и одноименной реки, звучало лишь в рассказах и отчетах альпинистов, штурмовавших поднебесные пики Хан-Тенгри и Победы. Тогда караваны из груженых лошадей с риском для жизни преодолевали опасные броды, а теперь здесь прекрасный мост и даже поселок на берегу с новенькими, только что отстроенными домами. Но даже отсюда, с большой высоты видно, что он брошен. А горы пошли мрачные, с безжизненными, розово-желтыми обнажениями недр, испещренные паутиной бесчисленных геологических канав, разрезов и дорог. Говорят, Москва собиралась добывать тут олово, ванадий и уран, но в один миг все рухнуло, и новенький, с иголочки, рудник и целый город перестали быть нужными.

На улицах пусто. Наконец, встретила молодая киргизка.

- В Ташкару? Проедете. Дорога хорошая, - обрадовалась она нас.

За поселком дорога опять взбежала на горку. Все изрыто горными разработками. Отвалы, дамбы, закопушки. И вдруг дорога как-то сразу кончилась у ворот какого-то гаража. Двое русских, мужчина и женщина с недоумением уставились на нас.

- В Ташкару? Нет, вы не проедете, - уверенно сказала женщина. - На такой машине ни за что.

- Ну, если потихоньку, то может и проберетесь, - возразил мужчина. - Геологи ездили на грузовиках.

- А как вы живете в таком гиблом месте? - не удержался я. - Все брошено, все уехали, а вы здесь.

- Да вот так и живем, - обречено махнула рукой тетка, как видно бывшая рабочая, - деваться нам некуда. Ни работы, ни зарплаты. А вы, кстати, где думаете брать бензин? Здесь не найдете ни капли, бензиновые машины сюда таскают на буксире дизеля.

Верно, мы сами видели, как буксировали «ЗИЛа». Но мы не такие простаки, чтобы ехать на авось и бензин запасли еще в Караколе.

- Так где же дорога на Ташкару?

- Вы проехали развилок. На Ташкару дорога пошла прямо, а вы свернули направо.

- Так ведь там нет дороги, там обрыв в Сары-Джаз.

- Дорога опустится вниз, а потом опять поднимется. Вон же она виднеется!

Действительно, жалкий проселок, который трудно было назвать дорогой, круто поднимался в гору.

- А что за гора виднеется из поселка?

- Говорят, пик Нансена. Там еще озеро есть. Какого-то там Мерцбахера. Все ледяное, даже летом.

Мы выехали на подсказанную нам дорогу. Вся в кочках и рытвинах, усыпанная камнями, она круто пошла вниз. С одной стороны нависает белый обрыв из древних наносов, с другой - обрыв в воды Сары-Джаза. Видимо, здесь давно уже не ездили и все полотно дороги завалено обвалившимися глыбами. Володя вышел разбирать завалы, а я с озабоченностью смотрю на предстоящий отрезок пути. Сейчас-то мы спустимся, а как дальше выезжать на жуткий крутяк по такой ужасной дороге? Здесь все грандиозно, все гигантских масштабов: горы, река, отвесы каньонов и обрывов. Слева безобразной пастью зияет жуткая промоина и удивительно, как до сих пор не замыло дорогу. Хороший ливень, сель, и из этой трубы выпрет миллиончик кубометров грязи и от дороги не останется и следа.

Кое-как спустились, пошли на подъем, лавируя между булыгами. Черт с ним, что машину колотило и било, лишь бы вытянуть. Выскочили на бугор, и тут уж стало полегче. Пугающий меня каньон Сары-Джаза остался в стороне, а мы свернули в боковое ущелье. Река Каинды поменьше, хотя и не менее бурная. По берегам зеленеют деревья, дорога пошла получше, но впереди скалистый утес встал поперек ущелья, и по всему видно, что сейчас дорога упрется в реку.

Оглядываясь по сторонам, я забеспокоился:

- Как же мы проедем, когда моста нет?

- Да, тут бродом не перебраться, - согласился Володя.

И тут возник мостик, деревянный, чуть живой.

Однако проехали, хотя я засомневался, останется ли он целым к нашему возвращению.

- Сейчас приедем, а там тьма народу и все бабочники, - не совсем уверенно предположил Володя, почувствовав, что мы близки к цели.

Я возразил:

- Какие там бабочники, когда видно, что нынче сюда еще никто не проезжал. Вся дорога в завалах, да и вообще, глушь.

И вдруг видим, по дороге идут парень с девушкой и оба с сачками. Остановились рядом. Парень пошел, представившись:

- Из Черновцов.

- Ого, далековато! - удивился я. - Сколько вас здесь, сборщиков?

- Да человек 20, наверное, будет.

- А что с тем прибалтом, про которого в прошлом году говорили, что пропал? Не разбился? - Не удержался Володя.

- Нашелся. Ничего он не разбивался и не пропал. Просто уехал втихаря от всех. Они же все индивидуалисты, эти прибалты. От всех держатся особняком.

Последний подъем и перед нами живописная долина, заросшая березами. Вот почему и река называется Каинды, что значит Березовая. Вокруг скалы розового цвета, со всех сторон на страшную высоту уходят откосы жутких гор. Это и есть так называемая «Березовая роща» - база ловцов локсиусов.

Разноцветные палатки спрятались под сенью деревьев. Мы въехали в долину и остановились чуть дальше палаток, но тоже под березами. Оба мы поражены здешней экзотикой, необычностью места. Здесь многое удивляет, а особенно контрасты.

Открытая поляна заросла эдельвейсами, а на берегу вдоль ручья целые плантации ярких, розово-фиолетовых орхидей.

На стволах древних берез, называемых каменными, лоскутами шелушится береста нежно-розового цвета. По берегу реки, у самой воды кусты облепихи, ивы, по склонам таволга, шиповник.

Над поляной увалы желто-розовых глиняных холмов, над ними тоже розового цвета скалы. Откосы, заросшие чахлыми, светло-зелеными елями, непонятно каким образом оказавшимися здесь - в пустынном и, как видно, сухом месте.

И над всем этим снежный пик необыкновенной красоты.

А рядом катит мутные бело-черные водяные валы мощная Каинды. Подумать только: из-под самого пика Победы! Чудовишно ревет, накатываясь на огромные валуны, перехлестывая через них, наносит серый ил на берега. Страшно смотреть на эту бешеную воду, слушать ее рев. Мы поставили палатку совсем рядом с рекой, и меня все время берет сомнение: не выйдет ли она из берегов? Снесет утлый мостик, и тогда отсюда только вертолетом можно будет выбраться.

Вечером к нам подошли мужчина и женщина из Тольятти лет около 40. Мужик, вроде бы, поймал 4 локсиусов. Летают еще желтушки и немного боедромиусов.

- Вон до той горы надо идти. Высота 4000. Одна дорога занимает 4 часа. Там и летают над скалами.

Но сейчас их почти нет. То ли переловили всех, то ли какой-то перерыв. Из наших никто сейчас туда не ходит. Пока все выжидают.

- Ого, значит та снежная гора будет под 5000 - резюмировал я для себя. - А как вы добирались сюда?

- А вот так и добирались. До Фрунзе самолетом, до Пржевальска автобусом, а дальше до Энгильчека такси нанимали. Последний отрезок от Пржевальска до места стал дороже, чем самолетом от Москвы до Фрунзе.

Тетка помолчала и добавила:

- Вот прибалтов, тех пограничники на своей машине возят. То ли заплатили хорошо, то ли подход свой имеют. Они вообще другие люди.

Когда они ушли, Володя сказал:

- Чтобы приехать сюда двум человекам, нужно 20-25 тысяч рублей (был 1992 год). И ведь едут. Едут хорошо снаряженные и, видимо, питаются хорошо, не так как мы: хлеб, вода, похлебка из бумажных пакетов.

- Значит, ловцы имеют доход с бабочек.

- А что ж, я считаю это нормальным. И, между прочим, не скрывают своих занятий. Главное у всех, конечно, это увлечение, а то, что есть и бизнес - это честно и нет ничего плохого.

Да, бассейн Сары-Джаза и тем более Ташкара и уголок от нее на юг до границы - одно из самых интересных, но и недоступных мест в Союзе. Особенно это усугубилось с распадом страны.

Вечерний лет был хорошим. Летели незнакомые ночные бабочки - обитательницы высокогорья.

Луна взошла, но только краешком из-под снежного пика, и так и плыла над горой, едва не задевая скалистый гребень хребта, погруженного в черную тень. Зато обратный склон ущелья был весь освещен и светился, будто присыпанный свежеснеженным снегом.

На следующее утро спозаранку Володя, наспех собравшись, побежал на гору. Я тоже не удержался от соблазна залезть на четырехтысячник и, бросив машину, поплелся следом. Заодно и посмотрю, что за бабочки там летают. К вершине со скальной башенкой на макушке ведет еле заметная тропинка, протоптанная ловцами бабочек. Крутовато, да и высота дает о себе знать. На полпути тропа кончилась, дальше пошли откосы, из-за крутизны ползущие вниз под собственным весом. Такого я еще не встречал: земляные пласты, двигаясь как ледник, на перегибах растрескались, покрывшись сеткой трещин. Идешь по ним, как по живому телу, колышущемуся под ногами. А выше нависли каменные валы морен, со склонов пика текут сыпучие осыпи.

Чем выше, тем все мрачнее, все больше камня и меньше зеленой травы. Вершина уже совсем рядом. Она торчит зубьями, расколотой на отдельные глыбы двадцатиметровой скалы. С тревожными криками оттуда взлетели сразу 4 улара и, распластав крылья, планируют вдоль склона горы. Можно взять правее и идти по осыпям, а я упрямо карабкаюсь по скалам, лезу «в лоб» к вершине. Видно, как между утесами вершинных скал кружат две белые бабочки. Парнасиусы? Нет, это банальные понтии каллидице. И где

их только нет! Настоящие бродяжки, причем, отчаянные.

Передо мной грандиозная картина гор. Со всех сторон, на севере, западе и востоке вздыбленные колоссальные горные хребты, пики и зазубренные гребни, кое-где с нашлапками льда и снега. Каменное море, хаос из серых, черных, рыжеватых и совсем светлых скал и осыпей, образующих цепи вершин. Вид как из самолета на горные узлы Акшийрак, Куэлю, пик Нансена.

Река Каинды отсюда, с высоты кажется недвижной, бело-грязной лентой, что-то вроде полосы тягучего крема. А шум доносится волнами. То нет его, то опять шумит.

Вот и вершинные скалы. Откосы их гладки, и чтобы взобраться на них, нужно быть хорошим скалолазом. За вершиной гребень обрывается разрушенными скальными стенами, зато на юг идет осыпистым и очень пологим откосом. Хоть бегом беги. Везде виден козлиный помет. Кое-где островки зеленых (точнее, с прозеленью) лужаек. Меж трещин в скалах букетики чудных белых цветов. Цветов здесь вообще много, и чем выше, тем больше разнообразия и тем мельче растения.

На кусочке сырой земли вижу отпечатки ботинка. Значит, и здесь ходят люди. А может это Володя? Кстати, а где же он? Я его давно потерял из виду. Свищу, но никакого ответа.

А прямо передо мной снежная вершина во всей красе. Я ощущаю ее ледяное дыхание, чувствую даже влажность снега. У ее основания проступил засыпанный обломами скал обрывистый край всяческого ледника. Он подтаивает, с грохотом падают камни, шуршат ползучие осыпи. «Живет» вся гора, и шум отдаленных камнепадов с ее ледяных и скалистых откосов почти не прекращается.

Где-то журчит вода. Я уже давно слышу это подземное бульканье струящего ручейка. Да вон же вода блестит на дне цирка – узкой долинке между мореной и осыпистым откосом гребня.

Опять понтия каллидице – вечная странница мечется, пролетая над гребешком.

А вот и крохотный парнассиус. Он без красных пятен и очень мелкий. Летает совсем низко и медленно. Боедромиус! – догадался я. – Тот самый высокогорный аполлон, которого все время ищет Володя!

Крадусь за ним. А он отлетит метров на 3-5 и сядет. Сидит на камешке, ерзает, прижимаясь к нему. То ли греется, то ли прячется. И верно, вот залез под камень. Я подбежал и накрыл сачком. Вот он, я вижу его в сачке. Дрожа от нетерпения, дернул, а сетка зацепилась за камень. Боедромиус в один миг выскокчил, взмыл в воздух и исчез за гребнем. Эх, досадно, хоть плачь!

Спустился вниз. Жарко, Пить хочется. У меня есть кусочек хлеба и булочка. Сижу, блаженствуя, пью воду из ручейка. И вдруг вдалеке вижу Володю. Кричу ему, но он не слышит. Машу сачком. Заметил, идет. Как хорошо, что я не успел съесть булочку! Все же будет для него какая-то поддержка.

Услышав рассказ о не пойманном боедромиусе, сын огорчился еще больше, чем я. Ему не подалось ни

одного, хотя, по его словам, здесь идеальное место для него: мелкая осыпь, хорошо прогреваемая солнцем.

Еще и еще раз пересекаем осыпистый склон. Боедромиусов нигде не видно. Только один актиус мечется меж скал. Обидно...

А погода изумительная! На небе ни облачка. Под снежной горой гигантское нагромождение морен. Вал за валом, тянется цепь каменных холмов. Кое-где видны зеленые лужайки, и мы пробираемся туда. Идти по навалам огромных камней необычайно трудно.

Озерко. Где-то внизу журчит вода. А вот и зеленая лужайка. Мы не зря сюда пробирались, над цветочками вертятся некрупные, но яркие желтушки Штаудингера. Ловим одну за другой, благо сидящую бабочку поймать нетрудно.

- Нет, надо все-таки посмотреть скалы, где водятся локсиусы, - говорит Володя, - правда или нет, что они не летают.

Он уходит в одну сторону, а я в другую. Меня беспокоит брошенная машина, да я и устал. Ноги подламываются, колени трясутся.

Сел отдохнуть. Свистят сурки. Гортанно перекликаясь, в воздухе играют альпийские галки.

Спускаюсь вниз, а склон все круче и круче. Мягкие травяные кочки пружинят под ногами, на почве все чаще видны трещины и разрывы. Склон ползет под откос. Как бы и мне не свалиться под обрыв!

Вдруг замечаю человека с сачком и перебираюсь поближе к нему.

Зеленый склон здесь перешел в осыпистый. Летают парнассиусы, и их-то и ловит человек огромным сачком. Молодой, худощав, очень высок. Спрашиваю, можно ли спуститься.

- Берите правее, слева каньон, - коротко бросает он фразу и продолжает махать сачком.

Еле бреду по буеракам, прыгаю со ступеньки на ступеньку. Здесь все оползает, почва разбита на куски, все исковеркано и изломано. Упавшие елки, сучья, гнилые колоды. Карагана юбата ошетибилась множеством колючек и преобильно жжется.

Почти по обрыву кое-как спустился в лог, заваленный обломками. Ручей бежит по сцементированному глиной галечниковому желобу. Он, то появляется на поверхности, то уходит под землю, под осыпь.

Попил водички и, спотыкаясь, будто пьяный, вышел на дорогу. Нет, такая прогулка уже не по мне!

Пришел в лагерь, упал на траву в тени, не могу отлежаться.

А река ревет, бушует, охлаждая холодным веянием водяных бурунов. Только что было жарко, а уже надо одеваться.

Разжег костер, вскипятил воду, Уже и солнце зашло, а Володи нет. Если через полчаса не придет, значит, что-то случилось.

Он появился внезапно. Я начал было его корить, он коротко буркнул:

- Ловил, пока летали.

- Кого?

- Вот смотри.

Красивые, новые для меня парнассиусы.

- Это что?

- Как что, локсиусы!
А я как-то уже и забыл про них.
- А где же большие красные пятна, про которые ты говорил?
- Уж какие есть. А разве тебе не нравятся? Красавцы. Я их целых трех поймал.
- Надо же, а в лагере говорили, что нет. Может, новые выводки появились?
- Это или ловкий ход или вправду не могут ловить.
- Ну, тогда сегодня надо приготовить праздничные макаронки! – с воодушевлением воскликнул я.
- Я тоже так думал, пока шел, - откликнулся счастливый ловец. – Завтра обязательно пойду туда опять.
- Только никому не говори, а то прибегут мигом, все скалы облепят. Пронюхают очень быстро. Судя по всему, сборщики здесь опытные.
- Я тоже не самый плохой сборщик, - впервые позволил себе похвалиться Володя. – Когда-то должно повезти и нам.
Сегодня 13 июля, и с этого дня нам действительно стало везти. Во всяком случае, с погодой. Установились райские, теплые деньки. Безоблачно и солнце. И мы здесь на берегу реки под сенью берез были бы как в саду Эдема, если бы не мухи. Утром и вечером их нет, но с 9 до 21 просто казни египетские. Облепляют тучей.
Здесь страна парадоксов. Высокогорье (2500 метров) и – жара. Вечные снега, ледники и – пустыня. Эдельвейсы и орхидеи. Корявые березы и тяньшанские ели, лесная герань и астрагалы. Особую остроту этому месту придавало близкое соседство с высочайшим горным узлом с двумя великанами – пиками Хан-Тенгри и Победы.
Утром мы не торопимся. Скалы, где живут локсиусы, обращены на запад, и бабочки начинают летать, когда солнце обогреет камни, то есть после полудня. Поэтому Володя не спеша раскладывает вчерашние сборы, а я заполняю дневник. Подошла вчерашняя соседка. Я спросил ее:
- Не в одном же месте летают локсиусы?
- Да, конечно, - ответила она, - вот прибалты остановились за несколько километров отсюда и тоже ловят. Причем, по вечерам. Но никто не знает, как у них идут дела. Они индивидуалисты, считают себя европейцами, а нас – азиатами.
Тропа к скалам локсиусов идет сначала по травянистому наклонному плато, потом начинается крутой землястый гребень, заросший кочками типчака и шерстистой караганой юбата. Я вышел позже сына часа на два и пришел на место к часу дня. Володя стоит, ждет меня на гребне. Недовольный: не поймал ни одной бабочки.
- Вот там, видишь, они и летают меж скал, - показал он себе под ноги. – Единственный способ ловли, это караулить, сидя на уступе.
- Да, тут не побегаешь, - охотно согласился я.
- Эти скалы называют московскими, - продолжал Володя. – Недавно здесь упал Гансон (известный московский коллекционер). Но еще дешево отделался, кажется, сломал то ли руку, то ли ногу.

Попили водички с аскорбиновой кислотой и полезли занимать исходную позицию. Наш гребень, пологий и травянистый с одной стороны, с другой обрывается ржаво-желтыми утесами. Скалы крутые и очень разрушенные; на первый взгляд они кажутся неприступными, но если присмотреться, можно обнаружить ступеньки, чтобы спуститься хотя бы до середины высоты. Мы так и сделали, каждый выбрав себе местечко по вкусу. Я на одном утесе, Володя на соседнем. Я его вижу, но обзор ограничен из-за выступов скал. Погода хорошая, скалы уютные, кое-где поросшие травкой. Из трещин выбились и торчат ярко-зелеными пучками жирные хохлатки с желтыми цветами. Бабочек действительно совсем немного, но они есть. Они парят между скалами, то поднимаясь до верха утеса, то опускаясь вниз. Иногда присаживаются на цветочки или просто на каменный выступ. Вот летит одна. Я кричу сыну:

- Будь внимателен, направляется к тебе. Смотри выше, правее.

- Есть! – отзывается мой напарник, а затем торжествующее: - Поймал!

Полет локсиусов не быстрый, плавный. Но они довольно осторожны и пугливы. Сделал чуть резкое движение и они уходят в сторону. Конечно, ловятся на все. Трое из четырех благополучно улетают, но, сделав круг, возвращаются снова.

Сидим, жаримся, как на сковородке. Солнце палит прямо в лоб, от скал идет жар, все вокруг раскалилось. Тут и высохнуть можно, но азарт заставляет вытерпеть любые неудобства и лишения, а уж когда лов успешный, забудешь обо всем на свете.

До 5 часов вечера Володя поймал 4 штуки, а всего за день 5, из которых две самочки. Мне повезло меньше, да я, видимо, и устал, потерял точность движений. Было несколько возможностей, но упустил. Уже хотел уходить, когда подлетела случайно одна, и я, изловчившись, сумел подцепить ее сачком. Всего одна бабочка, зато какая: локсиус!

Вечером мимо нас проходил ловец-любитель. Тот самый, которого я встречал вчера. Худой, как гончая, но не заморенный. Экипировка у него прекрасная (в отличие от нас, похожих на бродяг) Он в куртке защитного цвета, в кепи с длинным солнцезащитным козырьком. Несмотря на жару, не раздевается. Опасается радиации, которая здесь действительно сильна. В руках огромный сачок из цветной кисеи с длинной бамбуковой ручкой. Пижонистый, не то, что у нас, простые, самодельные.

Сказал, что ходил ловить боедромиусов. Был там же, где и мы вчера искали.

- Было много, а поймал полтора.

В ответ на мое удивленное лицо, добавил:

- У одного крыло драное.

Кроме того, мы узнали, что «Там одна мелкая сыпуха, сверху цементированная пылью и жесткая, как наждак. Ногу не держит. Сорвешься, и будешь скользить до самого низа. Обдерешься до ушей. Бабочки плохо поднимаются на крыло. Поэтому и взял только двух». Послушать непосвященному, можно подумать, что речь идет об охотничьей дичи, например, вальдшнепе или бекесе.

Кроме того, мы получили информацию, что «паралаз здесь как грязь, достаточно только вечером выйти на дорогу. Там они и летают, спустившись с гор». Володя сразу заторопился вниз, бросив на ходу, что эта бабочка южная, довольно редкая и надо обязательно ее поймать.

Я немного задержался в надежде поймать еще хотя бы одного локсуса, но он, подразнив меня, исчез и больше так и не появился. Очевидно, отправился на ночлег.

Спустился вниз, а здесь Володя ходит по дороге. Ни одной паралазы он не видел. Завтра собирается идти за боедромиусами на вершину высоченного хребта, что за рекой ограничивает нас с севера.

В лагере все на месте. Но река разбухла до угрожающего уровня. Это видно по тому, как под волнами скрылись все валуны, с утра торчавшие над поверхностью воды. По цвету вода напоминает грязную пульпу, разбавленную песком или цементную жижу. Серая, почти черная. Даже Володя, человек спокойный, выразил опасение, не выйдет ли к ночи река из берегов. Я же в темноте близко к воде даже боюсь подходить. Жуть берет от этого громового рева страшного джина гор. Кажется, что дрожит земля, так грозно и мощно бьется река о берега и дно. Она мне представляется живым пульсом грозных гор.

Вечерний лов был плохим. Движок барахлил, на чальный свет бабочки не хотели лететь, зато пришли почти все ловцы с поляны. Собралось человек 10 парней, а один из них сказал: «На свет бабочки не летят, зато идут бабочколовы».

14 июля. Володя встал и ушел чуть свет. А день сегодня неяркий, тусклый. В воздухе какая-то дымка или мгла. Скорее всего, это пришла пыль с востока, из Китая, вызванная сухой погодой.

Днем я бродил по окрестностям, практически ничего интересного не поймал, а в 6 вечера поехал к верхнему мосту встречать Володю. Попутно подвез украинских молодоженов. Оказывается, выше по дороге есть поселок геологов (он-то и называется Ташкары). Молодой человек трагическим голосом пожаловался, что его молодая жена уже неделю не ела мяса, поэтому они идут, чтобы подкупить продуктов. Поселок почти брошен, но остался магазин и там продается рыбный «завтрак туриста», поведал он мне. Я довез их до поселка и не пожалел. Во-первых, поймал паралазу гелиос, причем, только благодаря своему попутчику.

- Вон паралаза летает, - сказал он спокойно, даже равнодушно, и по его голосу я понял, что сам он давно уже наловил этих южанок.

Немедля выскочил и тут же стал обладателем прекрасной летуньи. Она шоколадно-коричневая, почти черная с ярко-желтой окаемочкой черного глазка. Во-вторых, я увидел удивительную горную панораму. Снежные вершины, скалы и ледники подступали здесь совсем близко, нависая с бортов ущелья прямо к окрестностям поселка.

- Вот там дальше, - махнул рукой мой молодой знакомый, - сидит англичанин, ловит локсов. Он нанял киргиза, и тот у него, как слуга, шерп и носильщик. Таскает грузы, готовит еду. А двух че-

хов, - продолжал он, - пограничники возят. Они мотаются с места на место и за это платят долларами, а пограничникам тоже жить хочется, и, значит, нужна валюта.

По всему заметно было, что денежный вопрос у молодожена был большим и занимал его не меньше, чем кормление молодой жены.

- Сейчас самая дорогая бабочка патрициус, - продолжал он. - Стоит тысячу марок. Зато и летает она выше ледников и снежных вершин. Пока доберешься, ноги до колен сотрешь.

Магазин оказался закрытым, Володю я тоже не встретил. Вернулся в лагерь, а он уже здесь. Только что пришел. И как это мы разминулись, - просто удивительно. Весь день он лазал по гребню четырехкилометрового хребта. Прошел километров 35, зато вдоволь наловился боедромиусов, поймав целых тридцать штук. Вот это класс! Давно он о них мечтал и наконец-то отвел душу. А здешние ловцы с поляны ходят на одно и то же место, приносят по 1-2 в день, а никто не догадается слазить на соседнюю гору.

- Все решило три фактора, - очень довольный, заметил удачливый охотник, - знание биологии и станции, ноги и везение.

- И твоя настойчивость, - добавил я. - Это, пожалуй, главное.

- Знаешь, я тут прикинул, - продолжал Володя, - одни только боедромиусы могут окупить всю нашу поездку. Это ведь еще и коммерческая бабочка.

Быстренько собрались и уехали, не глядя на то, что уже девятый час вечера. Володя торопится в другие места, а меня беспокоит река и мост. И верно, когда переезжали, он весь трясся под напором воды, а волны чуть-чуть не захлестывали деревянный настил. Еще на полметра поднимется вода, и мост унесет, как щепку. Уехали, не распрощавшись с соседями по поляне. Все заперлись по палаткам, отдыхают. А беспокоить их мы не стали.

На краю света. Сырт Арабель

Из Ташкары, обогнув Иссык-Куль с юга, мы добрались до въезда в ущелье Барскаун, где разбили лагерь в тугайном островке под самыми горами. Тонно ворковала горлица, вскрикивала камышевка, и слышны были голоса черного дрозда и соловья. Теплый вечер опустился на густые заросли из барбариса, облелихи и тамариска, а мы, сидя у костра, радовались предстоящей встрече с красивейшим ущельем. После грозного Сары-Джаза неведомый Акшийрак уже не пугал.

Утром, едва миновали кишлак Барскаун, нас остановил полосатый шлагбаум.

- За въезд 50 рублей, - пожевав губами, объявил старик в штатском, затрапезном одеянии, и для важности добавил: - Теперь у нас независимость, свое государство и свои законы.

Вот новость: каждый колхоз теперь устанавливает свои порядки берет деньги за проезд по своей земле. Средневековье!

Я пробурчал что-то недовольное, на что колхозник злобно заметил:

- Мы то что, вот впереди там с вас еще три шкуры сдерут...

Гадая, что же это такое нас ждет впереди, мы ехали, забыв о красотах природы. Но нам повезло. Грозную заставу мы проскочили в обеденный перерыв, когда бдительные стражи порядка заперлись в будке, чтобы перекусить.

Дорога круто пошла вверх, леса кончились, начались заросшие травой морены, над которыми высились снежные вершины, постепенно растягиваемые пеленой черных туч. Они клубились сине-фиолетовыми валами, выползая из-за кромки гор, и спускались все ниже. Вскоре мы оказались в сплошном тумане, заморосил дождь, а потом снежная крупа застучала по капоту нашей машины

- В такую непогоду в горах делать нечего, - вынес неутешительный вердикт мой спутник. - Только намерзнемся, а бабочек не увидим. Надо переждать и сделать это, где потеплее.

И мы развернулись и покатали вниз.

А ущелье - красивее не придумаешь! По склонам всюду еловые леса, выше скалистые гребни, уходящие в тучи. Белой лентой по кулуару меж скал падает река, и шум ее разносится по всему ущелью. А вот укрыться от посторонних глаз негде. Кое-как втиснулись в какую-то ложбину, спрятавшись за бургом. Место не очень уютное, совсем рядом дорога, моросил дождь. Но в палатке да еще с примусом нам было тепло и уютно.

Дождь шел всю ночь, и утро 17 июля не принесло изменений в погоде. Лежа в палатке, мы пересматривали и читали купленные по дороге книги, прислушиваясь к шелесту дождя за пологом палатки.

Когда лежание надоело, Володя встал и разжег небольшой костерок. После похода за боедромиусами у него потрескались и кровоточат губы. Он буквально сгорел на горном солнце, ведь солнечная радиация в высокогорье страшная вещь.

Мы сварили на костре суп и чай и только принялись за еду, как, слышим, на дороге рядом тормознула машина. Мы замерли: хорошего не жди. И верно: из-за елей возник милиционер-гаишник со всеми своими регалиями - ремнями и бляхами. Жесткий, недружественный взгляд. А кроме того видно, что крепко пьян.

- Кто такие? Что тут делаете?

- Пьем чай, - стараясь придать как можно более миролюбивый тон, отвечал Володя, протягивая ему кружку. - Присаживайтесь, гостем будете. Погодка-то, одна сырость да холод.

Кружку все-таки взял. Наверное, тоже замерз. Холодрыга, будто на дворе ноябрь. Дождь так и продолжает моросить.

- Будете платить штраф за костер 300 рублей.

- Вы уж простите нас, мы не знали, - жалостливо заканючил я, - Видите, какая погода. Мы зоологи из Петербурга. Вот и командировка.

- А, зоологи! Спирт есть?

- Нет, - дружно отвечаем оба.

Гаишник свирепеет, хищный взгляд не предвещает ничего доброго. От такого можно ожидать чего угодно, но и торчать здесь под дождем ему неохота.

Он заглядывает в нашу хозяйственную сумку а, увидев кусок колбасы, хватает, засовывая ее в рот.

Пронесло. Недобрый гость исчезает так же внезапно, как и появился. Костер мы тут же затушили.

А дождь сыплет и сыплет, то приостанавливаясь, то снова припускает. Белые, серые тучи ключьями тумана, будто змеи, драконами поползли по кручам, взбираясь к вершинам гор.

- Это к погоде, - заметил сын, когда-то должна же она направиться.

И верно. К вечеру еще похолодало, зато и дождь перестал. Туман стал редеть и истаявать. Показалась вершина горы, а на ней обнажилась свежая пороша снега. В узком просвете ущелья облака окрасились в розовые цвета заходящего солнца. Ужинали мы в полной уверенности на хорошую погоду завтрашнего дня.

Ночью где-то высоко в скалах прогрехотал страшный камнепад. Проснувшись, мы с тревогой прислушивались к постепенно затухающему шуму падающих скал. Следы недавних обвалов заметны здесь во многих местах по светлым полосам на крутых склонах, а особенно на осыпях. Говорят, недавно было сильное землетрясение и ночной обвал наверняка его отголосок.

А погода, и верно, на утро была идеальной. Чистейшее, промытое дождями, небо сияло, под утренним солнцем золотились скалы на вершинах.

В девять тридцать мы были уже под перевалом. Утесы нависали над дорогой, чередуясь с осыпями и рваными оврагами на склонах.

- Надо остановиться, - вдруг решил Володя, когда мы поравнялись с нижней кромкой снежного цирка, - иначе проскочим целую зону. Там наверху будут совсем другие бабочки.

Мы вылезли из машины и из жаркого лета вмиг очутились в холодной тундре с жестким колючим ветром. Грязные языки ледничков свисали с каменных зубьев совсем близких вершин, а вдоль них по полосам сырой земли зеленели полянки с травой и нежными альпийскими цветами.

- Вряд ли в такой холод будут летать бабочки, - заметил я, торопливо юркая назад в нагретую солнцем кабину автомобиля. На что Володя резонно возразил, сказав, что высокогорные бабочки не избалованы теплом и довольствуются любыми проблемами солнечного сияния.

Он быстро набрал высоту, поднявшись под предвершинные утесы и, траверсируя склон, стал обходить лужайку за лужайкой, то и дело пересекая кулуары и овраги. Я поднес к глазам бинокль и перед моими глазами предстала довольно жуткая картина каменного хаоса: нагромождение морен, рваные шрамы оврагов, нависающие языки ледников. Володя пробирался, выбирая путь по хорошо заметным тропам теков. Они тянулись поперек склонов, уводя в заснеженные скалы, а над зеленеющими лужайками я заметил порхающих чернушек и шашечниц. Я перевел бинокль к скалам и вдруг различил белую бабочку, пляшущую в уютном ложке между двух утесов.

Аполлон! Какая-то неведомая сила меня гонит туда. Но подобраться к бабочке совсем не просто.

Склон крут и к тому же накрыт живой осыпью. Со страхом я пересекаю эту движущуюся каменную реку и, придерживаясь рукой за холодный бок скалы, поднимаюсь в кулуар. Оглянулся: вот он аполлон! Но, испугавшись, он взмывает, круто уходя вверх вдоль каменного утеса. Это поразительно: откуда он знает, что я представляю для него опасность? Ладно, подождем. Я присел, оставаясь недвижимым и аполлон, обманувшись, опять спустился, безмятежно планируя над цветущим лужком. Я подкрался и, изловчившись, подцепил сачком потерявшую бдительность бабочку.

- Актиус, - заметил невесту откуда вдруг подошедший Володя. - Это не раритет. А вот боедромиусов нет, видно, горные породы не те, да и холодно. Здесь северный склон, а они любят южные, теплые, прогретые солнцем. А еще мелкую сыпуху, чего здесь нет.

Чем выше мы поднимались, тем хуже становилась дорога. Разбитая грузовиками, размытая тающими водами, лавинами. Давно уже без всякого покрытия, она петляла из стороны в сторону. Ползая по дороге, ее пытался исправить бульдозер и, как видно, эта работа не прекращается здесь никогда.

Под нависающим снежным обрывом мы выбрались на перевал Барскаун - Ашусу. Высота 3819 метров. Впервые в своей жизни с обратной стороны перевала я вижу не ущелье, ведущее вниз, а плоскую долину с озерами, лениво извивающуюся по равнине речку, невысокие, осыпистые горки на юге. Рассыпанные по зеленой долине светлые точки. Это пахнущие отары баранов. И светлая ленточка дороги, уходящая вдаль, с пылящим по ней грузовиком. Это и есть сырт Арабель, плоскогорье, лежащее на высоте 3700 метров. Совсем рядом, метрах в 200-300 от дороги лежит язык ледника. Грязноватый, серый, а из-под него вырывается струя воды. Так рождаются реки.

Ветер совсем стих, стало тепло, и сразу же залетали бабочки. Мелитеи, чернушки, желтушки кокандики. Я погнался было за белянкой, но уже в который раз! это оказалась понтия каллидице.

А мы едем дальше и, к удивлению, дорога не спускается, а даже как будто поднимается. Слева долина с большим озером, а за ним на северо-востоке цепь заснеженных вершин, среди которых выделяется плоская гора с широким ледником, сползающим, будто огромный матрац. Он лежит почти горизонтально и сразу напрашивается мысль о том, что здесь можно кататься летом на лыжах, причем не только горнолыжникам, но и равнинникам-бегунам. Где еще найдешь такое место, вот где надо строить летний лыжный курорт! Антарктида в центре Средней Азии!

Дорога подошла к невысоким осыпистым горкам; будто насыпанные из гравия, они смотрелись, как конусообразные холмы. Трудно было поверить, что это четырехтысячники, ведь на каждый из них ничего ни стоило сбегать за какие-то 20-30 минут. Постепенно эти светлые сопки загородили нам дорогу, и мы оказались в каменном, совсем небольшом ущелье. Если бы не знать, где находишься, вполне можно было бы подумать, что это пустынные жаркие горы, например, Богуты под Алма-Атой, и лишь

дотаивающие снежные глыбы под красноватыми бараньими лбами скал подсказывали, что здесь высокогорье. Мы поднимались на перевал Суек, что значит «холодный», высотой в 4028 метров.

Узкая и очень крутая дорога, вырубленная в монолитной скале, крутыми серпантинами взбиралась вверх. Да, здесь ездить не на «Жигулях»! Пошли каменные ступени, по которым надо ползти ползком. А как это сделать, если нет низкой тракторной передачи? Кое-как вскарабкался с рывками и остановками, слава богу, что перевал совсем рядом.

Наконец пошли на спуск. Слева от дороги тянется вал из сыпучего щебня и, несмотря на позднее время, склоны его прогреты заходящим солнцем. Я потихоньку спускался по дороге, а Володя шел рядом, размахивая сачком и пытаясь выгнать бабочек. Но их не было.

Навстречу, в клубах пыли поднимался автомобиль, груженный мешками, поверх которых еще сидели люди. Одетые в зимние куртки, в малахаях, они махали руками и что-то кричали

- Чего они орали? - спросил Володя, окончив свои бесплодные поиски боедромиусов, и усаживаясь в машину.

- Удивлялись, что нашли дураки приехать сюда на « Жигулях».

- Не думаю, что мы первые, - усмехнулся сын, - киргизы ездят и не по таким дорогам.

Каменное царство кончилось, мы спустились в долину, что-то вроде глинистого плоскогорья и, отъехав в сторону от дороги, спрятались за бугром.

- Ну вот, здесь нам никто не будет мешать, отдохнем спокойно, - сказал я, вытаскивая палатку и весь свой походный скарб. - Вот только ветер некстати.

Но не успели мы и поставить палатку, как откуда-то, словно из-под земли, появились сидящие на ишаке двое киргизских парней. Они деловито привязали ишака к бамперу машины, и каждый занялся своим делом. Младший, открыв дверцу авто, бесцеремонно разглядывал содержимое, а старший опустив глаза, принялся упорно и методически долбить сапогом землю. Любопытство и навязчивость аборигенов непременно сопутствуют в путешествии и от него трудно избавиться. Время шло, а гости не собирались уезжать.

- Боюсь, что они будут здесь до утра, - шепнул мне Володя, - надо сматываться, иначе работать не дадут.

Мы быстро покидали вещи в машину и рванули вперед, пока нас не остановила речка Суек. Моста не было, а переезжать вброд набухшую водой реку я боялся, благоразумно решив здесь заночевать.

И верно, к утру, когда вода спала, мы переправились беспрепятственно.

Здесь все странно и непонятно. Взять, к примеру, погоду. Большая часть неба ясная, но над Барколдаем, мрачным хребтом, что высится впереди на юге, клубятся облака. С противоположной стороны над горами грязная синь - явно идет снег. А что ждет нас через час, даже полчаса - неясно.

То же и с местностью. До этого я представлял себе сырт сплошным зеленым лугом, этаким цве-

тущим джайляу, какие я до этого привык видеть на этих высотах в горах Заилийского Алатау. Тут же была суровая, холодная пустыня с разнообразными ландшафтами от каменных пустошей и почти голых глинистых плоскогорий до зеленых лужаек по берегам ручьев и рек. Вот место совершенно непонятное: задернованные бугры, а между ними ямы, будто кто специально вываливал здесь огромные кучи земли и за много лет они заросли травой. Подумав, я понял, что это старые морены, за тысячелетия успевшие задерноваться.

Впереди показалась зеленая долина с речкой, разлившейся на множество рукавов. Это Тарагай - один из двух истоков Нарына. Пасутся овцы, стоят юрты и, слава богу, есть мост. Очень старый, деревянный, но и на том спасибо.

Опять подъем, длинный нетрудный тягун. Вымахнули на взгорок и увидели речку Карасай - второй исток Нарына, извиляющийся по очень широкому, километров на два-три, галечниковому руслу. На том берегу, у подножья хребта Барколдай приютилась пограничная застава. А под горкой с десятков одноэтажных казенных бараков. Это поселок Карасай - перевалочная база для чабанов.

Не останавливаясь, проскочили через поселок. А дальше дорога вдруг нырнула к реке и, ровная как стрела, побежала прямо по галечниковому руслу. Берегов у реки нет, она течет по верху песчаных наносов и местами перехлестывает дорогу. Было страшновато и, казалось, волны вот-вот поглотят нас вместе с машиной.

Но еще больше нас беспокоил вопрос переправы на другой берег. На той стороне уже видно как дорога взбирается на горку, а моста все нет.

Нет, вот он, показался из-за поворота: очень низкий, деревянный, длинный-предлинный и старый-престарый.

Взяли небольшой подъем на перевальчик и очутились перед уютным горным цирком с речкой, струящейся по зеленому лугу и невысокой каменной грядой, замыкающей эту долинку.

- Интересно, а куда бежит река? - в задумчивости произнес Володя и сам же себе ответил: - Смотри, она течет на восток, в сторону Сары-Джаза! Мы переехали через водораздел и теперь находимся в бассейне реки Аксу, что в Китае. Хороший уголок и для стоянки, и для ловли бабочек.

Меня же привлекли желтые бабочки, неспешно снующие туда-сюда над лугом. Отрешившись от всего земного, они неторопливо приплясывали, подпрыгивая низко-низко над травой и со стороны казалось, что это колышется ковер из желтоватых цветов.

- Это не желтушки, - спокойно парировал мой возгласы ученый сын, - это перламутровки гегемоне, но очень потертые и старые. Обычные бабочки высокогорья. А вот есть ли тут парнассиусы, вот вопрос, - в задумчивости произнес он, выходя из машины.

Здесь же летали чернушки Соколова и мелкие высокогорные шашечницы, но прежде мы встали лагерем на сыром, заросшем мелкой травой берегу чудесной речушки с хрустально-чистой водой.

На севере высились снежные вершины горного

узла Акшийрак, второго после Хан-Тенгри узла оледенения на Тянь-Шане, откуда берет начало Нарын, а сами мы находились в боковом отроге хребта Барколдай. При голубом небе ярко светило солнце, отражаясь в скалах обрывистой гряды, окаймляющей наш луг, и Володя тотчас умчался туда. Он вернулся лишь вечером, когда потянуло сырым холодом, сразу напомнив, где мы находимся. Белые вершины Акшийрака, отсюда кажущиеся совсем невысокими, рисовались на темном небе еще четче и ярче, глубокие тени пролегали между складок гор.

- Ничего нет, - разочарованно поделился Володя, - была надежда на боедромиусов, но здесь одни граниты и бабочек почти нет. Пусто.

Мне стало жаль его. Он почернел и оброс бородой как Емеля Пугачев. Столько усилий, а результат - ноль. Очень капризен этот боедромиус, и никогда не угадаешь, на какой горе он живет. За один сегодняшний день Володя трижды поднимался на четырехтысячные вершины и почти ничего не поймал. В сердцах он открыл дверцу машины, а оттуда... выпорхнула бабочка! И очень неплохая - желтушка кокандика.

- Вот где их надо ловить! - усмехнулся Володя, - в машине. Спрашивается, как и где она сюда залетела, и как я должен записать место находки! Вот так и рождаются фальсификации.

И он взмахнул сачком, выгоняя неожиданную гостью на улицу.

Как только солнце зашло за зубчатую кромку гор, с вершин спустился ледяной холод, промозглой сыростью повеяло от ручья, и о ночной охоте не могло быть и речи. Забравшись в тесную палатку, мы грелись у шумящего примуса, вдыхая аппетитные ароматы закипающего супа.

Абсолютно уверенные в погоде завтрашнего дня, мы улеглись спать при сияющем звездами небе, но ночью Володя почему-то выходил смотреть погоду и на мой вопрос разочарованно сообщал, что по небу гуляют облака. Под утро лениво забарабанил дождь. Мой неудачливый путешественник встал, начав рыться в своих вещах. Я спросил его спросонья:

- Ты что поднялся в такую рань? Темно же еще! Ложись, тем более, что все равно идет дождь.

Было около пяти утра.

- Может быть, поедем? - вместо ответа предложил он. - Уже светает.

- Ты что, боишься, что дорогу размочет?

Он промолчал. А погода жуть. Почти темно, но вовсе не оттого, что рано. Черные тучи затянули не только небо, но и все горы до самого подножья. Быстро собрались и через полчаса выехали. Болото проскочили удачно, несмотря на то, что все оно исполосовано глубокими колеями грузовых машин. Видно, буксовали и вязли здесь не один раз.

- Жаль, не удалось доехать до Акшийрака, - посетовал Володя. - Мне оттуда года три назад давал телеграмму Игорь Белоусов: «Привет с края земли».

Игорь Белоусов - Володин друг, с которым он не раз бывал в самостоятельных экспедициях.

- Можно было бы и по-другому написать, - саркастически заметил я. - Например, «Привет с того

света». Более жуткого места, пожалуй, не найти. Удивительно, что там еще живут люди и есть телеграф.

Между прочим, через несколько лет в этих местах канадцы построили большой золотодобывающий карьер, один из бортов которого прорезал тело мощного ледника в несколько десятков метров толщиной.

Через каких-то 15-20 минут мы уже переезжали по мосту через речку Карасай. Между реками, текущими прямо в противоположные стороны и принадлежащими к разным бассейнам, не более 15 километров.

Река уже успела вздуться. Хищно взбугрившись, мутный, грязный поток стремительно мчался по дороге, и жуть брала, когда мы въезжали в эту черную, беспокойную массу воды, которая на глазах разбухла все больше.

А дождь все шел, временами переходя в мокрый снег. Понуро уставившись друг к другу головами, стояли, мокли бараны. Да, чабанам в такую погоду не позавидуешь! Одним только рогатым жаворонкам было все нипочем. Стайками разлетались они перед машиной, будто осенние листья, поднятые порывом ветра. Из птиц в такую непогоду только и увидишь их да еще вещих воронов. Даже альпийских галок не видать и не слышать.

На юге вдруг обнажились отроги страшного Барколдайского хребта, будто зимой, засыпанные свежеснеженным снегом.

Не останавливаясь, проскочили поселок Карасай. В нем ни души и только несколько замерзших коней, обреченно повесив головы, стояли у коновязи.

Брод через речку Суек проскочили хорошо, а дальше пошел снег. Это тем хуже, что впереди перевал более четырех тысяч метров высотой.

А снег уже валит хлопьями, в ветровом стекле одна белая пелена. Да и по обочинам дороги все побелело, скоро будут сугробы. Колеса стали пробуксовывать, мы ведь едем на подъем. Хорошо еще, что перед нами прошла грузовая машина и оставила след, проделав колею.

Перевал уже весь в снегу. Но мы вовремя успели на него заскочить. Еще полчаса, и вряд ли преодолели бы заснеженный подъем.

Выехали из каменного ущелья, а здесь совсем другой климат. Снега нет, но дождь, правда, моросит. Бежит речка среди глинистых, усыпанных галькой холмов. Краснобрюхая горихвостка, порывисто делая пробежки, кормится на сырой земле. Рядом миниатюрный хребет, целая цепь из осыпистых, щебнистых гор. Для боедромиусов, которыми грезит Володя, лучшего и желать нечего. Нам бы остановиться, переночевать, ведь мы в горах и, кто знает, может завтра засверкает солнце, снег вмиг растает и мы еще здесь хорошо проведем время.

- Нет, едем, - решает сын, и мне непонятно его нетерпение, тем более, что сидели же мы под перевалом.

И верно, уже на перевале Барскаун появились голубые просветы на небе, а спустились в ущелье, увидели сухую дорогу. Ехали молча, подавленные, хоть не возвращайся назад.

- Эх, что там, не везет нам с альпикой! - в сердцах бросил мой бедолага. - Сколько гор обошел, а результат - кот наплакал. И с погодой какая-то ерунда.

Вдали показалась безмятежная синь Иссык-Куля. Над озером сияло чистое небо, и ничто не напоминало о непогоде. И надо же, в каком-то часе езды отсюда только что мела метель!

Вдоль берега протянулась широкая полоса розового, крупнозернистого песка. Вода чистейшая - видно все дно. Даль озера синяя, ближе - бирюза, а у берега - зеленый изумруд. И нигде ни души. Володя искупался, а ночевать поехали поближе к горам. Они манили к себе зарослями из караганы, эфедры и тамариска. По сухому песчаному руслу пробрались подальше от дороги, остановившись на поляне, напоминающей пляж. Напротив глинистые холмы, за которыми виднелись обрывистые овраги, а за ними прилавки, уходящие в сторону высоких гор.

Меж кустов летали большие черные осы с желтыми пятнами, слегка покусывали москиты. В безветрии было душновато, даже жарко.

- Что это за треск? - заметил Володя, насторожившись. - Слышишь, будто семечки кто шелкает?

Тут, совсем рядом со мной шелкнуло особенно громко, желтый стручок на кусте караганы лопнул, и оттуда брызнули зерна семян.

На песке тут и там виднелись розовые подушки, цветущего акантолимона, желтели сочные ягоды поспевшей эфедры. Я попробовал их на вкус и обнаружил, что они вполне съедобны.

Я варю суп, а мой неумолимый энтомолог, несмотря на вечернее время (19 часов), всю ловит бабочек. На берегу наловил голубянок семи видов, а здесь нашел интересную хазару.

- Знаешь, - поделился со мной Володя, - хазара Штаудингера и хазара Кауфмана очень похожи, но около Самарканда они живут вместе, и, стало быть, не могут относиться к одному виду. То, что мы сегодня нашли, это и не хазара Штаудингера, и не хазара Кауфмана. Не новый ли это для науки вид? Надо будет с ним разобраться, когда вернемся домой. С бабочками каких только казусов не бывает. Вот Жданко описал новую голубянку из коллекции ЗИНа. Там была этикетка «Иссык-Куль». А приехал на Иссык-Куль и не мог найти.

Ужинали в темноте. Звезды сияли так, как это бывает только на юге, но где-то на севере, в Кунгее шла гроза. Молнии сверкали за озером, освещая несколько слоев облаков, и это было очень эффектно, как фейерверк.

Сидя на теплом песке и поглядывая на небо, мы неторопливо собирали ночных мотыльков. Где-то после одиннадцати сильно запахло цветами, аромат волнами поплыл по воздуху, и бабочки повалили тучей. Я взглянул на небо и заметил, что звезды потеряли свой блеск, а потом и совсем исчезли. Около двенадцати закапал дождь, и лов на этом закончился. Мы собирались спать под открытым небом, а тут пришлось ставить палатку.

А на следующий день опять случилось ЧП. Утром вдруг резко застучали крупные капли дождя. Неожиданно налетел шквальный порыв ветра, вы-

дернувший штыри и поваливший палатку. Дождь уже хлестал вовсю, когда Володя выскочил, чтобы поднять ее и укрепить. Я в это же время лихорадочно собирал и складывал вещи: спальные мешки, одежду, рюкзаки, радио - хлама всегда набирается много. Влез мокрый Володя. Я спросил его совсем некстати и довольно глупо:

- Что, сильный дождь?

- Еще бы, спрашиваешь! Хлещет, как из ведра.

Наученные горьким опытом, мы понимали, чем это может грозить. Стоим почти в русле, рядом горы и такая гроза! Нужно уезжать и как можно скорее! Торопились изо всех сил, и я нет-нет, да и бросал взгляд вверх по руслу: успеем ли? Нет, не успели! Вижу и слышу, как из-за кустов, по-змеиному шипя, на нас выкатывается лава песка с водой.

- Сель! - взволнованно кричу я. - Вода идет, бежим!

Но уже видно, что это не тот сель, что вырывается с бешенством взрыва. Это скорее всего песчаное наводнение, причем, не очень сильное. По крайней мере, первым валом нас не смыло, но что будет дальше - совершенно неизвестно.

Володя уже складывает мокрую палатку, а я лихорадочно ищу ключи от машины. Вечером я положил их в карман брюк. Хлопаю себя по штанам - пусто. Проверяю еще и еще раз и в брюках, и в пиджаке, - ключи как испарились. Ничего не остается другого, как доставать запасные. Хорошо еще, что я их взял! Они у меня в сумке, где-то на дне машины. Торопливо роюсь в ворохе вещей. Вот, наконец, нашел. А поток шумит все сильнее и у самых колес. Конечно, не скажешь, что ревело, как это было на Каракульском водохранилище в прошлом году, а скорее очень громко шуршало, шипело по-змеиному: Ш-шшь! Неслась то водяная пульпа, смесь из песка по песку.

Поток все набирал силу, он горбатился серой волной, точно спина огромного змея и катился так же волнообразно, только гораздо быстрее. Жидкая, как сметана, масса выплескивалась на берег. Впечатление было такое, будто поток пошел выше берегов.

Поворотом ключа включаю зажигание - двигатель заводится, как часы. Можно ехать, но рядом стоит Володя, держа в руках мокрую, скомканную палатку.

- Кидай в багажник! - кричу я, и тут вспоминаю, что его еще надо открыть ключом, а тот в связке с тем, что торчит в зажигании. И нет же, чтобы отъехать, а потом делать все остальное, я же выключаю двигатель и подаю Володе ключи. Потом снова вставляю ключ, поворачиваю и вместо привычного урчания мотора слышу... щелчок. Отказал аккумулятор, видимо ослабили зажимы на клеммах (это у меня уже было в пути). Хочешь, не хочешь нужно открывать капот и лезть под него. Ковыряюсь, подкладываю шайбы, подтягивая гайку.

А поток продолжает набирать силу. Чувствуется, как он роет глубокий ров и несется со скоростью курьерского поезда. Он уже не вмещается в своем русле и, выгибаясь спиной, раздвоился и образовал второе русло. Мы вдруг оказались на острове, и теперь путь к отступлению отрезан. Через поток не переедешь!

Растерянно держу в руках ставшие ненужными ключи и смотрю на мутную воду, стремительно несущуюся с обеих сторон. Мы бессильны что-либо сделать. Лишь бы поток не изменил направление и не пошел на машину. Теперь вся надежда на то, что он должен иссякнуть. Дождь уже прекратился, и гроза уходит на восток. Не сразу, постепенно поток стал ослабевать. Он замыл русло, и к удивлению, там не было никакого рва или оврага, по которому только что мчалась целая река. Он замыл русло точно таким же слоем песка, что лежал и до этого. Все встало на свое место и дно сравнялось с берегами, и срочно уезжать теперь вовсе не было необходимости. Володя уже разводит костер и развешивает одежду и постель на кустах для просушки. Итак, мы вышли без потерь и на этот раз. Самым же интересным в этой истории было то, что я засунул руку в карман и обнаружил там... ключи. Как это могло случиться, ведь я не меньше десяти раз до этого шарил у себя в карманах! Вот что значит спешка, растерянность и суета!

Володя совершенно справедливо назвал меня паникером, я же в отместку укорил его, что во второй раз ставим лагерь в русле реки, тем более в таком опасном месте рядом с пустынными горами. Впрочем, халатность проявили оба.

С десяти до часу сушились, чистились, отмывались от грязи. Володя приводил в порядок свои сборы, я штопал пострадавшую палатку. А невдалеке сверкал и переливался спокойными водами Иссык-Куль. Озеро дремало безмятежное, ярко-синее, ультрамариновое. Чистые, пустынные берега, безлюдные пляжи на десятки километров. Какое это чудное место - Иссык-Куль! Теплый климат, разнообразная природа от горной тундры до пустыни. Здесь, особенно на южном побережье, все еще сохраняются уголки дикой природы, несмотря на все попытки властей «окультурить» берег. Зачем эти аляповатые памятники, зачем это «озеленение» тополями и березами, когда эти растения совсем не свойственны иссык-кульским берегам и есть своя флора ничуть не хуже: облепиха, барбарис, карагана.

Мы ехали дальше и видели, что сели прошли не только у нас. В разных местах оказалась размытой дорога, занесена кучами песка, ила, камней и кое-где были даже объезды.

- Нам повезло, что сель не набрал мощности, - попыток я события дня. - Снести бы не снесло, а замыть песком могло.

- Вряд ли, - отозвался сын, - площадь водосбора здесь слишком мала. Иначе дорогу давно бы смыло. Дожди-то ведь здесь не редкость.

Бабочка, живущая под камнями

10 июля 1993. Мы стоим на перевале Талдык, что на Алайском хребте, и нас интересует парусник симониус талдыкус, один из самых мелких парнасисусов, живущий в высокогорье.

Этот перевал освоен Володей давно. Здесь он бывал не один раз, облазил все горы вокруг за исключением одной, той, что стоит ближе всех, прямо на север от перевала. Сам он так рассказал мне об этом:

«Тогда, в 1990 году я вылез из машины и огляделся: ближе всех стоит горка, осыпистая, бесснежная, для симониуса вполне подходящая. Но кругом столько других гор, а у этой встать лагерем плохо: нет воды и от посторонних глаз не скроешься, будешь все время на виду. Поэтому и разбил лагерь с другой стороны у ручья. Тогда я обошел большинство горок вокруг перевала – симониуса нигде нет. А на ту, ближнюю так и не собрался – не дошли руки. И надо же было так случиться, что в следующем году сюда приехал один бабочник, сразу же полез на эту горку и открыл подвид симониуса, которого, естественно, называли талдыкусом».

И вот ирония судьбы: в том же 1991 году мы проезжали здесь по пути на Восточный Памир и опять же не обратили внимания на злосчастную для нас гору! Неудача наша была тем обиднее, что с симониусом связана целая история. Открытая еще в 19 веке, эта бабочка не ловилась энтомологами более 100 лет. Корифей лепидоптерологии профессор Кузякин даже писал, что вот жила такая бабочка и полностью исчезла. Вымерла. А все дело в том, что искали ее совсем не там, где нужно. Живет она на высотах около 4000 м, куда ни любители, ни профессионалы долгое время не наведывались.

А тот бабочник, когда напал на клад, сидел на месте несколько дней. Наловил большое количество и теперь возит в Европу крохотными порциями, чтобы не сбить цену. Вот этого талдыкуса нам и предстояло найти, хотя бы повторно.

Проблема еще в том, что в высокогорье редко бывает погода, а для лета бабочек нужно тепло. Вот и сейчас, вышли из машины, а здесь пронизывающий холод. Маленькая тучка на глазах разрослась и закрыла полнеба; тут же полетела снежная крупка.

Мой охотник все же ушел на гору и пришел часа через полтора:

- Эх, нам хотя бы полчаса погоды!

- А что, неужели что-то есть?

- Вот, смотри, - Володя, раскрыл коробочку. На матрасике лежало несколько беловато-прозрачных неказистых аполлонов. – Собрал на камнях осыпи. Солнышко показало минут на пять, и они вылезли погреться. Подбирал чуть живых. В общем, будем здесь ночевать.

Чтобы согреться, решили съехать вниз, в долину. Скатились до самого поселка Сары-Таш. А там, только приоткрыли дверцу, ревет зверский, ледяной ветер. Э-э, нет, надо назад! Там и то лучше. Рванули снова вверх, там под самым перевалом есть каменный отщелок. Это даже не ущелье, а скорее пазуха, с трех сторон окруженная скалами. И хотя шел то ли дождь, то ли снег, здесь было относительное затишье. Быстро, чтобы не промокнуть, поставили палатку, натянули на себя все, что было из теплой одежды.

Хорошо, когда есть крыша над головой и стены от ветра! Раскопегарили примус, развели сухое молоко. Снаружи собачий холод, а в палатке «Ташкент», сладкий суп дымит ароматным парком.

- Гляди-ка, вершина напротив уже белая, - удивился Володя, выглянув за полог, - да и рядом с нами

склоны стали седоватыми. Пожалуй, сегодня ночного лова не будет.

- Да где уж там, - откликнулся я, - нет нынче лета. Даже скот еще не пригнали на пастбище. Большая задержка с теплом. Зато хоть отоспимся.

Всю ночь на улице капало, шуршало, но сильного ветра не было. Проснувшись, я включил свой радиоприемничек «Олимпик», но ничего не услышал: батарейка села от холода. На улице трава покрылась заледенелым снегом. По небу ходят клочья разрозненных туч, а над Алайской долиной зависло плотное черное покрывало.

Пока не растает, выезжать опасно, - вынес я свой вердикт. – Очень круто, снесет на скалы.

Делать нечего, мы легли досыпать.

В девять часов я почувствовал тепло и разбудил сына.

- Вставай, погода хорошая!

Он вскочил в ту же минуту.

- Не будем завтракать, скорее на гору!

Солнечные лучи брызнули из-за скалы, и сразу потекло с обледенелой крыши, а через несколько минут машина была уже сухая и даже успела нагреться.

Покидали в машину вещи и помчались на перевал. Я жал изо всех сил, и мы оба горько сожалели, что проспали. Гора, на которой живут симониусы, уже виднелась ярко освещенная солнцем, что бывает редко. Там, наверняка, уже летают бабочки.

- Выходит, нужно идти на место лова, не глядя на дождь, а потом ждать погоду?

- Выходит, что так. Надо ловить момент, который бывает очень коротким.

У перевала мы заехали на зеленую седловину, спрятавшись за бугром. Дальше до горы можно добраться по гребню только пешком. Мой охотник за симониусами лихорадочно быстро собрался и побежал к месту лова.

По небу уже тянулись рваные облака, в дыры просвечивало солнце, поэтому горы пестрели желтыми пятнами света. А над «нашей» горкой, будто зацепившись за макушку, висело небольшое черное облачко.

«Своими испарениями гора сама образует тучу, а, значит, и свою собственную непогоду,- вспомнил я слова своего более опытного сына. – Теперь все будет зависеть от того, сумеет ли солнце ее разогнать».

Я взял пару лепешек, кусочек колбасы, закрыл машину и, не торопясь, поплелся следом за сыном.

Опять вышло солнце, горячими лучами сразу обогрел все вокруг. Со стороны поляны, сплошь заросшей диким луком, мелодично тянули улары, кувыряясь в воздухе, звонкими голосами переключались клушицы, громко и тревожно кричал сурок.

Минут через 25 подхожу к осыпи. Володя со скупающим видом прохаживается поперек склона.

- Почему не ловишь?

- Было бы что ловить.

Оказывается, солнце еще не успело прогреть корумник, и бабочки пока не показывались. Солнышко то выглянет, то спрячется, а камни еще не успели просохнуть с ночи. Но вдруг мой охотник оживился и побежал, пригнув сачок к земле. Взмахнул и, кажется, поймал.

Я пригляделся к осыпи и увидел у себя под ногами распластавшуюся, прижавшуюся к камню матово-белую небольшую бабочку. Будто подземные жители, симониусы выползали из щелей и грелись на камнях, стараясь вобрать в себя солнечное тепло. Это совсем маленькие аполлоны с желтоватыми, мягкими крылышками и черными (без красных!) пятнышками.

Пока холодно и бабочка не разогрелась, она малоподвижна, и ее можно брать даже руками. А если и поднялась в воздух, то летит медленно и очень низко, будто стелется над камнями и почти сразу же садится. Тут надо подбежать и накрыть ее сачком, имея при этом в виду, что бабочка, подобно бегущему жуку или таракану, может быстро заползти под завалы камней и тогда ее не так просто достать. Получается, что симониус – вот чудо! – почти подземный житель, бабочка – обитатель осыпей!

И совсем другое дело, когда солнце разогревает воздух. Тогда быстро летящего симониуса бывает даже трудно разглядеть на фоне сверкающих осыпей. Как ни странно, очень низкий стелющийся полет тоже мешает лову, и сачок то и дело цепляется за камни. Пока охотишься, изобьешь весь обод в клочья!

Со стороны посмотришь: голая осыпь из одних некрупных камней и никакой почвы. Но если приглядеться, тут и там виднеются растения. Вот мелкий лучок с фиолетовыми шарами, вот толстянковое растение, изящная хохлатка, сине-фиолетовые, желтые фиалки.

А рядом, над засолонцованными, глинистыми проплешинами горы носятся яркие крупные парнассиусы инферналысы и Джекемонта. Тут же многоцветницы и крапивницы – целый букет из роскошных красавиц. Я бросился их ловить, но сын остудил мой пыл, сказав, что они не представляют для него интереса.

Вскоре крохотное облачко, зависшее над нами, разбухло и закрыло солнце. Лет сразу же прекратился. Я пожаловался на холод.

- Идя на симониуса, надевай зимнюю одежду, - отозвался Володя. - А еще знай: если поднялся выше туч, добрался до осыпистой макушки горы выше трех тысяч, там и ищи эту бабочку.

После полудня тучи сгустились и стали совсем темными. Пошел дождь, а потом и град. А под черной тучей распластав крылья, парит бородач-ягнятник. Наперекор непогоде поднялся туда, и кажется, что он играет, используя грозные силы горной природы.

- Вот и весь лет, - сказал Володя, - всего 45 минут. Часа через два солнце, может быть, и выглянет, но не больше, чем минут на 15, как было вчера. И так каждый день.

Какое-то время мы высматривали сидящих бабочек, даже пытались искать, разрывая камни, пару штук нашли, но все остальные симониусы заползли еще глубже, и мы поняли, что охота закончена.

Можно было бы еще и подождать, погода в горах изменчива, в какие-нибудь полчаса на смену холоду может прийти жара, но в матрасиках у нас уже лежало достаточное количество бабочек-малышек, и мы пошли к машине.

Тучи клубились, спускаясь все ниже, и вскоре закрыли всю гору, где мы только что были. Рядом гремел гром, снежная крупа жестко секла лицо, наступала почти зима, но мы знали, что под камнями сидят маленькие симониусы и ждут своего часа, когда солнце снова прогреет их осыпь, и тогда произойдет чудо: бесстрашные бабочки-малышки оживут, выползут из своих убежищ, и серая осыпь расцветет трепыханием прозрачно-белых крылышек.

Загадка Рюкбайля

И занесло же нас на край света, в Аксай, дикие горы у самой границы с Китаем! Это высокогорный сырт за тридевять земель, у озера Чатыркуль. Места неприветливые, суровые как тундра и это немудрено, ведь высота здесь более 3000 м. А тут еще и погода хмурая, с запрятым в тучах солнцем, и, может быть, от этого волнистое плоскогорье имело унылый, серый цвет. На юге стеной стоял грозный хребет Кокшаал-Тау с бастионами каменных башен, убеленных снегами, на севере торчат остроголовые пики хребта Ат-Баши с выползающими меж гор ледниками. Посередине этой обширной долины течет река Аксу, она же Кокшаал, она же Тышкандарья, бегущая на восток и, прежде чем уйти в Китай, прорезающая всю мощь грандиозного хребта Кокшаала.

Если бы не погранзаставы, кое-где приютившиеся под горами, то места эти были бы совершенно безлюдны. Но летом сюда пригоняют отары овец, да иногда приезжают охотники. Аксай славится обилием горных козлов теков и архаров.

Володя то и дело останавливал машину и обследовал глинистые овраги, поросшие жесткой щеткой чахлах трав, но бабочки, за исключением единственной голубянки феретиадес, не попадались.

А приехали мы сюда не случайно. Володя надеется найти здесь высокогорных парнассиусов симо и боедромиуса. Эти бабочки замечательны своей изменчивостью, и в каждой местности живет свой подвид. Боедромиусы встречаются на Тянь-Шане, а симо только на Памире и Кунь-Луне. Лишь однажды, более 100 лет назад знаменитый сборщик Рюкбайль ловил симо на Тянь-Шане вместе с боедромиусом. Этот тяньшанский симо оказался настолько необычным, что его описали как особый подвид, очень отличный от других. К сожалению, Рюкбайль не сообщил, где именно он ловил необычного симо, и никому из энтомологов, несмотря на многочисленные попытки, не удалось повторить его сборы.

Опять этот загадочный Рюкбайль! Володя рассказывал об этом профессиональном сборщике не один раз, но, к сожалению, известно о нем немного. И это очень странно и непонятно, ведь с Евгением Рюкбайлем еще в конце XIX века дружил молодой тогда еще Г.Грум-Гржимайло и даже помог ему в написании одной из статей. Сам он не оставил никаких дневников, нет и его архива (по крайней мере авторам они неизвестны), поэтому о его деятельности можно судить только по этикеткам сборов и отрывочным сведениям очевидцев, так или иначе соприкасавшимися с ним. Это был обрусевший немец,

живший в Сарепте на окраине Царицына (теперь Волгоград) и зарабатывавший на жизнь сбором коллекций птиц, мелких зверей и насекомых для одной из европейских торговых фирм. Вместе с двумя своими сыновьями он совершал длительные поездки в отдаленные районы Центральной Азии, какое-то время он или его сыновья жили и стационарно в Катон-Карагае, Джаркенте и Пржевальске. Из Пржевальска Рюкбайль делал поездки по всей Киргизии и даже в отдельные районы Западного Китая. До самой смерти Е. Рюкбайль оставался верен своему призванию, до последней минуты занимаясь любимым делом где-то в глухом уголке Китая. Лежащим мертвым в палатке, с записной книжкой в руках, его нашел помощник-киргиз, отлучавшийся на короткое время за провизией в ближайшую деревню.

О его маршрутах можно лишь догадываться, так как этикетки очень скупы и, возможно, даже засекречены из-за опасения конкуренции со стороны других сборщиков.

Удивительно, его упоминают многие орнитологи (например, П.Сушкин, В.Шнитников), но никто из его современников и коллег по ремеслу не оставил никаких воспоминаний об этом интересном человеке.

- Вот лежат у нас в ЗИНе (зоологический институт) бабочки симо с этикетками «в горах южнее Иссык-Куля», а теперь и догадывайся, где они пойманы, - заключил Володя после очередного рассказа о Рюкбайле. - Ясно, что их никто больше и не ловил, хотя прошло более ста лет.

- А что думает по этому поводу Крейцберг? - спросил я, зная, что этот специалист из Ташкента занимается именно парнассиусами.

- Крейцберг предполагает, что бабочки пойманы где-то в восточной части Ферганского хребта, и я с ним согласен. В общем, примерно туда мы и едем.

После полудня показалось солнце, и все вокруг заиграло цветами разных красок. И жизнь сразу стала веселей, и Аксайский сырт предстал совсем в ином, более светлом виде.

По длинному и очень старому деревянному мосту дорога перешла с одного берега реки на другой. «Слава богу, есть мосты», - подумал я. Нет ничего хуже в пути, нежели неизвестные броды через реки, тем более в горах. И тут же показался другой мост, как будто бы целый, но подъехали ближе и увидели, что не хватает одного пролета, как раз над рекой. Проезжающая навстречу грузовая автомашинка мелькнула и исчезла. Это был вездеход «ГАЗ-66», и мне показалось, что шофер что-то крикнул, высунувшись из машины.

Эх, раз уж не заладилось с утра, так и не везло нам весь этот день! Не раздумывая, съехал я с берега в прозрачную воду и тут же засел в трясине. Каменистое русло, сложенное мелкой галькой, оказалось зыбучей болота. Часа два, если не больше, пытались выбраться из трясины. Чего мы только не делали: поддомкрачивали, пытались отводить воду, машина снова и снова плавно оседала, все больше погружаясь в воду, а ласковая на вид речка струлась вокруг, вовсе не собираясь нас отпускать. Честно говоря, приключение не слишком угнетало нас, благо вода была до-

вольно теплой, а день всюду разыгрался солнечный и яркий. И кто знает, сколько бы нам здесь пришлось куковать, не показись на берегу легкого «газика».

Из кабины высыпали военные в зеленых фуражках.

- Ну, вы и забрались! - удивился молодой русский майор, пожимая нам руки. - Никак из самого Ленинграда? (У нас ленинградские номера) Ну, и занесло же вас в такую глушь!

Пока Володя разговаривал с майором, я, не мешкая, зацепил трос, и «газик» без труда вытащил нас на берег.

Пограничники тут же умчались, а мы поехали вдоль берега в поисках другого брода, пока не уперлись в юрту. На земле растянута баранья шкура, огромный пес, дружески виляя лохматым хвостом, не торопясь, бежал нас приветствовать. Из юрты высыпали детишки, а вышедший старик уже кричит:

- Эй, водитель, айда в юрту! Отдохни, чай пить будем. Мой брат приезжал нынче на «Москвиче» и тоже застрял, - «обрадовал» он нас в ответ на рассказ о наших злоключениях. - Простоял в реке целые сутки, пока не вытащили.

- А как же мы, где-то же должен быть брод?

- Надо искать. Хорошо искать... Вы подождите, я лошадей заседлаю, вас провожу.

И мы едем вдоль берега в сопровождении чабана и его верной собаки.

Река здесь разлилась широко, разбившись на рукава. Эх, была, не была! Ринулся на хорошей скорости, проскочил две, три протоки и все же завяз, замочив свечи. Пока я сушил мотор, старик уже привязывал волосяной аркан и... дедка за репку, бабка за дедку, Володя толкал, старик погонял коня, выбрались мы на берег.

И сразу и жизнь стала хороша, и аксакала мы готовы были расцеловать. Есть же добрые люди на белом свете!

Давно кончилась линия электропередачи, сопровождавшая нас все время. Наверное, мы попали в самое удаленное от людей место, потому что всюду, группами и поодиночке столбиками стояли жирные сурки и провожали нас долгим и изумленным взглядом. Нигде до этого ни я, ни Володя не встречали сразу так много этих зверьков. Уже гораздо позже попалась мне заметка об эпидемии чумы, случившейся именно здесь в самом начале века.

«Эпидемия началась 23 июля 1910 года в ауле стоявшего на летовке в высокогорной Аксайской долине киргиза Султанова, который здесь охотился на сурков и, повидимому, от них и заразился. Проболел он два дня, и его похоронили по мусульманскому обряду. Через пять дней умерла его сестра - жена киргиза Тюлеченева, который через семь дней умер сам, а на следующий день умерли мать его, сын и сноха. В этом же ауле 25 июля умер киргиз Токубаев, через три дня умерла его жена, а еще через день умер брат его Ахун и жена последнего с годовалым ребенком. Стоявшие поблизости киргизы, увидев страшную смертность, откочевали с урочища, наняв проходивших кашгарских сартов похоронить умерших и съечь их имущество, что сартами было исполнено.

25 июля на этом же урочище умерла жена киргиза Асанходжаева. Муж ее отвез труп в Атбашинскую долину и похоронил на киргизском кладбище, а сам вернулся обратно, но вскоре умер его старший сын с женой. Тогда Асанходжаев похоронил их в одежде, а сам с младшим сыном, женой последнего и тремя внучатами перекочевал в Атбашинскую долину. Дорогой умерла жена младшего сына, которую похоронили по пути. Прибыв на свою зимовку, Асанходжаев умер 10 августа, а 11 умерла его внучка. Оставшийся в живых младший сын, положив трупы отца и дочери в промочину около зимовки и, сложив туда же юрту, сундуки и всю домашность, все это в ночь на 12 августа сжег, а сам бежал, как потом выяснилось, в Кашгар, бросив на произвол судьбы своих двух дочерей.

Получив от волостного управителя донесение о появившейся повальной болезни, Атбашинский участковый начальник немедленно вместе с участковым врачом прибыли на зимовку Асанходжаева, где нашли брошенных детей живыми и здоровыми, но сильно истощенными. Немедленно зимовка Асанходжаева была продезинфицирована, а урочище и все пространство до летовки на Аксае оцеплено карантинном. Все могилы и место стоянки вымершего аула обеззаражены. Установленные в течение месяца наблюдения и обследование не показали новых случаев заболевания. Эпидемия ограничилась 17 смертями».

Такой ужас случился в этом краю, но сейчас ничто не напоминало о смертях. Сверкало солнце, и сурки искренне радовались хорошей погоде. Мы приближались к перевалу Торугарт, месту знаменательному и известному по караванному пути, ведущему в загадочный Кашгар.

За невысокой грядой мелькнула серебристая полоска воды, похожая на мираж (а их сегодня мы видели несколько раз). Озеро Чатыркуль было огромной светлой лужей, разлитой по серой поверхности плоскогорья у самого подножья каменного массива гор Ат-Баши.

Показались строения с башенными кранами. На перевале Торугарт, рядом с глинобитными хижинами возводились двух и трехэтажные здания таможни, гостиницы и прочих служебных помещений. Дорога раздвоилась, и одна из них пошла на юг через узкий коридор из колючей проволоки. Часовой в будке проводил нас скачущим взглядом. Вереница автомашин – автобусы, грузовики, легковушки – столпились на площадке, ожидая своей очереди на проезд в Китай.

А чуть в стороне, сразу за «системой», но на нашей территории стоял совсем невысокий, будто игрушечный, горный хребет из цепи каменисто-сыпучих горок-сопок высотой не более 300 метров каждая. Мой Володя так и загорелся:

- Вот идеальное место для боедромиуса и симо! Скорее всего, здесь их и ловил Рюкбайль. И сыпуха есть, и макушки гор, и высота подходящая. Все совпадает! Знаешь, в этикетках пойманных бабочек сказано: «в горах южнее Иссык-Куля», а также «в западной части Центрального Тянь-Шаня». А на не-

которых есть упоминание о каких-то никому неизвестных горах Корумкичи и перевале Кызыл-Арт. Известно, что Рюкбайль много собирал в Китае, а значит, где-то переходил границу Киргизии. Может быть, как раз здесь. А если это так, то он просто не мог пройти мимо этой заметной песчаной гряды горок. Они легко доступны и сразу видно, что удобны для обитания парнассиусов. И все это согласуется и с мнением Крейцберга, который предполагает, что помимка бабочек сделана где-то в восточной части Ферганского хребта. Сам Крейцберг здесь не был, иначе обязательно слазал бы на эти горки. Он мужик пробивной, и для него никакие проволочные заграждения не помеха. А сбегать туда – раз плюнуть. Не будь заграждения, хватило бы и часа.

Я поддержал его:

- А ведь, возможно, упомянутые горы Корумкичи, как раз и есть эти горки. В переводе с киргизского корум – это каменная осыпь, а «кичи» означает «малый» А значит и весь перевод: «маленькие сыпучие горки». Как оно на самом деле и есть. А «Кызыл-Арт» (Красный перевал) может быть и Торугартом. Смотри: кругом желтые, почти красные глины.

Мы проехали еще два-три километра, и чем дальше, тем привлекательней выглядела эта крошечная гряда будто игрушечных горок. Наконец Володя не выдержал:

- Надо возвращаться в Торугарт, просить разрешение у погранцов. Пускали же нас на Памире в «зону».

Едем назад на таможню, хотя надежд, что от этого будет толк, мало. А там столпотворение: автобусы из Бишкека, Ташкента, Оша. Народу тьма: старики, дети, молодежь. Едут, кто к родственникам, кто за товаром.

Офицер пограничник сказал: «Езжайте на застава, это в шести километрах по дороге».

Гоним туда. Застава - большое двухэтажное здание за бетонным забором. Начальник заставы молодой симпатичный лейтенант принял вежливо, но сразу отказал:

- Я не могу, за таким разрешением надо ехать в Нарын.

Ничего себе, ближний свет, гонять машину по ужасной дороге 600 верст по горам!

- Да нам хотя бы на полчаса, вот здесь рядом с заставой!

- Я бы с удовольствием, но не имею права. За той горкой уже Китай, могут увидеть вас и китайские пограничники. Скандал будет.

Упрямый попался молодой начальник. Ну, какой Китай, когда «система» на нашей территории.

- И потом, кто вас знает, еще в Китай уйдете.

Ну, это уже совсем какая-то глупость, однако лейтенант уперся. Даже рассказал про каких-то киргизов, недавно ушедших за границу. Вот беда, ну и пусть уходят!

- Сами подумайте, зачем нам Китай?

- А вам какая разница, где ходить? Вон сколько гор кругом, зачем вам сдались эти горелые сопки?

С характером оказался начальник заставы. Непробиваемый. Ему не объяснишь про какого-то там

симо и про Рюкбайля, который шатался где ему вздумается.

Мы вертелись и так и сяк. Заговаривали и с замполитом - никакого толку. В заключение лейтенант сделал нам комплимент, сказав:

- А вы отчаянные ребята, в такую даль забрались! У нас таких еще не бывало.

Но нам-то от этого не легче.

Поражение было полным. Гнать в такую даль, почти найти (как нам казалось) и все бестолку. Как говорится «близок локоток, да не укусишь».

Удрученные, опустошенные, мы ехали молча, каждый погруженный в свои думы. Все дальше уезжали мы от зачаровавших нас горок, а они все стояли у нас перед глазами – из розовой мелкой осыпи, действительно, будто обгоревшие, с небольшими черными скалками на вершине.

- А, знаешь, - наконец прервал я молчание, - похоже, не одних нас сбивали с толку эти сопки. В 1873 году здесь проходила шпионско-разведывательная английская экспедиция, руководимая неким Форсайтом. И при нем был молодой геолог Столичка, судя по фамилии, видимо, чех. Так вот этот Столичка написал, что на перевале Торугарт видел потухшие вулканы или что-то в этом роде. Потом Мушкетов специально приезжал сюда, чтобы проверить выводы Столички. Ты же знаешь, тогда еще никак не могли избавиться от теории Гумбольдта о вулканизме Центральной Азии. Конечно, никаких вулканов Мушкетов не обнаружил, и я думаю, что речь шла именно об этих горках.

- Да, они действительно похожи на вулканчики, - согласился Володя. - Но сейчас бы и Мушкетова сюда не пустили.

Как продолжение той гряды, на юго-западе показались красивые скально-снежные вершины, явно восточное окончание Ферганского хребта. Высота их, судя по карте, была за пять тысяч метров, но так как мы находились на высоком плоскогорье, то и вершины казались совсем небольшими, даже игрушечными, хотя и с висящими на них ледниками.

Ко всем неприятностям сегодняшнего дня прибавилась ужасная гребенка на дороге. От тряски вылетела резиновая втулка на амортизаторе, и машина загрела, стуча железом об железо.

Кое-как заехали в ближайший расщелок. Он оказался сплошь каменным, почти без растительности. Володя молчал, потом в сердцах произнес:

- Теперь не хочется и бабочек ловить. Была еще надежда, что здесь хоть как-то будет похожее место на те горки, а здесь сплошные известняки. Никаких осыпей, одни гладкие бараньи лбы.

Уже поужинав, опять распалили себя рассуждениями о поимке неувимого симо, и сын, не выдержав, готов был завтра опять ехать к тому лейтенанту. «Буду просить, неужели не поймет! Ведь пускают же иностранцев охотиться на архаров. Сам же об этом сказал!» Да, но архары – это его заработок, а чужие бабочки ему не нужны.

Утром задул ледяной ветер, и, все усиливаясь, гудел, как в каменной трубе. Несмотря на непогоду, Володя собрался и ушел в горы. Мы стояли в запад-

ных предгорьях хребта Ат-Баши, где-то невдалеке от знаменитого караван-сарая Таш-Рабат, построенного еще в глубокой древности.

Весь день ветер раскачивал и тряс нашу железную колымагу, и за все это время я, не вылезая из машины, видел всего лишь двух бабочек: понтию каллидице, осмелившуюся вылететь в такую непогоду, да еще крохотную шашечницу, диким ветром вышвырнутую из колючего кустика. Вырываясь из-за выщербленных скальных зубьев, ветер свистел злое, будто рассерженная змея, и этому гулу не было ни конца, ни края.

Бедолага Володя вернулся в восьмом часу. Черный, как головешка, губы потрескались до крови. Прошел по гребню километров 30 и за весь день поймал всего лишь двух случайных боедромиусов и двух актиусов. Тем драгоценнее эти бабочки! Измотанный вконец (он не берет с собой ни воды и ничего съестного) о возвращении в Торугарт он уже не вспоминал. Да и бесполезно было бы ехать туда снова.

Так закончилась наша экспедиция за Тяньшанским симо. Нам не удалось его найти, может быть, это сделает кто-то другой? В том, что это рано или поздно обязательно будет, сомнений нет, но вот когда? А пока тайна бабочки с этикеткой «горы южнее Иссык-Куля» так и осталась неразгаданной.

Жемчужина Илийской долины

В истории изучения бабочек есть отдельные эпизоды, оставившие яркий след в этой области науки и увлекательного занятия. Именно таким было путешествие за чешуекрылыми уже упомянутого энтомолога Сергея Алфераки в горы Западного Китая, которые он совершил в 1879 году. Маршрут той экспедиции был выбран вовсе не случайно. Его подсказал Н.М.Пржевальский, только что вернувшийся из своего лобнорского путешествия и сохранивший самые яркие впечатления о горных долинах Восточного Тянь-Шаня.

Алфераки – один из плодотворнейших наших лепидоптерологов, и как жаль, что эта его экспедиция на Тянь-Шань была едва ли не единственной. Вскоре он поступил на службу к Великому князю Н.М.Романову – тоже большому любителю бабочек, но маршруты его дальнейших поездок не представляли интереса для науки.

Участники экспедиции торопились еще и потому, что Кульджинский край, в то время входивший в состав Российской империи, в ближайшее время должен был быть передан Китаю.

Маршрут проходил по долине реки Или. О том, что представляли собой илийские тугаи, можно судить по образному описанию художника В.В.Верещагина, побывавшего здесь всего за девять лет до Алфераки. Вот как он рассказывает о ночевке под открытым небом у казачьего пикета, близ нынешнего Хоргоса. Всю ночь лай хозяйских собак не давал ему уснуть.

« Да уйми ты, братец, как-нибудь своих собак!

– Никак невозможно, их теперь ничем не унять, потому зверя близко чуют.

– Какого зверя?

– Тигра.
– Разве есть здесь тигры?
– И! Просто такое множество; по речке вот с гор, почитай, что каждую ночь приходят.
– А близко подходят к вам?
– Да к самой избе, вот где вы лежите».

Вот в этих краях, в пойме Или между пограничным Хоргосом и Кульджой, С.Алфераки поймал удивительную сenniцу, резко отличающуюся от всех своих сородичей. Если почти все сenniцы – представители одного рода ценонимф – мелки и довольно неказисты, то ценонимфа монголика, как назвал эту бабочку Алфераки, на редкость красива. Это крупная бабочка с удивительным сочетанием цветов от почти черного до желтого, с темными разводами на исподу крылышек и серебристым, будто с напылением металла, верхом. Но что более всего удивляет в этой бабочке, так это ее необычайно узкий ареал, то есть область распространения, место, где она живет. Оказалось, что она обитает только на небольшом участке среднего течения Или. И вот тут выяснилось, что с названием у Алфераки вышла неувязка, ведь ни в какой Монголии бабочка не живет. Скорее всего, монголикой он назвал ее потому, что в те времена почти весь Западный Китай отождествляли с Монголией.

Впервые прекрасную ценонимфу мы встретили в далеком 1978 году. Тогда местом находки оказался Мынбулак – зеленое урочище на правом берегу Или, там, где сейчас в Алтын-Эмельском национальном парке успешно разводятся куланы (а заодно и хозяйские лошади, вытоптавшие когда-то чудесное урочище).

С тех пор прошло много лет. Редкая бабочка встречалась нам по Или у поселка Басщи, в тугаях у Борохудзирского моста. Но мало, мало. Все в единичных экземплярах. Было совершенно очевидно, что это не ее биотоп. Но где же, если не в тугаях? Ведь уже сама область ее распространения – пойма Или – говорит о том, что она обитательница пойменных зарослей. Ни в горах, ни в степи или тем более в пустыне ее и в помине нет.

– Болотина ей нужна, – уверенно предполагает Володя, – не хватает сырого луга (это было в 1993 году).

И вот мы едем на ту обширную низину, что протянулась вдоль дороги от Борохудзирского моста через Или на Коктал. Здесь, сразу от обочины, по правую сторону от дороги тянутся зеленые заросли, и не поймешь, что это: то ли тугай на сыром солонце, то ли заросший кустарником засолонцованный луг. Однако нога не вязнет, сухо, ходить можно. Все заросло кустами тамариска, колючего чингила, куртинами тростника; мочалами торчат кусты чия, кое-где солянки, ковыль, белыми островами сверкают голые проплешины солонцов.

Володя залез в кусты, и тут же раздался его крик:

– Есть! Летают ценонимфы!

– И через некоторое время возбужденно:

– Много!

В прогалинах меж кустов, протоптанных скотом, реют те самые серебристо-серые бабочки, что мы ищем уже столько времени. Изысканные нежен-

ки, здесь они держались вальяжно, летали с ленцой, можно сказать, порхали, и ловить их не составляло никакого труда. Так вот она какая, ценонимфа монголика, редчайшая бабочка Семиречья! Она и действительно жительница засолонцованных, сырых тугаев. В кустах бабочки прячутся, видимо, от жары и солнца. Самцы уже изрядно потрепаны, а самочки совершенно свеженькие. Они крупнее и гораздо ярче. Сквозь серебро отчетливо проступает золото. Золотистое серебро!

– Я думаю, – сказал Володя, – что ценонимфа монголика живет на чие. Все сатиры развиваются на злаках, а здесь это самое характерное растение. Но одного этого, конечно, мало, нужно сочетание многих условий. Здесь одновременно и пустыня и болото. Засолонцованная глинистая почва, определенная влажность. Вот тамариск, чингил – изнеженной бабочке, вероятно, нужна затененность. А в общем, – продолжал он, – все эти условия создались благодаря близости подпочвенных вод. Здесь Борохудзир спускается с гор и весь уходит под землю. Образовался уникальный биотоп: влажная, почти парная пустыня, заросшая густой злаковой растительностью, да еще и засолонцованная.

Я смотрю на порхающую неженку, и мне приходит в голову мысль, которая может показаться странной: менее чем в двухстах километрах отсюда находится огромный город Алма-Ата, мегаполис с более чем полутора миллионами человек, и ни один из них не догадывается, что совсем рядом обитает такой уникал природы, чудо Казахстана, бабочка, олицетворяющая Семиречье. Чем не символ, эмблема Алма-Аты! Конечно, мне могут возразить. Орнитолог (специалист по птицам) назовет своего претендента, какую-нибудь расписную синицу, а ботаник, допустим, горный эремурус. Царь-цветок, божья свеча! И все будут правы. Пусть будут символы во всех царствах природы, как практикуют во многих странах Европы, а среди бабочек, я не побоюсь сказать – это божественная ценонимфа.

А пока бабочка продолжает беззаботно купаться в воздушных струях, наслаждаясь полетом и не догадываясь, что вся ее популяция висит на волоске. Придет кому-то из могущественных воротил в голову идея использовать зеленую низину под сельское хозяйство, распашут ее – и прощай, родильный дом ценонимфы.

Уже позже мы искали монголику и по реке Чу в очень сходных с илийскими условиями; и в долине озера Алаколь – ее нигде больше нет. Да что говорить о других районах, когда и на самой Или на уровне Алма-Аты и ниже она тоже не живет. Ее популяция занимает узкую полоску протяженностью не более 250-300 км. Это критически мало. Надеяться на то, что она останется жить в Китае, тоже не приходится. Там все давно уже распаханно и засеяно, а прежняя глиняная, с мазанками Кульджа превратилась в большой ультрасовременный город.

Странно, что эта бабочка не вошла в Красную книгу бывшего СССР. А как хотелось бы, чтобы всегда жила эта лунная бабочка, осыпанная блестками серебра. И чтобы никому не повадно было покушаться

на зеленую низину, надо бы заповедать ее, на первых порах включив в состав Алтын-Эмельского национального парка.

PS. В 2009 году начато строительство железной дороги из Алматы в китайскую Кульджу. Проектировщики (или власти) молодцы, догадались не пустить ее по правому берегу Или. Тогда были бы погублены последние в мире роскошные тугаи Алтын-Эмельского нацпарка. Но будет сооружен мост через Или. По слухам, его проектируют километров 8 восточнее существующего Борохудзирского автомобильного моста. Если это действительно так, то есть надежда, что родильный дом редчайшей бабочки сохранится. Пока. Хотя угроза остается. Все больше объектов появляется в этом небольшом уголке. И как там сейчас обстоят дела, мы не знаем, так как уже более десяти лет не бывали в тех местах.

Паралаза богутена

К востоку от Алма-Аты есть очень сухие, пустынные горы Богуты. Невысокие, до 1800 м, издали кажутся безжизненной каменной громадой, лежащей среди плоской равнины. Особенно угрюмы южные склоны гор, наиболее прокаленные безжалостным жарким солнцем. С северной, более влажной стороны Богуты несколько зеленее, хотя подступающие со стороны Или глинистые предгорья удивляют не только своей красной расцветкой, но и чисто пустынным колоритом. Багровые, ржаво-рыжие холмы изрезаны глубокими промоинами, русла которых заполнены шлейфами песчано-галечниковых наносов, а берега сложены конгломератами сцементированных глин и гальки. Несмотря на сухость, на глинистых проплешинах и по пескам густо разрастается курчавка, тамариск, дикая вишня, а стелющаяся эфедра расплзается сизовато-зелеными коврами прямо в руслах промоин.

Душным июньским днем 1993 годы мы ехали в Богуты со стороны Или. Со всех сторон нас окружала холмистая равнина желтовато-бурого цвета, покрытая жестокими кочками сизоватых солянок. Впереди высились бурые холмы предгорий, а за ними проглядывала лиловая громада Богутов. Ажурные шары уже отцветших ферул, увешанные красными плодами, поодиночке и целыми рошицами украшали ложки и проплешины голых глин.

Перелетая с куста на куст, стремительно пронеслись изумрудные златки юлодисы. Пронзительно, на высоких нотах, звенели цикады. С выпуклыми большими глазами и прозрачными крыльями, они сидели в кустах курчавки, время от времени взлетая, словно выпуленные из ружья. По песку сновали стройные и изящные ящурки. Они гонялись за черными муравьями, а те, достигнутые врасплох, пугали своих преследователей, встав «на дыбки» и угрожающе двигая челюстями-жвалами. Несколько раз выскакивали зайцы-толаи, отсиживающиеся в тени тамарисковых зарослей. Неожиданно показалась стайка джейранов. Оглядываясь, они высоко подпрыгивали на тонких ножках и убегали, «мигая» белыми подхвостьями.

После бурной ночи с роем летящих на свет совок и пядениц мы решили подняться повыше в горы. По едва заметной дорожке проехали небольшое пустынное плато с пятнами белой, засолонцованной почвы, рошицами саксаула и зарослями эфедры, и очутились среди буровато-зеленых гор, заросших степными травами, таволгой и шиповником. Среди зелени светлыми пятнами выделялись каменные осыпи и гряды скал, тянущиеся к самой вершине.

День только разгорался, но над зарослями нехотя взлетали чрезвычайно размножившиеся в это засушливое лето боярышницы. Володя, уже второй день выскивающий червонцев атамантий, поднялся по склону и, взмахнув сачком, зацепил белую бабочку. Пригляделся и удивленно воскликнул:

- Аполлониус!

Уже довольно потрепанные аполлониусы летали среди боярышниц и в полете были почти неразличимы. То, что здесь обитают аполлониусы, не было для нас особой неожиданностью. Мы ловили их тут и раньше, а потому не уделили им особого внимания.

Мы поднимались все выше, попутно подлавливая аполлониусов и голубянок, пока не уперлись в тупик; ущелье кончалось крутым взлобком, поднимающимся к макушке Богутов. Высотомер показывал 1300 м. Разбредшись по склонам, выглядывали небесно-голубых сартских голубянок и голубянок циан. Под ногами шуршала сланцевая крошка, шныряли ящерицы и очень странной показалась мне крупная жаба, сидящая среди кустиков таволги. Зеленовато-серая, с бугорчатой спиной, она тут же упрыгала, спрятавшись под большим камнем.

Вдруг я увидел необычно яркую, очень темную бабочку.

- Какая-то брюнетка летает! – кричу я сыну.

Он отреагировал очень живо и заинтересованно.

- Надо обязательно поймать, это может быть паралаза. Если это так, то это будет настоящая сенсация. Я как раз думаю о ней. Для этого и приехали сюда. Места подходящие, хотя паралаза живет гораздо южнее. Здесь для нее север.

Бабочка умчалась высоко под скалы и там реяла, то исчезая, то показываясь вновь. Солнце слепило, и, несмотря на свою черноту, летунья терялась в блесках сверкающих искр. Проламываясь сквозь колючий шиповник, Володя помчался за незнакомкой, и вскоре я услышал его восторженный вопль:

- Поймал!

- Чернушка?

- Паралаза.

- Новый вид?

- Пока не знаю, но очень похожа на паралазу Кузнецова.

Паралазу Кузнецова мы ловили в Боомском ущелье близ Иссык-Куля. Но в любом случае это здорово. Так далеко на севере паралазу никто еще не находил, и, вполне возможно, это новый вид или, по крайней мере, подвид.

- Правда, красивая? – Володя пинцетом раскрыл крылья бабочки.

- Очень. Мне всегда нравились паралазы. Этот контрастный черный глазок почти как у павлиньего глаза на шоколадно бархатном фоне крыла.

- Я думаю, это самая удивительная бабочка Алма-Атинской области. Паралаза богутена.

- А как же ценонимфа монголика?

- Ну да, и та тоже. И желтушка Ершова.

Удача воодушевила, и я с энтузиазмом бросился в погоню за неожиданной южанкой. Но ловить их оказалось не просто, они были быстры в полете, а в густом шипичнике не набегаешься. Словно подрачивая, бабочка то теряется из виду, то выныривает откуда-то из-за кустов. Тем не менее, вскоре я стал обладателем двух экземпляров, Володя поймал несколько больше.

В разгар охоты поднялся пронизывающий северный ветер. Сразу похолодало. По небу потянулись снежно-белые острова облаков, воздух так очистился от пыли, что открылись необозримые дали: далеко внизу, на севере вдруг проявилась лента реки Или, а за ней призрачные контуры гор Джунгарского Алатау.

Мелкие бабочки попрятались, но черные паралазы продолжали порхать, прячась среди скал и в ложках над осыпями. Спасаясь от ветра, они то и дело присаживались на розовые шары луковых соцветий и на камни осыпи, все еще сохранявшие тепло. Взлетали они неохотно, и это давало нам возможность накрывать их сачками.

Однако все усиливающийся ветер вскоре заставил нас прекратить охоту. Я всегда считал Богуты едва ли не самыми жаркими горами, но вот уже в который раз, приезжая сюда, мы убеждаемся в противном.

- Чудеса получаются: Богуты – ветренное и холодное место! – Поделился я с сыном, когда мы подошли к машине. - Настоящая Монголия, неуютная и суровая.

- Тем не менее, Богуты одно из лучших мест, что я знаю, - отозвался Володя. – Чисто, природа нетронутая, людей нет. Таких мест мало осталось в природе, тем более вблизи такого мегаполиса, как Алма-Ата. Здесь даже скот не пасут.

Счастливая находка заставила забыть все невзгоды. Я давно заметил, и мы взяли это за правило: если хочешь найти что-то интересное и тем более новый вид, езжай в самое пустынное, дикое место: в сухие, жаркие горы или безводную каменную пустыню.

Кое-как, с трудом мы сварили ужин и чай, причем из-за ветра сожгли здоровенную кучу хвороста, собранную с большим трудом.

Я уже собирался натягивать палатку, когда подошел Володя и заявил:

- Подожди, не ставь. Я нашел место, где нет ветра.

- Не может такого быть, - не поверил я. – Похоже, эти горы продуваются насквозь.

- А вот идем, увидишь сам.

Мы прошли всего каких-то сто метров и попали в уединенный соседний отщелок, и вот чудо: только завернули за скалистый выступ горы, как сразу стало необычно тихо. Только что гудевший и завывавший ветер стих.

Пока разбивали лагерь, стемнело. Скалы, густые кусты эфедры и таволги – все слилось в черный силуэт на фоне более светлого неба. И вдруг на гребне горы вырисовался четкий рогатый силуэт козы. За ним второй, третий – козы, козлы, козлята – целое стадо выстроилось в ряд и уставилось на нас. Чувствуя себя дома и вовсе не прячась, они занялись своими делами, и мы, пока все не поглотила тьма, наблюдали за их грациозными прыжками, пробежками и даже за игрой старых самцов, со звонким стуком бодающихся рогатыми лбами.

Утром, уезжая, мы не переставали восхищаться красотой горной пустыни. Как чудно смотрелась свежая зелень саксаула на фоне желтых, красных, оранжевых обрывов и окаменелых глин!

Звонко кудахта, нас провожали кеклики. Самка архара с ягненком долго смотрела нам вслед с высокого обрывистого утеса. Зубчатый контур Богутов постепенно таял в полуденном, мглистом небе. Прощайте, каменные сухие горы, уютный чудесной паралазы.

Путь через Ферганский хребет

Наше путешествие 1992 года по Киргизии подходило к концу. С Чатыркуля мы приехали в город Нарын, а оттуда добраться до Оша, который Володя выбрал конечным пунктом, можно двояко: сделав огромный крюк через Бишкек или проехать напрямик через Казарман, перевалив через высокий Ферганский хребет. О своем решении Володя объявил в самый последний момент: едем кратчайшим путем, то есть через горы. Пересечь Ферганский хребет по дороге, которая даже не показана в атласе автомобильных дорог! Пытаясь представить себе этот путь, я видел глубокие пропасти, узкие дороги-овринги и затяжные подъемы. Признаться, мне было страшно и тревожно.

Дорога до Казармана идет долиной реки Нарын. Со всех сторон теснятся горы. Долина в основном пустынная, хотя пойма поросла густым лесом, где преобладает тополь, облепиха, лох. Поселки следуют один за другим, и каждый из них островок зелени с садами, полями и огородами. Машин по дороге немного, основной вид транспорта сейчас конь. Ездят поодиночке и целыми группами.

На середине пути Нарын уходит в каньон, а дорога поднимается на добрый километр высоты на береговой утес. Вид оттуда, как из самолета, сверху вниз долина просматривается чуть ли не на сотню километров. А сам Нарын среди лета, в разгар таяния снегов в горах, буен и страшен. Желтый от размываемых берегов, переполненный до краев, он несет с собой деревья, кусты и прочий сор.

Поселок Казарман, затерянный среди гор, едва ли не самый удаленный от цивилизации райцентр. С одной стороны горы и огромные расстояния. С другой - Ферганская долина, вроде бы, под боком, но ее, как гигантский забор, отгораживает горный хребет. Отсюда он похож на выпуклую спину гигантского

доисторического зверя-исполина, разлегшегося поперек пути. Ни скал, ни гребней, лишь складки логов, бугристые ребра склонов, кое-где разорванные оползнями да овраги размывов. Серпантинные дороги, ведущей на перевал, как на ладони. Несмотря на большое расстояние, снизу видно как, взбираясь на перевал, по ней бегут крошечные грузовики и легковушки.

Когда мы начали подниматься, сразу стало понятно, почему вся эта гора имеет вид циклопического каравая с округлыми, выпуклыми боками. Вся она сложена из очень слабых земляных пород. К тому же, всюду сочится вода. Она размывает дорогу, пропитывая откосы, вызывает эрозию, оползни и обрушения. «Эта дорога долго не простоит, - мрачно предрек я, - трасса выбрана неправильно. Ее, по всему видно, легко было строить, но очень трудно подерживать».

Знал бы я, что мое предсказание сбудется уже в следующем году!

Погода так себе, пасмурно и прохладно. Лишь раз у сырого лога Володя поймал белянку Оксенгеймера, но всего лишь в единственном экземпляре.

Несколько раз опоясав гору, выбрались на ее макушку. Перевал Колдома высотой 3100 м представляет собой небольшое плоскогорье, кое-где с выходами гранитных скал и небольшими зарослями кустарников. Столпились стада баранов, крики чабанов, собаки. И ветер, не дающий возможности летать бабочкам. Постояли минут 10 и решили ехать дальше.

Володя говорит мне:

- Спускайся потихоньку по дороге, а я пойду напрямик по логу.

Я быстро скатился к подножью горы. Здесь зелено, видны какие-то строения, что-то вроде дома отдыха. Стоят легковые машины, бродит молодежь. А Володи пока не видно. И черт меня дернул спросить про магазин, чтобы купить хлеба. Мне показали на дом. Подъезжаю, стучу в дверь, но никто не открывает. И вдруг выходит парень-киргиз с осоловелыми глазами и с ружьем в руках. Видно, что абсолютно пьян. Увидел меня, и глаза его нехорошо заблестели.

- А-а, - обрадовано промычал он. - Стой, сейчас я тебя застрелю!

Все это совершенно спокойно. И поднимает на меня ружье.

Инстинктивно чувствую, что нельзя делать резких движений, прятаться или тем более убежать. Выстрелит сразу, как бросается дикий зверь, даже домашняя собака на убегающую добычу. Кричать, ругаться, угрожать, боже упаси! Это может вконец разозлить распоясавшегося джигита. Сейчас нужно его успокоить, даже усыпить, загипнотизировать. Поэтому как можно спокойней говорю:

- Да зачем я тебе сдался? Я же старик. Убьешь, в тюрьму посадят. К чему это тебе? Давай лучше по хорошему.

А он продолжает целиться, и не поймешь, то ли напугать хочет, поиздеваться, как кошка с мышкой, то ли на самом деле руки чешутся от желания нажать курок.

Неизвестно, чем бы все это кончилось, если бы не появились его собутельники и не увели в дом. Я же по-

спешил поскорее убраться из этого проклятого места. По правде говоря, я и испугаться не успел, так все быстро и неожиданно произошло. А убить мог совершенно спокойно, и никто бы не стал разбираться. Сейчас неразбериха, всюду практически безвластие, и никому ни до чего нет дела, тем более в чужой теперь стране.

Володе я почти ничего не рассказал, сам постаравшись забыть эту неприятную историю, темную и непонятную.

Чем ниже мы спускались, тем все лесистой становилось ущелье. Мы достигли зоны широколиственных лесов, где главной древесной породой был грецкий орех - роскошное дерево, достигающее гигантских размеров. Могли ли мы упустить возможность провести здесь ночь, сидя у яркой лампы! Каждый из нас в воображении рисовал самых экзотических ночных мотыльков, которые должны были тут обитать. Но мы никак не могли найти подходящего, а главное, уединенного местечка. И вдруг в стене деревьев появилась брешь: узкая дорожка, ведущая в глубину леса. Не раздумывая, нырнули мы туда, ожидая, что вот-вот уткнемся в забор или какую-нибудь ферму. Однако тенистая аллея под кронами древесных великанов вела все дальше в глушь дремучего леса. Нигде не видно было ни души, ни людей, ни скота, ни строений. Наконец мы уткнулись в тупик, но большего нам и не было нужно. Нас окружила тишина и покой таинственного, волшебного леса, нарушаемый лишь утробным бухтением ручья в глинистом глубоком овраге, да стонами большой сибирской горлицы.

Мы очутились в райском саду. Тут было сумрачно, прохладно, пожалуй, сыровато. Молча, где-то стучал дятел, в просвете неба между кружевами листвы парил ястреб. Пищал ремез, в ветвях тренькали крохотные пеночки.

На солнечных прогалинах, сверкающих среди глубокой тени, порхали бархатистые лесные перламутровки, краеглазки Эверсмманна, крохотные горошковые белянки и нежнейшие белянки канидии.

С нетерпением мы ожидали ночи, и как только сумерки окутали лес, на свет полетели несметные полчища мохнатых белых волнянок. Над головой бесшумно сновали летучие мыши, грустно перекликались совы-сплюшки. Среди глубокой тьмы сугробами свежеснеженного снега светились полянки, освещенные лучами молодого месяца, пробившимися сквозь густую ореховую листву.

Настроение было приподнятым, радостным и немного грустным: наше путешествие заканчивается. Откровенно говоря, меня очень беспокоил путь через Ферганский хребет, и теперь, будто гора свалилась с плеч. Впереди была оживленная Ферганская долина с бесконечными поселками, базарами, горами овощей, ревом ишаков и толпами людей в ярких, цветастых платьях.

Вышло так, что через год нам снова предстояло преодолевать тот же перевал. Но теперь я не боялся его, тем более, что на этот раз мы ехали на новенькой «Ниве». Не насторожило нас и то, что на этот раз дорога была почему-то пустынной. Мы не придали этому значения, решив, что причина этого всеобщая нынешняя бедность.

Подъезжаем к подножью гор, а здесь шлагбаум с табличкой: «Перевал закрыт». Это было как гром среди ясного неба.

Однако выходит заспанный капитан с ключами. Открывает замок на шлагбауме со словами: «Сейчас проедете». Мне даже показалось, что в его словах есть какая-то ирония или даже злорадство.

- А что случилось, почему закрыт? Обвал, завал?

- Там увидите, - отвечал немногословный капитан и добавил:

- Ничего, пройдете, «Нивы» ходят.

И на том спасибо, что пропустил.

Мы, как всегда, торопимся. Уже вечерет, а нам нужно засветло перевалить, добраться до орехового леса, а еще до этого подловить редкостную белянку Оксенгеймера.

Бодро мчимся, преодолевая серпантин за серпантинном. Ага, понятно в чем тут дело. Поперек дороги лежит расплывшееся глиняное тело оползня. Он сочится водой, все разбухло, как тесто на опаре, и через него проложена дорога с глубокой колеей в неизмерно вязкой грязи.

Обычное в горах дело: дорогу размыли ручьи и весенние потоки! Прав я был в прошлом году, предрекая перевалу недолгую жизнь.

Погода и на этот раз нас подвела: было сыро, и временами даже моросил дождь. К тому же, ужасающее состояние дороги заставило нас все внимание переключить на нее, так что никаких бабочек мы не видели.

Навстречу ползет трактор, тащит скрепер. Значит, занимаются ремонтом дороги, хотя везде жизнь в Киргизии замерла.

Полосами спускаются ленты снега. Холодно. Сыро. На перевале стоит сизый туман, клубится, как черная вата. Пусто, нигде ни души. Но и это нас не насторожило.

Не задерживаясь, начинаем спуск. Неожиданно дорога раздвоилась, и наезженная колея вдруг пошла в сторону.

- Наверное, объезд, - говорю я, надо бы посмотреть.

- На таких косогорах объезд не сделаешь, - возразил Володя. - Где же его тут прилепишь на крутяке!

Мы едем дальше и вдруг... Что такое?! Дороги дальше нет. Перед нами зияет бездонная пропасть, вниз даже смотреть страшно. Всю дорогу как ножом обрезало, и она ушла, оставив чудовищный провал. Значит, там действительно был объезд. Но ведь такая крутизна! «Здесь, здесь ежайте, - говорит откуда-то появившийся киргиз, видимо, дорожный рабочий, - мигом будете внизу». Еще бы не мигом, когда дорога спускается, чуть ли не под обрыв! Однако раздумывать некогда, и я бесстрашно направляю машину под откос. Узкая дорожка без всяких виллошек и серпантинных спускается напрямик. Крутизна все увеличивается. Никогда бы не подумал, что можно ехать по такой крутизне. Дорога разбита в пыль, я боюсь, что машина пойдет юзом, и поэтому еду по обочине. Включена самая низшая, тракторная передача, да я еще давлю на тормоза.

Кажется, снизу кто-то поднимается, - говорит Володя, - видна красная крыша машины.

- Вот еще не хватало, как же мы с ним разминемся?

Впрочем, размышлять некогда. Мысль одна: «Когда же кончится этот кошмарный спуск?»

Внизу виднеется потерянная дорога, а там стоит красная «Нива», ждет нас. Ее-то мы и видели.

Все, проползли последние метры и можно вздохнуть с облегчением.

Подходит пожилой киргиз, хозяин «Нивы». В глазах тоскливый вопрос:

- Ну, как дорога?

- И не спрашивай! Жуть.

- Круче, чем здесь?

- Пожалуй, да.

- Тогда я не поднимусь. Уже пробовал, не берет. У меня передний мост не работает. Придется объезжать.

А это под тысячу километров лишнего пути. Вот что значит перевал через горы. Но близок локоток...

А для нас все закончилось. Господи, какое облегчение!

Зимой Володя встречался с профессором Данилевским. Он энтомолог и подобно нам, каждый год ездит в экспедиции на своем «Уазике-таблетке».

- Знаете, - сказал он, - нынче мне пришлось проезжать перевал Колдому, а там такая заковыка! Дорога обвалилась, ну и натерпелся я страху, пока объезжал! А вы, случаем, там не бывали?

Дорогой басмачей

«... Вид с перевала заставил нас остановиться: перед нами открылась панорама исполинских снеговых гор.

...Массивный снеговой хребет, как стена, протянулся передо мной на расстоянии каких-нибудь 30 верст, ...перед нами была местность, едва известная под именем Алай, а что лежало за нею, было никому не известно».

Так описывал увиденное в 1871 году с перевала Тенгизбай молодой путешественник А.П.Федченко, впервые достигший пределов Алая и Памира. Мы же теперь наблюдали как раз обратную панораму: стоя у подножья Заалайского хребта в местечке Арам-Кунгей, в широком створе долины реки Алтын-Дары разглядывали Алайский хребет, протянувшийся перед нами высокой зубчатой стеной.

- Там Тенгизбай, - Володя махнул рукой в сторону Алая - Прямая дорога на Фергану.

- Ну да, дорога басмачей, - поддакнул я. - Тогда, в 30-е годы им было удобно по горным тропам делать набег на Фергану, а потом прятаться в непроходимых памирских ущельях, в той же Мук-Су. Вон, кажется, и тропа виднеется.

И верно, под вершиной Алайского хребта была еле заметна горизонтальная паутина, очевидно, тропа, пересекающая осыпистый склон.

- А теперь и нам предстоит там проехать, - продолжал сын. - Сократим дорогу километров на 500-600.

- Ты что, шутишь?

У меня чуть мороз по спине не пробежал.

- Там же нет никакой дороги. Вот и на карту взгляни. Это же Алай, пятитысячные вершины. С басмачами нам не сравниться, те на конях гоняли.

- И все же, говорят, есть. В Дараут-Кургане все уверяют, а что карта, так она устарела. Все местные по этой дороге ездят, а мы что, хуже? Тем более, на «Ниве» чего бояться!

У меня нет основания не доверять сыну. Наверное, и на самом деле дорога есть. Но вот какая? Я примерно представляю, что такое местные, да еще и самодельные дороги. Иногда волосы дыбом становятся от вида узкой дорожки, выощейся по краю бездны. Что-нибудь подобное и здесь. Однако пылить по кочковатой дороге через Алайскую долину в Ош тоже не сладко. А здесь Фергана рядом, сразу за горами, а мы торопимся в аэропорт, куда через три дня должна прилететь Тоня - Володина жена.

Чтобы успокоить себя и убедиться в существовании сомнительной дороги я стал расспрашивать местных жителей при каждом удобном случае.

- Есть, есть, - подтвердил молодой киргиз, учитель из местной школы. - На Кызыл-Кию. Ее строили вскладчину все наши кишлаки. И сами работали, и технику нанимали. Деньги собирали, а у кого не было, баранов сдавали. А я вот строюсь, приехал за водой, - добавил он и умчался на грузовике с флягами в кузове.

18 июля 1993 года. В пять вечера, закончив лов гипоневеле Мауэра в окрестностях Дараут-Кургана, наконец, выезжаем. Отчаянные ребята! У нас, как всегда, не хватает времени. Кончилась вся еда, на исходе бензин, а мы собираемся, купив все это в захолустном кишлаке, сегодня же выехать в сторону совершенно неизведанного и даже таинственного перевала.

Кинулись в магазины, а они все уже на замке. Поздно. Местные девушки, у которых мы пытались наводить справки, хихикали, глядя на нас, а особенно на Володю, обросшего и немытого, в истрепавшейся, бедной одежде. Вот тебе и европейцы в дикой стране! Про бензин и говорить нечего, все государственные заправки давным-давно позаброшены, а частных еще нет. Что делать? Казалось, выхода не существует. «А мой знакомый школьный учитель! - вспомнил я. - Он живет где-то на выезде». Едем в конец поселка, выглядывая строящиеся дома. Их много, и все их делают из необожженного кирпича, попросту из глины. Уже вечер, и все копошатся как муравьи. Где же в этой массе людей найти моего знакомого? Но вот вижу, как высокий киргиз машет нам рукой. Он! Ну, и «богач»! Как и все, он строит свой «особняк» из земли, которую берет тут же из ямы рядом со стенами дома. Запыхавшись, объясняю ему свою обстановку.

- Да, да, - кивает головой наш друг, - я бы вас пригласил попить чаю, но раз вы торопитесь, возьмите вот хоть пару лепешек. А бензин можете купить тут у частника рядом, за дорогой. Он, конечно, берет дороже, но другого здесь нет.

Добрый киргиз объясняет, как найти продавца бензина, и мы через 10 минут уже стучимся в дверь уютной лачуги. На наше счастье хозяин дома. Заходим в жилище только из любопытства, чтобы посмотреть,

как живут нынешние, «освободившиеся» киргизы. Это глиняная хижина, небеленая даже внутри. Прихожая и комнатенка. Пол земляной, чердака нет. Тут же молодая жена и люлька с ребенком. Какие-то коврики на полу и стенах. Низенький стол, сундук и тумбочка с радиоприемником. Запах дыма смешивается с запахом кислого молока. Типичные ароматы скотоводов. Кривые деревянные балки выпирают из потолка.

- Вот так и живу, - словно оправдываясь, говорит молодой еще парень, - пока не разбогател.

Да, действительно, убого. Так же жили и 100 лет тому назад. Бензин у него в ржавой фляге из-под молока. Но бог с ним, главное, что это все-таки горячее, пусть даже оно продается втридорога!

Итак, мы вышли из положения и можно отправляться в путь. Но уже вечер, и наши планы не распространяются дальше того, чтобы найти дорогу, отъехать за населенный пункт и встать на ночлег. Мы уже знаем, что путь на перевал идет из соседнего ущелья, из кишлака Кызыл-Эшме. Кишлак выдает себя большим кладбищем, примостившимся у дороги на склоне горы. Немного жутко от вида высоких шестов с развевающимися конскими хвостами, рогами теков и черепами животных.

Смеркается. Жители кишлака провожают нашу машину удивленными взглядами. Остановились рядом с молодым киргизом, чтобы окончательно уточнить дорогу.

- Ехать можно, - говорит он спокойно. - Я вчера там проезжал... на «Урале». 12 километров дорога хорошая, а потом будет похуже.

Через три километра ущелье расширилось, слева открылся боковой отщелок. Рядом ручей, родник и даже дорожка, ведущая в соседнее ущелье. Тут же пришлось решение вставать на ночевку именно здесь. Тем более, что уже поздно, и темнота опустилась в ущелье. Сегодняшнюю программу мы выполнили, но вот поужинать не успели и опять остались даже без чая. Лишь завели движок, как тучей повалили ночные мотыльки. Наскоро перекусили лепешкой и за дело.

Ночь была тихая, ясная, безлунная. Свет нашей лампы разрывал черную тьму южной ночи, озаряя сразу три горы. Летели удивительные бабочки, а больше всего серые древооточцы с длинным хвостом и острым шильцем на конце. Были волнянки, бражники, много медведиц кайя. Сборы получались огромные, пожалуй, одни из самых больших за сезон. С трудом оторвавшись от счастливой охоты, лишь в три ночи улеглись спать, подстелив под себя тент. Уже не как цыгане, а хуже, как измученные бродяги. Вставшее утро высветило новые прелести нашего ущелья и местечка, где мы остановились. Рядом огромная рыжая скала, испещренная выбоинами и лунками, а из-под нее струится чудесный прозрачный родник. Но любоваться красотами нам некогда. Володя засел за раскладку пойманных ночью бабочек, я же, увидев сидящих на берегу ручья паралаз (это оказались Роксаны), кинулся их ловить. Мелькнула огненно-оранжевая желтушка Романова, да какая яркая! И летает, как птица, не догнать. Услышав мои возгла-

сы, сын бросил раскладку и присоединился ко мне. Вскоре мы стали обладателями четырех паралаз и двух желтушек. Хорошее начало!

Возбужденные удачей, радостные уезжали мы со стоянки. Вокруг теснились каменистые, крутые откосы гор. Они серо-розового цвета, заросшие арчой, эфедрой и колючей вишней. У их подножия и вдоль речки, бегущей по дну, зеленая кайма зарослей.

А по дороге тоже сочится крохотный ручеек. Светлые прозрачные струйки, растекаясь, смачивают полосу каменной дорожки не менее чем на 300 метров длины. И вдоль этой сырой полоски сидят бабочки: темные паралазы, оранжевые желтушки, гипоневеле, голубянки.

- Райское местечко! - так и ахнул я. - Гонялись за двумя бабочками целых два часа, а здесь их десятки.

- Да, такое я вижу впервые, - признался Володя, - желтушки Романова сидят кучками, как это бывает у боярышниц.

Разморенные жарой, бабочки взлетали неохотно, к тому же, когда их много, они теряют обычную осторожность, а потому ловить их не составляло большого труда. Я подвожу сачок против головы сидящей бабочки, слегка шевелю ободом, заставляя ее взлететь, и тут же у земли подхватываю сеткой. Почти так же делает Володя, но делает это, не церемонясь. Взмахом сетки он вспугивает бабочек, а затем легким движением догоняет в полете. Вначале у нас были одиночные удачи, которым я шумно радовался, но потом дело пошло на поток и каждый раз вскрикивать от успеха уже надоело. Но, кажется, никогда еще за эту поездку я не был счастлив так, как сейчас.

- Скажи кому, что одним взмахом сачка поймал сразу семь желтушек Романова, разве кто поверит! - воскликнул я после очередного особо удачного броска. - Разве это не рекорд!

Володя молчал. Приглядевшись, я понял, что он увлекся ловлей одной из голубянок.

- Агродиаetus ифигенидес – очень интересная бабочка, - пояснил он. – Надо обязательно подловить.

Нас не покидало радостное чувство, что мы попали в край непуганых бабочек, в леса счастливой охоты. Казалось, эти места забыты людьми, природа девственна и никто не нарушает ее красоту и гармонию. Не насторожил нас и грузовик, промчавшийся мимо. Расставшись с заповедным ручейком ярких желтушек, за следующим поворотом мы обнаружили поляну орхидей, сплошь заросшую цветущим ятрышником. Но далее идиллия кончилась вместе с ущельем, которое замыкалось горным цирком с короной палево-желтых скал, венчающих гребень Алайского хребта. А у подошвы красноватых глинистых предгорий приютился целый поселок скотоводов с овцами, кошарами, юртами, хижинами и людьми.

Вся дорога впереди теперь просматривалась до самого вершинного гребня. Она извивалась по склону, делая серпантины, и перевал по всем признакам был совсем близко. У меня как камень с плеч свалился: долой страх перед Тенгизбаем, еще немного, и мы будем на вершине. Зато теперь возрастает мое нетерпение: сейчас взбежим, а там такое увидим!

Но Володя методически и не торопясь ходит и ходит среди чахлах кустиков редкой здесь растительности, и все машет, и машет сачком. Крупных и ярких бабочек пока не видно, но есть крохотные и малоизвестные сартские червонцы.

Вброд переехали шумную речушку, бегущую из-под кирпичных вершинных скал. Здесь склоны заросли ярко-красным эспарцетом, начались серпантины. Сбоку стоят несколько юрт, женщины, мужчины смотрят на нас. Вдруг видим, из зимовки снизу к нам бежит киргиз, машет руками, кричит, просит остановиться.

- Иди, молока хоть попей! Отдохнешь.

- Некогда. Торопимся! - кричу я в ответ. - Спасибо!

- Стой, стой! Сказать надо.

Пришлось остановиться.

- Дети сейчас уехали на грузовике. Голодные. Торопились, еду не успели взять. Вот, передайте им.

Сует в руки лепешки.

- А это вам гостинец. Два кусочка курта.

- Да мы, скорее всего, их не догоним. Мы по дороге останавливаемся и едем медленно.

- Обязательно догоните. Они еще тише едут.

Пришлось взять, хотя я был почти уверен, что мы никого не догоним. Но не хотелось обижать стариков.

Десять серпантинных и мы на перевале. Правда, перевал какой-то странный. Дорога от него, не снижаясь, тянется вдоль склона, опоясывает гору и под скальными башнями уходит далеко-далеко, в конце заворачивая за утес.

Навстречу едет грузовик с пьяными пассажирами в кузове. Остановились рядом, машут руками:

- Айда с нами, выпьем!

Кое-как отстали, а Володя сказал, когда они уехали:

- В следующий раз не надо останавливаться в людных местах. Пьяные могут и побить.

- Ничего себе людное место на высоте под 4000! Кто же знал, что они здесь появятся. Ты лучше скажи, это перевал или еще нет?

- Конечно, нет. До перевала еще далеко, километров десять.

- Да, да, понятно, - протянул я. - Теперь я понимаю, что тогда из Арам-Кунгея мы видели паутинку как раз этой дороги под вершиной.

- Да, здесь хитро обошли крутое, узкое ущелье, сделав удобный объезд из соседнего. Дорога хорошая, не очень крутая, сухая и без оползней. Народ сам строил, а он соображает лучше любых проектировщиков.

Мы въехали в предвершинный каменный цирк. Сверху над нами нависали утесы, вниз уходил очень крутой осыпистый склон, на котором четко выделялась зигзагообразная змейка древней тропы, ведущей из настоящего ущелья Тенгизбай. Ослепительное солнце било прямо в лоб, и окружающие нас скалы, несмотря на высоту в четыре с лишним тысячи метров, казалось, дышали жаром.

Мелькнула черная, как смола, бабочка.

- Паралаза гадес! - воскликнул Володя и выскочил с сачком. - Не знаю бабочки чернее этой, - сказал

он, возвращаясь с добычей. - Ее всегда ловят поодиночке на скалах на высоте в 4000 метров.

Через минуту появилась вторая паралаза и тоже стала нашим трофеем.

Вскоре дорогу нам преградили каменные завалы. Были и каменюги размером с дом. Где объехав, а где расчистив россыпь, по узеньким проходам-туннелям кое-как протиснулись между огромных валунов.

Еще немного и за поворотом обозначился спуск. Это значит, что мы на самом гребне Алайского хребта. Справа все та же гигантская скалистая башня вершины, впереди спуск в долину Исфайрамская, а на юг открывается грандиозная панорама гор Памира, которая так поразила когда-то путешественника Федченко. Мы тоже, очарованные картиной горных исполинов, пытаемся найти видимые отсюда сразу три семитысячника из четырех, имеющих в Советском Союзе. На пик Кауфмана, то есть на вершину Ленина, мы уже давно нагляделись, а вот прямо перед нами, выглядывая из-за гребня Заалая, торчит самый высокий острый пик. Видимо, это пик Евгении Корженевской, а рядом трапедия пика Сталина (Коммунизма).

Едва мы остановились, мой неугомонный спутник тут же отправился на гору, в надежде на поимку парнассиусов симониусов, а я остался один. Снизу слышался шум, и на двух мотоциклах подкатили четыре парня. В белых рубашечках, подвыпившие, трясущиеся от холода. Один сразу подскочил ко мне:

- Одежда есть? Плащ нужен. Видишь, замерзли.

Глаза злые, лезет к машине. Чувствую, что все они на грани того, чтобы в одну секунду превратиться в разбойников, поэтому отвечаю как можно мягче:

- Да нет у нас, ребята, плащей.

- А в чем же ты едешь?

- Вот! - я взял себя за борт пиджака.

- А это что? - тычет в окно машины.

- Так это же рюкзак! - обрадованный тем, что наш плащ завален где-то на дне, отвечаю я и достаю пустой рюкзак.

Парни как-то сразу сникли, и разбойничий пыл у них погас. Я же попросту, что называется, стал заговаривать зубы, спросив, где живут, кто родители и предложил сфотографироваться.

Это действовало, агрессивность погасла, и молодые джигиты с удовольствием позировали, а потом долго диктовали свои адреса.

В общем, расстались мы мирно и даже пожелали друг другу счастливого пути.

Володя пришел, поймав лишь одного парнассиуса инферналиса, и мы тут же начали спуск. По серпантинам съехали в типичную троговую долину. По плоской зеленой равнине, извиваясь, бежит большая горная река. Заболоченные берега, старицы, озера. А вокруг каменные горы, из которых самая эффектная та, что рядом с перевалом. Здесь она еще более живописна: светлые, палевого цвета зубчатые гряды скал, между которых лежат остатки снежников. Вокруг чудные джайляу, и об этом напомнила кавалькада всадников, среди которых выделялся молодой киргиз в красивой национальной одежде и в белой чалме. Они молча проехали мимо, направляясь в сторону зеленой долины.

- Вот уже и бай объявились, - прокомментировал я увиденное. - Едет не один, со свитой.

- Я думаю, что это даже не бай, а хан, - дополнил сын. - Камзол-то у него чуть ли не золотом расшит, а где-то на джайляу его ждет белая юрта.

А у меня страхи как рукой сняло. Перевал проскочили, осталось только спуститься, а это уже ерунда. Так, по крайней мере, мне казалось. Но не приехали и одного километра, как вся эта идиллия кончилась вместе с плоской долиной. Все горы вдруг расступились, образовав перед нами пустоту, и впереди наметился явный провал. Было полное впечатление, что мы стоим перед гигантской ступенькой. Обрыв, пропасть страшной глубины.

- Кажется, сейчас будет круто, - скромно заметил Володя. - Интересно, как же тут пройдет дорога?

- Слишком мало сказано, - поправил я его, - мне кажется, что сейчас начнется обрыв, а река сорвется водопадом. Непонятно, как тут можно съехать, разве что спуститься на парашюте.

И верно, дорога сразу нырнула вниз и пошла серпантинами головокружительной крутизны по навалам крупных валунов.

- Морены, - определил Володя, - сюда их, как бульдозер, когда-то выгаливал ледник. А мы теперь едем по их откосам, а это сорок пять градусов крутизны.

Я не ответил, так как было уже не до этого. Вцепившись в баранку, я впился глазами в бугристую полосу дороги перед капотом машины. Страшные нагромождения обломков скал нависали с одного бока и отвесно падали с другого. Мозг сверлила одна мысль: «Как это хорошая дорога вдруг превратилась в настоящий ад?» Это было как наказание за беспечность, только что я был счастлив, что все позади, и вдруг эта пропасть, свалившаяся, как снег на голову. Вместо ровного гравийного полотна под колесами теперь шла черновая выемка по навороченным булыгам, кочки и петли поворотов чередовались один за другим, к тому же все это с большим уклоном.

Сбоку зияла пропасть, и в нее каскадом белопенных потоков падал Исфайрам. На мгновение оторвавшись от полотна дороги, я увидел в клочья изорванную белую ленту реки. Вид жутковатый и живописный, надо бы остановиться, сделать фотографию, а вместо этого я гнал, торопясь поскорее спуститься. Не дай бог, встречный транспорт, как с ним разезжаться на узенькой дорожке? Теперь же как я жалею об этом!

С надеждой я пытался заглянуть с обочины дороги в глубину ущелья: там, далеко внизу, в пойме реки, будто в яме гигантской глубины путеводной звездочкой зеленела полоска леса и сверкала река, кажущаяся с высоты совсем крошечной. Ах, как хотелось поскорее очутиться там, совсем в ином мире, где так уютно и нет страха!

Мы стремительно теряли высоту, так, что закладывало уши. Наконец появились первые арчевые кусты на склонах, а затем и целые деревья. Уже вечер, темнеет, надо думать о ночлеге, а серпантинам все нет конца. Напоследок дорога была особенно ужасной: сплошные ступеньки, торчащие глыбы, по кото-

рым ползли, скрежеща брюхом, петли поворотов, где за один раз не развернуться, и надо пятиться, едва ли не свисая передними колесами в обрыв.

Уже почти в сумерках съехали в низину, явно на дно давно высохшего озера. Настоящий каменный мешок, со всех сторон окруженный скальными кручами.

Измученные, оглушенные от перепада высот, мы вышли из машины и были поражены теплом и сухостью, почти жарой, царящей на дне ущелья. Это и понятно, ведь, за какие-то 50 минут мы спустились километра на полтора по вертикали. А тепло и духота говорили о том, что мы не только оказались гораздо ниже Алайской долины, но и стояли на пороге жаркой Ферганской страны.

Глухо ворочая камни, рядом редела река, вокруг теснились, вздымаясь высоко вверх, черные утесы. Всюду лежали огромные глыбы скал, меж которыми росли древние тополя с узловатыми, корявыми стволами. Под ногами шуршала сухая листва (а ведь была только середина июля), в свете нашей лампы, зигзагами пересекая черный бархат неба, носились стаи летучих мышей.

И опять мы опоздали, да и слишком устали, чтобы готовить ужин. И тут я вспомнил про лепешки, которые должны были передать киргизским ребятам. Как я и ожидал, никого мы не догнали, и переданные лепешки могли съесть сами. Заочно поблагодарив ховаял, мы с удовольствием поужинали домашней выпечкой, показавшимися нам необычайно вкусной.

Наутро, уверенные, что все трудности позади, мы не торопились, ожидая встретить впереди легкую дорогу. Вчера проезжающий мимо на лошади киргиз сказал: «Дальше дорога будет лучше, надо только проехать бугор».

Что это за «бугор», мы узнали уже через полкилометра пути. Опять пошли серпантины, может быть, не такие страшные, как вчера, но, подобно оврингам, прилепленные, к отвесным откосам. Смотришь: впереди дороги нет, она упирается в вертикальную стену. А подъехал и обнаруживается под стенкой крутой поворот. Дорога чуть ли не прыгает со ступеньки и вьется дальше вниз, но уже в обратном направлении.

Кое-как съехали с этого «бугра», и тут пошли один за другим полуразрушенные мосты. Деревянные, с шатающимися, полугнилыми бревнами - настилом, с огромными дырами, через которые видна кипящая пена бешеной воды.

Ущелье расширилось, выположилось, дорога пошла наезженнее, ровнее. Не успели мы успокоиться, ожидая увидеть первые кишлаки и людей, как из бокового ущелья вырвался горный поток. Брод! Плюхнулись в воду, весь передок захлестнуло, струи хлещут через капот. Конечно, свечи и трамблер намочили, но мы уже выскочили на мелководье. Подсушились, и снова вперед. Последним испытанием был железный мост, вставший «на попа». Подмытая с берега, одна опора провалилась, и мост вздыбилось под углом градусов в тридцать. Проехали и его. Вскоре горы расступились и начались сады. Впереди замаячили домики первого кишлака. Все, приехали!

Но не успели мы умилиться от вида обжитого края, как дорогу перегородил шлагбаум.

- Вы нарушили правила, проехав по запрещенной для эксплуатации дороге, - заявил нам деревенский гаишник, еле державшийся на ногах от перепоя.

Вот тебе и вознаграждение за все страхи от пройденной дороги! Но мог ли какой-то гаишник испортить нам радость от того, что мы переехали через Алайский хребет!

По пути Семенова Тянь-Шанского (За патрициусами на перевал Кокпак)

Эту поездку, может быть самую впечатляющую или, по крайней мере, не уступающую по драматизму и опасности переезду через перевал Тенгизбай, мы совершили, заканчивая сезон 1993 года и, можно сказать, совсем неожиданно.

Возвращаясь из путешествия по Западному Тянь-Шаню в Алма-Ату, я был абсолютно уверен, что на этом заканчиваю свой сезон и вдруг ультимативное предложение Володи: надо обязательно съездить на перевал Кокпак под Нарынколом. Ничего себе: чуть ли не к подножью Хан-Тенгри, Повелителю Духов, в страшные горы, куда ходят лишь альпинисты, пробираясь по вьючным тропам. Куда же нам соваться на машине! Я пробовал, было протестовать, доказывать нереальность, даже абсурдность маршрута, но сын переломил меня и настоял на своем. А теперь, когда все позади, как я благодарен ему за это! Своими глазами я увидел картину грандиозного хребта во главе с Хан-Тенгри, о которой с восторгом писал знаменитый путешественник П. Семенов:

«... Часа три я пробыл на перевале, чтобы полюбоваться таким величественным видом, подобным которому едва ли можно где-либо встретить в мире...»

И речь здесь шла именно о том перевале, куда нам предстояло ехать.

Конечно, в эти места Володя стремился не случайно. В 1990 году он уже побывал здесь, пройдя несколько десятков километров от Нарынкола по гребню хребта четырехкилометровой высоты. На вершинах и остром, как лезвие ножа, гребне встречался чуть ли не нос к носу с горными козлами.

- Стоим друг против друга в каком-то десятке метров и мне, и козерогам деваться некуда, - рассказывал Володя, - с обеих сторон почти непроходимые отвесы скал. Потом потихоньку, осторожно ступая, теки стали спускаться, обходя меня сбоку.

На перевале Кокпак он нашел очень интересного и красивого парусника патрициуса из рода парнасисусов. Потом его знакомый любитель-энтомолог из Германии профессор Розе описал его как новый подвид, назвав именем первооткрывателя. Вот эта бабочка и была главной целью экспедиции, но, конечно, не единственной.

Нас трое: Володя, Тоня - Володина жена, я, да еще собачка Робин. Смешной скотч-терьер служит у нас послом мира при любой встрече, а особенно у

юрт чабанов. Никто не может удержаться от доброй улыбки, глядя, как маленькая собачка на кривых ножках бесстрашно бежит знакомиться с огромными и очень злобными чабанскими волкодавами.

Ранним утром, выехав из Алма-Аты, по Кульджинскому шоссе мчимся прямо на восток. За Кегенем сворачиваем в ущелье Каркары. Оно меня неожиданно порадовало хорошим лесом из тянь-шаньской ели. Удивительно, что на картах лес нигде не показан, хотя Семенов упоминает о нем все время. Река бушует и пенится, разбиваясь об утесы и обломки гигантских скал, свалившихся в воду. Ущелье очень оживленно, то и дело встречались всадники: в верховьях реки много летних пастбищ-джайляу. Еще одна приятная неожиданность: хорошая гравийная дорога, бегущая по дну ущелья.

Поднимаясь на перевал, Семенов свернул в боковое ущелье реки Кокджар. Это не совсем понятно: ведь оно узкое, скалистое, в то время как основное ущелье, напротив, расширилось, превратившись в обширную плоскую долину, очень удобную для передвижения.

Мы тоже сунулись было по Кокджару, рискованно переехав вброд через Каркару, однако ужасная дорога (а скорее отсутствие ее) заставила повернуть назад. Отчаянные ребята! При нас на броде застрял грузовой «ЗИЛ», а мы благополучно проползаем мимо, на прощанье помахав рукой бедолаге-шоферу.

Дороги мы не знаем, а чабаны, почти не говорящие по-русски, ничем не могут нам помочь. На всякий случай забираем левее (ведь Кокпак где-то к востоку от нас), благо дороги здесь веером расходятся во все стороны.

Видно, что мы уже в самых верховьях реки. Дорога по выемке стала взбираться на гору, и долина внизу как на ладони. Всюду овцы, лошади, люди, юрты. Человек шесть женщин кагают шерстяной рулон - изготавливают войлок. У другой юрты режут барана. Струйки дыма поднимаются над юртами, над кострами. Вот где видишь настоящий Казахстан, страну скотоводов и чабанов!

А дорога все хуже. Теперь уже видно, что в этом году никто здесь не проезжал, так как вся она усыпана свалившимися обломками камней, и поэтому Володе то и дело приходится выскакивать из машины, чтобы расчищать проезд. Но вот препятствие гораздо сложнее: наш путь пересекает грохочущая по камням речка. Воды не так уж и много, но русло завалено гигантскими каменными глыбами. Здесь только на «Урале» ехать, да и то с опаской и осторожностью. Кое-как перебрались почти ползком. Не успели вздохнуть с облегчением, а чуть отъехали, опять такой же брод. Этот переезжали уже чуть ли не в сумерках, поэтому не было так страшно, в основном за днище машины, которое вполне мог пропороть острый валун.

Володя, как штурман, с анероидом в руках следит за набором высоты, отмечая каждые 100 метров подъема. Очень важно подняться как можно выше, тогда и пешком останется меньше добирать.

- Три сто! - отметил он в очередной раз. - До перевала осталось всего 400 метров.

Очень неплохо, я никак не ожидал, что по бездорожью на машине можно забраться так высоко, почти на вершину Терскея.

Выехали в травянистый, почти болотистый предвершинный цирк. Колея вдруг исчезла, мы едем по косогору, заросшему низкорослыми альпийскими травами. В логу стоит юрта, мужики, женщины, овцы, все столпились, глядя на нас.

- Правильно ли на Кокпак едем?

На лицах отразилось еще большее удивление.

- Эх вы куда забрались! Кокпак совсем в другой стороне. Вы как раз на Мингтур попадете.

- А как же нам теперь быть?

- А ничего, так и езжайте, - вмешался пожилой киргиз. - Там на горе дорога есть, по ней и до Кокпака доберетесь.

Сразу отлегло, не зря корячились.

- Хорошо вам здесь на природе. Красота, свежий воздух...

- Да уж и хорошо! - иронически протянула молодуха. - Каждое утро лед в ведре намерзает в палец толщиной. Вот переночуете, сами увидите.

Но это уже ерунда. Главное, высоту набрали. Еще усилие, и мы уже почти в темноте вскарабкались на вершинный взлобок. Перед нами широкая седловина, вся в травяных кочках, какие бывают на сазах, высокогорных болотах. За овальным плоскогорьем почти угадывалась огромная долина внизу, а за ней горный хребет весь в тучах. Дикое, заброшенное в горах место. И вдруг далеко внизу замерцали огоньки поселка. Один огонек отделился и двинулся в нашу сторону. Из долины Сары-Джаза поднималась машина! Я сразу вспомнил узкую дорожку, поднимающуюся от реки Оттук в каменную теснину Сары-Джаза, которую видели когда ездили за локсиусами на Каинды. Вот она куда ведет!

Натужно гудя, на гору выполз трехосный «ЗИЛ» и проехал мимо нас прямо по вершинному плоскогорью.

Полностью стемнело. На небе зажглись звезды. Почти зимняя стужа, казалось, стекала с обледенелого хребта стоящего перед нами. Но настроение самое радостное. Еще бы! Мы забрались на перевал через Терскей! Даже Робин, чувствуя нашу радость, с задорным лаем бросился во тьму исследовать незнакомую территорию.

Превозмогая холод, быстро разожгли костер, поставили палатку и забрались внутрь, чтобы поужинать, погреться да и укладываться на ночь. Страшно было ложиться на сырую, кочковатую землю, которая, казалось, до сих пор еще не оттаяла с зимы. Снаружи тянул пронизывающе промозглый ледяной ветерок.

- Эй, вы, лежебоки, выходите полюбоваться панорамой, - донесся из-за палатки Володин голос. - Такого вы больше нигде не увидите.

Над горами стояла ночь. Небо полностью освободилось от туч, и взошедшая луна осветила заснеженный, мерцающий голубоватым блеском хребет напротив. Зазубренная стена из остроконечных пиков протянулась от края до края с запада на восток, а где-то ближе к левому краю, возвышаясь над всеми, острым клыком торчала трехгранная пирамида Хан-Тенгри.

В глубокой бездне у наших ног лежала долина Сары-Джаза, чуть правее внизу мерцали огоньки культурного центра, чабанского поселка, отмеченного на карте. Да, чтобы увидеть эту панораму стоило перебороть в себе страх и преодолеть тот нелегкий путь, что мы проехали накануне! Можно понять радостное волнение путешественника П.П.Семенова, первого из европейцев, увидевшего в 1857 году эту картину:

«...Когда же мы добрались около часа пополудни к вершине горного прохода, то были ослеплены неожиданным зрелищем. Прямо на юг от нас возвышался самый величественный из когда-либо виденных мной горных хребтов. Он весь, сверху донизу состоял из снежных исполинов, которых я направо и налево от себя мог насчитать не менее тридцати. Весь этот хребет, вместе со всеми промежутками между горными вершинами, был покрыт нигде не прерывающейся пеленой вечного снега. Как раз посредине этих исполинов возвышалась одна, резко между ними отделяющаяся по своей колоссальной высоте, белоснежная остроконечная пирамида, которая, казалось, с высоты перевала превосходящей высоту остальных вершин вдвое...

...Только когда погасли последние лучи, освещающие своим розовым блеском величественного «Царя духов» (Хан-Тенгри), я удалился в свою палатку».

Вот и мы теперь любовались этой панорамой при неярком свете луны.

Ночью мы мерзли, донимал ледяной ветерок, да и бока отдавали жесткие кочки под пологом палатки. Уже на рассвете выгнал холод. На крыше палатки слоем белого снега лежал иней. Трава под ногами хрустела, как пересохшее сено. Как и говорила киргизка, остатки чая промерзли почти до дна.

Вершины заснеженной белой стены алели в розово-желтом пламени взошедшего солнца. Теперь мы могли как следует осмотреться. Мы на гребне Терской Ала-Тоо, как раз на водоразделе бассейнов рек Или и Аксу в Китае. Это очень широкий и пологий увал, заросший мелкой степной травкой, похожей на типчак и называемой здесь кобрезией. Много мелких альпийских цветов, похожих на ромашку, но разноцветных: оранжевых, сиреневых, белых. Огромная долина Сары-Джаза - сплошное зеленое джайляу. Но сейчас оно пустынно, нигде не видно ни скота, ни юрт, ни людей. Стоянки есть ниже, в долине Турука (так называется верхняя часть реки Каркары) да в боковых ущельях притоков Сары-Джаза, укрытых от холодных ветров.

Широкая спина Терскея, полого поднимаясь, вела на восток. Мы долго ехали по разьеженной, сырой дороге; миновали стойбище из нескольких юрт с приткнувшимися к ним вчерашним «ЗИКом» и поравнялись с каменной горой, стоящей по левому боку. Впереди был спуск, на этот раз очень ненадежный, крутой, затяжной, по землистому откосу, сочащемуся водой и уводящему в глубокую долину, за которой просматривались далекие вершины.

- Вот там и есть Кокпак, - узнал Володя. - Надо спуститься на дно этой впадины, а потом подняться вон на ту гору. Там и есть перевал, на котором я ловил патрициусов.

- Крутовато, - заметил я, с недоверием разглядывая извилистую, разьеженную и с глубокими колеями дорогу, виляющую меж скалистых останцов, торчащих всюду по склону, - тем более, что весь откос взялся водой. Похоже, здесь еще ранняя весна, и снег стоял только вчера.

Но делать нечего, я осторожно тронулся, хрустя ночным ледком. Уклон все круче и все больше ручейков струится по нему. Вдруг задние колеса ухнули в яму, и машина остановилась, как вкопанная. Газанул - колеса прокрутились, и моя «Нива» плавно осела еще ниже.

- Я же говорил, теперь не выбраться, - заканючил я. - Засели по самое брюхо, как в болоте!

- Какое болото, когда всюду камень, - засомневался Володя.

- А ты посмотри: сплошь дробленка в воде. Настоящая трясина!

И верно, каменная топь да еще и на откосе. Ничего не придумаешь более парадоксального. Впервые в жизни такое встречаю.

- Блокировку! Включай блокировку, - подсказал сын.

Передвинул рычаг устройства, исключаящего пробуксовку колес, с замиранием сердца отпустил сцепление, и машина послушно вылезла из цепкого капкана.

Здесь выбрались, но дальше дорога еще хуже, сплошная хлябь и вся в воде, ручьи сочатся из-под каждого бугорка.

- Все, дальше ехать нельзя, - снова забрюзжал я, - если и спустимся, то назад не выбраться. В Каркару за 60 километров придется идти, трактор нанимать. В миллион прогулка обойдется.

Володя молчит, значит, в принципе согласен. Выехали назад на бугор. Что делать? Попытаться найти бабочку здесь? Но Володя возразил: «Патрициус бабочка такая, что на одной горе есть, а на соседней не найдешь. Лучше уж дойти до места пешком. Думаю, за три дня управимся: день туда, день обратно и одного дня хватит, чтобы половить».

Володя с Тоней быстро уложили вещи, благо в запасе была и маленькая палатка специально для пешей экскурсии.

- Может быть, Робина оставите? - предложил я. - Зачем вам такая обуза? У него и ног-то нет, так, какие-то кривые культяпки.

Тоня не согласилась, и Робин весело заковылял рядом с ними. Совесть меня все-таки мучила. Может и проехал бы я до Кокпака? Туда добираться километров 16, а то и все 20. Но ведь такая глушь! Искушать судьбу было слишком опасно.

Собираясь в одиночестве куковать несколько дней, я отъехал от дороги и встал, спрятавшись за один из скальных останцов, рваными зубьями всюду торчащими по плоской поверхности зеленого, кочковатого сырца.

Поставил палатку, постель застелил всем, что у меня было, вплоть до тряпичных чехлов из машины, но только лег спать, как сразу почувствовал пронизывающий ветер, холодный сырой хиус, потянувший с востока на запад. Я наглухо застегнул палатку, но от

этого мало что изменилось. Несильный, но дующий ровно и не ослабевающий ни на минуту, ветерок, как насос, вытягивал тепло не только из палатки, но даже из моего спального мешка. Потому и спалось неважно, было холодновато, неуютно и казалось, что я пребываю где-то в воздушном эфире, покоясь на струях ветра.

Зато утро встало ясное, солнечное. Перед глазами, чем бы ни занимался, куда бы ни шел, все та же роскошная панорама снежной стены. На первый взгляд кажется, что это один хребет. Именно так воспринимал его и Семенов, называя всю видимую цепь гор одним хребтом Тенгри-Таг. На самом деле здесь в одну панораму накладываются одна на другую сразу несколько цепей: Сары-Джаз, Адыртор, Иныльчек и собственно Тенгри-Таг, в котором и находится величайшая вершина Тянь-Шаня - Хан-Тенгри. В конце XIX, начале XX века разгадкой этого узла занималось много экспедиций разных путешественников и более всего в этом преуспел немец Мерцбахер. Он и определил местоположение Хан-Тенгри.

В первый день я совершил прогулку на вершину ближней горы. Она скалистая, с полосами снега по кулуарам, у основания поросшая мелкой травкой, самым ярким цветком которой был желтый альпийский мак, на фоне темной зелени, полыхающий как огонек.

В затишье у скалок порхали чернушки (меланопс) - нежные, будто бархатные, бабочки. Мелкая оранжевым исподом, мимо промчалась желтушка, наверное, Штаудингера.

Под ногами хрустела мелкая осыпь из жесткого, как наждак, известняка. Где по скалам, где по осыпям я поднялся на вершину. Отсюда был хороший обзор на пойму Сары-Джаза. Сейчас пустынная, она казалась суровой, даже мрачноватой. Бугристая, буровато-зеленая древняя морена, заросшая мелкой травой. Видно, как на нее выползают два ледника - Семенова и Мушкетова.

Над вершиной, состоящей из развалившихся на отдельные глыбы скал, вилась пара неутомимых белянок - понтий каллидиц. Стремительно пролетая меж скал, волками рыскали красные крапивницы. И тут же пронеслись две светлые бабочки, явно парнассиусы. Неужели патрициусы? Но летуний уже и след простыл, и вопрос так и остался без ответа.

Слева от меня гора Аюсай с огромным осыпистым боком, исполосованным паутиной дорожек и троп. Легкий шорох скатившегося вдалеке камня заставил меня поднять голову. Под самой макушкой горы, вдоль вершинного гребня медленно пробиралось стадо горных козлов. Серые, на фоне таких же по цвету осыпей, они были почти незаметны, и лишь движение выдавало их присутствие. Они даже не шли, а вышагивали, осторожно и чутко ставя ноги, чтобы не уронить камня. Мне стала понятна их тактика. Идя по гребню, они бы отчетливо выделялись на фоне неба, а так, на фоне склона буквально растворялись, невидимые ни с одной, ни с другой стороны.

Я же спустился по снежному восточному склону и попал в чудесное местечко, в каменистую котловину, где всюду журчали ручейки, обрамленные изумрудной зеленью. В замкнутом со всех сторон

пространстве было тепло и тихо, даже душно. Тут во множестве резвились бабочки, среди которых выделялись крупные, черноватые дельфиусы. Сильные парнассиусы, они носились, как угорелые, но мне уже было не до них. Я устал так, что еле доплелся до лагеря.

«Сейчас упаду и буду долго отдыхать», - мечтал я, забираясь в палатку, но тут же выскочил назад из-за промозглой сырости, исходящей от земли. Обычно палатка, концентрируя солнечное тепло, днем нагревается до духоты, здесь же, в высокогорье в ней было холодно, как в погребе. «Нет, пожалуй, стоит перебраться в машину, - решил я, - там хоть не будет продувать».

Опять наступила ночь, и если бы не струи воздуха, то можно сказать, что было тихо. Легкие порывы ветра волнами доносили шум Сары-Джаза. Издалека он вовсе не казался грозным, а, наоборот, даже успокаивал. Я лежал в машине, а из окон во все стороны открывался вид на звездное небо. Не мигая, звезды светились ярко, будто умытые. Машину слегка покачивало ветром, словно толкая в бок.

Глубокой ночью я проснулся и обомлел. Прямо напротив, далеко-далеко на вершине Кокпака горел огонь, как раз там, куда ушли мои энтомологи. Неяркий, но совершенно отчетливо видный. «Сигнал бедствия! - первое, что пришло мне на ум. - Что-то случилось с Володей и Тоней, и они жгут костер. Чего еще ради им подавать сигнал в два часа ночи?». Еще и еще раз всматривался я в красное пятнышко, нет, в багровую точку на краю небосвода, она мерцала ровно и не тухла. Может быть, звезда? Но нет, она была гораздо ярче других, отличаясь цветом, почти кровавым на фоне других, светившихся золотистым блеском. Свет фары идущей машины? Спутник? Время шло, а огонь горел на одном и том же месте, хоть тут же и иди спасать. Я терялся в тревожных догадках, успокаивая себя, что это какой-то обман зрения. Была еще мысль, что путешественники замерзли и просто-напросто греются у костра.

На рассвете огонь погас, и я наблюдал, как вспыхивали оранжево-розовым светом макушки самых высоких гор, и прежде всего Хан-Тенгри. Цветной свет разливался по всей цепи гор, я чувствовал, как искрился и мерцал обледневший за ночь снег на гребнях и склонах хребта. Постепенно цвет все более тускнел, из розового превращаясь в белый.

Огонек горел и в следующую ночь и точно в том же самом месте, но теперь, поразмыслив, я пришел к убеждению, что это яркая звезда, по случайному совпадению восходящая прямо на макушке горы.

Скучно мне не было. Я, то любовался панорамой, то ловил бабочек, то отдыхал, раздумывая о чем угодно. Погода стояла отличная, и лишь временами легкое облачко цеплялось за макушку Хан-Тенгри. Удивительно, но, обозревая раскинувшуюся передо мной панораму, мне стало казаться, что я вижу округлость земли. Впрочем, я уверен, что так оно и было, ведь замечаем мы это, глядя в иллюминатор высоко летящего самолета.

Людей я не видел, и лишь дважды пролетал вертолет, перевозивший альпинистов к вершине Пове-

лителя Духов. Одиночество горной пустыни со мной делила краснобрюхая горихвостка, жившая где-то поблизости и то и дело подлетавшая к палатке, чтобы проверить, здесь ли я еще. Лишь изредка надо мной пролетал какой-то крупный хищник, пустельга тряслась в небе, да вдаль кричали альпийские галки.

На третий день легкая дымка стала заволакивать небо, и я решил, что это пришла пыль из Центральной Азии, из пустынь Западного Китая. Но во второй половине дня дымка превратилась в тучи, заморосил дождь, и временами даже сыпалась снежная крупа. Я уже не на шутку стал беспокоиться, причем не столько за своих путешественников, они-то выберутся из любого снежного плена, а вот с машиной можно застрять.

Смеркалось. Я уже собирался ложиться спать, как из-за ближайшего бугра, в наступающей темноте вдруг выросли две фигурки с рюкзаками на плечах. Пришли! И как ни странно, рядом семенит живой и здоровый и, даже как будто не очень уставший, Робин. Тоня чуть живая, даже говорить не может, а Володя вполне бодрый.

- Ну, и как вы там, живы, здоровы?

- Все нормально, дошли в первый же день. Там кругом джайляу, юрты. Угощали, даже приглашали ночевать. Бабочки были, но мало. Поймал штук 10 хороших, но самок не попалось ни одной.

- А костер не жгли?

- Мы вообще огня не разводили, пили ключевую воду. А пришли раньше, потому что боялись снегопада. Завалит - может лежать несколько дней.

- Была только одна проблема, - добавила Тоня, - Робин сбил ноги об острые камни, а так путешествие он перенес хорошо.

Всего десять бабочек, а сколько волнений, страхов и приключений! А машина, которую гоняли за четыреста километров по жуткой дороге! Стоят ли всего этого наши скромные трофеи? Конечно, стоят! Чтобы увидеть эту потрясающую панораму гор Центральной Азии, можно пойти на любые жертвы.

На следующий день мы уезжали. В последний раз бросил я взгляд на вершину Повелителя Духов. Горную цепь затягивала пелена туч, но макушка горного пика острым клином высилась над морем облаков, будто плавающая в безбрежном океане неба.

Сюрпризы Кураминского хребта

Кураминский хребет, что на границе Узбекистана и Северного Таджикистана, мы пересекали трижды и все в разных местах. Впервые это было в 1994 году. Двигаясь из Ташкента на юг, мы проехали Алмалык и направились на рудник Алтын-Топкан (Золотой сундук), находящийся в Таджикистане. Место мне знакомое по служебной командировке в 1960 году.

Дома поселка протянулись вдоль ущелья. У здания конторы русские женщины старательно красят бронзовой краской гипсового Ленина. Наверное, раньше делали такую работу с безразличием, теперь с видимым тщанием и любовью к бывшему вождю. В таких случаях говорят о ностальгии, но это скорее осознание происшедших событий и тревожных

реалий наступившей новой жизни. Тогда, в бывшей социалистической стране, как в стойле для скотины, жилось легче и беззаботней. Теперь свобода, но нужно думать, как выживать. Многим прошлое кажется утерянным раем. Кроме того русских беспокоит их судьба, вдруг оказавшихся на чужбине, да еще и с ярлыком колонизаторов.

А дорога поднимается все выше мимо отработанных и давно брошенных карьеров. Вокруг арчевые леса, очень похожие на густые ельники.

- Смотри, самолет! - показываю я на бескрылый кукурузник, стоящий на самой верхушке горы. - Там же дом и радиолокационная станция.

А вот как попал туда самолет, это осталось для нас загадкой.

Здесь уже довольно высоко, около 2000 метров. Склоны заросли нежной травкой, среди которой синим цветом выделяются целые поляны цветущих иксиларионов. Есть зверобой, эремурусы, белые ирисы и огромные розовые шары диковинного лука.

Тутукают удоны, стонут сибирские горлицы, кричат кукушки и поют соловьи.

На склоне горы, почти сплошь заросшем розовым астрагалом, мне попала парочка очень мелких темных голубяночек. Увидев их, Володя проявил самый живой интерес:

- Ого, ты поймал туранану! Это самая замечательная находка за весь день. Этот род плохо изучен, и в нем еще много неясного. Надо ловить еще, а для этого стоит здесь заночевать.

Набрав воды из артезианской скважины, лагерь мы разбили ниже перевала на обочине заброшенной дороги. Место очень живописное, хотя и рядом с отработанным карьером. Вот пример того, как природа сама залечивает нанесенные ей раны. Не надо только ей мешать. Уступы уже частично заросли деревьями, вокруг разнотравье. Прямо перед нами глубокое лесистое ущелье, наш западный склон сплошь зарос весенними цветами. Слышно было, как в лесу пели птицы, а над ступенями карьера кружила пара грифов.

Утро 3 июня встало ясное и теплое. Из-за того, что мы закрыты горой, солнце долго не касалось нас, и, ожидая его, мы слушали, как поют дрозды дерябы, заливаются соловьи и истошно кричат кукушки. Слышался и голос арчевого дубоноса.

Часа два мы обшаривали степной склон, заросший кочками и целыми клумбами нежно-зеленых акантолимонов и розовых астрагалов, так любимых многими голубянками. Турананы так малы, что их трудно даже углядеть. Микроскопические малявки трепыхались в кустиках пахучей полыни и низко вились над колючими акантолимонами, едва не путаясь в их острых шипах. Цепляя сачки о колючки, мы кое-как наловили с десятков туранан, после чего продолжили свой путь через Кураминский хребет.

С вершины перевала открылся вид далеко на юг. Серым силуэтом вырисовывались горы Могол-Тау, в дымке угадывалась долина Сырдарьи, город Ходжент, еще недавно называвшийся Ленинобадом. Виднелись, заводские трубы поселков Табошар, Чарух-Дайрон.

Еще больше поразило нас чудо акустики: с одной стороны был слышен гул вентилятора в Алтын-Топкане, а с другой - отчетливые человеческие голоса, и шум автомобилей из Табошара. Будто из окна самолета я смотрел на эту картину и думал о том, как мала земля: с одной точки обозревался изрядный кусок земного шара на территориях сразу двух государств: Таджикистана и Узбекистана.

Вниз пошла каменистая и пыльная, но вполне сносная дорога. Заросший арчевниками с севера, с юга Кураминский хребет пустынен и изрядно обожжен солнцем. Кругом почерневшие камни, серые скалы и лишь кое-где по низинам выглядывают редкие и уже изрядно побуревшие кустики жимолости и караганы.

Незаметно въехали на уютные зеленые улочки Табошара. Это явно сталинский городок, построенный ради добычи урана в сороковые-пятидесятые годы, когда лихорадочно торопливо делали первые атомные бомбы. Теперь все здесь полузаброшено, но на высоком каменном заборе сохранилась грозная надпись: «Стоять! Стреляют без предупреждения», как нельзя лучше характеризующая эпоху Сталина.

Совсем рядом большой город Ходжент (Хужант на месте Эсхаты Дальней Александра Македонского), благословенная Сырдарья, а мы, не доезжая, сворачиваем на большую трассу влево и едем вдоль, южных, выгоревших склонов Кураминского хребта. Он тянется серой, каменной громадой.

- Давно мечтаю заглянуть в эти горы, - признался Володя, - в который раз проезжаем мимо, и меня всегда грызет совесть, что ни разу ни в одно из ущелий не заезжал.

- Да, моя тетка Зинаида из Ташкента, геолог, где-то здесь долго работала на разведке, - отозвался я. - Вот только где именно, представления не имею.

И мы свернули с дороги, направившись в сторону проклятых солнцем гор. Нигде никаких признаков жизни, все пустынно, да вдобавок к этому жуткой зной.

Пропустив два расщелка, мы въехали в третий. Никаких признаков ни речки, ни ручья. Скалистые гребни розового гранита протянулись по обе стороны ущелья. Чисто, нигде никаких следов ни людей, ни скота. Дно усеяно острыми обломками камней; их все больше и они все крупнее. Кажется, что они лежат здесь со дня сотворения мира, да и кто отважится проникнуть в эту раскаленную духовку!

Ущелье оказалось довольно коротким, и вскоре мы уперлись в огромные валуны, свалившиеся со склонов горного цирка.

День клонился к вечеру, и невыносимая духота стала спадать. Тишина окружила нас, лишь легкий ветерок посвистывал в скалах, да где-то с жалобным писком тревожилась пустынная каменка.

- Да, не богато, - протянул Володя, выходя из машины. - Одна полынь да вот еще ферула, но и она почему-то не цветет.

Однако быстренько собрался и полез на каменистый склон.

Разморенный жарой, я отдыхал в тени скалы, не в силах чем-либо заняться. Часа через полтора пока-

зался Володя, и уже издалека я увидел, что он чему-то загадочно улыбается.

- Мне нужно поставить пятерку, - заявил он, устало опускаясь на землю. - Я еще в прошлом году намечал сюда навеститься и не ошибся.

- Что-то интересное? - мою сонливость сняло как рукой.

- Вот смотри... гипоневеле... видишь, что-то совершенно необычное для Тянь-Шаня. Большая, темная, шикарная. Похоже, она из группы давендра. Скорее всего, еще не описанный вид. Я их срубил целых 16 штук.

- Здорово! Можно и определить, и описать.

- Надо бы побольше, но их не так много. Прячутся по скалам и сигают, как молнии.

Ночью нас кто-то пугал, гавкая и лая, а мы все гадали, кто бы это мог быть: филин или лиса. А утром, забравшись на скалы, караулили открытых вчера незнакомок. Как и в любой пустыне, утренние часы были наполнены прохладой и блаженной негой, и обитатели ущелья спешили воспользоваться этим коротким моментом. Вот пролетел ярко-желтый махаон - этот одинокий бродяга, король вершин, не терпящий присутствия других бабочек. Невесть откуда вдруг появилась парочка белянок канидий, и было просто удивительно, как могли выживать в этой каменной пустыне такие изнеженные и утонченные создания.

- Вон... смотри! - Володя показал в сторону утеса, еще погруженного в тень. - Они только начинают летать.

Контрастно раскрашенная гипоневеле ползала по скале, набираясь тепла, чтобы взлететь. Вот взлетела одна, откуда-то вынырнула другая. Пока не наступила жара, гипоневеле резвились в солнечных лучах, как и все другие бабочки. Здесь цвела розовая кузиния, и они охотно присаживались на пахучие шары соцветий. Да, новые для науки бабочки могли летать лишь в таком вот забытом богом и людьми месте!

Казни амударьинские

В Узбекистане отчетливо начинаешь понимать правоту знаменитого немецкого натуралиста Б.Гржимека, сказавшего горькие слова: «Для диких животных места нет». Плотность населения здесь зачастую такова, что не только диким животным, уже и людям негде жить. Сплошные поселки тянутся без перерыва на сотни километров. По долинам рек уже всюду вырублены пойменные леса, и на их месте теперь живут люди, строят дома, разводят сады и огороды. Лишь вдоль Амударьи, где проходит граница с Афганистаном, за проволочным ограждением, так называемой «системой», построенной СССР, пока еще сохранился настоящий тугай, узкой полосой тянущийся вдоль реки.

Чтобы побывать там, мы приехали в Термез для получения разрешения на въезд в погранзону. Из советской литературы мы знали о существовании заповедников «Тигровая балка» и «Арал-Пайгамбар» на острове посередине Амударьи.

– Что вы! – воскликнул молодой замначальника погранвойск, выслушав нас. – Ни в коем случае. В «Тигровой балке» сейчас театр военных действий. Вы же смотрите телевизор, душманы все время лезут из-за границы (дело было в 1994 году), а «Арал-Пайгамбар» вообще разбомблен нашей авиацией. В 88-м году афганцы высадились там, вот и послали туда самолеты. Поезжайте-ка лучше на 10-ю погранзаставу, – посоветовал он, подписывая пропуск. – Там хорошие тугай и начальник толковый. Сейчас я ему позвоню.

И вот мы на погранзаставе километрах в пятнадцати от Термеза. Она притулилась к желтой сопке с развалинами древней крепости на вершине. Аккуратные домики за забором, вышка с одиноким наблюдателем. Любопытные солдатки окружили нас. Им скучно в этой глуши, поэтому любого нового человека встречают с неподдельным интересом. Угощаем их сигаретами, купленными заранее специально для этой цели.

На заставах мы не впервые. В удаленных уголках, например, кое-где на Памире, встречают очень сердечно. Так вышло и здесь. Старший лейтенант, совсем еще юный, но с железными нотками в голосе, выслушав Володю, протянул руку и представился:

– Дима.

Тут же по рации четко приказал:

– Двух солдат с автоматами и рацией срочно ко мне!

И пояснил:

– Без охраны я вас не оставлю, это опасно.

Тут зазвонил телефон, начальник взял трубку, послушал и кому-то доложил:

– У нас все в порядке, если не считать, что на остров высадилось одиннадцать афганцев. Ведем за ними наблюдение.

Вскоре к нам подошли двое солдат в полном обмундировании и с «калашниковыми». Я в ужасе: один из солдат двухметрового роста. В «Ниву» втиснулись с большим трудом. Автоматы упираются в потолок. Открылись ворота, и мы проехали, оставив след колес на вспаханной полосе, в святая святых – на нейтральную полосу.

Солдатик-узбек, открывавший ворота, доверительно сказал нам:

– В тугай не ходите без оружия, опасно.

– А что там опасного?

– Как что! Кабанов много, и змеи есть. Кобры. Злющие!

Наши провожатые, на вид степенные (хотя обоим всего-то по 19 лет) ташкентцы Вовян и Олежка. Уже через минуту мы были в курсе всех бытовых дел на заставе.

Узнали мы и о том, что на чужом берегу три кишлака (дома и глинобитные заборы были хорошо видны невооруженным глазом). В этом году засеяли 150 га наркоты. Другого им ничего не надо. Отправляют через нашу границу. Там у каждого человека есть автоматы, пулеметы, пушки и даже танки. Стреляют каждый день просто так, для забавы. Я вспомнил слова Димы: «Не знаю, чем будем отбиваться, если полезут на заставу, у нас ничего нет, кроме стрелково-

го оружия, а все афганцы вооружены до зубов. Стреляют без промаха».

– Сейчас воды в Амударье много, а вот спадет, тогда начнут к нам ходить в гости, – сказал Вова.

– Ну и что тогда?

– Ловим. Иногда отстреливаемся. Недавно на соседней заставе двух наших офицеров убили. После этого из Ташкента приказали послать авиацию. Бомбили их берег в отместку (это еще при Советском Союзе).

Мы ехали по песчаной дороге, усеянной кусками и целыми ворохами колочей проволоки. Рядом роскошный тугай, развесистые туранги, цветущая джида, заросли эриантуса: что-то вроде камыша, но еще мощнее и выше и с мохнатой метелкой на верхушке. Восхитительный медовый аромат цветущей джиды обволакивал нас волнами.

Я выехал на голый бугор и остановился. С высоты открывался хороший обзор на афганский берег.

– А вот останавливаться здесь не стоит, – сказал Олег, – очень уж привлекательная мишень – ваша красная «Нива». Кто его знает, возьмет кто, да и пальнет с того берега.

Замечание было очень верное. И как я сам об этом не догадался!

В кустах летали голубянки Христофа и тугайные, а также жемчужные хвостатки. Гипермнестры гелиос, на которую рассчитывал Володя, не было.

Зайцы-толаи лениво пересекали дорогу. Длинные и причудливые палочки сидели на веточках кустарников. Узенькие тропки уходили в таинственную глубину тростниковых дебрей. Кое-где за ними блестела водная гладь Амударьи. Выход к реке нам строго-настроено запретил Дима. За ней – Афганистан, там тугая уже почти не осталось. По голому берегу бродит скот, ишаки режут, петухи поют. Берег весь открытый, ни зарослей, ни кустов.

Мы встали у кромки леса и сварили аппетитный суп из тушенки. Потом долго и неторопливо пили душистый чай. Ребята остались довольны, однообразная солдатская еда давно надоела.

Через каждые полчаса Олежка включал рацию и докладывал обстановку. Толковые ребята, деловые, хотя по возрасту мальчишки.

Наконец стемнело. Завели генератор, включили свет, и тут началось. Бабочки полетели сплошным потоком, закружились, завертелись в дикой пляске вокруг лампы, мелкие, крупные, огромные. По песку у ног сустились здоровенные, мохнатые, страшноватого вида мохнатые фаланги (пауки), медведки – несурзные создания, напоминающие большущих сверчков, с ревом носились гигантские жуки скарабеи, носороги, жужелицы, водолюбы, скорпионы двух цветов: черные и желтые.

Отправляя нас, Дима приказал ни в коем случае в тугае не ночевать. Мы и не собирались этого делать, зато провели у лампы до трех часов ночи, после чего, довольные ловом, поехали спать на заставу.

Сборов было так много, что на их раскладку и упаковку ушел почти весь следующий день. Наши сборы пришел посмотреть и полковник, тот самый, что давал нам пропуск, приехавший на заставу с

контрольной проверкой. Он долго с мальчишеской любознательностью разглядывал насекомых, удивлялся их многообразию и количеству. Потом признался, что в ближайшее время уезжает.

– Уже есть назначение, – сказал он, – в Карелию.

И добавил:

– Жалко уезжать, привык я здесь. Я же в Термезе вырос, здесь моя родина. И этих козявок, что вы собирали, мальчишкой тоже ловил.

А я подумал о том, сколько человеческих судеб поломано в эти последние три года.

На второй вечер мы решили ловить на другом месте. Встали на щебнистом склоне горы, поближе к Амударье. Сразу, как только включили свет, полезло несметное количество жуков. Их было так много, что в воздухе стоял едкий запах, и я не на шутку боялся отравиться – слегка подташнивало, и начинала кружиться голова.

И вдруг в глухой темноте совсем рядом послышалось несколько автоматных очередей. Наши ребята засуетились, по рации пытались связаться с заставой, но из-за горы слышимости не было. Полезли на гору и через несколько минут прибежали взволнованные.

– Объявлена тревога! Прорыв границы рядом с нами. Надо срочно возвращаться на заставу. Уже выслана группа на задержание.

В несколько секунд мы побросали вещи в машину. Страху никакого не было, но в голове стояла одна мысль: успеем ли удрать? Ведь наша лампа в темной безлунной ночи была слишком хорошей приманкой для душманов. Может быть, на этот яркий свет они и полезли!

– Скорее, скорее, – торопили ребята. – Прорыв совсем близко, всего в трех километрах от нас. Духи могут появиться в любую минуту. Возьмут в заложники.

Словно подтверждая их слова, со стороны заставы взвилась сигнальная ракета.

Фары включить не разрешили, я ехал вслед за Олегом, который бежал, освещая дорогу фонариком. Сюда ехали по свету с опаской. Очень уж страшной показалась крутая дорога по склону горы, а сейчас в темноте проехали и забыли обо всех страхах.

Все же мы благополучно добрались до ворот заставы. А здесь сюрприз: тревога ложная! Оказывается, в автомашине, развозившей наряд, кончился бензин, а рация отказала. Вот они и стали подавать сигналы бедствия стрельбой.

Мы вернулись, чтобы продолжить лов. Я ехал и думал о том, что в работе у пограничников много от детской игры в войну. Да и сами они все почти мальчишки, даже их командир Дима. Хотя ведь гибнут же вот совсем рядом, буквально на соседних заставах. Значит, это вовсе не игра, а суровое испытание.

Через три дня мы прощались с Димой, с ребятами, ставшими для нас почти родными.

– Как у вас с бензином? – спросил Дима. – Залейте все емкости, что у вас есть. Литров двести я могу дать.

А мы молчим, так как вчера ночью под покровом темноты солдаты тайно продали нам две канистры бензина. Других емкостей больше нет. От бутылки

водки, что мы хотели подарить Диме от чистого сердца, он наотрез отказался, а мы как-то постеснялись настоять.

– Оставьте себе, – посоветовал он, – у вас путь еще длинный, вам эта бутылка понадобится самим. Мало ли что ждет вас в дороге.

Милый, добрый Дима! Он оказался не прав, и, забегая вперед, скажу, что из четырех бутылок, что выкупила жена дома по водочным талонам и по льготной цене и дала нам в дорогу, как разменную и безотказную в наших краях валюту, не пригодилась ни одна. Две мы просто потеряли, забыв где-то на бивуаке, остальные привезли назад домой. Спроса на них за три месяца путешествия не оказалось, хотя бензин мы выпрашивали и покупали у многих. В кишлаках дехкане не пьют.

Через два месяца, объехав почти весь Узбекистан, мы снова направились в Термез. За это время все бабочки сменились, и Володя рассчитывал ловить совсем другие виды.

На заставе тоже произошли изменения: Дима уехал, но сменивший его Руслан встретил нас как старых знакомых. Он сделал все, как и его предшественник: вызвал проводника, и мы поехали за проволочную ограду в «зону».

Стояла июльская жара, не то, что в прежний приезд, в мае. Но тугай был все тем же: зеленой стеной, стоящей вдоль реки.

Вечером, только включили свет, началось настоящее столпотворение. Мотыльки, всякие козявки, а более всего жуки и жучки полетели сплошной тучей. Стучаясь о машину, они тут же падали с шорохом осыпающегося песка, и вскоре мы почувствовали их на себе, на своем теле. Они осыпали нас сотнями, тысячами, лезли по лицу, под рубашками, шекотали, царапались, пребольно кусались, а самое главное, попадали в глаза. Есть такие хищные жуки-жужелицы со страшными клещами-кусачками. Как тянет такой неожиданно под рубашкой, так и закружишься, заплываешь, причитая и взвизгивая, будто ужаленный шершнем. Многие жуки выделяют специфический запах; на простыне, на которой мы их ловим, он сохраняется годами (непонятно, почему это свойство не используется в парфюмерии). Мне он кажется ароматным, приятным, хотя Володя и не разделяет этого мнения. Здесь жуков было так много, что в воздухе повисло едкое газовое облако. Газ разъедал глаза, слизистую оболочку носа и кожу лица. Мелкие жучки стафилины (размером с самого мелкого муравья), кроме того, что кусались, лезли в глаза, совершенно не давая возможности работать.

– Накомарники! – вспомнил я.

Мы плотно затянули тесемки накомарников, которые до сих пор еще ни разу не употребляли. Это немножко облегчило положение, но ненадолго.

– Я больше не могу, – отбежав в сторону, сдался Володя. – У меня горит все лицо, жжет шею и раздрает нос.

Такого с ним еще никогда не бывало, обычно терпение его не знает границ. На лице и шее появились красные пятна и волдыри, как от ожогов. Под лампой и у простыни росла гора из осыпавшихся

мелких жучков. Она шевелилась и расплзлась в стороны. От нее-то и исходил ядовитый газ.

– Так и самих нас может завалить, – невесело пошутил я, – похоронит вместе с машиной.

Тут сообразил Володя:

– Будем присыпать их песком. Доставай лопату.

Мы отгребали живую горку и присыпали песком. Дышать стало полегче, но через несколько минут куча опять вырастала, и все приходилось повторять. Машина, кусты вокруг, палатка – все обросло живым ворсом из насекомых: кузнечиков, кобылок, сверчков, ночных бабочек. Рядом пели соловьи и жабы, курлыкали лягухи, выли шакалы, да так близко, что заглушали шум движка. Мы всего этого не замечали, так как работали изо всех сил. Мимо прогрохотал шедший из Душанбе в Москву поезд (дорога сразу за проволочным ограждением). Ни в одном из окон его не светилось ни одного огонька. Они были затемнены и закрыты шторами.

– Как в войну, – сказал я. – Граница-то рядом. Как трахнут с афганской стороны из пушки. Могут просто так, ради забавы. Чего с них спросишь!

Сами мы со своим ярким светом работаем под прикрытием турангового леса. Нас с афганской стороны не видно, хотя, очевидно, зарево все-таки есть.

Когда уже в 4 часа ночи, закончив лов, мы вернулись к палатке, наш охранник, похрапывая, спал "без задних ног". Заряженный «калашников» валялся у входа.

– Вот пример, какую биомассу могут составлять насекомые, – сказал Володя, отпихивая ногой автомат в сторону. – Из мельчайших жучков набираются тонны.

Весь день после этого мы ходили с распухшими руками и лицами. Залечивая раны от волдырей, мазались тавегиловой мазью, а потом купались в мутной и холодной воде Амударья. В горах Памира усиленно таяли снега, и река шла полноводная, желтая от ила и песка. Держась за тальниковые прибрежные кусты, мы окунались в воду и со страхом поглядывали на стремительные водовороты и бешеные воронки, которые крутила мощная река.

Дневных бабочек было совсем немного: голубянки Христофа, редкие гипермнестры да обычные степные желтушки. Пели соловьи, захлебываясь, кричали лягушки, с афганской стороны доносилось пение петухов и рев ишаков. Своего охранника Лешу мы покормили и отпустили на заставу с наказом больше не присылать нам телохранителей. Амударья так разлилась, что вряд ли душманы решились бы сейчас переплывать ее.

Следующей ночью, хотя мы и переменили позицию, все повторилось так же, если не сказать, что летело еще сильнее. Только включили свет, как сразу же началась свистопляска. И откуда только брались все эти жучки, мотыльки и моли! Но на этот раз мы придумали еще более хитрый способ, чтобы избавиться от несносных жучков. Мы автоматизировали процесс, выкопав наклонные канавки. Живая куча из насекомых поплыла от нас самотеком в заранее выкопанные в песке ямы глубиной не менее полуметра. У нас тоже текло... из носа, из глаз.

В самый разгар самоотверженного сражения со стафилинами, щелкунами, жужелицами и скакунами сквозь рев движка совсем рядом с нами, буквально за ближними кустами раздались истеричные вопли, стоны и плач. Наши старые знакомые – шакалы «приветствовали» нас своим излюбленным способом.

Так выдержали мы три дня «египетских казней». В последний день резко усилилась пальба на том берегу. Строчили пулеметы, и бухали пушки.

– Кажется, нам пора отсюда драпать, – решил Володя, – как бы не высадили десант на наш берег. А у нас даже охранника с оружием нет. Чего доброго, еще влипнешь в историю.

Уезжая, мы слушали радио. «Свобода» передавала, что в Афганистане идут упорные бои.

Дракон из гор Бабатаг

Из Термеза мы едем на север долиной реки Сурхандарья. Наша цель таинственные горы Бабатаг. Они тянутся справа безжизненной белесо-серой глыбой. Туда нет никаких дорог. Горы не скалистые и не земляные, а какие-то песчано-глинистые. Крутые склоны их, где и троп-то почти нет из-за их недоступности, поросли редкими деревьями и кустами фисташки, миндаля и диковинного парнолистника. Вид необычный и живописный. Предгорья имеют вид земليстых зеленых гребней, за которыми выглядывает высокий главный хребет. Там розовые, белые, серые шрамы обрывов километровой высоты. Наша задача подлезть как можно ближе к этому главному гребню. Уже к вечеру, плутая без всяких дорог, взобрались на высокую макушку. Здесь паслась отара овец и коз. Стали расспрашивать про дорогу, а пастухи - молодые парни - ни слова не знают по-русски. Это редкий случай, обычно все мужчины владеют русским хорошо. Мы уж и не рады, что обратились к ним. Они настоящие дикари: лезут в машину, вытаскивают вещи, разглядывают. Кое-как отстояли свое добро (возможно, они и не хотели ничего украсть или отобрать).

Высоко в небе величаво парили грифы. Стервятник «выплыл» из-за края горы и пролетел мимо, совсем рядом; я слышал, как свистит ветер в его перьях. Где-то прокаркал ворон. В траве нежилась огромная, полутораметровая безоная ящерица грязно-желтого цвета - желтопузик. Увидев нас, она зашипела и по-змеиному быстро поползла. Извиваясь, тело ее шелестело по земле, точно протягивали толстый резиновый шланг.

Вечером свет нашей лампы осветил склоны близлежащих гор, заросших фисташкой. Летели бабочки, ранее нами не виданные. Древоточец, сам пестрый и с розовыми крыльями, необычные совки и пяденицы. Шустрые тараканы, крупные, овальные с прозрачно-черными крыльями падали с лета, а потом подпархивали, и, суетясь, торопливо бежали по освещенной полянке. На западе, в стороне гор Кугитанг-Тау громоздились тяжелые тучи и сверкали молнии. Мы боялись грозы, но на нас упало всего несколько капель, и на этом все кончилось.

Утром на коне приехал толстый узбек в длинном до пят, стеганом халате. Он долго сидел, пил с нами

чай и вытирал выступавший на лице пот полой халата.

- Здесь живет очкомар, - сказал он и, раздвинув руки, показал его размеры.

- Зем-зем? - переспросил я, зная, что так туркмены называют варана.

- Да, - подтвердил узбек, - он доит коров.

Поднялось солнце, и залетали желто-белые крупные бабочки. Это оказались гипермнестры гелиос. Володя от них в восторге, ведь до сих пор этих бабочек находили только в низинных долинах рек с тугаями. Здесь же сухие горы и единственное растение, на котором может жить гипермнестра, это древовидный парнолистник.

Я остался у машины, а Володя отправился в сторону высоких гор. Отошел метров на двести. Издалека слышу его невнятный крик:

- Баран!

Мне никак невдомек, чего это баран так привлек его внимание. Видимо, дикий. Кричу ему:

- Архар что ли?

А он опять, теперь уже по слогам:

- Ба-ран! Ба-ран!

Тут я больше догадался, чем услышал: не баран, а варан. А это совсем другое дело. Встретить песчаного крокодила большая удача. Не многие натуралисты могут похвастаться, что видели его живьем в природе. Хватаю фотоаппарат и к нему. Подбегаю, запыхавшись.

- Где варан?

- Да вот же перед тобой.

И правда, в кусте миндаля сидит здоровенная, как большая собака, двухметровая ящерица. И убежать не собирается, а только шипит, как паровоз, да пасть раскрывает и машет раздвоенным, как у змеи, языком. Кожа, как панцирь, в шипах и шишках, будто в чешуе. Сам желтовато-серый с поперечными темными полосами по спине.

- Ого, такого опасно трогать!

- Еще бы! Он ведь черепашек раскусывает своими челюстями. И желтопузиков лопают как сосиски. А еще хвостом размахивает колючим. Как даст по ногам, мало не покажется!

Я сфотографировал варана, но он сидел в тени. Шипел и раздувал брюхо. Стали его выгонять, а он ни в какую. Потом вскочил и, дергаясь из стороны в сторону, побежал на коротких кривых ногах. Топот стоял такой, будто побежала не ящерица, а настоящий конь.

Свесив хвосты, на ветвях колючего миндаля сидели крупные ящерицы агамы. Черепахи, удивительные черепахи-скалолазы карабкались по каменистым кручам. Они срывались и скатывались вниз, как обломки камней, и панцири их были в щербинах и зазубринах шрамов от падений и ударов о скалы. Желтопузики, агамы, черепахи - варану было чем здесь закусить. Но кто бы подумал, что эта гигантская ящерица живет не в песчаной пустыне, а на каменистых кручах гор!

Сегодняшний день был явно днем варана. Уже под вечер у города Шерабада Володя исследовал безжизненный и каменистый расщелок. Вернулся он с необычной ящерицей в руках.

- Герпетологи из университета просили привезти какую-нибудь агаму, - сказал он, словно оправдываясь.

Ящерица была необычно яркая: желтая с черными поперечными полосами поперек спины. Время от времени она открывала рот, показывая раздвоенный язычок.

- Непонятно, какого вида эта агама? - сказал Володя и вдруг спохватился: - Так ведь это же детеныш варана! Только у него одного из всех ящериц такой раздвоенный язык. Настоящий Змей-Горыныч!

В горах Кугитанг-Тау

Шерабад - это уже самый юг Узбекистана. Поймав несколько сатиров-энерват, Володя сказал:

- Скоро их будет здесь тысячи. Появление сатиров означает приход лета.

А было всего-то 6 мая. Здесь, в окрестностях Шерабада уже позже, в разгар лета в придорожных кустах миниатюрной акации, похожей на мимозу, ловили карликовых голубянок галба. Я думал, что мельче уже не бывает, но проехали еще немного и в овражке обнаружили массу еще более крошечных, совсем микроскопических малявок - голубянок трохиллос, роящихся над травой, слегка похожей на лебеду. Их было так много, что они напоминали рой черных мух, вьющихся над ароматной приманкой.

По пути в Кугитанг нас заманили на ночевку пойменные заросли на берегу речушки. Только включили свет, как вместе с совками полетели огромные пестрокрылые муравьиные львы пальпарусы. Слово геликоптеры, трепеща крыльями, они напоминали больших стрекоз. Однако кусались они не хуже, чем хищные клопы редувии.

Утром мы были под величественной полосатопестрой мраморной стеной Кугитанг-Тау. Панцирем огромной черепахи горы лежат между Туркменией и Узбекистаном. Недавно (в начале 90-х годов) они получили известность из-за сенсационных публикаций в центральных газетах о находках в этих горах пещер-ловушек. В течение веков дикие животные и даже люди проваливались в подземные пустоты и, накапливаясь там, сохранялись до нашего времени в виде мумий. И вот все это открылось спелеологам. Журналисты, конечно, многое приукрасили, но факт все равно интересный и занимательный. Ничего этого мы, естественно, не видели, да и не ставили такую цель.

Мы въехали в скалистое ущелье и были очарованы чистым ручьем, бегущим в каменном ложе. Утесы розового цвета, будто источенные водой сахарные глыбы, в оспинах и щелях. Белые известняки зубчатыми гребнями пересекали склоны. По сторонам свежая зелень лугов и посевов. Дехкане убирают давно скошенное и уже высушенное сено.

Проехали кишлак Заробат, утопающий в садах. Арыки, огромные старые деревья, крикливая пестрая детвора. А напротив стоит Кугитанг, обрывающийся полосчатой, скальной стеной не менее чем в километр, а то и более, высотой. Он тянется без перерыва километров на 25, и нигде не проглядывается пути

возможного подъема на вершину. Там, на высокогорном плоскогорье живут совершенно диковинные винторогие козлы мархуры и летают неведомые нам бабочки. Чтобы разузнать, какие именно чешуекрылые обитают на плато, завтра поутру Володя собирается штурмовать неприступную стену. Но вот где? Разве что по узкому каменному желобу - кулуару, что издалека проглядывает среди отвесных утесов. Чтобы не попасть впросак и наверняка разузнать дорогу, Володя ходил к чабану, невдалеке пасшему стадо коз, и тот сказал, одобрив выбранный маршрут:

- Лошадь пройдем, ишак пройдем, человек пройдем, машина не пройдем.

- А су бар? (вода есть?)

- Кудук бар (колодец есть).

Оказывается, в ямах на вершине все лето сохраняется снег. Его-то и используют чабаны, пасущие там стада.

- Они в юртах живут?

- Юрта ёк (нет). Чабан сопсем бедный. Ночует на земле. Заворачивается в шкуру и спит. Сопсем как дикий человек.

Кугитанг - это не сухой и низкий Бабатаг. Достигающий высоты трех тысяч метров, весной хребет пестрит полосками снега, которым забиты скальные кулуары. Здесь уже свежо и прохладно. Дыхание высоких гор отчетливо ощутилось вечером, когда зашло солнце, а мы готовились к ночному лову. Чтобы сохранить силы для предстоящего завтра похода, спать легли пораньше, не позже 12 часов. Но утром по крыше барабанит весенний дождь, и мы вынуждены сидеть в палатке. Володя занялся раскладкой бабочек со вчерашних сборов, а я заполняю дневник. Наша идиллия прерывается неожиданным появлением незнакомого старика. Раздвинув полог палатки, он залез внутрь, уселся на край моего спальника и с пристальным вниманием смотрит за работой Володи. Деликатность не позволяет ему расспрашивать, но заметно, как удивляет его наше занятие. Он качает головой и чмокает губами: «Чего только не придумают эти русские!»

- Пенсионер? - спрашивает он меня, а, получив ответ, добавляет: - Хорошо. Не будешь ходить, карачун стукнет!

И тычет пальцем себе в грудь. Тем не менее, узнав, что мы собираемся лезть на вершину, говорит:

- Зачем пешком? Ишак надо. Завтра ишака приведу.

Он сторож, неподалеку охраняет пустующий сейчас дом отдыха.

Дождь почти кончился, еле моросит, и мы вылезаем из палатки.

Я ворочаю камни, собирая спрятавшихся там жуков.

- Будь осторожен, - предупреждает Володя. - Здесь могут быть опасные змеи. В 1988 году, когда я возил сюда студентов на практику, мы встретились с крупной гюрзой.

- Да-а? - заинтересованно расспрашиваю я, - и как же это было?

- Она сидела вдалеке на камне и грелась на солнышке.

- Да, да, припоминаю, вы же ездили ранней весной, кажется, в марте и вас еще засыпало снегом.

- Все так, - подтверждает Володя, - но я хочу про гюрзу. Вначале мне показалось, что сидит большая жаба. Потом я понял, что это плоская змеиная голова, отвратительная и страшная. Змея вдруг догадалась, что я ее увидел, и тут же исчезла.

Рядом ходит наш новый знакомый, и, помогая мне, тоже переворачивает валуны. Почти под каждым прячутся многоножки - сколопендры и крупные скорпионы, одни черные, другие желто-восковые. Он показывает мне на них пальцем, но я отрицательно качаю головой. Нам они не нужны.

Под очередным камнем лежит свернувшаяся клубком длинная и очень тонкая змейка. Она приподнимает маленькую головку и делает в мою сторону выпад.

- Наверное, это эйрениус! - кричу я сыну.

Очень редкая находка, редчайшей змеи. Кажется, в этих горах ее еще никогда не находили.

Всю ночь моросил дождь, и мы слышали, как стучали капли по палатке. Не дождавшись погоды, на следующее утро мы уезжаем, но дождь уже успел размочить глинистую дорогу, и мы буксуем на подъеме. Нас сносит вбок, а там очень крутой откос горы. Положение критическое, но внезапно я чувствую, как машина, получив неожиданную опору, вылезает на верх крутяка. В зеркало вижу, что это старик бежит за машиной и кидает под колеса камни.

- Давай, давай, не стой! - кричит он, и я с намотанными на колеса огромными комьями грязи выскакиваю на асфальт.

- Какие хорошие здесь старики! - говорю я, чувствуя признание к своему неожиданному помощнику.

- Это что! - отвечал сын. - Вот вчера я встретил старика. Ему лет 90. Сухонький такой, легкий. Пасет коз. Подошел и смотрит, как я укладываю в коробочку бабочек. Смотрит, а сам улыбается. Хорошо улыбается. Как ребенок. Я его спрашиваю: «Здесь заповедник?» Он кивает головой. «А ходить можно?» «Почему нельзя? - удивляется старик. - Ты ведь не пойдешь на мархура охотиться!» А сам все смеется, а во рту три зуба торчат.

Через полтора месяца в разгар лета Володе все-таки удалось штурмовать стену. Ожидая его у подножья, я занимался профилактикой автомобиля, а потом разговаривал с местным чабаном. Он материл Горбачева за развал Союза и все жалел, что нет Сталина, чтобы навести порядок. Оказывается, здешний заповедник называется «Сурхандарьинский», в отличие от «Кугитангского», который находится уже в Туркмении. Я узнал, что вчера волки задрали корову. Есть тут еще дикобраз, мархур, архар и даже рысь, по-видимому пустынная, которую правильно надо называть каракалом.

Мой альпинист вернулся в 8 вечера. Кулуар оказался простым для прохождения и даже не слишком крутым. На платообразной вершине пасут баранов. На запад плато полого идет вниз и кое-где прорезано каньонами промоин. Из бабочек поймал все, что и ожидал: два вида из рода туранана - коричневую кугитангскую туранану, недавно описанную А. Жданко, и синюю туранану цитис.

К лету все высохло и пожелтело. Рядом с Кугитангом пустыня, то глинистая, то песчаная. Издалека виден соляной рудник Акташ (белый камень) Он как зеленый островок в желтой пустыне. Есть еще островки, совсем маленькие - барханы, заросшие пустынными кустарниками и огороженные провололочными заборами. Это микрозаповедники со своей флорой и фауной, и мы не преминули воспользоваться этим. Отвернули проволочку на калитке и зашли внутрь. На верблюжьей колючке сидят златки юлодисы и летают голубянки Христофа, хорошо нам знакомые. Эти микрозаповедники – отличная вещь для таких мест, как Средняя Азия, и тем более, в пустыне. По крайней мере, скот сюда не ходит.

Выехали в пустыню, а тут идет пир горой: на падаль слетелись огромные птицы-падальщики. Сами желто-серые, такие же, как и все вокруг: голая земля, высохшая трава, кусты. Горбатые спины, большие, лысые головы, пушистые воротники на длинных шеях. Штук двадцать грифов и сипов торопливо раздирают тушу дохлого барана. Каждый спешит урвать побольше, боясь отстать от других. Крылья - что бурки, выброшенные на плечи. Башки с клювами, что кувалды. Головы опускают в брюхо, назад дергают, с силой вырывая кишки и целые куски мяса. А чуть в сторонке сидят птицы помельче и постройнее - стервятники. Ждут своей очереди, в драку с более сильными вступать не решаются.

Подобное зрелище я видел только по телевизору, когда показывали Африку. Хотел подъехать, да где там! Падальщики дружно схватили барана и бегом поволокли в сторону. Крыльями машут, а от поживы оторваться не могут. И получилось вовсе не так, как в басне «Лебедь, рак, да щука». Барана дружно и слаженно вмиг оттащили от дороги метров на сто. Пока мы съезжали с дороги и катили по буграм и кочкам, от бараньей туши остались одни ребра, ее раздрали за считанные минуты. Нехотя и с явным трудом грифы и сипы поднялись в воздух и, делая плавные круги, унеслись высоко в небо.

Десять ночей на Сырдарье

Наше путешествие 1994 года по Узбекистану и Таджикистану было в самом разгаре, когда Володе по вызову надо было съездить в Петербург по служебным делам.

20 мая мы были в аэропорту в Ташкенте. Пока я устраивался на стоянке, сын отправился в кассу. Его долго не было. Пришел возбужденный и рассказывает:

- Билет до Москвы стоит 40 тысяч сум-купонов. Смехотворно низкая цена. В 60 раз (!) дешевле российской! Билетов, конечно, нет, но говорят: «Если доплатить до российской цены, то будут...». Пришлось дать на лапу, - закончил он.

И вот началась регистрация. Признаться, такого кошмара в аэропортах я еще не наблюдал. Более двух часов очередь смиренно стояла без движения, наблюдая за битвой у стойки торговцев, грузивших огромные дощатые ящики с фруктами и овощами. Мне непонятна была инертность московских пассажиров, спокойно взиравших на весь этот беспорядок,

реакция сына удивила еще больше. Когда пассажиры с ящиками прошли, и очередь вдруг стала быстро продвигаться, он сказал:

- Какие молодцы пассажиры, ни одного возмущенного голоса!

- Чего же тут хорошего, - возразил я, - самолет уже должен был улететь час назад!

- А ты представляешь, какая заваруха могла бы получиться, начни кто-нибудь из очереди наводить порядок! Иногда следует проявить выдержку и терпение.

Что верно, то верно: нервы у всех на пределе. Перед этим только что объявили отмену всех рейсов в Россию, кроме Москвы. Пассажиры жаловались в Российское посольство. Но и злого умысла усмотреть здесь трудно, горячего не хватает, с ценами неразбериха.

Володя должен был вернуться через 11 дней, и я решил провести все это время в тугаях на Сырдарье. В тех местах мы уже бывали раньше. Это почти 300 километров пути. Далековато, но для машины всего 4 часа езды.

Незнакомое огромного города я боюсь, поэтому выехал рано утром, еще в темноте. Проехал каких-то 100 метров, из-за кустов машет полосатой палочкой гаишник.

- Вы превысили скорость.

- Да я полз как черепаха. В Ташкенте первый раз (это я соврал), ехать-то боюсь.

- Ничего не знаю, плати штраф.

- Сколько?

- Сколько дашь. Лучше если казахстанскими или российскими.

Я дал 10 тысяч сум-купонов. Хватит ему и этого. Но, кажется, он остался довольный. Ни о какой квитанции, естественно, нет и речи. Да, горожане - это не жители деревень.

Рассвело. Из всех дворов выходили хозяйки с ведрами и вениками в руках. Они поливали тротуары и дорогу перед своими домами и подметали мусор. Заворковали горлинки в ветвях деревьев. Старики неспешно вышагивали, направляясь на утреннюю молитву в мечети. Почти незаметно пересек границу с Казахстаном. По дороге уже в Казахстане подвез старика-пенсионера до Чардары. Аксакал жаловался на тяжелую жизнь.

- Вот в Узбекистане живут хорошо, - сказал он.

Я усомнился, так как только вчера от узбека слышал все наоборот. Тот завидовал казахстанцам.

- Нет, нет, - не согласился со мной старик, - они работают от зари до зари, поэтому у них все есть: хлопок, овощи, фрукты. Теперь вот и хлеб стали свой выращивать, у нас перестали покупать.

- А кто вам мешает так же работать?

- Не знаю, - в задумчивости пожевал беззубым ртом старик. - У нас так не принято, мы так не умеем. Мы пасем скот.

Что верно, то верно. Русским тоже далеко до узбеков. Они работают не хуже китайцев. Им бы вот земли да воды побольше. Да они и так раньше других выкарабкаются из ямы развала и разрухи. Так мне казалось, что не оправдалось.

Дорога шла мимо огромных плантаций, засеянных хлопком, рисом, пшеницей. Целые реки воды отводятся для их полива из Сырдарьи. И так тянется до самых низовий. В связи с этим странно слышать разговоры о проблемах Арала. Как же не будет высыхать озеро, если питающие его реки почти полностью разобрали на орошение! И если кто обвиняете в этом Союз, то кто и что мешает восстановить прежние водотоки, а значит, и озеро?

- Недавно приезжали евреи из Израиля, - рассказала учительница-казашка, которую я подобрал по дороге и поделился с ней своими впечатлениями. - Наши хотят перенять у них опыт и технологию капельного орошения. У них воды мало, а это самый экономный способ. Может, что и получится.

- Дай-то Бог, - отозвался я, - только ведь там работают культурно, дисциплина и сознательность людей повыше, чем у нас. Смогут ли наши всю технологию соблюдать? Мы-то привыкли жить широко, вольготно, экономичность это не наш стиль.

Побывав в Средней Азии, начинаешь понимать какое раздолье у нас в Казахстане. Какой простор, сколько земли, сенокосов, угодий! И сразу вспоминаешь огороженные делянки сенокосов в Узбекистане или крестьян-таджиков, голыми руками собирающих траву для скотины. Значит, казахстанцам здорово повезло.

Ночной лов бабочек на свет – одно из увлекательнейших занятий в энтомологии, пожалуй, он оставляет более острые ощущения, чем охота с сачком в знойный полдень. Принадлежности для лова нехитры: белая простыня, портативный электрогенератор (самый удобный из них японская «Хонда», весящая всего семь кг), лампа белого света, морилки для сбора насекомых. Вот основные снасти ночной охоты.

До сих пор не ясны причины, заставляющие насекомых лететь на яркий свет. Но они летят с необъяснимым упрямством, иногда с бешеным нетерпением и с не меньшим возбуждением кружатся вокруг лампы в непонятном нам экстазе.

Ежегодно отправляясь в энтомологические экспедиции, десять сезонов мы с сыном вели сборы ночных бабочек от северных отрогов Алтая до южного Памира, и ни одна ночь не была похожа на предыдущую. Особенно хорошо ловилось в пойменном лесу на левом берегу Сырдарьи. Там, вблизи моста на Арысь есть райский уголок, похожий на садовый парк, старый туранговый лес. Вот и сейчас, приехав сюда поздним вечером, я поставил палатку, выбрав местечко поуютней, а главное, подальше от тропинок и дорог, на лужайке, со всех сторон окруженной развесистыми турангами и кустами тамариска.

Десять дней здесь пролетели как праздник. Днем я гулял по лесу, слушал пение птиц, наблюдал, как порхают роскошные бабочки перламутровки пандоры. Потом выходил на берег Сырдарьи, купался. Как-то, барахтаясь в воде, услышал цоканье лошадиных копыт. Людей здесь почти не было, потому неожиданное появление всадников несколько меня напугало, тем более, что я был раздет и одежда лежала на берегу.

- Ну, как рыбалка? – спросили они довольно добродушно, и, как показалось мне, просто оттого, что другой темы для разговора не нашлось.

Я что-то пробормотал в ответ, и они тут же скрылись, будто растворившись среди леса. В другой раз, и опять-таки неожиданно, прямо к моему лагерю подъехал трактор «Беларусь» с прицепом. Местные жители собирали хворост на топливо и случайно наткнулись на меня. Мы перебросились несколькими фразами.

- Вас сколько? – спросили меня.

- Трое, – бодро и, не раздумывая, соврал я, решив, что так мне будет безопасней.

Эта встреча заставила меня переменить лагерь. Так, на всякий случай застраховаться. Для лова на свет по вечерам я уходил иногда далеко от лагеря, по своему усмотрению выбирая полянку под точок. Взвалив на себя все оборудование: генератор, штативы, морилки, лез сквозь кусты, через дёбри, пробираясь на выбранное место. В десять тридцать заводил движок. Сначала на белом полотне экрана собирается мелочь: комарики, мошки, лесные клопы, за ними наездники, мелкие жучки. Через несколько минут все приходит в движение, создавая сутолоку и суету. И вот уже все завертелось, хороводом закружилось вокруг лампы. Стучаясь об экран и крышу машины, падали крупные жуки. Вскакывая и подпрыгивая от возбуждения, подлетали на прозрачных крыльях огромные жуки-скарабеи. Суетясь, они бегали по земле, как бульдозеры, подминая под себя других насекомых, а потом, зарывшись в сухие листья и песок, замирали до утра. Тихо-тихо в темноте пели сверчки. Их было очень много. Подлетая, они вцеплялись в полотно экрана и, пригревшись под лампой, блаженно замирали. Но некоторые никак не могли успокоиться и, осмелев, начинали негромко пиликать и стрекотать. Через час-два их собиралось столько, что они облепляли все полотно экрана, черными гирляндами висели на растяжках и кучами собирались на верхнем багажнике и крыше машины. Сверху на них садились мелкие пестрые пяденички, стеклянницы с зелеными прозрачными крылышками, и весь этот живой ворсистый ковер шевелится и перекачивается, словно шкура неведомого зверя.

Здесь было много мелких коконопрядов желтого цвета. С разлету пуглей влетая в освещенное пространство, они начинают вертеться по земле, как заведенные волчки. Вдоволь наплясавшись, вдруг успокаиваются и замирают в крепком, непробудном сне.

Бежали жужелицы – хищные жуки со страшными челюстями-клещами, в том числе и скариды – длинные, закованные в твердые хитиновые панцири жуки, всем своим видом напоминающие средневековых рыцарей в латах.

Летели майские мелкие жуки и жуки-носороги. С размаху спотыкались о что попало, сердито гудели и снова взлетали, словно тяжело нагруженные самолеты-бомбардировщики.

Большие серые и помельче белые древоточцы садились в стороне, часто на неосвещенной полянке, слегка трепыхались, а потом стихали и спали, более не шевелясь.

Деловито обнюхивая все, что попадалось на пути, как к себе домой, пришел ушастый еж. Это был первый визит давно желанного гостя. Я посадил его рядом. Он не кололся, но свернулся и пролежал рядом довольно долго, потом не спеша удалился, изредка оглядываясь и принюхиваясь.

Я так увлекся ловом, да и шум движка глушил звуки ночного леса, что не услышал треска ломающихся сучьев. Увидев, как колышутся, взмахивая ветвями кусты цветущего тамариска, даже вздрогнул, подумав, что это ломится человек. Пригляделся, отойдя в тень, а это корова! Заблудилась, или, скорее всего, ей стало страшно в темном лесу, и она прибилась к человеку, издали увидев свет. Я гнал от себя глупую животину, а она мычала и, тычась задом в кусты, не хотела уходить в страшный ночной лес.

Однажды, уже возвращаясь глухой ночью в лагерь, я заблудился. Помешал табун лошадей. Кони паслись как раз на моем пути, и, чтобы не напугать их, я свернул в сторону. Проскочил мимо и пошел гулять по ночному лесу. Лампа моя погасла, а заводить движок снова я не стал. Луна, просвечивая сквозь деревья, довольно хорошо освещала путь, и, хотя всюду торчали кусты и вороха хвороста, я ни разу не напоролся ни на сук, ни на пенек. Я долго плутал, чувствуя, что ухожу все дальше от палатки. Все это приключениенисколько меня не беспокоило и было даже приятным. Часто ли в жизни бывают такие романтические прогулки по чудесному южному лесу! Со мной было все снаряжение для лова – целый ворох вещей, но и они меня не особенно отягощали. Оставить их в лесу, с тем чтобы забрать днем, я не хотел, так как это грозило потерей ночного сбора.

Монотонно и как-то меланхолично-печально с деревьев кричала какая-то незнакомая мне птица, очевидно, совка. «Авк... авк... авк», – неслось то слева, то справа, навевая на меня сон. Я шел, а это ворчливое гавканье продолжало раздаваться над головой.

Несколько раз взывали шакалы. Как видно, они шли за мной по пятам, и хотя эти трусливые звери всюду пользуются презрением, их соседство было для меня даже приятным.

Взрывом с куста шарахнулись какие-то очень тяжелые птицы. Мне почему-то вспомнились глухари, хотя я сразу понял, что это фазаны. Другой фазан гулко захлопал крыльями, взлетев из-под макушки дерева.

Потом опять все стихло. Слева и справа слышались какие-то неясные шорохи. Убаюкивая, пели сверчки. Таинственно похрустывали сучья, шелестела трава, кто-то ходил, крался, а скорее всего, убежал от меня.

Я остановился, чтобы перевести дух, и в лунном свете увидел над собой маленькую совку. Она сидела на сухом суку, и сама была, как сучок. Ее выдали два рожка ушей. В полной уверенности, что невидима, она нисколько не боялась меня. Я тихонько посвистел ей, она неслышно взмахнула крыльями и вспорхнула.

Хотелось спать, и у меня даже была мысль прикорнуть где-то здесь, сидя на пенке или на ворохе сухих листьев. Ночи здесь теплые, нежные, спать можно без одеяла.

Мне никак не удавалось выйти на знакомое место, чтобы сориентироваться. Кругом все было незнакомо. Наконец я набрел на лужу, которую приметил днем. Оказалось, что все это время я кружил совсем не там, где был лагерь. Меня сбили с толку лягушки, которые почему-то квакали не на луже, как я думал, а совсем в другой стороне. Сырдарья заблестела сквозь деревья. Теперь сразу все стало на свои места, и я знал куда идти.

Стекла машины замерцали в неясном лунном свете. Я залез в палатку и взглянул на часы: 3 часа ночи. Я проплутал полтора часа. Напилился холодного чаю и лег спать. Снова рядом взвыли шакалы (они пришли следом за мной), но я уже засыпал.

В Ташкент я возвращался ранним утром. Прогреться в лучах утреннего солнца на дорогу со всех сторон степи спешили черепахи, и приходилось все время лавировать, чтобы их не раздавить. Промелькнула свернутая в спираль проволока. Увильнувшись от нее, я понял, что это тонюсенькая змейка, называемая стрелкой. Нежится на теплом асфальте, а сама все-таки подняла голову и посматривает по сторонам.

Меня остановил гаишник и попросил подвезти. Показав в сторону реки, я сказал:

– Какой у вас хороший лес!

Он согласился, но добавил:

– Хороший-то, хороший, да опасно в него ходить.

– Почему? – искренне удивился я.

– Там есть разбойники, – коротко ответил он.

Что это за разбойники, я не стал спрашивать, так же, как и рассказывать о том, что прожил в этом лесу десять роскошных, незабываемых дней и ночей.

Приехал в Ташкент и узнал, что ближайший самолет из Москвы прилетает завтра. Ничего не поделаешь, надо ждать.

Рядом на стоянке тоже ждет самолета здоровенный русский мужик. Разговорились. У него свой «Камаз», и на нем он по всему СНГ по заказу развозит грузы.

– Ну, и как, – спрашиваю его, – где жизнь лучше?

– А везде одинаковая.

– А в Россию не собираетесь?

– В Россию, зачем? Мне и здесь неплохо живется. В России одна пьянь, лодыри. На нашего брата, приезжего смотрят косо, враждебно. Нет, здесь с узбеками мне лучше, а там я чужой.

Интересный вопрос насчет оружия. Берет ли он с собой в путь?

– Раньше брал, да прятать надоело. Нет от него никакого толку, одно неудобство.

– А рэкет?

– Бывает, вымогают. Чаще само же ГАИ.

В общем, ничего нового от него я не узнал. У него впечатления те же, что и у нас.

Стал искать туалет – нигде нет. Ни бесплатного, ни платного. Кое-как нашел крохотный, служебный, грязный и неухоженный. Ни ручек, ни крючка нет, поэтому, зайдя туда, я с силой захлопнул дверь, толкнув «от себя». Захлопнул и понял, что сам себя запер в ловушку. Дверь разбухла от сырости, ухватиться не за что, хоть ногти обломай, назад не открывается.

Сию в западне, жду, когда кто-нибудь освободит. Слышу стук каблучков, значит идет женщина. Толкнула дверь раз, другой - не открывается. Крепко же я ее засадил!

- Толкните сильнее! - крикнул я, не выдержав, и боясь, что она уйдет, и тут же пожалел об этом.

По дробному стуку каблучков понял, что женщина испугалась и убежала.

Опять потянулось ожидание, впрочем, недолгое. Женщина все же вернулась, и мое освобождение состоялось. Я выскочил, как ошпаренный, на посетительницу туалета даже не взглянул.

Вышел на площадь перед аэровокзалом. Что такое? Ничего не понимаю. Все оцеплено милицией. Стоят один к другому, никого не пропускают. С другой стороны напирает толпа. Шумят, волнуются, кричат.

Спрашиваю одного, другого, что происходит. Говорят: «Прилетает самолет из Мекки».

- Ну и что, что из Мекки?

- Как что, там паломники, совершившие хадж.

Опять ничего не возьму в толк.

- А милиция зачем?

- Как зачем, паломников охранять. Они теперь святые. Хаджи.

- От толпы, что ли охраняют?

- И от толпы и, вообще, на всякий случай.

А толпа волнуется, напирает на оцепление, ажиотаж все возрастает.

Тут выходит, наконец, один древний старик. Одет весь в белом с головы до ног. Идет важный, с одухотворенным, счастливым лицом и несет белую капроновую канистру. Это, значит, привез святую воду из Мекки.

Толпа увидела его и заревела от восторга. Кричат, зовут по имени, машут руками. Вот вышел он из оцепления, и тут все кинулись его обнимать и целовать. Народ еще пуще возрадовался. Стали кричать здравицы.

Так потихоньку, с интервалами выпускали одного паломника за другим. Были там и женщины, тоже все в белом и тоже с канистрами в руках.

Тут только дошел до меня смысл происходящего. Власти бояться слишком больших демонстраций и волнений народа по случаю возвращения освятившихся паломников. Опасаются проявления фундаментального ислама.

Стало мне не очень уютно, ведь я же христианин. Кто его знает, нравлюсь ли я собравшимся вокруг мусульманам. Все же спрашиваю:

- Какие же это хаджи, если они на самолетах летают? Хаджи пешком должны ходить. Только так испытываешь трудности пути, приобщаешься к святости.

А мне говорят:

- Это все так, да сейчас на самолете слетать в Мекку еще труднее, чем пешком сходить. По несколько кишлаков деньги складывают, чтобы билет купить и хотя бы одного отправить.

Пока, разинув рот, смотрел на паломников, вижу из багажного отделения выходит мой Володя и бодро шагает с гигантским, как всегда, рюкзаком на плечах. Я приуныл: машина и так загружена до предела. Куда

все размещать? Все же растолкали кое-как, но багаж у нас теперь до самого потолка и еще на крыше. Едем, а все вокруг думают, что мы коммерсанты. Едут торговать. Не очень-то это приятно.

Горные таджики

Наша ближайшая цель долина Зеравшана. Не доезжая границы с Таджикистаном, на берегу Зеравшана видим хороший тугай. Зеленые кущи полосой протянулись вдоль реки. Как туда не заехать! Спустились с берега и оказались в кишлаке. Тугай за ним. Дорога перекрыта шлагбаумом на замке. Оказывается, там заповедник. Под деревом на деревянных нарах спит старик, видно, сторож. Пришлось разбудить.

- Как бы нам сюда проехать? Мы - экспедиция.

Старик пошамкал губами.

- Ну, раз наука, значит, можно. А вообще-то, сюда никого не пускаем.

Он пошарил рукой в отставшей коре яблони и вытащил ключ. Знали бы, сами открыли и старика не беспокоили.

Тугай, конечно, затоптанный скотом, везде торчат пни, значит, деревья рубят, скорее всего, на топливо. Кишлак-то рядом.

Здесь влажно, местами настоящая болотина с ядовито-зеленой травой и орхидеями с фиолетовыми цветами. Ивняки, ясень, заросли джиды и облепиха. Кое-где сквозь лес проблескивает полоска воды Зеравшана.

Мимо поспешно вышагивало стадо горбатых, зебуобразных, как в Индии, коров. Молодые бычки, лохматые, похожие на диковинных зверей, ревели, оглушая страшным, почти львиным рыком.

Поставили палатку. Идет парень с заржавленным ружьем. Пройти мимо просто так здесь нельзя. Это хорошо понимаешь на природе, хоть в горах, хоть в лесу.

Поздоровались.

- Чем в кишлаке занимаются?

- Выращиваем табак и рысь.

- Рысь, что это такое?

- Рысь.

Наверное, я совсем тупой, ничего не понимаю.

Парень смеется:

- Рысь Анкл Бенкс! (повсеместно идущая по ТВ реклама пищевого продукта из риса)

- А-а, ну теперь все ясно.

Теперь мы смеемся все трое. Как хорошо, что здесь еще принимают Москву! Как это здорово, что у нас есть общее телевидение! Пока есть. Пока оно еще нас объединяет. Не будет его, лет через 10 всюду начнут забывать русский язык. Понимают ли великую роль телевидения в объединении наших стран местные политики? Понимает ли это Россия? Будет российское телевидение, у России будут друзья. Не будет его, друзья появятся у Турции или Ирана, а Россию все забудут. (это писалось почти десять лет назад). Но это отступление, а я продолжаю расспрашивать парня:

- А ружье зачем?

- Я же в лес иду, а там волки...

Парень говорит это, стараясь быть серьезным.

- А вы не боитесь в лесу ночевать? - теперь спрашивает он.

- А кого бояться?

- Ну как же, тут шакалов много.

- Ну и что?

- Опасный зверь, сами увидите.

Парень ушел, а через несколько минут раздался выстрел. Видно, встретил «волка», скорее всего, добыл фазана себе на обед.

Да, трудно сохранить тугай, когда рядом живут люди. Впрочем, парень оказался прав. Ночью мы наслаждались воём шакалов. Хорошо завывали! Шакалы зачастую живут на окраинах кишлаков, были бы маломальские заросли.

А вот с бабочками вышел полный провал. Ни дневных, ни ночных. Так, попались самые обычные, да и тех всего ничего

- Хоть бабочек было мало, зато концерт бесплатный послушали, - сказал неунывающий Володя. - Я думаю, все дело в сырости. Здесь пойма, заливаемая Зеравшаном. Поэтому куколки ночных бабочек не развиваются. Да и с погодой не повезло.

На обратном пути нас затащил к себе в гости местный бригадир колхоза, он же школьный учитель. Завел в тенистую комнату. Резной деревянный потолок, сервант, ковры на стенах и полу. Усадил на подушки. Чай, лепешки, айран. Это традиционно в каждой таджикской семье.

Хозяин рассказал:

- Наше село Чубот таджикское, хотя мы и живем в Узбекистане. Но граница совсем рядом. Говорим на трех языках: таджикском, узбекском, русском. Понимаем киргизов, можем и с казахами объясняться. Тюркские языки похожи между собой, но таджикский совсем другой. Он больше похож на персидский (иранский), афганский.

Появились касешки, чайник, лепешки. Ни сахара, ни других сладостей не было.

- Может, побаловаться хотите?

Я не понял.

- Чем баловаться?

- Покурить.

- Нет, спасибо, мы не курим.

- Я не имел в виду табак. Анашу.

- А-а, ну тогда тем более.

Вот тебе и учитель. Чему он детей научит!

Впрочем, человеком он оказался грамотным и прочел нам небольшую лекцию по истории таджиков.

- Наш народ верит, что мы произошли от Александра Македонского и солдат его войска, - сказал он. - В каждом кишлаке вам могут рассказать какую-нибудь легенду, связанную с этим великим полководцем древности

«Красивая романтическая сказка», - подумал я про себя, но потом уже дома прочитал во «Всемирной истории» практически почти то же самое. Оказывается, Александр Македонский, чтобы держать в повиновении завоеванные им народы, всячески поощрял браки своих солдат с местными женщинами, и сам женился на дочери местного вождя, необычайно красивой девушке Роксане. И

все это происходило где-то здесь, в районе Самарканда!

- Таджики - это и есть коренные жители Средней Азии, - рассказывал он. - В Самарканде 70 процентов жителей таджики.

- Согдиане?

- Да, это наши предки.

- А узбеки?

- Узбеки образовались после нашествия орд Чингиз-Хана. Также, как и казахи. Смешались разные народы, в основном тюркские. Поэтому у них и языки похожие. А у таджиков совсем другой.

- Да и тип лица другой.

- Конечно, мы таджики совсем другая расовая группа. У нас не только брюнеты, шатены есть, даже рыжие, как европейцы.

Да, историю тут видишь не по учебнику, а наяву, как говорят, живьем.

Мы вышли из комнаты на веранду (в любом, даже самом бедном, таджикском или узбекском доме есть веранда). Здесь, делая что-то по хозяйству, стояла пожилая женщина, на вид русская

- Здравствуйте, - приветливо произнесла она, обращаясь к нам.

Это было несколько необычно, так как в таджикских домах, тем более в деревенских, женщины не показываются на глаза чужим мужчинам и уж, конечно, не разговаривают да еще так свободно.

- Это моя мама, - как-то особенно ласково сказал наш приветливый хозяин и, видя мой вопросительный взгляд, добавил: - она из Уфы.

- Значит, вы русская? - спросил я, совершенно в этом уверенный.

- Почти, - ответила она, - я башкирка, и Россию считаю своей родиной.

- Мой папа привез ее сорок лет назад, - пояснил ее сын, - теперь уже папы нет.

- Да, - вздохнув, сказала женщина, - я так скучаю по русским, по России. Раньше вот ездила к своим родным на родину, но теперь не поедешь...

Мы распрощались с нашими добрыми хозяевами, чувствуя, что частичка нашего сердца осталась в этом доме

Рядом с кишлаком граница с Таджикистаном. Молодой таможенник, проверив наши документы, сказал:

- Я тоже кончал университет, геологический факультет. Но работы по специальности нет, вот устроился здесь.

Чувствуется, что он скучает по своей профессии и нас даже принимает за своих коллег. Ему хочется с нами поговорить и поделиться мыслями. Я спросил его:

- А как там у вас, душманы есть, не опасно?

Он рассмеялся:

- Вот вы как раз больше похожи на душманов. - И показал на бороду Володи. - Моджахеды все с бородами ходят в Афганистане и там, где есть оппозиция. А у нас все спокойно, живем дружно.

Проезжаем Пенджикент - небольшой город, знаменитый интересными археологическими раскопками и древней историей. На центральной площади па-

мятник Ленину соседствует с памятником древнему поэту Рудаки. Пока Володя закупал на базаре продукты, я фотографировал древнюю мечеть.

Подождал старик в чалме и сказал:

- Это что вы снимаете старость, идемте, я покажу мечеть гораздо лучше.

И повел меня за угол. А там строится новая мечеть, аляповатая, совершенно дурной архитектуры. Пришлось сделать вид, что я ею очарован, хотя меня интересует в основном древность. Людям везде нравится, когда проявляешь интерес к их культуре и истории. И узбеки, и таджики гордятся своим прошлым, берегут традиции, чего, к сожалению, не скажешь о нас, русских. А нация, потерявшая традиции, не имеет своего лица, растворяется среди всех других.

Мы едем в знаменитый кишлак Шинг, расположенный в горах.

- Это будет ознакомительная этнографическая поездка, - говорит Володя. - Посмотришь, как живут горные таджики.

А посмотреть есть что. Таджикские горные кишлаки все равно что древние крепости. Высокие каменные заборы, сложенные из дикого камня, толстенные стены домов. Между ними вьются узенькие улочки, выложенные крупным булыжником. Чисто, опрятно. Вся жизнь во дворах. Там, за крепостными стенами садики, арыки журчат, детишки играют, женщины едут готовить.

Знакомый многим туристам кишлак Шинг расположен на склоне горы. Верхняя его часть постепенно сползает вместе с частью горы. Ползут дома, оползают сады. Каждую весну обваливается несколько домов, рушится в промоину сад. Страшно на все это смотреть.

- Нам предлагали поселиться внизу, давали землю, дома, а мы отказались, - рассказал нам местный житель. - Здесь мы привыкли, здесь хорошо, прохладно, сад растет. А внизу мы от жары пропадем. Будем здесь доживать.

Дома расположены в самых неожиданных местах. Иногда задерешь голову вверх: совершенно неприступный утес, а на нем дом, да еще и не один. Представляю, какие виды открываются из окон! И сами дома, как скалы, сложены из того же камня, что и утесы: серого или красноватого цветов. Многие из них трехэтажные. Первый этаж для скота, второй жилой, а на третьем сеновал.

Люди приветливые, идут навстречу, здороваются, прикладывая руку к груди, кланяются. Старики все белобородые, живописно одеты, в длинных цветных халатах, в чалмах. Ну, точно, из сказки «Тысяча и одна ночь». Дети бегут следом гурьбой, кричат. Все черные, яркие, красивые. А вот женщины, наоборот, прячутся, не здороваются, бывает даже отворачиваются, закрывают лицо руками. А как они стройны, высоки, красивы! Вот идут гуськом одна за другой, а на головах полные ведра воды.

У гигантского ореха в кишлаке Решт остановились, чтобы сфотографировать дерево и детей. Из калитки вышел хозяин - парень лет 23.

- Этому дереву 1000 лет, - сказал он, - даже при моем прадеде оно было таким же, как сейчас.

В этом можно было не сомневаться.

В узком ущелье одно за другим расположено шесть Маргузорских озер, когда-то знаменитых среди туристов. Все они разного цвета. Самым красивым оказалось первое, имеющее воду ярко-синего цвета, цвета индиго. На берегу сидел парень и разделял пойманную рыбу. С дребезжащим криком пролетела оляпка и уселась на выступающий из воды камень.

Следующее озеро полная противоположность первому. Оно мутного, грязно-желтого цвета и называется Соя. Выше третьего расположена турбаза «Маргузор», теперь уже наполовину занесенная грязекаменной лавой селя. Страшноватая, узкая дорога вьется среди скал, соединяя одно озеро за другим.

- В 1988 году был сель, разрушил часть лагеря и фруктовый сад, - рассказал нам сторож заброшенной турбазы.

- Дальше уже не живут люди? - спросил я его.

- Как же, живут! - ответил тот. - Там еще 30 (!) кишлаков.

Вот тебе и раз! Уму непостижимо, как можно жить среди одних скал и камней на высоте 3 тысяч метров.

- Чем же они там занимаются?

- А кто чем. У кого коза, у кого сад. Живут, от голода не умирают.

- Они мудрее и счастливее многих богатых, - добавил Володя. - Живут бедно, зато совместно с природой и счастливы по-своему. Они спокойны, нетерпеливы, не знают жадности, злобы. Работают ради своего хлеба и почитают бога.

Из бабочек нам попались лишь несколько белых зорек дафалис. Так и получилось, как предсказывал Володя, что из поездки вышла ознакомительная экскурсия в историю и этнографию.

В лапах наркомафии

Восточнее Пенджикента Зеравшан течет в горной долине. С одной стороны Зеравшанский хребет, с другой - Туркестанский. Чтобы обследовать его мы переехали по мосту на правый берег реки. Южный склон хребта, опаленный солнцем, сухой и безжизненный. По жуткому крутяку поднимаемся прямо в лоб на самой низшей тракторной передаче. Назад да и по сторонам смотреть страшно. Только вылезли на бугор, навстречу бежит «газик». Мы хотели скромненько проехать мимо, да не тут то было.

- Стой! Стой!

Из «газика» на ходу выскочил человек в камуфляжной форме. Подбежал разгоряченный, злобный.

- Кто такие! Куда? Зачем!

- Как, куда! В горы.

- Володя подал документы.

- А вы знаете, что тут повсюду наркомафия?

- Откуда нам знать?

- Не знаете, а суетесь! Здесь мак выращивают для опиума, тут кругом преступность, бандиты здесь.

Только теперь до нас дошло, что ведь и нас самих могли принять за дельцов наркомафии. Например, могли предположить, что мы связные или

доставщики. Едем, как тузы на новенькой «Ниве». Но, слава богу, сразу разобрались и поверили нам.

- Ладно, - сменил гнев на милость проверяющий, - там у нас опорный пункт милиции, да и КГБ там же стоит. Можете ехать, отдыхайте сколько хотите. Будете под охраной, наши ребята хорошие.

Черт его знает, вот так едешь и не знаешь, что тебя впереди ждет. То душманы, то наркомафия, то ГАИ, то разбойники. Хорошо, что нас не забрали куда-нибудь в «штаб» разбираться. Собственно говоря, мы пока еще не понимали, что там делает милиция. Скорее всего, плантации мака уничтожает. Так оно и вышло. Мы выехали в довольно просторную и зеленую долину, занятую полями каких-то посевов. Тут же стояли палатки милиции и так называемого КГБ. Здоровые мужики изнывали от безделья, отсиживаясь в палатках, а в это время посеянный «преступниками» мак без ухода и полива благополучно погибал. Что-то нам не захотелось стоять рядом.

- А езжайте до чабанов, - махнул нам рукой один из кэзбешников, - там палатка стоит американская, увидите.

Чабаны довольно страшноватого вида, черные, обросшие. Приглашают чай пить, плов есть. В таких случаях лучше всего вежливо отказаться. Там и водка может быть, да и попадешь сразу в зависимость. А нам это вовсе не нужно, нам работать надо.

По ручью заехали в укромный тупичок, вроде бы, как спрятались. Ставим палатку, а все же немного жутковато. Кто его знает, может эти чабаны и есть хозяева плантаций. Придут ночью мстить за погубленное добро. Ясно, что они принимают нас за оперативных работников.

- Не придут, - успокаивает Володя, - они тут с семьями, зачем им на «мокрое» дело идти. Да и КГБ рядом.

Тут наше внимание привлекли белые бабочки, величаво порхающие над склонами, и о всякой наркомафии мы тут же забыли. Бросились ловить парнасисусов, оказавшихся мнемозинами. Вот уж не ожидали их здесь увидеть!

В разгар лова к нам подошел пастух самой разбойничьей внешности и стал разгонять бабочек, пытаясь нам помочь. За свою «работу» он просил дать ему ботинки. А где их нам взять, когда у самих драные? Он ушел, явно обиженный.

На следующий день была суббота и все обитатели ущелья: милиционеры, кэзбешники и чабаны потянулись за гору.

- Идемте с нами, - сказал один из них, - там сегодня той будет, козла режут.

Туда, еле переставляя ноги, плелись девяностолетние старики и старухи с младенцами, привязанными за спинами. Один здоровенный мужик на лошади все же заглянул к нам и, представившись лесником (леса, кроме мелких кустов нигде не росло), заявил:

- Здесь живет большой змей. Метра четыре длиной.

Я выразил сомнение, а он меня заверил:

- Я сам видел, как он барана проглотил.

Он помолчал и чтобы придать своему сообщению больший вес, добавил:

- Он и человека может проглотить.

И растопырив руки, показал какой толщины у него брюхо. Мы опять не прореагировали и он вдруг заторопился, словно боялся, что без него съедят все козлиное мясо. Вскочив на лошадь, он пустился рысью вслед за вереницей ушедших на той. Мы же снялись с лагеря, решив по пути проверить еще одно ущелье. Проехали километров десять, свернули в улочку кишлака, а здесь целый батальон солдат. Одни сидят в кузовах грузовиков, другие отдыхают в тени больших урючин. Окружили нас с оружием в руках. Из черной «Волги» вышел важный полковник.

- Кто такие?

Внимательно прочитал наш документ, потом обернулся к окружающим и сказал с ноткой почтения и важности:

- Это международная экспедиция!

Вот здорово! А мы и сами этого не знали. Документ наш Володя сам печатал красивым шрифтом на компьютере и на шикарной бумаге, и где-то там упомянуто про фонд американского миллионера-меланата Сороса, который нам помогает.

Потом полковник обратился ко мне:

- Вы, наверное, американец?

- Нет, русский.

- Да нет же, вижу, что американец!

- Это почему же?

- Да у вас акцент не русский.

Ну и бог с ним, пусть думает, что я американец.

Потом пояснил нам:

- Я возглавляю в Таджикистане борьбу с наркомафией. Замучались мы тут с этой проблемой. Никогда такого не было, а теперь весь наш народ занялся выращиванием мака. Расстреляли уже несколько человек, а ничего не помогает. Жить людям нечем. И все Горбачев (последовало нецензурное выражение) это наделал. Развалил СССР. Какая страна была! Как хорошо жили!

Закончив речь, он обратился к солдатам:

- Пропустите их, я разрешаю им ехать, куда они захотят!

Ликуя от гордости за себя, мы тут же покатали дальше.

Только заехали за изгиб ущелья, два парня машут рукой.

- Что такое?

- Вы там осторожнее, там менты стоят.

Все ясно: нас принимают за хозяев одной из маковых плантаций и из солидарности предупреждают об опасности.

Ущелье - сплошные камни, нигде ни клочка земли, зато есть ручей. Прекрасный ручей с чистой, прозрачной и даже не соленой водой! Неслыханная роскошь: второй день подряд мы имели возможность искупаться и вымыться.

Шарообразные кроны каркаса (так называемое железное дерево) высились прямо среди осыпей. Но не они обращали на себя внимание. Всюду, где только было можно, прилепились крохотные делянки, вручную выложенные из обломков камней и посыпанные землей. Судя по всему, привозили ее издалека на ишаках. И к каждой делянке проведен арык и все это че-

рез камни и скалы! Титанический труд затрачен был для того, чтобы вырастить мак. Кое-где он взошел, но так и не вырос, так как пришла милиция, и полить уже не довелось.

Кругом одни камни, и нам ничего не оставалось, как поставить палатку на одной из делян. Не очень уютно было сидеть в глухой ночи у ярко освещенной лампы. Какую отличную мишень представляли мы для любого наркодельца или, тем более для хозяина плантации.

– Как бахнет наркоман по нас с соседней горы!
– невесело пошутил я.

– А мы его стингером в ответ! – отозвался Володя.

Но ночь прошла на удивление спокойно, если не считать, что какой-то заблудившийся бычок все пытался забраться внутрь нашей палатки.

Утром, когда встали, обнаружилась неприятность. Исчез радиоприемник. Маленький такой, коротковолновый «Олимпик». С ним я слушал «Маяк» и «Свободу». Все перерыли - нигде нет. Вот и думай, куда он делся? Украли или потеряли? Как говорить, «Не пойман – не вор». Грех думать и подозревать пастуха, что все время вертелся рядом и кланчил то обувь, то куртку. Сами виноваты, не надо быть раззявами.

Потерю радиоприемника мы с лихвой компенсировали ловлей аполлониусов. Крупных, свеженьких и прекрасных, как само горное утро, цветных парнасисусов, всегда кажущихся мне праздничными бабочками. Кроме того, как пояснил Володя, это крайняя южная точка, где водятся эти роскошные аполлоны.

Как радостно забьется сердце при виде этих великолепных порхающих мотыльков, похожих на танцующих белерин! Снежно-белые бабочки грациозно порхали меж рыжих скал, то опускаясь к усыпанному щебнем косогору, то взмывая к макушкам утесов. Если бы не нетерпение и азарт, то не было бы и необходимости за ними бегать, так как они налетали сами, стоило лишь замереть на месте. Интересно, что в соседнем ущелье, где мы только вчера ловили мнемозин, аполлониусов не было. Здесь все наоборот, среди летающих аполлониусов не заметно было ни одной мнемозины. Летали еще черные сатиры менавы, похожие одновременно на краеглазок и на паралаз. Это бабочки-одиночки, летающие по каменистым гребням и скалам. Были здесь еще и неженки: белянки Крюпера и канидии.

В пылу лова я заметил необычную агаму. Небольшая, грязно-серого цвета ящерица выглядывала из-за камней на обочине тропы. Она явно отличалась по внешнему виду от агам, виденных мною прежде. Сразу вспомнился рассказ Володи о том, что именно в этих краях когда-то давным-давно был пойман единственный экземпляр так называемой агамы Павловского. С того времени ее никто больше не видел и не ловил. И это стало одной из загадок зоологии. Не она ли? Кричу Володе. Он спрашивает:

- А гребень есть на спине?

- Да, что-то похожее есть.

- Надо поймать. Это важно.

Агама между тем скользнула, спрятавшись под камни. Окружили ее, дрожащими руками разобрали

каменные плиты. Володя успел схватить ящерицу за выглядывающий бок. Рассмотрели. Бугорчатые выступы в виде грубой чешуи на спине были, но вряд ли это можно считать гребнем. Да, это не она. Жаль. А может и нет на самом деле никакой агамы Павловского? Поймался какой-нибудь мутант ли просто обозначился в свое время. В общем, дело темное и неясное.

Страна Могиен

После Туркестанского хребта мы стремимся попасть в Зеравшанские горы, а для этого едем в Могиен. Это целая страна, огромный кишлак, затерянный в горах, по-видимому, очень древний, возможно, ровесник Согдианы с населением аж в 15 тысяч человек. По данным карты где-то там есть геологическая дорога, ведущая высоко в горы, где есть лес. Неплохо бы там побывать.

У доски почета в центре кишлака несколько местных дехкан обсуждали нашу проблему, с наших же слов звучавшую довольно странно: «Где у вас тут есть дорога, чтобы уехать куда-нибудь в горы?» «Я знаю, что вам нужно, - догадался, наконец, худощавый пожилой таджик, - поехали, я покажу».

Мы долго колесили по кишлаку, пока не уперлись в гору. «Здесь была дорога на рудник и обогательную фабрику», - заявил наш провожатый, - но, кажется, она пропала». Действительно, видно, что когда-то дорога была, но теперь она завалена огромными глыбами, свалившимися с откосов горы. Постепенно выяснилось, что в прошлом тут работал рудник, но его давно закрыли, и осталось место, сохранившее русское название «Площадка». Как бы то ни было, мы решили разбить здесь лагерь, что совершенно не в наших правилах стоять на окраине поселка. Расчет был на то, что Володя отсюда может совершить экскурсию в горы.

Так, на три дня мы стали обитателями, если не самого таджикского кишлака, то его окраины. Тут вокруг сады. Со всех сторон свисают ветви, увешанные полусозревшими плодами урюка и вишни. Стаи красноносых клушиц прилетают с гор, облепляя деревья, и с жадностью клюют сладкие плоды. Но главное, к нам идут и идут люди и все со своими проблемами и вопросами. И отвечать пришлось в основном мне, так как Володя на два дня ушел в горы.

Учитель, механик-моторист, рабочий-геолог, крестьяне. Кого только не перебивало за три дня! Жителей много, а работы, кроме как в колхозе, почти никакой. До 73 года в горах добывали сурьму, и жители могли работать на руднике, но случилась авария: разбился вертолет с большим начальством, и разработки закрыли. Теперь на нас смотрят с надеждой: все-таки русская экспедиция, а вдруг снова откроют рудник! И бесполезно объяснять наивным крестьянам, что мы совсем не те люди, что могут им помочь. Вот они и несут нам лепешки, айран, даже суп и все сидят и сидят, расположившись вокруг машины и, приводя меня в смущение, начинают разговоры и даже строить планы. Вот обрывки разговоров:

- Были русские, было больше порядка. Сейчас почти все уехали. Открыли бы рудник, хорошо бы стало.

Смысл всех разговоров в основном сводился к одному: народ бедствует, при СССР жилось лучше и что таджики – несчастный народ. Вот узбеки умеют жить, а таджики – нет. В этом отношении таджики нытики и пессимисты не лучше самих русских, таких же мечтателей, верящих в чудеса и волшебную палочку.

Я спросил у пенсионера, работавшего раньше рабочим геологом, идет ли сейчас война в Таджикистане и где. Он сказал:

- Идет, только втихаря.

- А как настроен народ: за СССР или за независимость?

- Пожалуй, половина на половину, - подумав, ответил тот и добавил:

- И здесь есть такие, что дай только сигнал, и война начнется. Очень много у людей оружия спрятано.

- А вы сами?

- Я что, я коммунистом был. У меня до сих пор партбилет дома лежит. Может, еще и пригодится. Мне воевать не надо, я советский человек.

- А за что на юге воюют?

- Попи виноваты, они воду мутят.

- Муллы?

- Да, да, муллы. У нас тоже всякие есть, одни молятся, другие нет. Таджики не всегда мусульманами были. Это уже когда Хозрет Султан пришел, веру приняли.

- А кто это Хозрет Султан?

- Проповедник. Пришел от арабов, веру принес. Давно это было. Теперь он похоронен на горе, которая так и называется «Хозрет Султан».

Я заинтересовался, ведь «Хозрет Султаном» раньше назывался целый горный хребет, что идет южнее Самарканда.

- Где же эта гора?

- Здесь недалеко. Высокая, снег на вершине не тает круглый год. С трех сторон обрывы, а с одной есть тропа. Паломники туда ходят молиться.

Пока мы здесь жили, простые крестьяне прочли мне настоящие лекции по истории Таджикистана. Вот сидят парни, двое из них совсем русые, а один даже похож на Есенина. Сидят, покуривают самокрутки. Оказывается, мать у них русская. Я спросил их, кем они себя считают сами. За них ответил старик:

- Разве не видишь? Раз анашу курят, значит, таджики.

Так я жил в поселке, общаясь с жителями, а по ночам подлавливая совок и бражников, пока не вернулся Володя. Экспедиция его прошла успешно, хотя ничего особенно интересного найти не удалось. Ночевал в геологическом шурфе у костра, в качестве топлива употребляя колючие подушки акантолимонов и аргал. Аргал дает неплохое тепло. Оба дня дул ветер, мешая лету бабочек и лову. Летали парнасисусы Штаудингера, желтушки Христофа, но уже битые и потрепанные.

Ущелье оказалось крутым, временами переходящим в каньон. Чтобы подъехать к брошенной фабри-

ке, пришлось петлять по серпантинам километров 30. Видел гору Хозрет Султан, но чтобы подняться на нее, надо спуститься к другой речке в соседнее ущелье, откуда на нее идет тропа. Говорят, там живет наблюдатель какой-то станции с женой, и зимой к нему летает вертолет.

Пока мы разговаривали, пришел местный учитель в красивом малиново-фиолетовом халате, правда, изрядно поношенном, и принес кастрюльку супа. Подав суп, он сел на землю, подложив под себя полу своего шикарного одеяния.

Суп был диетический и состоял из картошки, галушек, гороха, капусты и каких-то приправ, придающих нежный вкус. Мы смешали его со своим «бумажным» и получилось очень вкусно.

Уезжая, мы посетили главную достопримечательность кишлака – старую крепость. Посередине поселка высится земляная голая гора, а на ней глиняные развалины. На экскурсию туда нас проводил пузатый старик в белых кальсонах и в галошах на босую ногу. Крепость сложена из огромных глиняных катяхов. Говорят, не очень древняя, лет 150 тому назад построенная. Наш провожатый сказал:

- Я здешний мулла, приглашаю вас к себе в гости.

И показал на огромный, длинный дом, правда, без окон. Я удивился:

- Ого, таких больших домов даже у богатых американцев нет.

Мулле это страшно понравилось, однако в гости мы не пошли, о чем я потом пожалел. Все-таки интересно смотреть, как живут люди. Тем более в такой экзотической для нас стране Таджикистане, да еще и в глубинке. Но разве можно у всех побывать, ведь только несколько минут назад нас приглашал к себе человек европейского вида и отрекомендовавшийся бывшим секретарем райкома. Вот и выбирай к кому идти: оба приятные люди, оба по-восточному вежливы и гостеприимны.

Ущелье Ревад

Дорога продолжает идти левым берегом Зеравшана: глубоко внизу, почти в каньоне вода грязно-серого цвета ревет в водоворотах и бурунах.

Чернеющие на речных террасах огороды пестрят от работающих с кетменями людей, а мы гоняемся за обнаруженными в придорожных зарослях мелкими голубянками Эверсмана. Будто привязанные к траве, они не поднимались над землей выше полуметра, и наши сачки то и дело загребали гальку. А выше, по глинисто-песчаным обрывам, в редких кустиках пузырника порхали гигантеи – большие, ярко-голубые голубянки – самые крупные из этого семейства в Советском Союзе.

Гусеницы этих гигантеев живут на пузырнике – оригинальном растении с плодами, похожими на пустотелые хлопущки. Этакое китайские фонарики, подвешенные для красоты.

Поднявшись по осыпистому откосу, Володя обнаружил нору, а рядом целую кучку игл дикобраза. Мне же вспомнилась книга некоего туркменского

ученого-зоолога, написавшего для детей книгу о животном мире. И там он доверительно сообщает, что в Туркмении живут два ежика: маленький и большой. Согласно этому корифею, здесь обитал «большой ежик». Подбирая его иголки, я оглянулся: прямо, напротив, за ближним хребтом высилась красивая заснеженная вершина, в которой мы признали Чимтаргу – высшую точку Фанских гор.

Вскоре нас привлекла дорога в боковое ущелье Ревад. Здесь зелено, и хорошо сохранилась природа: горы заросли шиповником, миндалем, фисташкой, все цвело и благоухало.

Мелькнула бабочка, серая, бесцветная, не похожая на других.

- Какая-то странная, - удивился я, - только что была, и нет.

- Да вон же, сидит, - ткнул пальцем Володя. – Это носатка. Немудрено, что ты ее не видишь, лучше ее никто так ловко не умеет маскироваться. Сидящую на ветке, ее не отличишь от сухого листка.

Действительно, очень оригинальная бабочка, ни на какую больше не похожая. Своего рода феномен среди всех ее порхающих родственников.

Потом мы прельстились ловлей барбарисовых белянок, среди которых мне попала бабочка, которую я вначале принял за переливницу, но тут же понял, что это местный, очень красивый ленточник. Увидев бабочку, Володя назвал ее ленточником Лепехина, и тут же бросился на ее поиски. За полчаса мы обшарили весь склон, но так больше не встретили ни одной.

Выше ущелье сразу посурело. У подножья лесистых гор приютился кишлак Ревад. За горами, замыкая ущелье, выглядывала обледенелая стена высоченной вершины. Оттуда, из страшной расселины вырывалась бешеная река. Промчавшись мимо поселка, она ныряла под бетонный мост, где как раз посередине зияла большая круглая дыра. Чудеса: кому и зачем понадобилось взрывать мост, чтобы проделать такую дырку?

Шедший мимо молодой таджик с черной бородой бросил, обращаясь к нам:

- Хороший у нас кишлак, да вот сели замучили. Каждый год дома уносят, мост не успеваем ремонтировать.

- А-а, так значит, это камень долбанул мост? Такую дыру и бомбой не сделать.

- А вы что, издалека?

- Да вот, из Петербурга.

- Я тоже в России долго жил, - говорит таджик, - в Москве, Курске. Сам почти русским стал. С русскими жить можно.

- Я говорю те же слова о таджиках.

- А вас здесь не обижают? – после обмена любезностями спрашивает вдруг бородач.

- Нет, наоборот, очень хорошо везде встречают.

- Разные бывают. В Душанбе не ездите, там в бородачей стреляют.

- Он имеет в виду Володю. У него неухоженная борода. Говорит серьезно. Нам это непонятно.

- Почему?

- Бороду носят те, кто в оппозиции.

- Душманы, значит. А вы сами тогда кто?

Бородач смеется:

- Нет, я не душман и не моджахед. Хотя Ленина не люблю. Плохой был человек. И советская власть была плохой.

Вот и разберись: один Ленина боготворит, другой ругает.

Мы встали лагерем у обочины дороги. Вечером, возвращаясь с полей, в открытых грузовиках ехали в кишлак крестьяне. Они здоровались, что-то кричали и накидали нам кучу лепешек. Удивительный все-таки народ таджики, мы здесь только появились, а чувство уже такое, что находимся среди своих. Впрочем, это мнение мое, личное. Володя не разделяет мою эйфорию.

- Я знаю, - говорит он вечером, когда мы укладываемся спать, - кто этот бородач, что разговаривал с нами днем.

- Кто?

- Кэгэбешник!

- Это почему же?

- Больно грамотный, и выспрашивает слишком много.

Это, конечно, шутка.

Днем мы опять встречаемся с бородачом.

- Забыл вас предупредить, - говорит он, - здесь змей много. Гюрзы. Нынче уже шесть штук убили. Тут, вообще, всякого зверья много. Барсы есть, медведи, барсуки. Дикобразы на огородах бесчинствуют. А со змеями поосторожней будьте.

Нас змеи что-то не слишком пугают. Нам просто некогда о них вспоминать, и сейчас меня интересует другое.

- Так за что вы Советскую власть не любите?

- А за что ее любить? Вы в Самарканде были? – в свою очередь спрашивает бородач.

- Были.

- Так вот, в Самарканде и Бухаре 70 процентов населения таджики. Это наши города. У нас их забрали, а нас самих загнали в горы, как когда-то Чингиз-Хан. Живем теперь среди камней и скал. Наш последний эмир перед революцией в Бухаре правил. Алимханом звали. Его внук до сих пор в Америке живет. Это все Советская власть натворила, границы неправильно провела. Такую кашу заварила, что теперь не расхлебашь.

- А на каком языке Алимхан говорил?

- Как, на каком! Разумеется, на таджикском. И государственным языком был таджикский.

Алимхан говорил на таджикском, Тамерлан – на тюркском, то есть на узбекском. Раньше и Таджикистан назывался Бухарией, а Памир – Горной Бухарией. Попробуй во всем этом разобраться! Все нации перемешались, границы переплелись, где их провести, как угодить всем?

Если ехать в долину Зеравшана из Ходжента, то надо переваливать через высокий Туркестанский хребет. Перевал Шахристан (3270 м) довольно легкий. На склонах лежат полосы снега и поля осыпей. Впереди высятся гребни Зеравшанского хребта, а за ними выглядывают пики Фанских гор. Как всегда, на перевале стоят запыленные, забрызганные грязью автомобили.

Шоферы, пассажиры отдыхают, перекусывают или просто разглядывают открывшуюся панораму гор. Кузова некоторых грузовиков полны людей; плохо одетые путники ежатся от холода, жмутся друг к другу. Много детей, среди которых встречаются русые. Это вовсе не русские, а таджики. Шатены - довольно обычное здесь явление.

Автобусы сейчас не ходят, единственный вид транспорта – это грузовик. Среди «Камазов» и «Зилов» замечая один автомобиль незнакомой марки, разукрашенный со всех сторон, явно иностранной. Из кабины выходят двое: один наш узбек, другой маленький, очень смуглый, с черной бородкой. Оказывается, из Ирана везут... мыло. Даже провожатого дали. Дожились, что и мыла своего нет.

В Таджикистане, тем более в горах, не так просто найти место для стоянки. Всюду теснятся горы, камни и скалы, так, что и палатку негде поставить.

- Я знаю одно местечко, - заметил Володя, - я его давно приглядел. Тебе обязательно понравится. В стороне от дороги и, главное, там никого нет.

И верно, перед Зеравшаном с правой стороны наметился небольшой отщелок с выглядывающей среди скал рощицей. Для стоянки лучше и не придумаешь, тем более, что и дорожка туда есть. По чуть живому мостику - под одним колесом труба, под другим ствол тополя - переехали через бурную речушку. Небольшой уютный тупичок, но, как оказалось, не такой уж и необитаемый. Всюду следы скота, под тополями виднеется одинокая хижина. Только уместились на крохотной площадке, откуда ни возьмись, рядом появился молодой парень.

- Шараф, - представился он, - что, отдыхать приехали?

- Экспедиция. Наукой занимаемся.

- А я не работаю, - беспечно заявил Шараф. - У нас многие не работают. Вот наркотики выращиваю.

- Как наркотики. Это же запрещено!

- Теперь уже разрешили, - легкомысленно, и как показалось мне, бравируя, заявил наш гость. - В Пенджикентском районе все этим занимаются, почему же мне нельзя!

- Да мы там недавно были. Милиция по всем ущельям стоит. Говорят, кого-то к расстрелу приговорили.

- Да? - притворно удивился Шараф. - Но у меня не найдут. У меня такое место, что им туда никогда не добраться!

Мы сделали вид, что нас все это нисколько не удивляет и не волнует, хотя оба подумали одно и то же: «Вот влипли, попали в гости к настоящему наркодельцу». Но вид у Шарафа был вовсе не разбойничий. Обыкновенный, даже несколько наивный и даже добрый парень. Да и куда нам деться, в другое место не уедешь, в горах уже наступила ночь.

На свет лампы хорошо летели белые, с желтыми пятнышками ночные мотыльки волнянки. Шараф сидел рядом, и, «помогая» нам, хватал их руками. Все пойманные им мотыльки оказывались полностью испорченными, но мы, соблюдая «восточную» деликатность, не смели ему сказать об этом.

Следующим утром Володя ушел в горы, я же на целый день остался наедине с Шарафом. Он пришел с мотыгой, и, угостив меня кислым молоком, принялся за работу.

- Дачу себе здесь строю, - пояснил он и показал на глиняный сарайчик, - сад разведу, дом построю, потом женюсь. Ох, и дача будет! Приезжайте через год, не узнаете.

Потом он достал кисет, и, свернув сигарету, предложил:

- Курите!

Я вежливо отказался.

- Зря, - с сожалением сказал он и, причмокнув, добавил: - Хороша анаша!

Покурив, он отправился работать на огород, а потом забрался в хижину и проспал там до конца дня.

Спускаясь с гор, мимо меня один за другим проходили таджики. На пучках срубленных веток они волокли сено. Все до одного подходили и здоровались. Некоторые были на ишаках. Вот, лежа на спине маленького ишачка и выставив вперед до самой земли ноги, съезжает с горы здоровенный парень. Гора крутая, ишак и без того уже нагруженный мешками, еле-еле переставляет дрожащие ноги. Осклабившись, парень подъезжает и протягивает руку:

- Салям алейкум!

Я отвечаю и говорю:

- Что же ты такой большой дылда своего маленького ишачка не жалеешь! Смотри, как у него, бедняги, ноги дрожат. Как тебе не стыдно!

Парень глупо улыбается. То ли не понял, то ли делает вид, что не расслышал. Потом ловко переводит разговор:

- А вон папа идет!

И показывает на гору. А там спускается высокий и стройный, как юноша, старик с резной, разукрашенной узорами палкой в руках. В расшитом изящным восточным орнаментом черном стеганом халате почти до пят, кожаных сапогах с мягкой подошвой и в белой чалме. Красивый - глаз не оторвать! Да такой улычивый, веселый, доброта так и сочится из искристых глаз. Вообще, все старики в Таджикистане чудо, как хороши! Колоритны, добродушны, любознательны, как дети, любят поговорить и разбираются в политике. Зная, что из Ленинграда, обязательно спросят о России и даже о том, как поживает Собчак (бывший политический деятель-демократ, переименованный Ленинград в Санкт-Петербург). И ни одного слова неодобрения в его адрес или в адрес, например, Ельцина (хотя можно догадаться, что не любят ни того, ни другого). Вдруг гостю это не понравится, не дай бог, обидеть. Говорить плохо о ком-то здесь не принято.

Солнце уже садилось за гору, когда вернулся Володя. Как всегда, ни минуты не отдохнув, он садится за разборку пойманных бабочек, а я принимаюсь за готовку ужина.

Мы сидели, обедали, когда, отоспавшись, Шараф подошел к нам.

- А у вас сало есть? - спросил он вдруг. - Свиное.

- Есть.

Я достал сало, и он тут же принялся его уплетать.

- Очень люблю сало, - словно оправдываясь, сказал он. - Мои друзья это знают и когда уезжают, всегда его мне привозят. А мы сами не умеем делать, да и старики запрещают.

Подошли двое мальчишек, его братья. Они принесли большую пиалу вкусного катыка, а потом неотступно ходили за мной следом, осматривая все жадными глазами. Я угостил их печеньем. Ничего другого из сладостей у нас нет. Таджики, как и киргизы, по сравнению с узбеками, бедный народ. Если киргизы частенько бывают грубоваты, то таджики всегда мягки в обращении, они сентиментальны, но, как я понял, не всем им можно доверять. Узбеки целеустремленны, трудолюбивы и рационалисты. Они, как японцы среди среднеазиатов. Таджики же - дети природы, любят вольную жизнь и ни на что ее не променяют. И хотя ленивыми их никак нельзя назвать, практичности им не хватает. Да и живут они в таких местах, где кроме камней и скал почти ничего нет.

Шараф рассказывал:

- Живу в кишлаке, называется Хушикат. Работы нет, занимаемся сельским хозяйством. Есть русские, но живут, как таджики. После армии женились на таджичках, и не захотели возвращаться домой. Приняли ислам, соблюдают таджикские порядки и по-русски не говорят.

Шараф рассказывал это со смешком, а я же вполне мог понять этих русских. Есть у таджиков много такого, в чем можно им позавидовать.

Я умиляюсь патриархальному таджикскому укладу жизни, Шараф его осуждает.

- У тебя есть девушка? - спрашиваю я его.

- Откуда? У нас это запрещено, - поясняет он. - С девушкой, например, с соседкой парню нельзя разговаривать, даже слово сказать. А если такое заметят родные девушки, то могут поколотить или даже убить. Да и девушку потом никто не возьмет замуж.

- У русских лучше, - с некоторой завистью говорит, хотя и деревенский, но уже вполне современный Шараф. - У вас, пожалуйста, с девушкой даже в кино или на танцы сходить можно. А у нас нет. Разрешается только жениться, да и то за большой калым.

И он перечисляет, сколько надо отдать за девушку баранов, мешков муки и разного прочего добра. Целое состояние.

Наши сегодняшние дневные сборы были невелики. Краеглазка Эверсманна, белая и обычная зорьки, аполлонусы, мнемозины - вот почти все, что удалось поймать Володе за весь день лазанья в горах. Видел еще заблудившегося александора, но, напуганный, тот сиганул от него пулей.

Утром мы проезжали Хушикат. Кишлак прилепился на берегу Зеравшана под желтыми глинисто-песчаными утесами. Нырнув в туннель, дорога вышла к мосту через реку и тут же стала подниматься на высокий противоположный берег. Вид отсюда был изумительный. На фоне гигантской розово-серой горы изумрудная кипень садов, сквозь которую едва выглядывали домики. Древние руины виднелись на полуобвалившихся желтых скалах. На крохотных полках-террасах прямо на обрыве разбиты сады и

огороды, и подход к ним так труден, что к некоторым пробиты норы-туннели.

- Какая красота! - не мог сдержать я восторга. -

Этому кишлаку, наверное, не меньше тысячи лет.

Шедшие мимо люди улыбались и говорили:

- Больше, чем тысяча, гораздо больше!

И в их словах звучала гордость за свою родину и за родной кишлак.

Горными дорогами Зеравшана

Выше Айни долина Зеравшана все более сужается и превращается в грандиозное горное ущелье, тянущееся вверх до самых ледников на добрые две сотни километров. Дорога, переходя с одного берега на другой, узенькой полоской вьется по крутому склону, скальные откосы над ней тянутся так высоко, что не видно вершин, целые моря осыпей спускаются с высоты, грозя засыпать ту небольшую полочку, что отвоевали люди, построив дорогу. А внизу грозно ревет бешеная река, кружит свирепые водовороты, упруго перекагивая тяжелые валы грязно-бурой воды. Кое-где через реку перекинуты утлые, хотя и металлические, но уже изрядно изношенные фермы мостов. В крохотных пазухах ущелья ютятся тесные и очень многочисленные кишлаки. Кажется, что вот уже ущелье сузилось настолько, что и дороге негде расположиться, где уж тут жить людям, но вот за очередным выступом горы открывается новый вид: опять кишлак, узенькая полоска сада, орошаемого арыками сенокоса, и опять ниточка дороги тянется вверх. Этой дороге, как и кишлакам, нет конца и края. Они следуют один за другим до тех пор, пока есть растительность и есть место, чтобы построить дом.

Под нами крутой километровый откос, почти пропасть до дна ущелья, такой же высоты осыпистый откос над головой. А по нему длинными лентами сверху вниз тянутся непонятные полосы.

«Промоины от весенней воды, желоба, пробитые камнепадами», - гадая, что бы это могло быть, высказываем мы одно предположение за другим.

- Может быть, тропы? - уже ближе к истине предположил Володя.

Но тропы обычно виляют, идут зигзагами, а эти полосы ровные, будто прочерченные по линейке. Очень странные полосы.

Перед кишлаком Оббурдон видна узенькая и очень крутая дорога, ведущая куда-то в глубь гор Туркестанского хребта. На карте она не значится, и ехать по ней страшновато: кто его знает, куда уведет и что там за серпантины, какой крутизны и ширины! А если ей не воспользоваться, то Володе придется подниматься на пару километров высоты пешком, как делает он это десятки раз в каждую поездку. Адская нагрузка!

- Не бойтесь, дорога хорошая, - обнадежил встречный шофер. - Это местные жители недавно построили. Бензин теперь дорогой, а ездить в Ура-Тюбе нужно. Все-таки, райцентр.

Ничего себе, сами сделали дорогу через гигантский хребет высотой более четырех километров! Такие самодельные дороги встречали мы довольно

много и в Киргизии, и в Таджикистане. Езда по ним всегда связана с риском, как когда-то рисковали путники, пользуясь головокружительными оврингами. Вот и эта узенькая, в одну колею ниточка дороги вьется на десятки километров по крутому осыпистому склону.

Я стою, раздумываю, обуреваемый сомнениями, а Володя терпеливо ждет. Он знает, что я все равно поеду. Сам он водитель неопытный, и в таких случаях машину вожу только я.

- А если встречная, - канючу я, - тогда пятиться задом по краю бездны. Или заедем, а дорогу сзади засыплет обвалом, осыпь-то вся живая.

- Ничего страшного, у нас останется запасной вариант, - не соглашается Володя, - перевалим хребет и уедем в Ура-Тюбе.

Он прав, и я решаюсь. Мы едем по рыхлой, утопающей щебенке. Дорога еще не устоялась. Понятно, почему ее удалось провести с помощью одних бульдозеров. Скальные породы настолько мягки, что крошатся в пальцах.

Поднявшись на километр высоты, мы остановились у обочины на большом корумнике. Кругом безликая высокогорная пустыня. Серого цвета осыпи из мелкой плитки заполнили откосы гор, не оставив места для травяных лужаек, а леса здесь не могло быть из-за большой высоты. До ближайшего поселка отсюда не меньше 20 километров пути, поэтому появление четырех таджиков, неожиданно поднявшихся со дна ущелья, было непонятным и необъяснимым. Чего им здесь нужно?

Поздоровавшись, они объяснили, что идут на сенокос.

- Какой сенокос, когда и травы нигде нет?

- А это? - показал один из них на маленькие пятна подсохших кустиков прангоса, желтыми флажками пестреющими среди осыпей. (Прангос - растение с широкими листьями, похожее на лопух. Слегка ядовито и в начале лета о него можно обжечь руки).

- Что же, его ест скотина?

- Да, ест коза и ишак. Корова не ест.

С легкостью и быстротой кошек они поднялись высоко по склону и принялись за работу. Действуя, кто серпом, а кто просто руками, они резали и рвали широкие листья, а потом увязывали в большие пучки. Весь следующий день в гулком пустом ущелье раздавались их гортанные голоса. С песнями, не останавливаясь, они работали с утра до пяти часов, после чего, связав пучки в подобие снопов и уложив на срубленные сучья арчи, поволокли вниз. Позади каждого оставались те самые следы - светлые полосы-поволоки на осыпях, о происхождении которых мы строили догадки.

На следующий день Володя весь день штурмовал высокогорье, а я занимался ремонтом, подлавливал пролетающих бабочек и слушал пение таджиков, продолжающих собирать в каменном море пучки трав. Ночевали они где-то в своей хижине, сложенной из арчевых веток.

Володя вернулся в семь вечера. Вот бабочки, которых он ловил: парнассиус тяньшаникус, желтушки степные, Вискотта и Алфераки, гипоневеле

наубидензис и гилларис, паралаза иордана, голубянка амор, неолицена Тенгстрема, червонец Сольского, сартская гирканана, два вида туранан и караназы.

Не задерживаясь, в тот же вечер мы выехали на перевал. Дорога петляла, переходя с одного борта ущелья на другой. На дне виднелись клочки зелени, но почти нигде не заметно даже ручья: видимо, вода, не задерживаясь, уходила под осыпи. Так часто бывает в известняках, но здесь был сплошной слабый сланец.

Над дорогой мелькнула черная бабочка. Володя выскочил и после сложных прыжков и пируэтов на головокружительной круче настиг паралазу гадес.

Вывернули из-за поворота, низкое солнце било прямо в глаза, и что-то сверкало ослепительно белым блеском. Неужели снег?

- Нет, нет, это сланцевая осыпь, - догадался Володя, - блестят плоские грани, причем угольно-черного цвета.

Снега нет, но из-под осыпи сочился крохотный ручеек, едва ли не первая вода в этом каменном ущелье.

Несколько серпантинов, и мы на перевале, сложенном все из таких же мягких сланцев. Наш альтиметр показывал ровно 4000 метров. То же говорила и карта Генштаба.

Напротив, совсем рядом стояла снежная вершина и с нее струился леденящий ветерок. Быстро поставили палатку, натянули на себя все теплые вещи.

Откуда-то снизу вдруг послышались крики. Вот еще не хватало, несет кого-то нелегкая. Поднимается молодой парень, таджик. Попросил напиться. Пока он пил, я расспрашиваю его:

- Ты чего кричал?

- Чтобы веселее было.

- А куда идешь?

- К родственникам в соседний кишлак.

Ничего себе соседний, за такими горами. Одет таджик совсем легко и как-то по-городскому: рубашечка и тоненький пиджак.

- Я из Красноярска, - видя мой недоуменный взгляд, пояснил он. - Там живу, вот приехал в отпуск.

- И далеко тебе еще идти?

- Нет, не далеко, километров 30.

Это значит еще столько же, сколько за сегодня прошел.

- Так ведь уже ночь на носу, куда ты в такой одежде?

- А ничего. Я быстро, к утру дойду. Мне же теперь вниз идти.

И парень пошел, почти побежал легкой, упругой походкой.

- Горные таджики проходят иногда по сотне километров за сутки, - заметил Володя, глядя вслед удаляющемуся гостю. - Это одни из самых лучших ходяков в мире. Есть кишлаки, куда не добраться ни на каком виде транспорта. Только пешком. Трактора в разобранном виде на руках переносят.

Солнце село, а высокая гора напротив, увенчанная скальным гребнем и полями снега, окрасилась в оранжевый цвет. Сын оторвался от укладки дневного сбора.

- Сейчас будем наблюдать мерцание Альп.

Я взглянул на вершины Зеравшанского хребта, хорошо видимые на юге. Они светились бело-голубыми снегами, потихоньку окрашиваясь в розовые тона. Потом все угасло, и мы тут же почувствовали близость снежных полей.

Прямо в палатке на примусе быстро сварили суп с тушенкой, причем картошка так и не уварилась, зато вермишель превратилась в липкий клейстер.

От примуса в палатке стало тепло и уютно, не хотелось вылезать на холод, однако надо было готовиться к ночному лову. На небе светился молодой серпик луны, и ярким блеском мерцала Венера.

Я настроил движок, он загремел, и свет озарил угрюмые осыпи почти без следов растительности. Отвечая нашему светосигналу, далеко внизу загорелся огонек где-то на берегу Зеравшана.

- Ничего нет, даже мухи, - разочарованно произнес Володя, оглядывая освещенное полотнище экрана. - Абсолютно стерильно. Хоть бы моль какая прилетела.

Мы померзли еще минут 25 и выключили свет. Зато приемничек работал, как нигде хорошо. А громче всех радиостанция Алма-Аты.

Ночью я проснулся от воя ветра. Он хлестал бортами палатки, звенел котелком и кастрюлей, оставленными на улице. Снизу от земли шел леденящий холод, и от него не спасала ни подстилка из пенополиуретана, ни палатка, ни верблюжий спальный мешок. Вдруг невольно стало жутковато: мы стоим на краю обрыва, и порывом урагана нас может сбросить под откос.

Не выдержав, я вылез на мороз. Ярко горели звезды. Вырванный колышек палатки метался хищным зверьком. Черные громады гор теснились вокруг, и казалось, что мы парим в космосе.

Спалось плохо. Мешал ветер, звенело в голове и даже слегка побаливало в висках. Все же 4000 метров высота порядочная, для ночевки не очень комфортная.

Медленно, очень медленно светало. Мы долго ждали, когда солнце доберется до нас и согреет воздух. Ветер ослаб, но жесткие его порывы были все же сильны.

- Наверное, лучше не будет, - предположил мой спутник. - Я думаю, это обычная здесь погода. Вот найти бы симониуса, тут для него самое подходящее место. Высота, сланцы...

- Слишком мало растительности, - уныло возразил я. - Всего два вида растений с голубыми и белыми цветочками.

- Этого достаточно для симониуса. Выше его уже никто больше не летает. Хотя здесь могут быть и другие бабочки.

Словно подтверждая это, мимо промчалась наша старая знакомая белянка каллидице. Мы шли по скалистому гребню вверх, и осколки сланца хрустели и проминались под ногами. На северном склоне лежало большое снежное поле. Прозрачно-белая бабочка мелькнула в солнечном свете. Явно парнассиус, видимо, Штаудингера.

Через седловинку шла баранья тропа, по которой перегоняли скот. Меж обломков скал и камней

пробивалась трава, и кое-где даже зеленели крохотные лужайки. Откуда-то вывернулась мелитея, потом какая-то белянка. Вскоре я поймал парнассиуса Штаудингера и актиуса - обычных обитателей ледяных высокогорий. Володя, тоже стал обладателем местной крапивницы никсы и нескольких аполлонов, однако симониуса не оказалось.

- Чего-то ему не хватает, - с некоторым разочарованием произнес он, - возможно, нет его кормового растения. А бывает и так, что здесь нет, а на соседней горе есть.

На обратном пути, то и дело останавливаясь, мы подлавливали паралазу гадес. Бабочки появлялись неожиданно, чаще всего у обрывчиков вдоль дороги. Они неспешно трусили у откоса, то ли обследуя его, то ли в поисках тени, партнера или кормового растения. Бабочка медлительная, однако, и она не терпит промахов, тут же взвиваясь ввысь, и исчезая в небесной лазури, стоит лишь ее испугать.

Так, медленно спускаясь, мы достигли высоты 3500 м, где вместо гадес появилась другая паралаза - Роксана. Здесь же мы стали обладателями редкой мелитеи амбризии, обитательницы высокогорья, описанной Хиггинсом в 1935 году. Кроме того, удалось поймать пару крайне редких голубянок аеоллюс, открытых в 1961 году в Афганистане и недавно найденных на перевале Шахристан.

К вечеру опустились до 3000 метров и заночевали на зеленой полянке. Было очень тихо и казалось, что мы из тундры спустились в теплые края. По кустам шастала сорока (она живет здесь до высоты 3200 м), среди камней, взмахивая рыжим хвостом, прыгала горихвостка, и казалось, что вспыхивает красный огонек. После холодного высокогорья приятно было видеть проявление привычной жизни.

На следующий день, уже возвращаясь на главную дорогу, которая, кстати, не намного лучше, чем эта самодельная, разъехались со встречным грузовиком. Он ждал нас на перекрестке. Когда мы поравнялись, шофер приветливо кивнул, а когда я уже проехал мимо, посигналил. Я обернулся. Высунувшийся из кабины водитель показал мне большой палец и что-то крикнул.

- Вот видишь, - заметил Володя, - ты заслужил похвалу от асса горных дорог.

- А куда теперь держим путь? - спросил я, уверенный, что езда по оврингам закончилась.

- Мне бы хотелось посмотреть горы на той стороне Зеравшана, - скромно признался Володя. - Здесь Туркестанский хребет, а нужно попасть в Зеравшанский. К тому же, разные экспозиции: южная и северная.

Боже мой, опять крутить вавилоны, не зная, что впереди!

За деревьями проглядывал жуткий каньон Зеравшана, на страшной глубине редела черная река.

- Где тут дорога на тот берег?

Два пожилых таджика, сидящие под огромным ореховым деревом, несказанно нам обрадовались.

- Ой, вы откуда? Неужели из России? Как там? Бедные, как же вы там, в городах живете! У вас ведь

ни скота, ни огорода. У нас хоть урюк, козы, ишак... Идемте чай пить.

Нам было немного неловко, ведь таджикам на самом деле живется хуже, чем в России или в Казахстане.

У указанного большого ореха мы свернули в проулок, и он привел нас почти к обрыву. Очень крутая узкая дорожка, усеянная валунами, вела к мостику на железных балках. За ним такой же ширины полочка, врезанная в белый обрыв, круто поднимается вверх, а там опять каньон, щель в стене, куда ныряет дорога.

- Так эта же тропа для ослов!

Володя оптимистично съязвил:

- Чем же наша «Нива» хуже ишака?

Крадучись, спускаюсь вниз, а встречный дехканин тщетно пытается убрать с дороги заупрямившегося ишака. На такой дорожке не разойтись...

Перебрались на другой берег, а здесь открылся кишлак с каменными домами-крепостями без единого оконца на улице. В таком доме можно выдержать осаду целого полка. Над нами свисают урюковые ветви, спелыми плодами усыпана вся дорога. В этом году в Узбекистане весенние заморозки убили завязь и урюка нигде нет, а здесь в горах цветение было позже, и плодов сколько угодно. Я не удержался и остановился, чтобы полакомиться, а Володя заколебался.

- Неудобно как-то, - неуверенно произнес он, - вроде как воруюем, да еще показываем пример мальчишкам.

И показал на ребятню, высунувшуюся из-за дувала и с любопытством на нас взирающую.

В это время подошел человек, которого мы как-то не заметили, и неожиданно для нас и совершенно спокойно произнес:

- Что же вы в такой маленький мешочек собираете, возьмите, я вам вот коробок принес. Кушайте на здоровье, может и домой гостинец привезете.

И подал картонный короб из-под какого-то магазинного товара.

- Пришлось отказать:

- Зачем нам столько, нам только сейчас поесть.

- Ничего, ничего, - продолжал человек, на вид обыкновенный крестьянин, - возьмите с собой в дорогу.

Оказалось, что это проявил заботу о нас колхозный сторож.

Я спросил его, почему не собирают фрукты.

- Председатель уехал, - отвечал он, - некому дать команду. - И вздохнул: - Сушить уже пора.

Ночевали мы за околицей кишлака Дамит у арыка с прозрачной водой, за которым простирался сухой склон, усеянный щебнем и поросший степными травами. Было тихо, прохладно и ароматно пахло зизифорой и душицей. Я наслаждался комфортом и все повторял: «Боже, как хорошо!»

После ночного лова, когда стих движок и погас свет, на рукаве своего свитера я заметил крохотный бело-голубой огонек светлячка. Я осветил его фонариком: это был маленький рыжий жучок с длинным брюшком и бледным огоньком на его конце. Он испугался, погас и больше не загорелся.

Утром, когда мы беседовали со вчерашним сторожем, к нам подошел старик с мешочком за спиной и серпом в руках. Старуха послала его на сенокос. Он подсел к нам и по-таджикски стал о чем-то расспрашивать нашего собеседника. Потом развязал свой мешок и высыпал его содержимое перед нами. Там был сушеный прошлогодний урюк, высохшая шелковица, ядра грецких орехов и пол лепешки.

Я стал отказываться. Старик засмеялся, открыв беззубый рот, и что-то заговорил. Сторож тут же нам переводил:

- Берите, берите, это старуха дала ему на дорогу, а он дарит вам как гостям.

Такое бескорыстие повергло нас в смущение:

- А как же он, ему ведь еще весь день сено косить?

- Ничего, его накормят соседи. Это не страшно. Так положено.

У нас и вправду уже давно хлеба нет, в чем и пришлось признаться:

- Вот хорошо, а то у нас хлеб кончился.

На что сторож отреагировал с явным возмущением:

- Что же вы сразу не сказали! Если кончился хлеб, надо ехать в кишлак и говорить: «У нас нет хлеба». И вам сразу принесут.

Он тут же поднялся и вскоре принес две черные, но очень вкусные лепешки. Живет он все лето в шалаше вместе с женой, караулит сад. Это его работа.

Когда мы уже обо всем переговорили, он стал подбирать пригоршнями урюк из дорожной пыли и кидать на каменистую обочину.

- Это ничего, что с земли, - пояснил он, - высохнет на солнышке и будет хорошо. А то и вправду пропадет, кто его знает, когда председатель приедет.

В это время, позвякивая медалями, появился еще один старичок. Совсем старый, высокий, лет 75. Очень франтоватый, в шикарном нежно-зеленого цвета халате, хотя и с трясущимися руками. Восточные старики умеют наслаждаться жизнью. Их все уважают, лелеют. Детей у них много, забот мало, и они занимаются в основном тем, что ходят поочередно ко всем в гости.

- Мой отец, - представил старика сторож и добавил: - он воевал на фронте.

Словно не расслышав, старик полез во внутренний карман, достал большие, под старинные, белые часы, и, щелкнув крышкой, стал пристально рассматривать время. Будто невзначай, часы он держал так, чтобы нам была видна крышка с нарисованным там орденом Победы и цифрами 41-45. Потом он стал что-то рассказывать, все время, упоминая названия городов: Саратов, Куйбышев, Свердловск. При этом он то и дело вынимал часы и опять смотрел время. Как видно, воспоминание о войне было главной сутью его жизни. Вообще, пожилые мужчины, совсем незнакомые очень часто подходят к нам и начинают рассказывать о своей службе в армии, которую обычно провели в России, и очень часто в Ленинграде. Они не могут остановиться, описывая всевозможные детали и, слушая их, убеждаешься, что это очень яркая полоса в их жизни.

Старики разошлись по своим делам, а мы занялись обследованием нового района. У арыка, заросшего душицей, борщевиком и разными луговыми травами, вились разнообразные голубянки, черные хвостатки мирабилис, гипоневеле давендра и сатиры Кауфмана. Скорее всего, они прилетали с остепненных склонов.

- Здесь должна быть гипоневеле Глазунова, - предположил Володя, рассматривая пойманных бабочек. - Похоже, здесь ее биотоп.

И верно, вскоре он поймал ее - маленькую, почти черненькую сверху. Пожалуй, это самая темная из всех гипоневеле. Бабочки летели с раскаленных склонов горы, чтобы охладиться у арыка, и тут же попадали в наши сачки.

А дорога уходит дальше, вверх по ущелью, и мы едем узкими вавилонами между скал, урюковых садов и тополевых рощиц. Рядом, под обрывом гремит бурная речка, зеленые берега подступают к самой воде.

Я спросил пожилого таджика, едущего на ишаке, но на вид похожего на городского интеллигента, далеко ли до кишлака и сколько их еще в этом ущелье. Он посчитал вслух и сказал:

- Семь километров до ближайшего, а всего четыре: Увень, Ронг, Имбет и Андарваш.

Стали выбирать место для ночевки, и глаза разбегаются: и там хорошо, и там еще лучше. В конце концов, заехали на уютную полянку среди леса. Недалеке родник, ухоженный чьей-то заботливой рукой. Опрятно, чисто, и это мы видим не в первый раз. По моим наблюдениям у таджиков очень часто можно наблюдать самое трепетное отношение к природе. Леса здесь мало, и группка деревьев в понимании местных жителей уже лес. В тени деревьев приятно отдохнуть уставшему путнику, поэтому такие уголки берегут. Особенно, если есть речка или родник. Тут можно увидеть выложенную камнями дорожку, скамеечку, где можно присесть, отдохнуть и помечтать. И это вмешательство человека не портит природу. Чувствуется, что таджики любят свои горы и берегут их, совсем не то, что видишь повсеместно в других местах. Володя как-то заметил:

-Для киргизов горы - это место, где пасут скот и где они проводят лето, а для таджика - это родной дом, где он живет и летом, и зимой.

Местечко наше хорошее, но, оказывается, мы встали как раз на тропе, коротким путем ведущей в кишлак. По дороге идут две молодые семейные пары. Нас увидели, остановились. О чем-то между собой поговорили, потом разделились: по тропинке мимо нас пошли парни (у одного ребенок на руках), а их жены - по более длинной (зато в стороне!) дороге. И вот, спрашивается, чего им нас сторониться? Скорее всего, так у них положено. Такого нет даже у узбеков. Вот главная особенность и тайна таджиков: отношение к женщине. Возможно, они первые претенденты на то, чтобы вспомнить о чадре. Как предположил Володя, из-за религии они и воюют (в начале 90-х в Таджикистане шла гражданская война).

Однако не все еще погрузилось в средневековье, кое-что осталось от Советской власти. Мимо спуска-

ется «газик». Остановился, и пожилой мужчина интересуется, почему мы не заехали в кишлак. Оказывается, это председатель местного колхоза. Потом он с гордостью сказал:

- А мы вот электричество проводим. До сих пор не было, а теперь будет.

И показал на оструганные бревна, лежащие у дороги.

- Сейчас, наверное, лес дорогой? - спросил я. - Как вам удалось найти деньги?

- Что вы! - воскликнул председатель. - Это все заготовлено еще давно, когда был Советский Союз. Тогда из Сибири все привозили. Теперь бы уж не смогли приобрести. И провода, и все остальное.

Верно, мы уже не раз видели на стройках новых домов (частных домов строят везде много) стропила из кривых деревьев урюка и яблонь, опоры электропередач из тополя, а вместо стекол в окнах - пленку. Уже есть даже тополевые и ивовые рощи, посаженные для выращивания строевого леса. Балки и стропила из них получаются кривые, но местные жители с этим мирятся.

Утром проснулись, а у нас в лагере гости. Сидят два старика приятной наружности. Один стал рассказывать о своей службе в Ленинграде и никак не мог остановиться. Другой, беззубый все удивлялся, глядя, как мы раскладываем бабочек. «Чего только русские не придумают!» - читалось в его глазах. Так как он никак не уходил, я показал ему журнал с фотографиями бабочек. Он все ворчал и качал головой, дескать, занимаются люди ерундой.

Потом вниз по тропе мимо нас потянулись жители кишлака. Они шли на свои огороды. Прошла женщина с взрослым сыном и поздоровалась. Парень задержался и спросил у нас таблетки от головной боли для матери. Володя дал ему облатку цитрамона. Парень убежал, а потом вернулся, неся для нас лепешку. И то хлеб! Покупать-то здесь негде.

Над нами возвышаются исполины красноватых утесов из розового песчаника, испещренные лунками и язвами выветривания, что придает им необычайно эффектный вид. А под обрывами крутые склоны, буйно заросшие травами. Там летали бархатисто-черные ферульные сатиры. Они торжественно и неспешно планировали над склонами, но ловить их было трудно из-за крутизны откосов.

Обутые в изношенные кеды, ноги скользили по траве, а в это время вертящиеся у самого сачка бабочки (гипоневеле наубидензис), словно подразнивая и посверкивая на солнце сине-фиолетовым отливом крыльев, неспешно ретировались, шарахаясь в стороны от наших сачков.

На цветах чертополоха я ловил сатиров Кауфмана, когда пришел Володя с известием, что поймал странную непонятную желтушку, поэтому нужно переехать еще выше и задержаться здесь еще на пару дней.

Крутыми серпантинами мы поднялись на обширное плато и, проехав крохотный кишлак Андарваш, остановились в полутора километрах от него в сухом и пустынном ущелье. Здесь уже высокогорье, альпика, но без обычной влажности и зелени. Лишь

чахлые кустики и уже посохшая трава пробивались из каменистой почвы. Тут с комфортом и в прохладе, рядом с чистым родником мы прожила два прелестных дня. Главное же, что радовало здесь - это тишина и полное уединение. Лишь раз к нам из кишлака поднялся парень, видимо, на разведку. Увидев, чем мы занимаемся, он успокоился и обещал принести лепешек и еду. Я долго отговаривал его от этого, хотя действительно еда у нас почти вся кончилась.

Только грустные голоса скалистых овсянок да отдаленные крики альпийских галок нарушали здесь гулкою тишину высокогорья. Молча, над головами реяли стрижи, а когда вечером темнело, где-то совсем рядом нежным голосом пела... жаба, и трели ее были похожи на звон серебряного колокольчика.

Здесь я ловил гипоневеле Глазунова и гипоневеле наубидензис, а Володя, поднявшись в горы, искал загадочную желтушку, в конце концов оказавшуюся желтушкой Романова, но странного, необычно мелкого размера.

20 июля, пробыв на верхнем Зеравшане неделю, мы уезжали, полные впечатлений. Вспоминая увиденное за поездку по этой горной стране, я лишь сожалел, что мы не поднялись вверх до Зеравшанского ледника.

В Гиссарском заповеднике

С перевала Аман-Кутан (он же Тахтакарача), что в западной части Зеравшанского хребта (раньше называемого Хозрет Султаном), на юго-востоке мы увидели зубчатый контур синеватых гор.

- Где-то там Гиссарский заповедник, - сказал Володя, разглядывая карту. - Тут показана дорога на Сар-Чашму, попробуем туда пробраться.

Сар-Чашма оказался большим таджикским поселком, где каменно-глиняные двух и трехэтажные дома-крепости утопали в орехово-урюковых садах. Дома небеленые, с плоскими крышами, но очень удобные и рационально устроенные. Стены облеплены лепешками кизяка - топливом из навоза. Это для просушки. Человек семь здоровых таджиков строят большой дом.

- Ребята, а как нам проехать в Гиляна?

Мужики бросили работу и, окружив, забросали вопросами, и вскоре мы уже знали все деревенские новости и что в деревне почти все сейчас работают в поле.

По кривой и ужасно крутой улочке мы выехали за поселок. Поднялись высоко, под самые снега, а здесь разгар весенне-полевых работ. Десятки людей, там и сям, по широкой подгорной котловине, клочками и квадратиками грядок распахивают целину под картошку. Раньше, привозили из Сибири, Белоруссии, теперь приходится выращивать самим. Пашут на чем придется: на ишаках, волах, ни тракторов, ни лошадей почти не видно. Подъехали к тем, что поближе к дороге. Четыре крепких таджика приветливо улыбаются.

- Что, не видели такого?

Тяжело раздувая бока, на пашне лежат два вола, запряженные в соху. Упав от изнеможения, отдыхают. Соха - мощная кривая древесная коряга с окованным

железом наконечником. Мальчик сует под морды волов пучки травы, а те ее жадно жуют.

Мужик показал на огромные валуны, вывернутые из земли, и пояснил:

- Такие булыги трактору не под силу, только волами можно. Да и где они - тракторы? Только в колхозе, да и те уже все износились.

Он взглянул на наш автомобиль и сказал:

- В нашем кишлаке тоже четыре «Нивы» есть, только никто на них не ездит. Нет бензина, да и запчастей не купишь - дорого. Все стоят.

Потом, посмеиваясь, добавил:

- Нам сейчас не столько автомобили нужны, сколько ишаки. Цена на них поднялась до невиданных размеров. Самый выгодный транспорт, да и тяговая сила тоже. Неприхотливый, ест что попало, не то что конь.

Выскочили из-за поворота, а тут такое! Шесть огромных птиц - сипы и грифы - раздирают дохлого ишака. Где-нибудь в Казахстане грифов увидишь одного, двух, а тут целая стая. И ведь надо: на крестьян, работающих рядом, внимания не обращают, а нас увидели - тут же взлетели. Распластали огромные крылья и кругами, кругами, медленно набирая высоту, поплыли к сверкающим снегом вершинам.

А мы поднялись на небольшой перевал и далеко-далеко внизу увидели зеленое пятно-кишлак Гилян. Со всех сторон громоздились горы. Цепи хребтов уходили в поднебесье, теряясь в тучах, а все склоны их, даже под снежными кручами были исполосованы сетями арыков и рассечены квадратиками огородов и полей. Даже неискушенному в археологии человеку было понятно, что вся эта ирригационная система создавалась не одну тысячу лет, и один этот почти фантастический вид будил воображение. Значит, и люди здесь жили очень давно, может быть даже в каменном веке, и именно они свели тут все леса, оставив голыми склоны гор.

Остановившись у зеленой горки, мы часа два ловили парусников: мнемозин и парнассиуса Хонрата, похожего на тяньшаникуса и как бы заменяющего здесь аполлониуса, который сюда уже не идет.

Вечером, когда мы готовили ужин, человек пять таджиков, среди которых были и старые и молодые, уеслили на другом берегу разделяющего нас оврага и с нескрываемым любопытством глазели на все, что мы делали. И это несмотря на поздний час и на то, что до Гиляна, куда они шли, не меньше 10 километров пути.

- Интересно, когда же они дойдут до своего дома? - заметил Володя. - Что-то не видно, чтобы они собирались уходить.

- Разумеется, ночью, - отвечал я, - если только не останутся здесь до утра.

Утром, пока Володя разведывал окрестности, местный житель, остановившись поболтать, рассказал, что заповедник расположен в соседнем, лесистом ущелье, а директором там человек из их родного кишлака Сар-Чашма.

- Скоро его снимут, - добавил он, - он таджик, а заповедник узбекский, поэтому и директор должен быть узбек. Такой порядок.

- А как туда проехать?

- Возвращайтесь в Сар-Чашму, а оттуда на Тамшуш. За ним и заповедник.

И мы едем в обратную сторону, и теперь перед нами лесистый хребет, зелеными склонами поднимающийся до скалистых серых вершин, увенчанных пятнами снега. Какая разница с тем, где мы только что были! Там голые склоны, здесь густые леса, и сразу становится понятным, что с одной стороны селились люди, до последнего дерева вырубали лес, землю распахивали под поля, с другой, по каким-то неведомым нам причинам, селений нет, и лес цел. Значит, кто-то его охранял и не только последние 70 лет, но, по крайней мере, несколько столетий.

Спустившись по головокружительному спуску, мы проехали живописный кишлак Тамшуш и очутились среди леса. По ущелью бежала белопенная речка, а по сторонам стояли заросли из ясеня, арчи, тополей, фисташки, ореха, урюка и каких-то других неизвестных нам древесных пород.

Но вот что это? Вдоль дороги, у самой кромки леса прорыта безобразная глубокая канава, разворочена земля, кое-где уже попорчен лес, а рядом лежит огромная, не менее метра в диаметре металлическая труба. Работают трактора, экскаватор, люди. И эта канава тянется вглубь леса, уходит в заповедник.

На наш вопрос рабочие пояснили:

- Строим водопровод для орошения 500 га земли под картошку. Теперь все выжидают, кто как может. В Узбекистане до сих пор не выращивали ни пшеницу, ни картошку, все привозилось издалека, сейчас все это нужно производить самим. Бесплатно теперь никто не даст, как раньше, а кушать все хотят. На одних овощах и фруктах не проживешь.

Узнали мы также, что здесь Узбекистан, но живут таджики. Охрана? Завтра приедут, увидите. А вы вставайте здесь, дальше не проедете, моста через реку нет.

Утром действительно по дороге потянулись таджики на ишаках. Конечно, сразу подъехали к нашей палатке. Оказывается, из ближайшего кишлака они едут за дровами, за хворостом в лес. Все молодые красавцы, а один особенно: тонкий, стройный, как тростинка, с тонкими чертами европейского лица, нос с маленькой горбинкой. Ну, хоть сейчас играть ему Д'Артаньяна (куда до такого Боярскому!).

Я удивился:

- Какие дрова? Ведь тут заповедник!

- Ну и что, от этого вреда никакого не будет. Наши деды тут испокон веков сушняк собирали, а лес-то цел. Даже при султанах и ханах это не возбранялось делать.

- А что, ранешние правители тоже охраняли лес?

- Конечно. Сюда даже эмиры приезжали на охоту. И кишлаки не разрешали строить, иначе ничего бы от этого не осталось. Природу берегли хотя бы и для себя.

Очень интересно. Я вспомнил фразу Володи, вычитанную им откуда-то из книг: «Шахрисябз - любимый город Тимура». Шахрисябз - причудливый древний городок рядом под горами. Сейчас там полным ходом идет восстановление древних мечетей, по

красоте немногим уступающим медресе Самарканда. Значит, Тамерлан приезжал сюда охотиться и отдыхать под пологом прохладного горного леса. Вот когда уже задумывались об экологии, хотя бы и в своих корыстных целях!

Потом два таджика отозвали меня в сторону и с многозначительным и доверительным видом сообщили:

- Нам нужно кое-что спросить у вас. Для нас это очень важно.

- Говорите, если только я смогу ответить.

- Скажите, будет Союз или нет? Нам без него плохо!

-Ах, вот вы о чем! И нам не очень хорошо, но такого Союза, какой был, больше уже не будет. Если и будет, то союз экономический.

Лица у таджиков уныло вытянулись:

- А социализм? Нам при нем жилось лучше. Детей кормили и одевали, а теперь что? Разуты и раздеты.

- Ишь, какие вы быстрые. Подождите, может, еще и заживете лучше прежнего. Вон как живут в Америке, да Европе, куда лучше нашего!

Признаться, сказал я это, кривя душой, и уверенный в противоположном. Очень уж бедная страна Таджикистан, и вряд ли без посторонней помощи, без той помощи, которую оказывал Советский Союз, будет она жить хорошо. Наверное, это понимали и мои собеседники.

- Э-э, нет, не говорите, - скептически протянул «Д'Артаньян», - скорее будем жить так, как в Афганистане. Одна война, да разруха. А люди как там выглядят: будто сто лет назад. Средневековье какое-то! По телевизору же все видно.

Удивительно, как мысли таджика из маленького горного кишлака совпадали с моими собственными! Я и сам об этом же думал.

- Бросила нас Россия, - продолжал молодой таджик, - мы были великой страной, а теперь кто? Раньше в Москву, как к себе домой приезжали, а теперь там на нас и смотрят косо, побить даже могут, регистрацию какую-то придумали. Не нравится нам все это.

Вот такой невеселый вышел разговор. И мне тоже жалко, что Таджикистан, Киргизия уже «не наши». Люблю я эти края, и народ мне нравится. Но, слава богу, хоть принимают нас очень хорошо. Пока. А что дальше будет, никто этого не знает.

Только уехали сборщики дров, как появился огромный таджик на осле (ишак под ним еле выглядывал). Долго сидел рядом, расспрашивал, разглядывал, заводя разговор издалека.

Наконец спросил:

- У вас документ есть?

Это, оказывается, лесник, он же егеря заповедника. Отвечаю ему:

- Есть.

- И со всеми печатями?

Я сказал, что да, с печатями. На самом деле я немножко хитрил, так как понимал, что нам надо было бы заехать в управление заповедника в Шахрисябз, но, как всегда, не хватило времени.

Лесник сидел и все не уходил. Признаться, он мне надоел (Володя ушел в лес), да мне и работать надо.

- Может быть, показать документы?

- Нет, нет! - ответил он поспешно. - У русских людей всегда есть документы. Не надо, я вам и так верю.

Потом поочередно за день приезжали еще три егеря, и все повторилось точь-в-точь, как с первым. Все спрашивали про документы, но никто так и не решился их посмотреть. Впрочем, видя наши мирные занятия, егеря прониклись к нам полным доверием и в последующие дни более не досаждали, и только крестьяне нет-нет, да и останавливались, чтобы поболтать и поделиться своими мыслями. Один из них, увидя выброшенные Володей безнадежно порванные кроссовки, попросил отдать их ему, что я с удовольствием и удивлением сделал.

- Возьму для сына, - пояснил он, внимательно оглядывая обувь. - Мой отец сапожничает, и делает подметки из автошин. Получается крепко, а эти кеды еще и модные, форсить можно.

Так, наслаждаясь соседством волшебного леса и счастливые охотой на бабочек, мы прожили два дня. По ночам ловили диковинных бражников, коконопрядов и других ночных мотыльков. Возвращаясь в кромешной тьме, прислушивались к таинственным шорохам и звукам, доносившимся из глубины ночного леса. Где-то сквозь дебри ломились дикие кабаны, грозным рыком ревел самец косули, пели кузнечики и сверчки, навевая сон, монотонно повторяла свое «сплю-сплю» маленькая совка, по-таджикски ласково называемая лолой. А еще где-то, пробираясь таинственными тропами, бродил скрытный и очень осторожный дикобраз. Пестрые и очень длинные иглы этого дикого отшельника мы находим часто, но вот увидеть этого, едва ли не самого причудливого зверя не удавалось никогда. Я даже как-то высказал мысль: «Хотел бы здесь прожить несколько лет, хотя бы только затем, чтобы понаблюдать за таинственной жизнью несуразного, диковинного зверя. Посидеть бы ночью с фотоловушкой у норы».

Для бабочек здесь было настоящее Эльдorado. Первое, что нас порадовало, - эндемичный ленточник, названный именем Лепехина, прекрасный обитатель таинственного южного леса. Тот самый, что я поймал в единственном экземпляре у кишлака Ревад. Здесь их было великое множество. Это крупная, удивительно красивая бабочка, как, впрочем, и все ленточники. Снаружи он золотистый, внутри очень темный, в клеточку. Повадками похож на своего более северного родственника - ленточника тополевого. Летает в тенистых местах леса, лениво порхая меж деревьев и временами, будто останавливаясь в полете. Любит присаживаться на сырых местах, на берегах луж, ручьев, на мочажинах. Мы приспособились ловить их сидящими на берегу быстрой горной речки, где они собирались стаями. Жадно припав к сырому песку, огромная темная бабочка чуть шевелит бархатными крыльями, забыв обо всем на свете. Я подвожу сачок вплотную, ленточник пятится, отступая, даже залезает на обрuch и уж потом, если пошеве-

лить сачок, нехотя вспархивает. Легкий взмах, будто подсекаешь удочкой, и золотисто-черная красавица трепещет в сетке.

А рядом на луже столпотворение всевозможных голубянок. Прилетают они явно на водопой, причем, не только в полдень, томимые жарой и жаждой, но даже и утром, когда прохладно. Были здесь крупные червонцы маргеланики, большущие (язык не поворачивается голубянок назвать огромными) гигантеи с небесно-синей окраской крыльев, и, что обрадовало Володю, крохотные, очень темные голубянки турананы.

Стремительные, как бражники, к мокрому берегу льнули рыжие и мохнатые толстоголовки и изредка прилетала особенно желанная для нас желтушка Вискотта. Наверное, это едва ли не самая зеленая желтушка, хотя сверху у нее есть оранжевые тона и даже с красноватым оттенком.

Были здесь и мнемозины, и барбарисовые белянки, пандоры, боярышницы и нежные белянки канидии.

Через несколько дней мы стали здесь уже почти своими и знали многих жителей соседнего кишлака Тамшуш, каждое утро приезжавшими сюда за хворостом. Старшему егерю, когда он по вечерам возвращался в кишлак, я даже говорил:

- Ладно, спокойно езжайте домой, а мы тут покараулим и посмотрим за порядком.

Фраза эта звучала несколько шуточно, и я сам бы не поверил, что может что-то произойти. Но ЧП, хотя и небольшое, все-таки случилось. Однажды, когда после вечернего лова мы ложились спать (а было уже два часа ночи), со стороны дороги кто-то тихонько свистнул. Свист был невнятный, и я даже подумал, уж не птица ли это? По утрам иногда вот так, или почти так подавал голос черный дрозд. Но нет, лес крепко спал, стояла мертвая тишина. Значит, все-таки человек. Это очень странно, если учесть столь поздний час, полное безлюдье заповедного леса и обычай таджиков обязательно здороваться. Здесь же сигнал подали, вроде бы, как тайно. Кто бы это мог быть? Браконьер не стал бы выдавать себя свистом, значит остается одно: разбойник! Шел «на дело» и решил нас проверить: спим ли? Я уже встречался с нечто подобным, как-то ночью карауля машину в Ленинграде.

- Брось! - сказал сын, когда я высказал свои предположения и опасения, - чепуха все это.

- А что, - не унимался я, - бедному крестьянину ограбить нас - это обогатиться на всю жизнь. Очень даже заманчиво.

- А соседи? Куда он с нашим добром денется? Как хочешь, а я буду спать.

Володя тут же заснул, а я еще не меньше часа сидел в машине, ожидая нападения разбойников. Потом плюнул на все и тоже завалился на боковую.

Утром, как всегда, мимо нас шли и ехали на ослax наши знакомые таджики.

- Да, это нехорошо, - согласились они, когда я рассказал про ночной свист,- добрый человек обязательно бы поздоровался. Но мы узнаем об этом в деревне и скажем вам, - пообещали они.

Уже к вечеру все разъяснилось. Оказывается,

один из жителей кишлака вместе со своим десятилетним сыном ходил в лес ловить кеклика. Обычай держать в клетках птиц - куропаток, перепелов, даже павлинов в саду очень распространен на Востоке. Часто даже в витрине магазина можно увидеть ярко раскрашенного петушка кеклика в клетке или даже парочку милых птиц. И вот этот крестьянин, проходя мимо палатки, не захотел нас тревожить, а может быть, и побоялся, ведь ловля птицы, да еще и в заповеднике, запрещена. Мальчик же не выдержал и свистнул, подвергнув нас маленькому испытанию. Потом этот крестьянин подходил, извинялся. Вот и пойми этих таджиков! Романтики они, чудаки. Глухой ночью идти в лес, чтобы на рассвете, выставив в клеточке приманку - серенькую курочку, ждать, когда в гости к ней прибежит франтоватый петушок. Можно представить себе, как запомнится этот ночной поход десятилетнему пацану, ведь, наверное, когда-то и его отец ходил также вот в этот же лес со своим, тогда еще молодым родителем! Так, из поколения в поколение передается любовь к своей Родине.

На пятый день мы уезжали, уже зная, что впереди перерыта дорога. Об этом нас предупредили наши знакомые таджики. Но не ждать же, когда ее зароят! Мы решили ехать, надеясь, что на месте что-нибудь придумаем.

Да, действительно, поперек дороги была прорыта канава метра полтора глубиной для стока воды. Настоящий большой арык, через который без моста не проехать. Часа полтора мы таскали валуны, закладывая канаву, благо чего-чего, а камней у речки было навалом.

Из-за поворота дороги показался кишлак Тамшуш, приютившийся на берегу речки. Жители провожали нас, приветливо улыбаясь; мы помахали им в ответ, твердо решив приехать в этот волшебный лес когда-нибудь еще раз.

Сангардак

Город Денау (Денев), что на юге Узбекистана, лежит на берегу горной реки. Это зеленый, одноэтажный городок, небольшой, но комфортный по виду. Но все города мы посещаем лишь по необходимости, чтобы запастись горючим, продуктами и дать телеграмму родным.

Вот и здесь, выполнив все эти процедуры и с трудом найдя нужную дорогу, тут же помчались в горы. Асфальтированное шоссе, очень длинное и почти всюду заросшее диким виноградом, километров через 50 привело нас в большой кишлак Хондиза. Над селением, словно страшный дракон, нависла грандиозная гора Хурсантаг высотой более четырех тысяч метров, с острыми клыками скал и многочисленными кулуарами, забитыми снегом и осыпями. Бешеная речка вырывается из узкой, непроходимой расщелины и мечется в берегах, заваленных камнями и заросших диким виноградом.

Радуясь, что есть дорога, мы объехали гору, поднявшись на высоту двух с половиной тысяч метров. Но недолгой была наша радость, вместо высокогорья мы увидели земляные холмы, заросшие обычными

луговыми травами, на которых летали банальнейшие голубянки икары, резедовые белянки, степные желтушки и лишь экзотическая носатка составляла счастливое исключение.

- Нет, здесь делать нечего, проехали тысячи километров, а попали в среднюю полосу России, - недовольно проворчал Володя. - Едем назад.

Спустившись ниже, мы свернули в соседнее ущелье Сангардак. Поперек обоих ущелий идет известняковая стена грандиозной высоты, и, как я понял, это все один и тот же каменный пояс осадочных пород, начинающийся еще с Кугитанг-Тау и проходящий через Байсун-Тау. Ореховые рощи вперемежку с древовидной арчой и зарослями диких кустарников густыми дебрями стискивали дорогу, над которой эффектно высился полосато-слоистый каменный обрыв почти белого цвета.

Вывернули из-за уступа горы и вдруг перед нами возникла великолепная картина с водопадом, срывающимся с этой отвесной стены высотой более 200 метров. Падая несколькими каскадами, водопад разбивался на белопенные потоки и струи, обрамленные малахитовой зеленью мхов, вьющегося винограда и другой буйной растительностью, обильно напоенной влагой.

Пораженные и восхищенные, несколько минут мы стояли молча. Кажется, нигде еще я не видел водопада красивее этого.

Группы людей толпились у водопада, с веселыми возгласами подставляя себя под водяные струи и брызги, падающие дождем из-под небес. Радуга переливалась в водяном тумане над потоками воды, веселый гомон и смех счастливых людей звенел над ущельем. Тут же стояли автобусы и теснились легковые машины, и почти рядом с каждой жалобно блеял привязанный барашек. Местная традиция, которую мы наблюдали не раз. Правоверные мусульмане приезжают к святым местам, на лоно природы веселиться, наслаждаясь красотами божьего мира, а барашки смиренно стоят, ожидая, когда им перережут горло. Скорее всего, я не прав, но меня так и передергивает: может ли радость созерцания красот природы сочетаться с убийством, пусть даже домашнего животного!

Впрочем, и мы сами убиваем бабочек и ночных мотыльков, замаривая их эфиром или, пожимая грудки и при этом не терзаемся муками сомнений.

Пока я размышлял над этими философскими вопросами, перед нами предстала другая картинка, достойная, чтобы ей украсить обложку любого журнала. Две удивительно красивые девушки-таджички в ярких национальных нарядах ехали на белых ишачках и весело смеялись. Мне бы выскочить из машины, схватить фотоаппарат и нажать на спуск затвора. Какая бы вышла фотография на фоне гор и водопада! Но мы уже проскочили мимо, и запоздалая досада до сих пор вызывает у меня горечь сожаления.

Вскоре мы въехали в большой кишлак Сангардак с домами, сложенными из камня и глины, с узенькими, кривыми улочками, по которым даже маленькая «Нива» прошла с трудом. Пока разглядывали стены, облепленные лепешками кизяка, петляли по

невероятно крутым проулкам и расспрашивали про дорогу, с полдюжины хозяев, буквально прицепившись к нам, умоляли заехать к ним в гости и даже переночевать. Я хорошо понимал их: они увидели грамотных русских людей и им хотелось поговорить, услышать новости, поделиться мыслями и услышать советы в это страшное и непонятное для всех перестроечное время.

«Да, да, заедем, но только на обратном пути», - легкомысленно обещали мы с одной лишь мыслью побыстрее выскочить за околицу села. Честно говоря, я испытывал угрызения совести, тем более, что и самому хотелось с ними поговорить, но что поделаешь: нас ждала работа.

То, что мы увидели буквально сразу за кишлаком, заставило содрогнуться: только что прошел сокрушительный сель, оставив безобразные следы разрушения. Я вспомнил страшный ливень, прошедший два дня назад, и который мы по случайности объехали стороной. Здесь он наговорил бед, наворотив по берегам горы камней и грязи, погубив сады и огороды. Судя по следам, оставшимся на деревьях, вода поднималась на высоту более трех метров и страшно подумать, что осталось бы от нас, приедь мы сюда на пару дней раньше! Ведь именно на берегах рек мы, как правило, и останавливаемся на ночлег. На этот раз нас спасла чистая случайность, и мы мысленно возблагодарили судьбу.

Не успели мы порадоваться, что остались целы, как совершенно неожиданно перед нами появились два интеллигентного вида мужчины, одетые по городскому.

- Вы змееловы, - безапелляционно заявил один из них и в подтверждение своих слов показал на палки, привязанные к багажнику нашей «Нивы».

Эти палки мы возим, чтобы натягивать тент от дождя или солнца, и каждый вечер вешаем на них экран при сборе насекомых на свет.

- А рогульки зачем? - не унимались рьяные стражи природы. - Это же ясно, что ими вы прижимаете змею, когда ловите.

И я, и Володя битый час доказывали, что мы не те, за кого они нас приняли. Ничего не помогало, даже университетские документы. Пришлось достать журнал с напечатанными в нем статьями Володи. Это помогло. Кое-как отстали и даже извинились.

Только они ушли, как из-за поворота показались ишачки, доверху нагруженные хворостом. Дехкане все по очереди подходили к нам и выражали свое сочувствие.

- Да вы не обращайтесь на этих городских внимания. Они нехорошие люди. Приехали из Ташкента порядки свои наводить. Из какой-то там экологии по защите природы. Завтра они уедут.

Сами же крестьяне, как видно, пользовались дарами леса и тайком запасали себе дрова. Потом Володя ушел и надолго, так как, наконец, нашел то, что давно искал: кусок горной степи с разнотравьем и множеством чудесных голубянок, одна из которых, а именно агродиаетус филлидес, вызвала его особенную радость. Это нежно-лазорева бабочка цвета незабудок держится земляных овражков и ложков

на северных склонах, заросших чабрецом, сизой полынькой и копеечником. Этот копеечник раньше мы называли тигровым астрагалом и на нем, видимо, голубянка и живет.

У Володи названия многих растений звучат как музыка, как золотой ключик, открывающий двери рая. С какой любовью произносит он названия любимых растений: курчавка, астрагал, парнолистник, эспарцет, седум, псевдоседум, хохлатка, акантолимон, зизифора, карагана, верблюжья колючка. Ведь именно на них, и на им подобных живут самые редкие бабочки.

Наш отъезд из Сангардака был похож на бегство. Разгоняя коров и ишаков, возвращающихся с пастбищ, мы проскочили по заваленным камнями улочкам, со всех сторон окруженным крепостными стенами домов. Знакомый тракторист выскочил из дома, свистел и делал отчаянные знаки, чтобы остановить, зазвать к себе, но где там! Мы не вняли его мольбам и, чувствуя себя лгунами и обманщиками, лишь утешали себя мыслью, что заняты полезным делом, работаем на науку, а она, как известно, требует жертв. Нам некогда разводить разговоры, пусть это делают туристы, не имеющие цели, а мы занятые делом энтомологи!

На следующий день мы приехали в городок Байсун, отягощенные тяжелой думой: где раздобыть бензин. Все заправки пусты и не работают так давно, что их даже успела затянуть паутина. Что делать? Пошли по дворам, высматривая стоящие там грузовики.

- Как же, в беде надо выручать, - почти в каждом дворе говорили нам местные жители.

Сочувствуя, люди побежали по соседям, выпрашивая горючее. Кто-то принес литр в бутылке, кто продал 4, кто 5 литров, оставшихся с незапамятных времен. И, худо-бедно, так мы наскребли литров 25 и поехали дальше.

Озеро Искандеркуль. Перевал Анзоб

За Айни, опрятным городком в долине Зеравшана извилистая лента асфальтированного шоссе уходит на перевал в сторону Душанбе. Каменистые кручи откосов громоздятся до самого неба, а внизу шумит Фан-Дарья с клочками тугайной зелени, прилепившейся к берегам реки. Под кущей ясеневых крон стоит КПП со шлагбаумом и военными в камуфляжной форме.

- Стой, дальше ехать нельзя!

- Почему нельзя? Кто запретил?

- Проезд в Душанбе закрыт, там идет война. Людей убивают.

- Да нам не нужен Душанбе, мы только на Искандеркуль. Посмотрим озеро и обратно.

- Ничего не знаем, поворачивай назад.

Тон резкий и уговоры бесполезны. И не увидать бы нам одно из чудес Таджикистана, если бы не мой паспорт.

- А вы что, из Зыряновска? - вдруг переменил тон проверяющий, разглядывая наши документы.

- Из Зыряновска... А что?

- Как же, ваши люди у нас работают. Даже директор рудника ваш земляк. Можем и привет передать.

Тут только я вспомнил, что действительно из нашего городка несколько лет назад много рабочих уехало сюда под Душанбе, на рудник Анзоб.

Невероятно! Городок, который мало кто знает, здесь хорошо известен. Нас пропустили с почетом, и каждый из дежуривших почел своим долгом позвать нас руки. Мы проехали как свои люди.

Ночь с 20 на 21 июля 1994 года мы провели на берегу Искандер-Дарьи. Было прохладно, шумела горная река с молочно-белой ледниковой водой. С дребезжающим криком над волнами летала оляпка, а со всех сторон громоздились скалистые горы со следами снега под вершинными башнями.

Выше, уже под самим озером, долина носит характер то ли моренных отложений, то ли гигантского завала или оползня. Все это заросло березовыми колками, рощицами тополей вперемешку с барбарисом и бояркой. Но главная красота здесь скалистые утесы розового, кирпичного, желтого цветов и грандиозных размеров. Породы - известняки, мергели, бурые глины и конгломераты с включением окатанных валунов. А вдаль виднеются башни вершин, цветными, монолитными бастиями, возвышающиеся над гребнями хребтов. Они кажутся игрушечными, домашними, теплыми, и потому лежащий у их подножья снег воспринимается неестественным, неправдоподобным.

В этом горном лесу мы прожили двое суток, и все это время меня мучило искушение поскорее взглянуть на знаменитое озеро, считающееся жемчужиной Средней Азии. Я был в роли слепца, который ощущает картину всеми органами чувств, но не видит ее. Володя же был тверд в своих намерениях, намереваясь вначале как следует осмотреть окрестности. И действительно, облизав каменистые склоны ближайших гор, он обнаружил массу очень интересных и редких бабочек, в том числе загадочного сатира гипонифеле галча, открытого еще Грумм-Гржимайло и с тех пор мало кем ловимого.

Искандеркуль - означает озеро Александра Македонского. Таджики любят Искандера, считая его своим предком, и самое красивое свое озеро назвали его именем.

Лишь на третий день, перевалив через перемычку, мы увидели легендарное озеро. Скажу сразу, что озеро меня не поразило. И не потому, что слишком много видел его на фото и уже имел представление о нем. Нет, озеро Искандера не блистало той прозрачной и чистой красотой, какой славятся высокогорные водоемы. Запыленная азиатская атмосфера погасила все краски и сделала вид тусклым и блеклым. Кажущаяся мутной, серо-голубая гладь воды, выцветшие склоны близлежащих пустынных гор, кирпичного цвета крутобокие вершины на заднем плане, столь знакомые по своим очертаниям - вот мои первые впечатления от увиденного. Убогие домишки, покосившиеся столбы электролиний, пыльная дорога на переднем плане - все это не украшало, а скорее мешало, закрывая общий вид, и я так и не смог найти точки для выигрышной фотосъемки.

Обогнув озеро по дороге, мы оказались в его тылу, у устья Искандер-Дарьи, где она широко разлилась по песчаным наносам и заросла старым тополевым лесом. Очень плохая дорога вдруг круто пошла вверх, взбираясь на земляной вал. С трудом въехав на него, мы оставили озеро далеко внизу; с другой же стороны открылся вид на зеленые долины, окруженные высокими горами и альпийскими цирками, снежниками и скалистыми вершинами. Виднелись ниточки дорог и даже крохотные поселки в долине, а знаменитая крутобокая гора, украшающая озеро на всех фотографиях, повернулась к нам своей изнанкой. Как хорошо, что этот ее бок не смотрел на озеро: весь он был изрезан геологическими штольнями и канавами!

Но едва ли не более всего поразила река, бушующая в совершенно жутком каньоне, сплошь заваленном скальными обломками. По сути, это каскад белопенных водопадов, и вряд ли какой смельчак осмелился бы пройти этот поток хоть на каноэ, хоть на любом плоту.

Здесь летало множество гипонифеле (наубидензис) и голубянки агродиагетус (посейдонидес), так порадовавшие Володю.

Для ночевки мы вернулись на берег озера, где устроились под защитой скалы и тополей. Опасаясь лесника, осторожно развели костер, однако никто нас не побеспокоил. Всеобщая разруха коснулась и местной турбазы, оставшейся без присмотра.

Луна освещала дальнюю остроконечную гору и краешек ближнего утеса. Они светились серебристым блеском, а у нас в тени скалы было темно, и лишь светлые облака бросали трепетный, отраженный свет, соревнуясь с бликами от костра.

Утром Володя поймал редкую гипонифеле Глазунова, причем прямо у турбазы на пустынном южном склоне. Эта небольшая темная бабочка держалась пологих, почти плоских глинисто-осыпистых склонов с редкими кустиками эфедры, полыни и акантолимона.

Днем погода стала портиться, и тучи закрыли все небо. Тем не менее, это не помешало сыну до позднего вечера успешно заниматься охотой. Пришел, довольный поимкой всех чешуекрылых, которых и хотел здесь найти. Попалось даже несколько экземпляров загадочной галчи.

В последний раз запалил я запретный костер на берегу. Сбылась моя давняя мечта побывать на знаменитом озере. Оно запомнилось не столько гладью озерной воды, сколько каскадом бешеной реки, впадающей в озеро, рыжими утесами окружающих гор и зеленью берез и тополей на дальнем берегу.

Без сомнения, Таджикистан самая экзотическая страна из всех бывших республик Союза, населенная удивительно дружелюбными людьми. Утром, уезжая, мы набирали воду из чистейшего ручья, бьющего из-под завала камней, и тут с нами пытался поговорить крестьянин с ишаком. Я что-то сердито буркнул ему в ответ, раздраженный, как мне показалось, его навязчивостью. Но вот у кого надо учиться доброжелательности, вежливости и терпимости: он очень мягко ответил, и мне стало стыдно, ведь за все время поездки мы ни разу не видели разгневанного или хотя бы

нервничающего таджика! И кто их учит смиренности и такту? Видимо, религия.

Там, где Искандер-Дарья, сливаясь с Ягнобом, образует Фан-Дарью, свернули вправо на дорогу на Анзоб. Ущелье узкое с крутыми и отвесными стенками. Кое-где проглядывают красивые башни скал, видны каскады воды, падающие в боковых расщелинах. Все зажато, тесно. И среди этой тесноты вдруг расширение долины. Река Ягноб, успокоившись, разливается широким плесом по обширной террасе, потом вдруг падает каскадами белопенных, ревуших потоков по гигантским ступеням горного обвала. Один прыжок, другой, и вдруг вода со страшным ревом падает и исчезает в черной яме-дыре, пробитой рекой в скалах. Радуга дрожит и играет над водяным туманом, своего голоса не слышишь из-за шума реки. Пораженный невиданным зрелищем, я стоял на мостике, перекинутом через реку, брызги обдавали меня со всех сторон, ледяным холодом веяло от воды. Потом сказал Володе, стоявшему рядом:

- Этот водопад я бы назвал «Прыжком дьявола».

- Дьявола или ангела, но водопад действительно производит впечатление, - согласился сын.

Несколько сот метров ниже по ущелью реки не видно, затем она вырывается из такого же мрачного и жуткого туннеля в каменном завале.

Перед подъемом на перевал навстречу из-за поворота выскочил громоздкий бронетранспортер, и я, чертыхнувшись, едва увернулся от него, съехав на обочину. Совсем недалеко отсюда, в Душанбе опять какая-то заварушка, идет стрельба и непонятно кто, за что и за кого воюет. И все это трудно укладывается в голову, ведь в общении таджики такие мягкие, на редкость приятные люди!

Опять таможня или что-то вроде КПП. Вдрызг пьяные омовцы не успевают принимать подарки от проезжающих. Один из них бесцеремонно заглянул в наружный кармашек моей выцветшей ковбойки. Другой прямо попросил несколько долларов или на худой конец анаши. Но надо сказать, что и я их не праздную, всем отвечая довольно резко и одно и то же: «Что вы! У нас ничего нет. Видите, мы и сами голодные!» И отстают. Где-нибудь, в России, возможно бы, и не отвязались, а здесь отступают. Конечно, люди бывают разные, но с большинством можно договориться.

Перевальный гребень уже виден. Он зелен и с пятнами снега. На смену каменным откосам ущелья пошли склоны, буйно заросшие травами и кустарниками. Володя сунулся, было с сачком, но быстро вернулся, сказав, что все заросло так же буйно, как на Алтае. А это означает, что и бабочки здесь будут самые обычные.

Несколько больших серпантинных, и мы на перевале Анзоб высотой 3400 метров. Здесь расположился настоящий поселок с метеостанцией и еще какими-то строениями. Это и неудивительно, так как место очень удобное: широкое плато с зелеными грядами холмов, расходящимися в разные стороны. Каменные башни венчают гребни по сторонам. Тут есть все: скальные утесы, осыпи, зелень альпийских лугов и снежники, спускающиеся с вершин. В этом отношении Анзоб похож на перевалы Талдык на Алайском

хребте и на Алабель на Сусамыре, но, пожалуй, еще более живописен.

Летают царственные парнассиусы и черные паралазы гадес. Володя тут же переделался, обувшись в мои походные ботинки (из своих уже выглядывают не только пальцы, но и ступни), и побежал на разведку. Я же съехал по дорожке вниз и, ах, какая удача! Я даже не ожидал увидеть такой роскошный лужок с видом на все стороны, с осыпями и скалками на рядом стоящей горке, да еще и скрытый от всех глаз, а главное от поселка. В таком месте стоило и пожить!

Мягкие увалы холмов тут всюду покрыты мелкой, подстриженной зубами скотины, травкой наподобие типчака, среди которой возвышались цветущий бузульник и роскошные кусты адониса с ярко-красными цветами. А выше, на осыпистых склонах вместе с сизовой полынкой в изобилии цвела незнакомая нам кузиния.

В 20 метрах, под осыпями летали яркие аполлоны Штаудингера и Джекемонта. Они порхали совсем низко над землей, временами почти приземлялись, явно присматриваясь и выслеживая самок или примеряясь, чтобы присесть и погреться на теплом камне или цветке. Обрадованный кажущейся доступностью, я бросился их ловить. Но, поймав двух-трех, я распугал их; и они, разлетевшись по сторонам, теперь вели себя куда более осторожно. К тому же у меня почти развалились кеды, и одна пятка то и дело вылезает наружу.

Володя был более удачен. Оббегав не один километр, он стал обладателем караназы анзобики, недавно описанной голубянки Данилевского, черных паралаз (гадес) и сenniцы Нолькена.

К вечеру сильно похолодало, зимней свежестью повеяло с горных вершин. Мы устроились у края откоса и завели движок. Перед нами глубокий провал с лентой дороги далеко внизу, ведущей в Душанбе, а за провалом цепи горных кряжей, теряющихся во мгле.

Из-за холода лет быстро кончился, в 12 ночи мы уже выключили свет и долго любовались ночной панорамой гор, освещенных яркой луной. Где-то далеко-далеко в горах горел одинокий огонек, будоража воображение. Что это: фара идущей вдаль автомашины, свет в хижине пастуха или, что, скорее всего, костер? Потом огонек все же потух, и мы, глядя на него, тоже легли спать.

- С тобой не случилось, чтобы чужая собака облизывала чашку? - ворочаясь в спальном мешке, спросил вдруг Володя, собираясь рассказать об одном из своих бесконечных приключений в прежних путешествиях. - А у меня было. Ночевал я вот так же высоко в горах Чаткальского хребта. Это в Аксу-Джабаглинском заповеднике. Спросонья слышу: звякает, вроде как моя посуда. И ветра никакого нет, полный штиль. Что, думаю, за чертовщина, кого это носит в диких горах на высоте четырех тысяч метров? Вставать неохота, но я все же выглянул из палатки. И не поверишь: лиса грызет мой котелок! А красотища вокруг неопишная: стоят обледенелые горы, и луна заливают все голубым светом. Цыкнул я на незваную гостью, а она нет, чтобы перепугаться, а так это неспешно и нехотя потрусилась прочь.

- Да, вот так и рождаются всякие небылицы, как, например, про снежного человека, - отвечал я, уже почти засыпая. - Помнишь, солдатики на Памире зовут его белым дедушкой? Всем хочется сказок, выдумок и фантазий.

Спалось неплохо, но спиной отчетливо ощущался ледяной холод вечной мерзлоты.

На перевале нам так понравилось, что мы прожили здесь еще два дня. Погода стояла вполне сносная, и лишь ветер да ночной холод несколько нас беспокоили. «Привязанный» к машине, я охотился в радиусе не более 300 метров. Володя же за это время осматрел все окрестные горы. Едва перекусив, а то и просто выпив кружку кофе, он уходил на весь день, и то, как он мог находиться под палящим солнцем и без еды столько часов, откуда хватало сил, всегда оставалось для меня загадкой. И мало того, едва возвратившись вечером, он сразу же принимается за разборку трофеев, а, поужинав (готовлю я), опять усаживается у генератора, теперь уже занявшись ночным ловом. И так изо дня в день почти без продыха мы проводим все время, делая перерывы разве что во время сильной непогоды.

- Такого еще не бывало, - рассказывал он, возвратившись вечером второго дня черный от горного солнца, - видел сегодня уларов, вот так же близко, как тебя. Самка отводила меня от птенцов. Квохтала совсем, как это делает куропатка или перепелка. Волочила крыло, притворяясь раненой, а птенцы размером с курицу разбегались, прячась и прижимаясь к камням, а потом улетели.

Я же сегодня наблюдал брачные игры бабочек белянок. Сначала он и она кружились, спиралью поднимаясь вверх. Потом самка села на кустик и там замерла без всякого движения. Самец опустился рядом, потом подвинулся совсем близко и крыльями стал обнимать самку, при этом он трепыхал крылышками и весь дрожал. Подружка отвечала ему, распахнув крылья.

Несколько раз над нами пролетали боевые вертолеты, а «Свобода» рассказывала о боевых действиях, идущих в 180 км к юго-востоку от Душанбе. По этому поводу Володя сказал: «Теперь мне ясно, почему здесь нет сборщиков бабочек. Обычно сюда съезжаются с разных уголков Союза». Нам тоже пора убраться, тем более что и запасы продуктов кончатся, и бензина почти нет.

Домой через Кураминский хребет

На обратном пути знакомые таможенники пропускали нас, как своих без очереди, с приветствиями и улыбками. Только что цветы не дарили.

Приехали на заправку в Айни. Бензин есть, но цену подняли выше мировой: аж целый доллар за литр самого дрянного, разбавленного соляжкой семьдесят шестого. Но делать нечего, купили 20 литров, чтобы доехать хотя бы до Ура-Тюбе.

Два дня 27 и 28 июля мы стояли под перевалом Шахристан на высоте 3100. Место не слишком уютное, но очень уж хорошо ловились ночные бабочки: редкие, диковинные, высокогорные, и, возможно,

даже еще не описанные. Здесь я почувствовал недомогание: температура и озноб. Ночевки на холодном перевале Анзоб не прошло даром, и теперь нам об этом понятно, что нужно скорее возвращаться домой, тем более, что путешествие и так подходило к концу. До Алма-Аты можно добраться кратчайшим путем по дороге «Бишкек - Ош», но мы там много раз уже проезжали, к тому же там два высоких и холодных перевала, поэтому Володя решил совместить полезное с необходимым. Он наметил оригинальный маршрут на Ташкент, но не по обычной дороге, а с пересечением Кураминского хребта где-нибудь в новеньком для нас месте. Но до него надо еще доехать.

С Туркестанского хребта спустились в сторону Ферганской долины и остановились в лесистом, заросшем арчевником логу, ведущем в соседнее ущелье. Там находится перевал Кумбель и стоит (стоял!) какой-то научный стационар, куда еще недавно любители приезжать бабочники. Время еще не позднее, и Володя тут же отправился с сачком в сторону перевала. Вернулся, когда уже стемнело, несколько возбужденный:

- Представь, никакого стационара больше нет, а вместо него стоит пограничная застава. Меня чуть не задержали.

- А какая же тут граница?

- Ясно какая: Таджикистана с Узбекистаном.

- Что-то новенькое. Неужели, закрывают?

- Да, похоже. Во всяком случае, узбеки заняли оборону. Стоят врытые в землю бронетранспортеры. Очень удобная позиция на самой вершине. Они только два дня назад сюда приехали.

- А таджики, наверняка, даже и не знают об этом. Значит, узбеки боятся таджикских моджахедов.

- Выходит, что так. Каримов не хочет пускать таджикскую заварушку к себе.

- А тебя-то как встретили?

- Как узнали, что из России, приняли очень хорошо. Можно даже сказать, сердечно.

Протарахтел «Беларусь» с прицепом, полным крестьян. Таджики по старой привычке ехали на сенокос, на узбекскую территорию. Вскоре мы услышали громкие голоса спорящих людей, после чего трактор покатила назад. Значит, не пустили. Да, времена меняются. Прямо на наших глазах закрылась граница между Таджикистаном и Узбекистаном.

На следующий день мы спустились в долину. Здесь теплынь, бензина навалом и очень дешевые овощи. Однако, горючее и здесь драгоценность. В Ура-Тюбе таджик, будка которого была обклеена новенькими банкнотами едва ли не всех стран СНГ, продавал его двадцатилитровыми канистрами, причем считал их как 22 литровые. Но это мелочь, главное, что бензин есть! Зато дешево накупили овощей на дорогу, и в том числе шесть огромных, ароматных дынь.

В Ходженте мы чувствуем себя как дома. Володя искупался в Кайракумском водохранилище, и через час мы уже ехали вдоль хорошо знакомого нам южного склона Кураминского хребта. В Аште есть свороток в горы, но мы не знаем, доедем ли по этой дороге до Узбекистана. Однако мир не без добрых людей,

и какой-то таджик, работавший когда-то у геологов, сказал: «Езжайте, не бойтесь. Перевалите и спуститесь в Ангрэн. Там на перевале узбеки перекопали дорогу, чтобы не ездили через границу, но шофера не дураки, проделали объезд». Мы так и сделали.

Перед ущельем расположился большой поселок Шайдон. Это райцентр, ухоженный, зеленый, полный магазинов, словом, почти город. Центральная улица превращенная в дорогу, ведет в глубину гор. Заселено все ущелье, один кишлак сменяется другим, и прямо за домами начинаются склоны удивительно живописных каменных гор. Гранитными пирамидами, башнями, огромными ступенями скалы нависают над дорогой. А вдоль нее, на каждом шагу то лавка, то мастерская, как видно, появившиеся совсем недавно. Люди быстро приобщаются к рыночной экономике.

Последним из цепочки кишлаков по ущелью был утопающий в садах Пангаз. Урюк, сливы, яблоки падают прямо на дорогу; очень узкая и крутая, она ведет все дальше и, судя по всему, ей не меньше 300, а может быть и 500 лет. Наконец бесконечный кишлак кончился, но сады, огражденные высоким каменным забором, все тянулись. Ясно, что забор образовался сам собой, по мере расчистки сада от каменных глыб. Впереди каменный завал из обломков скал. Неужели конец пути? Дехкане грузят ящики с фруктами в грузовики.

- На перевал заехать можно? - кричу им, не оставиваясь, на ходу.

- Заедешь, если передок работает, - также, не прекращая работу, кричали мне в ответ.

Лавируя между глыб, находим проезд и выкатываем на кочковатую, но расчищенную дорогу. Давно кончились сады, уже чувствуется высота и холод, а мне это противопоказано. Впрочем, рассуждать некогда да и поздно.

Молодой таджик гонит по дороге стадо белых коз.

- Эй, жолдас, далеко до перевала?

- Нет, совсем близко. Я и сам тороплюсь, гоню коз на продажу. Завтра в Ангрэне базарный день.

По нынешним временам это контрабанда. Ангрэн-то ведь в другом государстве.

Наконец выехали на перевал. Мягкие земляные склоны гор, покрытые редкой и уже посохшей травой. Кое-где под вершинами проглядывают пятна снега, к востоку от нас тянется зеленый гребень, ведущий на высшую точку Кураминского хребта гору Бобо-и-Об, высотой 3770 м. Внизу видна узкая и глубокая долина и в дымке просматриваются дымящие трубы Ангрэна, а за ними Чаткальский хребет. Там уже не так далеко и до нашего Казахстана. Как я и предсказывал, высотомер показал высоту 2500 метров. Нас радует, что так удачно заехали на перевал и что можно съесть сладкую дыню, но плохо, что дует студень ветер, а костра здесь не разожжешь, нет дров. Однако одну ночь как-нибудь перетерпим. Завтра Володе, во что бы то ни стало надо подняться на высоту хотя бы в три тысячи метров, где он рассчитывает найти высокогорных караназ и, может быть, паралазу.

Встали с подветренной стороны в какой-то выемке почти рядом с перевалом. Вечер был холоден, и

ночной лов не состоялся. Мы рано легли спать, закупорившись в своей палатке. Кто-то снаружи окликал нас, но мы не отзывались, так как визиты нам уже надоели. Володя укутал меня по возможности теплее и ночь мы прокоротали сносно.

Утро 30 июля было очень свежим. Заметно сказывалось наше продвижение на север. Здесь на высоте 2500 метров было намного холоднее, чем на Туркестанском хребте на гораздо большей высоте. Володя собрался и ушел по гребню на запад, где проглядывали высокие вершины и лежал снег. Я чувствовал себя неважно, знобило, а тепло так и не пришло даже в полдень, когда всюю светило солнце. Тянувший с севера ветерок не давал прогреться воздуху.

Пригревшись в спальнике, я лежал в палатке, а мимо, шагах в 30 шли машины, в основном грузовики, но были и «Газики», и «Нивы». Какой-то мужик упорно меня окликал с дороги: «Эй, геояк!» (Я уже потом догадался, что он кричал: «геолог!»). Мне не хотелось вылезать, и я сердито огрызнулся, тут же пожалев и поняв, что он просто беспокоился обо мне, спрашивая: «Эй, ты там жив?»

К вечеру вернулся мой счастливый охотник. Он добрался до высоты в 3200 м и действительно нашел там караназ (таластауана) и яркого парнассиуса максиминуса, того, что в прошлом году ловили на Чапчаме (перевал через Чаткальский хребет). Были и мелитеи (лунуляты). А вот голубянок никаких не оказалось, для них лето уже прошло.

Наше мирное уединение нарушил непрошенный гость - пожилой таджик. Поздоровался и, увидев начатую дыню, тут же стал доедать ее, причмокивая и нахваливая. Потом, усевшись с поджатыми ногами, стал дожидаться чая, который кипятил Володя. Напившись, он развалился на подстеленной куртке, заявив, что хочет с нами ночевать. Вот еще не хватало, ведь нам и самим тесно!

Чтобы отпугнуть непрошеного гостя, Володя соврал, сказав, что я болен дизентерией.

- Это ничего, - беспечно отвечал на это дехканин, несколько не обеспокоившись, - надо пить айран (кислое молоко) и все пройдет.

Однако все же ушел.

Утром мы дважды переехали через рвы, проделанные узбеками, чтобы закрыть дорогу. Власти не успели, а может быть сил не хватило, чтобы поставить таможенную, поэтому дорогу, перерывли бульдозером. Но разве кого-то это остановит! Все преспокойненько объезжают канаву по склону, объехали и мы, а это значит незаконно пересекли границу.

По живописным склонам, заросшим прекрасными арчевниками, спустились до садов, а там уже близок и Ангрэн. Оказывается, северные склоны Кураминского хребта, не в пример пустынным и сухим южным, очень зелены и даже влажны. Всюду чудные травы и прелестные леса, а ниже пошли сказочные сады и поселки один за другим.

По объездной дороге обогнули Ташкент, а тут уже рядом и Казахстан. Таковы размеры новых стран: за один день пересекли границы трех государств!

Проехали таможенную, спрашиваем у рыжего парня:

- Здесь уже какая страна?
- Черняевка.
- А государство, какое?
- Казахстан.

Ну, значит, приехали домой. И надо же такой недогляд Советской власти: оставили название поселка в честь царского генерала, завоевавшего юг Казахстана и взявшего Ташкент.

Дома, да не совсем.

В Алма-Ате, где мы провели трое суток, ночевать пришлось поочередно в машине. А там духота, комары, да еще и шпана не давали спать. Все ночи недосыпали, намучались и в таком состоянии 5 августа выехали в Зыряновск. Где-то за Талды-Курганом Володя сменил меня за рулем, а я сидел рядом и задремал. Дремал-то всего несколько минут и тут же очнулся от странных толчков. Открываю глаза, и вижу, что наша машина, соскочив с дороги, на полной скорости несется по буграм и рытвинам за обочиной.

- Тормоза! - заорал я во весь голос, но, наверное, Володя и сам уже очнулся от дремоты и что есть силы давил на педаль.

Автомобиль, промчавшись по колдобинам, остановился в каких-то трех метрах от деревьев придорожной лесополосы. Нам здорово повезло в том, что насыпь дороги была не слишком высокой, и мы не перевернулись, что кювета почти не было, деревья лесополосы в этом месте росли достаточно далеко, кочки были не так уж велики, а довольно высокая и густая трава смягчила удары и погасила скорость.

Однако вылезли обескураженные, хотя и без всяких травм. Оглядели машину: кое-где помято, погнуто, но ехать можно. Заехали на ближайшую придорожную станцию техобслуживания. Работавшие там деревенские казахи оказались вежливыми и довольно чуткими. Вне очереди осмотрели нас, заменили рулевую тягу, что-то выправили, а потом долго смотрели на капли масла, вытекающие из задней полуоси. Я понял, что там что-то серьезное, но на мой вопрос они ничего не ответили, очевидно, не желая расстраивать, сказав только: «Дома разберетесь, езжайте, до Зыряновска как-нибудь доберетесь».

Мы и действительно приехали благополучно и, «разобравшись», поняли, что погнуты полуось и кожух моста. Но об этом в другой раз, главное, что мы целы и в сохранности довели домой свои сборы.

Итоги путешествия 1994 года:

В пути были 107 дней, проехали 12238 км, собрали 64 коробки насекомых. В каждой коробке от 5 до 10 матрасиков, на каждом матрасике от 20 до 100 бабочек, большей частью ночных. А это значит, что общее число бабочек не менее 25 тысяч.

Бабочки утренней зари

Аврора - греческая богиня утренней зари. А по-русски это заря, зорька, зорюшка. Этим ласковым именем называют цветок (зорька), птичку зарянку и весеннюю бабочку. Всех их объединяет одно - красный огонек, присутствующий в их окраске, цвет утренней зари. Как украшает майский лес едва ли не первая весенняя бабочка зорька, мелькающая среди

распускающейся листвы оранжевым пятнышком на краю крыла! А как она хрупка и нежна, эта жительница лесов умеренных широт! Но есть и другие зорьки - обитатели степей. И хотя они из другого рода зегрис, большинство их также украшено яркими глазками в верхней части верхнего крыла.

Долгое время мы считали степных зорек редкими и ежегодно подлавливали единичные экземпляры, а в 1990 году даже специально ездили в Баканас на Или на охоту за этими изысканными прелестницами.

Но вот наступил 1995 год. В конце апреля мы, как обычно, выехали в экспедицию из Зыряновска в Восточном Казахстане, и путь наш лежал на юг через озеро Зайсан.

29 апреля мы ночевали в горах Монрак у юго-западного побережья озера. Утром выбрались из ущелья, немного поплутав среди ржаво-желтых неогеновых глин, и помчались вниз по ровной наклонной плоскости к синеющей полоске Зайсана. Панорама отсюда потрясающая: слева, за озером, Курчумский и Нарымский хребты, переходящие в заснеженные горы Сарым-Сакты, справа близкий, весь в снегу Саур, правее серая громада Монрака с выглядывающим из-за него полосато-пестрым Тарбагатаем.

Выбрались на трассу и тут задул жесткий, колuche-холодный ветер. Он рвал и трепал невзрачные стебли и целые куртины трав, желтоватым морем, заполонившим необозримую плоскость степи. Тем удивительней была белая бабочка, взлетевшая над кустиком у самой обочины шоссе. «Резедовая белая», - отметил я про себя. Именно они чаще всего попадают сейчас в степи. И вдруг я замечаю красный огонек на мелькающих белых крыльях. Неужели зорька? Надо обязательно поймать, это очень важно. Бегу за ней и тут замечаю, что бабочка не одна, тут и там взлетают еще и еще такие же тщедушные малявки, мигающие пунцовыми флажками.

Да, это самая мелкая из зорек - микрозегрис. Именно ее мы и ищем, начиная с гор Аркаул у северного побережья Зайсана, где ловили ее в 92 году. Более ста лет назад эту бабочку нашел Рюкбайль в районе Кендерлыка у подножья Саурских гор, и тогда эта поимка казалась невероятной.

Бабочка удивительно нежная и красивая: на бело-кремовом фоне ярко-красный уголок крыла. Рубиновый зрачок как бы приманивает, притягивая взгляд. Обычно любители ловят ее от силы с десяток, а тут сотни летают. Такая удача бывает далеко не всегда, возможно, раз в несколько лет, и упустить ее мы не могли.

Превозмогая ветер, мы бросились за призрачно-белыми мотыльками. Крохотные создания, они трепетали, пытаясь противостоять воздушным струям, но шальными порывами их швыряло из стороны в сторону, и какова же сила жизни у этих хрупких бабочек, что гонит их в такую злую непогоду и заставляет подниматься в воздух, наперекор безжалостной стихии! И хотя каждой от силы по несколько дней от роду, крылья их побиты, и это понятно, ведь хлесткие воздушные струи жестоко секут их и бьют о травяные стебли, ломают и треплют, сокращая и без того короткую жизнь.

- Тут еще и зорьки эуфемы! - в радостном возбуждении воскликнул Володя, вынимая очередную добычу из сетки. - Свеженькая, только что из куколки.

Эуфем было гораздо меньше, но каждая как драгоценность. Трудно было бы придумать более изысканную расцветку: сверху кремово-белая с розовым уголком, снизу ажурная, зеленовато-желтая. И белые усики с белой же булабочкой на конце.

Забыв обо всем на свете, мы так и пробегали вдоль кювета почти весь день. А место-то и смотреть не на что: степь самого невзрачного вида, поросшая сорной резедой и сурепкой (на них-то и садились зорьки), которые через пару недель выгорят, и тогда останется лишь серая плоскость, почти пустыня.

Компанию зорькам составляли похожие на них простенькие резедовые беляночки, в полете трудно отличаемые от зорек.

Было тихо и одиноко, ни одной машины не проехало по дороге. Одна лишь каменка-плясунья, сидя на проводах, забавляла нас пением, задорно подражая то скворцу, то воробью, а то и журавлям. А небо, какое небо висело над головой: синее-синее, с белыми барашками плывущих облаков!

Переночевав в отрогах Тарбагатая, следующим утром мы проехали Аягуз. Через него проходит граница климатических зон. Холодная, ветреная погода постепенно сменялась душным, знойным застоем. Особенно это стало заметно после Тескескена, когда начался спуск в Алакольскую котловину. Слегка наклонная равнина розово-сиреневого цвета тянулась в бескрайние дали, теряясь в дымке. Вся она поросла ровной, невысокой травкой, но не обычными степняками, а явно сорняками.

- Здесь должны быть эуфемы, - предположил Володя. - Два года назад я ловил тут единичные экземпляры.

И верно, только вылезли из машины, заметили светлых бабочек, парящих над цветущим полем. В основном это были резедовые белянки с салатного цвета разводами на крыльях, но среди них выделялись шафранно-желтые зорьки эуфемы. Полет их не слишком быстр, и ловля не представляла большого труда. На медленном бредущем полете самки порхали, выискивая цветущую резеду для присеста, а самцы вились, высматривая самок. Напуганные, они ускоряли полет и даже делали зигзаги, эти обычные уловки бабочек, но догнать их не так уж трудно. Еще легче было ловить их сидящими на цветах, что они делали не так уж редко.

К вечеру захмарило еще больше. Потемнело, и сиренево-фиолетовая горка, где мы остановились, заблагоухала душистыми ароматами полевых цветов. Еще не ступились сумерки, как комариным звоном загудели мелкие жуки афодии. Возбужденные душной погодой, они сыпались в кружки с чаем, падали в котелки с водой. А когда врубили движок генератора, на свет с грозным гулом повалили более крупные жуки навозники. Они больно обстреливали лицо и даже незащищенные руки. Вдруг Володя негромко вскрикнул: «Ах, черт! Долбанул прямо в глаз».

Жуки не оставили нас в покое даже когда мы улеглись спать, поэтому оставшуюся часть ночи при-

шлось воевать с ними в постелях. Набилось их в палатку множество. Подлетывая, они грозно гудели, стучаясь о стенки палатки, падали прямо на лицо, копошились, залезая под одежду, царапались, щекотали и скреблись. Снаружи тоже шла осада. По крыше палатки стучало, шуршало и колотилось так, будто шел неторопливый осенний дождь.

И на самом деле утро встало мглистое, белесое, даже туманное. Нам даже показалось, что вот-вот начнет капать. Однако потихоньку день разгулялся, и бабочки залетали. Нежными колокольцами в небе звенели голоса жаворонков, солнце, наконец, пробилось сквозь мглу, и вскоре засияло голубое небо.

В полдень жара уже стояла такая, как где-нибудь в Узбекистане в разгар лета. Мучимый жаждой, Володя пришел в лагерь, чтобы напиться и сказал:

- Я знаю в чем секрет эуфемы и почему она нынче так размножилась.

- Наверное, год такой выпал...

- Не только это. Здесь брошенная пахота заросла сорняками, крестоцветными растениями, как раз теми, на которых живет эта зорька. Резеда, сурепка. В общем, огородный бурьян.

Достав пинцет, он вытащил из кружки плавающего там жука плавунца, выбросил, а воду выпил, пояснив:

- Кипяченая, ее надо экономить.

- Выходит, что распашка целины пошла на пользу? А в Красной книге написано как раз обратное: бабочкам вредит распашка полей.

- Да, здесь получается наоборот. Мы еще многое не знаем о жизни насекомых.

В дебрях илийских тугаев

В 1995 году нам довелось проехать по правому берегу среднего течения Или от урочища Мынбулак до поселка Айдарлы. Здесь, на территории Алтын-Эмельского национального парка находятся наиболее сохранившиеся тугаи, возможно, лучшие в мире для этого широтного пояса. Путь проходил по местам совершенно безлюдным, заповедным, похоже, в которых никогда не бывали любители чешуекрылых. Маршрут оказался не только удивительно интересным, но и богатым на бабочек, в том числе и на таких, нахождение которых оказалось полной неожиданностью.

Из Сарыозека мы направились в сторону Алтын-Эмельского перевала, но не доезжая его, свернули на Коянкоз. Этот чисто казахский аул живописно расположился под горами.

Спрошенные о дороге на перевал, два казаха ответили хором:

- Есть, есть дорога! Проедете хорошо, на Жигулях ездят.

Совсем нехстати прошел сильнейший дождь, и дорога основательно раскисла. Ужасно скользко, но делать нечего, и мы, не снижая скорости, преодолеваем длинный, глинистый тягун. Грязь фонтаном брызжет из-под колес, однако, чем выше, тем каменистей и суше становится дорога.

Над скалистой кручей Матая, главной здесь вершиной, клубились темные тучи, а на перевале Жуза-

су было солнечно, тепло и сухо. Высота совсем небольшая - 1474 м. Розовым цветом красуется дикая вишня, колючим ковром расплзлась эфедра, таволга, жимолость, миндаль.

Чуть спустились и сразу попали в цветущий яблоневоый сад, вокруг которого каменистые склоны, густо заросли кустарниками. Поет каменный дрозд, из-под дички-яблони выпорхнул целый выводок ке-кликов.

Посыпались камни на осыпи, взглянув, я увидел мелькающее белое пятнышко убегающего животного.

- Теки? - Володя вопросительно взглянул на меня.

- Не думаю, - отвечал я, размышляя, кто же это мог быть на самом деле.

Но тут снова мелькнул светло-желтый бок, и мы узнали ... джейрана! Вот уж кого не ожидали! Степная антилопа приспособилась к жизни на каменистых кручах.

Тут же рядом оказался чудесный родник и поляна на опушке яблоневой рощи. Сразу пришло решение ночевать здесь под сенью деревьев. Дикая яблоня впервые найдена немецким ботаником на русской службе И.Сиверсом в 1793 году на южном склоне Тарбагатай. В письме к П.Палласу он писал, что с жадностью набросился на плоды, как он сам выразился: «подобно Лешему». Еще более удивились тогда сопровождавшие его сибирские казаки, до этого никогда не видевшие яблук.

Только расположились и вдруг услышали тонкое жалобное блеяние, на этот раз явно козленка. Откуда он взялся, если поблизости никаких людей? Ах да, это же козленок дикого тека, оставленный матерью! Мы попали в край непуганых зверей!

Вечер вышел холодный и тихий. Сказывалось соседство высоких Алтын-Эмельских гор. И утро 6 мая выдалось пасмурное, хмурое, хотя взошедшее солнце стало быстро разгонять тучи.

Потихоньку спускаемся вниз по ущелью. Перед нами обширная Илийская долина, утопающая в мареве дымки. Немного тревожно: ведь мы въехали в пределы Алтын-Эмельского национального парка, а разрешения у нас нет. Расчет делаем на то, что проскочим незаметно. Дорога все хуже: глубокая колея, выбитая грузовиками в щебнистом грунте. Здесь холмистая каменная степь с черными проплешинами, блестящих от солнечного загара галечников. Места мне хорошо знакомые по поездкам аж с 1957 года.

Роскошные кусты цветущей желтой караганы чередуются с грозными табличками: «Стоять! Строго охраняемая территория», «Въезд воспрещен, установлены шипы».

Совесть нас немного мучила, что вот так, без дозволения вторгаемся в запретную зону. Но ведь мы не делаем ничего плохого, и даже наоборот, исследуя местную лепидоптерофауну, приносим пользу науке и тому же парку. Наверняка она неизвестна!

Взлетали серые толстоголовки и мелкие чернушки лиела миопс. Пока я медленно ползу, опасаясь «шипов», а больше камней и глубокой колеи, Володя

идет рядом, методично вылавливая представителей здешних чешуекрылых.

Серые в крапинку кобылки выпрыгивали у него из-под ног. Толстые и без крыльев коротышки похожи на маленьких и таких же безобразных жабят.

Становилось все жарче. Звенели цикады, ярко-зеленые, в золотистую крапинку жуки-златки юлодиды стремительно проносились над кустами.

И вдруг я замечаю впереди куланов. Пепельно-серого цвета ослы медленно, словно плыли, передвигались по равнине. В слоях раскаленного воздуха все это: кусты, холмы, животные казались миражом. Я достал бинокль и в знойном дрожащем мареве кроме куланов увидел табунок скачущих джейранов. Подпрыгивая, словно на пружинах, они бежали грациозно и легко. Все как в фильмах об Африке!

Впрочем, нас это все не очень-то радует. Значит, мы попали в самое сердце куланария, и тем вероятнее встреча с егерями - охранниками заповедника.

Вскоре мы въехали в настоящий лес из туранги, тамариска, чингила и джиды. Скорее всего, это урочище Мынбулак, знакомое нам по прежним путешествиям еще 70-80-х годов. Но как все изменилось! Не видно ни роскошных зарослей травы, ни огромных кустов чия, запомнившихся от тех поездок. Сейчас все выбито скотом; стада егерских коров и табуны коней сделали свое дело... А ведь когда-то здесь роями, вились бабочки и в том числе удивительные монгольские сеницы.

Вдали показался домик егеря. Объезжаем его стороной, но по соседству из зарослей выглядывает еще одна хибара. В бинокль я вижу, что домик пустой, значит нечего его опасаться. Но все же пытаемся его объехать и попадаем в красивейшую долинку, со всех сторон окруженную туранговым лесом. Поют соловьи, с дерева на дерево перелетают горлинки. Лучшего места для ночевки, а главное для лова на свет не найти. Ну, а что домик на виду, так он же обитаем!

Поставили палатку, разожгли костер из сухих туранговых дров. Свет лампы осветил стоящие амфитеатром вокруг нас туранговые заросли. Полетело сразу кучно и споро.

Немецкий движок «Эйземанн» на этот раз молотит ровно, без перебоев. Собираем медведиц, хохла-ток, древоотцев, а более всего молей. Так увлеклись, что не замечаем ничего вокруг себя, тем более что вокруг черная тьма, а движок глушит любые звуки. И тем неожиданнее было появление из темноты фигуры человека на лошади. Егерь! Вот вляпались, так вляпались! И откуда взялся? Ну, теперь держись!

Впрочем, казах-егерь вел себя вполне прилично и почти дружелюбно.

- Да, да, - сказал он, - верю, что вы собираете насекомых, что вы научные работники. Но для меня все это ничего не значит, мне нужен только пропуск. Разрешение от моего начальства. Иначе мне попадет.

- А где его брать, пропуск?

- В Басцах, в конторе заповедника в 40 км отсюда

- Ладно, - решает, наконец, егерь, - пока ночуйте, а завтра поедем вместе за пропуском.

Нас это устраивает, хотя это лишние хлопоты и трата времени. Однако лов продолжаем до 3 часов ночи, пока сполохи, молний над Алтын-Эмелем не заставили спрятаться от приближающейся грозы.

Накрыли палатку, полиэтиленовым тентом, но только легли спать, как первые порывы дошедшей до нас непогоды тут же сорвали его. В тот же миг вместе с ураганом ливанул такой дождь, что в один миг промочил спальные мешки. К счастью, он шел не слишком долго, и мы еще успели до утра поспать.

Утром встали поздно с тяжелой, разбитой головой. Чувствовалась усталость после трудовой ночи.

Развесили на кустах постели для просушки и занялись раскладной богатого улова. Одних молей получилось 3 матрасика, почти столько же совков и более 40 штук бражников.

К 12 часам все закончили и поехали на кордон сдаваться. Оказывается, здесь действительно один дом брошен, зато рядом в кустах есть другой, обитаемый. Вот мы и обмишулились, попав, как кур в ощиц.

- Это ничего, - успокаивал нас Оразбай, - съездим к начальству, получите пропуск и ловите себе своих курпулек на здоровье.

Он здесь живет вместе с миловидной женой-китайкой, не разговаривающей по-русски.

А местечко хорошее. Рядом бежит ручей, целая речка, где разведена рыба, а на берегу растут огромные развесистые ивы, которыми, как говорят, по 500-600 лет. В это вполне можно поверить, очень уж дряхлы и мощны стволы, в несколько метров в обхвате.

- А вот, смотрите, - похвалился Оразбай, наш егерь, - недавно туалет построил, за раковиной в город ездили, водопровод провели из ручья. А все для иностранцев, они же по-русски не умеют, - смеется егерь. - Теперь к нам часто ездят немцы, англичане, даже американцы.

Накормили нас лагманом из огромных тарелок, после чего на нашей «Ниве» помчались в контору.

Дорога недавно грейдерованная, гладкая, как асфальт. 40 км пролетели быстро, не то, что раньше, когда я ездил сюда 30 лет назад.

Басщи теперь уютный, утопающий в зелени поселок. Собственно, здесь даже не один, а целых три поселка с казенными, хорошими домами и утопающими в зелени улицами. И как это быстро все расстроилось и разрослось!

Директор - еще довольно моложавый и худощавый казах вполне цивилизованного вида долго и недоверчиво крутил наши документы.

- А что мы будем от вас иметь? - наконец спросил он.

- Как что! Мы же ученые, посмотрим и уедем.

- Нет, так не пойдет. К нам все за деньги приезжают. Даже школьники платят за экскурсии.

- Хорошо, мы тоже купим билеты.

- Нам нужны списки наших насекомых. Вот альбом бы сделать о парке...Издать.

- Ого! Так это же целый труд. Такой труд раньше делали целым коллективом не меньше, чем за 10 лет.

В конце концов договорились, что Володя пришет список бабочек и сделанные слайды.

- А вы Мариковского знаете? - вдруг спросил директор.

- Конечно, хорошо знаем.

- Нехороший человек. Злой. Много плохого пишет.

Значит, зря я сказал, что Мариковский наш друг.

- Ладно, - махнул рукой директор, - сейчас начальник приедет.

- Как, а вы разве не начальник?

- Есть еще генеральный директор. Тургумбаев.

И верно, на «Газике» подъехал огромный казах. Такой толстый, что непонятно, каким образом он поместился в машине.

Не вылез, не поздоровался и даже не взглянул в нашу сторону. Однако пропуск нам выписали. Но день у нас все-таки пропал. Долго ждали, когда Оразбай закупит и погрузит в машину целый мешок с водкой. Потом отвезли его на кордон и только после этого поехали по своему маршруту.

На Поющий бархан, куда лежит наш путь, теперь проложена хорошая дорога. Правда, не асфальтированная, а гладко грейдерованная.

- А знаешь, этот генеральный директор здесь бай, - поделился я, когда мы остались вдвоем. - Хозяин и господин почище, чем когда-то был секретарь райкома. Видел, с каким подобоострастием кланялись ему люди? Он тут царь и бог, все вершит по-своему.

Вспомнил я и разгромные, и очень смелые статьи Мариковского о заповеднике, о Поющем бархане, о самоуправстве и дури чиновников. А теперь эти чиновники получили еще большую власть. Прошли времена Мариковского, Зверева, Гвоздева, канула в прошлое их эпоха, и что теперь будет никто не знает.

Но джейраны есть. Пока ехали, видели несколько табунков.

- Сейчас в парке, а это территория от Чингильдов до Койбына, живут 5000 джейранов, 3000 теков, 1000 архаров, - хвалился директор - Привезли 27 куланов, теперь их 270. Живем за счет иностранцев. Нынче отстреляли 20 теков и на деньги, полученные за них, платим зарплату егерям. Вот гостиницы собираемся строить.

Но я-то знаю, что дичь развелась еще до перестройки, в 1970-е годы в бытность Капчагайского охотничьего хозяйства. А начинал все когда-то А.Тарасов - толковый специалист и администратор, большой любитель природы и друг М.Зверева.

- Не думал, что здесь такие роскошные туранговые рощи, - из оцепенения и воспоминаний меня вывел голос Володи.

- Как же, ты ведь здесь был!

- Да уже забылось...

Лагерь разбили на горке ниже родника. У ручья ставить лагерь не разрешают, чтобы не пугать зверей, идущих на водопой.

Здесь и впрямь стало хорошо. Чисто, свежо, а главное, во многом природа залечила раны, когда-то нанесенные человеком. Лет 25 назад здесь стояли геологи и сильно обезобразили землю.

Отсюда открывается прекрасный обзор на долину, заросшую густым туранговым лесом. Вокруг солонцы с зарослями саксаула, тамариска, чия, эфедры.

Родник «облагорожен». Расчищены подходы от камыша, водоем обложен камнями, спилены лишние ветви, сделана дорожка с каменными ступенями. Что ж, наверное, это правильно. Оставить все в первоизданном виде все равно немислимо. Есть и будут экскурсии, а раз уж присутствует человек, то лучше сделать для него дорожки, чем он будет проламывать их сам, круша все на пути. Лишь бы не перестарались.

Пухлая, то белая, то рыже-красная засолонцованная земля, зубья фиолетовых скал, торчащие из солонцов. Огромный желтый бархан и каменные громады безжизненных Калканов. Самое место, чтобы жить не только джейранам и куланам, но и динозаврам.

8 мая. Утро прохладное, небо обложено тучами. Гнусаво кричит фазан, «булькает» бульдурук. На горку, что напротив нас, вдруг взбежал джейран и встал белым изваянием на зеленом фоне леса. Дует довольно сильный ветер, но это не мешает прытким и очень быстрым клещам бегать по земле на длиннющих, паучьих лапах.

Володя ушел на Калканы, я же занимаюсь ремонтом своих и Володиных башмаков, порванной палатки и профилактикой машины.

Часов в 5 вернулся Володя. Страшно уставший и по-африкански обгоревший. И это немудрено: еще по прошлым путешествиям Калканы казались мне образцом самой жуткой каменной пустыни. Однако у Володи другое мнение. Он дошел до вершины и нашел там разнообразную растительность и даже... папоротник. Главное же, наловил голубянок Татьяна. Сказал довольный:

- Я поймал за полдня Татьян больше, чем все сборщики вместе взятые за все времена.

Еще бы, эту редкую бабочку почти никто не ловит. Володя же собирает ее, наверное, уже в третьем или четвертом месте, начиная с Калгутинского перевала у Зайсана и кончая Боомским ущельем в Киргизии. Кстати, вчера тоже поймал одну на скальном выступе среди песков и солонцов.

Вечер был хорош: тихий, теплый. На свет сразу ринулись полчища насекомых, но в основном моли. Совки вертелись волчками, мешая лову. Были и бражники. Жаба прыгала под ногами, смотря на свет ободками горящих глаз. Долговязые, мохнатые фаланги сутились, пожирая упавших бабочек. Летучие мыши беззвучно носились вокруг, гоняясь за сверкающими в свете бражниками.

9 мая. Утром был очень сильный ветер. Он так рвал палатку, что мы с трудом разложили ночные сборы. Однако даже ветер не мешает петь соловьям. Ночью они распелись так, что мешали спать. Уже к утру им подпевали садовая камышевка и славка.

Поехали в сторону Или и у брошенного егерского кордона почти весь день простояли, ремонтируя машину. Закончили когда солнце село за Бархан. Отсюда он, вытянутый в гряды, похож на две горы песка. А место здесь - голая, каменистая пустыня, слегка заросшая пучками полыни, эфедры и терескена, отчего кажется зеленоватой. Бегают чернотелки двух видов: черные - пузатые, почти круглые и продолговатые - со светлыми окаемочками.

На ночлег мы встали на опушке турангового леса. Рядом тугай, саксауловые заросли и, как ни странно, камыша. Только остановились, как несметные полчища комаров набросились на нас. Одно спасение - свет от движка. Стоит его включить, как кровососы сразу успокаиваются, рассаживаясь на простыне.

Кричала сплюшка, пел соловей, вдали, на реке бухала выпь. Сквозь тонкую пелену облаков расплывчатым пятном просвечивала луна. Ветер давно стих, вокруг кружился рой мошкары, подлетающая с земли, во множестве сутились медведки. Стремительно, будто жуки, они слепо стучались о простыню. Падали, суетливо тыкались о траву и вдруг начинали зарываться в песок. Как волки, рыскали фаланги. Схватив совку, убежали в темноту и прибежали снова за поживой. Пришлепала огромная жаба с выпученными глазами. Сев на простыню рядом с Володей, она хватала языком бабочек, и больше всех ее интересовали бражники. Володя осторожно отпихивал ее, но она упрямо снова и снова подпрыгивала прямо ему под руки.

10 мая. Под утро я проснулся от шума мелкого дождя. Пришлось встать, чтобы натянуть тент. Тучи опустились к самому подножию Калканов. Опять подул холодный ветер. Чтобы не вылезать под дождь, чай вскипятили на примусе прямо в палатке.

Сидим, ждем погоду и слушаем пение жабы. Наверное, она решила, что наступил вечер и, будто колокольчик, время от времени подает свой мелодичный голосок. Не знаю звуков, приятнее этого пения.

К обеду дождь кончился, и мы уезжаем, даже не просушив отсыревшие постели и одежду. А туранговые роши одна краше другой. К ним жмутся тростниковые чащи, тамариск, джужгун, эфедр. Солонцы по ложкам затянуты подушками хармыка. Настоящие девственные тугай. Глаза разбегаются, и мы не знаем, где встать: и там хорошо, а там еще лучше. Проехали мимо завалившейся землянки. Рядом на холмике крест. Видно, жил русский бакенщик да здесь и остался навсегда. Когда-то на Или ходили парходики, кипела жизнь.

Тучи постепенно поднимались, обнажая утесы Калканов. Восточные их склоны круты, обрывисты и близко подходят к реке. И здесь эти каменные кручи угрюмы и мрачны в любую погоду: хоть в дождь, хоть в солнце, и нигде не видно ни клочка зелени.

Взволнованная порывами ветра, Или рябила бурунами волн, словно горная река, кипящая на перекатах. Это впечатление усиливалось от поднятой ветром песчаной бури, клубящейся над рекой клочьями белого дыма, и не сразу можно было догадаться, что это летучий песок с отмелей и островов.

Из-за бугра показался егерский кордон. На двери замок, молодой белый пес, виляя хвостом, увязался за нами и бежит следом.

11 мая. Чужой пес добровольно нас охраняет. Улегся рядом с палаткой в надежде, что мы возьмем его с собой. Но нам надо дальше, и разгоняясь, мы отрываемся от него, стараясь держать путь строго на восток. Это удастся с трудом, так как дорога виляет из стороны в сторону, временами теряясь вообще.

Река Или то приближается к нам вплотную, то отходит далеко в сторону. Гряда Калканов отошла на

запад, но следом появился другой хребет, менее высокий, с рядами конусообразных вершин. Это горы Кату. У их подножья прилепились другие горы, совсем невысокие и белого цвета. Эти голые и безжизненные горы так и называются: Ак-тау. Из глиняной теснины выбегает ручей, а чуть в стороне на бугорке опять домик егеря. Но людей не видно, очевидно, все уехали отмечать Первомайские праздники.

Дорога привела нас в прибрежный лес, всюду лужи воды и сырая почва ржавого цвета. В просветах между деревьями и займищами тростников проблескивает Или. Большая река величаво катит мутные воды, журчит, подмывая глинистые берега, на глубоких местах крутит воронки водоворотов. Белеют желтые песчаные острова.

Слева по ходу песчаные барханы, с северного бока поросшие туранговые лесом, с южного - саксаулом. Причудливые коряги древних деревьев переносят нас в мир сказок и легенд. Тренькали синицы, шипел пестрый удод, высовываясь из дупла. Громко порхая крыльями, кричали фазаны.

– Стой! – вдруг воскликнул Володя. – Какие-то голубянки мельтешат.

На верблюжьей колючке мы ловили голубянок Христофа, вьющихся над пахучими цветами. Красно-пестрые жуки-скакуны взлетали с песка, носясь в воздухе стремительнее мух. С гулом взлетали серые златки, по пескам молниями сигналы быстрые ящурки.

Едем, не переставая удивляться сохранности здешней уникальной природы. Мы проехали по всей Средней Азии, всюду тугайные леса порушены, освоены людьми, заселены. Возможно, здесь, на Или последние в мире хорошо сохранившиеся тугаи. По крайней мере, на этих широтах. Осознают ли это сами работники парка, начальство в Алматы (так теперь, нарушая законы русского языка, говорят вместо привычной Алма-Аты)? Пока упрекнуть их не в чем. Разве что за скотину, содержащуюся егерями.

Уже несколько дней мы не видели ни одного человека. Пустынна и тиха была и река: ни лодки, ни моторки, ни рыбаков.

– Кажется, мы достигли полюса недоступности, – высказал предположение Володя. – Здесь самое удаленное место от всех населенных пунктов. Потому и природа совершенно не затронута человеком. Дальше начнем приближаться к аулу Айдарлы.

Не хотелось расставаться с девственным краем, и мы решили остаться, встав лагерем необычно рано, в 5 часов.

Глухо и таинственно стонал голубь, в траве негромко стрекотали сверчки. Рядом, на лесной поляне взрылленная земля, целый «огород», вспаханный дикими кабанями. Всюду фиолетовые кляксы фазаньего помета. Сердито гавкала косуля.

Саксаул так и просится в костер. Котелок вскипает чуть ли не за минуту. Было уютно и покойно в этом волшебном саду сказок и грез. Из тьмы на свет костра к нам протягивали кривые белые руки-коряги дряхлые великаны-тополя. Убаюкивая, кричала сплюшка, сверчки, не умолкая, пели все громче.

Когда стемнело, всю эту идиллию и тишину девственного леса взорвал наш движок. На свет сразу

полетели огромные и неуклюжие серые древоточцы. Пронсясь пулей, они с размаху шлепались на землю и замирали, словно неживые. Похоже вели себя другие, белые, как снег, более мелкие древоточцы. Приземлившись, они трепыхались, как рыба, выброшенная на берег, а уже потом засыпали.

Сегодня наловили полтора матрасика одних только голубянок. Это значит, около сотни. Кроме голубянок Христофа были просекузы, аргигномоны и глаукопсихе летифика – эндемик тугаев Или и Сырдарьи.

12 мая. К утру вдруг закапал дождь и стало душновато. Дорога продолжает виться среди огромных туранг старого тугайного леса. Неожиданно из зарослей чия выскочило непонятное существо неопределенного цвета. Перебежав через дорогу, прямо у нас под носом, оно тут же скрылось в зарослях тамариска. Мы недоуменно уставились друг на друга: лиса, собака, енот?

Явно ни то, ни другое. Неоряшливое, в грязной, серовато-желтой шубе с очень густой шерстью. Короткое, будто обрубленное тело с таким же коротким, но толстым хвостом. И морда круглая, слившаяся с туловищем. Толстяк - коротышка со сверкающими от злости глазами.

«Так это же дикий кот! - наконец дошло до меня. – Ставший редким и потому загадочный ныне манул». И Володя, и я впервые видим этого, когда-то обычного, теперь диковинного зверя. Очень оригинальная, не похожая ни на чью другую внешность у тугайного разбойника – дикого котяры.

А лес как-то вдруг сразу расступился, и открылась обширная поляна с добротным домом и хозяйственными постройками вокруг. Русский старик с ведром в руках, не обращая на нас внимания, шел к дому.

– Здравствуй, хозяин! – окликнул я его.

Старик кивнул, приниженно, с долей робости, сказав при этом:

– Подъезжайте к калитке, хозяин там, в доме.

Вышел молодой казах. Володя достал наш документ-пропуск, на котором только вчера мы исправили римскую цифру мая на июнь. И тогда еще пошутили: «Можно подставить еще одну палочку и тогда ездить до августа».

Стали расспрашивать дорогу. Егеря достал блокнот и, вырвав листок, нарисовал схему со словами: «До Айдарлов осталось километров 30».

Я потихоньку разговариваю со стариком. Он с 31 года рождения, раньше работал бакенщиком, сейчас на пенсии. Жена умерла, дети в Алма-Ате. «Вот живу здесь, помогаю егерю. Коты? А их здесь много, всех фазанов пожрали. Тут они разные. Есть камышовые, есть барханные». Раньше здесь было охотничье хозяйство Среднеазиатского военного округа (то-то и богатое!), теперь все это вошло в национальный парк. Про начальство в Басци выразился кратко: «А им что нужно? Каракуйрюков (джейранов) жрать да с иностранцев валоту брать!»

Распрошавшись с когда-то знаменитым охотхозяйством, мы едем, забирая влево, в сторону загадочных гор Кату. Когда-то сюда (но с северной сто-

роны) специально приезжал Семенов Тянь-Шанский обследовать горы на предмет вулканизма. Вулканов не нашел, зато обнаружил следы подземных пожаров каменного угля.

Справа долина Или - ровная, с рядами барханов дюн, заросших травой и саксаулом, слева белые горы Ак-тау, а прямо перед нами высятся красно-оржавые кручи гор Катутау. Но они не такие скалистые, как Калканы, и издалека кажутся землянистыми.

Мы пробираемся к ним по усыпанному галькой, гладкому как бетон такыру. Это высохший конус выноса грязевых потоков, переходящий в овраг. По сторонам редкие саксаульнички. Они все гуще и надо лавировать, чтобы их не поломать, а себе не поцарапать бока.

Джейран выскочил на горку, замер на мгновение, тревожно оглядываясь по сторонам. Поскакал, высоко подпрыгивая и мигая белым хвостом.

Дальше дороги нет, сплошные размывы, овраги, глыбы скал и камней, навороченные весенними водами. Приблизившиеся к нам горы уже не кажутся землянистыми, видно, что они сложены разрушенными скальными породами кирпичного цвета. Там грохочет гроза, тем не менее, Володя собирает рюкзак и отправляется в сторону затянутых тучами гор.

Я отдыхаю, а мой путешественник где-то бродит, карабкается по скалам, гоняясь за никем не виданными бабочками. Он вернулся к 6 вечера. Несмотря на дождь и плохую погоду, очень доволен. Наловил голубянок (циана, Тагьяна, атамантия диморфа), поймались еще понтия хлоридице, капустница и белянка Крюпера. Самая интересная находка, конечно, белянка Крюпера. Это теплолюбивая бабочка, и до сих пор самой северной находкой, сделанной Володей раньше, были горы Каратау и Ортокойское водохранилище в Киргизии. Но пойман всего один экземпляр, надо ловить еще, а значит будем ночевать.

- Подъедем ближе, - решает Володя.

И мы выбираемся из оврага и, как слаломисты, виляя между кустов саксаула, солянок и тамариска, продираемся вперед, к горам, к ущелью, окруженному ржаво-палевыми холмами и грядами невысоких горок. То и дело пересекаем расплывшиеся и давно высохшие конусы выноса весенних потоков. Некоторые шлейфы так велики и гладки, что Володя шутит: «Здесь, пожалуй, может приземлиться и кукурузник».

Овраг извивается, с обеих сторон его теснят борта, сложенные сцементированной глиной с галькой и задеть такой выступ, значит помять борт автомобиля. В глиняном коридоре царит мертвая тишина. Все нетронуто, первозданно, нигде никаких следов ни людей, ни скота. На дне лишь редкие травинки да на обрывистых склонах всюду желтые цветы и кусты парнолистника, саксаул тянется до самых вершин.

Прохладно, чисто, очень уютно. Стемнело. Закричал сыч. Укладываясь на ночевку, мелодичными голосами застонали, замыкали пустынные снегири. Есть в пустынных горах какое-то необъяснимое очарование, и если днем они гнетут убийственной жарой, то позже сполна платят комфортом вечерней прохлады и волшебной романтикой ночей, полных таинственных голосов и звуков.

Вопреки ожиданиям, лет был неважный, и мы рано легли спать. Возможно, виной всему была луна, светившая так ярко, что не нужен был никакой фонарь. Ночью спать мешала лиса, раздраженно-визгливыми криками выражая свое возмущение за вторжение в ее владения.

13 мая. Жечь саксауловые дрова одно удовольствие. Горьковато-едкий запах саксаулового дыма напоминает мне алма-атинское детство. Когда-то в Алма-Ате это было основное топливо; и целые горы его лежали в каждом дворе. Ботаники говорят, что саксаул не дерево, а трава. Строение жесткой саксауловой древесины действительно напоминает волокна, но окаменевшие и очень ломкие.

Сегодня кончается наше путешествие по Илийским тугаям. Программа выполнена, совсем близко аул Айдарлы и столбовая дорога на Джаркент. Осталось преодолеть бугристую равнину, пересеченную бесчисленными размывами, оврагами и шлейфами выносов селевых и ливневых потоков. И каждый раз, заезжая на такой шлейф, не знаешь, выдержит ли он машину. Сухой затвердевший, или окажется болотной трясиной?

Несколько раз мы упирались то в овраги, то в навороченные валы окаменевшей глины и валунов. Возвращались, петляли, упорно продвигаясь на восток.

Белые горы, вдруг опять появившиеся у подножья Катуты, постепенно перешли в полосато-розовые, потом в желтые, а затем и в красные. Разверзшиеся пасти ущелий напоминали пересохшие от жажды глиняные рты. Оттуда вытекали языки сухих рек, они дышали жаром раскаленной пустыни.

Драная лиса с ключьями висящей на боках шерсти выскочила из оврага и помчалась, держа наотмашь желтовато-палевого хвост. Из куртинок саксаула то и дело выскакивали грациозные газели-джейраны, заяц-песчаник выкатил из кустов, взглянул на нас испуганным глазом и тут же исчез в серых, как и он сам, колочках караганы.

Наконец мы пересекли колею настоящей дороги. Наши блуждания закончились, мы выехали в обжитой людьми район.

- Ну, ты сегодня был молодцом, - похвалил меня Володя. Из каких буераков выбрались! И солонцы, и болота, и овраги.

Впереди показались строения аула Айдарлы. Самое время порадоваться, что благополучно добрались до цивилизации, а нам грустно: доведется ли еще когда побывать в туранговых рощах и загадочных горах Катуты! Вряд ли. Грядут большие перемены в новых государствах, меня поджимает возраст, а у Володи свои планы. Нам повезло, что мы воспользовались безвременьем, даже о погранзонах местные власти временно забыли.

По прямой от Коянкоза до Айдарлы всего-то будет километров 100. Виляя зигзагами, мы проехали не меньше 200. Не так уж много, а сколько впечатлений, радости и переживаний! Какое разнообразие ландшафтов, меняющихся на каждом шагу! Тут все: от гор до болота, от леса до пустыни, от каменных осыпей до барханов. И бабочки сплошная экзотика!

– Я думаю, самое ценное, что ты поймал, это голубянка Татьяна, белянка Крюпера и сenniца монголика, – поделился я с сыном.

– Ты уже начинаешь разбираться в чешуекрылых, – похвалил меня тот в ответ. – Главное, что у нас теперь есть представление, что за бабочки здесь летают. А Татьяна, оказывается, не так уж и редка и стация ее не только сухие невысокие горы, она может спускаться и на каменистую равнину.

Белянка из каменного каньона

Когда едешь из Бишкека в Нарын, то перед Долонским перевалом обращает на себя внимание дорога, ведущая на восток, в сердце высоких Киргизских гор. Вот уж глухомань, запрятанная в путанице горных хребтов, и как заманчиво было бы побывать в этом затерянном мире!

– Вы можете проехать туда и кружным путем добраться до того же Нарына, – посоветовал нам местный киргиз.

Однако прошел не один год, прежде чем в 1995 году наступила очередь посетить этот дальний уголок.

С нами опять дочь Володи – Оля, которой исполнилось тринадцать лет.

Перемахнув через два перевала, дорога привела нас в высокогорную долину реки Болгарт, ниже по течению, называемой Малым Нарыном. Слева вздымались кручи неведомого хребта Джетим – таинственного, загадочного, редко посещаемого. Вскоре появились низкорослые ели и аул на берегу реки. Это Орук-Там – поселок скотоводов.

Чуть отъехали от аула, и тут нас заманило зеленое ущелье. Чистая речка, речная терраса, сплошь заросшая колючей и очень живописной караганой юбата, цветущей сейчас белыми цветами. Заросли низкорослой ивы, тополя, рябины. Бордовые в крапинку цветы рябчика, ревень, а выше по склонам ельники. Тоже низкорослые, чахлые, высокогорные, а в перспективе проглядывает гора с пятнами снега.

Володя, не тратя попусту время, тут же ушел вверх по ущелью, а я принялся искать под камнями синих жужелиц-карабузов. Оле же интересно все: она прогуливается, с одинаковым вниманием разглядывая бабочек, жуков, цветы.

Через несколько часов Володя вернулся сверхвозбужденный:

– Ни за что не догадаетесь, кого я сейчас нашел! Сам бы никогда не подумал, что здесь может летать новая белянка.

– Белянка? Неужели есть среди них еще неоткрытые?

Я весь внимание и взволнован не меньше сына.

– Давай показывай скорее!

Белянка очень крупная, похожая на капустницу, но с узорчатой темной каймой по краям крыльев.

– Бабочку поймал в каменном каньоне, где сыро, лежит снег и кругом холодные скалы. Совершенно необычный биотоп. Мы попали в загадочную, неизвестную до сего времени страну.

– Затерянный мир, – подтвердил я. – Наверняка тут никто не бывал, такие горы кругом!

– Да, все дело случая. Могли проехать мимо, я мог задержаться на 15 минут, зашло бы солнце, да мало ли что! И мы бы сюда больше никогда не попали.

– В общем, один шанс из тысячи, и ты его не упустил.

Я рад не меньше Володи. На этот раз нам повезло, а сколько было невезения, когда новый вид открывали другие. Голубянка Татьяна, симониус талдыкус... Конечно, будем здесь ночевать и вообще жить, сколько потребуется. Что значит одна бабочка, да еще и самка! Надо обязательно ловить еще.

А погода совсем испортилась. Тучи заволочили все небо и опустились, закрыв даже ели. Заморосил холодный дождь, как бывает глубокой осенью. Одно хорошо: дров навалом, не пропадем!

Володя с Олей приволокли целую кучу еловых сучьев и коряг. С костром мы как за каменной стеной.

Остаток дня пролежали в палатках, забравшись в спальники. А дождь не кончается, под монотонный шорох так и легли спать.

На следующий день все повторилось с той разницей, что перерыв между зарядами осадков был не более часа и мы успели лишь позавтракать. С девяти часов, как начался морос, так шел, не переставая, до пяти вечера. Получилось такое же сидение, как у желтушки Ершова. И там и здесь горы, холод и сырость. И бабочки такие, что стоят одна другой. И даже место похожее: елки, ядовитая зелень, высокогорье.

Мы лежали или сидели в палатке, наблюдая за своими соседями – парочкой соловьев-красношеек, гнездящихся в непроходимо густых кустах колючей караганы, да время от времени прилетающей в гости черногорлой завирушкой. Иногда мы слышали тревожно-требовательные голоса арчовых дубоносов, им вторили визгливые покрякивания сурков. Словом, несмотря на дождь, жизнь шла своим чередом.

Вечером небо расчистилось, и на ледяном небе засверкали звезды. Установилась холодная ночь, обещающая хорошую погоду. И верно, утро встало ясное, и даже с инеем. Но почти сразу же с восходом солнца стали подниматься клочья тумана. Выпавшая за несколько дней влага быстро испарялась, и в небе, набухая на глазах, росли тучки.

Спешно, пока не испортилась погода, Володя с Олей ушли вверх по ущелью. У Оли есть полиэтиленовая накидка, а Володе не привыкать мокнуть под дождем. Однако все обошлось, и оба вернулись после обеда, так и не дождавшись лета белых бабочек. Тем не менее оба веселые. У каньона жгли костер, чтобы согреться, катались на снежнике. Оля принесла большой рог тека. Правда, как она говорит, от него здорово несет козлом.

На следующий день Оля осталась в лагере. Володя ушел рано, я же, не удержавшись, договорился с внучкой, что отлучусь ненадолго, и быстрым шагом отправился следом. Хотелось взглянуть, что за удивительный биотоп у незнакомой белянки.

Тучка висит над горой, но солнце уже разогревает склоны. Хрустит ледок на промерзших за ночь ключах, ноги быстро промокли на сырой траве.

Почти все дно ущелья занимает галечниковое русло реки, по берегам желтеют лютики, дикий лук, чеснок. Да, здесь высота. Валяется череп тека. С него-то, видимо, и отвалился рог, который вчера принесла Оля.

Ущелье все уже, река вошла в скалистую теснину. Тут промозгло сыро, обледеневшие снежные поля наледей и нерастаявших лавин местами перекрывают реку, а скалы, несмотря на взошедшее солнце, все еще холодны как лед.

Володя уже стоит под скалой с сачком наготове.

– Еще пока рано, – пояснил он, – но скалы скоро согреются, и бабочки начнут летать.

И вдруг я вижу белую бабочку, мелькнувшую на темном фоне глубокой тени. Воспарив голубком, она тут же прилепилась к скале совсем невдалеке от сына. Кричу ему. Он карабкается по обломкам скал, а я издали направляю его.

– Вижу, вижу! – слышу я его голос.

Вот он взмахнул сачком, и вспорхнувшая бабочка прервала свой полет.

– Есть! – радостно завопил он. – Самец! Как раз то, что надо! Без тебя бы не поймал.

Опять туча закрыла солнце. Мы лезем выше, карабкаемся по дну теснины. Ручей падает здесь каскадами, забит обломками скал, а местами и снегом, превратившимся в фирн и даже в натечный лед. Идти по нему совершенно невозможно, подожива скользит по гладкой, как стекло, поверхности. Всюду с бортов, по скалам, по каменным кулуарам сочится вода. Скалы мокрые, холодные, неприветливые. Они круто нависают над каньоном, того и гляди, сверху свалится скала или глыба льда. Я поднял вверх голову и увидел... дикую козу. Уставившись на нас немигающими глазами, она стояла на макушке утеса, как изваяние. Грязно-желтая шерсть, маленькие рожки, борода.

– Смотри, там за ней и другие, – прошептал Володя, – кажется, с козленком.

И верно, по гребню легкой походкой шла другая козлуха с семенящим за нею детенышем. Так мы и стояли, глядя друг на друга, после чего козы бесшумно, как привидения, скрылись за гребнем.

Карабкаясь, где по наваленным глыбам, где по вмерзшим в лед обломкам камней, мы выбрались из каньона. Впереди желтели овалы склонов гор, покрытые прошлогодней травой, с пятнами снежных полей и грядами торчащих скал. Свежей зелени тут совсем нет, снег только-только сошел, растаяв еще не везде. Может быть, именно эти травянистые склоны – биотоп нашей белянки? И правда, белые бабочки реют кое-где над едва просохшей мертвой травой. Я гонюсь за одной, ловлю... и обнаруживаю в сачке яркого и цветастого аполлона.

– Нет, нет, – подтверждает Володя. – Здесь летают одни дельфиусы. Нашей белянки здесь нет, она живет только в каньоне на скалах. Это уже проверено.

Подумать только: белянка – любительница высокогорья, сырости и холода!

– А я знаю, как ее назвать, – приходит вдруг мне мысль.

– Как?

– Пиерис каньона. Или пиерис петро – каменная белянка. Правда, хорошо?

– Надо еще доказать, что это новый вид.

– Это верно. Тебе не кажется, что она похожа на деоту?

– Очень похожа, но представляешь: Восточный Памир и север Киргизии. Расстояние огромное, и в этом промежутке никто никогда не ловил ничего подобного. К тому же биотоп другой. Та летает на сухих скалах, эта в сыром каньоне. Есть какие-то белянки в Гималаях, кто знает, может, эта из тех... В общем, надо разбираться. Возможно, это подвид деоты. Даже скорее всего.

– А можно еще пиерис Ольга. В честь Оли. Она все-таки вместе с нами открывала.

Явно я делил шкуру неубитого медведя.

– В честь Ольги уже есть бабочки. И даже растения.

– Ну и что, есть желтушки, а белянки-то нет!

Мы вернулись в теснину. Опять солнце осветило скалы, и тут же снова появилась роскошная белоснежная летунья. Балериной она порхала в проеме каньона неторопливо и величаво, точь-в-точь как парнассиус. Потом спустилась к речке и направилась прямо на меня. От волнения я взмахнул довольно неуклюже и постыдно промахнулся. Бабочка ускорила полет и, взмыв кверху, вдруг прицепилась к розовому цветочку под карнизом утеса. Я отчетливо разглядел ее, она сидела в каких-то пяти метрах надо мной. Она шевелила крылышками, ползала по цветку, потом вспорхнула и полетела вверх по крутому скальному кулуару. Стоячая я полез следом. Бабочка все сидела, но где там: кулуар оказался мне не по зубам. Тогда не выдержал Володя и стал карабкаться сам. Из-под его ног посыпались камни, и один, срикошетив от скалы, преболно ударил меня по ноге. Хорошо, что удар пришелся по грубому башмаку, он спас мне палец. Чтобы не отвлекать ловца, я не издал ни звука. И хорошо сделал: мой смелый охотник все-таки добрался до заветной скалы. Хлопнув сачком, мгновенным движением тут же перевернул его, и вторая бабочка в наших руках!

Третья бабочка налетела сама. Привлеченная белым сачком, она хотела на него присесть. Тут Володя из самого неудобного положения, прилепившись к отвесной скале, исхитрился быстро крутануть сачком, как ковшиком зацепив опрометчивую летунью.

Во второй половине дня солнце проглядывало все чаще. Нагрелись скалы, прогрелся воздух, и мы уже не мерзли. Да и бабочки появлялись все чаще. Они порхали, паря в теснине между утесами. Поднимаясь все выше, выискивали розовые и белые миниатюрные цветочки, торчащие из трещин каменных скал. Будто фарфоровые колокольчики, эти изящные цветы встречаются лишь в высоких горах, и всегда диву даешься, как вырастают они среди этих мрачных и угрюмых скал. Позже я пытался их определить, и, кажется, ближе всего к ним подходят названия дриады и куропаточьей травы – растений арктических тундр и суровой альпикки.

Бегать здесь было немыслимо, поэтому мы сидели на своих неудобных приступках, поджидая, когда порхающие, будто лепестки белых цветов, летучие красавицы соизволят пролететь мимо. Чудно пахла какая-то травка, а прямо напротив трепетал краснокрылый стенолаз – редкая птица высокогорий, в полете похожая на огромную бабочку с мелькающей радужной огненно-красных крыльев.

Это романтическое сидение на утесах каньона напомнило мне охоту на локсиусов – близких родственников автократора, за которыми мы ездили в Центральный Тянь-Шань, чуть ли не под пик Победы. Но даже и те роскошные аполлоны давались легче, чем эти изысканные аристократы арктических горных высот.

- Подумать только, – рассуждал вслух Володя.
- Больше 100 лет ловят в Киргизии бабочек, а ведь никому не попалась эта белянка. Хотя какие-то слухи ходят. Не хуже, чем о снежном человеке.

Да, кто бы подумал, что в холодном скалистом ущелье у самых снегов летает неизвестная шикарная бабочка!

На следующий день Володя опять ходил в каньон, а я на склоне горы ловил чернушек (мета) и нежно-голубых голубянок (купидо буддиста). Рядом в еловой чаще хриплым басом рявкал козел косули, а над головой булькал ворон. Потом я увидел, что в лагерь на коне приехал джигит, и быстро спустился на подмогу к Оле.

Оказывается, это участковый милиционер в довольно заграпезном виде приехал проверить, кто мы такие. Но я от защиты перешел к нападению и сам стал выговаривать ему, причем делал это совершенно искренне. Я спросил строгим голосом:

- Скажите, а что это за порубки у вас тут производятся?

И показал на свежие пеньки из-под срубленных тянь-шаньских елей.

- Ведь это же лес первой, особо охраняемой категории.

Он замаялся, очевидно, не зная, что ответить.

- Кто у вас дает разрешение на порубки?

- Я, - пролепетал он и потупил взгляд.

- А кто вам дал такое право? Это же государственное преступление. 70 лет берегли лес, растили, а теперь уничтожаете? Тем более здесь он на грани выживания.

Он что-то забормотал, поверженный такой научной терминологией, перевел разговор на другую тему, а потом быстренько смылся, так и не проверив наши документы.

Когда я рассказал Володе об этом инциденте, он рассмеялся, но добавил:

- Ты смотри, сильно-то не пугай. А то еще придет ночью ликвидировать свидетелей своих деяний.

Все-таки Орук-Там находился слишком близко от нас, поэтому сюда постоянно приезжали то за дровами, то просто из любопытства.

Вечером, когда я отдыхал в палатке, к нам подъехал молодой, крепко выпивший киргиз на коне и долго разговаривал с Володей. Я решил не выходить, притворившись спящим, а сам ждал, когда назойли-

вый визитер отстанет от нас. Киргиз же, узнав, что в палатке спит старый отец, испуганно сказал шепотом:

- Ой-бой, не говори, что я выпивший! Меня мой отец за это плеткой бьет.

И быстренько ретировался, чему мы были очень рады.

Только он уехал, как тут же и дождь кончился, и мы решили начать ночной лов. Завели движок, повесили лампу и вдруг далеко внизу на дороге зажегся ответный огонек (Кстати, причина всех визитов в том, что мы видны с дороги). А время уже 11 ночи. Огонек мигал-мигал, ходил из стороны в сторону и вдруг вырос в... трактор «Беларусь» да еще и с груженой дровами тележкой. Вышли двое парней и встали, тупо на нас уставившись. Наконец стали спрашивать водку. Это же надо: ехать в темноте по страшным буеракам и валунам из-за желания выпить. Привязались и не отстают. А тут, как на грех, хорошо летят совки. Что делать? Мы выключили свет, побросали все в машину, сделав вид, что ложимся спать. Парни постояли-постояли, развернулись и поехали назад. Только огонек их скрылся за горой, мы быстренько все достали снова и продолжили лов.

В общей сложности прожили мы здесь 5 суток, и за это время лишь один день (да и то не весь) был без дождя. А белянок Володя поймал всего 10 штук, я – ни одной.

В следующем 1996 году мы опять путешествовали по Киргизии, намереваясь вновь посетить Восточный Памир. По дороге на Нарын проехали Долонский перевал, и я уже начал подумывать о ночлеге, и тут Володя довольно робко и не очень уверенно заявляет:

- А что если нам снова махнуть за той белянкой в Орук-Там? Риск большой, но ты ведь знаешь, какая туда дорога: сегодня есть, а завтра ее не будет и вряд ли когда восстановят. А сейчас есть шанс, возможно, последний.

Я заколебался. Стояла слишком неустойчивая погода. Там, в высокогорье можно ожидать всего: от дождя, зарядившего на неделю, до нерастаившего с зимы снега. Да и неизвестно, сохранилась ли туда дорога, а ведь крюк немалый: 70, а то и все 80 километров.

- Давай сделаем так, - предложил сын, - заночуем за Нарыном, а утром погода сама подскажет.

Лагерь мы разбили за стрелкой (место впадения Малого Нарына в Большой) выше аула Еки-Нарын.

Вечером стала быстро падать температура. Для нас это хороший признак, предвещающий погожий день. Полностью выведрило, и открылся вид на мощный Нарынский хребет с огромными бастионами заснеженных вершин.

Стемнело и над стоящей перед нами, закованной в лед стеной, зажглись звездочки, казавшиеся фонариками, горящими на вершинах гор. Трудно было оторваться от завораживающей картины, но стужа загнала нас в палатку.

Утро следующего дня встало по-зимнему холодным, с ясным, сверкающим небом без единого облачка и с обильной росой, почти инеем на траве и машине. Сама судьба распорядилась: едем!

Мы специально встали пораньше, чтобы успеть проехать до Орук-Тама и в тот же день еще сбежать до каньона, где живет загадочная обитательница холмных скал.

Торопливо собираясь, мы поставили рекорд: за 40 минут разогрели суп, вскипятили чай, позавтракали и уложились. Теперь вперед!

Погода отличная, и нас ждет азартная и более чем экзотическая охота. Мчимся, невзирая на лужи и кочки. Дорога хорошая, недавно грейдированная, и на весь путь ушло не более часа. К 9 часам доехали до Орук-Тама и юркнули в знакомое ущелье.

Здесь еще ранняя весна. Листва на кустарнике только-только распустилась, карагана юббата в белом цвету. Глухая утренняя тень держится под скалами и елями, травянистые склоны дымятся, просыхая под теплыми солнечными лучами.

Не более пяти минут сборов, и Володя уже в пути. Вернулся лишь к семи вечера. Сгорая от нетерпения, я вышел навстречу:

- Ну, как белянки?

- Были, но очень мало, - отвечал охотник. - Поймал четыре штуки, но и этому рад, могло и ничего не быть.

А мы-то мечтали «хапнуть» штук 30 за пару дней. Но чудес не бывает, тем более, что лето нынче запоздало.

Следующее утро опять одарило нас лучезарным сиянием. Сгорая от нетерпения, Володя убежал, возвратившись к пяти вечера. На этот раз удалось поймать целых семь штук. Будто провидение помогало ему и, когда всюду ходили тучи, над каньоном в просвете голубело небо и сверкало солнце. Все было, как и в прошлом году, и ловцу бабочек пришлось метаться между утесов и карабкаться по скалам за летуньями, порхающими от цветочка к цветочку, прилепившимся на неприступных утесах.

- Здесь хватит, пора посмотреть, что делается в других местах, - решил сын. - Переезжаем в соседнее ущелье.

А соседнее ущелье еще краше нашего: речка, еловый лес, арча, цветущая карагана, а в просвете скальные вершины с пятнами снега.

Окончив ночной лов, легли с надеждой на завтра, но на этот раз погода подвела. Проснулись при голубом небе, а через десять минут все заволокло тяжелыми тучами. Постояли в раздумье да и покатали назад в Нарын.

Итак, за два дня одиннадцать бабочек, из них половина драных. Но и бабочка не из таких, чтобы ловиться десятками: она одна из тех редкостей, что добываются поштучно. Словом, редкий раритет, два года подряд принесший нам несказанную радость и исследователя, и азартного охотника.

История с белянкой на этом не закончилась и имела продолжение.

Будучи очень осторожным в определении и описании новых видов, Володя некоторое время не делился известием о своей находке даже со своим немецким другом и нашим спонсором Эйчбергером, считающим себя едва ли не лучшим специалистом по белянкам. Это его обидело, и Володя, чтобы запла-

дить промах, тут же принял решение назвать белянку его именем. Так и стала наша оруктамовская белянка пиерис Эйчбергера, а не пиерис каньона, не пиерис петро и не пиерис Ольга, как я предлагал тогда, сидя на каменных утесах холодного каньона.

Через пару лет два лепидоптеролога, один из которых был из Алма-Аты, а другой из Новосибирска, попытались повторить наш успех с белянкой. Они правильно вычислили место, поехали на автомобиле из Алма-Аты, но дорогу за это время успело размыть, и путь к бабочке оказался отрезанным. Белянка опять скрылась и стала недосыгаемой. На какое время – неизвестно. Но, навряд ли, надолго. Теперь, когда она описана, обязательно найдутся любители, которые не побоятся пробраться за ней в любые дебри.

Озеро Сонкуль

Вот уж где глубинка в Киргизии: местечко Теке-Уюк в долине Нарына! Оно запрятано глубоко в горах, и чтобы туда добраться надо преодолеть два перевала и долго пилить по горным дорогам.

Мы приехали в Теке-Уюк ярким солнечным днем. Свернули с дороги в широкую долину и перед нами предстала желто-серая глиняная гряда, поразительно похожая на древнюю крепостную стену - дувало, сооружаемое древним, типично азиатским способом: между двух стенок насыпают землю, утрамбовывая ее тяжелой колотушкой. Стенки убираются, а земляной (глиняный) вал стоит лет 200, постепенно разрушаясь от дождей и ветра. Здесь этот вал циклопических размеров был сооружен природой из конгломерата: глины, сцементированной с галькой. В основании почти каждой башни чернели огромные ниши-гrotы, зияющие, словно зевы великанов.

- Оля, пещера Али-Бабы! - пришло мне на ум. - Нет, жилище одноглазого великана Циклопа. А ну бегом, обследовать логово Дива!

Зрелище и впрямь было удивительное. Мы остановились на дорожке, идущей сквозь заросли гигантского чия. Такого роскошного чия, кажется, я еще не встречал. Выше машины желтые фонтаны кустистой желтой травы. Она росла густо, образуя настоящий травяной лес, сухо пахнувший хорошим сеном.

Оля с Володей включились в игру и побежали к пещере. Но сделать это было не так-то просто. Они с трудом пробирались сквозь цепкие и страшно колючие заросли ползучей караганы, переплетшейся с не менее густой эфедрой и арчой.

- Быстрее, что вы копаетесь, в траве что ли запутались? - в нетерпении подгонял я их.

Попадая в такие места, я всегда страшно тороплюсь, будто боюсь, что не хватит времени насладиться этой экзотикой и красотой.

- Ну да, сам бы попробовал! - издали отозвался Володя, едва выглядывая из травяных дебрей. - Мы тут завязли, как мухи на клею.

- Нет, мы будто Карик и Валя, уменьшившиеся в размерах, - добавила Оля, имея в виду прочитанную в дороге детскую книжку.

Когда они подобрались наконец к гроту, то стал виден масштаб: каменная арка, оказавшаяся просто

колоссальной, возвышалась не менее, чем на двадцатиметровой высоте, а люди выглядели перед нею, будто букашки, потерявшиеся на фоне грандиозной горы и наполовину скрытые травяными дебрями.

Зеленая долина, заросшая роскошными травами с редкими группами деревьев, очень напоминала американские пампасы. Посередине ее бежит небольшая светлая речка, то и дело теряющаяся среди ослепительно белеющих галечников. Тут все вместе: альпика высокогорья и среднеазиатский юг. Мягкий, нежаркий климат гор сочетается с дыханием сухих степей.

Каких-то особенных раритетов среди дневных бабочек здесь нет, зато хорошо ловятся ночные. Почти так же, как рядом в Чон-Кондуке (о нем будет речь дальше). Лучшего места для отдыха трудно и придумать, но у нас кончились продукты и бензин на исходе. Кроме того, и это самое главное, у Оли билет на самолет и пора уже двигаться к Бишкеку. На этот раз мы решили ехать почти напрямик, через озеро Сонкуль, посмотреть которое я мечтал уже давно.

Каждая поездка через неизведанные края почти всегда таит в себе опасность, тем более, что дороги этой в автомобильном атласе нет. Но старик киргиз уверил нас, что дорогу, причем хорошую, недавно построили, а сворачивать на нее надо в Джана-Талапе.

На перекрестке дорог не удержались и остановились, чтобы сфотографировать величественные руины древних то ли мазаров, то ли той самой крепости Куртка, которая запирала здесь караванный путь до прихода сюда русских в XIX веке. У подножья развалин белели черепа и конские кости, будто напоминая о битвах батыров, когда-то давным-давно разыгрывающихся под этими стенами.

Большой аул Джана-Талап остался по левую сторону от дороги, наклонное плоскогорье, по которому мы ехали, постепенно втянулось в ущелье. Там зеленели ели и шумела горная река.

Наступивший вечер заставил нас остановиться на ночлег в логу, окруженном густыми арчевниками. Несмотря на близость леса, было сухо, как в пустыне. Цвел белый и желтый шиповник, а заросли барбариса так густы, что, казалось, в эти дебри не просунешь и руки. Пушистые шарики соцветий ломоноса, взвившиеся на самые макушки елей, смотрелись как новогодние украшения. А по дну лога всюду ковром расплзлась колючая карагана вперемешку с распластавшимися по земле дикой вишней и арчой, которые цепко держали машину за колеса.

В темноте, когда врубили свет, стало ясно, что мы стали приманкой не только для насекомых, но и для идущих по дороге автомобилей. Все они, как один, останавливались и долго стояли, что видно было нам по горящим подфарникам.

- Бедняги, небось ломают голову, что бы это значило, - пожалела Оля. - Ни за что ведь не догадаешься.

- Пусть думают, что это НЛЮ, - отозвался Володя, - или высадились диверсанты и подают сигналы.

Машины гудели до самой ночи, и это убедило нас, что дорога действительно существует, ведь они явно шли на Бишкек.

Утром, проехав не более километра, из сухой зоны мы попали во влажный горный лес. Вдоль шумной речки на сыром лугу цвели орхидеи и стояли стройные пирамиды елей. Кричали кукушки и чечевицы. Но это красивое, типично Тянь-Шанское ущелье вскоре кончилось, упершись в тупик. Наша дорога круто свернула вправо и, извиваясь серпантинными, пошла по голому южному косогору на самый верх хребта. Собственно хребтом это место трудно было назвать, мы выехали на обширную плоскость, межгорную, холмистую впадину, со всех сторон окруженную цепями заснеженных и кажущихся совсем невысокими гор. И это было понятно, ведь мы и сами находились высоко, на перевале (Узун-Булак) высотой 3100 метров. Кругом простирались роскошные влажные луга. Цвели оранжевые купальницы и ядовито-зеленые лютики, и это волнующееся на ветерке море трав раскинулось на десятки километров, а где-то посредине лежало пока невидимое нами озеро Сонкуль. Но вот мы проехали не более километра, и оно блеснуло, выглядывая одним боком.

Как хорошо, что туда вела отсыпанная гравием дорога, ведь всюду вокруг теперь был саз – полулуг-полуболото с бегущими ручейками и озерками воды. Над головой промчалась стая оранжевых уток-атаек. Девочка лет 8 прутиком гонит огромных верблюдов, а те, величаво выступая и надменно поглядывая по сторонам, послушно вышагивают, выбрасывая длинные ноги.

Пока мы фотографировали Олю вместе с девочкой, имя у которой было Жулдузкыз (девочка Звезда), появился ее дедушка на лошади и стал зазывать в гости. Может ли петербургская девочка отказаться от случая побывать в киргизской юрте!

Мы сидим на мягкой кошме, а гостеприимные хозяева угощают нас лепешками и очень вкусной сметаной, которая называется каймак. Фотографируемся на прощание с милыми, добрыми людьми и спешим к озеру.

Озеро, как огромное плоское блюдце. Свинцово-серая сейчас гладь воды отражает мрачноватое, затянутое тучами небо. Но вот лучик солнца пробился сквозь рваную пелену облаков, и озеро заиграло, посветлело, став зеленовато-голубым со сверкающими блестками огоньков на воде.

Всюду травяные болотные кочки, пружинящие под ногами, однако к берегу вполне можно подойти, хотя и не везде. Грязновато-илистые отмели, усыпанные пухом и перьями птиц. Тепловатая вода с нитями плавающих водорослей, чайки, летающие над водой. И всюду, стелясь над травой, мельтешат, приплясывая и подлетывая, желто-оранжевые высокогорные перламутровки гегемоне. Ненапуганные, они так медлительны, что, кажется, их можно ловить руками.

От озера во все стороны есть дороги, но настоящему отсыпанных только три: та, по которой мы приехали и две других: одна на восток, в поселок Сары-Булак, а другая – на запад, в ущелье Каракиче. Но мы выбрали четвертый путь, поехав по проселку на север и вскоре уперлись в юрту, откуда высыпала целая ватага киргизов, наперебой дававших советы.

- Езжайте прямо через горы, не бойтесь. Вон, видите, белая полоска. Это дорога. Там и перевал. Приедете прямо в Джумгол.

Далеко на севере, в предгорьях Сонкельского хребта я различил белую ниточку дороги, избегающей на пригорок. Но до нее надо еще доехать по бездорожью, по подозрительной низине, пересеченной галечниковыми пустошами, сухими руслами речек и ручьев. К счастью, трясин нам не встретилось, мы ехали по землястой плоскости, усыпанной галькой. То и дело попадались ручьи, иногда пересохшие, но чаще с водой, переправа через которые не представляла труда.

Поторапливая нас, с запада надвигался мрачный фронт грозовых туч. Опасаясь ливня, мы спешили, приостанавливаясь лишь для того, чтобы разведать очередной брод. Табун полудиких коней пересек наш путь, и бешеный жеребец промчался перед носом машины с развевающейся на ветру гривой. С другой стороны нас догоняли двое скачущих джигитов.

- Смотри-ка, они показывают нам путь, чтобы не заблудились, - предположил я, поглядывая на лихих всадников, соревнующихся с автомобилем. - А скорее всего, джигитуют, чтобы удивить удалью приезжих гостей.

- На всякий случай не останавливайся, - откликнулся сын. - Они больше похожи на разбойников, гонящихся за добычей. Никогда не знаешь, что у них на уме.

Всадники вскоре отстали, а мы выехали на ту самую, издалека показанную нам дорогу. За рыжими буграми сухих, щебнистых гор далеко впереди, в провале открылась обширная долина, а за ней горы Джумголтау. Мы на перевале. Высота 3200 метров. Слева от нас спуск по дороге через пустынные, желтые горы, справа сырая низина, заросшая мелкой, зеленой травой.

- У нас есть в запасе день, переночуем здесь, - решил Володя. - А то получается, ехали-ехали и никакого толку. Надо же выяснить, что тут летает.

Мы спустились в болотистую пойму, причем киргиз, ехавший мимо, кричал нам:

- Эй, куда едете! Там дороги нет, назад не выберетесь!

Ночью шел дождь, мы грелись в палатке у примуса, зато утро было ясным, хотя и холодным, но солнечным.

Володя ловил здесь два вида чернушек и мелитей, я заменял камеру в спустившем колесе. На этих луговых просторах мы умудрились поймать крохотных сапожный гвоздь от чабанского сапога.

У нас кончился хлеб, да и остальной еды почти не осталось. Оля все заглядывала в сумку, а там одна картошка да крупа.

Выезжали, из зеленой западни и, верно, с трудом, но «Нива» не подвела.

Перевалили через гору, а тут совсем другой мир: сухо, тепло. Здесь, вообще, все меняется иногда через каких-то 100 метров пути. И больше того: правый борт дороги голый и пустынный, левый - заросший кустарником, а кое-где и лесом. И чем ниже мы спустились, тем все более о себе давала знать жара и сушь.

Из-за поворота показался кишлак с высокими пирамидальными тополями.

- Ой, хочу лепешек! Свеженьких... - закончила Оля, до этого всегда страдающая отсутствием аппетита.

И вдруг видим: босоногий карапуз катит целую тележку именно таких, румяных, только что испеченных чуреков. Смешно, конечно, обращаться к малышу, но что делать?

- Мальчик, не продашь лепешку?

И тут неожиданно, ни слова не говоря, крохотный пацан подбежал и сует нам целый ворох.

- Это он дарит вам! - засмеялась пожилая киргизка, проходящая мимо. - Идемте ко мне, я продаю сколько хотите.

С полным ртом, жуя во все щеки, мы выскочили, счастливые, из аула и вдруг, откуда ни возьмись, гаишник. Толстый киргиз тоже опешил:

- Ой, бой, откуда русские взялись! С гор что ли свалились?

- С гор, прямо с Сонкуля, - отвечал я, вытаскивая изо рта и пряча лепешку.

Перебросились словами и киргиз отпустил нас с миром.

Долина Джумгола большая, широкая, аулы идут один за другим. Горы вокруг серые, пустынные, сухие. И река совсем не большая, как я ожидал, а мелкая, местами даже исчезающая.

Переночевали мы в теплом отщелке южного склона Джумгольского хребта. Желтая, совершенно выгоревшая трава, розовые гранитные утесы по сторонам и такого же цвета каменные обломки, усеявшие все вокруг. Хорошо пахло степью и подвяленным сеном. Увидев подушки акантолимона на песчаных откосах, Володя уверенно заявил:

- Раз есть акантолимоны, значит должны быть и турананы.

И верно, все утро следующего дня мы ловили этих крохотных голубянок, пока еще не полностью разгаданных специалистами.

Райцентр Чаек большое село, протянувшееся вдоль дороги. Всюду мужчины и женщины, разъезжающие на конях, и это уже не экзотика, а обыденность для всей Киргизии. Гораздо больше нас удивило то, что с нами то и дело здоровались незнакомые люди. Как оказалось, мы встречали их в разных местах по дороге, и вот теперь они радостно нам говорили об этом.

- Бензин запасли, еда есть, - перечислял Володя, - осталось дать телеграммы.

Из приземистого барака почты он вышел, загадочно улыбаясь.

- Святая наивность. Сейчас я вам расскажу о сценке, характеризующей здешние нравы, - начал он в ответ на наши недоуменные взгляды. - Написал я заявку на телефонный разговор, а связи нет. Что-то там у них сломалось. Делать нечего, я пошел назад, а листок мой остался на столе.

- Что же ты его не забрал? - спросила Оля.

- А зачем он мне! - отреагировал Володя. - Мне эта бумажка не нужна, зато к столу, где она лежала, по очереди подходили все находившиеся в комнате

и мужики, и женщины, и все читали ее, словно она была адресована им.

- Ну да, всем интересно знать, кто мы такие, - сообщила Оля. - Теперь разнесут по всему селу.

- Да, задали мы им задачку, - подтвердил я, - не каждый день приезжают такие чудаки как мы. Мотаются по горам, а для чего - понять невозможно.

Через два дня мы провожали Олю в Бишкекском аэропорту «Манас» (том самом, где теперь американская база). Она улетала домой в Петербург. Таможенник, добродушный смешной киргиз, сделав строгое лицо, спросил у Оли, державшей свой увесистый рюкзаки:

- Рог марала есть?

- Нет.

- Рог архара? Нет? А сайгака? Тоже нет? Зачем же ты тогда приезжала?

Все рассмеялись, а Оля улетела с найденным ею большим рогом тека в рюкзаке.

Ущелье Кызыл-Эшме. Тенгизбай

В 1995 году мы совершили большую поездку по Алайской долине, и более других понравилось нам ущелье Кызыл-Эшме, по которому проходит дорога на перевал Тенгизбай. Удивительно, но, попадая в это ущелье, забываешь, что находишься в альпийской зоне, гораздо выше елового или любого другого леса, так богата здесь травяная и кустарниковая растительность.

В начале ущелья есть замечательно красивое, уютное местечко. Из-под отвесной скалы, будто сложенной из красных кирпичей, бьет родник. Целая речка с прозрачно-хрустальной водой бежит по крупным обломкам известняка. Вокруг зеленый лужок, заросший мелкой травкой, темной осочкой и белым клевером, а по берегам ручья душицей. Под нависающей, щербатой скалой цветут экзотические желтые цветы. Листья у них, как у мать-и-мачехи, цветы, как у девясилы. Тут же лопухи прангоса и белые зонтики цветущего борщевика. Весь лужок вместе с ручьем огражден плетнем из колючего шиповника, и есть даже калитка. Здесь очень чисто, нигде ни соринки, ни следов скота, народ, если и заходит, то только напиться или посидеть у воды. Было очень заманчиво здесь встать, но мы стараемся уважать традиции местного населения, а родник этот у киргизов явно охраняемое место, в наших понятиях почти святое, поэтому мы расположились прямо у дороги, где стояли в 1993 году. Тем более, что оно памятно по совершенно фантастическим сборам того года и как раз в этом же местечке.

Каждый раз, останавливаясь близ селения, мы как бы отдаем себя в руки местного населения. А ведь в любом месте может оказаться организованная банда разбойников, грабителей, которым ничего не стоит ночью напасть и ограбить. Другая опасность - подвыпившая молодежь. Киргизы импульсивны, отличаются несдержанностью, особенно молодые. Но пока Бог нас оберегает, и мы надеялись на мудрость и мирный характер сельских жителей, тем более, что к

русским отношение пока еще хорошее.

Приехав 10 июля уже к вечеру, мы приготовились к ночной охоте на свет. В предвещии непогоды среди бабочек началось столпотворение, и они полетели валом.

В разгар лета из темноты, напугав нас, выросли силуэты трех всадников. Спешившись, молодые джигиты с азартом включились в охоту. Они толкались, оживленно обсуждали происходящее, хватали руками бабочек и закрывали свет, и мы не могли их одернуть из-за опасения обидеть и даже прогневить, ведь поведение их бывает непредсказуемым и никогда не знаешь, что от них можно ожидать в следующую минуту. Между тем, конь одного из них встал совсем рядом и начал поливать землю, будто из мощного резинового шланга. Нас чуть не затопило, брызги летели чуть ли не в лицо, а потом вонь от мочи мучила до конца работы еще часа два.

Пошел дождь, киргизы наконец уехали, мы же поставили тент, но порывы ветра срывали его, а скапливающаяся вода потоками стекала нам на спину, за шиворот. Когда же Володя попробовал отвести струю рукой, чуть ли не целое ведро вылилось ему прямо в рукав. Зато жабам, светлым и пятнистым (почти с леопардовыми желтыми пятнами) непогода была в радость, и они прыгали по лужам, наслаждаясь влагой и невестя откуда привалившей добычей в виде все подлетающих мотыльков. Они то и дело открывали рот (вот уж действительно, до ушей), а белые их язычки, хватая насекомых, только мелькали.

Часа в два стало холодно, к тому же мы успели промокнуть, и хотя роскошные медведицы каяя, да и другие бабочки, продолжали лететь, решили кончать охоту и забрались в палатку.

Пугая фарами, мимо, вверх по дороге проехал грузовик. Очень странная поездка, учитывая ночь да еще и с дождем! Разве что на джайляу, но я не удивлюсь, если и через перевал в Ферганскую долину. В темень, в непогодь, в страшные горы и еще более жуткую дорогу. Здешние шофера совершенно бесстрашные, отчаянные люди, тем более, что здесь могут возить и наркотики.

Дождь шел всю ночь, и под монотонный и дробный стук капель по палатке спалось хорошо. Потом этот стук приутих, но в форточку я заметил, что космы падающих с неба струй вовсе не уменьшились. «Значит, дождь перешел в снег», - подумал я, но тут совсем рядом с нами что-то страшно загремело. Мне показалось, что мимо идет грузовик и, как это иногда бывает на подъеме, выхлоп его стреляет: «Бах-бах-бах!» Разбуженный шумом, Володя решил, что это грохочет гром, хотя уверенности не было ни в том, ни в другом. Землетрясения тоже не было, во всяком случае мы его не заметили.

Около 11 часов утра я выглянул, наконец, из палатки. Горы вокруг нас были припорошены снегом, поднимаясь по расщелкам, туман струйками белого дыма стелился по земле. «Эх, не хватает басмачей, чтобы сделать хороший кадр», - подумал я и, решив подождать удобного момента, снова улегся в палатку. Дело в том, что киргизы не проезжают мимо, не окликнув. Так и вышло: вскоре раздался свист, и, вы-

глянув, я увидел двух киргизов, едущих с тюками поклажи на конях. Как раз то, что надо, лучше и желать нечего! Не раздумывая, я крикнул им:

- Стойте! Сделаю снимок, будто вы басмачи!

Они покорно остановились и с удовольствием сфотографировались, ничуть не обидевшись за столь фамильярное к ним обращение. Больше того, пожилой киргиз, проезжая, сетовал:

- Хорошо было с русскими. Русские хорошие люди. Приезжайте еще к нам!

Я же подумал о том, что нас здесь уже знают, даже привыкли и, более того, доверяют. Мы же, злоупотребляя этим, разбили лагерь внутри загоренной чудесной полянки у ручья, куда раньше не делали и шагу. Очень уж удобно и комфортно здесь было. Правда, мы сразу договорились не только не разжигать костер, не сорить, но даже не мять траву. И никто не укорил нас, не сделал замечания, хотя сами киргизы берегут это место свято.

Мы спокойно относимся к непогоде, нас и так сверх меры баловало солнце вот уже более недели. Даже на Тенгизбае повезло. Тем более, что дела сейчас идут неплохо, а главное, хорошо ловятся ночные бабочки. Поэтому, чтобы попусту не тратить время, я латаю одежду, палатку. Володя отдыхает, изучая карты. Их мы всегда возим с собой целую кучу, благо теперь стали доступны даже топографические планшеты (масштаба не крупнее стотысячного), ранее считавшиеся абсолютно секретными. Володя рассказывал, что в Москве и Петербурге (тогда еще Ленинграде) все запасы этих планшетов расхватили в основном иностранцы по смешной цене в один доллар за лист. А так как у совков (то есть нас, граждан СССР) никаких долларов тогда не было, то им мало что и досталось. Русские военные топографы всегда были одними из лучших в мире, и наши карты куда как лучше тех же американских. Правда, есть и недостатки: многие из них сильно устарели и давно не пополнялись.

Где-то в час-два посветлело, и птицы зачирикали, защибетали, запели. Ласточки стайками стали носиться над нашим лужком. Кричала чечевица, пестрый каменный дрозд голос подал, горихвостка, подлетывая, ловко кормилась остатками бабочек на месте нашего ночного точка. Здоровенные каменки-слетки перелетали с места на место, звонко чирикавая, над ручьем пролетали оляпки. И сам ручей звонко шумел, а эхо разносило этот шум по каменному ущелью.

Еще не просохло, после двух часов мы вышли на разведку, и я тут же разгадал тайну ночного грохота. Невдалеке от нас на склоне горы и на дороге в соседний отщелок виднелись здоровенные воронки, как от разрыва бомб, а внизу на дне лога лежала огромная, куба на два, угловатая каменюка. Стало понятно, что размокшая от дождя, глыба свалилась откуда-то из-под вершины. Прыгая скачками метров по 20, она ударялась о почву, вспахивая ее страшными рытвинами, пока не остановилась на дне ущелья. Один из таких ударов пришелся по дороге, разворотив ее так, что она стала непроезжей. Страшно подумать, ведь такая каменюка, вполне могла свалиться на наш лагерь!

На следующий день погода установилась, снег вокруг нас стоял, и мы решили подняться до предвершинного цирка у перевала. Выехали в долину и ахнули: перевал и вся красавица-гора от подножья до верха, ослепительно белые, все в снегу, будто зимой. Значит, за сутки снег не стаял, и это в разгар лета в июле! Да что там говорить, снег шел даже в Дараут-Кургане и, по рассказам местных жителей, такое происходит каждый год.

От здешних уловов мой энтомолог в восторге: нашел два вида голубянок-туранан – цитис и панаегидес, ловил паралаз Роксан, очень яркую ферганскую мелитею и обнаружил место, где предположительно разводятся желтушки Романова.

- Там их должны быть сотни. Розового астрагала море.

Через три дня мы переехали в боковое ущелье, которое называется Сары-Бука (желтый бык). Здесь полное уединение, народ сюда не ходит, правда, чуть в стороне виднелось картофельное поле, приютившееся в складке горы.

«Уж здесь-то нам никто не помешает», - думалось нам, однако после полудня послышалось та-рахтение мотоцикла, и к нам прикатили два добрых молодца. Один симпатичный бородач, другой - неприятный толстяк. Ничего не объясняя, проверили наши документы, после чего еще что-то вертелись, никак не уезжая. Правда, один проговорился, назвавшись разведчиком. Это нам показалось странным: какие могут быть разведчики в такой дыре? Тем более и время уже не советское, когда всюду мерещились шпионы.

- Какие они разведчики, когда больше похожи на бандитов, - ворчал я, когда они скрылись с глаз. - Сейчас разведали, а ночью приедут убивать. Может, уедем?

Очень уж они интересовались нашей «Нивой», особенно бородач. Спрашивал какого года выпуска, все поглаживал и причмокивал.

Володя возразил:

- А куда уезжать? Я ведь специально сюда ехал. «Волков бояться, в лес не ходить».

И надо же было так случиться, что вечером, когда жарили яичницу, опять послышался треск мотоцикла.

- Давай, быстро на гору! - скомандовал я сыну. - Так будет безопасней. Одного убивать при оставшемся живом свидетеле не рискнут.

Сам же стал маневрировать машиной, чтобы развернуться и уехать, но не успел. Лихие джигиты уже подкатывали.

- Вот приехали к вам в гости поужинать.

Ничего себе, ехать в такую даль, чтобы выпить чаю!

- А вы кто такие? - не выдержал я, открывшись, и решив говорить начистоту. - Мы вас боимся.

- Ну что вы, обижаете! Мы КГБ, занимаемся наркоманией.

- А-а, тогда другое дело. Так бы сразу и сказали, а то нам непонятно.

Володя спустился с горы, и мы сели ужинать. Для гостей достали бутылку водки. Бородач выпил

чуть-чуть, а другой вообще отказался. Это нас успокоило. Вряд ли разбойники будут непьющими. В общем, расстались мы почти друзьями, хотя мы предпочитаем, чтобы нам никто не мешал, даже друзья.

Через несколько дней нам пришлось ехать в Дараут-Курган, чтобы подкупить бензина и продуктов. На базаре тут же встретились со своими знакомыми кэгебешниками. Они сразу же взяли на себя роль наших покровителей и когда из бутылок и канистр продавцы наливали бензин, все приговаривали: «Давай, полнее, наливай хорошо, не жалей». Естественно, что нас пригласили к себе домой и отказаться было неудобно. Бородач сам сел за руль нашей «Нивы» и очень лихо, но осторожно подкатил к своему дому.

Дом большой, но пустой. Стены оббиты фанерой и деревом. Бегают девочка лет трех.

- Это моя дочь.

- А еще дети есть?

- Нет.

Но тут заплакал совсем маленький ребенок.

- Это сын родился всего неделю назад, - заявил наш гостеприимный хозяин и покраснел.

- А как дорога на Фергану? - чтобы не смущать хозяина, я перевел разговор на другую тему.

- Совсем плохая, а как нужна людям! Строить сейчас некому. Был бы Советский Союз, давно бы сделали, да еще и с асфальтом.

Вошла его жена и принесла чай с лепешками, но без сахара. Хозяин грозно взглянул на нее:

- А сладкое?

Та что-то сказала по-киргизски, и между ними произошла короткая перепалка.

- Сахара нет, придется дать ей взбучку, - пояснил, оправдываясь, хозяин.

Нам стало немного неловко, и мы постарались поскорее уйти.

Наше уютное ущелье Сары-Бука оказалось не таким уж уединенным. Однажды, проснувшись ранним утром, мы обнаружили сидящего у палатки старика. Он назвался хозяином картофельного огорода и, очевидно, беспокоился за сохранность своего урожая. Я так думаю, что как раз созрела молодая картошка.

Я сказал ему, что сейчас будем пить чай, и он тут же уселся и терпеливо ждал, когда я вскипячу воду. Выпив кружечку сладкого кофе и съев кусочек булочки, он долго благодарил, обнимал меня и говорил, повторяя несколько раз: «Жаксы, жаксы» (хорошо, хорошо, ты молодец).

- Завтра чуть свет махнем на перевал, - предупредил Володя.

Лов в Кызыл-Эшме шел успешно, но как было не воспользоваться отличной погодой, которая в высоких горах бывает нечасто.

Прошло два года, как мы были на этом перевале впервые. Здесь почти ничто не изменилось, разве что кое-где обрушилось полотно дороги, да больше стало завалов. Без постоянного обслуживания такие дороги долго не живут и могут исчезнуть в любой момент.

Перевал, описанный в поездке 1993 года, двойной: первый (3511 метров) называется Шиман-Бель; через 10 километров дорога, вырубленная в склоне

горы, приводит на настоящий перевал, высота которого достигает 3660 метров.

Красоту Тенгизбау придает не только панорама гигантского Заалайского хребта, раскинувшегося напротив, а в первую очередь гора, по склону которой проходит дорога. Высота этой горы около 5000 метров, но снега почти не видно, более того, она кажется раскаленной, даже пышущей жаром. Наверное от цвета скал. Огромная, желтовато-рыжая, она ошетибилась зубьями причудливых утесов, меж которых текут шлейфы каменных осыпей. Каменный цирк эхом разносит крики альпийских красноносых галок-клушиц и толстых, неповоротливых сурков, обсоновавшихся на альпийских лугах чуть ниже дороги. Застигнутые врасплох, они вовсе не торопились убежать, боясь очень крутых здесь склонов, а прятались, затаиваясь за рассыпанными по горе обломками скал.

Перевал встретил нас запахами конской и бараньей мочи и дорожным знаком: рогами тека на шесте. Валяется под откосом остов разбившегося «ЗИЛа», похожий на скелет павшего верблюда с выпирающими железными ребрами.

- Бренные останки каравана басмачей после разгрома отрядом красноармейцев, - прокомментировал Володя. - Да, интересное было время. А вон там, где-то за перевалом Терс-Агар жил Джуря в затерянном среди гор кишлаке (герой известного детектива писателя Тушкана «Джуря»).

Еще не доехав до основного перевала, мы были остановлены пролетающими черными бабочками.

- Смотри, сколько паралаз! - воскликнул я, не в силах сдержать свой охотничий азарт. - Кажется, ты их называл гадес, а мне они напоминают аквариумных рыбок малинезий. Такие же чернявые.

Два года назад мы были счастливы, поймав несколько штук, теперь в поле зрения было постоянно не менее 4-5 экземпляров. Непонятно откуда появляясь, нежно-бархатные бабочки порхали над дорогой и тянулись вверх под скалы, откуда струился горячий воздух.

Кажется, Гансон (известный любитель) сказал: «Бегают за бабочками только дураки. Умный ждет, когда бабочка подлетит сама». Наверное, я тоже не очень умный, у меня не хватает терпения ждать, и я бегаю за ними, как угорелый. Мне кажется, что это закон природы: чем больше особей (насекомых), тем они менее осторожны, тем легче обрекают себя на гибель. Это согласуется и с основами дарвинизма, ведь главное - это выживаемость вида, а отдельные особи не в счет.

Прямо у дороги летали не только паралазы гадес, но и чернушки (прогне), и парнассиусы (инферналисы). Низко-низко над каменной осыпью, на высоте пяти сантиметров мельтешили крохотные полицины Тамерлана, представители семейства риодинид, ловля которых напоминает подметание дороги сачком.

- Хватит, - вдруг спохватился сын, - не для этих малявок сюда приехали. Вдруг да повезет сегодня с симониусами, в такую погоду грех не побывать на вершине.

Шорох осыпающихся камней под его ногами долго слышался со стороны горы, я же, устав от бе-

готни, присел на столетнюю подушку мягкого типчака и, высматривая пролетающих мимо бабочек, люблюсь панорамой гор с высоты почти четырех тысяч метров. Подувал ветерок, ярко светило солнце, кричали сурки, а снизу доносилось бляение пасущихся в ущелье баранов.

Белоснежные аполлоны (инферналысы) лениво порхали, то и дело присаживаясь на скалы. Пригляделся, а там из каменных трещин выглядывают белые изящные цветочки дриады (по недавно вышедшему определителю растений юго-востока Казахстана это лжеводосбор ветренницевидный. До чего же зануды эти ботаники, дающие такие унылые и казенные названия!), те самые, на которые так любила присаживаться высокогорная белянка из Орук-Тама.

Здесь же кружились желтушки эогены и кокандики. Но эти предпочитали более яркие и крупные цветы альпийских астр.

Мою идиллию прервали два молодых таджика, поднявшихся сюда пешком из Дараут-Кургана по тропе. Оказывается, идут из самого таджикского Джиргаталя в Фергану.

Сейчас хорошо заметно, как обеднели люди в Средней Азии с развалом СССР. Автострады теперь пустынные, и люди из села в село ходят пешком, иногда преодолевая огромные расстояния.

- В Джиргатале спокойно, - сказали они в ответ на мой вопрос, - только медведей много, ходят чуть ли не по поселку. А вот в Гарме и Таджикибаде по ночам идет война, убивают, особенно в горах. А вы не слушали выступление Горбачева? - в свою очередь очень заинтересованно и с явной надеждой задали они вдруг жгучий для них вопрос. - Может он восстановит Союз? Мы все только этой надеждой и живем. А так хоть по миру иди, детей ни кормить, ни одевать нечем. Вот идем, ищем работу.

Даже не отдохнув, они поправили котомки на плечах и ушли с призрачными надеждами, что вернется социализм.

Вечером вернулся Володя. День действительно удался. По осыпи он поднялся почти на вершину горы, а точнее на седловину между предвершинными скалами. Наконец-то ему повезло с симониусами и он отвел душу, поймав аж целых 66 штук! И даже обнаружил их кормовое растение с фиолетовыми цветочками.

- Гонялся за актиусами на высоте 4300 метров, где практически уже ничто не растет, - рассказывал он. - Так, кое-где крохотные цветочки. И представь, бабочки пахли так же, как цветы, на которые они присаживались. Крутизна там страшная. Бегая по осыпи, я сталкивал камни, и они скачками долетали почти до дороги. И, вот умора: за ними гонялись бабочки, принимая скачущие обломки за себе подобных!

Но гвоздем сегодняшнего дня оказалась поймака двух самок белянки балтии шавии, редкой высокогорной бабочки, до этого известной лишь с Памира и только нынче пойманной в Арам-Кунгее.

Счастливые от удачно проведенного дня, мы спустились на альпийские луга с северной стороны перевала. Трудно было бы найти более приятное место: прикрытая изумрудным ковром трав пойма

реки с чистой, прозрачной, ледяной водой. Вокруг высились горные хребты, а ближе всех розово-желтый шатер все той же горы над перевалом, весь в завитушках и кружевах ржаво-палевых, причудливых скал.

Цветы на лугу все мелкие, невысокие, необычные, хотя и легко узнаваемые: герань с лилово-синими цветочками, миниатюрные глянцево-желтые лютики, голубые незабудки, типчак, серебристые, в меховых шубках эдельвейсы. Вдали слышались крики сурков, а над сверкающими бурунами реки стонали кулики-перевозчики.

Утром со стороны дороги нас долго и упорно звал проезжающий на грузовике шофер.

- Вот пристал, - недовольно отозвался я, вылезая на утренний холод из палатки. - До чего же они любопытны, эти киргизы!

А спустя полчаса мы горько пожалели о том, что не откликнулись. Володя забыл там свой сачок, и тот шофер подобрал его себе.

Не дожидаясь вечера, решили возвращаться, потихоньку спускаясь вниз и остановились ночевать на высоте 3500 метров, в ложке, заросшем подушками астрагалов.

Вместе с наступающими сумерками небо затянуло облаками и подул неприятный ветер. Вершины пика Ленина и Дзержинского потонули во мраке и было хорошо видно, как серыми космами там сечет снег.

Мы были почти уверены, что сегодня ночного лова не будет, а бабочки полетели, да еще как! Мало того, возбужденные, они вертелись волчками, ни на секунду не останавливаясь, так что на простыне их было не просто поймать. Мы быстро заполнили основную кастрюльку еще до часу ночи и пришлось доставать резервную (а она из-под примуса). Поведение бабочек стало понятным, когда около двух ночи заморосил дождик. Но дело было сделано, довольные собой, мы улеглись спать, и нашим покрывалом были не только спальники, но и тяжелая пелена туч, опустившаяся на горы.

Утро 24 июля встало мглистое и холодное. Тем не менее, мы не торопились спускаться в теплую долину. Вчерашний и в основном ночной обильный сбор задал Володе работу по разборке до самого обеда. Я же занялся изготовлением матрасиков, так как их запасы уже подошли к концу. Вместо клея я сделал клейстер из разваренных макарон (в ларьках Дараут-Кургана клея не нашлось).

А тучи так и не разошлись, и погода продолжала оставаться хмурой и холодной, правда, без дождя. Закончив разборку, Володя вышел на охоту, приспособившись выпугивать голубянок (ифигенидес и актинидес) из-под кустов, и, худо-бедно, набрал бабочек на два матрасика.

27 июля солнечным, лучезарным утром мы покидали ущелье Кызыл-Эшме, ставшее нам таким родным. Тщательно вычистили место своей стоянки, убрав все крошки и любые следы своего пребывания. Прощай, Тенгизбай, родник под скалой, луг, заросший орхидеями, отщелок Сары-Бука! Мы уезжаем, скорее всего, навсегда.

Миновали каменные утесы, стражами стоящие у входа в ущелье, и впереди открылся вид на кишлак. Удивительно: Алайская долина безлесна из-за высокогорья, тут же красного цвета глинобитные хижины кишлака утопали среди зеленых тополей. И над всем этим протянулся гигантский Заалайский хребет. Цепь белоснежных вершин будто повисла в ярко-синем небе. Я не мог удержаться и остановился, чтобы полюбоваться и сфотографировать грандиозную панораму, а Володя прокомментировал увиденное: «Такие картины не забываются всю жизнь».

Арам-Кунгей

Арам-Кунгей, как и Дараут-Курган, место примечательное, - поучал меня Володя. - Как ты знаешь, именно до сюда дошел в 1871 году А.Федченко, первый из европейцев достигший пределов Памира. Дальше его не пустил начальник местного гарнизона в Дараут-Кургане. Позже, летом 1884 года здесь побывал Г.Грум-Гржимайло с экспедицией, организованной на деньги Великого князя Николая Михайловича Романова. Кое-что из свидетельств того времени сохранилось до сих пор. Например, глинобитная крепостца (курган) в Дараут-Кургане. Построенная кокандским ханом, она запирала ущелье Тенгизбай, самый короткий горный проход из Ферганской долины в Алай и на Памир. Мы наткнулись на нее сразу же, как только въехали в Дараут-Курган. Пришелец из средневековья, она стоит там же, заброшенная, размываемая дождями, среди таких же серых, земляных хижин, со стариками в ватных халатах, сидящих у ее подножья на гладком глиняном полу. Именно в этой крепостце А.Федченко уговаривал местного датху (кокандского военачальника) пропустить его дальше в Алайскую долину и к подножью Памира. Не пустил. Нам хотелось заглянуть внутрь двора, но на гаражных воротах, запирающих вход, висел большой амбарный замок. Скорее всего, крепость используется под совхозный склад, хотя стоило бы превратить ее в музей.

В тридцатые годы прошлого века Дараут-Курган облюбовали басмачи, делавшие набеги на Ферганскую долину и потом спрятавшиеся в непроходимых дебрях каньона Муксу. Позже сюда зачастили альпинисты, избрав его своей базой при восхождениях на самые высокие вершины Памира.

С 80-х годов в Дараут-Курган повадились ездить любители бабочек, а самым часто посещаемым местом стал Арам-Кунгей - урочище в предгорьях Заалая. Мы побывали там дважды.

1993 год. По гулкому железному мосту переехали бурную Кызыл-Су, а следом и другую не менее известную реку Алтын-Дару. Широкая предгорная долина, ведущая в глубину гор, напоминала пустынную степь с торчащими кустами чия, с заброшенными глиняными мазарами, пустующими зимовками и кошарами, одинокими всадниками, издали напоминающими корабли в степном море. И все это на фоне гор, здесь не столько заснеженных, сколько каменно-земляных, бурых, с нашлепками грязноватого льда на макушках.

Наступивший вечер и надвигающаяся непогода заставили нас подумать о ночлеге и выборе места для ночного лова. Оглянулись по сторонам: все открыто и неудобно, внимание привлекла лишь речушка, выбегающая из оврага с высокими глинистыми оврагами. Не очень уютно, зато есть заросли низкорослой ивы, мирикария и облепиха.

Немного жутковато было въезжать в открытый зев шумной речушки, выбегающей из исполинских гор, тем более, что тучи все время блуждавшие над Алаем, черным покрывалом распростерлись и над нами, закрыв макушки ближайших пятитысячников. Погромыхивало, и можно было ожидать, что вот-вот польет дождь. А в русле речки это чревато последствиями. Однако врубили движок, свет озарил овраг, отодвинув мрак, и тут же полетели желтые хохлатки, продолговатые кукулии, серебристые металловидки и ярко-зеленые, мои любимые, высокогорные совки, и мы тут же забыли о своих опасениях и страхах.

Едва ли не каждый вечер к нам на свет прилетают или прибегают самые необычные гости. Чаше всего это страшноватые на вид пауки фаланги, жуки навозники, медведки и летучие мыши. Реже бывают ежи, жабы, совы (всегда мелкие), на Или на коротких кривых ножках как-то приковылял цветастый синеватый геккон. На этот раз прибежала очень крупная светлая полевка с большими ушами.

Громко тарахтел движок, над далеким Алаем сверкали зарницы, а маленький лопухий зверек, горбатая желтую спинку, бесстрашно сновал между пучками осочки, временами чуть не путаясь у меня под ногами.

Где-то после часа непогода все-таки пришла к нам, заморосил дождь, усилился ветер, и лет кончился. Дождь шел почти всю ночь, но к утру перестал, и даже выглянуло солнце. Часа три после этого мы ловили бабочек на крутом косогоре травянистого цирка. Тут на откосе зеленой горки было что-то вроде болотца. Всюду сочилась вода, под ногами пружинисто качались травяные кочки, между зелеными пучками осоки стояли лужицы ржавой воды. А по сторонам простиралась сухая степь с типчаком, ершистыми кочками колючих астрагалов и акантолимонов. И это сочетание сырого луга и высокогорного разнотравья привлекало множество бабочек разных видов, а более всего ярких и цветастых голубянок. Были среди них сартские голубянки, червонцы Сольского огненно-красного цвета и прелестные агродиаetusы актинидесы: самочки коричневые с огненными полосками, самцы нежно-фиолетовые с черной окаемочкой.

- Алай вот он, рядом, а бабочки другие, - поделился Володя. - Это место приезжающие сюда любители называют «бугром». Знаешь, я думаю, что Грумм-Гржимайло собирал бабочек именно на этом клочке земли. В 1884 году он одних только актинидесов наловил здесь около 300 штук. Другого такого места он просто не мог бы найти.

Действительно, это ярко-изумрудное пятно на фоне серого косогора издали бросалось в глаза, и мимо него нельзя было пройти, не обратив внимания.

- Смотри, какая яркая желтушка! - вдруг крикнул Володя и помчался за крупной огненно-желтой

бабочкой, сверкавшей в лучах солнца, как кусочек расплавленного металла.

- Регия, - определил он, разглядев пойманную красавицу. - Вон там еще летает!

Мы кинулись за парочкой необычно ярких желтушек, но где там! Сильные, как птицы, бабочки стремительно пронеслись над склоном. Помогла случайность: спикировавший сверху самец указал на только что выведшуюся самку. Вскоре мы стали обладателями трех совершенно свеженьких желтушек, после чего сын предложил сменить место.

Проехав с полкилометра по хорошо накатанной дороге, мы увидели широкую долину, со всех сторон окруженную горами. Посредине извивалось русло той самой речки, на которой мы стояли этой ночью. Стада баранов, юрты виднелись тут и там, а на террасе у подножья зеленой горы выделялась голубая точка - одинокая палатка. Я не обратил на нее внимания, а Володя сразу заметил:

- Ну вот, что я говорил, энтомологи стоят. Кроме них некому. У киргизов таких палаток не бывает, а Арам-Кунгей излюбленное место у всех бабочников Союза. Но почему-то мало в этом году... Едва ли не половина их ездит сюда за чарлтониусом, одним из самых красивых парусников мира. Кроме того, здесь много и других интересных бабочек. Одних только желтушек десять видов!

Мы проехали через всю долину и встали на заваленной обломками, скатившихся с горы скал, высокой предгорной террасе. Замыкая долину, над нами возвышалась исполосованная грязными снежниками гора. По сторонам вздымались хребты: на южных склонах рыже-серые, выгоревшие, на северных - зеленые от основания до середины, откуда начинались шлейфы розовых осыпей, тянущихся до самых макушек.

Володя бродил весь день, вернувшись лишь вечером.

- Заходил к энтомологам, - коротко бросил он, - там Каабак сидит в палатке, ногу кипятком обварил. Оказывается, в этом году Чарлтона нет, нынче он не размножается, отдыхает. Вот и причина, почему так мало приехало сборщиков.

Л.Каабак - это любитель, большой специалист по редким парнассиусам. Он описал Анюту - подвид чарлтониуса с Восточного Памира. Между прочим, профессор, доктор химических наук.

Володя был занят обработкой сегодняшних сборов, я же готовил на примусе ужин, когда с визитом в гости к нам явились два молодых киргиза. Уселись рядом и, разговаривая между собой, поглядывали на кипящую кастрюльку. Надо угощать, а суп, как назло, варится долго, ведь температура кипения здесь всего 88 градусов. Выпив по чашке супа, как здесь называют суп, довольные, они разъехались по своим юртам. Здесь так положено, а мы, русские, забываем свои традиции.

Стемнело, и небо засверкало яркими звездами. Здесь они ближе и поражают необыкновенным, каким-то космическим сиянием, и их раз в десять больше, чем на равнине.

Утро встало ясное, и это означало, что погода окончательно установилась. Небо темное, налитое

синевой и нигде ни облачка, лишь у вершин далеких снежных гор зацепилось несколько маленьких тучек.

Повизгивая, пронзительно кричали сурки. Они здесь крупные, темно-кирпичного, почти красного цвета с черными хвостами и пушистым лисьим мехом. А птицы самые обычные: каменки, горихвостики, удоды. Есть даже кукушка. И много клушиц. Их гортанные крики приятно ласкали слух.

Володя с утра отправился на длинный, тянущийся до самых снежников, изумрудный склон, я же полез на крутую ближайшую высокую гору. Внизу эта гора почти пустыня, но необычная, высокогорная. Все заросло кочками и пучками полыни, акантолимона, астрагалов разного цвета. Выше, на уровне скал это прекрасная горная степь с типчаком, опять же с астрагалами, луком, дикой вишней и арчевниками. Все необычно и такие же необычные бабочки, хотя есть и более обыкновенные понтии каллидице и махаоны. Мое внимание привлекли желтушки регии и крупные парнассиусы тяньшаникусы. Даже они тут отличаются от тех, что летают на Нарынском хребте или на перевале Долон. С вершины моего горбатого гребня открылся вид на обледенелый пик, сложенный ржаво-розовыми слабыми горными породами. Склоны его изъедены шрамами промоин и оврагов, а на макушке сидит грязная ледяная шапка, свисающая языками ледников. Кажется, это пик Свердлов, отмеченный на карте с высотой 5500 м.

На западе выглядывали зубчатые пики Заалайского хребта, а вдаль на севере виднелись грозные вершины Магчинского горного узла Алая.

Честно говоря, Арам-Кунгей меня немного разочаровал, столько слыша о нем, я ожидал чего-то большего. А так... серые землистые горы, показавшиеся безликими. И бабочек не так уж много. На что Володя горячо возразил:

- А сколько видов! Поразительное разнообразие!

Покидая Арам-Кунгей, мы захали в соседнее грандиозное ущелье Алтын-Дары. По сторонам глубокой долины теснились вершины, каждая из которых намного превышала 5000 метров. Мрачную картину дополняли грозные черные тучи, затянувшие макушки гор. Они клубились, валами пожарищ сползая по каменистым кручам, и от этого казалось, что вся долина погружена в дымы. Нигде ни следа дерева, да здесь и слишком высоко для них, хотя фермы и кошары видны всюду. Где-то в конце долины находится перевал Терс-Агар, а за ним река Мук-Су, ледник Федченко и самые высокие вершины страны.

Мы стояли на дороге, полочке, отвоеванной у засыпанного обломками скал склона горы. Справа откос обрывался в жуткую теснину Алтын-Дары, где глубоко внизу ревела грозная река. Солнце на какое-то время осветило всю эту картину исполинских гор. И тут же над осыпями мелькнула черная бабочка. Паралаза! Не раздумывая, мы бросились за ней в погоню и за полчаса, что светило солнце, поймали 5 штук паралаз Роксан. «Если хочешь поймать паралазу, ходи по дороге», - вспомнились мне слова сборщиков бабочек из Ташкары. Здесь бабочки вели себя так же. Как они эффектно красивы, эти почти черные, темно-шоколадного цвета чешуекрылые,

отдаленно напоминающие павлиний глаз, но еще более благородные!

- Удивительный консерватизм, - размышлял я по дороге. – Все бабочники едут в один только Арам-Кунгей, а что разве нет других мест в том же Заалае?

- А вот мы сейчас как раз это и сделаем, - отозвался Володя.

Нас привлекло жаркое и пустынное ущелье Шибе к западу от Арам-Кунгея. Очень каменистое, с красноватыми скалами и старинным кишлаком, притягиваемым при въезде. У глиняных мазанок в чистых двориках на отполированных до блеска угнетанных площадках сидели древние старики и старухи, тут же веселыми стайками бегали загорелые дочерья ребятишки.

А на горке виднелось старинное кладбище с мазарами и хижинами-могилами, с развевающимися конскими и ячьими хвостами и гривами на шестах, с черепами и рогами теков и архаров.

Говорят, этому кладбищу то ли 200, то ли 300 лет, а выше всех небеленая, из красноватой глины, мазанка - могила местного святого муллы. От всего этого вида веяло средневековой стариной и загадочным Востоком.

На лошадях и ишаках сверху по тропе везут камни грязно-серого цвета и стволы арчи для строительства и на дрова.

- Зачем эти камни? - с удивлением спросили мы.

- Это не камни, это соль. Там, в горах копаем.

Молодые парни хорошо говорят по-русски.

- А про Джору слышали? Он где-то в ваших краях жил.

- Как же, знаем. И книгу читали, и кино видели. А жил он в кишлаке выше Алтын-Мазара по Саук-Саю.

Как это здорово: здесь вся молодежь знает о легендарном киргизском охотнике Джуре, выдуманном писателем Тушканом. И все это дала Советская власть, как бы ее ни ругали (и я сам в том числе). Среднюю Азию она выгнала из жуткого и мрачного средневековья, выучила, дала многим хорошее образование. Интересно и то, что нынешние потомки придуманного Джору «поселили» его именно там, где он мог жить и по моим расчетам, хотя на самом деле никакого кишлака там никогда не бывало (в непроходимых верховьях реки Мук-Су).

Дорога вскоре превратилась в тропу, и нам пришлось остановиться неподалеку от кладбища, ниже его, на высокой речной террасе.

Внизу, в теснине грозно ревела река. Вода, будто в кипящем котле, бурлит, гулко бьет и скрежещет камнями по дну. А кругом красная земля, кирпичного цвета скалы, а по ним разбросаны желтые пятна цветущих ферул. В ущелье за Карамыком главным растением был гигантский борщевик, здесь астрагалы и ферулы. Дивно пахло медовым цветом, возможно, от пыльцы ферул, разносимой ветром по воздуху.

Солнце палило немилосердно и плавало ослепительным блеском ледяную стену, выглядывающую в просвете ущелья. И вечер стоял тихий, теплый. Было слышно, как, перекрывая шум воды, на реке пела синяя птица, а рядом стрекотал кузнечик.

Вдруг где-то грозно загромыхало, будто выстрелили из пушки. Что за гром при ясном небе? Горы есть горы, где-то произошел страшный обвал то ли на реке, то ли на леднике, где сейчас усиленно тают снега, а река бушует, подмывая берега и скалы.

Уже в густых сумерках завели движок, и нас обступила черная стена тьмы. Летело очень хорошо, причем были интересные бабочки – красноватые совки, очень мелкие белые волнянки, хохлатки и древооточцы. Прилетел даже очень редкий крохотный кулджинский бражник. Рядом с нами бегали проворные мохнатые фаланги, в бросках хватая ослепленных бабочек. Тут же, прячась от нас, ползала светлая, в рябых пятнах жаба, жадно поедая упавших на землю жуков и паучков.

Установилась кромешно-черная, душноватая южная ночь. По-прежнему далеко внизу шумела река, тихо-тихо пели сверчки, а мы, негромко переговариваясь, звякали крышечками морилок. Посмотреть со стороны: в ночной тьме двое сумасшедших колдуют у зажженного фонаря.

Прервавшись на миг от азартной охоты, я оглянулся и обомлел: в мазаре на кладбище (оно было на горке напротив) горел свет! Совершенно отчетливо (я не мог обозначить) я видел бледный голубой огонек в крохотном окошке глиняной хижины - жилище для мертвого. Полное впечатление, что там горит лампада или зажжен костер. Что за напасть? Не разбойники же собрались у огонька делить добычу! Отражение света нашей лампы? Я отошел в сторону: свет, как горел, так и продолжал светить фосфоресцирующим, мертвенно-бледным пятном. Я нагнулся, смотрел с разных углов – неяркое пламя не исчезало из окна. Я не поленился, достал бинокль и в окуляре различил черный силуэт мазара со светлым пятнышком оконца, которое теперь казалось желтым. Что за чертовщина! Настоящая мистика. Не хватало только завернутых в белые простыни привидений. Впрочем, мелькающие зигзагами в ночном небе летучие мыши вполне создавали эффект движущихся теней.

- Ты не очень-то увлекайся спиритизмом, - прервал мои наблюдения сын. - Смотри как летит, прямо валом валит. Кстати, а который час?

- Ровно полночь.

- Я так и знал. Теперь твой святой будет бодрствовать до первых петухов. Нечистая сила только утреннего их пения и боится. Надоело, видно, лежать, вот он и зажег в избушке свечку.

Через час над Заалаем зарделся зловещий багровый венец, а вслед за этим из-за облаков выплыло медно-золотое блюдо луны. Свет в мазаре потускнел, временами вовсе теряясь, а мы, утомленные, легли спать.

Днем ловили желтушек: Романова, Алфераки и Вискотта. Немногочисленные, они летали, играя друг с другом. Желтушек Вискотта было мало, и складывалось впечатление, что они так же редки, как и желтушка Ершова. Потом Володя обнаружил «месторождение» голубянок агродиаetusов сразу нескольких видов (ифигенидесов, посеидонидесов и рипартии) и с ожесточением кинулся за ними. Я же сделал перерыв и решил осмотреть мазар святого. Заглянув в

окошко, я увидел там жалкую скамейку, стол, окаменевшую лепешку, котел и остатки костра. Подходящее убежище для разбойников, бродяг, а также для сюжета рассказа о привидениях.

Напоследок сценка, характерная для провинциальной Киргизии.

Дараут-Курган, праздничный, выходной день. К киоску, где торгуют галантереей, подъехал нарядный молодой киргиз и, не слезая с лошади, мило любезничает с модной продавщицей. В это время скучающая кобыла растопырила ноги и решила опорожнить свой мочевой пузырь. Не обращая на это внимания, молодые люди продолжают обмениваться любезностями, а потоки мочи, разбиваясь о землю, обильно орошают брызгами все вокруг.

Впрочем, подобную картинку, видимо, можно было наблюдать каких-нибудь 150 лет тому назад в любом городе цивилизованной Европы.

Теке-Су

Спустившись с озера Сонкуль, по Джумгольской долине мы доехали до слияния двух значительных рек: Джумгола и Кокомерена. Место, казалось бы, дикое, настоящая глухомань, а у моста под вековыми деревьями образовалось бойкое место. Идет торговля, стоят ларьки, дымят шашлычные, толпится народ. Место это знаменательно тем, что здесь сходятся дороги на Мын-Куш и на Сусамыр. Мын-Куш - это городок, затерянный в горах Молдо-Тоо и известный тем, что в пятидесятые годы там велись урановые разработки, а потом, чтобы занять население, построили фабрику цветных фломастеров, известную на весь Советский Союз.

Странно смотрится это людское оживление среди диких гор, особенно когда вскоре после него въезжаешь в ущелье реки Кокомерен. Это могучая река, прорвавшаяся сквозь горы свирепым потоком. Вокруг вздымаются кручи гор, ржаво-красные утесы то ли из глин, то ли из речных конгломератов. У их подножий узкой полоской зеленеют речные заросли, а меж обрывистых стен розовыми потоками стекают каменные осыпи - корумы.

Еще дальше ущелье превращается в теснину, где, едва вмещающаяся в своем ложе, бьется река. Это белый поток, состоящий из сплошных каскадов и бурунов с ревом перекатовавшихся через обломки свалившихся скал.

- Бешеная река, - назвал Кокомерен Володя. - Пожалуй, страшнее Сары-Джаза. Говорят, в Киргизии по водности она уступает лишь одному Нарыну.

Удивительно, как людям удалось отвоевать узенькую полоску для дороги! Это тем более сложно, что скалы не везде монолитны, а местами состоят из вздыбленных на высоту обычных речных наносов. В любую минуту сверху может прилететь камень, поэтому здесь рискованно не только останавливаться, но и проезжать. Подтверждая это, рядом с дорогой стоятobeliski погибших при строительстве дороги рабочих. Все фамилии русские, и, скорее всего это экскаваторщики, работавшие под опасными кручами.

Каждый раз, проезжая в подобных местах, невольно думаешь, сколько сил вложила советская власть, Россия, русские люди в обустройство этого дикого края с невероятно сложными природными условиями. Теперь местная элита называет русских колонизаторами, хотя простой народ грезит их возвращением.

На обрывистых откосах, а то и прямо на скалах, всюду торчат кустики, подушки и оцетинившиеся ежиками пустынные растения, большинство из которых незнакомо нам. У Володи загорелись глаза, ведь именно такие растения могут обещать встречу с редкостными, а может быть, и с неизвестными бабочками, тем более, что здесь навряд ли бывали ученые энтомологи или фанатики-любители. Сгорая от нетерпения и пуская из-под ног ручейки и целые потоки земли и камней, он тут же полез по страшному, осыпающемуся откосу под самые скалы. Это скорее глинистый обрыв с торчащими из него валунами. Рискую свалиться, он провел там несколько часов, гоняясь за необычными голубянками и загадочными сатирами гипонифеле, впоследствии описанными под названиями неолицена Ольга и гипонифеле давендра фергана.

- Самые коварные места, эти сыпухи, - признался он, спускаясь вместе с кучами осыпающихся камней, земли и пыли. - Ни ногу поставить, ни схватиться, что за камень, что за куст. Все живое, все шевелиться и держится еле-еле, и уж если покатишься, то не удержишься. Разбитьсяся, может быть, и не разобьешься, но обдерешься до костей. Такие места есть на Памире, где живет автократор, и, бывало, я часами выбирался из них.

Бабочки и само место показалось Володе настолько интересными, что было решено остаться здесь ночевать.

Отъехали каких-то полкилометра-километр и на свое счастье обнаружили прекрасную рощицу в устье горной речушки, вырывающейся из горной теснины.

Стиснутая горами, хрустальная речка скачет по уступам, как дикий козлик, грохочет и шипит от ярости, беснуясь меж валунов и обломков скал. По красоте местности - это маленький шедевр, созданный природой. По берегу тенистый до черноты лес, где каменные березы купают свои ветви в воде, где лианы княжика обвивают шелушащиеся розовой берестой стволы до самых макушек, где ветви тальника переплетаются с кустами шиповника и барбариса, где над каскадами реки стремительно проносится оляпка, а в густой кроне тополя кричит рассерженная иволга.

Ледяная река, прохладный лес, а в нескольких шагах от него раскаленные камни пустынных гор Сары-Камыш со склонами, заросшими сизой древоидной полынькой со шлейфами каменистых осыпей, с кустами солянок и ползучей эфедрой, с лучком, цветущим фиолетовыми шарами.

Радостный подъем владел нами, когда мы в предвкушении вечернего отдыха разводили костер, тем более что нас ожидал праздничный ужин из свежей рыбы. На Кокомерене местные киргизы-рыбаки рыбаки подарили нам (с нами была Оля) четыре крупных маринки, и вот теперь мы сварили из нее

наваристую уху по всем правилам рыбацкого поварского искусства.

Все складывалось как нельзя более лучше, но когда мы стали готовиться к ночному лову, вдруг поднялся сильнейший ветер. Какой-то странный сухой, почти ураган и без всякого дождя сорвался неведь откуда, будто недобрый джин вырвался из закупоренной волшебной бутылки. Жестокие порывы рвали палатку, гнули деревья, а шум от ветра едва не пересиливал рев бушующего рядом водяного потока.

О ночном лове не могло быть и речи в такую бурю, а ведь мы так рассчитывали на это многообещающее местечко! Володя уже махнул рукой, готовясь отдыхать, а я решил прогуляться перед сном: очень уж необычный, даже по меркам Киргизии, был здесь уголок.

Петля меж валунов, едва заметная в сумерках тропинка привела меня к густому березняку и нырнула под сень деревьев. Ветви, свисавшие до самой земли, сомкнулись за моей спиной, и вдруг все стихло. Я очутился в совершенно темном, замкнутом со всех сторон пространстве, куда не доставала буря. Где-то высоко над головой шумела листва, гудел ветер, а сюда едва лишь долетали его отзвуки. Мои глаза постепенно привыкли к темноте, и я обнаружил себя под высоким сводом из крон обступивших меня берез. Они были так велики и развесисты, что образовали огромный пустой зал. «А почему бы здесь не устроить точок?» - подумалось мне, и я заторопился поделиться своим открытием.

Мы тут же принесли движок, растянули на ветвях полотно и врубили свет. Яркая лампа осветила удивительно уютный зал размером примерно 20 x 20 метров. Тут и там торчали обросшие грибок, обомшелые валуны и коряги отмерших деревьев и сучьев. Сверху шумел ветер, в стороне гремела река, а мы возлежали на ворохах сухой травы и опавшей прошлогодней листвы и собирали с белой простыни серых, в крапинку и полоску совковидок, живущих на березах. Потом полетели эремурусовые бражники. А часа через два ветер утих, и мы еще успели перенести точок к лагерю, где с успехом поохотились на волнянок и шелкопрядов. Перебивая рев генератора, шумели два потока: грозно и басовито Кокомерен, звонко и гулко, бьющая по камням, наша небольшая речушка.

Утром мы встали невыспавшимися, когда уже вовсю светило солнце. Ничто не напоминало о вчерашнем сухове, установилась тихая и жаркая погода. Целый день мой неугомонный охотник лазил по горам и кручам, выискивая найденных вчера новых для науки бабочек неолицен (позже названных именем Ольги) и гипоневеле (давендра фергана). Он пришел в конце дня измученный, но довольный: сделал все и поймал, что хотел и можно закрасить еще одно белое пятно. На дороге Володя случайно столкнулся с проезжающими мимо иностранцами. Это оказались швейцарцы-агрономы, работающие в Кочкорке. Можно представить себе их удивление, когда в этом диком, забытом богом месте они увидели человека с сачком, но еще более поразилась, когда он заговорил с ними на немецком языке.

Наслаждаясь теплом и довольные хорошими сборами, как дневных, так и ночных бабочек, мы прожили здесь три счастливых дня, и за это время погода ни разу более не портилась. (Позже мы останавливались здесь не раз).

Природа Средней Азии прекрасна в первую очередь своим разнообразием и сочетанием различных природных зон и ландшафтов, как правило, никогда не повторяющихся.

Названия чудо-речки почему-то нет на картах, даже крупномасштабных. Не переставая восхищаться этим крохотным оазисом, где трудно решить чему отдать предпочтение: речке, лесу или скалам окружающих гор, я сам дал название горному потоку, как и месту: Теке-Су (Козлиная вода), тем более что у дороги дорожные строители поставили аляповатую скульптуру горного козерога.

Сражение с яком на склонах пика Ленина

Проезжая по Алайской долине, не перестаешь любоваться заснеженным гигантом Заалайского хребта. У меня давно была мечта побывать у подножья самой главной его вершины, в советское время называемой пиком Ленина. И осуществить это, а заодно и познакомиться с бабочками высокогорья на склонах грандиозной горы удалось в 1955 году.

В Дараут-Кургане запаслись лепешками и бензином, по гулкому железному мосту переправились через бурную Кызыл-Су и покатали на юго-восток вдоль белого хребта по холмистому, заросшему травами левобережью Алайской долины. Погода стояла чудесная, весь Заалай в ослепительных лучах солнца, и только кое-где небольшие тучки цеплялись за макушки гор.

Повсюду здесь пасется скот. Весь гигантский Заалайский хребет вблизи еще больше похож на заснеженную стену. Точнее, это грандиозный вал, сложенный слабыми горными породами красноватого цвета, издали похожими на глину. Это хорошо видно в местах обвалов, где подо льдом видны обнажения, кажущиеся рыхлыми и по цвету напоминающие простую землю, причем скальваются не только ледяные линзы, но и целые куски горы вместе со скалами и покрывающими их льдами и снегами.

За очередным холмом вся гора предстала перед нами в перспективе широкой долины, усеянной обломками скал, пасущимися баранами и юртами. Мне хотелось проехать до Ачик-Таша, где находится известный лагерь альпинистов, но спрошенный пацан лет 12 ответил: «Это не Ачик-Таш, до него еще два перевала и два брода через речки». Ну и бог с ним с Ачик-Ташем, это ущелье не хуже и ведет прямо к подножью горы, которую русские называли именем туркестанского губернатора Кауфмана, а потом переименовали в пик Ленина. Сейчас ломают головы, думая какое дать новое название (теперь уже сами киргизы), и уже нашлись подхалимы, предлагающие имя Аскара Акаева. Сменится очередной правитель и опять появится новое имя горы.

Без всякой дороги и без каких бы то ни было усилий катим по пологому травянистому дну долины (ущельем никак нельзя назвать). Можно было бы и поближе подъехать к горе, но мы уперлись в проволочную изгородь. Какой-то хозяин отхватил себе кусок подножья для сенокоса и пастбы скота. До ближайшей каменной морены отсюда километра два, а сразу за ней выпуклый бок ледяной стены с выглядывающей из-за нее макушкой главного пика.

Рядом огромный овраг-сай, промоина с песчано-глинистым розовым обрывом и бегущей по дну речкой. Очень тепло, даже жарко. Солнце греет настолько сильно, что дыхание огромной ледяной массы, стоящей совсем близко, вовсе не ощущалось. Можно сказать, тут настоящий горный курорт, и мы ходим в одних рубашках.

- Вот он, и весь третий семитысячник Союза, - говорю я Володе, - просто огромный земляной холм без всяких скал.

- Да, но прикрытый мощным ледяным панцирем, - подтвердил тот. - Небольшой кусочек Гренландии на юге.

Не надеясь на погоду завтрашнего дня, спешу поставить палатку, чтобы сфотографировать ее на фоне знаменитой горы, а Володя торопится, чтобы успеть сбегать на осыпистую горку, стоящую рядом с нами. Он вернулся когда зашло солнце, и мы еще успели понаблюдать «мерцание Альп». Гора гасла постепенно, напоследок показав, где ее вершина, алеющая горячей макушкой.

Мы уже готовились к ужину, когда подошел здоровенный молодой киргиз в длинном, до пят, тулупе.

- Хочу посмотреть, что у вас в палатке, - с наивностью дикаря объяснил он. - Ни разу не видел, как русские едят. Правда, что все за стол садятся?

Из-за ветра на улице я варил суп в палатке на примусе. Когда ужин был готов, налили ему в кесешку нашего варева. Он остался доволен, а еще больше тем, что его угостили сладким чаем.

- У меня есть сто овец, кони, корова, но я не могу позволить себе пить чай с сахаром, - пояснил он, а потом добавил после минуты молчания: - У нас в кишлаке теперь и бай есть. У него баранов больше тысячи штук.

Когда начало темнеть, он, наконец, ушел, запахнув полы огромной овчинной шубы.

Утром 28 июля была идеальная погода. Ни облачка на небе, ни ветерка. Не верилось, что здесь чуть ли не ежедневно идут дожди и туман надолго укрывает гору.

Только успели вскипятить воду, как наш вчерашний гость появился вновь. Напился сладкого какао, а потом попросил отсыпать ему порошка домой.

- Хочу угостить жену, - пояснил он нам на прощание. - Она такого ни разу не пробовала.

После завтрака Володя отправился в высокогорье, а я решил просушить вещи, отсыревшие в дни непогоды. Выволок спальные мешки, одежду, инструменты из багажника разложил на брезенте, а сам залез в палатку делать матрасики. Увлечшись, не заметил, как вновь появился наш гость. Подстелив под

себя куртку, он уселся рядом и молча стал наблюдать за моей работой.

- Тебя как зовут? - прервал я молчание.

- Жума.

- Что же ты не работаешь, или тебе дома делать нечего?

- Скот сам пасется, а по хозяйству жена все и без меня делает.

Закончив с матрасиками, я принялся за профилактику «Хонды», и все это время Жума с неугасающим интересом наблюдал за мной, а потом стал изучать разбросанные инструменты, не забыв осмотреть внутренность машины.

После обеда стала портиться погода. Заклубились тучи и заволокли всю гору. Пошел дождь, а потом и снежная крупа. И все это произошло так быстро, что я не успел собраться и убрать вещи. Жума, как будто не обращавший внимания на непогоду, вдруг вскочил и бросился бежать, даже не попрощавшись, из-за чего у меня вдруг закралось сомнение: не прихватил ли он что с собой?

Через полчаса пришел Володя. Сходил удачно. Был на черной осыпистой горе, примыкающей к ледяной стене и поднялся до высоты 4500 м. Шел, огибая снежные карнизы, пока не уперся в ледяную стену. Напротив стоял купол пика Дзержинского высотой 6600 м. Очень странно было видеть бабочек, летающих среди ледяных полей. Навил высокогорных парнассиусов инферналисов. Здесь же поймал самца балтии шавии - редкую бабочку высокогорного Памира.

А перед этим случилось с ним приключение, о котором он рассказал так:

- Подхожу к гребню и вижу рога, торчащие с другой стороны. Ну, думаю, откуда тут взялась корова? И тут же вырос мощный черный круп, а затем и вся громадная туша яка - полудикого быка с висящей по бокам длинной шерстью и лошадиным хвостом. А рядом маленький теленок, видно, недавно родившийся. Значит, взрослая - это ячиха. Обычно яки убегают от людей, а эта стоит. И тут, надо же, теленок подбежал и стал нюхать лежащий на земле сачок. Я хотел поднять его, а ячиха опустила голову и, выставив вперед страшные рога, бросилась на меня. Я отскочил, и она пробежала мимо. Встала и, приготовившись ко второму броску, нехорошо так смотрит на меня. Я стою ни жив, ни мертв, не делаю никаких движений. Так мы и стояли минут 10, не шевелясь, пока я тихо-тихо не нагнулся и забрал сачок. Потом, не таясь, так же незаметно стал отходить, пока не ушел за гору. Там, чуть в стороне яков паслось целое стадо.

На обратном пути я обошел яков стороной.

Я был поражен и даже испуган. Ведь все могло кончиться гораздо хуже.

- Представляю, каково тебе было. Як ведь страшный зверь.

- Да, момент был неприятный, когда ячиха бросилась на меня, ведь ей ничего не стоило растоптать меня в лепешку. Испугаться я не успел, а только лихорадочно соображал: что делать? Спрятаться-то негде. Ни скалы, ни камня, один голый луг.

Володя помолчал, а потом добавил:

- У меня подобный случай был в 86-м году на Алтае. Тогда я шел от озера Маркаколь через горы. Перешел реку Курчум и стал подниматься на Нарымский хребет. А там все поросло густым, непроходимым кустарником и никаких ни дорог, ни тропинок. Пробирается можно только по руслам речек и ручьев, по ним и ходят медведи, а людей там нет. Вот и я шел по руслу речки Карабас, и вдруг вижу: медвежонок! И самое неприятное то, что увязался, шалопай, за мной. Катится таким мохнатым шариком по гальке. У меня и сердце екнуло: вот-вот должна появиться медведица, а с ней, как известно, шутки плохи! Ну и драпанул я вверх по речке, оглянуться боюсь. Кое-как оторвался от медвежонка, а медведица так и не появилась.

Да, я еще вспомнил: время от времени я слышал грохот наподобие пушечных выстрелов или грома. Видимо, где-то ломался лед или обрушались ледяные стены. Они как живые, все время в движении и это явственно ощущаешь.

Я же рассказал про своего гостя и об опасениях насчет пропажи вещей.

- Это все ерунда, - отозвался Володя. - Самое ценное - это наши сборы. На втором месте машина, на третьем мой фотоаппарат, все остальное наживное.

- А мы сами? - полушутливо спросил я.

- А мы сами пока целы!

А вещи все оказались на своих местах. Так что зря я плохо подумал о Жуме.

Потомок Александра Македонского

Весной 1996 года в святом для мусульман Средней Азии ущелье Арслан-Боб на юге Киргизии было тревожно. Напитанные влагой, склоны гор сползали в реку Унгур-Кура; запруживая ее, вода прорывала ненадежную плотину и, переполнив берега, устремлялась вниз, размывая дорогу и подтопляя поселок. Все это наблюдали мы 29 апреля, заехав в популярное и в какой-то степени экзотическое место, где ловили нежных белянок пиерис канидия и перезимовавших траурниц, очень шустрых и быстрых в этот жаркий весенний день.

Траурница - банальнейшая бабочка, но для Средней Азии это диковинка, как-то не вписывающаяся в местную лепидоптерофауну. И самое интересное то, что она живет на березе, а здесь этого дерева не видно.

После полудня, проехав Базар-Курган, - длинный город-поселок, тянущийся без конца и края, Володя заметил, рассматривая карту: «Здесь совсем неподалеку есть небольшой горный массив. Пожалуй, стоит туда заехать для ночевки».

В поселке Чон-Курулуш старик-киргиз махнул рукой: «Езжайте правее, как раз попадете в горы».

Горы зеленые, пологие, невысокие. Удивляет то, что они стоят отдельным массивом среди равнины и никак не соединяются с острогами близ-

лежащего Ферганского хребта. Едем по проселку, потом по некрутому гребню пологого отрога. На ходу замечаю множество ползущих в траве черепах. Заезжаем в уютную долинку. Вроде бы, здесь неплохо. Мягкие склоны, молодая поросль весенней травы.

Вылезает оба, чтобы осмотреться. Володя обрадовано кричит: «Есть шикарные каллистенусы. Крупные, много!»

Это очень интересные хищные жуки жужелицы.

Я беру стеклянную банку и, высматривая в траве шустрых черных бегунов, хожу вокруг машины. Жуков действительно много, и это совершенно невероятный случай, какого в нашей практике еще не бывало. Забыв обо всем на свете, отхожу метров на 50 и вдруг вижу, что мой автомобиль потихоньку трогается с места и начинает самостоятельно двигаться. В ужасе мгновенно осознаю обстановку. Я забыл поставить его на скорость или хотя бы затянуть ручной тормоз! В отчаянье бросаюсь следом, но где там: машина едет все быстрее по некрутому логу вниз. Нечего и думать ее догнать, но у меня еще теплится надежда, что она упрется в выступающий боковой борт и остановится, но вместо этого она плавно поворачивает по ходу лога и, все убыстряя бег, мчится вниз в направлении к оврагу. Все как в плохом, кошмарном сне. Не хочется верить в происходящее, но никакая сила моей воли не может изменить хода событий. Я давно бросил банку, оба - и я, и Володя делаем отчаянные усилия, пытаемся догнать взбесившийся автомобиль. Но все тщетно, остановившись в бессилии, мы молча смотрим, как машина, прокатившись метров 150, с глухим звуком врывается в обрывистый земляной откос неглубокого оврага. От удара отскакивает немного назад и замирает. Все кончено, машины больше нет, значит и экспедиции конец.

Подходим. Уже издали видно, что ветровое стекло разбито вдребезги, передок смят в гармошку, крышка капота откинута вперед. Смотреть не хочется. В отчаянии хватаюсь за голову, проклиная свою беспечность. А еще опытный, как я считал себя, водитель!

Подскакивают на конях парни-киргизы. Они все видели издалека. Ухмыляются, а один бросает ехидно: «Восстановлению не подлежит».

Осмотр неутешителен: передок деформирован, из коробки передач капает масло. Сиденья покорежены тяжелым движком-генератором, находившимся внутри и перелетевшим через всю кабину. Внутри все засыпано осколками стекол, но не от ветрового стекла, а от разбившихся наших баночек-морилок.

Вот ведь правду говорит пословица: «Пришла беда, отворяй ворота». По дороге в Москву Володю ограбили, стукнув дубиной по голове и отобрав все деньги, теперь я разбил машину.

Мимо ехали пожилые киргизы, и все сочувственно охали, ахали и качали головами, а один толстяк пообещал назавтра прислать трактор.

Тем не менее, Володя мрачно предрек:

- Теперь все знают, где мы сидим. Как бы ночью не вернулись нас грабить. Уж слишком много свидетелей!

А я все решаю вопрос, что делать, и варианты вертятся в голове, и самый простой – бросить все и ехать за «Жигулями», стоящими в Зыряновске. Другой – буксировать авто в Ташкент, где живут мои родственники. Вряд ли здесь смогут отремонтировать...

Наконец любопытные киргизы разъехали, а мы разбили лагерь. О ночном лове никто из нас и не подумал, хотя погода благоприятствовала: было обильно и тепло.

Только теперь мы почувствовали как устали и ощутили острую жажду. Володя развел порошок «Зуко», но, размешивая ложечкой, почувствовал на дне песок. Стекло! И тут не повезло: любимый напиток пришлось выплеснуть.

Вскипятили чай и легли спать. Однако сон не шел, в голове роились тяжелые мысли, думы терзали разум. Среди ночи стало душно, и я со страхом ждал, что вот-вот разразится ливень. Если развезет, из нашего оврага машину не вызволить даже трактором. Но видно бог все-таки смилостивился и дождь не состоялся. Утро встало хмурое и прохладное. Продав часа два обещанный трактор, Володя сам ушел в поселок за подмогой. Приехал довольно быстро на «Беларуси» с целой компанией местных мужиков.

Какие молодцы киргизы! Толково нас подцепили, руками придержали, чтобы не свалиться на бок и аккуратно вытянули. Подцепили на буксир и мы поехали. Левое переднее колесо скрежещет, задевая за кузов, остальные крутятся нормально. Откуда-то взялась целая толпа народа с женщинами и детьми. Оказывается, сегодня ожидали наводнения, так как в горах оползнем перекрыло реку, и там скопилось много воды. Людей из поселка ночью спешно вывели в горы, и вот теперь все они с любопытством взирали на нас.

- У нас люди хорошие, в беде не бросят, - сказал стоящий на обочине русский шофер молоковоза. – А если еще нужна помощь, можете обращаться ко мне, - добавил он, оставляя свой адрес. – Меня тут все знают, спросите Петра.

Притащили в поселок. Наш спаситель, здоровенный молодой киргиз Жуматай говорит:

- Пойду, достану тележку. Погрузим вашу «Ниву», так лучше будет. А то волоком машину испортите.

Часа два сидели в гостях у Жуматай, пили чай и ждали когда пригонят тележку.

Вот еще задача: как затащить «Ниву» в кузов тележки, у которой открывается лишь боковая стенка? Жуматай собрал мужиков всей деревни, и они с большим трудом по двум доскам запихали нашу груженую «Ниву» да еще и со мной поперек хода на высоченный тракторный прицеп. Прицеп короткий: нос уперся в стенку, задние колеса почти висят. Я сижу, будто на выставке в кабине и с высоты обзираю все происходящее вокруг. Нас везут по пригороду Базар-Кургана как напоказ, а толпы людей глазят кто с жадным любопытством, а кто и со злорадством.

Дудко – так звать того хохла с молокозавода – рассказал нам, что есть две станции ремонта. Одна в Джалал-Абаде (км в 20) казенная, другая, в Базар-Кургане – частная. На частной берут дороже, но делают, вроде бы, получше. «Так ли это, точно не знаю

и врать не буду. Да вот он и сам хозяин, - прячась в сторону, показал Дудко на маленького роста подвижного человечка, похожего на кавказца. – Вы уж сами договаривайтесь».

- Казым, - представился тот, подавая руку, - можете называть князем, меня тут все так зовут. Я потомок Александра Македонского, - то ли в шутку, то ли всерьез добавил он. – Я уже видел вашу машину. Сделаю быстро и хорошо. А жить можете у нас прямо на станции. Думаю, за неделю починим, заставлю работать днем и ночью.

Мы долго не раздумывали и тут же согласились. Куда нам деваться, тем более на ночь глядя. В этот же вечер Володя успел побывать и в местной ГАИ, где писал объяснительную по поводу нашей аварии. Так положено по правилам. Вроде и не ДТП, а оправдываться положено, да еще и платить дань надо. Все равно, что платить штраф за сломанную при падении собственную ногу. Толстомордый киргиз со всех нарушителей брал деньги себе в карман и, не стесняясь, почти каждому говорил одно и то же: «Мало даешь, надо больше». Откупился и сын (спрашивается, за что!), причем, даже и за Дудко, которого успели задержать за какой-то беспорядок в документах. При этом произошел примерно такой диалог:

- А-а, русский! Из самого Ленинграда? – Гаишник замялся: - Не знаю, как и быть. Мы, киргизы, вам, русским многим обязаны. Ведь в юртах жили, а теперь людьми стали. Много с гостя не возьму, но давай, сколько сможешь.

Володя сунул ему в руку деньги, а совестливый работник дорожной полиции тут же спрятал их в карман.

Кызым уже караулил нас, размахивая руками у ворот станции. Уже поздно, но рабочие ждут. Быстро нас разгрузили, для жилья предложив вахтовку при входе, но мы подумали, посмотрели да и поставили палатку прямо на газоне во дворе.

Так закончился второй день треволнений, так неожиданно свалившихся на нашу голову. В общем, он прошел не зря, и сделали мы за это время немало. Душа несколько успокоилась, нервы пришли в порядок и появилась не только надежда, но и уверенность, что автомобиль мы восстановим. Конечно, жаль Володю, у него каждый день на вес золота.

Казым произвел впечатление энергичного, делового и даже приятного человека. Этаким узбекский еврей – деятельный, обходительный, уверенный в себе. Ясно, что он хочет хорошо на нас заработать. Беспокоило лишь то, что на завтра приходится большой праздник 1 мая. Придут ли обещанные люди? Уж в России, точно, в этот день все пьют и ни о какой работе не могло бы быть и речи. Однако, вопреки опасениям, утром появился Казым с двумя рабочими. Стали разбирать «внутренности» передка. Съездившись, капот укоротился сантиметром на 15. Удивительно, но там все – движок, даже радиатор, оказались целыми. Из серьезных поломок вызывала тревогу лишь лопнувшая задняя крышка коробки передач. Говорят, ее трудно достать, тем более что наша коробка пятиступенчатая, очень редкая. Но вся облицовка: крылья, лонжероны, крыша капота, - все «вмятку».

На станции тишина: нигде ни души. Праздник. Однако подъехал грузовик, привезший Казыма. Нашу «Ниву» он решил подвергнуть экзекуции: привязали к бетонной тумбе и стали «растягивать» с помощью грузовой машины. Грузовичок разогнался, дернул раз-другой, но где там! Разве хватит у него сил, чтобы распрямить железные складки!

- Черт! Ничего не получается, - чертыхнулся Казым. – Остается одно: срубить. Придется повозиться!

На следующий день молодой и здоровый киргиз по имени Кочкар (архар) зубилом вырубал носовую часть.

Вечером Казым кормил нас в соседней чайхане узбекским пловом. Все сидели вокруг блюда и грязными руками брали горстки рассыпчатого риса. Плов так себе, да и не очень приятно без ложек и вилок есть руками из одной чашки. Казым старается нам угодить в мелочах, зато и деньги берет большие. Володя уже загодя отдал сначала 400 долларов, потом еще 300. Боимся, что наших денег не хватит, чтобы расплатиться. Можно бы съездить в Ташкент, где живут мои двоюродные сестры и брат. Деньги там наверняка есть, но вот дадут ли – это вопрос.

Два дня Кочкар добросовестно рубил зубилом железо, укорачивая автомобиль на треть. Постарался и сам хозяин, принеся новенькие лонжероны и крылья.

- Вот! – торжествуя он разложил их перед нами. - Я же говорил: сделаю! Завтра сам приварю.

На следующий день он и действительно начал варить, примеривши, все на глазок, а мы не решились его спросить: не получится ли машина длиннее или короче, чем была. Горелка у него чихала и фыркала, временами оглушительно хлопая, гасла, и я все время боялся, как бы она вообще не взорвалась. Казым сердился, кого-то ругая и чертыхаясь, но работа у него явно не спорилась. Видимо, когда-то умел работать, да давно потерял навыки. А тут еще клиенты идут один за другим, отвлекают. Мы молчим, буквально по пятам ходим за «князем», а он злится, явно осознавая, что ничего у него не получается.

На пятый день на мотоцикле прикатил здоровенный киргиз страшноватого вида, похожий на сказочного джина. И тут работа сразу пошла. Очень хорошим мастером оказался Зейнобо, как звали нашего доброго спасителя. Неразговорчивый, молчаливый, но работу знал отлично и, главное, никогда не халтурил.

Чтобы не терять время даром, Володя на три дня на автобусе ездил в сторону Ташкумыра. Брал с собой «Хонду» и запас бензина для ночного лова. Там, на черных, будто обгорелых сопках, еще по дороге сюда мы обнаружили весенних чернушек лиела миопс, очень заинтересовавших Володю. Тогда бабочек было мало, но за это время они успели размножиться, и сын наловил их вдоволь.

Старик киргиз, пасший рядом коз, поделился:

- Вот мы пасем скот, а денег нет. А узбеки ковыряются в земле, что-то сажают, торгуют и хорошо живут. Плохие люди!

- Что же тут плохого? Они же работают.

- Как что! Торгуют и спекулируют, и денег у них много.

Постепенно картина для нас прояснилась. Казым не только наш спаситель, но это еще и узбекский Хлестаков. Он хвастлив, много болтает, фантазирует, к тому же явный авантюрист, очень жадный до денег. Каждый раз, увидев доллары, он не мог удержаться, чтобы не поднять цену и догнал ее уже до тысячи.

- В Америке одна покраска стоит тысячу.

- Мы же не в Америке.

- А чем я хуже? – кипятился маленький человек, выставляя грудь вперед.

Настоящий князь Гвидон, как его здесь зовут. В минуту откровенности поделился своим сокровенным:

- Вот разбогатеть бы!

- А зачем?

- Как зачем? «Вольво» купить за 50 тысяч долларов.

- Какая разница на чем ездить, на девятке или на «Вольво?»

- Большая разница. Комфорт, красота. Все завидовать будут. Как врубишь магнитофон! Все говорить будут: «Вон Касымжан едет». Уважать будут, кланяться... А еще на «Вольво» можно в Мекку съездить.

- Вы, что, верующий?

- Это не имеет значения. Сейчас все, даже коммунисты в Мекку ездят и становятся святыми. Их очень уважают, а я что, хуже других?

Явно видно, что князь-Гвидон хочет на нас здорово поживиться, не поделившись ни с кем из рабочих. Взял в напарники себе лишь неумелого Кочкара, не подпуская никого из квалифицированных рабочих. Это уж потом, поняв, что сам не сделает, пригласил Зейнобо. У него золотые руки, работа так и спорится. Делает на совесть, хорошо.

9 мая опять праздник, опять тишина и мы боялись, что будет простой. Мы ходили по пустому двору, прислушиваясь к тишине, нарушаемой лишь шумом бегущей рядом реки.

Когда уже надежды не было никакой, вдали слышался знакомый рокот мотора, прозвучавший для нас как музыка. Под внушительной фигурой Зейнобо мотоцикла совсем не было видно. Повернув огромной лапой ручку газа, толстый киргиз заставил мотоцикл замолкнуть.

- Немного опоздал, - сказал он виновато, - соседи попросили помочь, трактор не заводился.

На радостях я сварил отличный суп из тушенки. Накормили Зейнобо и работа стала быстро продвигаться. Проблемными остались лишь крышка КПП и ветровое стекло.

За это время Володя дважды ездил в горы под Джалал-Абад. Там уже весна в разгаре, все зеленеет и цветет. Ползают желтопузики и крупные полозы. Парни киргизы собирают траву для приправы к супу (шурпе). Один говорит, показывая на полоза:

- Змея. Надо убить. Это уж.

- Зачем?

Как зачем, чтобы съесть. Лопатой голову отрубить, а из хвоста шурпу сварим. Змеями все болезни лечат.

- Вы же мусульмане, а не китайцы.

- Ладно, пусть живет.

Парень поддел палкой полоза и закинул в кусты.
- У нас тут еще змеи есть, но мы их не едим. Здровые, как колбаса.

- Желтопузики?

- Нет, кобры.

Конечно, речь шла о желтопузиках, которых здесь действительно много. А кобр давным-давно нет во всей Ферганской долине.

Базар-Курган чудесный городишко. Весь одноэтажный, состоящий сплошь из частных домов, весь в садах, зеленый. Русские здесь селились с конца 19 века в подгорной зоне и занимались хлебопашеством. В горах жьлы киргизы, а ниже, в долине – узбеки. Теперь русский поселок «Советское», примыкающий к Базар-Кургану, опустел. Почти все уехали. Местные жители жалеют.

- Зря уехали. В Союзе всем хорошо было.

- А почему уехали?

- Везде в магазинах стали говорить по-киргизски.

А тут еще драка получилась между киргизами и узбеками. Здесь Киргизия, а начальники все больше узбеки. Они и живут богаче. Стали их бить и выгонять, а русские испугались и уехали.

Молодой парень, сторож СТО каждый вечер делился с нами:

- У всех русских в палисадниках весной сирень цвела. По вечерам в парке музыка играла. На танцы ходили. Хорошо было. Теперь плохо. Скучно стало.

Володю на базаре, куда он ходит за продуктами и менять деньги, местная милиция встречает враждебно.

- Кто такой? Где работаешь? Почему долго живете?

И это несмотря на то, что здесь все нас знают, а запугивают, чтобы дали «на лапу». Конечно, и вид у Володи не ахти какой. Заросший густой бородой и одет плохо. Настоящий моджахед.

В ночь на 10 мая с вечера началась гроза. Грозы здесь часты, почти каждый день, но в основном в горах, задевая нас лишь краем. Вот и опять вдали тревожно гремело, и сверкали зарницы. В третьем часу ночи я почувствовал, что в палатку подтекает вода. Вылез: вокруг разлилось целое озеро. Наводнение! Его в Базар-Кургане ожидали давно и об этом все говорили. А здесь на станции и тем более было страшновато, ведь река протекает под боком. В любой момент слизнет всю станцию.

Босиком, по щиколотку в ледяной воде стали срочно эвакуироваться в деревянную будку, что отвел нам Казым, и где лежали наши вещи. А утром выяснилось, что вода пришла из... арыка. Кто-то забыл его с вечера перекрыть, вот и затопило весь двор станции.

По вечерам, когда двор пустел, и оставалось свободное время, я наблюдал за жизнью его диких обитателей. Здесь, на галечнике речной поймы еще сохранились остатки дикой природы. Бегали хохлатые жаворонки, пищали зуйки, свистели майны и обычные скворцы. По земле юркали изящные гологлазы, очень похожие на наших живородок, по вечерам пели жабы, лягушки и... гекконы. Меланхолическое чаканье одного такого певца время от времени слышалось

из щели между бетонными плитами совсем рядом с нами. И, что удивительно, вокальными упражнениями он занимался в одном и том же положении: вниз головой. Это была его любимая поза.

К 11 мая все приварили, прошпаклевали, зачистили, и приготовили машину к покраске.

Крышку КПП не достали, но Казым с Володей ездили на СТО в Джалал-Абад и там заварили в углекислом газе. Алюминий шипел и пузырился, пузыри лопались, образуя раковины, но, в конце концов облом все же прилепился. Не очень крепко, и теперь вся надежда на Петербург, куда Володя вскоре собирается слетать. Наши кровные, экспедиционные деньги все улетели на ремонт.

Осталась покраска и ветровое стекло. Всю неделю князь талдычил нам о том, какой это дефицит и как трудно его достать. Но все же сказал:

- Завтра воскресенье, поеду за стеклом на баракхолку в Андижан. – И добавил, подумав: - Надо бы одеться попроще, а то за миллионера примут, цену заломят.

А Андижан – это уже другое государство: Узбекистан. На всякий случай и для большей уверенности Володя тоже отправился с Казымом. Приехали, а там стеклов целые завалы. Володя дал продавцу 100 долларов, а сдачу Казым забрал себе. Вся покупка прошла в 5 минут, а потом «потомок Македонского» на радостях и на дармовые деньги на такси несколько часов колесил по городу, навещая друзей и родных и развозя каких-то людей. Сидели в чайхане, где князь красовался атласными брюками и размахивал деньгами. Побывали даже на чьих-то поминках. На базаре наш Гвидон, увидев дешевый «Мерседес», сказал:

- Эх, жаль, денег с собой не взял. Можно было бы купить «Мерс» за 12 тысяч. Хоть назад не возвращайся! Покатался бы, пока не куплю «Вольво».

Приехав на станцию, Казым выложил стекло передо мной:

- Вот, привез. Хорошо, что я так шикарно оделся, наверняка подумали, что я из КГБ. Продавцы сразу поняли, что я серьезный покупатель.

13 мая Зейнободо покрасил передок у машины и на ночь поставил ее в горячий бокс. Осталось вставить стекло. Я страшно беспокоился, подойдет ли? И не зря. Весь передок был деформирован и выправлен на глазок Зейнободо. Наверное, те же чувства испытывали и Казым, и Зейнободо, и Кочкар, изрядно потевшие, пока стекло не встало на свое место. Слава богу, влезло в пазы! А у меня такое чувство, что стекло так стиснуто, что вот-вот лопнет.

14 мая ремонт в основном закончили. Остались кое-какие мелочи, но мы уже не можем больше задерживаться. Казым тоже доволен: «Я же говорил, что в срок сделаю. Так все и вышло». Ну что тут скажешь: действительно отремонтировали хотя и не за неделю, как обещал, а за две. И заслуга тут, в основном, Зейнободо. Не он, сидеть бы нам здесь, как сидит уже три месяца, ожидая окончания ремонта, один симпатичный чеканщик-инвалид из Дагестана. Ходит по пятам за Казымом, а тот на него и не смотрит. Видно, денег маловато было у бедного дагестанца.

Но как бы там ни было, спасибо и Казыму, хотя и содрал с нас втридорога. Ведь главное для нас время.

В заключение славный потомок древнего полководца сам решил испробовать подлеченного коня. Он оказался настоящим джигитом, в этом мы смогли убедиться на деле.

- Садитесь, - великодушно пригласил он нас, картинно держась за баранку, - прокачу по городу.

Он лихо гонял по пустым улочкам Базар-Кургана, развивая скорость в 100 км, резко тормозил, поднимая клубы пыли. Когда мы объехали с десяток его друзей, он вкатил во двор станции со словами:

- Я же говорил, будет лучше нового! Так все и сделал.

Распрощавшись и сфотографировавшись, после обеда мы выехали счастливые, что окончилась эта кошмарная эпопея. Отдохнувшая и подлеченная машина бежит резво. Выглядит она и действительно, как обещал Казым, новенькой. У него так заведено: главное пустить пыль в глаза блеском внешнего вида.

В Чон-Курулуше, соседнем ауле, слышим крик, свист. Остановились, а это Жуматай бежит за нами. Тот, что буксировал нас на «Беларуси».

- Ну, как дела? Все в порядке? У нас тут в ауле все о вас спрашивают, беспокоятся. Зашли бы в гости, рассказали.

- Ах, Жуматай! Мы уже и забыли о нем, а он помнит! Обнялись. Перебросились несколькими словами, извинились, и в путь. Есть, есть на свете хорошие люди! Жаль расставаться, жаль, что больше никогда не увидимся.

Туманига

Граница с Узбекистаном проходит совсем рядом с Базар-Курганом. Граница – это еще одно из препятствий, стоящих на нашем пути и никогда не знаешь, что ожидает и как встретят. Однако на этот раз повезло. Пожилой таможенник, окинув взором машину, углядел в салоне нашей «Нивы» марлевые сачки и, оживившись, поинтересовался, нельзя ли ими ловить рыбу. Честно говоря, рыбаки в Средней Азии встречаются не часто, поэтому это нас несколько удивило.

- Нет, это для насекомых, - постарались мы убедить его.

- Жаль, - разочарованно протянул он. – А у нас тут есть пруд, мы бы с вами могли порыбачить.

Обрадованные, что встретили человека, так по доброму отнесшемуся к нашим предметам лова, мы вежливо отказались.

Слегка огорченный таможенник пожелал нам счастливого пути, поинтересовавшись, куда мы держим путь.

- Пока на Коканд, - неопределенно ответил я, и это была почти правда, так как свой маршрут мы корректируем на ходу, а пока намерения у нас были пересечь Ферганскую долину, желательно проехав по ее середине, где еще сохранились остатки дикой природы.

- Вот что значит быть равнодушным к природе, - заметил я после того, как мы тронулись дальше. – Этот человек всего-навсего интересуется рыбалкой,

и он уже добрее других своих коллег. Взять тех же гаишников. Волки!

- Да, это откладывает отпечаток, - согласился Володя. Такие люди бывают мягче, а, кроме того, рыбак рыбака видит издалека.

Рядом с дорогой тянулись рисовые чеки, залитые водой со стоящими кое-где цаплями и аистами, внимательно глядящими себе под ноги. Другие, паря, кружились в воздухе. Как видно, эти причудливые большие птицы прочно здесь обосновались: почти все опоры высоковольтной линии электропередачи, идущей параллельно дороге, были увенчаны гигантскими хворостяными шляпами – гнездами аистов.

- Кажется, на всех им скоро не хватит опор, - заметил Володя. – Тогда придется ставить искусственные подставки.

- Лишь бы хватило лягушек, - отозвался я. – Столько птиц!

По пути мы сделали крюк на юг, заехав в поселок Шор-Су. Это заброшенный рудник, где в советское время добывался озокерит. Теперь пустые глазницы многоэтажек свидетельствовали, что жители уже наполовину покинули городок.

А вокруг теснились причудливые горы из светло-желтых, палевых и почти белых песчаников, облепленных ракушками и мелкой галькой. Эти останцы своей формой напоминали то кегли – нанизанные на стержень каменные болванки, то выточенные на токарном станке фигурные столбы и башни, а то и стопку гигантских тарелок, сложенных пирамидой одна на другую.

Ближе к Коканду (Жукану, как теперь называют его сами узбеки) все чаще стали встречаться гряды песков, заросших чингилом, тамариском и джидой. Время от времени мы останавливались, и Володя выходил на разведку с сачком, принося то гипермнестру гелиос, то тугайную голубянку, то голубянку (плебеюс маракандика).

В густо заселенной Ферганской долине дикая природа и осталась лишь в таких вот крохотных островках, пока еще неосвоенных человеком, да вдоль каналов, быстро зарастающих тростником и кустарником, образующим узкие полоски почти настоящих тугаев. Они быстро заселяются насекомыми, птицами и мелкими зверями, самым крупным из которых бывает даже шакал. Конечно, они же служат прибежищем для бабочек, являясь своего рода микрорезервуарами.

Чем ближе мы приближались к Сырдарье, тем куртины попадались все чаще, и вскоре мы уперлись в настоящий тугайный лес. Но не успели мы порадоваться неожиданной удаче, как перед нами возникли запертые ворота, над которыми красовалась надпись «Туманига – база отдыха мелькомбината». Естественно, что и весь лес был тщательно огорожен колючей проволокой. Мы уже устали кого-то просить и уговаривать, чтобы впустили, поэтому Володя, взяв сачок, побрел вдоль ограды с надеждой, что какая-то бабочка вылетит из зеленой чащи.

Он быстро вернулся, сообщив, что нас приглашают в гости.

Открываем ворота, заезжаем во двор. Ухожено, аккуратные дорожки, пруды с электрическим

освещением для приманки насекомых в ночное время. Практичные узбеки! – такое мы видим впервые.

- Мансур, - приветливо и как-то по-домашнему тепло на чистом русском языке представился молодой еще мужчина приятной наружности. – А это моя жена Оксана.

Рядом, скромно улыбаясь, стояла очень мило-видная голубоглазая женщина в шароварах, которую я принял за узбечку.

- Как, Оксана?

- Да, она украинка, - подтвердил Мансур. – Я долго жил на Украине и вот привез ее сюда, - застенчиво улыбнулся он.

Сидя на длинной, вдоль всего дома веранде, мы ели жареную картошку, а потом пили чай с лепешками и, конечно, беседовали.

Разливая чай, хозяйка рассказывала, как она скупает по родителям, по своему дому и друзьям.

- Раньше мы каждый год ездили на Полтавщину, а с тех пор, как распался Союз, не побывали ни разу. Дорого. Что-то будет дальше?

В голосе ее звучала тревога и озабоченность.

- Мансур, а откуда у вас столько аистов? – спросил я, чтобы переменить грустную тему разговора. – Гнезда чуть не на каждом столбе.

- Столбы – это ерунда, - отвечал тот. – Вот поезжайте на восток от Пунганского моста до кладбища. Его увидите по туранговой роще. Там не менее ста пар гнездится. А много их стало после того как перестали улетать на зимовку. За последние лет десять так размножились, их теперь больше ворон.

Ночевали мы здесь же в пойменном тугайном лесу неподалеку от реки. Сырдарья здесь желтая, стремительная, похожая на Или в ее верхнем течении, но, конечно, менее полноводная, зато с более быстрым течением. Наш берег низменный, заросший турангой, тамариском, парнолистником, чингилом, правый высится пустынной и безжизненной желто-серой горой.

Всю ночь, мешая спать, на реке ревела моторная лодка, и мы недоумевали: что это людям не спится по ночам? Загадка прояснилась на рассвете, когда подошел наш добрый хозяин, чтобы пригласить на завтрак.

- Вот удивитесь, какого зверя поймали ночью! – сообщил он несколько таинственно. И чуть выждав, добавил: - Сомиче во-о! Жадюга-разбойник позарился на лягушку, клонул на закидушку. Здоровущий! Полночи таскал по реке, пока вываживали его из воды. Живой. Сидит сейчас в садке.

В бетонном колодце что-то мощно плеснулось, муть затянула воду и чудовище затаилось на дне. Вдвоем с помощником, напрягшись изо всех сил, Мансур вытащил на капроновом шнуре голову здоровенной рыбины, похожей на гигантского головастика.

Большущая, усатая голова, раскрытая толстогубая пасть со ртом, усеянным щеткой мелких, острых зубов.

- Ого, такая громадина и человека заглотит!

- Взрослого вряд ли, а ребенка – запросто.

Мансур хитро усмехнулся:

- Поразбойничал он на реке!

- И что вы с ним будете делать?

- Мясо съедим, а шкура на барабан пойдет.

- Неужели из рыбьей кожи?

- А что, барабан из нее дает самый хороший звук.

У нас здесь мастер живет, он сделает так, что заслушаешься.

Покидать радушную Туманигу не хотелось, мы чувствовали себя здесь как дома. Но в тенистом и сыром тугае бабочек было совсем мало, а нас ждал Ходжент, где есть большой аэропорт и откуда можно улететь в Петербург. Но прежде нам хотелось осмотреть колонию аистов, и через какие-то полчаса мы очутились в солонцеватой пустыне. Среди ослепительно сияющих такыров блестили небольшие озерца и опять тянулись бесчисленные арыки, правда, здесь почти без окаймляющей их зелени.

Тополевую рощу, что выросла на месте старинного кладбища, мы нашли быстро. Даже издали было заметно, что древние тополя туранги наштапигованы шарами огромных гнезд подобно тому, как это бывает в грачиных колониях. Только гнезда раз в десять крупнее. На каждом дереве по два-три гнезда и каждое – громадная куча хвороста, из которой выглядывали уже полувзрослые птенцы. Целая стая больших черно-белых птиц парила над рощей, делая плавные круги. Одни направлялись в сторону ближайшего болота, другие возвращались с кормом для детей. То одна, то другая птица, сложив крылья, падала в крону дерева, а оттуда неслись трескучие, по-деревянному сухие звуки. Закинув назад головы, уже почти взрослые птенцы щелкали клювами, клацая ими как костяными кастаньетами. Будто из сказок Гауфа, несуразно большие птицы нехотя и с видимым трудом взлетали с гнезд, и было шумно от взмахов крыльев десятков птиц.

- Никогда бы не подумал, что аисты могут жить в колониях и их может быть так много, - пораженный увиденным, сказал я.

- Да, возможно, здесь самое большое скопление аистов в мире, - подтвердил Володя.

Танцующие бабочки

Проехав Ферганскую долину, мы опять столкнулись с необходимостью пересечения границы, теперь с Таджикистаном, а она приготовила для нас неприятный сюрприз.

- Куда это вы направились, – огорошили нас таможенники. - В Хужанте (Ходженте) война, на улицах стреляют. Вас там убить могут!

Значит, опять какая-то заварушка в банановой республике, где никак не могут поделить власть, нежданно-негаданно свалившуюся на голову.

Однако официального запрета нет, и нас все же пропустили.

Вид на древний Ходжент открывается с возвышенного правобережья Сырдарьи. Огромный зеленый оазис лежит в обширной низменной котловине среди седых и желтых окружающих его сухих, холмистых гор. Светлая полоска Сырдарьи, извиваясь, голубой лентой проходит через весь город, утопающий в садах. Вместе с множеством окрестных поселков,

оазис тянется на десяток-другой километров и где-то в конце его находится аэропорт, куда нам нужно ехать.

Ночевка в городе всегда проблема, но мы здесь не первый раз, и у нас есть давно облюбованный укромный уголок рядом с городскими кварталами – ущелье в горах Могол-Тау, где мы были в 1990 году, путешествуя пешком.

Хребет Могол-Тау очень сухие, пустынные горы, но в мае еще не все успело выгореть и остатки зеленой растительности притаились в пазухах скал.

Как быстро все забывается! Я с трудом нашел место, где под скалой когда-то стояла наша палатка. Ничто с тех пор не изменилось, и так же лениво порхали белоснежные красавцы-аполлоны и всюду желтыми свечками стояли кусты ферул.

После обеда мы выехали в город. Вопреки ожиданиям, на улицах все спокойно и никакой стрельбы, но по рассказам где-то идут митинги. Требуют снять нынешнего президента, уроженца южного Таджикистана из Куляба и поставить своего из Ходжента или Ура-Тюбе. Понятно, что если правителя поменять и назначить с севера, то поднимутся южане и так будет до бесконечности.

Какие битвы надо было выдержать в советское время, чтобы купить билет на самолет! Теперь билет стоит 150 долларов, что составляет, чуть ли не годовую зарплату рядового гражданина Таджикистана. Так что желающих летать немного.

Аэропорт в Ходженте находится далеко от города, в соседнем городке Чкаловске и найти дорогу до него, пробираясь по улочкам бесчисленных поселков, не так-то просто. Нам бы засветло ехать туда и там же ночевать, тем более, что сейчас тут почти военное положение, а самолет летит ранним утром. Но вместо этого мы – отчаянные головы – решили возвратиться в свое ущелье, чтобы использовать хотя бы часть ночи, а уж потом добираться до самолета. Очень уж хорошо летели там бражники!

В три часа ночи, в полной темноте мы снялись со стоянки и рванули в аэропорт. Свидетелями нашего бегства был нагловатый еж, в свете фар перебежавший дорогу, да пара козодоев, взлетевших с дороги. Вся долина, лежащая внизу перед нами, была залита морем огней. Они сверкали, переливались, перемигивались, и ничто не говорило, что где-то идет война. И верно, несмотря на глубокую ночь и комендантский час вдоль всей дороги всю работу выполняли ресторанчики и кафе. Ярко светили фонари, ходили люди и шла уличная торговля. И в то же время один за другим, всюду по трассе следовали посты ГАИ, дежурили военные патрули с бесконечными остановками и проверкой документов. И везде допросы с придирами: куда, зачем, почему. Слышно как начальство по рации отдает приказ: «Без специального пропуска задерживать и отправлять в отделение милиции». С нами грубо разговаривают, но, посмотрев билет на самолет, все-таки пропускают.

Удивительно: ночью, в условиях военного режима, мы нашли аэропорт и доехали до него быстрее, чем днем и в мирное время два года назад!

Вылет самолета задержался часа на два, но странно, что и пассажиры, не торопясь, приехали тоже с

опозданием. Почти все пассажиры русские, причем улетают навсегда. Стоявший рядом старик сказал:

- Из русских я остался один с бабкой во всем большом доме. Но я тоже все равно уеду!

Проезжая через поселок, мы даже в темноте видели надписи на стенах домов и заборов: «Продается дом». Идет массовый выезд русских. Грустно и обидно это видеть.

Как проходил досмотр, Володя рассказал потом, уже по возвращении. Таможенник предупредил: «Бабочек вывозить нельзя. Покажите, что у вас там».

Володя, предусмотрительно разложивший коробки в определенном порядке, достал матрасик с ночными мотыльками, пояснив:

- Это моли.

- Да, моли, - подтвердил таможенник, почти старик.

Посмотрел еще пару матрасиков и сказал не зло: «Ладно, можно везти. Проходи».

Самолет улетел, а мне надо добираться до Сырдарьи в Казахстане, где в знакомом тугае я решил прокоротать время, дожидаясь сына. Доехать туда надо сегодня же, а это значит, что придется дважды пересекать границы трех государств, прорываться через таможи и бесчисленные посты ГАИ.

Уже в Ходженте гаишник придрался, осматривая багажник:

- У вас две канистры с бензином, а можно возить только одну.

- А где это записано?

Нигде. Тем не менее, завел в свою будку и начал обычную в таких случаях волынку:

- Ну, что будем делать? Сейчас выпишу штраф.

Но тут я опомнился, и сам перешел в наступление:

- Я корреспондент американской газеты. Я буду жаловаться.

И показал американскую визу в паспорте, а там мой портрет и американский орел во весь лист. Взглянув, сраженный гаишник пробормотал подавленным голосом:

- Да, действительно....

Я же, воспользовавшись его замешательством, сел в машину и уехал.

Уже в Узбекистане, в каком-то поселке остановил старик, одетый в милицмейскую форму. Но очень уж странно он себя вел: то ли пьяный, то ли сумасшедший. Подбежал и стал кричать:

- Плати штраф!

- За что? – удивился я.

- Все платят, и ты плати, - бессвязно отвечал безумный старик. Увидел лежащие на сиденье таджикские деньги, схватил две бумажки и убежал. Ну и бог с ним, эти деньги ничего не стоят, и взял я их для коллекции.

В другом поселке, слегка заблудившись, я стал было расспрашивать про дорогу. И тут со всех сторон стали сбегаться люди и жаловаться на житье-бытье. «Очень плохо живем. Государство нас бросило, хлеба нет». Народ уже забыл, что каждый должен зарабатывать себе на жизнь сам. Советский собес безвозвратно ушел в прошлое.

Сверясь по карте, за поселком Бука я углядел переезд через Сырдарью. Свернул со своей дороги и вскоре действительно увидел мост через реку. Капитальный, из бетона, хороший мост. Справа, на берегу виднелся густой тугайный лес, а слева лужайка в цветах и над ним роятся какие-то светлые бабочки. Подъехал ближе - это гипермнестры гелиос, солнечные бабочки, очень близкие к аполлонам. На бледно-желтом фоне малинового цвета пятна - очень нежное сочетание цветов.

Гипермнестру гелиос можно считать эндемиком Средней Азии. Ни в какой Европе ее нет и в помине. Она типичный обитатель долин больших рек, таких, как Сырдарья, Или, Амударья, Чу. Впрочем, мы встречали ее и в горах, например, в Таджикистане под Дангарой, в отрогах хребта Бабатаг. Но всегда это были одиночные, немногочисленные экземпляры, здесь же они роились в неисчислимом множестве. Настоящая метель чешуекрылых! Среди бабочек было много потрепанных, но попадались свеженькие и очень яркие, особенно самки. Такое мельтешение часто бывает у боярышниц, особенно в жаркую сухую погоду. Реже у меланаргий и аполлониусов, иногда грешат этим и голубянки.

Над уже подсохшим лугом дрожало и ритмически колыхалось бело-розовое облачко, состоящее из тысяч и тысяч особей. Будто совершая какой-то ритуал, воздушные мотыльки вились над зарослями, танцуя и приплясывая. Они двигались по замкнутому кругу, держась луга и почти не вылетая за его пределы. Чем-то это трепыхание напоминало град, когда сплошной поток градин, ударяясь о землю, подскакивает, образуя над травой хрустальное дрожание. Лов не представлял спортивного интереса; за один взмах в сачок попадало от пяти до десяти бабочек. Я ходил по колена в траве, безмолвный цветной вихрь вился у ног; шуршащие сухими крылышками, бабочки бились об одежду и, наткаясь на руки и ноги, едва не облепляли меня. Они никуда не спешили и были заняты одним только своим бесконечным танцем. Как обреченные, они не боялись взмахов сачка, а равнодушно приплясывали, даже не ускоряя свой полет. При массовом размножении бабочки всегда безучастны к своей смерти, будто понимая, что на смену одной придут десятки других. Странное сочетание: брачные игры и пляска смерти, танец жизни и смертный пробег. Логично ли это? Но ведь и сама жизнь чешуекрылых - миг, длящийся от месяца до двух.

Мимо, одна за другой мчались машины и никому не было дела до поляны, где бабочки совершали брачный полет. Я уже давно отъехал от берега Сырдарьи, а перед глазами все стояло то оранжевое колыхание, бело-желтый цветной вихрь бестелесных воздушных существ.

Сарыкамьшская кругосветка

Проехать по этой дороге я мечтал давно. Всего-то каких-нибудь 200 километров (по карте), зато какие места! Котловина, со всех сторон замкнутая отрогами хребтов Сусамырского, Молдо-Тоо, Сарыкамьшского,

Кокеримтау. Затерянный мир в теснине реки Нарын, где нет ни дорог, а иногда и троп, и можно себе представить, что в этом непроходимом каньоне (кстати сказать, предназначенном для затопления при строительстве в недалеком будущем очередной Нарынской ГЭС) должна хорошо сохраниться дикая природа.

Осуществить мечту и побывать в этом заброшенном уголке Киргизии нам удалось в 1996 году.

Не скажу, что не сбылись мои ожидания, но то, что дорога оказалась гораздо труднее предполагаемой, это факт. И виной тому не столько отсутствие дорожного покрытия, сколько сильнейшие дожди. Во время нашей поездки они шли почти непрерывно, и я подозреваю, что здесь находится самый сырой уголок Киргизии. Я бы сказал, что это кусочек Алтая в Средней Азии, и от того там так буйно растут травы, и многие жители занимаются пчеловодством.

Маршрут наш начинался в ауле Кызыл-Ой, живописно расположившимся на берегу бурного Кокмерена. Вокруг стоят ярко-красные останцы и обрывы из конгломератов и бурых глин, обрамленные венцом из темно-зеленых тянь-шаньских елей. Дорога идет берегом реки Кобик-Су (пенная вода), которой можно было бы дать и другое название: Березовая, так как берега ее окаймлены густым березовым лесом, что не так часто бывает в Киргизии. Река действительно бурная, горная, прыгая по камням, она становится белой от злобной пены. Начинаясь под перевалом Кыркыз, Кобик как бы разделяет хребет на две части, восточная называется горами Сары-Камыш, а западная - Сусамырскими.

Горы зеленые, заросшие густыми высокими травами вперемешку со стелющимся ковылем. Круглыми шарами над ними возвышаются кусты цветущей жимолости и желтого шиповника.

Чуть поднявшись по пустынной дороге, мы обнаружили летающих в зарослях кустарников чернушек турананик и крохотных беляночек Оксенгеймера. Мимо промчался всюду очень редкий александор, а потом желтушка Штаудингера. Но самой интересной находкой была неизвестная паралаза, похожая сразу на паралазу Кузнецова и паралазу иордану, правда всего лишь в единственном экземпляре.

Ловля захватила нас, и я, забыв обо всем на свете, углубился в кусты, потеряв из видимости брошенный на дороге автомобиль. Кругом горы тишина и полное уединение. Но правы здешние русские, говоря: «В горах, где бы ни находился, не думай, что ты один. В любом месте киргиз появится неожиданно, будто вырастая из-под земли». Так случилось и у нас: оглянувшись, а рядом с машиной стоят два конных всадника. И откуда только взялись! А у меня и машина открыта, багажник нараспашку. Пришлось срочно спускаться и угощать гостей сигаретами, специально припасенными для этой цели. Закурив, киргизы неспешно удалились и, как мне показалось, с легкой усмешкой на лице. И с чего бы это?

Здесь же обогнал нас трехосный «ЗИЛ» с двумя русскими шоферами. Они едут проверять какие-то космические установки еще бывшего СССР.

- Вам куда? - спросили они, разглядывая наш маленький миниджип.

- Хотим в Токтогул пробраться. Как, сможем?

- Проехать-то можно да дорога тяжелая. Везде земляной грунт, если развезет, ехать опасно. В прошлом году наш «ГАЗ-66» ушел здесь под откос, и водитель погиб. А нынче опять дожди.

Зловещий рассказ, и сами мужики показались мне очень озабоченными и даже встревоженными. А ведь видно, что бывалые, да и на грузовике-вездеходе. Чего бы бояться?

Мои размышления прервала пойманная необычная чернушка, показавшаяся Володе чрезвычайно интересной, претендующей на новый подвид, и мы с азартом продолжали охоту, пока не заметили, что наступил вечер. А что нам, цыганам, где захватил вечер, там и заночевали. Стали готовить ужин и тут обнаружилось, что исчезла сумка с сахаром и печеньем. Она лежала с самого края в раскрытом багажнике. Значит, «приватизировали» те парни, что подъезжали на конях. Я не раз замечал: если старики, как правило, гостеприимны и доброжелательны, то о молодых этого не скажешь. С ними надо держать ухо востро. Впрочем, в этом отношении русская молодежь в своих краях еще более отчаянна и дерзка.

Два следующих дня шел сильный дождь, и нам ничего не оставалось, как сидеть на месте и не столько из-за плохой дороги, сколько от необходимости проследить всю лепидоптерофауну на пути. Зато ночные бабочки, невзирая на непогоду, летели богато и обильно. Дождь временами переставал, но в воздухе и на земле стояла жуткая сырость в виде опустившегося тумана от испарений.

Во вторую ночь я отдыхал в палатке, а Володя дежурил у лампы. Вдруг шум движка смолк, и наступила темнота.

- Что-то случилось? - спросил я спросонок с удивлением.

- Надвигается какая-то очень уж черная туча, - отвечал Володя. - Сейчас так ливанет, что мало не покажется.

Порыв ветра едва не сорвал палатку, и вслед за этим на нас обрушился водопад холодных струй. Подумалось: «Вот оно предупреждение встречных шoferов! Что-то готовит нам непогода?»

Бегущая рядом с нами речушка, волоча по дну камни и коряги, вздулась до краев и было страшно укладываться на ночь, ведь стоило одной березе с берега упасть в поток, и через минуту вода затопит нас вместе с палаткой.

Только на третий день пришла яркая, солнечная погода. Тучи наконец-то ушли и лишь небольшие облачка, зацепившись за макушки гор, неподвижно повисли в синем-синем небе.

Вскоре стало жарко, и тут же залетали бабочки. Множество разных голубянок и белянки Оксенгеймера, десятками облепившие лужицы на дороге. Еще недавно мы считали их единицами; за все годы поймали не больше десятка, а тут они роились сотнями, даже тысячами. Я давно заметил: бабочек какого-то вида обычно бывает очень мало, и начинаешь думать, что это большая редкость. Но раз в пять, десять, пятнадцать лет приходит такой год, что их вдруг расплодятся миллионы и, наверное, это закон природы.

- Надо бы сфотографировать их покучнее, - пробормотал я, примащиваясь у края особенно густого скопления.

- Боже упаси, - пошутил Володя, - этого нельзя делать ни в коем случае. Если это увидит наш Эйчбергер, его кондрашка хватит. Этих белянок он в своей коллекции на штуки считает, а тут их целые миллионы.

Каждый год бывает вспышка какого-то вида, на этот раз повезло с редкостной белянкой.

Чем выше шла дорога, тем все более она была размыта. И никаких следов автомобилей! Не верилось, что здесь существует регулярное транспортное сообщение и тем более недавно перед нами прошел грузовик.

Впереди крутой бугор. Выехали на взгорok и ахнули от открывшейся красоты. Перед нами лежало обширное предвершинное плато. Изумрудные холмы один за другим волнообразно тянулись вверх, а с них, с уступа на уступ каскадами падала белоснежная река. Всюду яркие альпийские цветы, порхают огромные аполлоны тяньшаникусы, а над всем этим макушки заснеженных гор, бездонное темносинее небо и сверкающее солнце.

Забыв обо всем на свете, я бросился в погоню за белоснежными парнасисусами и не заметил конных киргизов, едущих навстречу.

- Ой-бай, куда забрались! Дорога жаман (плохая).

- Перевал далеко?

- Нет, близко. Осталось совсем чуть-чуть!

Кажущийся совсем близкими, перевал неудержимо манит к себе, но мы едем, а за каждым поворотом открываются все новые холмы, а меж ними новые долинки.

Но вот дорогу перекрыл нетронутый колесами огромный пласт нарастающего с зимы снега.

Вот почему нет никакого движения по дороге! Перевал до сих пор закрыт.

- Значит, мы будем первыми в этом сезоне, - заметил Володя. - Хотя это странно, ведь уже почти середина июля.

- Да, но как же прошел грузовик?

- Наверное, где-то объехал.

Мы обошли снежник, но нам он не показался особенно страшным. Однако когда я с разгона врезался в успевший размокнуть сугроб, «Нива» беспомощно забуксовала, повиснув всеми четырьмя колесами. Глубина сугроба оказалась не меньше метра, и мы больше часа, кидали снег, подкладывая камни и перелопатив несколько кубометров снежной каши.

Каждый раз попадая на высокий перевал, как бы открываешь занавес перед грандиозной панорамой. На этот раз впереди мы не увидели особенно высоких гор, зато слева и справа широкого зеленого перевального седла открылись зияющие зевы горных цирков с заснеженными, скалистыми пиками, торчащими по сторонам. Высота перевала 3218 м. Сторожевыми вехами на дороге стояли каменные бабы из светло-серого гранита, говоря о древности кочевого пути.

Всюду моренные задернованные холмы, затянутые желтыми травяными кочками высокогорной,

болотистой тундры. Ледников не видно, но обширные снежники покрывают низины и склоны холмов. Робкие цветочки едва пробилась сквозь ледяную корку, чуть слышно журчали весенние ручейки.

Стояла полная тишина, и лишь порывы пронизывающего, ледяного ветра нарушали безмолвие. Отправившийся на разведку, Володя быстро вернулся. Бабочек абсолютно нет, как нет вообще никакой жизни вокруг. Да, весна здесь задержалась, и до сих пор стоят мартовские холода.

Полубовавшись видами перевала, мы спускаемся в сторону Нарына и поселка Сары-Камыш. Опять на пути, теперь уже с южной стороны, лежат снежные поля, но, наученные горьким опытом, мы объезжаем их стороной. Пара километров вниз и на смену снежных приходят поля ярко-оранжевых купальниц, точь-в-точь, как знаменитые жарки (они же огоньки) на Алтае. Кажется, что склоны полыхали жарким пламенем пожара.

С этой стороны хребта так же бежит река и с тем же названием: Кобик. Чем ниже, тем она многоводнее. И вот то, чего я так боялся: разрушенный мост через реку. В воде лежат огромные бетонные кольца, а саму переправу при Союзе не успели закончить. Теперь уже не до строительства, как хочешь, так и езжай!

Мы вышли, осмотрелись и решили, что если подмотать камнями, то можно и рискнуть. А вброд и соваться нечего!

Потихоньку, чуть не ползком по самодельной переправе переползли. Спустились немного и встали у дороги на высоте 2900 метров. Очень уж хороша была поляна, поросшая, как ни странно, кустиками теплолюбивой ферулы.

Несмотря на высоту, вечер был довольно теплым, и мы хорошо ловили ночных мотыльков на свет лампы. К утру со всех сторон полезли тучи, потом поднялся ветер. Несколько часов мы сидели в палатке, раскладывая ночные сборы, а снаружи выл ветер, шквальными порывами рвал нашу и так уже потрепанную палатку и холодил, пронизывая тело даже сквозь зимнюю одежду.

Все же к 12 часам ветер унялся, даже проглянуло солнце, и мы смогли выехать. Дальше пошла тракторная дорога, размытая весенними ручьями, всюду канавы, огромные лужи и торчащие здоровенные валуны. Одна за другой дорогу пересекали речки и ручьи, правда, броды были пока несложными, и мы их легко проскочили.

Чем ниже мы спускались, тем роскошнее становилась по сторонам растительность. Такого буйства зелени в Киргизии я еще не встречал. Нет, леса здесь еще не было, но травища в обильно увлажненной пойме реки вымахала чуть ли не в рост человека. Среди разлившихся ручьев огромными перьями рос дикий лук полутораметровой высоты! Кажется, мы попали в сказочную, неведомую страну великанов, в затерянный мир, забытый людьми.

Барсук, темный, почти черный выскочил из травы, и перед самым носом машины перебежал дорогу. И опять те же редкие белянки Оксенгеймера, кучами сидели на берегах луж прямо на дороге и приходи-

лось объезжать их, чтобы задавить не сотню, а хотя бы не больше десятка.

Чуть ниже пошли кустарники, стало посуше, но травища и здесь не хуже. Вдруг закуковала кукушка, застонали горлицы, затрещали коростели.

А дорога все хуже и хуже, и мысли заняты тем, как объехать очередной валун и не зарюхаться по брюхо в лужу.

Начались ельники, а меж ними поляны, сплошь заросшие белыми свечами цветущих эремурусов. И нигде никаких примет присутствия человека, нет ни машин, ни тракторов, ни скота.

Опять переезд через реку. Южный Кобик здесь могучий, страшный, весь в пене бурунов, а мост - две металлические балки, кое-как переброшенные поперек потока. Ошибаться здесь нельзя ни на сантиметр, и я переезжал с замиранием сердца.

Спустились еще немного, проехав несколько километров, и попали совсем в другой мир. Южная природа, жарко, заросли необычных кустарников. Я сорвал веточку с незнакомого куста, и узнал дикую сливу альгчу, были там и дикие яблони, и урюк, и все это переплелось в непроходимые тугаи высотой в два человеческих роста.

Встреченный нами конный киргиз из Сары-Камыша, важный, солидный, сказал:

- Природа-то у нас хороша, да вот отдаленность... Дороги плохие. А так, в Сары-Камыше 1500 жителей, телевизор не работает, хотя электричество есть.

- Как дорога в Токтогул? - спросил я встречного парня.

- Хорошая, - ответил тот, - проедете свободно.

Дорога и впрямь грейдерована, но сплошь земляная, без всякого покрытия. Пока сухо, хорошо, но по дождю не поедешь. Тогда только стоять и ждать.

Вокруг нас горы и горы. Впрочем, где в Киргизии нет гор! Они вздымаются по обоим сторонам нашего пути, а наша дорога идет по их предгорьям. Мы едем вдоль Нарына, но не по самой долине реки, а повыше, по южным склонам Сусамырского хребта, пересекая бесконечные цепи боковых отрогов. Поэтому дорога все время волнообразно вьется то вверх, то вниз, а перевалы следуют один за другим. Руслу ручьев и речек, то и дело пересекаемые дорогой, оврагами уходят вниз, в глубокие пропасти, где угадываются теснина Нарына. Там недоступный нам мир дикой природы, где водятся загадочные звери и птицы, и куда нет дорог.

Нас прельстил зеленый склон на третьем перевальчике. И хотя время было раннее, всего пять часов, решили ночевать. Травы и птичьи голоса такие же, как в дождливый год в Сибири, но, загораживая обзор, перед нами стоял высоченный хребет с желтыми скалами у вершин, с кулуарами между ними, забитыми снегом и реками осыпей.

С вечера ничто не предвещало непогоды, если не считать надвигающуюся с востока неясную мглу, что-то вроде небольшой туманности. А ночью задул ветер и начался дождь. Он все усиливался и лил всю ночь и утро. Почва вокруг так размокла, что стали вылезать колышки, крепящие палатку. Произошло то, чего я больше всего боялся:

раскисшая дорога по чернозему стала слишком опасной для проезда.

Лишь к 12 часам проглянуло солнце, но тучи клубились со всех сторон, струи испарений вились, как в парной бане.

- Теперь понятно, здесь гнилой уголь, - убежденно сказал Володя, - недаром и такой бурьян всюду вымахал.

Нам ничего не оставалось, как выжидать, но особых надежд на улучшение погоды мы не питали. Влага, испаряясь с земли, накапливалась в облаках, и они снова разбухали на глазах. Стало скучновато, ведь если дожди не кончатся, а они шли почти непрерывно уже четыре дня, то оставшиеся полтора-два километра нам не проехать и за неделю. И опять припомнились шофера «ЗИЛа», но они-то, наверное, проскочили, используя перерыв в непогоде и нигде не задерживаясь.

Мы пересчитали запасы еды. Осталось две сухих зацветших лепешки, банка тушенки, три картофелины, половина луковицы и макарон на два супа. А главное - полупустой бензиновый бак. Нет, особенно засиживаться нам здесь очень не хотелось. Подождали еще часа два и потихоньку тронулись. Пока съезжали с бугра намотали на колеса грязь, и тут машину понесло юзом в сторону. Хорошо, что посреди дороги шла глубокая промоина, в нее и скатились, а могли бы и под откос уйти.

Нет, так нельзя рисковать, это слишком опасно. Пока опять стояли, выжидая, я разведаль дорогу. Поселок Толук прямо под нами в глубокой и живописной долине, но чтобы до него доехать, надо скатиться по крутой дороге с горы.

- Будем мостить дорогу, - принял я решение. Мы набрали в багажник каменных булыг. Володя шел рядом и подбрасывал под колеса камни в самых опасных местах.

Нижний участок - серпантин - перед поселком был самым трудным. Чтобы не свалиться под глиняный откос, выкладывали колею не меньше часа. А дальше все было уже гораздо проще. В Толуке началась нормальная дорога, даже посыпанная щебнем.

Так вот почему у поселка был такой красивый, даже праздничный вид с горы! Почти все домики стояли новенькие, из сборных шитовых плит с цветными шиферными крышами. Он был заново отстроен после недавнего сильного землетрясения 1994 года.

Поселок пересекала большая река, уходящая в глубокое ущелье с крутыми склонами. Сегодня суббота, улицы были полны празднично одетыми людьми. И недаром в этом краю такая богатая растительность: почти в каждом дворе стояли пчелиные ульи.

Толук проскочили, не остановившись. Настроение радужное: была полная уверенность, что кончилась страшная грунтовка и впереди гладкое шоссе, отсыпанное розовато-гранитной дресвой. Ведь не могли же оставить такой крупный поселок без дороги! А потому долой все опасения перед трудностями пути! Кажется, все они позади. И погода, будто испытав нас, вдруг засияла, и дорога на глазах стала просыхать.

Перекусили у горной речки, выбросили из багажника заготовленные камни. Зачем они нам, если

впереди цивилизация, поселки, а там уже близко и оживленная автотрасса «Бишкек – Ош».

Но все не так просто, как казалось. Опять пошли бесконечные спуски-подъемы. Вот и гравийная подсыпка кончилась, снова под колесами чисто земляная дорога. Но то ли она успела подсохнуть, или дожди здесь не были так сильны, но почему-то не была она такой размокшей и скользкой, как до Толука.

Время уже за 6 вечера. Выехали на четвертый по счету перевальчик, рядом горка с наполовину степной растительностью, что понарилось Володе. Походил, оглядывая окрестности:

- Останавливаемся здесь.

С разгона взяли крутой подъем на травяной бугор и встали рядом с опорой ЛЭП прямо на макушке зеленой гряды.

На радостях, что кончились опасности и трудности дороги, я быстренько сварганил суп с драгоценной тушенкой.

Только сели ужинать, как вдруг совершенно неожиданно грянула гроза с сокрушительным ливнем и градом. Могучие раскаты грома раскалывали небо прямо над палаткой. Оглушенные, съезжившись от страха, едва мы снова взялись за ложки, как поднялся ветер, вмиг вырвавший один из колышков растяжки. Я выглянул, чтобы его закрепить, и тут же целый водопад ворвался в палатку. В какие-то секунды я промок почти до нитки, но как-то даже и не заметил этого. Меня поразило другое: вид, открывшийся впереди. Только что перед глазами стояла панорама гор, теперь все поглотила какая-то непроницаемая мгла. Нет, это не была пелена сплошного дождя. Скорее наоборот, перед нами в неистовстве бесновались и кружились воздушные вихри. В ту же секунду ударил шквал такой силы, что теперь уже вырвал почти все штыри, и сорванная палатка стала хлестать нас своими бортами. Чтобы удержать ее, мы оба, теперь уже окончательно мокрые, упершись, что есть силы, схватились за стойки. Но долго так не могло продолжаться, палатку все равно разодрало бы в клочья. Я понял это в миг и тут же принял решение:

- Быстро складываемся и закидываем все вещи в машину!

Горячий суп и чай (не пропадать же!) поставили под переднее сиденье, мокрую палатку скомкали и забросили в багажник.

Заскочили в машину, захлопнули дверцы - здесь жить можно, хотя автомобиль даже не качается, а ходит ходуном. Мы с тревогой прислушивались к вою ветра, а сын почему-то все поглядывал в окно:

- Кажется, нам нужно отсюда сматываться, чего доброго еще сбросит под откос. Настоящий торнадо. Здесь какой-то бермудский треугольник. В одной точке сходятся все вихри.

- Да, похоже. Ущелье, что труба, а мы тем более на перевальчике. Но и съезжать по траве опасно. Мокро, и можем пойти юзом.

Постояли, а потом потихоньку все же съехали. Обошлось.

Слава Богу, под колесами дорога, хотя и размокшая. Уже вечер, начинается темнеть, но не ночевать же в этом болоте! К тому же, непогода нас уже

доняла, скорее бы вырваться из этой ловушки! И мы поехали, невзирая на наступающие сумерки и хлещущий дождь. Лывы бежали по обочинам, дорога еле высвечивалась фарами, и, наверное, это был не лучший выход: гнать по незнакомой ночной дороге, не зная, что ждет впереди. Луч света выхватил по сторонам дороги какие-то странные заросли метра в четыре высотой. Что за гигантская, неведомая трава? Любопытство заставило меня прямо под струями сильного дождя выскочить из машины.

Да это же репей! Вот это вымахали лопухи! И сныть отросла не меньше, напоенная обильной влагой. Даже на Алтае такого я еще не видывал! Настоящий травяной лес!

Опять мчимся полуслепые в потоках и брызгах грязной воды.

Нет, терять голову нельзя, так залетим в канаву или овраг.

Горы вокруг наконец-то стали пониже. Вдруг перед самым носом машины возник силуэт всадника. Мы въезжаем в какую-то аллею. Огороды, изгороди. Это селение, но нигде ни единого огонька, как будто все вымерло.

Дорога уходит вниз, потом на подъем. Опять взбираемся на очередной перевал, пятый по счету. Спускаемся по копи, а внизу гремит, бушует река. Даже в свете фар виден грязно-бурый цвет воды. Мелькает тревожный вопрос: а есть ли мост? Стоят бульдозеры и экскаваторы, а вот и он долгожданный, хотя и загаженный и затоптанный скотом. Идет ремонт, стоят бульдозеры, экскаватор, и мы ныряем в разъезженное месиво с глубокой колеей.

Опять река, снова мост. И откуда эти реки берутся одна за другой? И как все эти препятствия уместаются на таком коротком отрезке пути! Дорога стала круто забирать вверх в глубокой выемке по склону горы. На Алтае такие дороги, врезанные в склон горы, называют копьё. Сбоку высокие глиняные обрывы, с которых водопадами льется вода и стекает грязь. На дороге целые лавы жидкой пульпы. Подъем очень затяжной, и машина еле ползет, пробиваясь сквозь толщу липкой хляби.

Вдруг нас сносит и разворачивает поперек дороги. Еще чуть-чуть и мы сползем в канаву, а за ней обрыв. Володя, как и я, напряженно всматривается в темноту.

- Стой, стой! - вдруг закричал он. - Так и под откос уйдем.

- Ничего, сейчас выберемся.

Мною овладела какая-то отчаянная решимость, я трогаю машину, и она, умница, хотя и виляя из стороны в сторону, потихоньку ползет подальше от опасного края.

Мы едем с черепашей скоростью и пробуксовкой в скользкой жиже. Но главное - не стоим, а пробиваемся вперед и вверх.

- Чего же это на самом опасном месте и не подсыпали дорогу щебенкой? - удивляется Володя. - Здесь и в сухую погоду трудно подниматься.

- Наверное, запыло все сползшей глиной, - высказываю я догадку. Не рассчитывали на такой дождь.

Но рассуждать некогда и обстановка меняется каждую минуту. Хляби небесные разверзлись не на шутку, и продолжало лить как из ведра.

Опять пробуксовка, да такая, что почти остановились. Замерло сердце, стало нехорошо. А ну, как пойдем юзом назад?! И самим спускаться задним ходом по намыленной скользкой дороге немислимо. Очень опасно в темноте, когда рядом обрыв. Чуть сдал назад и опять вперед. Молодец, «Нива», выкарабкалась!

Выползли на перевал, преодолев опасный, намыленный тягун. Наверное, это был самый критический момент на всем пути от Кызыл-Оя.

И снова переезды через несколько бурных рек. Один за другим аулы с темными, будто вымершими домами. Никогда бы не подумал, что эти места так густо заселены. Стали попадаться встречные машины, а то ведь после того «ЗИЛа» перед Сарыкамышским перевалом не встретилось ни одной. Значит, идет какая-то жизнь, и мы приближаемся к большой дороге и цивилизации.

Уже поздно и надо где-то вставать на ночлег. До Токтогула, наверное, совсем уже недалеко, а там найти место для стоянки будет труднее.

Переехали через очередную реку. Свет фар вырвал большое расширение под нависшими над рекой скалами. Сюда и заехали, встав на галечниковой речной пойме.

- Палатку будем ставить? - спросил я, хотя делать этого вовсе не хотелось.

Она абсолютно мокрая, неподъемная. Да и дождь продолжает хлестать, и темень - хоть глаз выколи, а сами мы едва не падаем от усталости.

- Не стоит, - отозвался Володя, думающий так же, как и я. - Как-нибудь переберемся, сидя в машине.

Я удивился. Сын всегда предпочитает отдохнуть как следует, по-человечески. Вскипятить чай, растянуться во всю длину тела, полностью отвлечься от дневных испытаний.

- Зачем сидя, - не согласился я, - вполне можно лечь поверх вещей прямо в машине.

- А верно, это здорово, - обрадовался он, растягивая спальник прямо под потолком. Все лучше, чем скорчившись на сиденьях.

Свет фар проезжающих машин бил прямо в глаза. Засыпая, мы думали о том, сколько острых впечатлений испытали за всю эту поездку. Конечно, последняя ночь потеряна для лова, зато пройден сложный и опасный маршрут. Каких-то 220-240 километров пути, но по волнениям и переживаниям, пожалуй, он превосходит переезд через перевал Тенгизбай в 1993 году и не уступает поездке на перевал под Хан-Тенгри в 1994.

Ночное нападение

Чон-Кондук (Большой сундук) - горное урочище почти в самом центре Киргизии у южного подножья хребта Молдо-Тоо. Расположенное у поселка Казарман, это местечко настоящая глухомань, даже по меркам отдаленного Нарынского края.

Мы любили этот уединенный чудесный уголок и ради ночной охоты заезжали сюда при каждом удобном случае. Кстати, с обратной, северной стороны этого хребта Молдо-Тоо есть ущелье с любовью описанное В.Шнитниковым и где-то там, неподалеку была хижина или пещерка Рюкбайля, в которой он жил целый сезон, а может, и не один. В том же краю построен городок Мын-Куш, в котором нам так и не удалось побывать. Вообще, я считаю Киргизию сказочной страной, страной туристов, и, думаю, когда-то она станет Меккой пилигримов всего мира.

Прелестная рощица на берегу горной речушки, теряющейся среди обширной галечниковой поймы. Древние тополя вперемешку с куртинами барбариса и кустами шиповника, с возвышающимися над ними кирпично-розовыми утесами из конгломератов, с далекими горами на горизонте и плывущими по небу белыми облаками.

Ни комаров, ни мошек, всегда прохлада и благодать, в общем, настоящий горный курорт.

Дневные бабочки здесь не представляют интереса. В тени тополей вальяжно летают черные таволговые пеструшки и барбарисовые белянки - спутники влажных лесов с тенистой прохладой. Зато очень хорошо ловились самые ценные ночные бабочки, которых мы называем «толстыми», или бомбиксами: коконопряды, бражники, среди которых наиболее желанный среднеазиатский тополевый, волнянки, разноцветные медведицы.

В тот июньский день 1996 года мы приехали на Чон-Кондук рано, не было еще и пяти часов вечера. Погода чудесная, в меру теплая. Щебечут птицы, потихоньку стрекочут кузнечики.

Разбили лагерь на своем обычном месте, на поляне под большим тополем. Рядом полузросшая дорожка, ведущая в горы, вокруг разлита тишина и покой, но я почти случайно заметил, как над обрывом за леском мелькнула человеческая фигура. Это меня не насторожило, в паре километров отсюда есть несколько домиков дорожной службы, и люди иногда здесь появляются.

Мы, как те грибки, что знают и берегут свое потайное, заветное местечко. Это ж надо, приехать за тысячу километров ради одного уголка размером не более чем полкилометра на километр!

Счастливые, в предвкушении удачной охоты ставили мы точок, надеясь провести волнующую и азартную ночь.

В 10 вечера бывает уже почти темно. Мы включили свет, приготовившись встретить желтых коконопрядов, лет которых начинается очень рано, кратковременен и продолжается не более 30-35 минут.

Черная тьма окружила нас, мы ничего не видели кроме белого полотнища простыни, ярко освещенного сильной лампой. Только положили первых бабочек в морилки, как из темноты выросли три мужских фигуры. Двое парней лет по 18 и один здоровенный киргиз в годах с искаженным злобой лицом. Это было совершенно неожиданно, такое увидишь только в дурном сне.

- Кто такие? Откуда? Почему? Евреи? Китайцы? Речь бессвязная, ожесточенная и только теперь

до меня дошло, что он крепко пьян, а, может быть, и в наркотическом трансе.

- Ишь, работают! Это ночью-то? Я вам покажу, как работать! Документы! Сейчас же!

И двигает Володю в бок. Потом поворачивается ко мне, свирепея:

- А ты чего стоишь? Документы сейчас же, немедленно!

Парни стоят рядом молча. Держась как можно более ровно, мы стараемся утихомирить распоясавшегося хулигана:

- Да вы не беспокойтесь, у нас все есть. И разрешение, и паспорта, и пропуск. Мы ничего плохого не делаем, только ловим козляков.

- Я вам покажу козляков! Кто разрешил здесь ночевать?! Почему свет горит?!

Движением руки осатаневший мужик смахивает наши стеклянные морилки. Я пытаюсь их защитить, но ощущаю чувствительный удар кулака в челюсть. Как видно, силища у него немереная. Отъелся на джайляу, на мясе и молоке!

У обоих, у Володи и у меня полное спокойствие, сознание и мозг работают, пытаюсь понять, что нужно пьяному бандиту от нас? Как его успокоить, умерить хамство? Как выкрутиться из этой ситуации? Ведь осатаневший маньяк может дойти до драки, и даже убийства. Какая-то очень маленькая грань отделяет взбесившегося дебошира от этого. Защищаться, а значит устраивать драку вовсе не входит в наши планы.

Обращаюсь потихоньку к молча стоящим рядом парням, почти мальчишкам, но крепким и рослым:

- Что же вы, ребята, стоите? Вы же видите, мы ничего плохого не делаем!

Стоят с бессмысленно тупыми, каменными лицами. Но один потихоньку:

- Я ничего. Я ничего.

Старший разглядывает наши паспорта, но, кажется, ничего не может разобрать.

- Еврей, русский, китаец?

Как видно, именно эти нации ему более всего не нравятся.

Володя опять обращается как можно спокойнее:

- Давайте по-хорошему разберемся. Решим вопросы по-мирному.

- Спирт есть?! Что, нет спирта? Сейчас проверим.

Открывает багажник, лезет, трогает канистры.

- Здесь что, спирт?

- Да нет же, бензин.

- Бензин? И там бензин?

Хватает большую канистру и легко швыряет ее в траву. Делает это играючи, а ведь в канистре 20 литров бензина. Ну и силища!

Потом, обращаясь к парням: «Давай, смотри». Один из парней с готовностью лезет в кабину и начинает рыться в наших вещах. Как видно, его давно разбирало любопытство и желание поживиться. Для них здесь столько любопытных вещей! Судя по всему, начался грабеж.

Я пытаюсь что-то предпринять и как-то вмешаться в происходящее. Замечаю лежащий рядом топорик и незаметно ногой запикиваю его в траву.

Такому бешеному зверю ничего не стоит зарубить человека.

- Спички есть?

- Сейчас поищем.

- Я иду в стоящую в стороне и почти скрытую в темноте палатку. Беру Володину полевую сумку с дорогим японским фотоаппаратом и, как я думаю, с деньгами (валюту он обычно держит здесь). Вытаскиваю и незаметно прячу в стоящий за палаткой куст. Потом нахожу большой коробок спичек и закидываю за палатку. Кто знает, может злодей решил поджечь машину, ведь он только что вытащил канистру с бензином.

Возвращаюсь. Здесь все заняты рассмотрением и дележом наших вещей. Парень деловито роется в рюкзаке. Мою кожаную сумку он уже проверил. Вытаскивает сало.

Володя говорит:

- Давайте, мы вас угостим. Разделим по-братски.

Мужик вдруг более спокойно:

- Давай, по-братски.

Володя режет сало на огромные куски на всех. Все берут и жуют.

- А где же спирт? Быстро доставай! - опять бешено и злобно.

Володя как можно более спокойно.

- Сейчас что-нибудь придумаем. Вот у меня есть 50 г для работы.

Достаёт флакончик и разбавляет водой. Все пьют из кружек, потом бросают куски сала на землю и продолжают рыться в вещах. Деловито достают один предмет за другим. Заодно, не прерываясь, с наслаждением хрустят зубами, пережевывая найденное в коробках печенье. Вдруг глаза парня загораются:

- Ага, фонарик!

- Да он почти не работает, батарейки сели.

- А вот еще!

Хватает маленький китайский фонарик, подаренный мне внуком в Америке. С торжествующим видом включает его и показывает остальным. Тут только я догадываюсь, что раз он рылся в моей сумке, значит забрал бинокль. Разве удержится киргиз, чтобы не позариться на такую вещь!

Улучив момент, тоже лезу в машину и щупаю сумку. Да, бинокля нет. Но тут я замечаю свой портативный радиоприемник и прячу его в карман. Чувствую, что сейчас будут обшаривать и незаметно швыряю его в траву. Но парень все-таки заметил:

- Что кинул?

Потом подходит ко мне и начинает ощупывать карманы. Несколько раз хлопает по ногам, груди - делает все как настоящий тюремщик. Меня обыскивают и ощупывают в первый раз в жизни, но приходится терпеть. Может быть и хуже, ведь я понимаю, что дело идет о нашей жизни. Черт с ним, с собственным достоинством. Я с ужасом думаю, что сейчас они начнут вытаскивать коробки с нашими сборами и вышвыривать их содержимое. Тут и Володя может не выдержать. Тогда не избежать драки.

Говорю ему потихоньку:

- Спички не давай ни в коем случае. Могут все запалить.

А тот в ответ.

- Нужно как-то спрятать деньги. Они в рюкзаке, в палатке. Постарайся его незаметно вытащить и закинуть в кусты.

А я-то думал, что деньги в сумке! Быстро лезу в темноту палатки и, вытащив рюкзак, засовываю его в густой барбарисовый куст, росший невдалеке. В темноте им не найти, тем более пьяным!

А что делается на освещенной простыне! Будто в насмешку, началось какое-то безумное столпотворение самых хороших толстых бабочек. Там кучками сидят коконопряды, бражники, хохлатки, и парни с яростным ожесточением хватают их пальцами и давят. Смотреть на это так же больно, как и на грабеж своих вещей.

Старший вдруг вспомнил:

- А где спички? Спички давай! Быстро!

Мы оба бежим к палатке, соображая, как выйти из этого положения. Что делать? Убежать? Но не хочется бросать все на произвол грабителей. Своим присутствием мы надеемся как-то спасти положение.

И вдруг неожиданно гаснет свет. В полной темноте генератор ревет с удвоенной силой. Это значит бандиты выдернули шнур. И тут, несмотря на непроходимую тьму, мы замечаем, что нападавшие куда-то исчезли. Они убежали на гору, скрывшись во тьме, как сделавшие набег волки.

- Господи, неужели ушли?! Это мы еще легко отделались, деньги, оборудование, все самое ценное цело. И, главное, лагерь не спалили.

- Не радуйся, - отозвался Володя, - паспорта-то они унесли. Это были никакие не проверяющие, а просто разбойники. Где их теперь найдешь?

Уже идет дождь, и я думаю, что в лучшем случае паспорта намокнут, а в худшем их просто выбросят. Бинокль, фонарик - это все чепуха, а вот без паспорта в чужой стране худо дело.

- Придется обращаться в посольство, - на ходу обдумывая ситуацию, говорит Володя. - Может, справку взамен дадут...

У нас еще была надежда, что все нападавшие живут в крохотном поселке, что рядом с нами у дороги.

А дождь уже разошелся не на шутку. На скорую руку закидываем разбросанные по земле вещи в машину и по раскисшей дороге едем в поселок. Время 11 ночи. Значит, бандитское нападение длилось почти целый час.

Как ни расстроен я был, а все же вижу, как в свете фар, высунувшись из воды, в лужах на дороге сидят лягушки, блаженствуя под струями дождя.

Удивительно, но в домиках горит свет. Вообще, в Киргизии, свет, наверное, ничего не стоит и горит всюду и ночью, и днем.

Заезжаем во двор дорожно-ремонтного поселка (ДЭУ). Выходят люди вполне нормальные. Вздвонно рассказываем о случившемся:

- Нас сейчас ограбили и пытались избить.

Посоветовавшись, киргизы говорят:

- Наверное, мы знаем, кто это сделал. Судя по вашему рассказу, думаем, что это здешний начальник. Он афганец, крутой мужик. К тому же крепко выпивает. Но мы сейчас пойдём к нему и все уладим.

Вскоре вернулись со словами:

- Надо до завтра оставить. Сейчас он спит. Идем-те к нам тека есть. У нас и переночуете.

Я наотрез отказался. Нельзя же бросать машину. Кто их знает, что за люди. Теперь я в каждом местном видел чуть ли не бандита. А Володя, чтобы не сердить, пошел. Я только сказал ему:

- Принесешь мне кусочек мяса тека. Ни разу не пробовал.

Пришел скоро. Пахнет от него то ли вином, то ли кумысом. Говорит:

- Это не мясо, а какая-то гадость.

Я взял два кусочка и тут же с отвращением выплюнул:

- Ну и вонища! Наверное, готовили без специй. Ни лука, ни чеснока не положили. Настоящий старый козлице!

Нас опять долго уговаривали остаться ночевать, но мы уперлись на своем и ни в какую. Когда, наконец, все ушли, я предложил:

- Надо уезжать. Дождь кончился и можно еще поработать.

Володя согласился:

- Давай машину руками вытолкаем, чтобы не слышно было.

Уперлись, и крадучись выкатили «Ниву» со двора.

А время уже к часу ночи. В лесу ужасная сырость. Начали лов, и тут Володю стошнило. То ли от стресса, то ли от плохого кумыса. Я предложил ему полежать, а сам остался на точке. Ловил и все поглядывал по сторонам: а ну, как стрельнут! Очень мы хорошая мишень на свету. А тут все ездят с винтовками, пальнуть ничего не стоит.

Летело (после дождя) неважно, но гарпии и хохлатки - хорошо.

Около 6 почти рассвело. С помощью бензина мы кое-как разожгли костер и вскипятили чай, а я слегка подсушился, так как всю ночь провел с промокшими ногами.

К 7-ми часам мы уже подъехали к ДЭУ, но жизнь началась лишь с 9. Ушедший на разведку Володя вернулся с паспортом и фонариком.

- Он сегодня совсем другой, чувствует себя виноватым. Говорит, пьян был. А жена его, видно, боится, что мы будем жаловаться.

- А бинокль где?

- Да, бог с ним, пусть забирает. Он еще фонарик просил подарить.

- Э-э, нет, так не пойдет.

Я пошел сам. Жакан (так звали нашего разбойника) сидел хмурый. Молча подал бинокль. Так же молча я вышел. А что еще, говорить ему, «до свидания или спасибо?» Оставаться здесь больше не хотелось, и мы решили уехать в соседнее ущелье Теке-Уюк.

По дороге обогнали своего «друга – разбойника». Он уже приступил к своим обязанностям и на грейдере расчищал дорогу. Володя даже помахал ему рукой. Однако в ущелье сворачивали тайком, так, чтобы никто не видел. Съехав с дороги, я нарвал травы и замел следы колес. Пуганая ворона и куста боится.

Скрылись с глаз и сразу же начали обсуждать случившееся. Ночное происшествие никак не выходило из головы, и мы возвращались к нему вновь и вновь. Напоминала об этом и моя челюсть; после удара бандита она побаливала еще неделю. Обычно не очень словообильный, на этот раз Володя разговаривался.

- А знаешь, этот Жакан чувствует себя кем-то вроде местного хана. Афганец да, говорят, еще бывший депутат Верховного Совета Союза. И, скорее всего, он сам присвоил себе такую роль лидера. Придавил остальных жителей, менее волевых людей и стал таким князьком, а на самом деле всего-навсего тракторист, хотя и старший ДЭУ.

- Да, сейчас опасно ездить, - отозвался я. - Люди обозлены, жить тяжело, много наркоманов. К тому же чувствуют свою безнаказанность. Сейчас ведь никому ни до чего нет дела, тем более в таком диком, глухом месте. Убьют, никто и не узнает. И разбираться не будут.

- В этот раз наша тактика приезжать тайком и от всех скрывать себя не оправдала, - признал Володя. - Она хороша, когда приехал на один день и исчез. А если хочешь гостить дольше, надо соблюдать традиции, которые учитывали еще старые путешественники от Кука до Пржевальского. Приезжая, наносили визиты местным князькам, и делали им обязательные подношения. Нам тоже стоило это сделать и подарить тому же Жакану хотя бы китайский фонарик.

Могла быть еще и другая причина, рассердившая местного бая. Тогда в разговоре один из киргизов обмолвился: «Здесь так тепло, что даже опийный мак растет». Кто знает, может есть тут тайные плантации, а мы вертимся, суем во все свой нос. Понравится ли это владельцам плантаций? Вот и припугнули.

- Как хорошо, что у нас нет оружия, - вспомнил я. - Будь какой-нибудь пистолет, ей богу, не удержался бы и пальнул. У нас были все основания: нападение среди ночи, грабеж.

- Да, и потом засудили бы нас лет этак на 10 или того хуже, местные джигиты просто-напросто устроили бы самосуд.

Я согласился, но добавил, вспомнив свой ночной визит в поселок ДЭУ:

- А все же народ здесь неплохой, даже добродушный. Это надо же: приехали чужие, незнакомые люди, а они вот так честно признались, выдав своего начальника и заподозрив его в совершении грабежа. Кстати, они еще добавили: «Это ничего страшного, что вас обидели. Наверное, не так что-то поговорили. Помиритесь, еще друзьями будете».

- А так почти все и вышло, - согласился Володя. - Сами же киргизы рассказывают о своих традициях: ночью у соседа стащит барана, а днем этого же соседа приглашает на той.

Через несколько лет, когда Володя сотрудничал с Гарвардским университетом и, собирая нужный материал, каждое лето ездил в Иран, профессор Пирс сказала ему:

- Кончать надо вам с этим Ираном. Езжайте лучше в Киргизию. Там теперь наша база, и безопасность ваша будет гарантирована.

- Наивные они, эти американцы, - отозвался я, когда сын с усмешкой рассказывал мне об этом. – Да и у нас самих политики в Москве плохо понимают, что происходит в бывших республиках.

Гончая памирских высот

Еще в 1991 году, в свою первую поездку на Восточный Памир, не раз замечал крупную белянку, проносящуюся мимо на бешеной скорости. Вот опять промчалась, но очень высоко и быстро, где уж там ее ловить! Что за бабочка, откуда на Памире незнакомая белянка? Почему так редка?

– Бабочек на Памире вообще ловить нелегко, – словно отвечая на мои размышления, говорит Володя. – Их мало, как мало и растительности. Кустик там, кустик здесь. Отдельные пучки трав, цветочки рассеяны меж скал так редко, что издали и не увидишь. Кажется, голые камни, и только вблизи заметишь следы зелени.

Мы брели меж раскаленных, тут и там торчащих среди осыпей утесов Мынхаджира (гора тысячи грифов). Опять та белая бабочка вырвалась из-за скалы, увидев и испугавшись нас, завертелась волчком, но как-то несуразно и бестолково. Володя ринулся за ней, взмахнул сачком, а потом наобум завертел им над головой, и бабочка, этот воздушный ас, вдруг очутилась в сетке.

– Белянка деота, – определил Володя. – Каждый коллекционер, проезжающий с Памира, привозит эту белянку. Одну, две, три, но почти никогда приличную серию из пары десятков бабочек.

– Я вообще не понимаю, как ее можно ловить, – признался я, – разве что случайно, вот как ты сейчас.

– Надо знать ее биотоп, каких мест держится. Тогда и приноравливаться в зависимости от ее поведения.

Это была прописная истина, мест обитания деоты мы не знали. Тогда сын поймал не более трех штук, и всех случайно. Бабочка казалась нам очень редкой, блуждающей кочевницей.

В 1996 году все оказалось не так.

Проехали Чечекты, и нас привлекла багрово-красная гора, зазубренной глыбой лежащая в стороне от дороги. Издали казалось, что на ней нет никакой растительности, но на самом деле в пазухах, в расщелинах скал торчали кустики разных трав; почти безлистные, колючие с шипами подушки астрагалов и лепешки акантолимонов, распластавшись, прижались к земле. Сизые, лиловые полинки, диковинные цветочки. Их мало, но зато здесь летали белянки пиерис деота!

Тогда, в 91-м мне казалось, что деоты летают одиночно и без всякой системы, на большой скорости рыскают по горам как бродяги. Здесь их тоже было не очень много, но они постоянно кружились над скалами и вовсе не носились как угорелые. Было утро, и бабочки вились над только что нагретыми утесами. Поразительно: они порхали, будто наслаждаясь полетом в теплых воздушных струях. Они то поднимались вдоль скальных отве-

сов, то опускались к самому основанию горы и тут уже летали неспеша, можно сказать, парили, словно выбирая место присеста. Да, так оно и было: они присаживались на цветочки незнакомой пахучей травки. Ее было не так много, этой травы, но какие ароматы! Нет, это не были запахи духов. Тут была аптека, больница, лечебница! Остро пахло камфорой, валерьянкой, какими-то сердечными каплями. Причем, пахло не одно только это растение; стоило наступить на любой зеленый кустик, стебель, цветок, и в воздухе разносился аромат лекарственных настоек.

Очевидно, здесь и был биотоп деоты. Постепенно я понял, что поведение белянки мало чем отличается от поведения высокогорных аполлонов, например, локсисов, которых мы ловили под склонами пика Победы в 1992 году. Отсюда определился и метод охоты: распределившись по скалам, мы заняли позиции, каждый по своему усмотрению и, корректируя действия друг друга, стали поджидать летуний.

Большинство пойманных белянок оказалось самками, причем довольно потрепанными. Всего поймали 15 штук, из них 10 Володя и 5 я.

В самый разгар охоты мы вдруг увидели приближающегося к нам мужчину в штатском европейском платье. Народу, надо сказать, на Памире немного, поэтому каждый на виду, тем более неместный вызывает интерес.

– Похоже, кто-то из экологической службы, – предположил Володя. – Сейчас начнутся допросы, что и как, проверка документов.

Однако мужчина прошел мимо и стал удаляться. В руках его мелькнул молоток. Все ясно: геолог. Теперь уже мне захотелось поговорить с ним, и я окликнул его. Он оглянулся и руками показал, что не понимает. «Ага, значит, это иностранец». Любопытство разобрало меня еще больше, и я направился к нему.

– Франсе?

(День назад на таможне нам сказали, что заехали французы.)

Он ответил:

– Герман.

Ну, это еще лучше. Володя может поговорить.

Оказалось, что приехал с группой московских геологов. Лагерь их на реке около Мургаба, с машиной и поварихой. «Много мух (комаров), – пожаловался он. – Хорошая погода стоит всего два дня». Я достал арбуз, и он с явной неохотой согласился разделить с нами трапезу.

На этом охота на белянок была закончена, о чем я впоследствии пожалел.

Через два дня мы переехали на реку Истык, разбив лагерь на обратной стороне реки напротив кишлака Тохтамыш. В пойме здесь есть зелень, а выше каменистые склоны гор и неплохо ловились желтушки Вискотта.

Едва заметная тропинка, протоптанная то ли домашним скотом, то ли дикими козлами, привела меня в зеленый ложок, над которым простирался багрово-красный земляной склон с возвышавшимися тут и там песчано-галечниковыми останцами. И над каждой такой полуразрушенной башней вились большие

белые деоты. У каждого утеса своя бабочка. Почувыв опасность, они начинали метаться, а потом присаживались, надеясь сделаться невидимыми. Бабочки сидели крепко, но не долго, обычно не более десяти секунд, после чего взмывали и уносились. Некоторое время их не видно, но вот то одна, то другая появляются вновь и опять начинают облет своих владений. Устроившись под скалой на пути их маршрута, можно и подкараулить. Так, особенно ни на что не рассчитывая, я поймал семь, а потом и еще три штуки.

После обеда Володя сказал:

– Хватит, надо посмотреть и другие места. Восточный Памир интересен тем, что здесь всюду живут разные бабочки, – поделился он со мной. – Часто на двух соседних горках бабочки не повторяются. В одном ущелье одни, в другом – совершенно другие.

И мы поехали вдоль речки, туда, где видели зимовку, притулившуюся в пазухе у подножья скалистой горы. Она была необитаема, очевидно, еще с зимы. В затоптанном скотом загоне лежала шкура дикого кота, очень большого, полосатого, с серыми поперечинами на рыжем хвосте. На заборе висели две пары очень больших и красивых рогов тека, а рядом на помойке валялись свежие архарьи рога. Парочка необычайно крупных деот, играя, вилась над загончиком. Затаившись, я неожиданно, по-воровски набросился на них, и обе тут же оказались в моем сачке. Признаюсь, я чувствовал горечь сожаления, когда разглядывал роскошных, в расцвете сил бабочек. Как радостно они плясали в воздухе, не замечая ничего вокруг себя!

– Вот теперь у нас есть хорошая серия деот, – забирая бабочек, сказал Володя.

Я же подумал о том, что мы наконец-то разгадали тайну памирской белянки, но от этого мне почему-то не стало радостно. Перед глазами все стояла чудная картина: в лучах солнца, трепещущая в экстазе любви парочка больших белых бабочек.

Застава Кызыл-Рабат. Поймать симо

Восточный Памир можно разделить на три части: пустыня Маркан-Су, котловина озера Кара-Куль и долина Оксу. Южнее Тохтамыша над местностью доминирует гигантская каменная гора, скалистым форпостом выдвинутая в центр долины. Эта розово-серая известняковая глыба неприступной башней вздымается на высоту 5200 метров и называется Акташ (белый камень). Глубокие расщелины-кулуары рассекают стену горы, из них вытекают каменные реки серых осыпей. Проезжая под ее гладкими, будто вылизанными отвесными боками, мы видели, как из узкой щели пещеры вдруг вырвалась стая летучих мышей. А «система», шедшая вдоль дороги, неожиданно кончилась, примкнув к неприступному боку горы. Я решил, что это конец и дальше ее не будет, но оказалось, что это не так. Просто строители решили сэкономить несколько километров, и, пропустив гору, ограждение из колючей проволоки снова примкнуло к ней, теперь уже с другой стороны.

Издали поглядывая на каменную громаду, я был уверен, что дальше никто не живет и это чуть ли не конец света, а все оказалось наоборот, и за горой открылся новый мир, гораздо более оживленной и более пригодный для жизни людей оазис. Долина еще более расширилась и позеленела. Под горой бьют родники, а пойма Оксу превратилась в озеро-болото с роскошными сазами, мертвыми рукавами и старицами-озерами, заросшими ядовитой зеленью.

У дороги стоял мужик с мотоциклом и обмотанной тряпкой головой. Вылитый индус в чалме, и я даже подумал: «Вот уже и Индия близка».

– Замучили комары, – пожаловался он нам, когда мы поравнялись, – если бы не это проклятье, так жить можно...

Здесь белая гора вытянулась в цепь светло-желтых гребней, и у ее подножья приютился кишлак Шаймак, не в пример Тохтамышу, с приятными домиками и чистой улочкой. Я остановился, чтобы сделать фотографию белой мечети, недавно построенной в псевдомавританском стиле, а в это время к нам бросились какие-то люди со стройки нового дома. Не зная, что и подумать, мы хотели было рвануть от них, но не успели. Мужчины тонкие, высокие, стройные уже были рядом. Прибежали запыхавшиеся, возбужденные:

– Ой, вы откуда? Неужели из Советского Союза? А мы ишкшимцы, пришли сюда шабашить. Вот намыслились строить дом, да комары донимают.

Головы замотаны платками, лица узкие, совсем не азиатские. Арийские.

– А как вы сюда добрались из Ишкашима? – в свою очередь поинтересовался Володя.

– Ясно как, через Афган, – не задумываясь, отвечали те. – Через Афган гораздо проще и ближе. А мы спросить хотели: – будет Союз или нет?

– Я так и думал, – сказал сын, – прошли через Ваханский коридор. Теперь везде ходят, а начальство в Мургабе нам голову морочило, якобы стрельба там идет. А Союза, наверное, не будет, – огорчили мы ишкшимцев.

Гонят стадо яков старик с мальчиком и коровой. Явно на джайляу. Очень интересная сценка, и теперь мне кажется, что мы уже не в Индии, а в Тибете.

– Бала посади на кутаса, – говорю я старику и показываю на седло на спине яка.

– Нет, нельзя. Он злой, – покачал головой аксакал. – Сбросит.

И верно, через ноздри яка продета веревка. Он по-звериному рвется, прыгает, как козел, и мотает головой.

Всюду по дороге стало оживленно. Идут стада, едут люди на лошадях, в машинах. Опять стадо яков. На вид быки, а бегают легко, как козы. Еще и подпрыгивают. И дорога пошла хорошая, гладкая, недавно грейдерованная. Будто из пустынной и страшной преисподней, что была до Тохтамыша, мы попали в цветущие, обжитые людьми места. Даже горы здесь другие. Они уже не похожи на земляные холмы, а настоящие, скалистые, каменные.

Киргизы на лошадях зазывают к себе:

- Поехали с нами на Караколку, там хорошо, все в цветах.

- Так там же зона. Не пускают.

- Как не пускают! Мы свободно проезжаем и вас пустят.

- А те горы, что впереди, наши или афганские?

- Наши, наши.

Но я внимательно пригляделся к карте и вижу, что это не совсем так. Зеленые предгорья действительно на нашей стороне (извиняюсь, на таджикской), а вершины - на афганской. Там, на юге стоит цепь красивейших вершин, острых, как иглы, сложенных вздыбленными пластами осадочных пород. Похоже, это уже отроги Гиндукуша, разделяющие Таджикистан и Индию. А левее высится снежный пик Повало Швейковского, русского генерала, бывшего губернатора Ферганы, участвовавшего в размежевании границ.

Швед Свен Гедин, путешествовавший в этих местах в конце XIX века, описывает, как договаривались и проводили границу два генерала - английский и русский. Все было торжественно, в парадных мундирах, с шампанским. Погода, пейзажи этому соответствовали. Наносили друг другу визиты, казаки напоказ джигитовали, удивляли плясками. Теперь, глядя на эту обширную долину, я вполне все это мог представить.

В нижней части всей панорамы, вмещающей в себя сразу три страны (Таджикистан, Китай, Афганистан), обращала на себя внимание зеленая пойма Оксу с заставой Кызыл-Рабат на противоположном берегу реки. И горы, горы... Над ними висели белые облака, а сзади поджимала непогода, и клубились черные тучи. К заставе мы подъезжали уже под моросящим дождем.

Пока сын ходил к начальству спрашивать разрешение на поездку на перевал Беик, где летает очень интересный и крайне редкий парнассиус хунза, меня одолевали расспросами киргизы, приехавшие на заставу по своим делам. С советских времен заставка для них все: местное начальство, помощники, советчики, культцентр и собес, и медпункт. Все вертится вокруг одного вопроса: «Будет ли Советский Союз? Союз - хорошо, при социализме лучше жили».

- Нет, Советского Союза больше не будет, - напрямую режу я.

- Как же так, - с возмущенным разочарованием говорят чабаны, - один человек за всех все решил. Мы не согласны. Мы вчера «Свободу» слушали, передают, что Ельцин болеет. Умрет, тогда Союз восстановят. Что же нам теперь ждать, когда Ага-хан сможет?

Ага-хан - это очень богатый мусульманин из Лондона, который хочет приручить таджиков, задабривая их подачками.

И опять следуют жалобы на житье-бытье. Меня же поразило, как хорошо простые киргизы-чабаны осведомлены в политике. Сейчас это и их жизнь. Слушают по ночам московское радио и разбираются в происходящем не хуже нас.

А Володя на заставе задержался, так как встретился с Л.Каабак. Тем самым любителем бабочек,

открывшим несколько новых подвидов парнассиусов на Памире, и, между прочим, он московский профессор химии. С двумя своими столичными спутниками он только что побывал на границе с Китаем у перевала Беик, где наловил редчайшего парнассиуса хунзу. Все измученные, черные, грязные. Тяжело даются бабочки! Жалуются на холод и непогоду. В день, когда ловили хунзу на Беике, погода стояла не более полутора часов, а ночью был мороз минус шесть градусов. Нам, конечно, лучше у нас свой дом на колесах - машина.

Сидим, пьем чай в солдатской столовой. Мы - из кружек, Каабак из алюминиевого футляра из-под портативного примуса. Понятно, что это для экономии места и веса, что очень важно для «безлошадного» путешественника.

Начальник - молодой старший лейтенант не обрадовал, заявив: «Мне уже звонили о вас из отряда. За «систему» пустить не могу». Лучше бы не звонили.

- Ну и не расстраивайтесь, - говорит Л.Каабак, - пожилой, почти лысый мужчина лет за 60 с воспаленным, обгорелым лицом. - Дорога ужасная, машину побьете. К тому же ненастье. Я вам в Москве хунзу дам.

Его спутники - крепкие здоровые парни. Они сидят, ждут, когда пограничники повезут их на заставу «Озерную» она же «Дункельдык» (ту самую, где мы были в 1991 году). Расплачивается за все услуги Каабак... лекциями (транспорт, жилье, кормежка, а главное пропуск в «зону»). Он ведь профессор, доктор наук, и главное, просто умница. Но читает о чем угодно: о политике, науке, экономике и, конечно, о бабочках.

Я говорю Каабаку комплимент: «Давно вас знаю по публикациям и восхищаюсь вами». А он в ответ то же самое мне: «И я вами восхищен». Мне ведь тоже за 60, и он имеет в виду мои ежегодные поездки.

Конечно, обидно, что нас не пустили на Беик. Но, как сказал Володя, для московского профессора и его спутников лов хунзы - цель всей поездки. Им деваться некуда, надо ловить во что бы то ни стало. У нас кроме дневных есть сборы ночные, и ездим мы целых три месяца. У них вся экспедиция не больше 20 дней и только на один Восточный Памир. Не поймать здесь бабочек для них означает финансовый крах экспедиции на следующий год.

Уже 9 часов вечера, а нам еще предстоит искать место ночлега. Завтра Володя намечает забраться высоко в горы, чтобы искать парнассиуса симо, поэтому нам уже сегодня надо попытаться подняться как можно выше. С трудом, уже перед самыми сумерками выбрались из лабиринта сазов и речных стариц, окружающих погранзаставу, и с зажженными фарами поползли на стоящую рядом гору вверх, вверх, сколько мотор вытянет. Остановились на жутком крутяке, даже оглянуться назад страшно.

Явное насилие над машиной, а сын меня похвалил, отметив, что чуть ли не половину его завтрашнего пути проехали. Не подвела бы погода!

Еще бы: высота 4300 м, если не больше и подозрительно тепло. И хотя звезды проглядывали, небо затянуто белесой мглой.

Утром (25 июля) Володя поднялся с рассветом. Выглянул за полог: погода так себе, довольно хмуро. Напившись горячего кофе и прихватив запасной свитер и зимнюю куртку, еще раз посмотрел на небо:

- Собираясь на симо, готовься мерзнуть и жди непогоду.

И верно, вроде бы настраивающаяся погода вдруг переменилась. Потемнело, и вместо проглядывающего солнца хлопьями повалил снег. Туча надолго нависла как раз над макушкой горы, куда ушел мой ловец высокогорных бабочек.

И так прошел почти весь день: большую часть времени стояла сплошная облачность с небольшими просветами и выглядывающим солнцем, но с сильным, холодным ветром. Я сидел в машине, раскачиваемой порывами воздушных вихрей и наблюдал за погодой. Было хорошо видно, как то в одной части неба, то в другой идет снег, белыми космами и лохмотьями сеясь из черных туч. Здесь, на горе настоящая каменная пустыня и страшная сухость, и поэтому казалось, что сыплется не снег, а сухая белая пыль.

Володя вернулся довольно рано, не было еще и пяти часов. Отвлекшись, вначале я услышал шаги, а потом увидел и самого охотника.

- Ну, как?

- Поймал двух.

- Не жирно...

- Так получилось. За весь день солнце выглядывало не более 15 минут, и бабочки даже не успели разлетаться. - Сын помолчал. - Но бывает и хуже. Вот А. (Володя назвал фамилию известного спеца) на горе вроде нашей обнаружил симо. На следующий год специально приезжает в то же время, а там зима. Лежат снежные сугробы и никаких признаков не только бабочек, но и вообще никакой жизни. Не угадал во времени. А человек затратил свой отпуск и деньги на дорогу.

- Ну и что, популяция пропала?

- Нет, почему же. Наверняка растаяло, но позже, допустим, не в июле, а в августе. А бывает и наоборот: лавиной оголит склон, солнцем обогреет, и бабочки выводятся на месяц раньше. В высокогорье трудно угадать, что там тебя ожидает.

Да, за весь день ожидания на холоде, пронизывающем ветру на высоте около пяти тысяч метров всего две бабочки. Но тем ценнее этот трофей, и тут уж речи не может идти о продаже. Хотя бы разобраться, что за бабочка поймалась и не новый ли это подвид.

Можно ли оценить деньгами такую добычу? И сколько же на самом деле стоят бабочки? И много ли желающих заниматься охотой на призрачных мотыльков?

Володин друг, немецкий экономист, профессор Розе даже статью написал на эту тему. Деньги гораздо легче заработать где-нибудь на заводе. Конечно, в нормальной, процветающей стране, где эффективно работает экономика. Если же в стране производство стоит, люди нищие, то любителю бабочек и деваться некуда, кроме как отправляться в рискованное путешествие, а потом делиться трофеями, доставшимися с таким трудом.

Желтушка Вискогга

- Здесь хотя и Таджикистан, но живут исключительно горные киргизы, - предупредил меня Володя еще в первую поездку на Восточный Памир в 1991 году.

И пример тому кишлак Тохтамыш на реке Оксу. Глиняные мазанки с плоскими крышами прилеплены одна к другой, составляя длинную улицу поселка. Нигде ни кустика, ни зеленой травинки. Земляные крыши, такие же земляные полы. Перед каждой хижинкой глинобитная (или мазаная) площадка - двор, где сушат вещи, играют дети, хозяйки готовят еду. А со всех сторон теснятся бурые и серые громады гор, такие же по цвету, как мазанки в поселке. Приятный контраст составляет лишь зеленая пойма Оксу, Окс, как называли эту реку древние греки. На лужайках вдоль нее пасутся черные, обросшие густой шерстью яки, женщины стирают в реке белье и... цветастые ковры. А высокий, береговой обрыв на задворках кишлака завален костями и шкурами яков, накопившимися за не один десяток лет. По помойке видно, чем живут здесь люди: они выращивают яков - мохнатых быков с лошадиными хвостами. Второе занятие - охота, и об этом говорят архарьи и козлиные рога, всюду валяющиеся по склонам гор и, особенно по ручьям и галечникам рек.

- Охота здесь богатейшая, - рассказывал начальник погранзаставы Дункельдык, где мы прожили несколько дней. - Архары, козлы. Вот на горе, куда Владимир Александрович вчера ходил, барс живет.

Тогда я живо откликнулся:

- Да, мы около Тохтамыша здоровенный капкан на барса видели.

- А в Тохтамыше почти все охотники. Там старик барсолов живет, кстати, бывший надзиратель и палач. Руки-ноги ломал, а потом расстреливал. Вы же знаете, в 30-е годы на озере Каракуль на острове концлагерь был. Ээки Памирский тракт строили. Когда стройку закончили, их там на острове и бросили. А оттуда не выберешься.

- Это легенда?

- Говорят, правда. Тот надзиратель, что в Тохтамыше, сейчас персональный пенсионер. Там и басмачи еще остались. Бывшие, конечно. Кого расстреляли, а кто до сих пор живет.

Вот такие рассказы в 1991 году ходили о кишлаке, куда мы приехали во второй раз в середине июля 1996 года. Кишлак сильно поредел, говорят, киргизы уезжают из Таджикистана к себе на родину, то есть в Киргизию. Хотя на самом деле родина у них и есть этот кишлак. Собственно говоря, то же самое происходит и с русскими во всех новых странах Средней Азии и в Казахстане.

Прямо из Тохтамыша знакомая нам дорога ведет на мост через реку Оксу. Она тут широко разливается по галечниковой пойме, петляет, дробится на рукава, прозрачная вода сверкает хрустальными струями, искрится на солнце и зеленеет на глубине.

Через 2-3 километра дорога по галечнику привела нас к горе, такого черного цвета, будто насыпанной из угольного шлака, и, что совершенно не

гармонировало, и крайне редко встречается на Памире, все она была усеяна яркими желтыми цветами, как оказалось... люцерны. Прямо-таки клумба на гигантской куче каменного угля или щебня.

Этот цветник так поразил нас, что сомнений не было: здесь стоило устроить лагерь, тем более что надвигался вечер.

Перед нами широкая панорама гор с долинами сразу двух рек: Оксу и ее притока Истьяка. На заднем плане узнаем знакомые очертания причудливых горных гребней у заставы Дункельдык. Пейзаж почти космический. Над серыми, голубыми, лиловыми контурами гор мрачное небо, затянутое фиолетово-черными тучами, кое-где прорываемыми лучами солнца. И солнце и тучи одновременно, и видно, как космы дождя в разных местах неба секут скопившиеся над горами облака.

Тут начинаешь понимать, как образовалась земля; она и сейчас еще первозданного вида и не прикрыта ни почвой, ни растительностью, и как на картинке видны все слои и структуры горных пород.

Сильными порывами ветер рвал палатку, глухо булькал пролетевший высоко в небе ворон, где-то «мяукали» снежные выюрки, а на соседней горе, переключаясь, квохтали улары. Рассыпаясь колокольцами, они пели флейтами и опять по-куриному кудахтали. Я водил биноклем по склонам, обшаривая все луга, но увидеть горных индюков мне так и не удалось.

Утра следующего дня было туманным, небо заволокло высокая облачность. Примерно до высоты 4300 метров горы вокруг припорошило свежеснеженным снегом. Было очень тихо. Постепенно солнце пробилось сквозь тучи, и сразу по склонам разлилось тепло, и все расцвело яркими красками.

После утреннего кофе Володя взобрался на откос цветущей горы и тут же радостно завопил:

- Поймал желтушку Вискотта! Кажется, их здесь навалом!

Это та бабочка, которую мы постоянно ловим вот уже много лет, но всегда в ограниченном числе и потому считаем ее очень редкой и ценной. Вот уж и желтушек Романова, и Марко Поло, и даже Ершова наловили, а секрет желтушки Вискотта никак не можем раскрыть. Это для нас непонятная бабочка. В ущельях Кызыл-Эшме Алайского хребта и в Тамшуте на Гиссаре Володя специально поднимался в верховья, разыскивая стацию этой желтушки, но она каждый раз ускользала. Честно говоря, я уже сомневался, что она может где-то летать в изобилии, и это особенность ее вида. Неужели тут нам повезло?

Пока сын бегал по заросшей люцерной горе, я заметил укромный ложок, большим оврагом рассекающий землистый, красноватый склон большого бугра. Дно его поросло довольно богатой растительностью, среди которой были астрагалы, кузинии, розовый лучок и необычная крупная люцерна. Валялись рога архаров и теков, клочья их шкур и шерсти (За неимением большого камня, старым архарьим рогом мы подперли колеса своей «Нивы», чтобы не укатилась). Но главное, здесь роились бабочки! Драгоценные, зеленоватого цвета желтушки тянулись вдоль лога да не одна, а много! Радостный, я набросился на

них, и вскоре на матрасике у меня лежало целых 16 штук и почти все свеженькие. Вся охота заключалась в том, что я подкарауливал их у земляного выступа, а бабочки налетели сами, одна за другой появляясь из-за поворота.

Совсем близко, на горе опять запели улары. Вскоре и пришла разгадка, почему здесь все время держатся эти птицы. Всюду по ложку и склонам тянулись целые заросли мелкого дикого лука - любимой пищи горных петухов. Засолонцованная рыхлая почва вся была усеяна крестиками птичьих следов.

Подошел Володя. Я спросил его, удачна ли была охота и сколько удалось поймать.

- Штук пять, - отвечал он, - их все-таки не так много, а главное, по горе тяжело бегать.

- А я за 15 минут срубил 16.

- Как это?

- А где, скажи, любят держаться бабочки?

- Ну, около воды, там, где цветов больше.

- А овраг забыл? Сай у подножья горы.

- Я вчера там был и не видел ни одной.

- Наверное, погоды не было.

Не теряя времени, мы тут же вернулись в удачную лошину. Желтушки летали вяло, так как солнце то и дело пряталось за тучи, но это только облегчило их лов. Потом солнце скрылось окончательно, и лет бабочек прекратился. Но мы уже наловили их, и ажиотаж прошел. Сегодня явно был день желтушки Вискотта. И хотя хороших из них оказалось не более половины, а идеальных, по словам Володи, и всего-то штук 20, мы могли быть довольны, ведь, наконец-то, увидели стацию бабочки и, пожалуй, и кормовое растение. Скорее всего, это была люцерна.

Вылезли на верх бугра, а здесь дует холодный ветер. Всюду на пухлой засолонцованной почве следы теков и архаров. Торная звериная тропа уводила на вершину горы. Надо бы поискать парнасисусов, но где там: погода окончательно испортилась, солнце ушло за тучи, повеяло чуть ли не морозом, и мы спешно ретировались в лагерь.

К вечеру разыгралось ненастье. Все небо окончательно заволокли тяжелые тучи, и пошел дождик. Но на то он и Восточный Памир - одно из самых пустынных мест на земле, - дождь едва смочил землю и тут же и кончился. Вообще же здесь так сухо, что почти не бывает ни росы, ни инея; спальные мешки тут не отсыревают и нет необходимости их сушить. И земля, можно сказать, теплая, вовсе не мерзлота, что можно было ожидать в высокогорье. Совсем было бы комфортно, если бы не комары. Днем они свирепствовали, и спасение наступало лишь по вечерам и ночью, когда злодеев утихомиривал ветерок и холод.

Утром, лежа в палатке, я наблюдал, как все более золотилась передняя стенка палатки. Вскрившее солнце предвещало хорошую погоду. После дождя небо действительно сияло, но облачка все же ходили. Ослепительно сверкая, серебрились многочисленные рукава и протоки устья, разлившейся по долине реки. Блестел свежий снежок на вершинах Сарыкольского хребта, передние и задние планы гор, накладываясь один на другой, составляли разноцветный узор с красками от синего и фиолетового до черного.

Опять, как и вчера, пели улары. Протяжно и грустно тянули, а потом рассыпались трелью. Наслаждаясь прозрачной тишиной, мы пили утренний кофе и ждали когда солнце обогреет землю. Вот над макушками травинки поднялась одна бабочка, за ней другая. Были среди них и мелитеи фергана и гипонифеле памира, которых не замечали вчера. Они торопливо облетывали кустики трав, особое внимание уделяя душистой серебристой полынке и реже присаживаясь на цветы кузинии. На крохотных розово-белых цветочках акантолимонов, вжавшихся в красноватую глинистую почву, сидели ярко-красные, оранжевые червонцы Алфераки, и тут же летали желтушки. Но теперь мы только любовались ими, оставив их в покое. Нам казалось, что мы пребываем в сказке, попав в райский сад, где порхают летающие цветы, причем редкостных видов.

На обратном пути мы снова проезжали глиняный кишлак Тохтамыш. У одного из домиков кружком сидели белобородые аскакалы и разделяли тушу яка.

- Не туда смотри, - окликнул меня Володя, - видишь, на помойке куча черных птиц?

- Да, вороны.

- В том то и дело, что не вороны, а вороны. Где еще увидишь сразу столько воронов, да еще и в поселке среди людей! Тут их с десятков, наверное, будет.

Верно, ворона я всегда считал птицей отшельником. Мы порвнялись с вещими птицами, и они не хотя взлетели.

Через несколько дней в Кызыл-Рабате мы встретились с нашим старым знакомым Л.Каабаком.

- Давно мечтаю попасть на левый берег Истыка, - поделился он. - Там должны летать кое-какие желтушки, да вот моста нет.

- Как нет! Прекрасный мост давным-давно построили в Тохтамыше военные.

- Серьезно? Вот не знал, обязательно загляну.

А мы на обратном пути опять заезжали на Истык, с расчетом, что за это время вывелись самки Вискотта, которых почти не было в прошлый раз, но наши надежды не оправдались. Над подушками люцерны по-прежнему вальжно дефилировали одни самцы, тщетно ожидая подруг, которые никак не появлялись. Не дождалась их и мы. Зато дружная компания Каабака чуть позже обнаружила тут... автократора и даже засняла весь процесс появления на свет роскошной красавицы.

Стоянка «У головы дохлого яка»

Погранзастава у озера Дункельдык близ Тохтамышца. Впервые это богатое бабочками место на Памире мы обнаружили почти случайно в 1991 году. Тогда была неразбериха с охраной границ и, возможно, нас первых из «бабочколов» пропустили за «систему». И там, в интервале высот от 3900 до 4800 м, обнаружилось удивительное для Восточного Памира разнообразие высокогорных чешуекрылых. Здесь летают бабочки не менее полутора десятков редких видов. После нас слава о Дункельдыке быстро распространилась среди любителей. Сейчас на Памир ездят

очень мало, но, по крайней мере, группа Каабака едва ли не ежегодно посещает этот уединенный уголок. Вот и на этот раз Каабак со своими спутниками был уже здесь. Устроились стационарно, здесь квартируют в помещении, пользуются казенной постелью, едят солдатскую пищу. У них и нет другого выхода: добрались сюда на перекладных, на себе не утащишь постель и палатку, и это все правильно и хорошо. Нам тоже не отказали, предложив жить в помещении и даже отвели место в гараже для машины, но я пришел в ужас от необходимости зависеть от распорядка и правил заставы. Нет уж, будем жить как вольные птицы на просторе!

- А что бы вам не встать за озером, - посоветовал Андрей Сочивко, спутник Каабака. - Там есть хороший ложок, летают голубянки хризопис, и парнассиусы есть. Вы его легко найдете, там помойка рядом.

Помойка! Но мы поехали туда (Володя знал это место), по словам сына, променяв чистую постель на свалку. Но «свалку» такую, где я бы хотел прожить и целый месяц.

Валяются архарьи и козлиные рога, головы яков, а также все, что с заставы выбрасывалось, начиная где-нибудь с 30-х годов. Удивительно: в сухом воздухе высокогорья все сохранилось в мумифицированном виде лучше, чем в холодильнике. Настоящий музей быта чуть ли не всей Советской эпохи. Особенно эффектно, не хуже, чем специально выделанные чучела, выглядели головы яков в шкуре и с рогами.

Если бы мы давали названия стоянкам, то эту вполне можно было бы назвать «У головы дохлого яка».

О том, что все решают люди, а не инструкции, мы убедились и в этот раз. На заставе Володя застал коменданта и попросил разрешения работать за «системой». Комендант приказал начальнику заставы: «Пустить в зону», и тот ответил: «Слушаюсь!» Вот и вся недолга! Как все просто и как все это разнится с тем разговором, что мы вели в Мургабе, испрашивая сюда пропуск.

Так мы стали временными обладателями ключа от ворот запретной зоны у самой китайской границы. Второй ключ у Каабака, а вот остался ли еще ключ у самих пограничников, мы не знаем. Наверяд ли.

Ночью было тихо и тепло, поэтому и спалось отлично. Тем не менее, к утру изморозь на капоте машины разрисовала узоры. Погода чудесная, как никогда. На небе ни облачка, все искрится и ослепительно сияет от только что взошедшего солнца.

Наскоро позавтракав, сын, прихватив ключ от «системы», побежал на склон Сарыкольского хребта. Его цель редкие парнассиусы и желтушки Марко Поло, моя - голубянки хризопис и вообще все, что попадет в окрестностях лагеря. Но сначала надо разведать местность и приспособиться к здешним условиям.

Ложок и вправду хорош, но еще лучше примыкающая к нему горка. Пустынно-каменистая, она оцетинилась колючими ежами подушкообразных растений. У подошвы порхают мелитеи ферганы и новые для нас голубянки хризопис изумительно красивой расцветки: сверху темно-синие, снизу - нежно-зеле-

ные. Изредка проносились желтушки Марко-Поло - едва ли не самые мелкие и зеленые из всех желтушек. Но комары! Несмотря на сухость, их здесь уйма. Они облепляли лицо и руки, и тело горело, будто обожженное крапивой.

Скорее вверх, на ветерок! Карабкаюсь на гору и вдруг вздрагиваю от неожиданности: из-под кочки акантолимона прямо передо мной выскакивает заяц-толай. Ну, пострел, напугал! Видно, отдыхал здесь, наслаждаясь уединением и прохладой. А как же комары его не заели? И тут я замечаю, что комаров-то и нет. Я поднялся на каких-то 200 метров, и они исчезли. Значит, 4200 м для них предел.

Промчался аполлон необычно яркой расцветки. Какие цветастые здесь парнассиусы Джекемонта! Володя предупреждал, что они нам не нужны, но я не могу удержаться и гоняюсь за ними, прыгая по осыпям и кочкам.

Незаметно подкрался вечер, пора кончать охоту, и я поехал встречать сына к воротам проволочного заграждения. Время уже половина девятого, но по-прежнему сияет солнце, а Володи все нет. Кое-как в бинокль разглядел крошечную фигурку с сачком, бегающую по зеленому пятну на серых склонах громады гор. Я хорошо понимаю его, не могущего оторваться от азартной охоты.

На коне к пограничному забору подъехал здешний киргиз. Привязал лошадь, руками раздвинул колючую проволоку и пролез в дыру. Местным жителям теперь это не возбраняется, и они чувствуют себя как дома, и кто-то уже рядом построил себе хижину. Место очень удобное: река, пастбище, дорога, застава. А русским пограничникам уже неудобно, и они все больше ощущают себя здесь не хозяевами, а скорее гостями или наемниками.

Солнце давно село за гору, когда появился мой уставший охотник. Наловил желтушек Марко Поло, были и высокогорные парнассиусы симо и инферналис, но мало.

Уже смеркалось, когда мы приехали в лагерь. Надо бы готовить ужин, а тут обнаружили сидящие на макушках полынок те самые редкие голубянки хризопис. Описанные из Индии, они нигде, кроме как на Восточном Памире, в Союзе не водятся, поэтому представляли для нас большой интерес.

Забыт ужин и забыта усталость. Мы бросились их щипцевать, собирая пинцетами и складывая в пакетики. Уже наступила почти полная тьма, а мы чуть ли не ощупью все шарились в черных кустах.

Все, хватит, пора и честь знать! Врубили свет и не только для ночного лова, но и для усмирения озверевших комаров. Как ни странно, яркий свет заставляет утихомириться даже самых злобных кровососов.

Как жаль, что так мало часов в сутках! Не хватает времени, чтобы перекусить. Не успели съесть кильку в томатном соусе, подаренную нам на заставе и показавшуюся необычайно вкусной, как полетели совки. Загадочные, неведомые науке ночные мотыльки Восточного Памира. Более всего бурых, красновато-ржавых, но были и салатно-зеленые, те, что всегда летят в очень высоких горах. Бабочки, похожие на обычных, а на самом деле все совсем других видов.

Первые два часа мешала луна, выросшая почти до полного круга, но в 12 ночи она зашла за макушку горы, и мы оказались в тени. Полное впечатление, что мы на черном острове, окруженном морем лунного пепельно-серого цвета.

В два ночи, когда выключили генератор, стало слышно, как поет какая-то птица. Это было совершенно неожиданно, и именно такие незнакомые голоса и звуки передают очарование и таинственность ночи, тем более в таком диком месте. Я думаю, что это пела здешняя каменка, похожая на пустынную, но крупнее, с ярко-желтыми пятнами. Что это была за птица, я гадаю до сих пор.

Опять выплыла луна, осветив все вокруг бледным голубоватым светом: камни, голову яка с рогами. Стоял штиль, и от этого было тепло. Да, Памир нынче встречал нас по-курортному ласково. На этот раз он вовсе не показался нам мрачным и суровым краем, а наоборот, сухим, теплым и даже комфортным уголком. «Домашним», - как выразился Володя. Только что таможенник поделился с нами: «Я здесь родился, живу в Мургабе. Бывал в России, Душанбе, жил в Бишкеке, нигде не понравилось. У нас лучше». И это там, где не растет ни одного дерева, а трава еле пробивается пучками среди моря скал и каменных осыпей, воздух пустой, разреженный, как и положено быть в высокогорье.

- В первый раз, когда я приехал на Восточный Памир, мне показалось, что бабочек очень мало. Каждую ловил поштучно. Неопытный человек может сказать, что здесь их вообще нет, - поделился Володя. - А в этот год впечатление совсем другое.

Кончился полный событиями день; как мы ни устали, а ложиться спать не хотелось. Вокруг стояли горы, могучие, безмолвные, вечные, залитые лунным сиянием. Фантастическая картина!

Через таможенные заслоны

«Ну и потрясут же вас на обратном пути!» Будучи на Памире в 1996 году, мы не раз слышали эту фразу. Ее говорил нам Каабак, это же повторяли и пограничники, и местные жители. Дело в том, что Памирский тракт едва ли не главная артерия, питающая наркотическим зельем страны бывшего Союза и Европу. Но чего нам бояться: главное пробились сюда, а уж обратно-то выберемся. Однако к советам все-таки прислушались. Опыт общения с таможенниками у нас был и у самих.

«Лучше ехать ночью, - подсказали бывалые шофера. - Но сразу ставьте на капот бутылку водки и закуску. В темноте легче брать взятки и вообще договариваться».

Мы так и сделали, выехав под вечер, часов в пять. Расчет был таков: проскочить в темноте таможенно в Чечектах, а потом заночевать.

Солнце уже садилось и жарким пламенем пожара било прямо в глаза. Я почти ничего не видел и гнал практически вслепую по гладкому проселку рядом с разбитой гравийкой со скоростью километров 80 в час.

Проскочили Мынхаджир. Гора лежала, будто спящий дракон с зубчатым гребешком и в колючках древней чешуи.

Мургаб объехали, срезав угол по объездной дороге (как нашли ее в темноте, самому непонятно). Мчимся давно со светом, а навстречу, один за другим пошли грузовики. То не было ни одного, теперь целая вереница. Это значит, что под покровом темноты таможня заработала в усиленном режиме и стала быстро пропускать транспорт.

Чечекты сверкают огнями, а недавно устроенная на дороге таможня погружена в непроницаемый мрак, что немудрено, ведь уже 12 часов ночи. Таджикские таможенники говорят нам: «Будем все смотреть, давай выгружай! Где у вас переноска?» У самих даже свечки нет.

Подсвечивая фонариком, выбрасываем содержимое багажника на расстеленный тент. Смотрят с полнейшим равнодушием. Дошли до шкурки ежа, подобранной еще в Казахстане, и тут таможенник оживился: «Что это?» «Шкурка ежа для сувенира». «Ой, покажи, пожалуйста, никогда еще ежика не видел». Взял в руки: «Правда, колется». И вдруг разговор стал вполне человеческим. «Вы уж извините, у нас работа такая. Мы-то что, а вот в Каракуле будет вам шмон! Там российские пограничники свирепствуют. Очередь 40-50 машин».

Отдал им Володя бутылку и банку кильки, и нас пропустили. Таможенники, конечно, пьяные. Не работа у них, а малина.

В темноте каким-то чудом нашли свороток в уютное ущелье, в котором уже ночевали по пути сюда и встали на лужайке на берегу шумливой речки. Несмотря на ясное небо было на удивление тепло. На черном небе сверкали, нет ярко горели звезды, и, отражая их свет, блики играли на речных струях. Ласково журчала речка, едва заметно шелестел ветерок. Мы прощались с Памиром, и он напоследок одарил нас необычно теплым, волшебным вечером.

И следующее утро было лучезарно ясным. Погода продолжала проявлять к нам свою благосклонность. На перевале Ак-Байтал было даже жарко, и, что совершенно невероятно, стоял полный штиль. Летали стрекозы, слышно было как жужжат мухи и кричат сурки. Стайками перепархивали плотные, коренастые пичуги пепельно-серого цвета с темной головой, в которых мы без труда признали выюрок, более известных здесь как снежные воробьи.

Стрекозы! Это было поразительно, ведь крупный знаток природы Восточного Памира Р.Потапов, проживший в Чечектах несколько лет и написавший книгу «Неведомый Памир», утверждал, что стрекоз здесь нет и никогда не было выше 4200 м. Но мы стояли на высоте 4650 м, и крупные зеленые хищницы, сверкая прозрачными крылышками, реяли в неподвижном воздухе, гоняясь за комарами и мухами.

Летели беловато-невзрачные белянки балтии шавии. Одни проносились стремительно, другие вместе с мелкими мелитейками неспешно вились вдоль обочин дорог, где росли какие-то чахлые кустики, и так низко, что едва не задевали землю.

Были тут и темные караназы с ярким глазком и понтии каллидице. На бешеной скорости промчалась деота, показавшаяся необычной, крупной. Словом, тут был настоящий праздник тепла, солнца и бабо-

чек! И все это почти на высоте Монблана, среди голой, просоленной земли и камней, где едва заметны лишь жалкие пучки невзрачной травы.

И вот КПП на Каракуле, которым нас все пугали. Не верилось, что люди, две недели назад почти сердечно встречавшие, теперь грубо к нам отнесутся. После часового ожидания, когда дежурный записывал наше досье, нас повезли на досмотр. Заезжаем на плац комендатуры. Командуют российские офицеры: «Выгружай все до нитки!» Вокруг нас сгрудились не только проверяющие, но и просто любопытные. Высунувшийся из окна на втором этаже офицер крикнул: «Красную «Ниву» проверяйте на всю катушку! Это бабочники едут».

С недавних пор о «бабочниках» идет слава, как о богатых рвачах, которые грабят природу, зарабатывая большие деньги. А это русскому человеку не нравится. Завидно.

Я попытался было возражать, сказав: «Мой сын профессор петербургского университета (что было почти правдой). Что же он, по-вашему, будет наркотики возить?» На что мне ответили: «Подумаешь профессор, мы тут министров ловим, не то что ваших нищих профессоров!»

Я продолжал перечить, что было глупо, и от обиды грубить. «Ах, так, - взъярился проверяющий капитан, - тогда проверим по первому разряду! А ну, разбери свою тачку!» Это значит, надо разбирать все колеса, снять обшивку и панели в салоне, вытащить бензобак и так далее. В доказательство правоты этого абсурда тащили показывать бензобак какого-то «ЗИЛа», в котором недавно нашли 120 кг наркотиков. Видя такое дело, я пошел на попятную, сбавил обороты, перевел разговор на политику, даже стал петь дифирамбы российским пограничникам, и это помогло. Однако переворошили все, вплоть до разборки моего миниатюрного радиоприемника и проверки всех лекарств в аптечке. В общем, лишь часа через три отделались мы от своих земляков и выехали с плаца, будто оплеванные. Верно нас предупредили о «зверствах» российских пограничников.

Говорить не хотелось. Не замечая разбушевавшихся от бурного таяния потоков, переезжаем одну речку за другой.

- А знаешь, - наконец прервал я молчание, - это им недавно поручили проверку на наркотики. - Я имел в виду российские погранвойска. - Вот они на первых порах и проявляют свою рьяность. Скоро им это надоест, легче будет.

- Да и вообще не стоит обижаться, - отозвался Володя. - Наркотики-то ведь действительно возят. Я думаю, каждый третий шофер не может отказаться от искушения заработать кругленькую сумму.

Долина Маркансу тонула в вечерней пыльной дымке. Я вышел, чтобы напоследок сфотографировать знаменитую долину смерти и долину смерчей, как ее называют. Порыв ветра сорвал кепку с моей головы и погнался по дороге так, что я еле догнал ее, пробежав не менее ста метров.

План переезда через таджикскую таможню на Кызыл-Арте обсуждали как военную операцию. В прошлый раз у нас здесь чуть не отобрали бинокль.

Володя хотел было уже и отдать, а я в довольно резкой форме резанул напрямик в глаза проверяющему таджику: «Чего ради я должен отдавать тебе свое добро?» Больше всего мы боимся, что могут конфисковать наши сборы. В Таджикистане бабочки - большой вопрос. О бабочках здесь теперь знают почти все и говорят о них почти также, как о долларах и наркотиках.

И вот знакомая железная будка-цистерна. Володя ушел туда с бутылкой водки и банкой тушенки в руках. Через некоторое время возвращается сияющий, с большим ломтем дыни:

- Нас приглашают в гости.

Вот те на! Оказывается, по разнорядке сейчас тут дежурит кэзгэбешник из Хорога, по счастливой случайности оказавшийся другом Бориса Храмова (Боря не раз приезжал туда за бабочками). А этот Боря - Володин друг. А на востоке, как известно, друг моего друга и мой друг.

Мы сослались на поздний час, что было вполне правдоподобно, поблагодарили и рванули вперед на встречу новым шмонам.

- Несерьезные люди эти таджики, - говорю я, осмысливая странную встречу с «друзьями». Не доведут они до ума свою страну. Взять, например, таможенников. Они ведь не заинтересованы в том, чтобы перестали возить наркотики и, вообще, чтобы был порядок. Скорее наоборот, нарушители для них это дойные коровы, хлеб, да еще и с водкой и маслом.

- Да, конечно, - отозвался Володя. - Надо создавать международную сеть контроля. Нужны честные, порядочные работники.

- Да, и с хорошей зарплатой, - поддержал я, - чтоб не зарились на взятки.

Переехали перевал, через каких-то 500 метров еще две проверки: российских пограничников и киргизской таможни. Уже ночь, но нас опять заставляют выгружать вещи. Проверяющий - русский сверхсрочник, парень, недавно освободившийся из заключения, и работающий по контракту. Освещения и здесь нет, только фонарь у проверяющего. Даже не глядя на барахло, что я вываливал на брезент, он браво похвалился: «Вот вы тут ездите, разные там ученые. А можете не понравиться проверяющему, тогда он подбросит вам полкило ханы и 15 лет вам обеспечено». И мы чувствовали, что это сущая правда.

Сделав вид, что закончил ревизию, солдат пошел докладывать начальству, но офицер через громкоговоритель отдал приказ: «С «Нивы» снять бензобак для досмотра». «Ну, и дурак!» - отреагировал на это сверхсрочник, вдруг проявивший к нам необычное сочувствие, а нас успокоил: «Ладно, вы не расстраивайтесь, немного постоит, а мы сделаем вид, что все выполнили». Потом добавил: «Там дальше, поедете, дорога размыта, сель прошел. Вчера наш «ГАЗ-66» вернулся, не мог пройти». Ничего себе! Самый проходимый в мире вездеход застрял. А как же мы?

Таджикские шофера нам жаловались: «Раньше от Хорога до Оша за один день добирались, а теперь за неделю. Зимой на морозе сутками стоим на таможнях».

Только выехали за шлагбаум, а здесь киргизская таможня. Все залито электрическим светом, молодые парни (есть и девушки) с иголки одеты в новенькую форму, словно желая подчеркнуть контраст с российскими пограничниками, пропустили без задержки, проявив при этом верх вежливости и такта.

Я торопливо включил скорость и, радостный, помчался в темноту ночи, совсем забыв, что еще предстоит преодолеть последствия недавнего селя. Он встал перед нами выплывшим из разверзшейся пасти оврага красноватым языком глинисто-каменной массы. Страшный и безобразный вал, прорезанный бульдозерами. Въехав в трясины и побуксовав, мы преодолели его, радуясь тому, что нам ехать вниз, а не вверх. Но не успели мы восторгествовать, что так легко отделались, как свет фар вырвал из темноты второй грязевой вал, еще более мерзкий, чем первый. Камни скрежетали по дну, вязкая глина хватала за колеса, но мы чудом, на пределе выползли, вырвавшись из страшных объятий.

- Может быть, заодно махнем до Сары-Таша, - предложил я. - К утру проскочим.

- Нет, слишком поздно, - не согласился Володя. - Надо отдохнуть.

Уже в Алайской долине мы свернули с трассы на какой-то проселок в чистую, теплую степь. Свежий, влажный ветерок мягко коснулся лица. Разница с погодой на Памире бросалась в глаза сразу: по ту сторону перевала было чистое небо, а здесь все затянуто тучами. Гигантский Заалайский хребет, как высоченная стена, загородил путь влаге, не пропуская ее на Памир. Вот почему там сухо и пустынно.

- Как здесь хорошо, как легко дышится, не то, что на Памире! - непроизвольно вырвалось у меня.

- А по мне так на Памире лучше, - со вздохом отозвался Володя. - Там все космическое: краски, воздух, все ощущения. А бабочки! Бабочки такие, каких нигде больше нет. Удивительное место. Я думаю, редко где еще в мире есть такие уголки.

Московский профессор Б.Ф.Поршнева, много путешествовавший по горам Средней Азии, об этих краях выразился так:

«Ни один пейзаж в мире (кроме может быть, Тибета) не делает человека таким маленьким и затерянным, как безлесный, безмолвный, с гигантскими горбами-холмами Восточный Памир».

Нас Памир на этот раз не подавлял, а наоборот, показался обжитым и вовсе не пугающим. Теперь он стал своим, родным, и я уже представлял, что теперь мне всегда будет его не хватать.

Впереди у нас еще одна погранзастава в Сары-Таше. Там тоже стоят русские, и после Каракуля мы их побаиваемся. Однако проехали без особых затруднений и даже побеседовали с русским солдатиком. Он доверительно рассказал:

- Недавно тут двое англичан проезжали. Ездили на Памир за бабочками. Вот дураки! И зачем им это нужно?

- Ну и что, пропустили их?

- А чего не пропустить, конечно, пропустили.

- Вещи досматривали?

- Досматривали да еще как! Всем интересно, что иностранцы возят. Когда эти чудики едут, все

собираются поглазеть на их шмотки да и на самих тоже. Какие-то они другие.

- Значит, как спектакль?

- Да вроде этого, - охотно согласился наш собеседник. - Тут все время ездят всякие. То снежного человека ищут, то бабочек. Говорят, есть такая бабочка волосатая, раз в три года выводится. Делать им, что ли нечего, занимаются всякой чепухой.

Мир не так уж и велик. Вот и до солдата дошла слава о парнаснисуе Анюте, открытой Каабаком совсем недавно.

Так окончилось наше второе путешествие на Восточный Памир, для меня, конечно, последнее. Мы провели там всего 12 дней, но сколько впечатлений!

Дорогой наркодельцов

Мы возвращались с Восточного Памира домой. Проскочили Талдык, Софи-Курган.

- А что если нам из Гульчи проехать прямо на Узген, не заезжая в Ош? - предложил вдруг Володя, разглядывая карты. - Здесь показана дорога. И в Узбекистан тогда не надо заезжать, минуем одну, а то и две таможни.

- Я не против, - с энтузиазмом отозвался я. - Посмотрим новые места.

Но как часто это бывает: на карте дороги нет, а в жизни она есть или, наоборот, на карте есть, на самом деле ее нет. На этот раз дорога действительно была, но какая! Это почти проселок со сломанными мостами, с размытым полотном, да еще и через высокие горы. Показанные на карте, 50 км пути превратились в бесконечную грунтовку, труднопроходимую в непогоду. Но нам повезло, стояла сушь.

От Гульчи дорога идет через очень живописные, утопающие в садах кишлаки, а потом все дальше уходит в горы. Всюду роскошное разнотравье, так называемая «зеленка», которую мы не любим, так как здесь обычно водятся сорные бабочки, те же, что и везде в Европе и Азии. Всюду киргизы косят сено.

Натерпевшись страха от езды по размытой глинистой почве с бродами через разлившиеся речки, с переездами по селевым потокам, мы, наконец, спустились в большой оазис, где началась асфальтированная дорога. Сады, сады, густонаселенные поселки со всеми атрибутами цивилизации.

Каракульджа, Мирза Ака - это почти города, очень зеленые, ухоженные, уютные и удобные для жизни. Есть русские и, что поразило больше всего, даже газетные киоски.

В Узгене остановились в самом центре, у базара, чтобы спросить короткую дорогу на Джалал-Абад. Дело в том, что основная траса дороги делает большой крюк, и ехать лишние 80 км нам не хотелось.

Пожилой киргиз охотно пояснил: «Есть три дороги. Одна длинная, круглая, более 100 км, если ехать через Узбекистан - 70 км, но есть и прямая дорога через горы. Очень пыльная, зато всего 30 км». Мне показалось, что киргиз слегка усмехнулся, когда добавил: «Там вот-вот должны поставить таможню».

Конечно, ее мы и выбрали.

- Вон, смотрите, вдали пыль стоит столбом, - показал киргиз. - Идет «Камаз». Там и проселок.

Дорога идет через лессовые горы, прожженные, прокаленные солнцем. Стоит сушь, и полотно разбито тяжелыми грузовиками так, что колеса проваливаются в размолотый лесс чуть ли не по самое днище. Пылевая пудра лезет в кабину, толстым слоем ложится на кузов, проникает внутрь кабины.

Выехали на вершину горы, тут дороги веером расходятся во все стороны. По какой ехать? Чуть в стороне полевой стан, стоят кони, люди. Поехали туда спросить дорогу и тут же пожалели. Навстречу уже бежали люди. «Дай, дай!» - показывая на рот, кричал, схватившись за окно, пожилой киргиз. Женщина уже тащит айран, масло, лепешки. Все возбужденно кричат, зовут, лезут к машине.

- Не останавливайся, это наркоманы! - догадавшись, торопливо выкрикнул Володя. - Нас приняли за контрабандистов и наркодельцов.

Вот оно что! Мы едем тайной дорогой, по которой возят наркотики! То-то и киргиз, что рассказывал про дорогу, так ухмылялся. Надо драпать отсюда и как можно скорее!

Мужик вцепился в машину - не оторвать. Отпихнул его, чтобы не попал под колеса, и ходу!

Уф! Слава богу, оторвались. За машиной-то не угнаться! Но впредь надо быть осторожнее!

Выехали на земляной перевал. Здесь дорога пошла в узкой и глубокой выемке; встречным машинам не разъехаться. По обеим сторонам шумит, колышется тростник четырехметровой высоты, и... летают тысячи, нет, миллионы голубянок. Кажется, такого количества бабочек за свою бытность встречать нам еще не приходилось. Володя выскочил, чтобы определить вид и вернулся разочарованный: «Я думал, тугайная, а это банальный Икар. Бабочки сами на руки садятся. Облепили, как комары где-нибудь в тайге».

Наконец спустились в какой-то кишлак. В речке ребятня купается, а у нас и глаза разгорелись. Бросили машину и скорее в воду! Желание вымыться было нестерпимым. Смыли с себя жирную, налипшую на тело пыль, можно и за автомобиль приниматься. На нем пыль лежала не менее чем сантиметровым слоем. Окатили ее водой и сразу жизнь стала хороша!

Вскоре мы были в Джалал-Абаде, а дальше дорога пошла по хорошо знакомым и памятным для нас местам. Надо было бы остановиться у станции техобслуживания в Базар-Кургане, где мы стояли на ремонте почти два месяца назад, навестить друзей мастеровых, но мы проскочили мимо, лишь проводив взглядом столь знакомые ворота и забор СТО. Мы очень торопились. Прошло три с половиной месяца, как мы путешествуем, и нам хотелось поскорее домой.

Через два дня мы были в Алма-Ате.

Казачья крепость Иркештам

Иркештам - интересный уголок Алайской долины у самой китайской границы. В прошлом 1995

году мы пытались туда проникнуть, но нас не пустил русский офицерик, начальник заставы в Сары-Таше. Теперь, кажется, все в порядке, нужным пропуском мы запаслись.

Прямо в Сары-Таше стоит указатель со стрелками: влево - КНР, вправо - Памир, откуда мы только что выехали.

Асфальт сменился хорошей, гравийной дорогой. Местность все более холмистая. Завеса пыльной мглы, пришедшая из пустынь Китая, так плотна, что обледенелый массив грандиозной Корумды Заалайского хребта едва проглядывал призрачным контуром.

Незаметно для глаза приближаемся к перевалу Тау-Мурун, где почти сходятся хребты Алайский и Заалайский. О том, что мы его проехали, подсказывает лишь река, ревущая с правой стороны на дне страшного ущелья - оврага. Она течет уже с запада на восток и, уходя в Китай, носит то же название Кызыл-Су, и вода ее такая же красная, как в Кызыл-Су, текущей на запад.

Зато спуск выражен резко. Некрутые серпантинны уводят на дно ущелья, здесь уже ставшего зеленым и живописным. С потерей высоты жара все более дает о себе знать, а мгла все плотнее.

- Географически это явно Кашгария, - поглядывая то в окно, то на карту, рассуждал Володя. - Непонятно, почему границу провели не через перевал, а как бы прихватили часть совсем другой природной области.

- Значит, генералы были не дураки. Старались для России. Был такой генерал Абрамов. Зашел сюда с отрядом, да так русские и не ушли, несмотря на протесты китайцев.

Через реку переброшен капитальный мост, а перед ним погранпост. Теперь Кызыл-Су бушует уже с левой стороны, а за ней грандиозные утесы красного цвета. Справа, из узкого ущелья вырывается река Нура (огненная) с кишлаком на берегу. За ним совсем близко зеленые склоны Заалая, тянущиеся к снежным вершинам.

- Смотри, кажется, ели, - заметил сын, показывая на хилые, явно угнетенные и совсем невысокие елки, крохотными рошицами приютившиеся по ложкам. Здесь единственное на Заалайском хребте место, где еще растут тьянь-шаньские ели.

- Да, в этих изгибах трудно признать красавицу Тянь-Шаня, - отозвался я. - Но, говорят, в этих ельничках даже синицы-гаечки есть.

Теперь мы едем по узкому коридору, где с правой стороны тянется проволочное ограждение «системы», а слева, на берегу реки раскинулся новенький рабочий поселок с вагончиками и строительной техникой. Это база строящейся магистральной дороги «Ташкент - Китай», проходящей через Иркештам, поселок погранзаставы.

- Да, пожалуй, тут не половишь, - заметил Володя. - Просто нет места, где можно побегать. Поворачиваем назад.

Мы развернулись на виду поселка и поехали обратно. «Сейчас за нами будет погоня, - мелькнула у меня мысль. - Никому не представились,

будто воры, втихаря уезжаем». И точно, нас тут же обогнал грузовой «ЗИЛ» и, резко развернувшись, встал поперек дороги.

- Кто такие? Что вам здесь нужно?

Выскочивший из кабины киргиз в штатском был преисполнен патриотического духа.

- Сейчас вызовем наряд, чтобы вас проверили.

Быстро подключил свой телефон к «системе» и что-то доложил.

Мы стоим, ждем, действительно чувствуя себя провинившимися нарушителями.

Минут через 15 подъехал пограничный «ГА-Зик». Худощавый сержант долго изучал наши документы, потом сказал:

- Поехали на заставу. Вы впереди, мы следом.

И мы поехали, как арестованные. А киргиз, задержавший нас, вдруг раскаялся и стал перед нами извиняться:

- Вы уж простите, что причинил неудобства. Не держите на меня зла.

- Да, ладно уж, небось, не заберут в каталажку.

- Мне было немного весело. - Мы же понимаем, что так положено.

Застава очень ухоженная, озелененная, с добротными каменными домами.

Нас завели в кабинет. Приятный полумрак, работающий черно-белый телевизор. За столом, под портретом Дзержинского высокий молодой блондин, капитан. Проверил наши документы.

- А что вы не зашли в отряд? Отдохнули бы, помылись в бане... Ладно, будьте хоть сейчас гостями.

И нас повели в столовую.

- Не обессудьте, что есть.

Колбасный фарш, рыбные консервы, сгущенное молоко, хлеб.

- Пива хотите? - вдруг предложил начальник, как видно, любитель этого напитка. - Наше ошское.

И стал рассказывать о рыбалке на Кызыл-Су.

- Я вон там, видите, рыбачу под мостом. Маринка в полметра попадает, рыбалка классная!

Я подарил ему оставшиеся у нас крючки и удочки. Он пожал мне руку.

- Чем мы можем вам помочь?

- У нас все есть, ничего не нужно. Спасибо, - отозвался Володя.

- Нам бы бензина. Как из Оша выехали, нигде достать не можем, - не удержался я.

- Бензина дадим. Живите здесь сколько угодно. Можете ходить за зону. Крепость старую, еще царскую покажем.

Володя жить отказался, сославшись на недостаток времени, а крепость чего бы не посмотреть!

Нам дали гида - киргиза-лейтенанта, а к машине приставили солдата для охраны. Мы узнали, что гора напротив, стоящая в каких-то 200 метрах, уже китайская.

- Вон на горе наша вышка, от нее до китайской территории всего 6 метров. А там вышка китайская. Но туда не смотрите, а то они вас сфотографируют. У них такая оптика, что звездочки на погонах видят.

Справа на глиняном холме виднелись руины крепостного сооружения.

- Это казачья крепость. В царское время здесь стоял казачий полк.

По крутой деревянной лестнице мы поднялись на гору. Вокруг настоящая пустыня. Кругом камни и белая глина. Крепость высилась глиняно-каменистыми стенами с угловыми башнями-бастионами, с окнами-бойницами. Внутри цитадель - большое восьмиугольное здание, сложенное частично из сырцового кирпича, частично из дикого неотесанного камня. Как объяснил наш гид, внутри цитадели была большая конюшня, а по сторонам от нее боевые камеры с бойницами на высоте человеческого роста.

- А как же с водой? - спросил я. - Где они брали воду на этой горе?

- У них был колодец. Вырыт прямо в центре крепости. Потом басмачи сбрасывали туда наших убитых бойцов. Там на дне лежат пять трупов.

Киргиз рассказывал так, как это делал бы российский офицер. Но он им и был, служа в российских пограничных войсках.

По периметру крепость была обнесена глиняным валом с толщиной стен в пол метра.

- Крупнокалиберный пулемет не пробивает.

Уже в советское время здесь всюду проложены капитальные траншеи с бетонированными стенами.

Ностальгические чувства охватывают, когда бродишь по руинам этой русской крепости. Вот здесь ходили люди в казачьей форме, ржали кони. Все это было в нашем веке, не так уж и давно.

- Здесь находили старые подковы, гильзы, - продолжал гид. - Теперь уже никто не знает истории старой крепости.

- Думаю, должны сохраниться архивы, - откликнулся я. - Надо искать где-нибудь в Петербурге.

«Иркештам состоит из небольшого укрепления, расположенного на правом берегу реки Кызыл-Су, и таможенного двора, лежащего несколько ниже. Внутри укрепления находятся казармы гарнизона, состоящего из казачьего взвода, командирюемого сюда на год от одного из полков, стоящего в Фергане. Более продолжительное пребывание людей в этом отдаленном пункте, окруженном на многие версты пустыней, весьма затруднительно... Есть почта и телеграф». В.И. Масальский «Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Туркестан» 1913 г.

- Видите, мгла висит в воздухе, - вдруг переменял тему разговора наш провожатый. - Это китайцы опять взорвали атомную бомбу на Лобноре. Вся пыль к нам летит. Недавно японцы приезжали со своими приборами. Увидели, что все их радиометры зашкаливают и тут же поскорей уехали.

Мы узнали также, что Иркештам переводится как дом Иргеша. Был такой киргизский купец. Его двухэтажный, небольшой, но крепкий дом до сих пор стоит рядом с другими домами заставы.

Уезжая, вечером зашли попрощаться к начальнику.

- Нет, нет, без ужина я вас не отпущу.

Вышли. Я показал нашу книгу о бабочках на немецком языке.

- А кто давал рецензию?

- Книга издана в Германии, а там обходятся без этого.

- Ну, раз так, тогда все ясно.

Он полистал книгу и вдруг заговорил стихами по-немецки.

- Произношение, конечно, не баварское...

- Все ясно, - сказал Володя, когда мы, заправленные бензином, выехали с заставы. - Начальник немец. Типично арийский тип лица.

- Но молодец, - отозвался я. - Какой приятный человек!

Остановились за рекой Нурой, заехав по узкой дороге на травяной склон горы. Было тепло, и долго-долго из-за высокой горы никак не выходила луна.

На следующий день, 31 июля Володя ушел в горы и пришел только в шестом часу, когда я уже стал волноваться и сердиться.

- Сегодня был один из самых удачных дней за всю поездку, - оправдывался сын. - Было много памирских желтушек, причем отличной сохранности и огромных размеров. И потом, чего же ворчать, ведь мы для этого и ездим.

И он был абсолютно прав. А что не предупредил, так ведь никогда не знаешь, как пойдет охота, да и азарт никогда не надо сбрасывать со счетов.

Инопланетяне в горах Жагалбайлы

1997 год. Мы возвращались с юга, намереваясь посетить горы Саур у озера Зайсан. За Аягузом к северо-востоку лежат пустынные горы Жагалбайлы. Унылые, невысокие, с торчащими из травы скалками серого цвета.

Уставшие, для ночлега мы заехали в небольшую долинку-отщелок. Место, прямо скажем, невзрачное, даже убогое, но есть таволга, ферула. Сухо, тепло. Пока разбивали лагерь, солнце ушло за гору. Уныло закликал сыч, но даже и от этого голоса стало радостно и приятно.

Вечерний лет вышел хороший, несмотря на полную луну. Я лег спать в 9, проснулся в 12 от разговоров. Прислушался. Возбужденные голоса на повышенных тонах, судя по говору, с казахским акцентом. Это даже не разговор, а больше похоже на допрос. Голоса нетерпеливо-требовательные, жесткие: «Кто такие, откуда, что тут делаете?» Володя отвечает, как можно спокойней, мягко, дружелюбно: «Мы энтомологи, изучаем насекомых...». Доносятся обрывки слов: «Здесь погранзона. Где разрешение?»

Один из допрашивающих расстегнул полог моей палатки. Очень бесцеремонно и грубо:

- Выходи, я из уголовного розыска. Давай паспорт.

Я вылез. Стоят под лампой, изучают наши документы.

Я поздоровался, подал паспорт, сказав: «Я почти американский гражданин». У меня в паспорте во всю страницу бросается в глаза американская виза с белоголовым орлом. Слава богу, поняли шутку, хотя я, в отличие от Володи, отвечаю, не очень церемонясь.

С моей стороны это непростительно, но очень уж неуважительно с нами разговаривают.

Обращаясь к Володе:

- Гражданин России? Где регистрация?

А у нас и регистрация есть, в Зырянковске сделали все, как положено.

Я примирительно спросил:

– Вы, наверное, нас с вертолета увидели?

Один удосужился ответить:

– Мы ехали по трассе, заметили отсвет вроде за рева. Думаем, что за чертовщина, то ли в горах инопланетяне высадились?

У Володи весь паспорт в визах, ему приходится каждый год ездить за границу. Покрутили, повертели наши документы. Придаться не к чему. Разговор смягчился, и наши проверяющие признались: «Мы из МВД, возвращались с совещания в Аягузе. Когда увидели свет, ничего понять не могли. Рассыпались цепью и стали вас окружать с пистолетами наготове. Скажите спасибо, что не перестреляли». Ну и вояки, не лучше бравого солдата Швейка. Однако оружие у них настоящее. В общем, все кончилось вполне благополучно, и мы расстались почти дружелюбно. Но я так и не заснул. Лежал часов до двух, потом встал, заменив Володю у лампы, которую мы так и не убрали. Собирал с простыни каргалик, белых волнянок, сиреневых бражников и думал. «Вот наша ошибка: встали близко у дороги, потому и наш свет заметили. Понадеялись на безлюдье. Место здесь дикое, людьми заброшенное».

С одной стороны казахи говорят по-русски, сами почти русские. Кстати, и ведут себя традиционно, как типично-советские кэзэбэшники. Приняли за вооруженных разбойников, обложили со всех сторон. Один подкрадывался, другие страховали с оружием наизготовку. Смехота! Впрочем, на КГБ мы не в обиде. Нас кэзэбэшники, оставшиеся еще со времен Советского Союза, выручали не раз. На Памире, в Оше. Так что и на этот раз все закончилось благополучно. Моя жена, Володина мама, тревожась за нас в каждой поездке, уже здоровье потеряла. А тут еще наш сосед, рецидивист-уголовник «успокоил»: «Если уж шпана упадет, в живых не оставят». Шпана или разбойники, но в походной жизни нам больше приходится иметь дело с наркоманами и пьяными. В 2000 году под Усть-Каменогорском вот так же ловили на свет поздней ночью, а нас местные пастухи приняли за конокрадов. Сейчас местное коренное население вспомнило обычаи предков, вот и взялись барымтовать, то есть красть лошадей. В тот раз в дугу пьяные парни-чабаны окружили с дубинами в руках. Нам же у лампы под шум движка ничего вокруг не видно и не слышно. Вполне могли забить палками, что и собирались сделать. Какое-то чудо остановило их, или осталась в них частичка разума. Кое-как успокоили их, дав на пару бутылок денег. Только они убрались, мы тут же снялись и уехали подальше от греха. Кто их знает, что еще взбредет на пьяную голову. Лов продолжать не стали и легли спать.

А я возвращаюсь к случаю в горах Жагалбайлы. Утром только выехали на дорогу, а на обочине пасется самка архара с ягненок. Пузатая, серова-

то-желтая шерсть клочьями висит на боках грязного цвета. Рысцой неторопливо побежали прочь. Встали, и опять напряженно смотрят на нас. Видно, что беременной архарке бегать тяжело. Так что действительно, место дикое. Машин с перестройкой на дорогах стало меньше, вот и появились животные.

Саур. Гора Таз

У Володи цель – добраться до альпики на Сауре. Это отдельный горный хребет между Тарбагатаем и Алтайскими горами. На карте он углядел поселок Кызыл-Кио среди гор, а рядом вершина 2900. Туда показана дорога, но что она из себя представляет, мы не знаем. На заправке в Зайсане разговорчивый казах «обнадежил»: «До Кызыл-Кии не доберетесь. Проедете 16 километров, а дальше еще километров 40 пойдут камни и колея. Лучше езжайте за Жанатурмыс, там дорога лучше. Можно до снега доехать, только опасно там: много медведей и волков». Но мы, раз уж наметили, все-таки поехали в Кызыл-Кио.

Хорошо раньше было Хахлову, Сушкину с женой и с Четвериковым. Тогда, в начале века ездили на конях и никому в голову не приходило беспокоиться о дороге. Видно, вольготно им здесь жилось, что после этой поездки жена Сушкина ушла к Четверикову. Да, дороги здесь ужасны, если не сказать, что их вообще нет. Так или иначе, мы запаслись в Зайсане всем необходимым не меньше, чем на неделю. Володя купил 6 буханок хлеба, а я на него напал: «Куда столько!» И ошибся. Хлеб очень вкусный, пожалуй, за один раз можно целую булку умять. В общем, запаслись всем, что нужно для автономной жизни: 3 канистры бензина, лук, молодая картошка, 2 пакета макарон и 5 банок шпрот.

Дорога на Кызыл-Кио по боковой улочке выходит из середины Сартерека (когда-то казахье селение, в последние годы советской власти переименованное из Кендерлика в Пржевальское. В 1879 году у великого путешественника здесь была дневка) сразу в пойму Кендерлика. Брод через несколько рукавов. Воды довольно много, но дно крупно-галечниковое, без булыг и топкого песка. Дальше, километров пять дорога идет по отсыпанному земляному полотну. Потом она берет вправо, и сразу идет очень крутой взлет на гору в лоб. Кругом выгоревшие склоны гор, заросшие ползучей таволгой. Все бы ничего, но есть выходы скал. Торчат острыми зубьями, и нужно брать их с разбега, все время рискуя разбить брюхо.

Опять едем по земляному гребню, и вдруг дорога забирает вправо, переходя в соседнее ущелье. Глинистые участки кое-где с водой ведут нас по неровному плоскогорью. Вокруг стеной в полтора человеческого роста стоят густейшие заросли жимолости. Нигде не видел такую роскошную жимолость.

Спустились на дно, и вдруг неожиданно перед нами появился домик, как оказалось, лесника. Старик-казак очень приятный, доброжелательный. Он нас обрадовал:

– До Кызыл-Кии доедете. Недавно наш судья проезжал на «Ниве». Камни кое-где уберете. Там посмотрите.

Бульги и впрямь чудовищные. Володя бежит впереди, ворочает камни. Машина прыгает, ползет на карачках. Под колесами проскальзывают валуны.

А рядом на цветущем чертополохе всюду сидят аполлоны. Обычные аполло. Вот он где рай для бабочек! Правда, бабочки сильно потрепанные.

Поднялись на горку, и дорога привела нас в долину с чудесным альпийским лугом. Над ней неспешно порхали несметные полчища высокогорных бабочек. Светлые, желтые, темные, почти черные мелитейки. Было много медведиц, а также чернушек Габерагуэра, которых не ловили с 1904 года. Мы бродили по лугу, размахивая сачками, как косари косой.

Не терпелось увидеть что впереди. Я вскарабкался на вершину. В глаза бросился курган, сложенный из большой кучи камней. Новый Санташ! Дальше видна гора Таз, к подножью которой мы и едем. Но вот загадка: не за «системой» ли она?

Ползет трехосный «КрАЗ». Оказывается, из Аккыина. Горняки с угольного карьера едут на охоту. Вот это да! Прут прямо напролом по горам без дорог.

«Система гораздо дальше за горой», - обнадежили они нас.

Слава Богу! Как гора с плеч. Гора 2900 теперь вполне доступна! К ней идут мягкие травянистые склоны. Езжай где и как хочешь! Всюду альпийская сухая степь с низкорослой травкой. А внизу слева, километрах в 3-5 обнаружилась загородка и маралы в ней. Там и поселок Кызыл-Кия.

Мы остановились в лиственничном лесочке, чтобы запастись сушняком, и тут страшный рев напугал нас. Что за черт? «Кажется, марал во время гона!» – предположил я. Но тут из лесочка выходит молодой бычок. Вот тебе и дикий зверь!

Ползем по кочковатым травяным склонам. Вылезли на перевал, идущий к нашей горе. Внизу лесок, ручей и... юрта. Едем дальше. Вот подходящее место, есть все, что нужно: гора совсем близко, ручей рядом, но... на горке появляется силуэт человека. И здесь юрта.

Ладно, бог с ней. Авось, не съедят. Главное неудобство в таких случаях навязчивость. Бывает, донимают подпитые. Приходится мириться, как и с другими неудобствами в дороге.

Встали на сухом пригорке. Прямо напротив нас овальный силуэт горы, изъеденной древним ледником и с остатком снежника. Чуть ниже лесок с низкорослыми лиственницами, угнетенными высокогорьем. Но погода опять испортилась. Облачность и ветер. Сидим у лампы. Лет плохой. Ветер сильный, но теплый идет со стороны Зайсана.

На картах гора называется Таз, а встретившийся по дороге старый казах назвал ее Котелком. Она главенствует над всей округой и на самом деле похожа на перевернутый вверх дном казанок. Кое-где видны древние могилы и небольшие курганчики. Видно, кочевники пасут здесь скот не одно столетие, а может, и тысячелетия. Я взглянул на спидометр: от Сартереха проехали 40 км.

Под горой явный ледниковый кар с остатками грязного снега, а ниже заросшие травой, задернованные валы морен, меж которых всюду синенют прелест-

ные озерки. Наш анероид показывает 2250, тут сухая, высокогорная степь.

Пролетела пара то ли уток, то ли гусей. А погода опять испортилась. Вечер принес облачность и ветер. Сидим у лампы. Лет плохой. Ветер дует не переставая, но такой, что можно терпеть.

Утром Володя отправился в поход на гору, а я прогулялся к подножью, чтобы осмотреться. Места чудесные! Вал за валом идут задернованные морены, а между ними небольшие озера с берегами, заросшими тундровой пушицей. Явно, эта самая южная точка, куда проникло это северное растение. Целые заросли чудесных фиолетово-синих водосборов, желтые кусты цветущего курильского чая. Взлетела пара огарей. Шумливая речка вытекает из озерка и, прорезая морены, бежит вниз, в долину, где виднеется поселок с бревенчатыми домиками. Далеко на востоке виден угольный карьер и горы Сайкан, а вот вид на Музтау, высшую точку Саурских гор с ледником закрыт ближними отрогами.

Неспешно летали местные эндемичные чернушки. Они выбрали хитрую тактику поведения: видя опасность, отдают на волю ветра, а он дует здесь постоянно, и он мгновенно относит их в сторону, так, что не догнать. Вечером, уже после 7 вернулся Володя. Как и предполагалось, ловился Феб и какие-то мелитейка. Был на вершине Котелка. С обратной стороны это плоскогорье, поднимающееся в сторону главного хребта Саура. Из птиц, кроме огарей на озерах, на вершине видел альпийских галок и слышал голоса каких-то вьюрков.

К ночи ветер еще усилился, а затем заморосил дождь. Он все усиливался и, сопровождаемый холодом и ветром, лил, почти не переставая, следующие двое суток. Мы забаррикадировались в палатке, со всех сторон обложив ее камнями, собранными с близлежащего древнего могильного холмика. Чтобы ветром не унесло палатку, перетянули ее поверх крест накрест веревками. Внутри сухо и не холодно, а уж когда в палатку забирали дымящийся паром горячий суп или чай, было совсем тепло и комфортно. Дрова наши, укрытые под днищем автомобиля, оставались относительно сухими, и с помощью бензина горели, невзирая на струи дождя, лившего сплошным потоком. Конечно, плохо, что пропал наш и дневной, и ночной лов, зато отоспались, отдохнули, сыты и не замерзли. Невдалеке все это время пасся конь, блаженствуя под льющимися на него лывами воды. В самый разгар непогоды, когда дождь лил как из ведра, в «гости» пришел наш сосед, молодой чабан. А так как в палатке не было ни одного сантиметра свободной площади, то он разлегся перед палаткой, и, как видно, надолго. Дождь как назло превратился в это время в настоящий ливень, но наш гость, явно подпитый, подобно своему коню, ничего этого не замечал. Растянувшись во всю длину своего богатырского тела, и явно наслаждаясь прохладой, он все расспрашивал нас, никак не взяв в толк, зачем это люди без дела забираются в такую глушь.

10 июля. Дождь наконец кончился, но тучи лежали низко, белым туманом заполнив долины и заволакивая «дымами» склоны гор. После полудня мы

решили покинуть стоянку, и, проехав шесть километров, очутились в долинке под курганом, где было тихо и тепло. Здесь опять ловили высокогорных чернушек, а на следующий день остановились на вершине горы, что лежала рядом с дорогой в поселок Кызыл-Кия. Разбили лагерь рядом с гранитными глыбами, торчащими на макушке. Палатку поставили среди высокого типчака, густым ворсом покрывающего склоны. Отсюда открывался чудный простор во все стороны, а особенно в сторону высокого Саура, где лежит лесистая долина, тянущаяся в сторону Китая под гору Музтау. Как рассказывал лесник, там хозяйничают китайские браконьеры, зная, что с нашей стороны, за «системой» никого не встретят. Но и живность там пока еще водится, вплоть до архаров и снежных барсов.

Будто по ковру, хоть ходи по траве, хоть бегай; нигде нога не доставала земли. Погода чудесная, чисто, никаких следов людей, и я сразу признал эту стоянку лучшей за весь сезон. Это оценил и сурок, протоптавший тропинку в траве и с любопытством выглядывавший из-за бугорка. Днем мы ловили здесь красивых пестрянок с красным брюшком и оранжевыми полосками, темно-желтых лишайниц с черным исподом крыльев, а ночью крупных серых совок, медведиц флавий и бражников. Уже на спуске, подлавливая коричневых агродиаetusов у ручья, Володя вдруг вскрикнул: «Смотри, какой шикарный щитомордник!» Здоровенная серо-коричневая змея торопливо уползала в кусты.

Постепенно спускаясь, вдоль дороги ловили аполло, а на степном косогоре, заросшем зизифорой и какой-то пахучей травкой с синими цветами, наткнулись на целую колонию шмелевидок. Эти дневные бражники довольно редко встречаются, и мы, отыскивая их, сидящих на цветах, пробыли тут до конца дня.

Спустившись в Зайсанскую котловину, за Калгутинским перевалом перед Курчумом мы обнаружили жуткую находку. Там строили дорогу, налили жидкий мазут в ямы посреди полотна, да так и бросили, оставив на все лето. И вот этот липкий гудрон стал ловушкой для всех обитающих тут животных. А началось с того, что я заметил торчащую рыжую шерсть.

— Смотри, кажется, дохлый кот!

Подъехали ближе, и тут открылась страшная картина. Тушканчики, суслики, птицы, среди которых больше всего было каменок, увязли, видимо, приняв блестящий на солнце гудрон за воду. Был тут и степной орел, несколько пустелег, жаворонки, горлица, разные змеи. С рыжей шерстью оказался не кот, а лиса. И даже она не смогла выбраться из жидкого асфальта! Горечь, досада и негодование от разгильдяйства строителей владели нами. И так всюду люди оставляют после себя пустыню. Именно наши люди, в нашей стране, в странах бывшего Союза. Обладая гигантской территорией, мы умудрились уничтожить разными способами почти всю свою живность. И ответ всегда один: «А тебе что, птичку жалко?», «А на что она, эта зверушка!» Лет этак через пятьдесят, когда, надеемся, уровень культуры повысится, придется для развода завозить птичек и

зверушек из Европы и Канады. Это в случае, если весь мир не погубит себя от жадности, амбиций и разгильдяйства.

Горы Сарым-Сакты. Сидение на Бурхате

От северного побережья озера Зайсан до китайской границы тянется цепь алтайских горных хребтов. На юго-западе это Нарымский хребет, на уровне Катон-Карагая переходящий в горы Сарым-Сакты. Если Нарымский хребет почти лишен скальных и снежных вершин, его вершинные гребни овалы и закруглены, то Сарым-Сакты имеет все формы альпийского рельефа. Гребни зазубрены, вершины красуются скалистыми пиками. Самая высокая гора Беркутаул со снежниками и даже крохотными всячими ледничками достигает высоты в 3770 метров. Добраться туда сложно, но восточнее есть дорога на перевал Бурхат, по которой можно проехать до озера Маркаколь, по пути познакомившись с алтайским высокогорьем. Туда мы и едем.

11 июля 1998 года. Мы стоим в горах за поселком Маймыр. Под утро по палатке шумел довольно сильный дождь. Хребет Сарым-Сакты, протянувшийся с юга зеленой стеной, клубился черными тучами. Со склонов, густо заросших лесом, в долину сбегают листовенники, ели, березы. Выше лесной зоны видны альпийские луга, сменяемые осыпями и скалистыми вершинами. Погода тоскливая и грустная. А тут еще со стороны зеленого, с выходами скал склона горы, навевая уныние, время от времени завывал одинокий волк.

Утром проехали поселок Чингистай, когда-то бывший китайским пограничным пикетом. Перед нами крутой взлобок хребта без понижений гребня, зато и без скалистого гребня. Где-то здесь свороток на перевал Бурхат, но туда уходит не одна дорожка, их много, и они веером расходятся по подошве горы. По какой ехать? Однако все они вскоре сошлись в одну дорогу, нырнувшую под лес.

Щебнистая, даже как будто с покрытием дорога делает зигзаги и серпантинами взбирается по склону. Эту дорогу в 1916 году строили пленные австрийцы под руководством русских военных. Узкая полоска в одну-две колеи, дорога как коридор среди дебрей. Вплотную подступают листовенники, березы, ивы, рябины, выше появляется кедр.

Нигде ни ручейка, ни родника и потому дорога стоит вот уже более 80 лет, почти не требуя ремонта. Лишь в одном месте увидели мы след старой снежной оплывины: горы наваленных камней, леса, среди которых лежит и... машина. Дорога здесь подперта каменной кладкой, причем, без всякого скрепляющего раствора. С одной стороны все время видна долина Бухтармы, очень живописная, но слишком заселенная, с многочисленными поселениями и паутинами дорог.

И вот впереди замаячила безлесная и круглая вершина хребта. Здесь уже альпика. Слева на зеленом плоскогорье, заросшим ковром карликовой березки, видно озерко. Лес остался внизу, но отдельные

лиственницы и кедры, прикрываясь складками горы, полосами тянутся до самой макушки. Отсюда видна белая гряда Белухи и дали на север. Зеленые, поросшие грядками хвойных лесов по логам, гребням и складкам Листвяги и Холзуна. Тянет довольно сильный, холодный ветер.

– Нет, встанем в лесу, - решает Володя. - Там дрова, лес и должны быть интересные чернушки. А сюда еще вернемся попозже.

И мы возвращаемся назад, спустившись метров на сто ниже. Бивуак мы разбили в удивительно красивом месте среди гигантских кедров и лиственниц. Вокруг цветут синие анемоны, черноголовка, желтые калужницы, фиолетовые акониты. Есть желтые альпийские маки, всюду поросль черники и брусники. Это явно одна из самых комфортных и красивых стоянок. Тень, прохлада, свежесть, но комары есть! Здоровенные, как лошади и надоедают изрядно.

Кедр – радостное дерево, светлое, с могучей кроной, будто кудрявой шевелюрой. Володя как-то проронил: « По красоте это почти тропическое дерево. Даже не верится, что оно растет в суровой Сибири».

Лиственница чем-то похожа на кедр. Но она не так густа, часто вообще очень чахла, почти гола. Зато силуэт ее аскетически строг и лаконичен.

Выбирая место для стоянки, мы всегда стараемся выбрать место, невидимое с дороги. Здесь это трудно было сделать, так как лес с густым подростком стоял стеной, и наша красная машина все равно проглядывала сквозь деревья.

Развели большой костер, благо дров навалом. Ночью было пасмурно, временами начинал накрапывать дождь. Утром туман подполз к самой палатке и заволок все вокруг. Ожидая погоды, мы жгли костер и слушали птиц. Тренькали синички, голосисто кричал поползень. Издали была слышна кедровка, бурндучок квохтал, вертясь у корней кедр. Иногда он взбрыкивал, дергая задраным хвостом. Но вот чуть посветлело, забрезжило солнышко и сразу же залетали бабочки, в том числе три вида чернушек, самая мелкая и ценная из которых чернушка Киндерманна. Были парнассиусы фебусы - мелкие аполлоны с маленьким красным пятнышком, разные белянки.

В 20-ти метрах, в овраге по ручью я набрел на останки марала. Куски серой шерсти и кожи. Что это олень, я признал по клочку белой трубчатой шерсти. Хребтина и грудка еще воняли, значит, задрали нынче зимой. Кто убил, кто поживился? Ясно, что волки, а лисы, россомахи, хорьки и горностаи потом растаскивали остатки.

Ветер гудит в вершинах кедров. Кедровый лес разрежен и имел бы парковый вид, если бы не валежины. Мертвые, поверженные наземь великаны. Пожалуй, их столько же, сколько и живых. Они белеют своими гигантскими остовами, растопырили кривые лапы-сучья и не дают прохода. Зато как ловко бегают по их белооголенным спинам бурндучки! Впервые в жизни здесь я увидел цветы кедр: изящные розово-малиновые шишечки на кончиках ветвей. Смотрятся как ювелирные украшения.

Оказывается, мы стоим почти на конной тропе. Вечером мимо проехали два молодых казаха, осведо-

мив нас, что едут на свое пастбище-стоянку. Завтра будут гнать на свадьбу восемь баранов.

Вечер и ночь при ясном небе были очень холодны. Температура к утру упала до +4. Несмотря на это летело вполне сносно, и наловили даже больше, чем в предыдущую ночь.

13 июля. Вопреки надеждам, утро встало серое, пасмурное. Опять снизу, клубясь, поднимался туман. Мало того, стоило лишь нам позавтракать, как с 11 часов полил дождь и довольно сильный, с громом. А после этого начался ветер. Он шумел, пытаясь раскачивать кроны кедров, стало холодно и сыро. Забравшись в спальники, мы лежали в палатке, дожидаясь погоды. Чуть прояснилось, выскакивали с сачками наготове. Чернушки, несмотря на сырость, тут же взлетали, едва только лучик солнышка пробивался сквозь тучи. Низко-низко мельтеша над травой и мелким кустарником, они подскакивали, будто маленькие девочки прыгали в скакалку. Через 10-15 минут солнце скрывалось и бабочки исчезали, прячась в траву.

Сидим на Бурхате крепко и упорно не уезжаем, несмотря на непогоду. Дело в том, что здесь дорога поднимается до 2100, а в Казахском Алтае редко где можно подняться до высоты альпика. Только здесь можно познакомиться с бабочками высокогорья Алтая, с которыми лепидоптерологи до сих пор еще порядком не разобрались.

Долина Бухтармы, лежащая под нами, просматривается сквозь кедры как голубое озеро или как провал, заполненный голубоватой дымкой. Машины, в основном грузовые, хотя и не часто, идут весь день. а иногда даже и ночью.

Обед я готовил под дождем, навалив в костер кучу отборных, сухих дров. А вот постель стала волглой, ледяной.

14 июля Утром лежа в палатке, мы услышали тревожные звуки непонятного существа. Ур-р, Ур-р! - с выдыхом скрипел и хрипел простуженный гнусавый голос. Хорек, куница, барсук? Белка! Но нет, этот зверь, судя по звукам, крупнее белки. Осторожно приподнимаюсь. Тональность звука усилилась и стала более тревожной. И тут я замечаю рябую куриную голову. Это копалуха (так здесь называют самку глухаря), вытянув шею, тревожно глядит на меня. Рыже-пестрая птичья голова с большим черным глазом. А рядом подростки-птены. Уже крупные, тоже пестрые, рябые, с кирпично-рыжим налетом. Я высунулся. Глухарка побежала, а весь выводок довольно шустро взлетел, усевшись на деревьях. Радостно, что тайга не пустая.

В девять двадцать тучами беспросветно затянуло все вокруг. День прошел бесплодно. То дождь, то туман. Просидели у костра почти весь день, пытаясь сушить отсыревшую постель. Я лег спать, а Володя остался у лампы. В час ночи я встал, почувствовав холод под спиной. У Володи горел большой костер, а сам он сосредоточенно собирал с простыни мотыльков. Я подсел, прогрел свою волглую одежду и согрелся сам. Потом мы напились горячего чая, я опять лег, но вскоре проснулся от негромких слов сына:

– Сейчас, кажется уж точно, придут к нам.

Говорит спокойно, а напротив нас на дороге стоит машина с зажженными фарами и слышны возбужденные голоса. Потом крики. Требовательные, настойчивые. Трудно разобрать, что кричат.

– Свет! Свет! – бесвязно и бессмысленно.

Машина (грузовик) почему-то не может ехать. То ли сломались, то ли напились допьяна, бензин сожгли, вот и стоят. А кто-то из них все кричит, причем, зло:

– Свет! Эй, свет!

Мы не отвечаем, а Володя сосредоточенно продолжает работать. А крики все настойчивее. Но идти по лесу, видимо, бояться или не могут, до смерти пьяные.

А на улице туман и... очень хороший лет. Грех такой бросать. Ловили до четырех утра, после чего потушили свет. Все тихо. Никто не пришел

15 июля. Встали в 8. Дорога пуста. Слава богу, значит, уехали. Сквозь белые тучи проглядывает голубое небо и солнце. Господи, кажется, дождались погоды! Тучи все больше расходились и все чище становилось небо. С новыми надеждами позавтракали. Я развешивал постель для просушки, а Володя предупредил:

– На пнях нельзя. Влаги натянет больше, чем от земли. Отсыреет окончательно.

Солнце грело все лучше, разгоняя сырость и облака. Но что это? Кажется, в лесу задымили костры. А это запыхлил кедр. Подул ветерок, сдувая с цветков пыльцу, и она поплыла меж деревьев светлыми облачками.

Поля белых ромашек, желтых маков, белого горца. А как пахнет медом белковка! Или наоборот, мед пахнет белковкой?

Вова собрался и ушел в поход торопливо и поспешно. Нужно ловить момент, а он, кажется, наконец-то настал! Бабочек много и все необычные, высокогорные! И все неспешные, медленно летающие. Мельтешат неторопливо, едва поднявшись с земли. Мелитеи, чернушки, белянки. Даже крапивницы, обычно летающие с бешеной скоростью, на этот раз ловились легко.

Как хорошо здесь в солнечную погоду! Солнце не жжет, греет ласково, умеренно. Сухо, покойно, красиво, комфортно. Белуха вдалеке наконец-то почти оголилась от туч и сияла во всем своем великолепии.

Я разложил ночные сборы. Получилось 1070 бабочек, вместе с пяденицами. Пожалуй, нынче это рекорд. И это несмотря, на пугавшие нас ночные крики.

Окончив работу, я взял сачок и отправился на охоту. Ловились фебы, поймалась самка аполло. Всюду над травой «плясали» чернушки Киндерманна, и ловить их было очень легко. Это нежная, неторопливая бабочка, летает низко, но и непродолжительно. Только поднимется над кустами, и уже намывается присесть.

Володя пришел в семь тридцать. Поднимался на гору 2500 м. Очень доволен. Поймал интересный вид – перламутровку фригидалис. Видел выводок куропадок и бекаса отшельника.

Я показал ему пойманную чернушку, похожую на сенницу и с белыми прожилками на крыльях.

– Трифиза Дорна! – обрадованно удивился Володя. – Есть неизвестный доселе на Бухтарме элемент монгольской фауны.

После чая он неожиданно объявил: «План выполнили, переезжаем на перевал».

Торопливо собирались (время 8 вечера), запаслись водой из ручья и дровами и в путь.

С перевала по травяному склону, забирая вправо, поднимаемся по пологому склону на гору. Здесь всюду море травы и березового стланика. Ноги утопают, будто в мягкой перине. Можно сказать, болотистая, но крепко высохшая тундра. Остановились, заехав за бугор. С дороги нас не видно, и разглядеть можно разве что из поселка, притом только в сильный бинокль.

Сумерничает. Легкий ветерок. Взлетела бабочка-сова. Поет соловей-варакушка и слегка донимают комары. Солнце ушло, а над горами светится розово-пепельный ореол. Господи, какая благодать!

Пока Володя устраивал точек для ночного лова, я устроился в машине очень комфортно. Ночью хриплым голосом кричала куропадка, утром перепелка. Спать было тепло, тем более, что постель просушена. Но высота дает о себе знать, и я проснулся очень рано.

19 июля. Погода – чудо, на небе ни облачка. Прямо из окна напротив, как на ладони, долина Бухтармы с поселками, лесом и самой Бухтармой. В виде цепей серых, осыпистых гребней видны хребты Листвяги и Холзуна. Где-то за ними Зыряновск, давно ставший мне второй родиной. И над всем этим парит Белуха. Володя уверяет, что по утрам Белуха блее обычного от утреннего инея. Может и действительно, утренняя изморозь сверкает ярче? Проходит час, другой, гору заволакивает дымка, и где-то сбоку к ней приближается облачко. Днем вершина ее в тучах, и виден только пьедестал – основание великой горы, где любители оккультных «наук» (в том числе К.Рерих) поместили пресловутую Шамболу.

Выпрыгнув из машины, я впугнул двух бекасов-отшельников, сидевших неподалеку. Они взлетели с гнусавым кряхтением и косо понеслись над лугом.

Летают бабочки, в основном чернушки каллиас с серебряным задним крылышком. Порхает такая потихоньку над травой, а взмахнешь сачком, она шархнется в сторону и опять неспешно шкандыляет. Здесь биотоп той самой черненькой, с белыми прожилками, трифизы, которую я вчера поймал в одном экземпляре. Здесь же их были сотни.

По почве сквозь мощный слой мха пробиваются травы и низкорослый стланик. Эти карликовые подобия кустарников покрывают большие пространства, на них можно лежать, но только не ходить – не проредься.

Вокруг роскошные пастбища, но нигде ни следа выпаса. Даже конских следов нет. Удивительно чисто, красиво и приятно.

Не так уж велик Алтай в Казахстане, а вот всюду он разный, везде иная природа: климат, влажность, растительность. Да и что там говорить, когда с юга к нему примыкает Зайсанская пустыня, на севере склоны Холзуна покрывает влажная пихтовая тайга,

а здесь как раз середина и есть элементы и юга и севера.

На следующий день мы уезжаем на юг, в сторону Каракабы. Наша цель пробиться к озеру Маркаколь, хотя мы уже знаем, что мост через бурную реку снесен. Колеса, будто по ворсистому, мягкому ковру утапают в моховой и травяной подушке.

Спустились, проехав не более, чем километра три, когда меня остановил Володя.

– Стой! Фебы! Смотри, как их много! А вон и просто аполло летает.

Мы встали напротив зеленого ложка. Над протретыми солнечным теплом скалками реяли большие и мелкие белые бабочки парнассиусы. Фебов действительно много, а аполлонов всего пара штук.

Дальше, на всем протяжении длинного спуска прямо по дороге бежал крохотный ручеек, и вдоль него всюду сидели перламутровки ниоба. Их было много, сотни, а может, и тысячи.

По сторонам хвойное редколесье, а впереди живописная долина Каракабы с избушкой у подножья высоких гор. Это так называемое Верхнее Зимовье.

Скатились еще ниже. Справа зеленый склон со скалками и с роскошной травой и цветами и над ними всюду летают аполлоны. Много, очень много! Ловили часа два, поймали десятка два, а самки ни одной! Аполлон всюду внесен в Красную Книгу, запрещены лов, перевозка, продажа, а у нас на Алтае это самая обычная бабочка, причем, одна из самых многочисленных. И это несмотря на степные пожары прошлого года, очень повредившие не только аполло, но и всей остальной живности и в первую очередь чешуекрылым.

Перекусили прямо у дороги, а тут и дождик начался. Делать нечего, спустившись в долину Каракабы, мы решили тут же поблизости заночевать.

Едем вдоль речки Тарбагатайки. Она скачет бешеным зверем, прыгая с уступа на уступ, и грозно шумит, вся в белой пене. Берега ее поросли листовичным и еловым лесом. Есть кусты тала, а тополя нет совсем. В русле лежит глыба снега. Это не дотаяла зимняя наледь. Чувствуется смесь высокогорья и Сибири, альпики и тайги.

Рядом с грозной речкой, у ручья с кристально чистой водой мы и разбили лагерь. Огромными колодами лежат павшие листовичники, всюду буйная трава. Место – лучше не сыскать, хотя сыровато и от реки несет зимним холодом. Много темно-фиолетовой фиалки (на ней живет перламутровка), малиновая, в пестрину герань, белая кислянка, розовая гвоздика. Еще больше цветов на горе, где летают аполлоны, а особенно чабреца. Там южный, теплый склон, обращенный к солнцу. Он более степной, как раз то, что нужно парнассиусам..

Напротив нас ущелье реки Таутекели, поросшее очень густым лесом. Оно уходит в верховья, где вздымаются каменные вершины со снежниками, осыпями и скалами. А ближе и выше всех гора Аксубас. Это скально-снежная вершина, будто гигантским бульдозером изъеденная ледниками, растаявшими и оставившими после себя пустые ложа - кары. Они как раны с бороздами кулуаров и изгрызанными скалами по бокам.

Среди ночи нас разбудила гроза. В темноте слепили вспышки молний, а грозовые разряды сливались с ревом реки. Казалось, что она совсем взбесилась и вот-вот выйдет из берегов. Но дождь ограничился небольшим ливнем, а затем перешел в осенний мелкий и тихий морос.

Утром трава была еще слегка мокрая, когда аполлоны уже начинали взлетать. Вскоре весь склон наполнил картину зимней пурги: куда ни кинь взгляд, всюду мельтешили ярко-белые самцы. Нам они уже не нужны, а вот самок явно маловато. Более крупные и удивительно красивые, они взлетали неохотно, предпочитая отсиживаться в траве. Если же какая взлетала, то неслась даже стремительней своих кавалеров. При этом летела как-то нелепо, вскоре падая забившись в траву. Все же мы поймали штук семь.

– Пока хватит, - решил Володя, - тем более, что мы их ловим не первый раз.

Я же, очарованный местностью, бродил вдоль реки. Живописная Тарбагатайка здесь бешено ревет, мечась среди огромных каменных глыб. А вокруг тайга, листовично-еловый лес, суровый, северный, холодный.

В верховья, в сторону перевала Байберды, не окликнув и не поздоровавшись, проехали два конных всадника. С бравой выправкой, в камуфляжной форме и с карабинами за плечами. Явно на охоту за крупным зверем. Скорее всего, на марала, хотя есть тут и тау-теке – сибирские горные козлы.

У меня осталось впечатление, что красивее места, чем долина Каракабы я не видел даже в Киргизии. Впрочем, сравнивать невозможно, природа прекрасна везде. Важно, чтобы человек не обезобразил ее своим вмешательством.

Охотники на аргали

В 1886 году была закончена постройка Западно-Сибирской железной дороги. Теперь, чтобы добраться из Европы до Сибири вовсе не требовались месяцы утомительной езды на перекладных, то есть на лошадях. Отпала необходимость зимовать, как бывало прежде, чтобы провести лето где-нибудь на Иртыше или Оби и в тот же год вернуться обратно. За один сезон теперь можно было совершить путешествие в оба конца, сделать нужную работу и с комфортом приехать домой в вагоне поезда. Появилась возможность для путешествий не только деловых людей, но и натуралистов-любителей и разных искателей приключений.

Весной 1898 года на Алтай отправились двое англичан. Один из них по фамилии Флетчер грезил охотой на знаменитых горных баранов, другой - Генри Элуез - собирался познакомиться с фауной здешних чешуекрылых, то есть бабочек, и пополнить свою коллекцию. Конечно, он рассчитывал сделать там открытия, и на это были все основания. Элуез был опытным лепидоптерологом, известным в научных кругах Европы и в первую очередь среди энтомологов. В отличие от него, Флетчер не занимался наукой, но был заядлым охотником, успевшим побывать в

охотничьих сафари по разным странам. Начитавшись книг, и под впечатлением «Иллюстрированной жизни животных» Альфреда Брема, его рассказы о путешествии в Киргизскую степь, а также и отчетов о путешествиях Н.Пржевальского, он решил и сам побывать в загадочной Центральной Азии.

Россия, будучи соперницей Англии, всегда с подозрением относилась к англичанам, но проблем с получением разрешения на въезд в Сибирь у Элюза не было: недавно взошедший на престол новый царь Николай II был англоманом, а его дядя Николай Михайлович Романов сам увлекался бабочками и мог дать Элюзу не только протекцию, но и помощь советами и рекомендациями.

В марте экспедиция, к которой примкнули и двое русских ученых, высадилась на ж-д станции в Новониколаевске, как назывался тогда Новосибирск, и отправилась далее на лошадях. По пути участники экспедиции собирали насекомых, медленно приближаясь к виднеющимся вдали отрогам Алтая.

В Онгудае, большом алтайском селе, куда путешественники прибыли в июне, экспедиция разделилась. Русские: А.Якобсон и орнитолог М.Березовский решили остаться здесь до конца сезона. Они рассчитывали проследить тут, на небольшом отрезке бабочек и птиц всех зон, начиная от степи и леса до альпийского высокогорья. Заснеженные горы были видны из окон избы, в которой остановились ученые. Это была их ошибка, они не смогли найти ни одной новой бабочки, ничего не прибавив к уже известным.

Элюз рассуждал по-другому, решив посетить и обследовать более южные районы, примыкающие к Монголии. Там находились засушливая Курайская степь и пустынная Чуйская долина, где ученый надеялся найти новые виды, несвойственные лесному Алтаю.

В Онгудае кончилась колесная дорога, дальше шла вьючная тропа с бродами и переправами. Тропа то и дело переходила с одного берега на другой сначала Катуня, а потом Чуи, временами поднимаясь в горы в обход каменных утесов, подступающих к самой воде. Иногда в стороне от дороги виднелись берестяные чумы с выходящим из отверстий дымом. У алтайцев было два занятия: охота и скотоводство. Разводили не только лошадей и овец, но и яков и даже верблюдов.

По утрам, ежась от утренней прохлады, путешественники слушали рев козла косули, совсем не похожей на тех маленьких косуль, что водятся в Европе. На берегу ручья они видели, как в кустах тенью мелькнул сохатый, а о маралах здесь говорили все: и алтайцы и русские. Это была вожаденная добыча, о которой мечтали. Рога их по хорошей цене сбывали приезжим купцам китайцам. По рассказам, где-то недалеко отсюда водились и северные олени.

Кошагач, куда Элюз и Флетчер прибыли в конце июня, представлял собой небольшой поселок с разбросанными по степи отдельными избами и чумами. Но не это поразило путешественников. Вокруг на десятки километров простиралась сухая серая равнина, почти пустыня, усеянная крупными черно-зелеными кобылками. Взлетая, они трещали крыльями, будто

заводные механические игрушки. В воздухе парили грифы и сипы, кружили целые стаи коршунов.

Лишь вдаль, по периметру всей долины виднелись рыжие цепи гор с убеленными снегами вершинами. Лес, да и то только в виде низкорослого ивняка, рос по берегам стариц и разлившейся здесь Чуи. Местность изобиловала дикими животными. По степи носились быстрые антилопы дзерены, в окрестных невысоких горках водились сибирские горные козлы и великаны архары-аргали, так что охотник Флетчер мог быть доволен. Не менее удачлив был и Элюз. Как он и рассчитывал, в этих приграничных районах ученый нашел элементы и Средней Азии, и Монголии. Здесь, в условиях пустынного микроклимата и сухого высокогорья он обнаружил необычную, неизвестную науке энтомофауну, новых бабочек, которых не нашли его предшественники, исследователи Алтая. Из самых интересных можно отметить необычно изящную голубянку, которую Элюз назвал в честь живущего здесь горного барана - аргали. Неизвестному до сих пор сатиру было дано имя по латинскому названию барана - аммон, а новая чернушка получила имя в честь его друга Флетчера. Кроме того, по сборам Элюза с Алтая известный немецкий ученый Штаудингер описал нового энеиса, назвав его именем первооткрывателя - энеис Элюза.

Не менее удачной была поездка и для Флетчера. Вместе со своим другом он успешно охотился, обогатившись целой коллекцией чучел и рогов, в том числе и желанного аргали.

В середине августа путешественники отправились в обратный путь. Перевалив через Курайский хребет, долиной Чулышмана они прошли до Телецкого озера, получив полное представление о природе Горного Алтая.

В Санкт-Петербурге Элюз встречался с Великим князем Николаем Михайловичем и обменивался с ним бабочками, подарив экземпляры из некоторых пойманных в эту поездку. Сейчас они хранятся в петербургском ЗИНе АН - одном из лучших зоологических музеев мира. Кроме того, он купил великолепную коллекцию чешуекрылых у нашего замечательного путешественника Грумм-Гржимайло. К этому времени Григорий Ефимович охладел к бабочкам, увлекшись этнографией, а нужда в деньгах заставила его продать свою личную коллекцию, которую он собирал во время своих путешествий в горах Памира и Китая. Сейчас эта коллекция гордость Британского музея в Лондоне.

Как оказалось впоследствии, Элюз был до тошен и аккуратен в своих исследованиях, и спустя сто лет почти ничего нового не удалось прибавить к описанным им бабочкам с Алтая. Исключением стал лишь энеис акташи, которого Володя описал в 1984 году.

Судьба открытых Элюзом бабочек очень интересна. Так, голубянку аргали вторично не могли найти почти 90 лет. Лишь в 1986 году Володя обнаружил ее совсем в другом месте Алтая, в Казахстане, на Курчумском хребте, а в следующем году мы ловили ее в горах Монрака и Саура, где летает подвид аргали архар, заметно отличный от алтайского.

Другую бабочку, открытую Элуезом и позже названную его именем, а именно энеисом Элуеза, на Алтае нашли повторно только в 2008 году после многолетних целенаправленных поисков.

По Чуйскому тракту

В 1999 году исполнилось 100 лет со времени выхода большой статьи о бабочках Алтая, написанной англичанином Элуезом по итогам его поездки на Алтай в 1898 году. И именно в этот юбилейный год и в ту же часть Алтая совершили поездку и мы. И хотя никакого отношения к юбилею того сафари наше путешествие не имело, имя Элуеза вспоминалось постоянно. Он как бы незримо присутствовал с нами всегда, когда мы находили описанных или впервые им найденных на Алтае бабочек.

Название Горного Алтая предполагает российскую, северную часть этой горной страны. Володя до этого уже бывал там, пройдя от Телецкого озера через Чулышман до Улагана и посетил Чуйскую степь. Мы проехали от Барнаула по Чуйскому тракту до Ташантов, делая боковые вылазки на Акташ, Тархаты, Яссатер (Джазатер), Чемал и на восток под гору Талдуир. С погодой нам не слишком везло. Сначала стояла необычная сушь, а потом, наоборот, пошли сплошные дожди. Так же и с бабочками, долгое время их не было, но в конце путешествия удалось поймать практически всех местных эндемиков, за исключением энеиса Элуеза.

На первом участке дорога идет берегом Катуня. Река мощная, быстрая, грозная. Во многих местах поперек русла торчат скальные пороги, так же как горы по берегам и лес, придающие Катунь живописный вид. Горы подступают к самой реке. Места, где береговые скалы нависают над дорогой, называются бомами. Коргучумбом, Яломанбом, Бичекту-Кае. Даже в самих этих названиях звучит музыка аборигенов Алтая.

Самый крупный, последний на тракте - знаменитый Белый Бом, сложенный белым мрамором. Заглаженные белые лбы тянутся до неба, а по ним в разбежку рассыпались зеленые лиственницы, черными дырами зияют ниши и пещеры.

Теперь нет, необходимости как когда-то обходить бомы, взбираясь на скалы и крутые склоны. Но осталась одна опасность: обвалы. Никогда не знаешь, когда сверху свалится камень. То его сдует ветром, то ненароком сбросит... коза.

На Бичекту-Кае, едва ли не самом опасном боме, нас застал страшный ливень. Сплошные потоки низвергались с небес в то самое время, когда мы проезжали под трехсотметровыми откосами скал. Еще несколько минут такого ливня, и потоки воды могут ринуться с утесов, а за ними пойдут камнепады. Это опасно. Но не возвращаться же назад! На обочине стоит знак 40 км, а я разгоняюсь до 90. Озера воды на асфальте не дают ехать быстрее, фонтаны брызжут из-под колес. Эх, была не была! Проскочили...

Устье Чуи, место, где она впадает в Катунь, у алтайцев пользуется особой популярностью. С высокогорья берега, где сложено каменное обо, открывается вид

на излучину Катуня, огибающую огромную гору на другой стороне ренки. По ее кромке проложена ниточка дороги в сторону Уймоны.

- Хорошее местечко для ночевки, - заметил Володя, имея в виду заросшую лесом зеленую пойму Катуня.

Но чтобы туда попасть, нужно перебраться на другой берег. По узкой полочке вдоль обрыва спускаемся, как в пропасть, туда, где переполненная водой беснуется Катунь. Гроза только что прошла, тяжелые тучи опустились к самому основанию суровых сейчас гор, и над рекой стоит сырой полусумрак. Но где же мост? И вдруг видим: поперек взбугрившейся бурунами реки с берега на берег, без всяких опор, будто натянута паутинка. Она так длинна, что провисла посередине, едва не касаясь воды. Как же по такому мосту ехать? Даже мурашки побежали по спине.

Вылезли из машины, чтобы осмотреться. Натянуты стальные тросы, а на них настелены доски. На страшной высоте, прогнувшись дугой под собственной тяжестью, узенький пролет моста, будто тетива тугого лука. Для киношников такой мост был бы настоящей находкой, как раз для съемок захватывающих дух трюков в приключенческих фильмах. Обычно такие мостики бывают пешеходными. Идешь, а он качается, подкидывая на каждом шагу. Но одно дело метров 50, тут добрых 150, если не больше. Доски мокрые и скользкие, выбросит в реку, а там, будто кипящий котел, нырнешь - не вынырнешь! По сторонам, в бушующую реку лучше не смотреть - страшно! Однако проехали нормально. Сметлив русский мужичок, когда нужно, умеет сделать с умом и добротой!

Вечером нас долго, до самой темноты развлекали крупные кобылки. Громко трепеща красно-зелеными крылышками, они не просто взлетали и садились на землю, как обычные кузнечики, а реяли в воздухе, точно, как это делают стрекозы.

В Устье-Ине дорога вновь переходит на правый берег Катуня. Короткая долина с чудскими курганами, и вот мы едем уже по берегу Чуи, а Катунь исчезает за выступом высокой горы. Здесь пустынно, леса почти нигде не видно. Но именно отсюда начинаются те красоты, которыми знаменит Чуйский тракт. Чем выше по течению реки, тем живописнее пейзажи, меняющиеся за каждой излучиной Чуи, за каждым поворотом дороги. Горы, покрытые шетиной лесов, водопадами, низвергающиеся с уступов, нависающие бараньими лбами беломраморные скалы. Река, то бушующая среди обступивших ее скал и порогов, то разливающаяся плесами по равнине. Но главное - лес. Здесь он почти всегда лиственничный. Это удивительное дерево настолько способно менять свой облик, что лес, состоящий из одной породы, может быть похожим и на кедр, и на ельник, и на сосновый бор.

Почти всю дорогу мы почти не видели бабочек, а тут они вдруг залетали и немало. Мы остановились у холмистого плоскогорья и часа два гонялись за парнасисусами Феба (довольно потрепанными), желтушками (хризотеме) и мелкими мелитеями (латонигенами) и шашечницами (бритомартис).

В ауле Чибит в перспективе бокового ущелья показалась заснеженная гора, и я бросился ее фото-

графировать. Это краешком западного бока выглянул Северо-Чуйский хребет - цепь настоящих альпийских гор с ледниками и острыми пиками скальных вершин.

На высокой подгорной террасе почти напротив Чибита, где мы стояли весь день, во множестве летали крупные, черно-бархатные чернушки (парменио). Они рыскали по полю небыстрым пляшущим полетом, изредка присаживаясь на цветы, но стоило солнцу зайти за тучку, исчезали невесть куда. Изредка, словно за ними кто гнался, стремительно пронеслись желтушки хризотеме, с еще большей скоростью, как угорелье, мчались парнаснусы Феба.

Все здесь напоминало о суровости горного края, и летающее племя чешуекрылых полностью зависело от солнечного тепла. Стоило дневному светилу спрятаться за тучку, как бабочки исчезали, словно испарялись, а зеленое поле, раскинувшееся перед нами, становилось серым и унылым.

Меня привлекли заросли на склоне горы. Когда я подобрался к ним вплотную, то поразился гущине кустарника. Это оказался рододендрон, уже отцветший, но разросшийся так, что протиснуться сквозь него было совершенно невозможно.

Я долго присматривался к здешним местам, удивляясь их относительно неплохой сохранности. Хороши леса, подлесок, почти нетронутое разнотравье. Дикие животные и в первую очередь хищные птицы свидетельствуют об относительном благополучии в природе. Она находится в гораздо лучшем состоянии, чем в Казахстане. В чем причина? Я увидел их несколько: здесь почти нет промышленности, мало развито сельское хозяйство, меньше скота и почти нет пахотных земель. Наверное правы монголы, религия которых считает самым большим преступлением портить, ковырять землю, в том числе и пахать. Застой, порожденный перестройкой, пошел на благо природе.

Через три-четыре сотни метров от дороги по дружную сторону реки простирались непроходимые дебри тайги, возможно, никогда нехоженые человеком, надежно отгороженные от всего мира бурной рекой и неприступными утесами скал. Пока еще природа охраняет себя сама, но стоит провести дорогу или хотя бы построить мост через реку и от первозданности не останется и следа. Туристы, охотники, чабаны, скот и пошло, поехало. На месте нетронутого леса появятся порубки, костры, помойки, начнется выпас скота и прощай сказка.

Акташ

Акташ - большой рудничный поселок с магазинами, асфальтированными улицами и всеми заведениями, присущими небольшому городку. Как нам рассказали, местные жители название поселка перделали на русский лад и Акташи стали Коташами. Есть двухэтажные дома, но в основном деревянные. Здесь живут горняки, добывающие руду на ртуть (киноварь). Но сейчас, похоже, все замерло. Мы спросили об этом продавщицу в магазине. «Обанкротились, - коротко сказала она, добавив после некоторой па-

узы, - хотя понемногу ковыряются где-то далеко, на границе с Монголией».

В Акташе стоит пограничный отряд, где Володе нужно оформлять пропуск в погранзону, но погода отличная, время терять нецелесообразно, и мы решаем без промедления ехать на рудник, высоко в горы, где летают местные высокогорные бабочки, среди которых есть и эндемичные.

Дорога идет лесом, очень плохая, почти заброшенная. Сплошные промоины, валуны, колдобины. Зато чисто, полное безлюдье и тишина. К тому же нас радовали бабочки, то и дело вылетающие на дорогу из сырой и тенистой чащи по сторонам. То это были прошлогодние, необычайно крупные здесь траурницы со светло-палевой окантовкой черных крыльев, то яркие многоцветницы, то лесные чернушки (эмблы). Рядом стояла тайга, дремучая, но с явными следами угнетения суровым высокогорьем. В сухих болотистых низинах, на лесных прогалинах, заросших низкорослой тундровой березкой, роилось множество мелких перламутровок (диа), меж которых летали енисейские чернушки. Неторопливо и даже как-то лениво, хороводами и целыми стаями эти перламутровки скачками и будто приплясывая, кружились низко-низко по-над травой. Бестолково двигаясь взад-вперед без всякого порядка, они словно исполняли какой-то ритуал. Они были так увлечены, что не обращали на нас никакого внимания, и вся проблема охоты на них заключалась в том, что сачок то и дело цеплялся за кусты и траву.

Уже выезжая из зоны леса, миновали пустую обогатительную фабрику с терриконами красноцветной породы. Началось высокогорье: сухое, остепненное, с высотами под 2000 м, кое-где с полосами снега, с разрушенными скалами и полями осыпей.

Перед нами горный цирк с осыпистыми вершинами багрово-ржавого цвета и снежными полями, залегающими меж зубастых утесов. Несмотря на высоту, человек добрался сюда и изрядно потрудился, чтобы обезобразить природный ландшафт. Склоны цирка исполосованы дорогами, изрезаны закопущками и штольнями. Именно тут, в отрогах Курайского хребта совсем недавно и велась добыча руды.

Не останавливаясь, серпантинами дороги мы поднялись в основание цирка. Солнце сверкало ослепительно, вокруг расстились травянистые, кочковатые склоны с высящимся впереди розово-кирпичным хребтом. И вдруг после очередного поворота дороги мы остановились пораженные: позади нас, закрывая весь горизонт, высился гигантский, заснеженный от основания до макушки, Северо-Чуйский хребет. Он рос, становясь все более могучим и высоким по мере того, как мы поднимались. Настоящий альпийский пейзаж. Я даже не предполагал, что Алтайский хребет может иметь такой внушительный вид. Это была панорама, ничуть не уступающая лучшим горным видам Тянь-Шаня и Памира. Конечно, стоял только май, и снег в горах только начинал таять.

Опять разрушенные, брошенные здания и хаос запустения. Зато хорошо заметно, как торопится природа залечивать раны, нанесенные человеком. Здесь

была еще весна, сырая, не прогретая земля пестрела красками нежных альпийских ранневесенних цветов. Повсюду цвели розово-сиреневые примулы, ярко-фиолетовые фиалки, индигово-синие генцианы.

Мы въехали на «копь» - дорогу, врезанную в осыпистый склон, и вдруг среди этого моря камней мелькнула темная, почти черная бабочка.

- Эребия Росса! - воскликнул Володя, бросившись за чернушкой.

Чернушка похожа на других представителей ее рода, но что это редкость я понял, когда за весь день удалось поймать их всего несколько штук, да и то с большим трудом. Интересно, что она носит имя того самого англичанина, в честь которого названо море Росса близ Антарктиды.

Обогнув гору, мы поднялись, насколько позволяла каменистая и очень крутая дорога, и из мая попали в апрель с мокрой землей, пятнами снега и холодным, пронизывающим ветром. Панорама раздвинулась, теперь вокруг нас стояли гребни и хребты Алтая, уходящие в разные стороны.

Сменилась и фауна чешуекрылых. Редкие энеисы, среди которых были черные акташи, и чернушки Росса, поднимались в воздух только в промежутках между порывами ветра и, мелькнув лишь на несколько мгновений, тут же исчезали из вида. Бегать за ними по навалам камней было почти невозможно, и даже сидящие, они не подпускали ближе трех метров. Но, несмотря на это, несколько штук, можно сказать почти случайно, мы все же добыли.

Погода портилась, постепенно затягивая мглой небо. Все еще освещенная солнцем, стоящая перед нами заснеженная стена Чуйских Альп продолжала сверкать вечными льдами, но холодные тени уже ложились на ее склоны, все более контрастно выделяя грани ее боковых отрогов. К вечеру небо снова прояснилось, блеклая туманность собралась в несколько белых облаков, и среди них было два зловещих, очень темных облачка, явно предвещавших непогоду, поэтому мы заспешили вниз устраиваться на ночлег.

Кошагач. Тархатты

Выше Акташа начинается самая живописная часть пути Чуйского тракта, красоту которого создают горы, лес и река.

Заснеженный горный хребет неожиданно возникает из-за поворота дороги и высится во всей своей красе в обрамлении густого хвойного леса. Где-то в глубине этих гор, у подножья снежной вершины Маашей находится знаменитое озеро Шавло, о котором говорят, как о самом красивом в пределах всего бывшего Союза. Почти сто лет назад местный художник алтаец Гуркин изобразил это озеро, назвав картину «Озеро горных духов», и слава об этой картине шла по всей тогдашней России.

Когда хотят сказать о красоте какого-либо горного района, то сравнивают с Швейцарией. Я Швейцарию не видел, хотя верю, что это образец горной красоты. И все же я бы скорее назвал Алтай российской Киргизией, так как вижу много общего в их природе. Здесь гораздо теплее и суше, чем в Алтае

Казахстанском. Западные хребты Убинский, Ивановский, Холзун, Листвяга задерживают облака, идущие с запада. От того там больше влаги, богаче травяные дебри и растет влаголюбивая пихта. Россия потеряла Среднюю Азию, в какой-то степени Алтай заменяет потерю. И, как ни странно, это все больше начинаешь понимать по мере продвижения вверх по Чуе, где, очевидно, сказывается близость Монголии. Становится все суше, лес расступается, горы постепенно отходят в стороны, образуя широкую речную долину, называемую Курайской степью. В картину Сибирского горного ландшафта все больше начинают вписываться элементы равнины. В пойме реки теснится лиственный лес, но все чаще видишь тополя. Удивительно, но эти небольшие тополевые рощи напоминают пойменные рощи юга Казахстана и Средней Азии.

Курайская степь сменяется Чуйской степью, которую вполне можно было бы назвать Кошагачской пустыней. Но прежде дорога входит в узкую скалистую горловину, за которой прячется лесной островок - миниатюрная копия тополевых рощ низовий Чилика и Чарына под Алма-Атой. Река, столетние тополя, а вокруг красноватого цвета скалы, с трех сторон обступившие эту крохотную пазуху-долину.

- Здесь я ловил аргали, - оживился Володя, - вон на тех скалах растет остролодочник, на котором бабочки разводятся. Тогда, в 1987 году это была первая после Элуеза находка аргали в Горном Алтае.

Но сейчас все сухо, бабочек не видно, и мы, долго не задерживаясь, тронулись дальше. Чуть отехали и сразу все кончилось. Зеленая пойма реки ушла в сторону, а мы очутились в плоской пустынной долине, окруженной холмистого вида бурями и безлесными, но высокими горами. Это и есть широко известная Чуйская степь - серого цвета равнина, усыпанная галькой, кое-где засолонцованная, с рекой Чуей, растекающейся здесь по широкой пойме, мандрирующей и дробящейся на множество рукавов. Кое-где среди равнины высятся ржавого цвета, невысокие холмы. Очень сухо, а на вершинах окружающих долину гор сверкают снега. Совсем недалеко отсюда, на юге Монголия, на востоке - Тува.

- Смотрю, и кажется, что мы на Зайсане, - заметил Володя. - Правда, похоже?

- А я бы сравнил с Памиром, - уточнил я. - Те же землястые горы с нащепками ледничков. Как только тут живут люди?

- Живут и очень много, сам увидишь. Здесь лучшие пастбища для баранов, особенно зимние. И живут в большинстве казахи.

И верно, поселки пошли один за другим. Многолюдные, оживленные, со стайками загорелых до черна ребятшек. Навстречу попался автобус с вывеской «Ансамбль Чуя». Место уединенное, а жизнь бьет ключом. Такого чисто казахского колорита я, кажется, не встречал даже в самом Казахстане. Плоские крыши деревянных домиков, блеяние овец и коз, горы кизяка, называемого здесь аргалом, знакомые с детства и так милые мне запахи кизячного дымка.

В одном из аулов нас встретила... большая стая коршунов. Сразу столько пернатых хищников я еще

не видывал. Едва ли не полсотни больших птиц кружили над дворами, некоторые сидели на заборах, воротах, вовсе не обращая внимания на проходящих мимо людей.

- У нас и соколы балобаны есть, - с гордостью похвалился хозяин дома, у которого я остановился, чтобы сфотографировать птиц-падальщиков.

Налицо было явное единение аборигенов и диких животных. А вот чужаков эти птицы хорошо отличали и не любили. Стоило мне вылезти из машины, как они тут же разлетелись.

Здесь не менее полутора десятка поселков и самый большой из них Кошагач. Это почти город, раскинувшийся в излучине Чуи. На вид уютный, даже унылый, но оживленный, многолюдный, с растущими, как грибы после дождя, домиками на окраинах. Сотни старых и новых домишек, лавчонки, сараюшки со скотом, переплетение пыльных и асфальтированных дорог. И, вопреки названию, нигде ни одного дерева.

- Кошагач означает «вьючное дерево», - пояснил Володя. - Деревья сюда издавна приходилось привозить вьючным путем из гор.

И верно, все дома деревянные. Улицы оживленные, и нигде ни одного русского лица. Речь смешанная, русская и казахская. Больше всего ребятишек, рождаемость здесь очень высокая.

Высота здесь около 2000 м. Для Алтая очень много, на этой высоте обычно бывает уже горная тундра, а тут тепло, ребятишки в речке купаются.

- Недавно был в Горно-Алтайске, - поделился с нами местный житель. - Сильно жарко там, дышать нечем. Не понимаю, как там люди живут! У нас лучше, всегда прохладно.

Сразу за околицей Кошагача начинается пустыня, но не обычная, а высокогорная. Здесь совмещается несовместимое, и все полно контрастов. Образно говоря, в одном месте сходятся лед и пламень. На солнце жара, в тени холод. Пустыня, а рядом ледники.

Едем по ровной, как стол, равнине. Над вершинами клубятся облака. Одна из туч, свалившись с горы, по степи медленно двинулась на нас. Сверкает жгучее солнце, а тут сизо-черное облако клубится, будто извержение вулкана. Что там делается внутри его: снег, дождь или просто туман? За все время поездки такого я еще не видывал. С некоторым страхом въезжаем в сутемь липкого тумана, и его холодные щупальцы-струи обволакивают нас, будто мокрая вата. По капоту машины сухо застучала снежная крупа, но снежинки тут же испаряясь, не оставляли ни капли влаги.

Земля изрыта норками, меж которых бегали куцые, рыжеватые зверьки. Это пищухи. Обычно они живут в тайге, а тут-то пустыня. Необычное сочетание обитающих тут диких животных удивляет. Рядом уживаются обитатели гор и равнин, жаркой пустыни и холодного высокогорья. Гнусавя, кричат альпийские галки, а над ними пролетает стайка саджи. Голоса журавлей красавок перекликаются с гортанными криками уток атаек. Заяц-толай, а рядом заяц-беляк.

А пастбища действительно хороши. Все склоны гор покрыты густым, как войлок, ковром низкорослых

трав. Типчак, кобрезия, пахучая сизая полынька. Как раз то, что любят овцы. А главное, зимой здесь не так много снега, к тому же ветер сгоняет его в ложбины, и пастбища открыты для скота. Вот и разгадка, почему здесь живут казахи. Лучше них никто не ведет отгонное животноводство. В этих краях мясо, пожалуй, единственно надежный источник денег, а значит и жизни.

Два дня мы кочевали по Чуйской степи, обследуя невысокие горы к югу от Кошагача.

- Где-то здесь Элуез и поймал энеиса, впоследствии названного его именем, - в который раз рассказывал Володя. - В прошлый раз я не мог его найти. И вот сейчас тоже нет. С ним какая-то загадка.

- Ладно, махнем в Тархатты, - подытожил он, упаковывая коробок с небогатыми сборами. - По рассказам Олега Костерина там растения сплошная экзотика, а для бабочек настоящий рай.

Вся Чуйская степь исполосована паутиной проселочных дорог, арыков и кое-где с делянками поливных сенокосов.

Поплутали, покружили, но, ориентируясь по горам, въезд в ущелье все-таки нашли. И тут нас ждало полное разочарование. Вместо ожидаемого богатого разнотравья мы увидели выгоревшие чуть ли не дотла склоны. Страшная засуха не оставила ни клочка зелени, торчали лишь серые подушки остролодочника да мелкая, чахлая сейчас курчавая хохлатка. И хотя поблизости шумела река, и в ней все еще сохранялась обширная наледь, оставшаяся с зимы, было полное впечатление, что здесь настоящая горная пустыня.

Не успели осмотреться, как на коне подъехал широкоскулый джигит с раскосыми глазами, сам довольно страшноватого вида. Приплюснутый нос, курчавые, очень жесткие волосы. Поздоровались. Его вид напомнил мне о близости Монголии, и я довольно нетактично спросил его, не живут ли тут монголы.

- А я и есть монгол, - отвечал он без тени улыбки. - У меня и все родственники в Монголии живут, а я вот здесь скот пасу.

Лицо его тронула усмешка:

- Недавно у родного брата гостил. Там монголы рыбу не едят, брезгуют. Едят только скотов и всех доят: коров, лошадей, овец, коз, верблюдов. Воду совсем не пьют, только одно молоко от разных животных.

Он уехал по своим делам, а Володя часа два прочесывал горы и вернулся удрученный:

- Нигде никаких бабочек, вот всего четыре мелитейки арцезии случайно попались. Будем уезжать.

Выше по течению хрустально-чистая и кое-где с наледями Тархаттинка постепенно вошла в небольшой скальный каньон. Здесь, отойдя каких-то метров 30 от дороги, на каменной стенке я обнаружил гнездо альпийской галки. Птица сама выдала его, выпорхнув рядом с моей головой

- Вот бы орнитологи позавидовали, - поделился я с сыном. - Обычно галки гнездятся на неприступных скалах. А тут вот оно, рукой можно достать.

Чем дальше, тем все более свежела долина, травы становились сочнее. Выросли и горы, из серых став зелеными, с ржавыми полосами осыпей, с овальными вершинами, уходящими под самые тучи.

Потом долина расширилась, горы отступили, а река разлилась по пойме с обширными галечниками, протоками и рукавами.

После затяжного подъема дорога привела нас на холмистое плоскогорье, очень похожее на киргизские сырты. Здесь была та же арктическая суровость с прекрасными пастбищами и гуртами пасущегося скота. Блеяние баранов перемежалось с криками сурков, а курлыкание журавлей - с гортанными голосами альпийских галок и клушиц. Типичная горная тундра на отметке 2500 м.

Речная долина превратилась в болотистую низину с родниками и озерами, самое большое из которых Тархаттинское, из которого вытекает и одноименная река. Здесь же находится перевал и водораздел между бассейнами рек Чуи и Аргута.

Небо хмурилось весь день, и к вечеру погода стала и вовсе скверной. Потемнело, раскиданные по небу перистые облака завихрились смерчами, сплошной завесой затянув дали. Повеяло зимним холодом. Поглядывая то на часы, то на небо, Володя забеспокоился:

- Однако, надо вставать на ночлег.

- А как же с дровами? - спохватился я. - И воды не удосужились набрать.

Мы свернули в сторону от дороги и по травяным кочкам, похожим на высохшее болото, стали спускаться в какую-то низину, пока не уперлись в озерко с илистым дном и черной водой. И только теперь спохватились, что у нас почти кончилась питьевая вода. И это при том, что весь день ехали вдоль реки с чудесной водой, а запастись не догадались.

Володя выскочил из машины, чтобы попробовать на вкус воду в озерке:

- Не соленая, но сильно минерализованная. Пить не стоит, пронесет.

- А как погода?

- Жуть. Небо черное, холод и кажется, что вот-вот начнется снежный буран. Тучи опустились до земли.

- Да, снегом пахнет. Заметет - не выбраться.

Воды на чай в канистре все же набралось. Заставили себя вылезти наружу, а здесь уже моросит дождь, завывает ветер и стоит промозглая сырость. Вырыли ямку, разожгли костер из подобранных на дороге единственного обломка доски и вскипятили чай. На душе сразу повеселело.

В темнеющем небе вдруг появился просвет, и на западе проглянули скалистые горы, на треть засыпанные снегом. Это было как напоминание о суровости края, куда мы едем. Мы уже давно в альпике, на «полатах», как называют на Алтае плоские вершины гор и хребтов.

Утром небо на востоке слегка расчистилось, проглянуло солнце, но юг и запад по-прежнему закрыты пеленой иссиня-черных туч. Тем не менее, на остепненных южных склонах залетали желтушки: желто-зеленые монголики и желто-оранжевые тизои, и мы, успев соскучиться по «настоящим» бабочкам, бросились за ними в погоню.

Монголики на хорошей скорости рысцой скачут над травяными откосами. Суматошно и быстро взма-

хивая крыльями, они порхают низко припав к земле и почти стелются по типчаку, а так как сами они желто-зеленого цвета, то в полете плохо видны, а уж против солнца и вовсе мигмом теряются в пестроте желтых лугов. Тизои более яркие и видны издали. Они держатся выше и летают гораздо быстрее, а потому и добывать их труднее. Были еще трифизы Дорна - очень своеобразные темно-серые бабочки с контрастно-белыми прожилками, и мелитеи - арцезия и латонигена.

Величественно проплыл гриф с широкими крыльями, растрепанными на концах. Альпийские галки гомонились, стаяй рассеившись у выходов скал.

А погода, побаловав и дав вдоволь наловиться, опять захандрила. Черные тучи клубами дыма заволкли все вокруг. Снежная крупа сухо застучала, заколотила белыми горошинами по капоту. Когда снежный заряд пронесло, опять проглянула несколько зловещая вчерашняя картина с вершиной на западе, присыпанной свежеснеженным снегом, с черными полями осыпей, с ниточкой дороги, вьющейся по ее откосу.

- Это на погранзаставу, нарисованной на карте, а значит и дальше на Укок, - догадался Володя.

Я же подумал о том, что нас ждет очередное приключение, ведь мы как раз туда и намечали пробраться.

Укок - это высокогорное плато, своеобразный сырт на границе Казахстана, России, Монголии и Китая, по существу это сердце Алтая. Известный путешественник и знаток Азии Г.Потанин метко назвал его Алтайским Памиром. И верно, это центр горной страны, вокруг которого высются главные вершины, и веером расходятся хребты на все стороны света и на четыре страны.

Мы ехали по пологому увалу Тархаттинского плоскогорья, а слева тянулся каменистый, розоватого цвета Сайлюгемский хребет со сглаженными, овальными вершинами, будто насыпанными из песка. Где-то сразу за ним начиналась Монголия.

Перед подъемом на гору дорога раздвоилась: вправо ушла хорошо наезженная - в долину Яссатера, прямо начался крутой подъем на огромный, усыпанный камнями вал, за которым высилась черно-каменная гора.

Мы поехали прямо, и дорога была ужасной: глубокая колея, продавленная тяжелыми грузовиками она становилась. Прыгая по валунам и переползая через бугры и ямы, мы поднимались все выше, а перед нами справа все больше вырастала панорама гигантского Южно-Чуйского хребта с остроконечными снежными пиками, главная из которых, вершина Иик-Ту немногим не достигает высоты 4000 метров.

До подножия вершины, обозначенной на карте, как высота 3143 м, оставалось еще км 3, когда мы остановились, решив продолжать путь пешком. Судя по всему, здесь была древняя морена, усыпанная огромными валунами, из-под которых выступала вода и целые озерки. Над берегом, заросшим сочной зеленой травой и белыми, желтыми, красными цветочками, реяли бархатистые чернушки Росса. Они и дело присаживались на нагретые камни, но были так пугливы, что стремглав срывались и уносились, стоило лишь сделать попытку к ним подойти. После нескольких бесплодных попыток поимки, я сделал

вывод о чрезвычайной осторожности вообще всех высокогорных бабочек.

У самой горы мы разошлись: Володя предпочел обойти подножье северного склона, а я подался по дороге на запад. Вскоре крупный снежник перекрыл мне путь; он так обледенел и был таким скользким, что пришлось камнем выбивать в нем ступени, чтобы пройти.

Дорога, резко поднимаясь, огибала гору узкой, в одну колею, лентой. Всюду сплошь одни камни, но и здесь летали энеисы акташи. Темные, почти черного цвета, крупные и сильные, на лету таких не поймать. Накрыл одного сидящего, но не успел порадоваться, как он вырвался и улетел.

А дорога, заманивая, уводила все дальше; я рвался вперед, терзаемый жгучим желанием увидеть, а что там впереди. Опять мелькнула чернушка Росса, и промчался крупный энеис. Одного поймал, причем свеженького. Есть бабочки, которых можно сравнить с драгоценными самоцветами. Именно таков энеис акташи. Он быстр, как птица. Покрасовался, подразнил, и нет его. Молнией сиганул и поминай как звали! До этого, слушая рассказы Володи об энеисах, я думал: «Подумаешь, серые, бесцветные бабочки», теперь же этот акташи уже казался мне самым желанным красавцем, сравнимым лишь с самым шикарным аполлоном.

Слева надо мной нависали глыбы камней, огромные навалы, тянущиеся до самой макушки горы, а под ногами, по глубокой колее сочилась вода и бежал ручеек. Все лето здесь царила весна.

Дорога обогнула гору и вышла на южный склон. Здесь по обочине, среди моря камней росли яркие цветы, в основном желтые маки, среди которых были и почти белые. А ниже, по склону горы зеленел травянистый лог. Странно было видеть зеленый луг на высоте под 3000 м.

Впереди рядом с дорогой виднелся дом, вернее один железный остов большой будки, давно разрушенной ветрами. Обломки его стен были разбросаны более чем на сотню метров вокруг и можно себе представить, какой силы здесь бывают ураганы.

Я не выдержал и по навалам каменных глыб выбрался на вершину горы. Передо мной крутой откос, почти обрыв на север. Это кар, явно выгрызенный древним ледником. Далеко внизу, как точку, я кое-как разглядел Володю, а чуть дальше за ним - красное пятнышко нашей машины.

Погода мне благоприятствовала: над головой сияло солнце, и лишь временами по небу пронеслись белые облачка. Но на западе клубились черные тучи, почти полностью скрыв вершинный гребень Южно-Чуйского хребта. Белуха угадывалась лишь по каменному основанию, уходящему под облака и темную мглу. На юге из-за гребней соседних гор выглядывала макушка могучей горы. По-видимому, это могла быть одна из вершин Табын-Богдо-Ола, (пять священных гор), равная по высоте Белухе.

Ледяной и очень злой ветер то и дело набрасывался со злобным воем. Сила его такова, что вырывает из рук сачок, и я прижимаю его изо всех сил к своему боку. На мне зимняя шапка, пуховка с капю-

шоном, завязанным под самым подбородком, под пуховкой куртка и два свитера, а ветер совсем зимний холодит, пролезая во все щели.

Бабочек не видно, да и где там в такой ветер! А вот черные паучки бегают по дороге. И между камней и глыбами то и дело видно натянутую паутину, сверкающую на солнце, как белые тросы. Володя рассказывает, что иногда в этой паутине можно найти очень интересных бабочек.

Яркая цветастая птичка, где много пестрого, красного, тревожась, пугливо вылетела из-под камней и робко пища, уселась, размахивая длинным хвостом. Явно какая-то высокогорная горихвостка.

Дорога почти пропавшая, сильно просевшая, а временами и оползшая, очевидно, давно не используется. Да и когда ей пользоваться, если сегодня уже 2 июля, а снег не везде стаял.

Кое-где видны тропы, явно архарьи. А вот и свежие следы – вмятины копыт на мокрой земле.

Обогнув снежный карниз, вышел на гребень и увидел южные откосы горы, поросшие травой и обильно усыпанные глыбами скал и щебнем. Они полого уходят вниз, а моя дорога продолжается, виляя по гребню хребта, и теряется среди гор. Прошел еще немного и вдруг прямо перед собой далеко внизу увидел карьер с работающими экскаваторами и машинами. Понятно: это Калгутинский участок рудника Акташ. И тут я увидел у себя под ногами камешек, будто обрызганный кровью. Это киноварь – руда на ртуть. Ее-то и добывает рудник. Сразу вспомнились слова продавщицы из Акташа: «Ковыряются где-то у границы с Монголией».

Между тем с запада грозно надвигался фронт свинцовых облаков. Тучи клубились, наваливаясь на горы; они несли с собой холод и страх перед непогодой. Я предельно устал, и время уже позднее. Кроме того я не предупредил Володю, отправляясь в столь длительный поход на вершину. Скорее назад!

Спускаюсь почти рысцой, и меня подгоняет стуженый ветер. Чтобы не вырвало и не унесло сачок, я прижимаю его к себе изо всех сил. И вдруг откуда-то из-за валунов выскочил шальной парнассиус. Бросился почти наугад и к собственному удивлению шикарный Феб у меня в сачке. За весь день всего две бабочки! А еще называют сборщиков бабочек рвачами! Попробовал бы тот, кто это говорит, половить их сам! Как говорит Володя, для этого нужно лет десять их изучать, затрачивая деньги, лететь на край света, в дикие места, а потом, подвергая себя всевозможным рискам (непогода, реки, горы, наркоманы, разбойники), вот так гоняться за одной-единственной бабочкой. Делать это могут только фанатики любители, которые плюнули на все блага жизни и безоглядно отдались своей страсти.

Аргали. Убийство коня

Высокогорная и пустынная Чуйская степь интересна еще и тем, что в окружающих ее горах растет лес.

- Надо осмотреть ту часть, которая примыкает к Туве, - решил Володя, когда мы объехали долину с запада и юга.

И мы поехали на восток, где за красными предгорьями выглядывало устье широкого ущелья, почти долины, уходящей в глубину гор.

Типично равнинная река Чуя течет здесь по болотцам, среди стариц и озер, заросших чием и кустами ивняка и цветущей караганы, местами настолько густыми, что заросли напоминают тугай. Вылетели две куропатки, прихрамывая, поскакал заяц толай.

- Место почти идеальное для монгольской сеницы, - полушутя-полусерьез предположил Володя, - разве что солонцов не видно.

С полчаса побродили среди кустов и ничего не обнаружили, кроме комаров и бродяжки репейницы.

- Для монголки суховато, - сказал я, а Володя добавил:

- Мы забываем, что здесь Сибирь и высота под две тысячи.

Действительно, по меркам Алтая здесь должна быть высокогорная тундра.

Проехали два казахских поселка и большое кладбище с надгробиями, своим видом напоминающими нефтяные вышки или геодезические пирамиды.

Прямо перед нами высокий хребет Чихачева с заснеженными вершинами, главная из которых Торгон-Ула высотой в 4029 метров находится уже в Монголии. Слева голые горы красного цвета, а под ними алтайский аул Кокоря. Аккуратные деревянные дома, цветущая герань на подоконниках - все как в русской деревне.

Хорошо наезженная грунтовка привела нас в широкую межгорную котловину, заросшую степными травами и окруженную лесистыми горами. Перед нами небольшое ущелье с лиственничным лесом. Пасется маленький табунок лошадей, а под деревьями отдыхают два пастуха.

- Григорий, - представился старший, уже пожилой мужчина. - Зовите Гришкой. - И добавил для ясности: - Алтаец. Живу в Кокорях.

Оказывается, он хозяин табуна, а с ним его работник. Вместе они пасут коней, а главное, охраняют их от барымтачей.

- Мясо всем нужно, - пояснил он, - покупатели приезжают отовсюду, даже из Иркутска. Воруют - прямо беда! Вот и приходится неотлучно быть при стаде. Стыдно сказать: на ночь коней загоняем в стойло под замок. Он помолчал и добавил:

- Жаль, ружья вот нет. Мелкашку бы достать!

Дорога в ущелье оказалась очень короткой и кончилась буквально метров через 500. Вышли среди низеньких лиственниц рядом с ручьем. Невдалеке ферма Григория самого жалкого вида, и совсем близко, под северным склоном горы куски нерастаявшего снега. И главное, всюду видны бабочки! Соскучившись по такому обилию порхающих чешуекрылых, мы тут же схватились за сачки. Володя залез на безлесный южный склон, заросший кочками остролодочника и взволнованно кричит:

- Аргали! Поймал голубянку аргали!

Наконец-то я видел легендарную голубянку в местах, где 100 лет назад ее нашел англичанин Элуз. Однако, их было не так уж много. Я тут же присоединился к сыну, и до вечера вдвоем мы поймали всего

десять штук этих редких и в чем-то даже загадочных бабочек, не считая множества мелитей и желтушек монголик.

Я и раньше ловил аргали у Саурских гор близ Зайсана. Там эти изящные голубянки обитали на невысокой черной горке, поросшей подушками остролодок. Теперь, отыскивая ярко-синих миниатюрных голубяночек, я понял, что аргали нужны не только остролодки, но и щебнисто-каменистые остепененные склоны.

Здесь настоящее высокогорье, однако, альпика очень своеобразная. Обычно на Алтае, например, в более южной, казахстанской части, лес не поднимается выше отметки 1800 метров. Тут же лиственничный лес растет на высоте от 2200 до 2500, поэтому и деревья низкорослы, зачастую угнетены, а у верхней границы вершинки, как правило, отсохшие от морозов.

Григорий со своим помощником пас коней где-то невдалеке в горах, а вечером вместе с конями отправился ночевать на ферму.

На следующий день, когда Володя ушел далеко в горы, подъехал «газик». По нарисованному на дверцах двуглавым орлам было понятно, что казенный. Выскочили четыре крепких молодца, один из них в форменной фуражке. Милицейские! Видно, что хорошо подпитые и не очень доброжелательные. Бесцеремонные, нагловатые, лица злые. Сразу кинулись ко мне:

- Кто такой? Откуда? Документы!

- Экспедиция из Петербурга, - отвечал я, подавая целую пачку бумаг, признаться, довольно робко. От таких можно ожидать чего угодно.

- Как из Петербурга, а почему номера казахстанские?

Здесь все умеют различать машины из Казахстана.

- Наняли поближе, чтобы не гонять издалека.

- Ладно, некогда с тобой, - вдруг резко бросил проверяющий, даже не посмотрев бумаги. - Где Гришка? Мы за мясом приехали.

- Пасет коней.

«Газик» умчался, и через несколько минут началась пальба и крики. Незнакомцы были нетерпеливы и настроены решительно. Но выстрелы какие-то слабые, негромкие. Мне было не очень уютно, тем более одному в таком удаленном от людей месте.

С лошадиным топотом и визгами, подгоняя стадо, вскоре примчался Гришка с работником. Все струдились на поляне невдалеке от меня. Посовещавшись, бросились ловить коня. «Будут резать», - понял я, решив удалиться, чтобы не быть свидетелем неприятной сцены.

Шум мечущегося стада, топот копыт, крики загонщиков через полчаса сменились относительным молчанием, но жалобное ржание, в котором слышался страх и ужас, никак не прекращалось. Не выдержав, я взглянул на место «казни». Уже полуободранная и без головы туша лежала на спине вверх белыми культями ног. Добры молодцы суетились вокруг, заканчивая съемку шкуры, а рядом, мечась на привязи, на эту страшную сцену смотрел жеребенок и отчаянно кричал. Все до ужаса было ясно: убивали

мать, а ее ребенка, чтобы не мешал, привязали рядом. Казалось, я видел отчаяние и смертную тоску в глазах лошадиного подростка, видевшего как убивают мать.

Наконец, как мне казалось, все было кончено. Тяжко вздохнув и подумав, как жесток человек, я взял фотоаппарат и машинально полез на землистую гору, где ловились аргали. Мне надо было сделать фотографии биотопа с растительностью, но отсюда, с высоты я с удивлением увидел, что бойня не закончилась. Дюжие мужики ловили второго коня.

- Нельзя фотографировать! - вдруг резко выкрикнул один из ментов, хотя я и не собирался этого делать.

Чтобы сэкономить время, на этот раз мужики не стали связывать и валить на землю коня, а решили сделать это на ходу, по-быстрому.

Окружив коня, который, хотя и был загнан, но все еще не хотел сдаваться, они стояли на некотором расстоянии, видимо, боясь лошадиных копыт. Вдруг один подскочил и, подпрыгнув, ударил коня ногой так, как это делают бойцы довольно неприятного вида спорта кикбоксинга. Другой делал не менее странные движения. Он подскакивал к лошади и тут же трусливо отпрыгивал назад. Издалека мне показалось, что он дергает лошадь за ухо.

«Хотят свалить», - подумал я и тут же понял, что ошибся. В руке человека сверкнул нож. Набрасываясь по-воровски, он бил ножом в шею, пытаюсь расцечь горло.

«Волки!» - мелькнуло сравнение. Точно так делают серые хищники, окружив крупную добычу, которую побаиваются. Например, лося или того же коня. Режут горло. Там зубами, здесь ножом. Видно, люди были профессионалами и не раз занимались этим делом.

Через несколько мгновений из распоротого горла хлынула кровь. Лошадь упала, в предсмертной агонии дергая ногами. Только что молодой, здоровый конь, радуясь жизни и своей силе, носился по горам, а теперь это огромное животное лежало кверху брюхом, и вокруг, молниеносно орудуя ножами, сутились люди.

Удивительно, как в легковой «газик» вместе с четырьмя здоровыми мужиками уместились туши двух коней! «Газик» умчался так же торопливо, как поспешно убивали лошадей, а над поляной уже закрычало воронье. Через полчаса над ущельем с пронзительными визгами кружилась целая стая коршунов, а в голубом небе, с высоты оглядывая ристалище, парили грифы и стервятники. Жизнь на земле протекала по своим законам, когда один пожирает другого.

Вечером, гарцуя на коне, с ружьем за плечами к нам подъехал сияющий Гришка.

- Видели, менты приезжали? Вот, за коня выменял мелкашку!

И он выстрелил из старенькой, порядком разболтанной винтовки в воздух. Видно, много раз из рук чабанов к милиции и обратно переходило это браконьерское оружие.

«Вот и вся унылая проза жизни», - подумалось мне, и я побрел к себе в лагерь.

В краю энеисов. Пляски в ночном небе

Через два дня мы покинули ущелье аргали, продолжив путь в глубину гор. Там высилась похожая на вулкан лилово-черная гора Талдуир. Над ее осыпистой макушкой, исполосованной остатками зимнего снега, громоздились фиолетово-синие тучи, а здесь, у подножья расстилалась роскошная степь, залитая солнцем, покрытая ковром густых трав. Все чаще встречались влажные участки, напоминающие сырой луг, степь становилась все зеленее, травы все выше. Мимо, резвясь в солнечных лучах, на большой скорости проносились желтушки тизои, монголики и тихе.

С правой стороны стояли осыпистые горы, в нижней части заросшие густым низкорослым листовничником, с серыми гольцами по верхам и черными каменными макушками, уходящими в свинцовые тучи. Где-то за этими хребтами лежала далекая Тува, и я думал, что дорога идет именно туда, но вместо этого она свернула в небольшое лесистое ущелье. Рассчитывая, что оно проходное, мы заехали в него, однако, дорога, перейдя через два рукава горной речушки, кончилась, и мы оказались в очаровательной долинке, заросшей нетронутыми травами и со всех сторон окруженной листовничным лесом. Светлые, полупрозрачные бабочки вились меж деревьев, лишь изредка вылетая на солнечные поляны с тем, чтобы снова унести под сень листовничника.

- Это же энеисы! - догадался Володя. - Смотри, сколько их, причем здесь летают сразу два вида – норна и магна! Вот они где, голубчики! Наконец-то мы их нашли.

Я привык видеть подобных, прямо скажем, неброских на вид бабочек в сухой степи или среди скал в жарких горах, а эти порхали в лесу. Древесные энеисы! Но и тут энеисы оставались верны своим привычкам, главная из которых заключается в бешеной скорости и неугомонности полета. Здесь, под тенистым пологом леса они реяли, теряясь в пятнах рассеянного света. Солнце просвечивало сквозь редкое кружево листовничных ветвей, и бабочки играли и веселились так же, как это бывает на цветущих солнечных полянах. Неяркие, рыжевато-блеклой и довольно неопределенной расцветки они носились призрачными тенями, мелькая на солнце и тут же исчезая в кронах деревьев. Они ловко использовали свою блеклую и неяркую окраску и прятались, присаживаясь на такого же цвета стволы и ветви деревьев, что делало их совершенно невидимыми.

Мне никак не удавалось поймать ни одной из этих быстрых летуний, Володя же поймал около десятка.

- Похоже, это наш лучший бивуак в Горном Алтае, - сказал он, когда мы ставили палатку. - Солнечная поляна, лес, горы, полное уединение и, главное, столько необычных бабочек.

Я согласился с ним, от души и даже с некоторым пафосом воскликнув:

- Будто в девственном лесу дикого Запада, когда туда пришли бледнолицые европейцы!

Тут настоящая субальпика с невысокой и мягкой, будто кошма, травой. Всюду типчак (на нем-то и живут энеисы!), на южных склонах гор принимающий форму кочек и подушек. Тут и там видны кусты цветущего желтыми цветами курильского чая, есть ивы и даже тополь, а от обилия белого, розового, красного астрагала кажется, что многие поляны заросли цветным клевером. Поля незабудок, будто голубые озера; бросались в глаза, таволга и желтые лютики. Такого же цвета высокогорные маки украшали все это травяное море.

Местное лето баловало нас теплой и сухой погодой, и это несмотря на то, что мы находились в Сибири да еще и на высоте 2300 м. По существу здесь суровое высокогорье, но оно ощущалось лишь временами, когда сгущались тучи и начинал накрапывать дождик. Но вскоре он прекращался, небо расчищалось и опять показывались макушки красноватых гор.

Весь следующий день Володя охотился в верховьях ущелья, а я исследовал окрестности лагеря и пытался ловить энеисов. В нашей долинке не было ни ручья, ни речки и, видимо, этим и объяснялась полная уединенность и отсутствие скота. Родничок я все же нашел, небольшую мочажину среди моховых кочек у подошвы горы. Всюду в грязи были натканы следы диких животных: кучки помета рябчиков и куропадок, «желуди» лося, «орешки» косули. А чуть в стороне развороченный и разломанный в щепки старый, изъеденный древоточцами и муравьями полустлешный лиственничный пенёк. «Ага, это работа медведя, - догадался я, - искал личинок и жуков», - и невольно оглянулся вокруг. Сидя на ветке рябины, на меня в упор глядел полосатый бурундук. Я пошевелился, и бурундук стрелой взвился на вершину лиственницы.

Родник обрадовал меня не столько тем, что теперь мы были обеспечены водой, сколько множеством роящихся тут бабочек, среди которых было немало энеисов, тех самых, что никак не давались мне, и именно здесь я понял, как их нужно ловить. А секрет этот очень прост и применим к большинству особенно осторожных бабочек. Заключается он в том, что нельзя открывать своих охотничьих намерений и не проявлять видимого интереса к объекту лова. Не делая лишних движений, надо стоять, ожидая когда бабочка подлетит сама и вот тогда-то, не зевая, ловить одним взмахом сачка. Гнаться за энеисом да еще и размахивать сачком, значит окончательно распугать всю стаю, которая улетит и потом не дождешься когда она возвратится снова. Эти бабочки так осторожны, что кажутся разумными существами, а потому к охоте на них надо относиться со всей серьезностью и уважением как к настоящей охотничьей дичи.

Энеисы аммон и норна держались подошвы северного склона, заваленного корумником и частично заросшего мхом и карликовой березкой, вплотную к которому примыкал пойменный лес с топольником и зарослям кустарников. Здесь, на прогалине между холодным склоном горы и прогретым солнцем леса, над мочажинкой, сочащейся влагой, они роились и играли, радостно танцуя в беззвучной пляске. Спустились сюда и чернушки Флетчера, биотоп которых находится гораздо выше границы леса на голых осыпях холодных вершин.

Самый крупный из энеисов - магна - типично лесной обитатель. Он держится полузатемненных лесных прогалин, где неспешно летает, наслаждаясь прохладой, и с удовольствием присаживается на пенёчки и стволы лиственниц. Более мелкий энеис - скульда - чаще встречался на южных, более сухих травянистых склонах и более других напоминал обычных степных представителей семейства сатирид.

В конце дня с верховий вернулся Володя, тут же поделившись увиденным. Наше ущелье кончается горным цирком, с трех сторон окруженным осыпистыми и довольно высокими горами. Добрался до вершины, достигающей высоты в 3000 метров и усеянной полосами снега. При нем с грохотом сошла снежная лавина. Ловил чернушек Флетчера, парнасисусов Феба и Эверсманны и мелитей арцезий.

У нас же здесь лиственничный лес со свежераспустившейся хвоей просвечивал почти насквозь и казался ажурным. Цвет хвои теплого зеленого, салатного оттенков, будто написанный водяной акварелью. Почва под ним усыпана опавшей прошлогодней хвоей. Вся в травяных и моховых кочках с кое-где выступающей водой, мягкая, она пружинит под ногами и ходить по ней было одним удовольствием. Идешь, будто по матрасу, проваливаясь по щиколотку, а то и по колену в мох.

Сделаю несколько шагов в низкорослом, но довольно густом лиственничнике, я выпугнул незнакомую мне птицу. Гнусаво квакнув, она молнией вырвалась из-под моих ног, и, не успев я ничего и сообразить, как она, ловко лавируя между деревьев и ветвей, стремительно скрылась в лесу. Птица довольно крупная, короткое туловище, широкий хвост. Явно, не куропатка, не голубь, не рябчик. Но кто же? Я долго ломал голову, пока не догадался, что это крупный кулик. В высокогорье Алтая живут два кулика: бекас-отшельник и азиатский бекас. Значит, кто-то из них.

Вечерело. За кромкой гор потухала заря. Стылое небо все больше приобретало лилово-сизый оттенок. С серых скалистых вершин потянуло зимним холодком. Закончили перебранку альпийские галки, умолк негромкий и немного таинственный голос глухой кукушки. В наступившей тишине было отчетливо слышно, как булькает и журчит в овраге ручей.

- Ке-ке-кек! - раздался пронзительно громкий, даже визгливый крик, и я вижу, как из леса ракетой вылетела птица, тут же растворившись в фиолетовых сумерках. Некоторое время царила тишина, а потом откуда-то с небес послышалось странное шипение, похожее на далекий гул реактивного самолета. По нарастающему шуму я догадался, что это птица, пикируя с высоты, приближается к земле. Похоже токует лесной дупель, но это явно не он. Я всматриваюсь в темнеющее небо, но лишь с большим трудом нахожу стремительно летящую птицу. Она держит веером хвост и, покачивая неподвижными крыльями, косо несется к земле. Отчетливо слышно, как посвистывает, гудит ветер не только в перьях хвоста, но и в крыльях. Просвистело финальное «фс-ссиу!», кулик громко вскрикнул и, трепеща крыльями, начал снова набирать высоту.

– Точно, пикирующий бомбардировщик, - поделился восхищенный Володя.

– Да, но какое изящество, легкость и мастерство!

Мы оба были в восторге от всего: романтический вечер, местность - чудесней нельзя и представить. Засуха, долго удручавшая нас, кончилась, бабочки – лучше и желать нечего, а тут еще нас и развлекают, давая почти колдовское представление.

Между тем к одной птице присоединились другие. С громкими, хотя и гнусавыми криками они вылетали из леса, и вот уже целый хор жужжащих звуков сверлил, ставшее почти черным небо. Одни пикировали вниз, другие взмывали вверх. Настоящая воздушная карусель.

- Все ясно, - сказал я сыну, вместе со мной внимательно наблюдающему за лесным представлением. - Это азиатский бекас. Отшельник - птица-одиночка, а тут целый хор.

Блистая в ледяном небе, все ярче разгорались звезды. Темень такая, что видны лишь черные силуэты гор да зубчатая кромка леса. И в этой темноте со всех сторон несется шипение и гул бороздящих небо птиц. Настоящая сказка алтайского леса!

- Ну вот, послушали вечерний концерт, пора и делом заняться, - сказал Володя, дернул ручку генератора, послышался шум движка, вспыхнул яркий свет, и мы очутились совсем в другом мире, мире полупризрачных летающих сфинксов, загадочных ночных существ – прячущихся от дневного света бабочек.

Медведица Менетрие

Еще у Акташа, в Горном Алтае, утром раскладывая ночной сбор, Володя сообщил мне с несколько таинственным видом:

- Знаешь, пока ты спал, прилетела какая-то незнакомая медведица. Пока не утверждаю, но подозреваю, что это очень редкая Менетрие.

Менетрие - знаменитый энтомолог начала XIX века. Француз по происхождению, он был на русской службе. Занимался изучением насекомых и в первую очередь бабочек.

Мы стояли у верхней границы леса, и в эту ночь у лампы дежурил сын. Ночная охота здесь отличалась низкой температурой, к утру опускающейся ниже нуля. Однако бабочки летели и временами даже хорошо.

- Ее описал Эверсманн по одной бабочке то ли с Тарбагатай, то ли с Джунгарского Алатау, - продолжал сын, как обычно говоря совершенно спокойно и без всяких эмоций. – Ясно, что привозил Павел Романов, его безвестный и преданный делу сборщик. Потом ее 100 лет никто не ловил. Затем совершенно неожиданно поймали где-то в Финляндии, а потом она единичными экземплярами попадалась в Сибири. Мало того, что она страшно редкая, она еще и необычайно красива. Самая желанная находка для коллекционера, и мало у кого она есть. В общем, что-то вроде парнассиуса автократора, только среди ночных бабочек.

- Здорово! Ну-ка, покажи.

Все медведицы красивы, и эта не хуже других. Крупная, незнакомая мне ночная бабочка розовато-желтого цвета в черную клеточку.

- Сначала я ее не заметил, случайно обернулся, а она сидит на земле, вцепившись в травинки. Такое у крупных ночных мотыльков бывает часто. Вся сложность в том, что Менетрие на свет не летит и находят ее случайно днем, когда она тоже прячется.

- Значит, мы сделали открытие?

- Не торопись. Пока рано об этом говорить, может это вовсе не та бабочка.

На следующий день мы ночевали под перевалом на Улаган, и та же медведица прилетела снова и опять в одном экземпляре. Воображение у меня разыгралось: раз прилетели две, будут и еще. Наловим – разбогатеем. Это, конечно, шутка, но оправдать поездку не мешало бы.

- У меня есть предположение, - заметил на этот счет Володя, - что это северный вид, возможно, именно сибирский, да еще и высокогорный. А что Европа, так там просто не знают его биотопа, потому и не ловят на свет.

Интрига с Менетрие с новой силой разгорелась именно здесь, под горой Талдуир, в очаровательной долине, с трех сторон окруженной осыпистыми горами, уходящими вверх, под черные тучи. Живя тут, мы не переставали восхищаться местным комфортом. В одном месте здесь сходились весна и лето, степь и альпийские горные луга. Рядом с алтайскими купальницами цвели сон-трава (прострел) и эдельвейсы, степные астрагалы и таежная чемерица. В непогоду высокогорье напоминает холодную и суровую тундру, но было ясно и солнечно, и царило мягкое, нежаркое лето с легкими заморозками по ночам.

В первую же ночь, в дежурство с 2 часов я с увлечением снимал с простыни прилетающих совок и коконопрядов. Вдруг мимо метнулось что-то розоватое и с разлета вцепилось в белую ткань. Не сразу нашел я ее, крепко сидящую на освещенном полотне. Вот она какая, загадочная и легендарная медведица Менетрие! Не кружась, не беснуясь у света, как это делают почти все ночные бабочки, эта не плясала в дикой пляске у лампы, а мертвой хваткой вцепилась в экран и лишь вздрагивание и беспокойное ерзание на месте выдавали ее нервное возбуждение.

Взволнованный не меньше бабочки, я схватил баночку-морилку и осторожно, чтобы не повредить, подцепил красавицу и закрыл крышечкой.

Таинственная незнакомка, раскрашенная в бледно-желтую клеточку, прилетала еще несколько раз. Две, три... пять, шесть. Складывая драгоценных мотыльков, я думал о том, как обрадую, нет, поражу сына утром. Правда, у Володи все еще есть сомнения в том, та ли эта медведица, он же специалист по бабочкам булавоусым, то есть дневным, а это небулавоусая, ночная. Но я, зная осторожность сына, был почти уверен: она! Мечты, мечты...

С медведицами связано много загадок. Называют их так за мохнатость их гусениц; шерстка их так колюча, что птицы отказываются клевать и лишь одна кукушка с жадностью поедает страшных и колючих червячков.

Сибирь – такое место, где любителей очень мало, и можно встретиться с любым сюрпризом. У писателя Гессе есть рассказ о бабочке-медведице, живущей

в горах. По фантазии писателя она летает только одну ночь в году, и в этот день на горный курорт в Альпах съезжаются все любители за этой бабочкой. С нечто подобным мы встретились в 1970 году, когда на берегах Бухтарминского водохранилища в большом количестве развелась довольно редкая медведица флавия. Цветные мохнатые мотыльки облепляли фонари и кучами сидели под лампами. Точно, как это бывает с непарным шелкопрядом, летом объедающим листву. Мы тогда поудивлялись, не догадываясь, что кто-то мечтает об этих мотыльках.

Всего медведиц, что мы принимали за Менетрие, наловили тогда штук 20. Зимой от Володи пришло письмо: медведица наша действительно очень редкая, но вовсе не Менетрие, а другой вид без русского названия (*atropurpurea*). Она была впервые поймана и описана лишь в 20-ом веке, и встречается только в Сибири. Все пойманные экземпляры Володя подарил в музей своего друга Эйчбергера в Германии. Так что медведица Менетрие так и осталась для нас легендарной и непойманной бабочкой. Именно сфинксом – неразгаданным и непонятым. А еще случай этот для нас очередной урок: во-первых, чудеса, конечно, бывают, но не связанные с обогащением, во-вторых, думать о деньгах в окружении чудесной природы по меньшей мере грешно.

Послесловие

А для чего все это было? Неужели только для описания новых видов чешуекрылых (были описаны более трех десятков новых видов, уточнены ареалы сотен видов), получения удовольствия от путешествий или для зарабатывания денег, пусть даже на прожитье?

Наши путешествия совпали по времени с перестройкой и первыми годами после распада СССР. С развалом страны стала погибать наука. В 90-ые годы уже прошедшего века преданные науке люди выжили кто как мог. Многие находили выход в сотрудничестве с аналогичными организациями и поисками финансирования за рубежом. Нашлись зарубежные спонсоры и у Володи. Основным из них стал аптекарь из Германии Ульф Эйчбергер – страстный любитель бабочек, организовавший музей и центр по их изучению. Он давал деньги на поездки, так как верил в талант преданного своему делу этого странного русского. Конечно, небескорыстно, за это ему надо было привозить азиатский материал для музея, причем в большом количестве. За сезон, длившийся 3-3,5 месяца, собиралось 25-30 тысяч экземпляров, включая ночных чешуекрылых. В. Лухтанова это в какой-то степени устраивало: во-первых, параллельно собирался материал по дневным бабочкам для собственной работы, а во-вторых, другого выхода попросту не было.

Ученые лепидоптерологи знают, как сложно бывает различать виды бабочек. Иногда бывает так, что особи разных видов не различимы между собой ни по внешнему виду, ни по половым признакам, и, наоборот, один вид может сильно варьировать в окраске. Тогда приходится прибегать к изучению особей на

хромосомном уровне. Задача эта далеко не простая, и почти никто из ученых в России этой проблемой не занимался. За решение ее с конца 80-х годов и взялся В. Лухтанов, и с этого времени эта тема стала основной в его работе. Благодаря экспедициям накапливался ценный материал для продолжения работы над хромосомами. Осенью, зимой и весной В. Лухтанов работал с микроскопом. Тысячи расшифровок хромосомных наборов разных видов открывали картину, доселе неизвестную науке. Его докторская диссертация, защищенная в 2000 году, называлась мудрено – «Организация и эволюция кариомов у чешуекрылых» – и содержала идеи по видообразованию насекомых.

Для их проверки этих идей требовались серьезные лабораторные работы на еще более тонком уровне – на уровне изучения молекулярной организации ДНК. К этому времени работой заинтересовался Гарвардский университет в США. На базе его лабораторий вначале они и проводились совместно с иностранными учеными, а с 2008 году ведутся В.Лухтановым и его коллегами в Зоологическом институте Российской академии наук. Видообразование, как и тайна зарождения жизни на земле, жгучий вопрос, до сих пор не нашедший своего разрешения. Все мы в школе изучали такое направление в биологии как дарвинизм. В 1859 году английский ученый Чарльз Дарвин выпустил книгу о естественном отборе. Это была работа, перевернувшая естествознание и ставшая началом современной теории биологической эволюции. Книга называлась «Происхождение видов путем естественного отбора». Однако, дав общую картину эволюционного процесса, Дарвин не раскрыл механизмы возникновения новых видов. Да тогда это и невозможно было сделать, не имея представления о ДНК, генах и хромосомах. Гораздо ближе к разгадке происхождения видов подошел наш соотечественник Феодосий Григорьевич Добржанский, который в 1927 году уехал в Америку.

Добржанский предположил, что если две группы особей, возникшие в результате географической изоляции, встретятся вместе, то естественный отбор будет усиливать различия между ними, например в окраске крыльев. В результате возникает механизм, который позволяет видам различать друг друга и жить в одном месте, не скрещиваясь. Именно этот гипотетический процесс мог быть одной из причин, которые привели к возникновению гигантского разнообразия жизненных форм, обитающих на Земле.

Несмотря на простоту и правдоподобность этой модели, она до начала 21 века не имела надежного экспериментального обоснования. Группе В. Лухтанова удалось эту гипотезу обосновать эмпирически. Результаты этого исследования были опубликованы в 2005 году в самом престижном международном научном журнале *Nature*, и эта работа получила отклики во всем мире. Это исследование показало, как рождаются новые виды и давало разгадку причин обилия форм и яркости раскрасок бабочек, птиц и даже растений.

Тогда же, с 2000-го года отпала необходимость привозить коллекции для зарубежных музеев. Для сбора научного материала в последующие годы Вла-

дмир сосредоточился на поездках в Иран, страны Европы, и т.д. Что касается меня, то я был счастлив, под конец жизни занявшись тем, о чем мечтал всегда. В какой-то степени я приобщился к науке, я безмерно доволен, что видел экзотические страны Средней Азии, что провел столько времени с сыном, с которым чувствовал себя единомышленником. Да, мы претерпевали всевозможные невзгоды, часть из которых описана в этой книге, но это ничуть не затмило радости от общения с природой, тем более среднеазиатской с ее горами, пустынями, удивительными ландшафтами и доброжелательным народом со своеобразной и необычной культурой. Напротив, сознание того, что мы заняты интереснейшей (и экзотической) работой, делало нас счастливыми людьми. Я вспоминаю встречу близ Майли-Сая в Киргизии с одной умной русской женщиной, как оказалось, бывшим геологом, а теперь безработной. Порасспросив нас, кто мы и чем занимаемся, она с удивлением воскликнула: «Да вы самые счастливые люди на свете! В такое страшное время занимаетесь таким интересным делом! Что может быть более увлекательным!» «А я и не сомневался, что это именно так» - ответил на это я, еще раз порадовавшись за себя и сына.

Я и теперь иногда продолжаю сопутствовать сыну в путешествиях, хотя теперь уже не в столь длительных и далеких. Картины же тех поездок 1980-1990-х годов все время стоят перед глазами. Как в калейдоскопе тогда промелькнула вся Средняя Азия с ее красочностью и пестротой, с живописной природой, с горами и пустынями, с мечетями и древними развалинами, с яркой толпой жителей, с шумными базарами, суетой, криками ишаков и скрипом арбы.

Запечатлелись в памяти не только эпизоды азартной охоты за бабочками, но и картины природы и дикие животные: варан, гиена, аисты, черепахи, бородачьи ягнятники, вой шакалов и гортанные крики красноносых клушиц. И, конечно, встречи с людьми.

Несмотря на некоторые неприятные моменты (нападение наркоманов, сель, аварии с автомобилем) все они теперь воспринимаются как неизбежные приключения в пути (и более того, оставившие яркие впечатления). Я до сих пор испытываю чувство глубокой признательности к чужим людям, помогавшим нам в пути. Благодаря им я осознал братство людей разных национальностей, зачастую чуждых по характеру и менталитету. Более того, я понял, что мы один народ, воспитанный одной великой страной, я понял и увидел это наяву, что Россия никогда не была страной колонизаторов, в принятом понимании этого слова. Она была защитницей малых стран, уберегшей их от порабощения и физического уничтожения. Что касается Советского Союза, то он вывел нищие и глубоко отсталые народы в число самых просвещенных и образованных среди всех стран Азии.

Мансур, Жуматай, Зейнободо, узбек, заправивший нас бензином в Пайтуге у Андижана, Кочкар, лейтенанты-пограничники Саша и Дима и другие, проявившие к нам радушие, где вы? Я до сих пор вспоминаю их с теплотой и мне даже хотелось бы послать им весточку. А любители легкокрылых созданий: Борис Храмов, Каабак, Андрей Сочивко и многие другие! Пока будут такие романтики, жизнь не станет скучной и пресной. Пусть же сохранится природа и так ее украшающие бабочки!

Список бабочек, упоминаемых в тексте (в скобках приведено научное, латинское название)

аврора, зорька <i>Anthocharis cardamines</i>	голубянка аргали <i>Glaucopsyche argali</i>
автократор <i>Parnassius autocrator</i>	голубянка аргали архар <i>Glaucopsyche argali arkhar</i>
агродиаetus актинидес <i>Agrodiaetus actinides</i>	голубянка галба <i>Lachides galba</i>
агродиаetus ифигенидес <i>Agrodiaetus iphigenides</i>	голубянка гигантея <i>Iolana gigantea</i>
агродиаetus каратавика <i>Agrodiaetus karatavicus</i>	голубянка Икар <i>Polyommatus icarus</i>
агродиаetus посеидонидес <i>Agrodiaetus poseidonides</i>	голубянка индерская <i>Philotes panope</i>
агродиаetus пульхра <i>Agrodiaetus puchra</i>	голубянка купидо буддиста <i>Cupido buddhista</i>
агродиаetus рипартии <i>Agrodiaetus ripartii</i>	голубянка легана <i>Polyommatus lehanus</i>
агродиаetus филлидес <i>Agrodiaetus phyllides</i>	голубянка мирис <i>Polyommatus miris</i>
агродиаetus (род) <i>Agrodiaetus</i>	голубянка сартская <i>Polyommatus sartus</i>
акташи <i>Oeneis aktashi</i>	голубянка Татьяна <i>Otnjukovia tatjana</i>
актиус <i>Parnassius actius</i>	голубянка трохилиус <i>Chilades trochylus</i>
алексанор <i>Papilio alexanor</i>	голубянка тугайная <i>Cupido prosecusa</i>
амариллис <i>Coenonympha amaryllis</i>	голубянка Тузова <i>Cupido minima tusovi</i>
амор <i>Polyommatus amor</i>	голубянка Фривальдского <i>Ahlbergia frivaldszkyi</i>
антрацитовая голубянка <i>Praephilotes anthracias</i>	голубянка хризопис <i>Polyommatus chrysoptis</i>
Анюта (подвид парнасисуса Чарлтона) <i>Parnassius charltonius anjuta</i>	голубянка Христофа <i>Plebejus christophi</i>
аполлон (парнасисус аполло) <i>Parnassius apollo</i>	голубянка циане <i>Polyommatus cyane</i>
аполлон Джекемонта <i>Parnassius jacquemonti</i>	голубянки (семейство) <i>Lycaenidae</i>
аполлон Штаудингера <i>Parnassius staudingeri</i>	голубянки персефатта <i>Polyommatus persephatta</i>
аполлон Штуббендорфа <i>Parnassius stubbendorffii</i>	голубянки хунза <i>Polyommatus hunza</i>
аполлоnius <i>Parnassius apollonius</i>	горошковая белянка <i>Leptidea sinapis</i>
аргали <i>Glaucopsyche argali</i>	дельфиус <i>Parnassius delphius</i>
аргирогномон (голубянка) <i>Plebejus argyrognomon</i>	деота <i>Pieris deota</i>
ариадна <i>Parnassius clarius</i> (= <i>Parnassius ariadne</i>)	енисейская чернушка <i>Erebia jeniseiensis</i>
ариция агестис <i>Aricia agestis</i>	желтушка Алфераки <i>Colias alpherakyi</i>
атамантия Александра <i>Athamanthia alexandra</i>	желтушка Вискотта <i>Colias wiskotti</i>
атамантия диморфа <i>Athamanthia dimorpha</i>	желтушка Ершова <i>Colias erschoffii</i>
балтия шавии <i>Baltia shavii</i>	желтушка кокандика <i>Colias cocandica</i>
барбарисовая белянка <i>Aporia leucodice</i>	желтушка Марко Поло <i>Colias marcopolo</i>
белая зорька <i>Euchloe ausonia</i>	желтушка монголика <i>Colias mongolica</i>
белая зорька дафалис <i>Euchloe daphalis</i>	желтушка памирская <i>Colias staudingeri pamira</i>
белая степная зорька <i>Euchloe ausonia</i>	желтушка регия <i>Colias regia</i>
белянка барбарисовая <i>Aporia leucodice</i>	желтушка Романова <i>Colias romanovi</i>
белянка деота <i>Pieris deota</i>	желтушка степная <i>Colias erate</i>
белянка каллидиде <i>Pontia callidice</i>	желтушка тизоя <i>Colias thisoa</i>
белянка канидия <i>Pieris canidia</i>	желтушка тихе <i>Colias tyche</i>
белянка Крюпера <i>Pieris krueperi</i>	желтушка хризотема <i>Colias chrysotheme</i>
белянка Оксенгеймера <i>Pieris oxsenheimeri</i>	желтушка Христофа <i>Colias christophi</i>
белянка репная <i>Pieris rapae</i>	желтушка Штаудингера <i>Colias staudingeri</i>
белянка томирис <i>Euchloe tomyris</i>	желтушка зогене <i>Colias eogene</i>
белянка Эйчбергера <i>Pieris deota eitschbergeri</i>	жемчужная хвостатка <i>Cigaritis epargyros</i>
боярышница <i>Aporia crataegi</i>	зегрис (род) (степная зорька) <i>Zegris</i>
бризеида <i>Chazara briseis</i>	зегрис Фауста <i>Zegris fausti</i>
брюквенница <i>Pieris napi</i>	зорька <i>Anthocharis cardamines</i>
весенняя голубянка <i>Celastrina orgiolus</i>	зорька микрозегрис <i>Microzegris pyrothoe</i>
галча <i>Hyponephele galtscha</i>	зорька эуфема <i>Zegris eupheme</i>
гипермнестра гелиос <i>Hypemnestra helios</i>	икадиус <i>Polyommatus icadius</i>
гипоневеле галча <i>Hyponephele galtscha</i>	икар <i>Polyommatus icarus</i>
гипоневеле Глазунова <i>Hyponephele glasunovi</i>	индерская голубянка <i>Philotes panope</i>
гипоневеле Габергауэра <i>Hyponephele haberhaueri</i>	канидия <i>Pieris canidia</i>
гипоневеле гилларис <i>Hyponephele hillaris</i>	капустница <i>Pieris brassicae</i>
гипоневеле давендра <i>Hyponephele davendra</i>	караназа анзобика <i>Karanasa ansobica</i>
гипоневеле давендра фергана <i>Hyponephele davendra fergana</i>	караназа таластауана <i>Karanasa talastauana</i>
гипоневеле каратавика (=гипоневеле Яссауи) <i>Hyponephele jasavi</i>	караназы (род) <i>Karanasa</i>
гипоневеле Коршунова <i>Hyponephele davendra korschunovi</i>	кларису, алтайский аполлон <i>Parnassius clarius</i>
гипоневеле наубидензис <i>Hyponephele naubidensis</i>	кларису, или ариадна <i>Parnassius clarius</i>
гипоневеле памира <i>Hyponephele pamira</i>	колиас Ершова (желтушка Ершова) <i>Colias erschoffii</i>
гипоневеле Яссауи <i>Hyponephele jasavi</i>	краеглазка Эверсманна <i>Esperarge eversmanni</i>
гирканана сартская <i>Hircanana sartha</i>	крапивница <i>Aglais urticae</i>
глаукопсихе летифика <i>Glaucopsyche laetifica</i>	крапивница никса <i>Aglais nixa</i>
голубянок циане <i>Polyommatus cyane</i>	кугитанская туранана <i>Turanana kugitangi</i>
голубянка (агродиаetus) актинидес <i>Agrodiaetus actinides</i>	купидо просекуза (тугайная голубянка) <i>Cupido prosecusa</i>
голубянка (агродиаetus) Данилевского <i>Agrodiaetus ishkashimicus danilevskyi</i>	ленточник Гельмана <i>Limenitis helmanni</i>
голубянка (агродиаetus) ифигенидес <i>Agrodiaetus iphigenides</i>	ленточник Лепехина <i>Limenitis lepechini</i>
голубянка аеолос <i>Lycaena aeolus</i>	ленточников Сида <i>Limenitis sydyi</i>
голубянка амор <i>Polyommatus amor</i>	лесная перламутровка <i>Argynnis raphia</i>
голубянка антрацитовая <i>Praephilotes anthracias</i>	лиела миопс <i>Lyela myops</i>
	лимонница <i>Gonepteryx rhamni</i>

локсиус *Parnassius loxias*
 малиница *Callophrys rubi*
 малиница суавеола *Callophrys suaveola*
 махаон *Papilio machon*
 Медведица Менетрие *Borearctia menetriesi*
 меланаргия *Melanargia russiae*
 мелитея (род) *Melitaea*
 мелитея амбрия *Melitaea ambrisia*
 мелитея арцезия *Melitaea arcesia*
 мелитея атэна *Melitaea athene*
 мелитея латонигена *Melitaea latonigena*
 мелитея лулуята *Melitaea lunulata*
 мелитея фергана (мелитея ферганская) *Melitaea fergana*
 микрозегрис *Microzebris pyrothoe*
 мнемозина *Parnassius mnemosyne*
 многоцветница *Nymphalis xanthomelas*
 монгольская сеница *Coenonympha mongolica*
 неолицена илиензис *Neolycaena iliensis*
 неолицена Ольга *Neolycaena olga*
 неолицена Тенгстрема *Neolycaena tengstroemi*
 неолицена Эквайлера *Neolycaena eckweileri*
 носатка *Lybitha celtis*
 орион *Scolitantides orion*
 павлиний глаз *Nymphalis io*
 памирская желтушка *Colias staudingeri pamira*
 пандора *Argynnis pandora*
 паралаза богутена *Paralasa bogutena*
 паралаза гадес *Paralasa hades*
 паралаза гелиос *Paralasa helios*
 паралаза иордана *Paralasa iordana*
 паралаза Кузнецова *Paralasa kusnezovi*
 паралаза Роксана *Paralasa roxana*
 паралазы (род) *Paralasa*
 парнассиус аполло *Parnassius apollo*
 парнассиус аполло региус *Parnassius apollo regius*
 парнассиус боедромиус *Parnassius boedromius*
 парнассиус боедромиус Соколова *Parnassius boedromius sokolovi*
 парнассиус Джекемонта *Parnassius jacquemonti*
 парнассиус инопинатус *Parnassius inopinatus*
 парнассиус инферналис *Parnassius infernalis*
 парнассиус Кириченко *Parnassius infernalis kiritshenkoi*
 парнассиус локсиус *Parnassius loxias*
 парнассиус максиминус *Parnassius delphius maximinus*
 парнассиус симо *Parnassius simo*
 парнассиус симониус *Parnassius simonius*
 парнассиус тяньшаникус *Parnassius tianschanicus*
 парнассиус Феба *Parnassius phoebus*
 парнассиус Хонрата *Parnassius honrathi*
 парнассиус хунза *Parnassius hunza*
 парнассиус чарльтониус *Parnassius charltonius*
 парнассиус Штаудингера *Parnassius staudingeri*
 парнассиус Эверсмана *Parnassius evermanni*
 парусник автократор *Parnassius autocrator*
 парусник патрициус Лухтанова *Parnassius patricius lukhtanovi*
 парусник тяньшаникус *Parnassius tianschanicus*
 патрициус *Parnassius patricius*
 перламутровка гегемоне *Clossiana erubescens*
 перламутровка лесная *Argynnis paphia*
 перламутровка пандора *Argynnis pandora*
 пеструшка таволговая *Neptis rivularis*
 плебеюс маракандика *Plebejus maracandica*
 полицена Тамерлана *Polycaena tamerlana*
 понтия каллидице *Pontia callidice*
 понтия хлоридице *Pontia chloridice*
 просекуза *Cupido prosecusa*
 пульверата *Euchloe pulverata*
 резедовая белянка *Pontia daplidice*
 репейница *Cynthia cardui*
 репная белянка *Pieris rapae*
 репница *Pieris rapae*
 сартская гирканана *Hyracanana sartha*
 сартская голубянка *Polyommatus sartus*
 сартский червонец *Hyracanana sartha*

сатир Гейденрейха *Chazara heydenreichi*
 сатир Кауфмана *Chazara kaufmanni*
 сатир менава *Lasiommata menava*
 сатир энервата *Chazara enervata*
 сатиры (семейство) *Satyridae*
 сатиры рода гипонепеле *Hyronephele*
 сатиры-гипонепеле *Hyronephele*
 сеница монгольская *Coenonympha mongolica*
 сеница Нолькена *Coenonympha nolckeni*
 сеница памфил *Coenonympha pamphilus*
 сеницы (род) *Coenonympha*
 симо *Parnassius simo*
 симониус талдыкус *Parnassius simonius taldicus*
 степная желтушка *Colias erate*
 таволговая пеструшка *Neptis rivularis*
 толстоголовки (семейство) *Hesperiidae*
 томарес Федченко *Tomares fedtschenko*
 транскаспика *Euchloe transcaspica*
 траурница *Nymphalis antiopa*
 трифиза Дорна *Triphysa dohrnii*
 туранана панаегидес *Turanana panaegides*
 туранана цитис *Turanana cytis*
 турананы (род) *Turanana*
 ултокрыльница *Polygonia c-album*
 феретиадес *Polyommatus pheretiades*
 ферульный сатир *Satyrus ferula*
 хазара Кауфмана *Chazara kaufmanni*
 хазара Штаудингера *Chazara staudingeri*
 хазары (род) *Chazara*
 хвостатка жемчужная *Cigaritis epargyros*
 хвостатка мирабилис *Pseudothecla mirabilis*
 хвостатка Фривальдского *Ahlbergia frivaldszkyi*
 ценонимфа монголика *Coenonympha mongolica*
 Чарлтон *Parnassius charltonius*
 Чарлтониус Анюта *Parnassius charltonius anjuta*
 червонец Сольского *Lycaena solskyi*
 червонец Алфераки *Lycaena alpherakyi*
 червонец маргеланика *Phoenicurusia margelanica*
 червонец сартский *Hyracanana sartha*
 чернушка калмука *Erebia kalmuka*
 чернушка енисейская *Erebia jeniseiensis*
 чернушка Киндерманна *Erebia kindermanni*
 чернушка мета *Erebia meta*
 чернушка парменио *Boeberia parmenio*
 чернушка прогне *Erebia progne*
 чернушка радианс *Erebia radians*
 чернушка тураника *Erebia turanica*
 чернушка Флетчера *Erebia fletcheri*
 чернушка эмбла *Erebia embla*
 чернушки (род) *Erebia*
 чернушки (эребия) Росса *Erebia rossii*
 чернушки лиела миопс *Lyela myops*
 чернушки Соколова *Erebia sokolovi*
 шашечница атэна *Melitaea athene*
 шашечница бритомартис *Mellicta britomartis*
 шашечница дидима *Melitaea didyma*
 шашечницы (род) *Melitaea*
 энеис акташи *Oeneis aktashi*
 энеис аммон *Oeneis ammon*
 энеис magna *Oeneis magna*
 энеис мулла *Oeneis mulla*
 энеис норма *Oeneis norma*
 энеис скульда *Oeneis sculda*
 энеис Элвеза *Oeneis elwesi*
 эребия калмуки *Erebia kalmuka*
 эребия Киндерманна *Erebia kindermanni*
 эребия пандрозе *Erebia pandrose*
 эребия Росса *Erebia rossii*
 эрициниды (семейство) *Riodinidae*
 эумедон *Polyommatus eumedon*

Содержание

Предисловие с лирическими отступлениями	3
Аполлон – бог солнца и красоты	7
Подснежные бабочки	8
В Монрак и Саур за энеисами и голубянской аргали.	9
Бабочка-самодержец.	15
Гипоневеле Яссауи.	16
Горы Могол-Тау и Окбель.	17
В одиночку через Каратау	21
Паганель из Усть-Бухтарминска	29
Калгутинский перевал	30
За транскаспикой в Туркмению	32
Поездка на Восточный Памир	36
Джунгария. Луковые горы.....	42
Погоня за желтушкой.....	45
За локсиусами на Сары-Джаз.....	47
На краю света. Сырт Арабель	52
Бабочка, живущая под камнями.....	57
Загадка Рюкбайля	59
Жемчужина Илийской долины	62
Паралаза богутена	64
Путь через Ферганский хребет	65
Дорогой басмачей.....	67
По пути Семенова Тянь-Шанского (За патрициусами на перевал Кокпак).....	71
Сюрпризы Кураминского хребта.....	75
Казни амударьинские	76
Дракон из гор Бабатаг	79
В горах Кугитанг-Тау	80
Десять ночей на Сырдарье	82
Горные таджики.....	85
В лапах наркомафии.....	87
Страна Могиен.....	89
Ущелье Ревад.....	90
Горными дорогами Зеравшана.....	93
В Гиссарском заповеднике	98
Сангардак	101
Озеро Искандеркуль. Перевал Анзоб.....	102
Домой через Кураминский хребет.....	105
Бабочки утренней зари	107
В дебрях илийских тугаев	108
Белянка из каменного каньона.....	114
Озеро Сонкуль	117
Ущелье Кызыл-Эшме. Тенгизбай.....	120
Арам-Кунгей.....	124
Теке-Су.....	127
Сражение с яком на склонах пика Ленина	128

Потомок Александра Македонского	130
Туманига	134
Танцующие бабочки.....	135
Сарыкамышская кругосветка.....	137
Ночное нападение	141
Гончая памирских высот	145
Застава Кызыл-Рабат. Поймать симо	146
Желтушка Вискотта.....	148
Стоянка «У головы дохлого яка».....	150
Через таможенные заслоны.....	151
Дорогой наркодельцов	154
Казачья крепость Иркештам	154
Инопланетяне в горах Жагалбайлы	156
Саур. Гора Таз	157
Горы Сарым-Сакты. Сидение на Бурхате.....	159
Охотники на аргали.....	162
По Чуйскому тракту	164
Акташ	165
Кошагач. Тархатты	166
Аргали. Убийство коня	169
В краю энеисов. Пляски в ночном небе.....	171
Медведица Менетрие	173
Послесловие	174
Список бабочек, упоминаемых в тексте	176

А. Лухтанов В. Лухтанов

Охотники за бабочками

Сдано в набор 27.02.2012. Подписано в печать 07.03.2012.
Бумага офсетная. Формат А4. Гарнитура «Times New Roman»
Усл.-печ. л. 10.2 Тираж 300 экз.

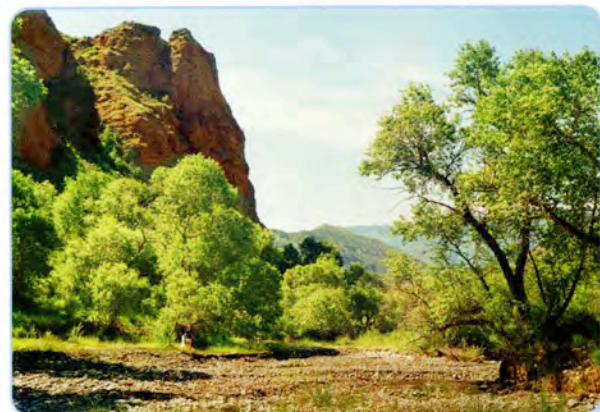
Фото на первой обложке: Березовая хвостатка, *Thecla betulae*
Фото на последней обложке: Перевал Тенгизбай. Алайский хребет.

1992 год. В илийских тугаях у Борохудзира.

1995 год. У старой туранги в Алтын-Эмельском национальном парке.

1995 год. Южная Киргизия. Урочище Чонкондук.

1995 год. Киргизия. Долина реки Кокомерен.

1995 год. Киргизия. Ущелье Оруктам.

1995 год. Киргизия. Загадочный хребет Джетим.

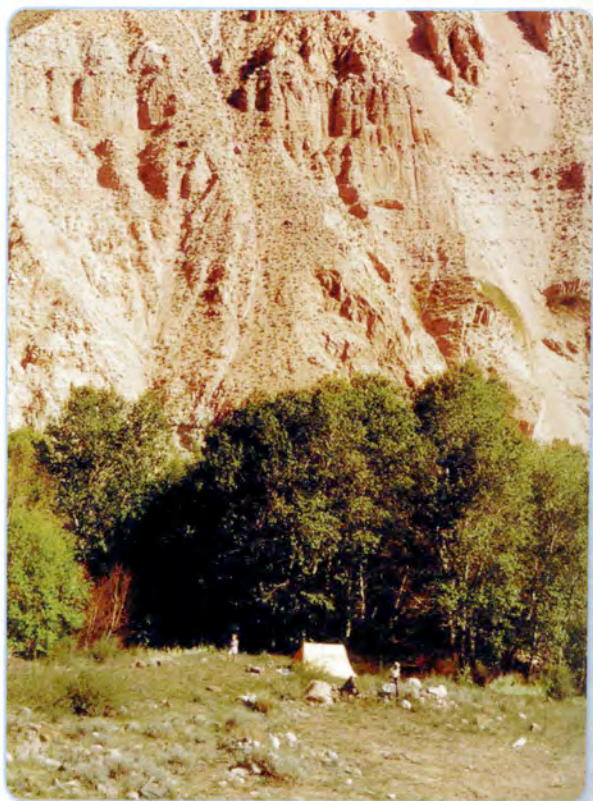
1995 год. Киргизия. Дорога на озеро Сонкуль.

1995 год. Киргизия. Сусамырский сырт.

1995 год. Киргизия. Урочище Теке Уюк.

1995 год. Киргизия. Роща у реки Теке-Су.

1995 год. Оля, на берегу Иссык-Куля, усеянного ракушками.

1995 год. Долина Малого Нарына.

1995год. Киргизия. Долина реки Болгарт.

1995 год. Алайская долина. Урочище Арамкунгей.

1995 год. Алайский хребет. Перевал Тенгизбай.

1995 год. Верховья реки Исфайрам.

1995 год. В ущелье р. Алтындары.

1995 год. Под пиком Ленина. Заалайский хребет.

1995 год. Киргизия. Завтрак в Чон-Кондуке.

1995 год. Город Пенджикент. Старая мечеть.

1995 год. Долина р. Нарын. Следы старинной крепости Куртка.

1995 год. Урочище Оруктам. В гостях у аборигенов.

1995 год. Киргизия. Вершины Алая у с. Карамык.

1995 год. Алайская долина. В кишлаке Шибе.

1995 год. Киргизия. Мазары.

1996 год. Восточный Памир. Базар в г. Мургабе.

1996 год. Восточный Памир. Гора Актау.

1996 год. Восточный Памир. Слияние рек Истык и Оксу.

1996 г. Памир. Дорога на перевал Акбайтал.

1996 год. Восточный Памир. Городок Мургаб.

1996 год. В горах Богуты.

1996 год. В илийских тугаях.

1996 год. Река Сыр-Дарья.

1996 год. Киргизия. Курган Санташ.

1996 год. Дорога на перевал Талдык в Алайском хребте.

1996 год. Ферганская долина. Колония аистов.

1995 год. Киргизия. Ущелье реки Каракиче.

1996 год. Заалайский хребет. Дорога на перевал Кызыларт.

1996 год. Сугробы среди лета под перевалом Сарыкамыш.

1996 год. Хребет Молдоттоо. На перевале Сарыкамыш.

1996 год. Затерянная в горах долина р. Нарын.

1996 год. Под перевалом Талдык.

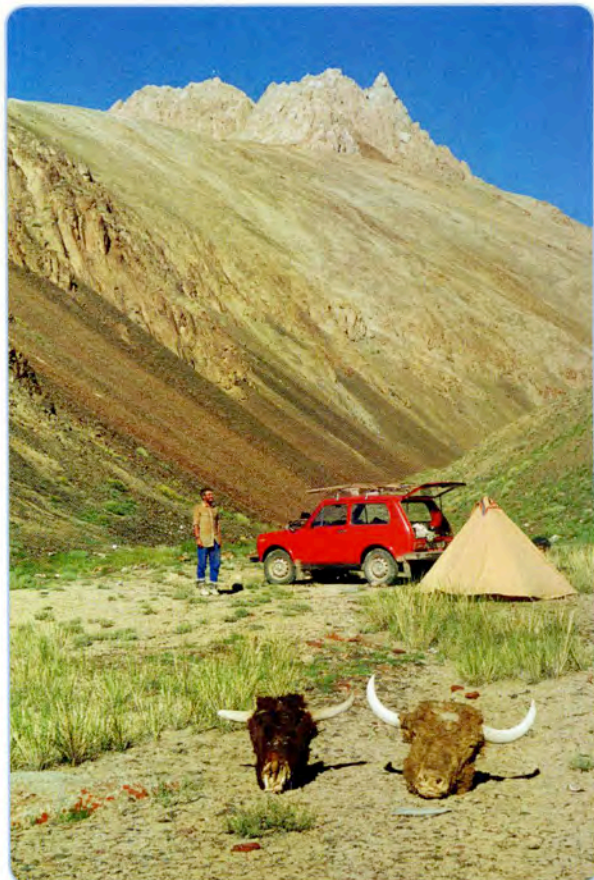
1996 год. В туранговом лесу.

1996 год. Рыбачий трофей. Сом из Сыр-Дарьи.

1996 год. Восточный Памир. Перевал Ак-Байтал.

1996 год. Восточный Памир.
Стоянка «У головы дохлого яка».

1996 год. Восточный Памир. Река Истык.

1996 год. Восточный Памир. Кишлак Шайдон.

1996 год. Река Малый Нарын.

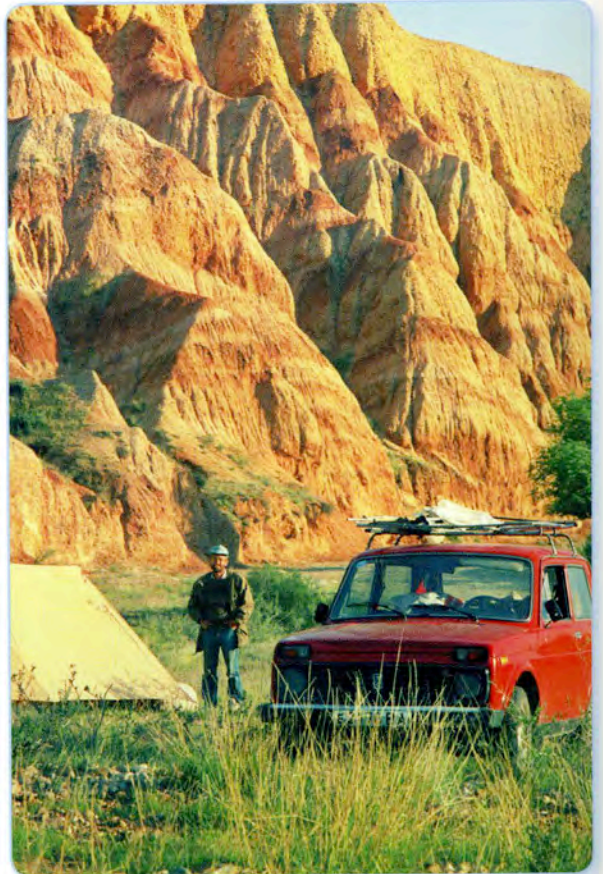
1996 год. Восточный Памир. Встреча в пути.

1997 год. Город Джаркент.

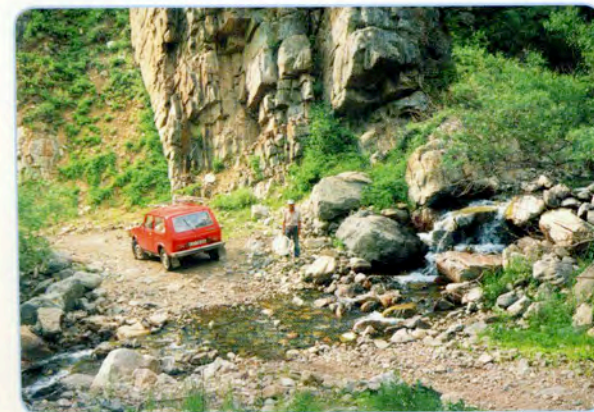
1997 год. Водопой в пустыне.

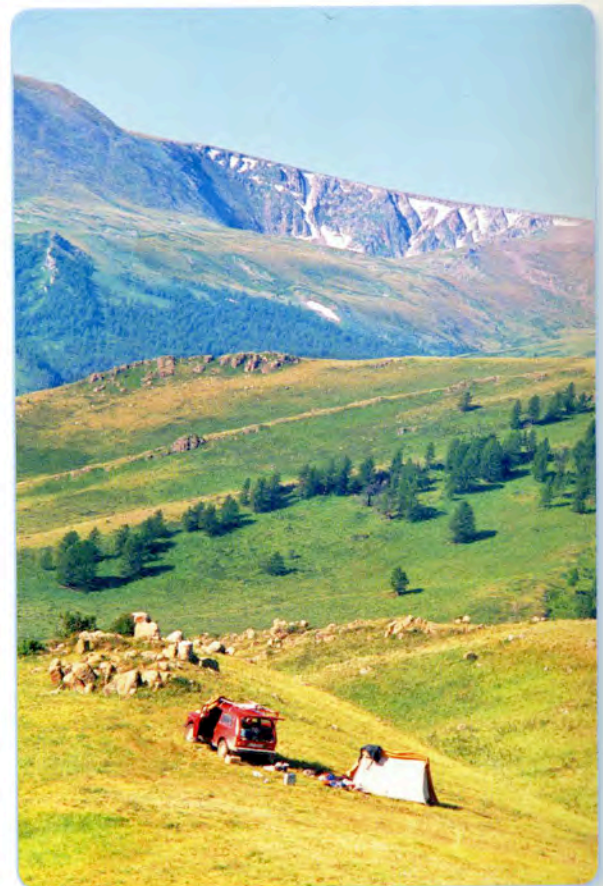
1997 год. «Лунные горы» у Джаркентга.

1997 год. Река Борохузир.

1997 год. Ущелье Коксу в Джунгарском Ала-Тау.

1997 год. Горы Саур. Урочище Кызыл-Кия.

1997 год. Верховья р. Борохудзир. Перевал Уйгентас.

1997 год. Горы Ортогау у Джаркента.

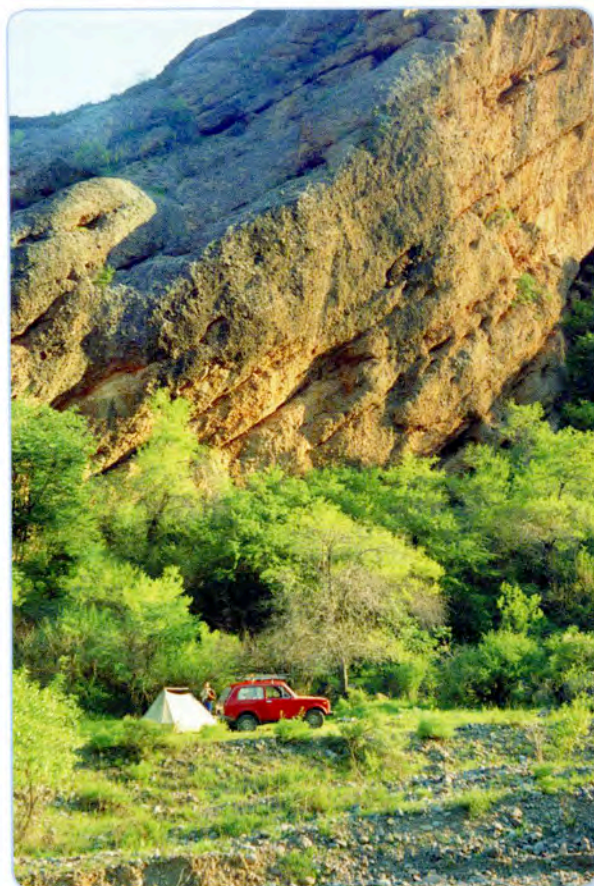
1997 год. Лиственничные рощи в горах Саур.

1997 год. Восточный Казахстан. В горах Саур.

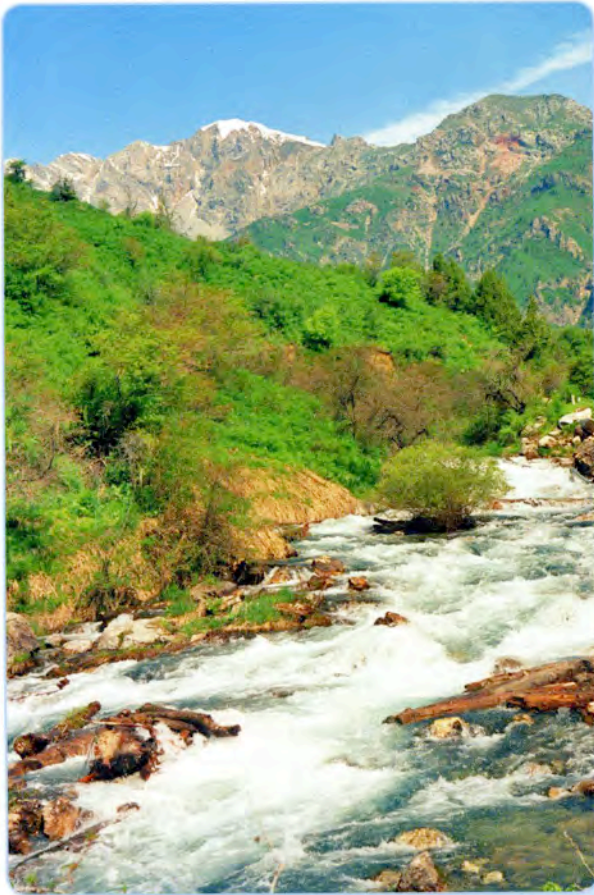
1997 год. Горы Саур. У вершины Таз.

1997 год. Бивуак у озера Сары-Челек.

1997 год. Ночной сбор на реке Кендерлик.

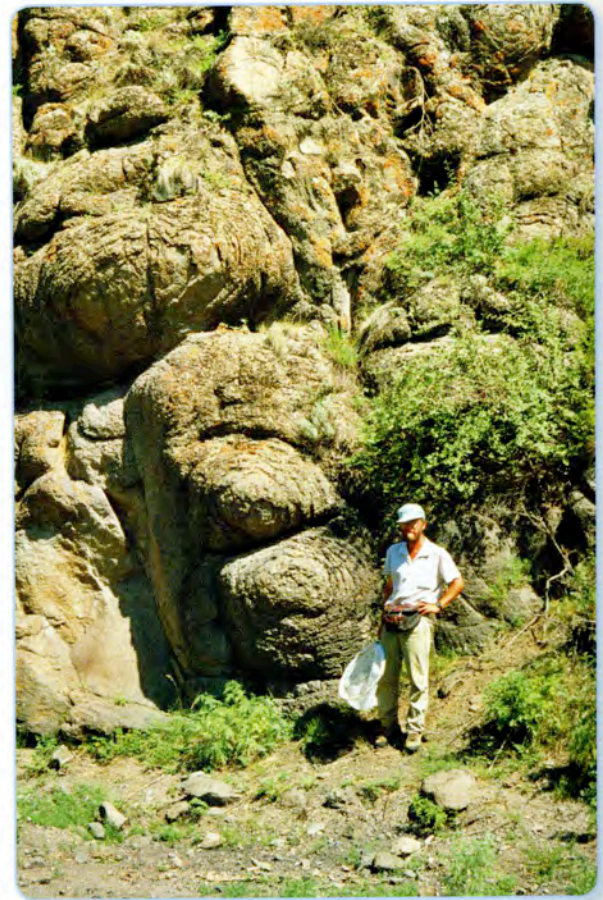
1997 год. Киргизия. Река Сары-Челек.

1997 год. Озеро Сары-Челек.

1997 год. Ореховые леса Западного Тянь-Шаня.

1997 год. Горы Саур. Ущелье Сайкан.

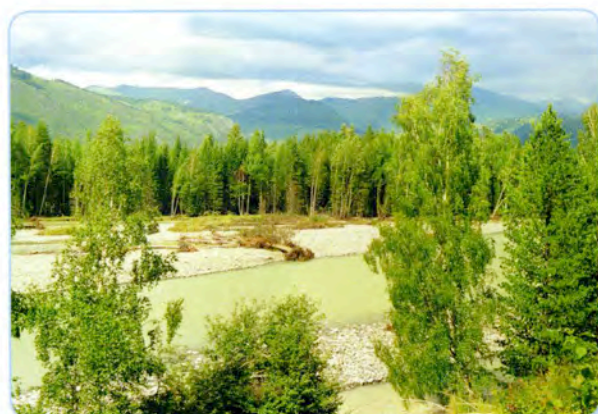
1997 год. Киргизия. Горы Чаткальского хребта.

1995 год. Киргизия. Дорога в Казарман.

1998 год. Зайсанская котловина. Урочище Киин-Кериш.

1998 год. Река Бухтарма у с. Урьль.

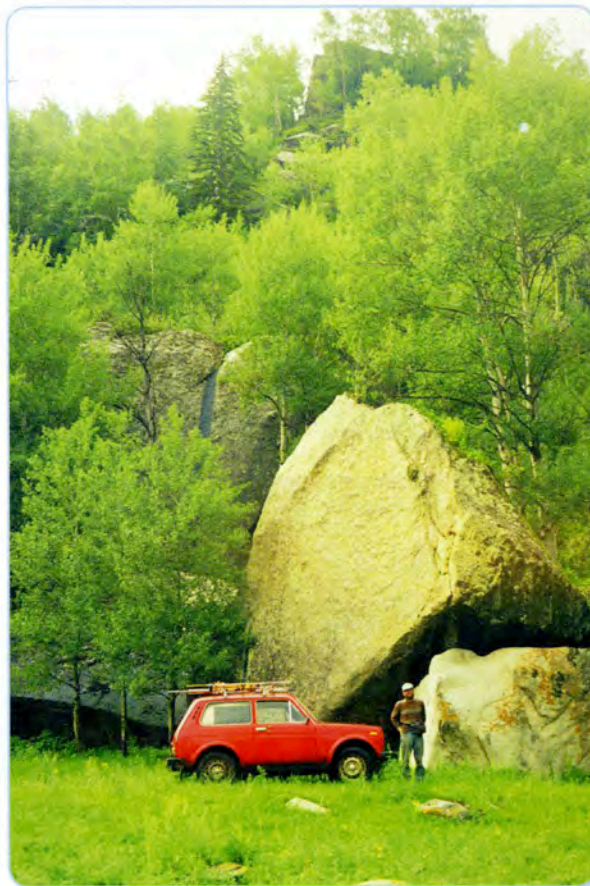
1998 год. Дорога на озеро Маркаколь из Катон-Карагая.

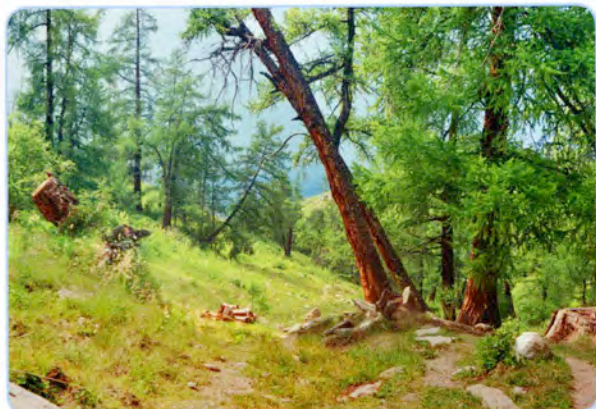
1998 год. Перевал Бурхат. Хребет Сарым-Сакты.

1998 год. Долина реки Белая Берель.

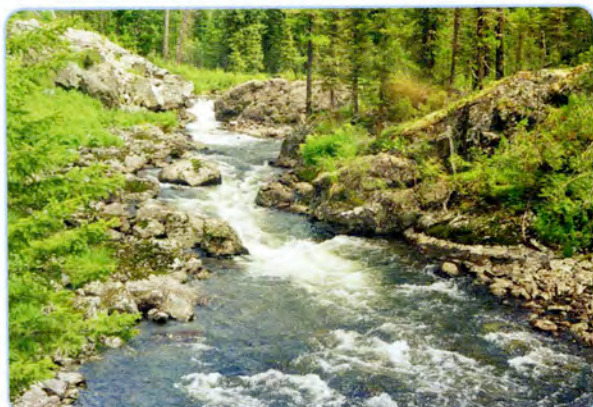
1998 год. В долине Бухтармы.

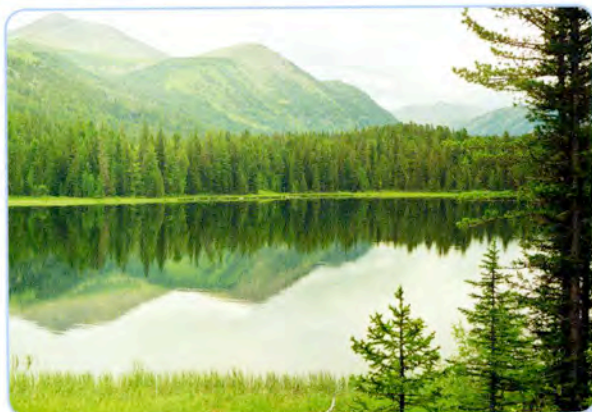
1998 год. Восточный Казахстан. В горах Сарым-Сакты.

1998 год. Южный Алтай. Долина реки Сорвенюк.

1998 год. Южный Алтай. Река Арасанка у Рахмановских ключей.

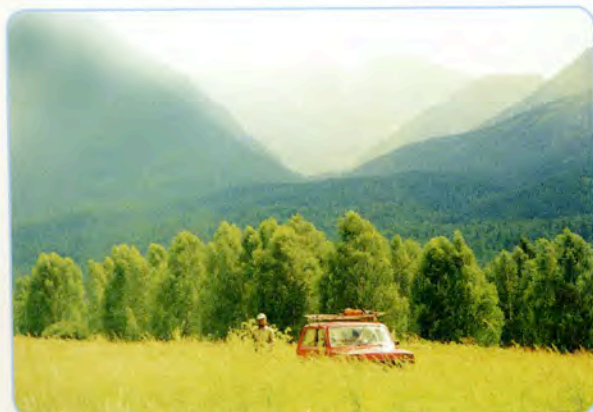
1998 год. Рахмановское озеро.

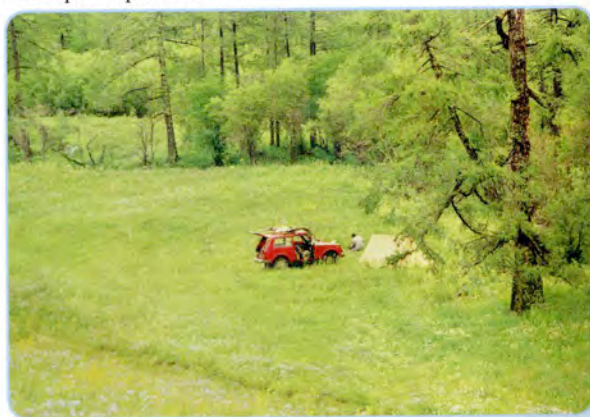
1998 год. Озеро Маркаколь.

1998 год. Южный Алтай. «Австрийская дорога» на озеро Маркаколь.

1998 год. Казахстанский Алтай. В окрестностях Катон-Карагая.

1997 год. Казахстанский Алтай. Бивуак в долине р. Каракабы.

1999 год. Горный Алтай. Гранитные останцы у Кольванского озера.

1999 год. Горный Алтай. Кошагачская степь.

1999 год. Горный Алтай. Курорт Чемал.

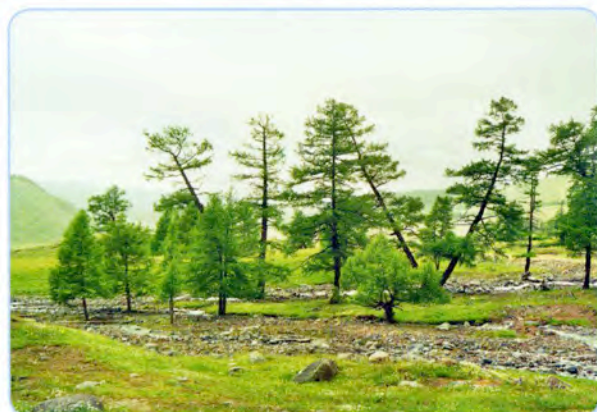
1999 год. Горный Алтай. Река Катунь у Чемала.

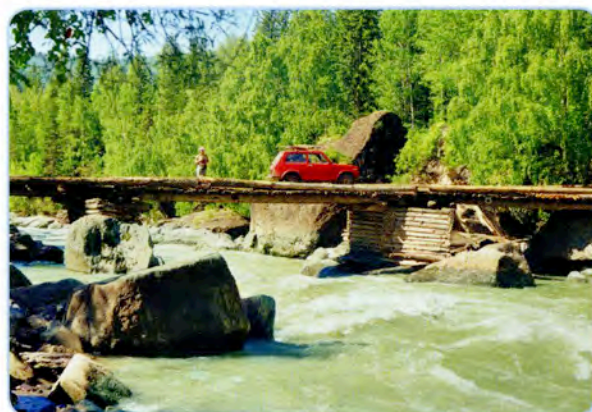
1999 год. Горный Алтай. Любовь к жизни.

1999 год. Горный Алтай. Мост через р. Катунь.

1998 год. Горный Алтай. Лиственничник в верховьях р. Ясатер.

1999 год. Горный Алтай. Мост через р. Чуя.

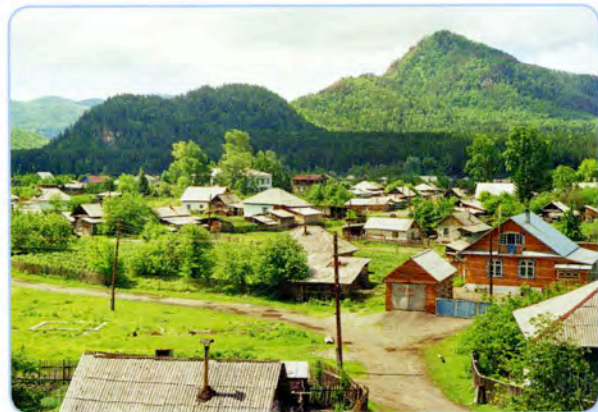
1999 год. Горный Алтай. У лиственницы.

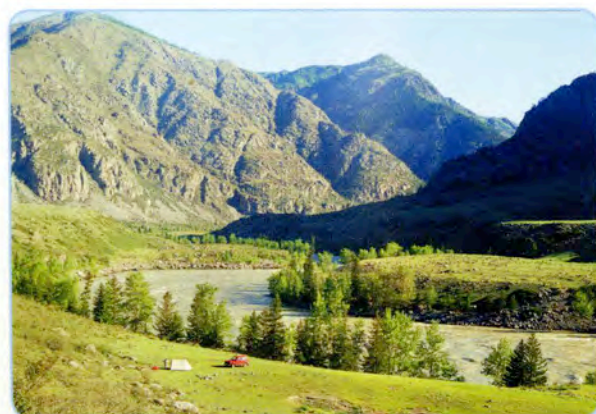
1999 год. Горный Алтай. Чуйская степь.

1999 год. Горный Алтай. Верховья рекиТархатты.

1999 год. Деревня в Горном Алтае.

1999 год. Долина Катуня у Курайской степи.

1999 год. Горный Алтай. Северо-Чуйский хребет.

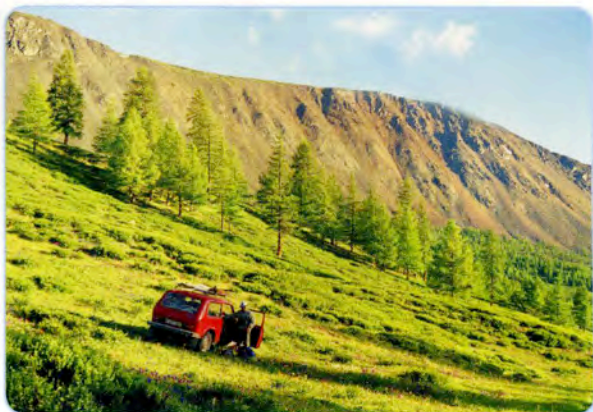
1999 год. Горный Алтай. Река Тархатты.

1999 год. Горный Алтай. Река Чуя.

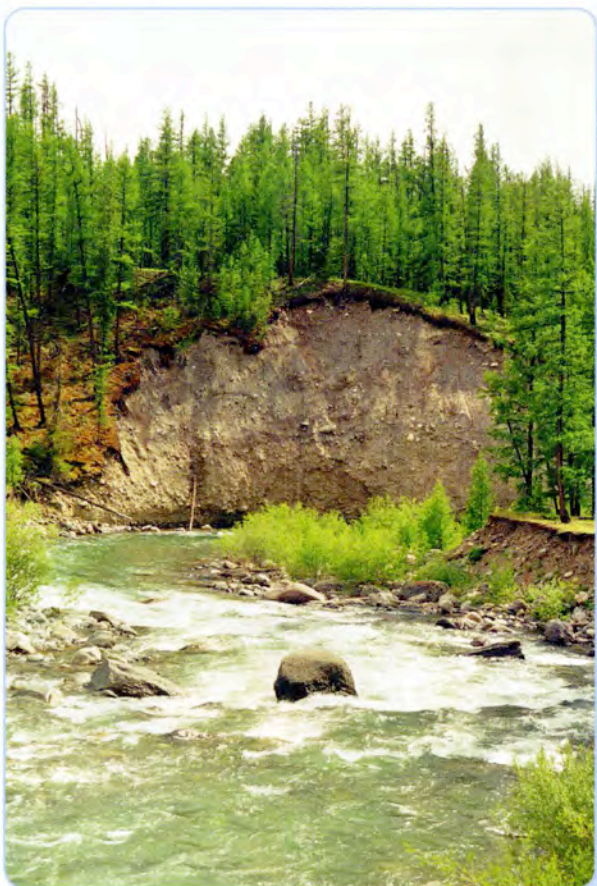
1999 год. Река Чуя.

1999 год Верховья реки Яссатер.

1999 год. Горный Алтай. Утро в долине реки Чуя.

1999 год. Горный Алтай. Река Яссатер.

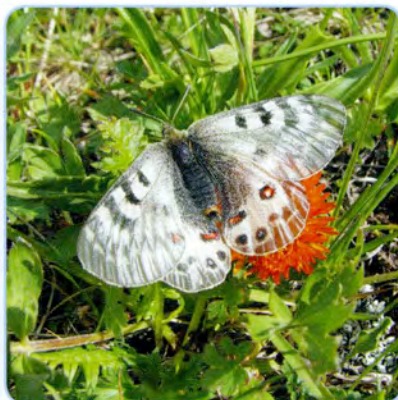
1999 год. Горный Алтай. Курайская степь.

1999 год. Горный Алтай. Бивуак под горой Талдуир.

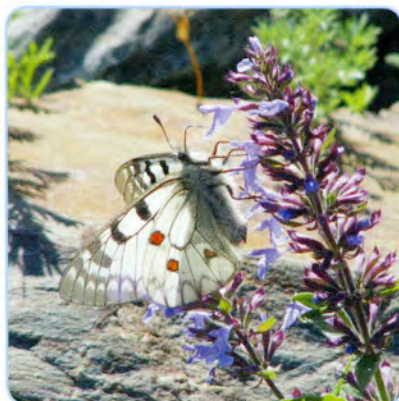
Аполлон. Самец.
Parnassius apollo.

Парусник дельфиус.
Parnassius delphius.

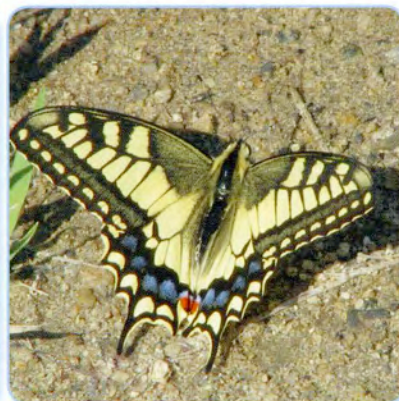
Аполлон Штубендорфа.
Parnassius stubbendorfi.

Алтайский аполлон (клариус).
Parnassius clarius.

Гипермнестра гелиос.
Hypermnestra helios.

Махаон.
Papilio machaon.

Подалирий.
Iphiclides podalirius.

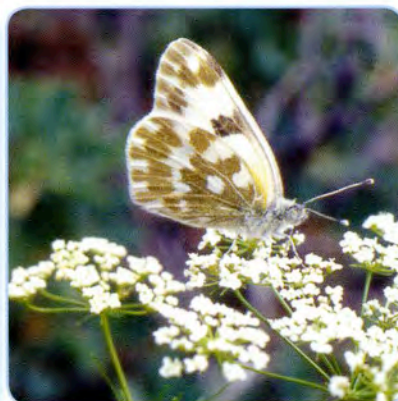
Белянка горошковая.
Leptidea sinapis.

Белянка репная.
Pieris rapae.

Брюквенница, самка.
Pieris napi.

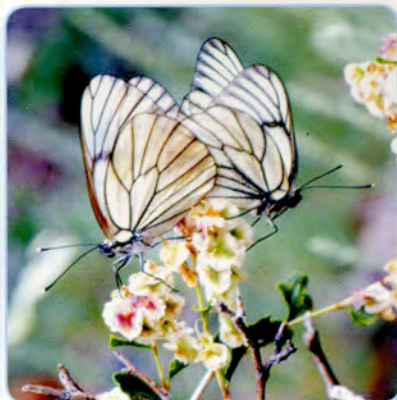
Резедовая белянка.
Pontia daplidice.

Капустница.
Pieris brassicae.

Белянка Эйчбергера.
Pieris deota eitschbergeri.

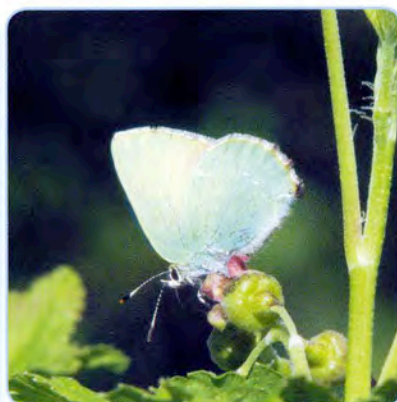
Боярышницы.
Aporia crataegi.

Зорька, самец.
Anthocharis cardamines.

Лимонница.
Gonepteryx rhamni.

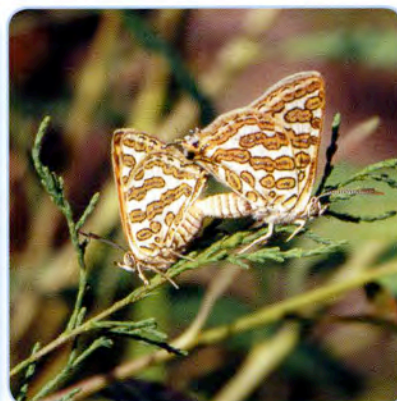
Малинница.
Callophrys rubi.

Хвостатка пруноидес.
Nordmania prunoides.

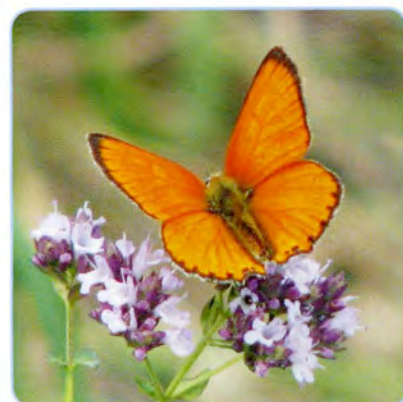
Неолицена Тенгстроема.
Neolycaena tengstroemi.

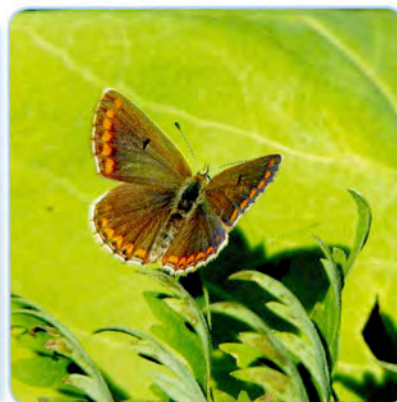
Жемчужные хвостатки.
Cigaritis epargyros.

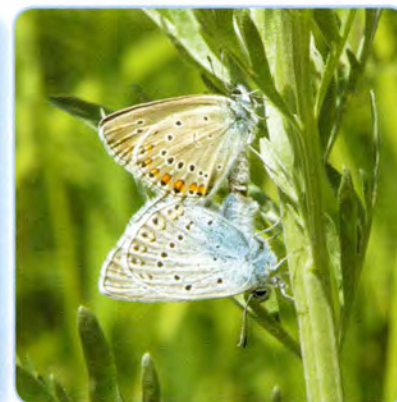
Червонец альцифрон.
Lycaena alciphron.

Червонец огненный.
Lycaena virgaureae.

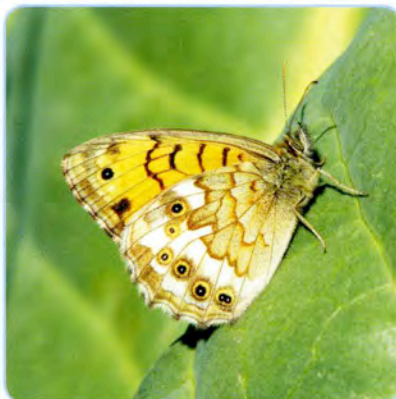
Голубянка агестис.
Polyommatus agestis.

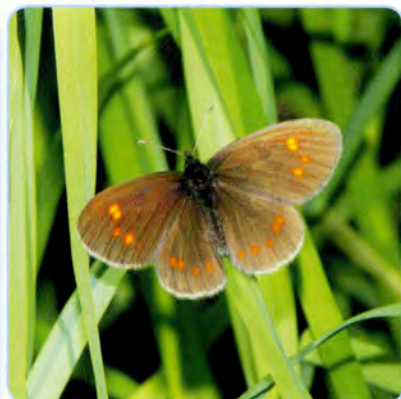
Голубянки аманда.
Polyommatus amandus.

Голубянка эумедон.
Eumedonia eumedon.

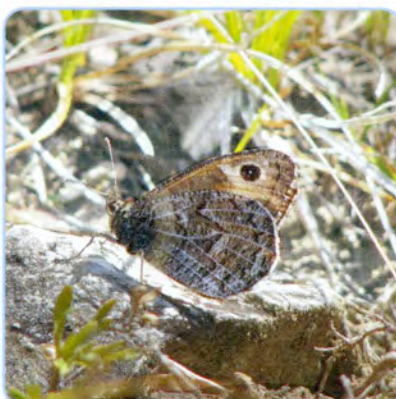
Краеглазка Эверсмана.
Esperarge evermanni.

Чернушка туранская.
Erebia turanica.

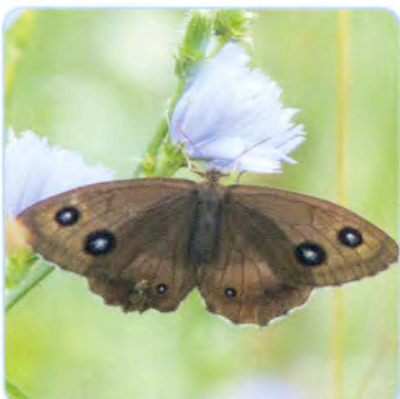
Энеис гора.
Oeneis hora.

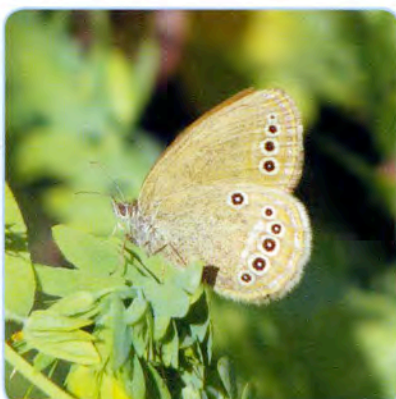
Сатир автоноя.
Hipparchia autonoe.

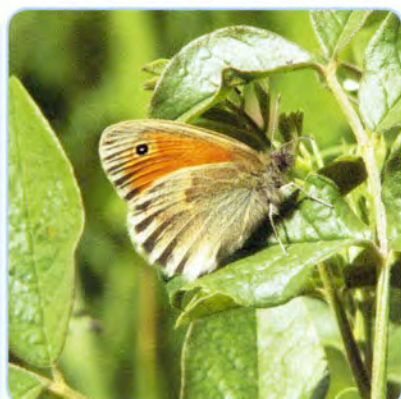
Сатир дриас.
Minois dryas.

Сатир дриас.
Minois dryas.

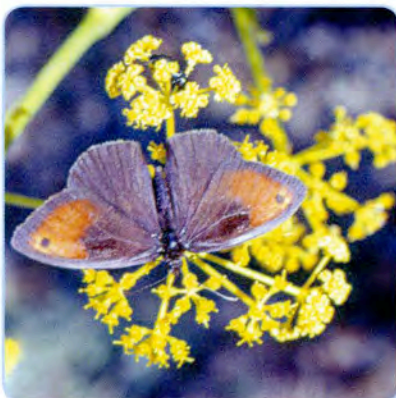
Сенница эдиппус.
Coenonympha oedippus.

Сенница памфил.
Coenonympha pamphilus.

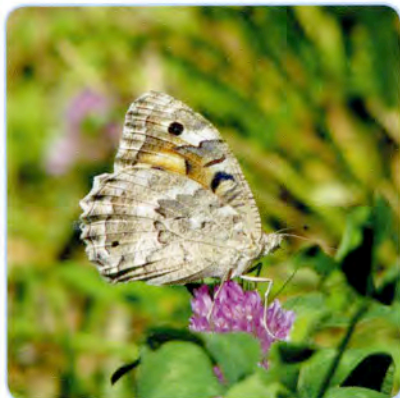
Гипонефоле нарицина.
Hyponephele naricina.

Паралаза богутена.
Paralasa bogutena.

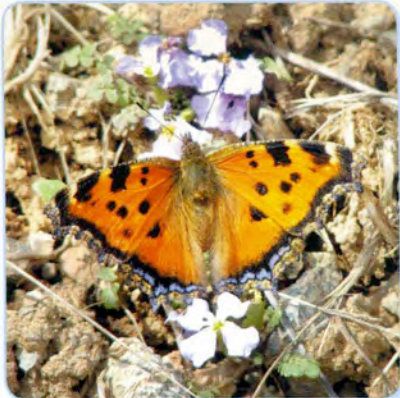
Меланаргия (Галатея).
Melanargia parce.

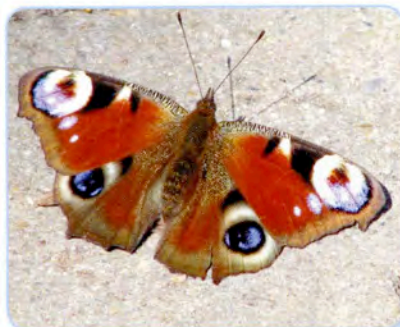
Хазара энервата.
Chazara enervata.

Репейница.
Cynthia cardui.

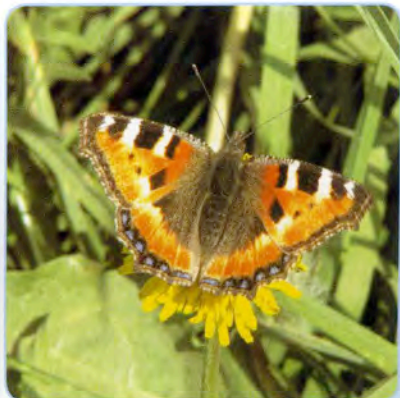
Многоцветница.
Nymphalis xanthomelas.

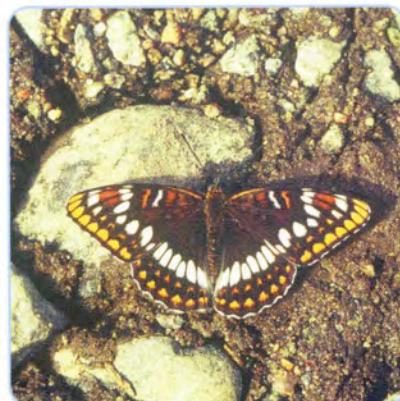
Павлиний глаз.
Inachis io.

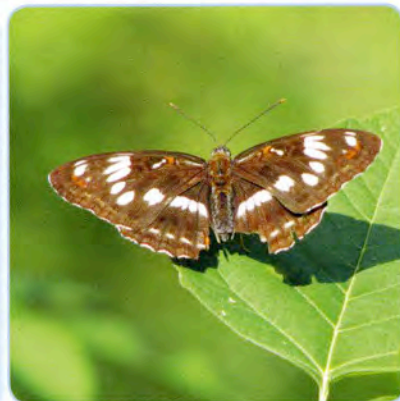
Углокрыльница L-белое
Polugonia vaualbum.

Крапивница.
Aglais urticae.

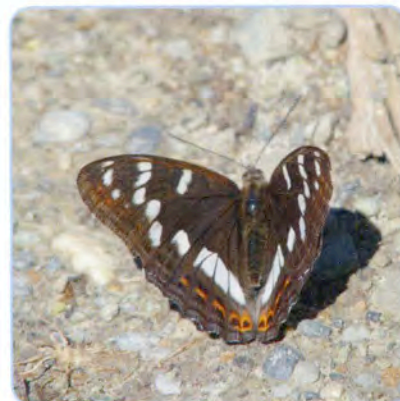
Ленточник Лепехина.
Limenitis lepechini.

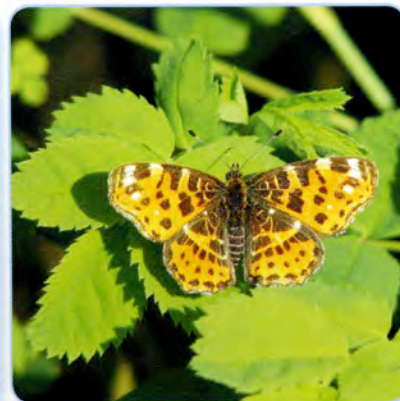
Ленточник Гельмана.
Limenitis helmanni.

Ленточник Сиды.
Limenitis sydyi.

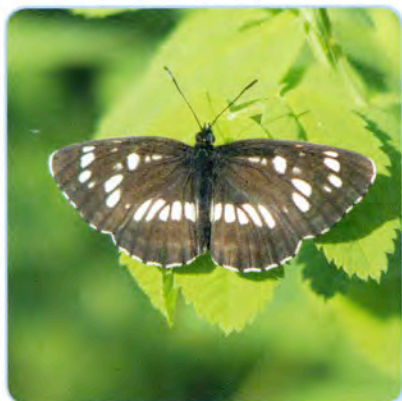
Ленточник тополевый.
Limenitis populi.

Арашния левана.
Araschnia levana.

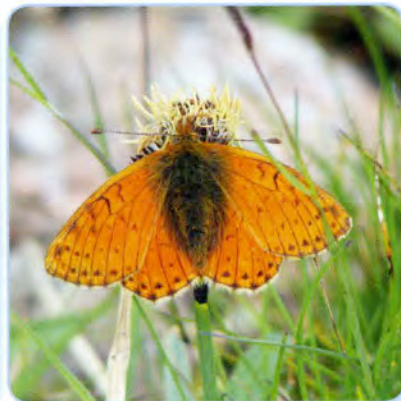
Арашния левана.
Araschnia levana.

Пеструшка таволговая.
Neptis rivularis.

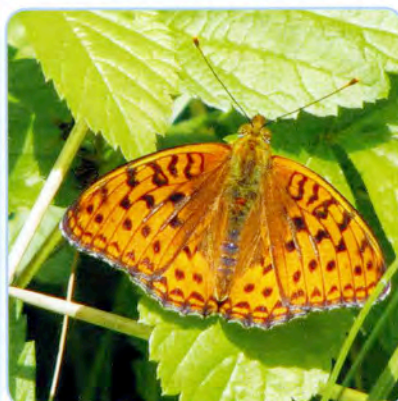
Перламутровка гегемона.
Clossiana erubescens.

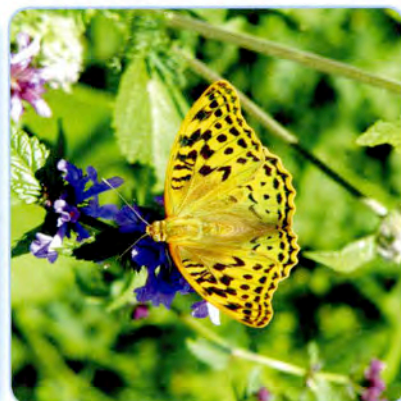
Перламутровка генератор.
Boloria generator.

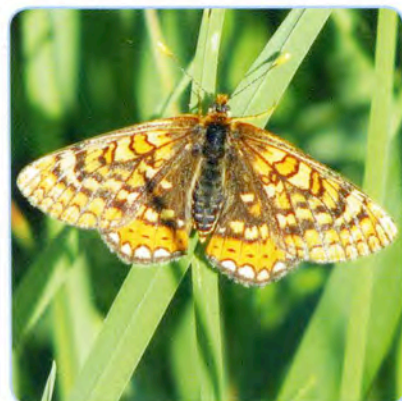
Лесная перламутровка.
Argynnis raphia.

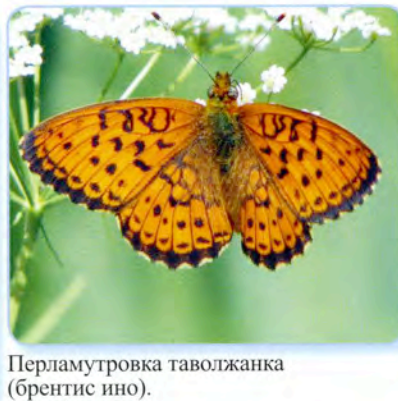
Перламутровка адиппа.
Argynnis adippe.

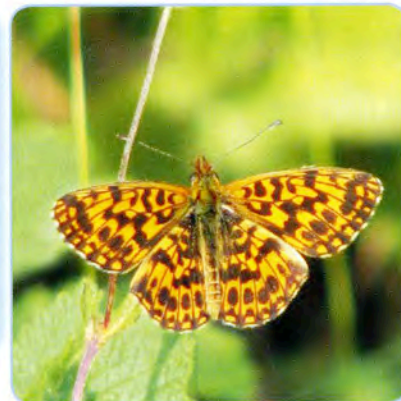
Перламутровка Пандора.
Argynnis pandora.

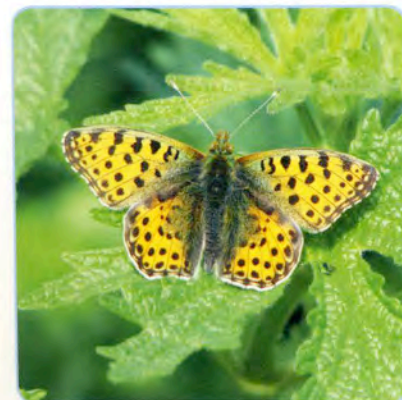
Мелитея ауриния.
Euphydryas aurinia.

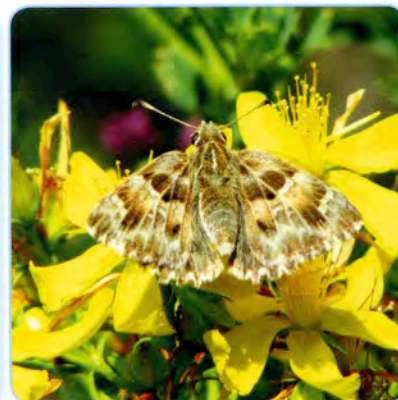
Перламутровка таволжанка
(брентис ино).
Brenthis ino.

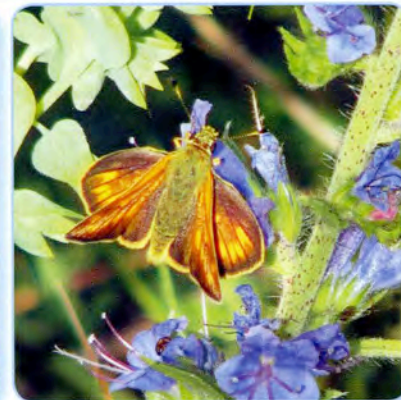
Перламутровка дия.
Clossiana dia.

Перламутровка полевая (латония).
Issoria lathonia.

Толстоголовка алцея.
~~*Ochlodes sylvanus.*~~
Carcharias flocciferus

Толстоголовка лесная.
Ochlodes sylvanus.

ВЛАДИМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ ЛУХТАНОВ.

Родился в 1958 году в городе Зыряновске Восточно-Казахстанской области. В 1980 году окончил биологический факультет Ленинградского университета. Профессор С-Петербургского университета. Ведущий научный сотрудник Зоологического института РАН. Доктор биологических наук. Автор книги «Дневные бабочки Северо-Западной Азии» и многочисленных научных статей по проблемам эволюции живых организмов и систематике бабочек.

АЛЕКСАНДР ГРИГОРЬЕВИЧ ЛУХТАНОВ.

Родился в 1934 году в городе Семипалатинске. Горный инженер-маркшейдер. С 1957 по 1990 год работал на рудниках Зыряновского Свинцового комбината. Автор книг: «Филин», «Лесная Пристань», «Тропинками радости», «Медвяная роса», «Лесное фотоателье», «Путешествие за птицами», «Военные огороды», «Город Верный и Семиреченская область», «Легенда о Черном Альпинисте» (в соавторстве), «Дневные бабочки Северо-Западной Азии» (в соавторстве).

